

Қазақстан Республикасы мәдениет Министрлігі
Шығыс Қазақстан облысының мәдениет,
мұрағаттар және құжаттама басқармасы
Шығыс Қазақстан облысы мәдениет, мұрағаттар және құжаттама
басқармасының «Мемлекеттік мұрағаты» КММ

Қазақстан Республикасы Білім және Ғылым Министрлігі
С. Аманжолов атындағы Шығыс Қазақстан мемлекеттік университеті

**«ҰМЫТЫЛМАС ҮШІН БІЛУ: XX ҒАСЫРДЫҢ
20-50і ЖЫЛДАРДЫҢ БАСЫНДАҒЫ
ТОТАЛИТАРЛЫҚ БІЛІК ЖӘНЕ ХАЛЫҚ»
Халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференциясы
30-31 мамыр 2014 жыл**

*Материалы международной
научно-практической конференции
«ЗНАТЬ, ЧТОБЫ НЕ ЗАБЫТЬ:
ТОТАЛИТАРНАЯ ВЛАСТЬ И НАРОД
в 20 - начале 50-х годов XX века»
30-31 мая 2014 года*

Министерство культуры Республики Казахстан
Управление культуры, архивов и документации
Восточно-Казахстанской области
КГУ «Государственный архив» управления культуры,
архивов и документации Восточно-Казахстанской Области

Министерство образования и науки Республики Казахстан
Восточно-Казахстанский государственный университет
им. С. Аманжолова

Өскемен - Усть-Каменогорск, 2014

УДК 94(100)
ББК 63.3 (0)
З-74
ГРНТИ 03

Бас редактор: Аубакиров А.А.

Редакция алқасының мүшелері: Ахметова Г.М., Жанбосинова А.С.,
Қазбекова А.Т., Рифель Л.П.,

Главный редактор: Аубакиров А.А.

Редакционная коллегия: Ахметова Г.М., Жанбосинова А.С., Казбекова А.Т., Рифель Л.П.

Ұ50 «ҰМЫТЫЛМАС ҮШІН БІЛУ: XX ғасырдың 20-50і жылдардың басындағы ТОТАЛИТАРЛЫҚ БИЛІК ЖӘНЕ ХАЛЫҚ»: Халықаралық ғылыми-тәжірибелі- начале 50-х годов XX века» 30-31 мая 2014 года. Усть-Каменогорск: «Медиа-Альянс», 2014. - 577 с.

ISBN: 978-601-7378-48-6

Конференция материалдары, XX ғасырдың 20-50-ші жылдары тоталитарлық жүйе кезеңіндегі саяси қуғын-сүргін тарихына, оның теориялық-әдістемелік және тұжырымдамалы мәселелеріне, ғылыми айналымға енгізілетін мұрағат материалдарын талдау және қайта ойлау сұрақтарына арналған. Ғылыми жинақта тоталитарлық жүйенің қалыптасу мәселелері, ұжымдастыру саясаты және орның салдары, жер аударулар және этникалық тазалау мәселелері бейнеленеді, қуғын-сүргіннің әдеттегі ахуалы және тоталитарлық тәртіп саясаты арқылы қаралған адам тағдырлары көрсетілген.

Материалы конференции посвящены истории политических репрессий в период тоталитарной системы в 20-50-х годах XX века, ее теоретико-методологическим и концептуальным проблемам, вопросам анализа и переосмысления архивных материалов, вводимых в научный оборот. В научном сборнике нашли отражение проблемы становления тоталитарной системы, политика коллективизации и ее последствия, депортации и этнические чистки, показаны человеческие судьбы в призме повседневности репрессий и политики тоталитарного режима.

ISBN: 978-601-7378-48-6

©Өскемен - Усть-Каменогорск, 2014

СОДЕРЖАНИЕ:

<i>Предисловие</i>	7
<i>Шығыс Қазақстан облысы Әкімі Бердібек Машбекұлы Сапарбаевтың құттықтау сөзі</i>	11
<i>Абсеметов М.О.</i> «Архивные документы о великом голоде в Казахстане»	15
<i>Аубакиров А.А.</i> «Пусть буду жертвой за тех – кто является действительно виновным...»	19
<i>Аманжолова Д.А.</i> «Этничность в сталинском СССР (1930-е гг.)»	27
<i>Аблажей Н.Н.</i> «Кампания внутренней передислокации спецпоселенцев в Казахской ССР в начале 1950-х гг.: не-реализованная директива»	37
<i>Абдрахманова К.К.</i> «История культуры повседневности советского человека в послевоенные годы (на примере городов Центрального Казахстана)»	49
<i>Айсанов Б.К.</i> «Сельское хозяйство на территории Карлага до коллективизации (по документам научного кабинета Карлага ОГПУ)»	64
<i>Аупенова А.У.</i> «Исторический анализ норм довольствия заключенных Карагандинского исправительно-трудового лагеря»	72
<i>Арипова Ш.Т.</i> «Мұрағат құжаттарындағы зұлматты жылдар айғағы»	87
<i>Билан С.А.</i> «Репрессии сталинского режима против работников сельского хозяйства Украины»	94
<i>Будзанивская Н.В.</i> «Отношения В.И. Вернадского и А.Ю. Крымского, как зеркало жизни интеллигенции в тоталитарный период»	107
<i>Булгакова О.В.</i> «Из истории развития исторической науки в Украине (вторая половина 1940-х – 1950-е гг.)»	118

Беркун О.Е. «Архивные материалы о коллективизации (по материалам Государственного Архива Карагандинской области)»	128
Васильева О.А. «Теоретико-историографический аспект этнодепортационного репрессивного процесса (на примере вайнахских народов)»	134
Грибанова Е.М. «Заметки по поводу стратегии и тактики выживания в условиях государственной репрессивной политики»	150
Ершов М.Ф. «Власть и традиционная культура в творчестве Е.Д. Айпина»	161
Ефремова-Шершукова Н.А. «Основные тенденции и противоречия политики советской власти в отношении немцев Казахстана»	178
Жанбосинова А.С. «Человеческие судьбы в зеркале политических репрессий советской эпохи»	192
Жидченко А.В. «Быт и повседневная жизнь заключенных вначале 1950-х гг. (По материалам военизированных строительных отрядов омского Городка Нефтяников)»	209
Жириндинова К.Р. «Шығыс Қазақстандағы күштеу саясатының зардаптары: аштық және көші - қон»	224
Жанбосинова А.С., Казбекова А.Т. «Немцы Восточного Казахстана в контексте советской политики в 1940-1950-е годы»	237
Красильников С.А. «Охранительность как системная характеристика сталинского режима: к вопросу о роли и функциях репрессий в квазисудебной форме»	248
Капаева А.Т. «Репрессии против интеллигенции в Казахстане»	257
Кабиrowa А.Ш. «Налогообложение сельского населения в годы Великой Отечественной войны (по материалам Татарской АССР)»	269
Комиссарова И.А. «Прямые налоги впервые годы нэпа: государственная политика и плательщики (некоторые аспекты проблемы)»	279

Красовицкая Т.Ю. «Этнокультурный дискурс в революционном дизайне февраля-октября 1917 г.»	298
Карамжан К.С. «Қазақ жастарының 50-70 жж. кеңестік тоталитарлық жүйеге қарсы наразылығы»	312
Қадырова Л.Қ. «Ж. Аймауытовтың Семейдегі кездері мұрағат құжаттары бойынша...»	319
Құдайбергенова А.И. «XX ғ. 20-30 жж. Қазақстан халқы (сандар сөйлейді)»	325
Москаленская Д.Н. «Пути адаптации бывших священнослужителей - «лишенцев» Западной Сибири в условиях постреволюционной эпохи»	336
Молодов О.Б. «Северное православное духовенство во второй половине 1940-х гг.: масштабы репрессий»	350
Мухаметжанова Н.А. «Ату жазасына кесілген жалғыз қазақ қызы - Шахзада Шонанова хақында»	359
Мухаметжанова Н.А., Аманбекова Н.Д. «Зыряндағы зобалаң»	368
Макажанова К.Г. «Годы трагедии и скорби»	375
Омакаева Э.У., Борлыкова Б.Х. «Песенный фольклор и тоталитарное общество: на материале калмыцких песен до и после депортации (30-50-е гг. XX в.)»	387
Психомахова А.Р. «Тоталитарный режим в судьбе лидеров Баксанского мусульманского просветительского центра» ...	396
Рифель Л.П. «Трагедия сплошной коллективизации в документах Государственного Архива Восточно-Казахстанской Области»	401
Рифель Л.П. «Скорбь и горечь целого народа... (депортация населения с Северного Кавказа по материалам ГАВКО)» ...	420
Рысбекова С.Т. «Деятельность общественных организаций Казахстана в условиях командно-административной системы (20-30 гг. XX в)»	430
Смағұлова С.О., Бекназаров Р.А. «XX ғ. 20-30 жж. дін мәселесіне қатысты кеңестік саясат»	446
Салонен А. «Финляндия азаматтары - сталиндік қуғын-сүргіннің құрбандары»	456

Тепляков А.Г. «Строитель Турксиба Владимир Шатов – неизвестные страницы биографии»	462
Тлеубергенева С.И. «Тоталитарный режим 30-40-годов XX века - в архивных документах и воспоминаниях очевидцев»	472
Тлеубергенева С.И. «Жизнь в депортации по материалам архивных документов Зыряновского района»	484
Халидулин Г.Х. «Қазақ шаруаларының 20-30 жж. аштық пен демографиялық қасіреті»	500
Хисамутдинова Р.Р. «Голод в уральской деревне в годы Великой Отечественной войны»	520
Ханипова И.И. «Голод начала 1930-х гг. в Поволжье и детская беспризорность (на материалах Татарской АССР)»	539
Щеглова Т.К. «Жилище раскулаченных и депортированных в условиях принудительных переселений 1920-1940-х гг.: материал, технологии и типы по устным историческим источникам»	554
Список авторов	572

Предисловие

История советского прошлого – одно из интересных направлений исторического познания. 70 летний период советской истории, затем продекларированный этап перестройки, гласности и демократизации, кардинальные изменения, сопровождавшиеся крахом социалистической системы и становлением новых международных стандартов отношений на постсоветском пространстве, обусловили сдвиги в развитии отечественной исторической науки. В общественном сознании неожиданно появились глубокие ниши, так называемые прорехи, которые стали заполняться популистскими статьями по истории «белых пятен», далекими от аналитики и источников. Ранее закрытая тема выплеснула поток информации, порой полуправды, полулжи. Все стали рассуждать о миллионах репрессированных и приговоренных к высшей мере наказания с позиции «ГУЛАГа» А. Солженицына и «миллионов», оказавшихся в лагерях Г. Вернадского, без опоры на весомые источники. В публикациях репрессивной политике порой придается массовый, всеобщий характер: преобладание эмоций, политическая идеологизированность настроений авторов порождает тотальную масштабность репрессий.

Советская эпоха, которой посвящена конференция «Знать, чтобы не забыть: тоталитарная власть и народ в 20 - начале 50-х годов XX века», сложна и противоречива, судьбы народов, как нашего Отечества, так и ближнего зарубежья сплетены в исторический клубок, порой неоднозначная трактовка событий советского времени на современном этапе требует от нас историков, архивистов системного и объективного подхода, честности и ответственности в оценке анализа событий прошлых лет, выработки методологии и методики работы как с опубликованными, так и массивом неопубликованных источников, специфики определения их подлинности и достоверности. Наше историческое прошлое двояко, с одной стороны, это успехи в экономике, достижения в науке, стахановское движение и прочие победы, с другой это лагерная паутина, опутавшая весь Советский союз, в т.ч. и Казахстан. Но это наша история, старшее поколение ностальги-

рует, молодое отторгает, без прошлого нет будущего, истина в архивных документах, это безмолвные свидетели прошлого и наша задача помочь им «говорить».

Репрессивная политика Советского государства, насилие – это постоянный перманентный поиск внутреннего врага, виновного во всех бедах и неудачах страны на экономическом и политическом поприще. Репрессивная политика в широком смысле этого слова – политическое насилие, наказание, система мер применяемых государственными органами с целью подавления всякого инакомыслия, это характерно для тоталитарного государства.

«Арест», «приговор», «тюрьма», «ссылка» – эти слова долгое время были в обиходе советских людей, их произносили не задумываясь. Как известно, народ, который не помнит своего прошлого, обречен на его повторение в будущем. Чтобы проложить путь к этому лучшему будущему, мы должны, в первую очередь, воскресить из небытия свое прошлое, и, может быть, трагические его страницы станут для нас важнее наших достижений недавнего прошлого. К сожалению, это не самые красивые страницы нашей истории, но мы не можем лгать будущим поколениям, мы не имеем права забыть ее, говоря словами Л. Толстого «замалчивание – это ложь».

История становления и деятельности органов государственной безопасности, силовых ведомств долгое время представлялась в идеализированном варианте. Столь мифический образ был нарушен этапом реабилитации и пересмотра дел репрессированных, когда были выявлены массовые нарушения законности. В итоге под впечатлением ужасающих преступлений появились тенденциозные статьи, авторы которых потеряли чувство меры и объективности, считая силовые структуры главным виновником всей репрессивной политики. Псевдонаучные спекуляции вокруг силовых структур способствовали лишь росту различного рода слухов и инсинуаций.

В истории нашего государства был когда-то предпринят беспрецедентный шаг по уничтожению духовности, морали через ликвидацию религиозных институтов и конфессиональных

лидеров.

Востребованность исследований проблематики репрессивной политики Советского государства в 20-50-е годы прошлого столетия носит актуальнейший характер с введением в научный оборот целого ряда архивных документов, с теоретико-методологическим переосмыслением исследовательской практики советской эпохи. Актуальность проведенной конференции и изданного сборника объясняется не снижающимся интересом к истории тоталитарного режима, к сталинизму, с научной необходимостью более детального исследования политических репрессий.

Сегодня мы имеем колоссальное количество публикаций, научных статей, монографий, защищенных диссертаций, посвященных теме сталинизма, насильственной коллективизации, депортации, лагерной системе и многим другим аспектам репрессивной политики. Вместе с тем, историческая наука не может поставить точку, завершить и закрыть столь острую тему, т.к. каждый раз возникают новые вопросы, новые взгляды, новые методы и новые источники.

Материалы сборника Международной конференции «Знать, чтобы не забыть: тоталитарная власть и народ в 20 - начале 50-х годов XX века» должны показать позиции ученых по проблемам политических репрессий, сравнить исследовательское поле и научные направления историков разных стран, выявить многогранность темы и новые подходы.

Содержание конференции охватывает такие направления как: тема голода 1932-1933 гг. в современной исторической памяти; масштабы и последствия репрессий, демографическая катастрофа: уроки истории; человеческие судьбы в условиях тоталитарного режима; история повседневности советского человека в условиях тоталитарного режима; инакомыслие и сопротивление тоталитарному режиму; власть, террор и религия; интеллигенция и власть: от сотрудничества к репрессиям.

Цель конференции заключается в том, чтобы способствовать консолидации общества, воспитанию патриотизма и гражданственности, путем формирования единого исторического постсоветского пространства в оценке репрессивной политике

советской власти, выработке единой исторической концепции объективной правде о преступлениях тоталитарного режима.

Президент РК Н. Назарбаев отмечал: «...Порой возникает непонимание необходимости осмыслить наше тоталитарное прошлое. Между тем, я глубоко убежден в том, что уроки истории надо осваивать постоянно, из поколения в поколение».

Научные доклады, опубликованные в сборнике представляют ученые не только Казахстана, но и Украины, Финляндии, Российской Федерации в том числе Татарстана, Калмыкии. В опубликованных материалах нашли отражение анализ архивных документов по истории репрессий, вопросы депортации и этнических чисток, повседневность в условиях тоталитарного режима, борьба с инакомыслием и интеллигенцией, последствия коллективизации, человеческие судьбы, потери, трагедии и т.д.

Символично проведение данной конференции накануне дня Памяти жертв политических репрессий, символично вдвойне, что одним из первых законов, принятых Республикой Казахстан был Закон от 14 апреля 1993 года «О реабилитации жертв массовых политических репрессий», 31 мая Указом от 5 апреля 1997 года стал Днем памяти жертв политических репрессий.

Эпоха тоталитарной власти и политических репрессий уходит в прошлое все дальше и дальше, общественное сознание и восприятие трагического времени эволюционирует в сторону лояльного отношения, порой историческая ложь превалирует в историописании тоталитарного режима, уходит целое поколение очевидцев, кто мог бы свидетельствовать, обвинять, рассказать.

Материалы Международной конференции «Знать, чтобы не забыть: тоталитарная власть и народ в 20 - начале 50-х годов XX века» и сама конференция служат гарантом сохранения памяти о политических репрессиях и не допущения их повторения в будущем.

Жанбосинова А.С. доктор исторических наук,
профессор кафедры истории Казахстана
ВКГУ им. С. Аманжолова

Шығыс Қазақстан облысы Әкімі Бердібек Машбекұлы Сапарбаевтың құттықтау сөзі

Құрметті конференция қатысушылары, саяси қуғын-сүргіндер құрбандарының Жады күніне орай жүргізілетін конференция символды, өйткені Қазақстан Республикасы қабылдаған Заңдарының бірі, ол 1993 жылғы 14 сәуірдегі «Жаппай саяси қуғын-сүргіндер құрбандарын ақтау туралы» Заң болып табылады. ҚР 1997 жылғы 5 сәуірдегі Жарғысы бойынша 31 мамыр саяси қуғын-сүргіндер құрбандарының Жады күні болып саналады.

Толық емес деректер бойынша, қайғылы дәуірде 103 мың адам жазаланып 25 мыңнан астам атылды, қуғын-сүргін тек қазақ халқына тиген жоқ, бұл көп ұлтты қуғын-сүргін деп айтса да болады.

Қазіргі демократия атасы, Томас Джефферсон «Егер тәрбиесіз болып онымен қатар тәуелсіз болғысы келген ұлт – ешқашан болмаған және ешқашан болмайтын нәрсені қалаған» деп жазған, біздің ұрпақтарымыз кеңес өкіметі кезеңінде жабық болған, олардың қайталануына жол бермеу үшін тарихтың алапат беттері туралы шындықты білу керек. Жаппай саяси қуғын-сүргіндер және аштық жылдарында адамзат құқықтарының бұзылуы, соттан тыс жазалау саясаты, адамның өмірі мен бостандығы оның нақты істеріне байланысты болмайтын болды. Өкімет кез келген отбасының, әр адамның өміріне басып кірді.

Жазалау шараларын ақтау үшін заңдылық базасы жинақталды, онда қылмыстардың жалпы ережелері мен нақты құрамы екіұшты сөздермен жазылған соң тергеу және сот органдары кез келген істі бұрмалау үшін кең өкілеттік алды.

«Біз әр жауды, ол қарт большевик болса да, жоямыз, біз оның бүкіл тегін, оның отбасын жоямыз. Әр қайсысын, өзінің әрекеттерімен және ойымен, ия, ойымен де, социалистік мемлекеттің бірлігіне қастандық жасаса, аямай жоямыз». «Халық жауларын» тек күш жұмсап ғана емес, адам екенін естен кетіруге, олардың отбасыларын жазалауға және соларға арнаулы құрылған лагерлерде туысқандарын және жақындарын ұстап айыруға тырысқан.

Кеңес өкіметі жылдарында саяси уәж бойынша жаппай қуғын-сүргінге миллиондаған адам тартылды, және осы уақытқа дейін зардап шеккендердің дәл саны анықталмаған. Белгілі бір нәрсе, Үлкен террор жылдарында (1937-1938) ғана саяси айып бойынша 1,7 млн адам тұтқындалды. Қуғын-сүргіндер барлық аймақтарды және бірін қалдырмай қоғамның барлық топтарын қамтыды. Сол саясаттың ерекшелігі сонша, айқын саяси оппоненттеріне қарсы бағытталғаны емес, оның жалған дұшпандарға қарсы бағытталғаны еді. Соның өзінде, адамдардың көпшілігі олардың қайсы бір сөздері немесе әрекеттері үшін емес, өкімет дұшпаны деп жария қылған, немесе өзге топқа тәнділігі үшін жазалау шараларына тартылды. Соғысқа дейінгі жылдарда бүкіл халықты жаппай көшіру процессі басталды. Депортацияның құрбандары поляктар, курдтар, кәрістер, буряттар, шешендер... болды, ұлттық тәнділігі бойынша 3,5 миллион адам жазаланды. Қазақстан үшін саяси қуғын-сүргіндер құрбандарының Жады күнінің ерекше мәні бар, өйткені қазақ елі жер аударып жіберілген халықтарды жылулықпен қарсы алды. Соның арқасында көбінің тоталитаризмнің қанды машинасының алдында тірі қалып төтеп беруге шамалары жетті.

Қазақстан – саяси қуғын-сүргіндер құрбандарының Жады күні бар әлем елдерінің бірі. Президент Жарғысымен біздің республикамызда, сталинизм жылдары заңсыз айыпталғандардың барлығы ақталды, ал бұрынғы ларгерлер орналасқан жерлерде мұражайлар мен мемориалдар ашылды. Мемлекет, жаңа ұрпақтармен тарихтың қайғылы беттері ұмытылмас үшін барлығын істеп жатыр. Тоталитарлық тәртіптің ауыр мұрасы бүгінде сол оқиғаны бастан кешкендердің жүректерінде жаңғырығын қалдырды. Сондықтан, қуғын-сүргін жылдары жазықсыз қаза тапқандарды есте сақтап қалуға міндеттіміз.

Осы заманғы қазақстандықтар ұрпағы осыны біліп терең сезіну керек. Еліміздің даму тарихында қараңғы беттер қалмаған жағдайда біз бұдан әрі де халқымыздың бірлігін нығайтып, болашаққа еркін және сеніммен қадам баса аламыз.

Приветственное слово Акима Восточно-Казахстанской области Сапарбаева Бердыбек Машбековича

Уважаемые участники конференции, символично проведение данной конференции накануне дня Памяти жертв политических репрессий, символично вдвойне, что одним из первых законов, принятых Республикой Казахстан был Закон от 14 апреля 1993 года «О реабилитации жертв массовых политических репрессий», 31 мая Указом от 5 апреля 1997 года стал Днем памяти жертв политических репрессий.

По неполным данным в трагическую эпоху было репрессировано 103 тысячи человек и расстреляно свыше 25 тысяч, репрессии коснулись не только казахского народа, можно сказать, что это были многонациональные репрессии.

Отец современной демократии Томас Джефферсон написал «Если нация желает оставаться в невежестве и одновременно быть свободной, - она хочет того, чего никогда не было и никогда не будет», наши потомки должны знать правду о страшных страницах истории, закрытых в советское время, чтобы не допустить их повторения. Нарушения прав людей в годы массовых политических репрессий и голода, политика внесудебных репрессий привели к тому, что жизнь и свобода человека перестали зависеть от его конкретных дел. Власть вторгалась в жизнь любой семьи, любого человека.

Для оправдания репрессивных действий была подведена законодательная база, где общие положения и конкретные составы преступлений формулировались расплывчатыми фразами, в связи, с чем органы следствия и суда получали широкие полномочия для фальсификации любого дела.

«Мы будем уничтожать каждого врага, хотя был бы он и старым большевиком, мы будем уничтожать весь его род, его семью. Каждого, кто своими действиями и мыслями, да, и мыслями, покушается на единство социалистического государства, беспощадно будем уничтожать». «Врагов народа» уничтожали не только физически, старались стереть память о человеке, репрессировать их семьи и изолировать родных и близких в специально

созданных для них лагерях.

За годы советской власти массовым репрессиям по политическим мотивам были подвергнуты миллионы человек, причем точное количество пострадавших до сих пор не установлено. Известно, что только в годы Большого террора (1937-1938) по политическим обвинениям было арестовано более 1,7 млн. человек. Репрессии охватили все регионы и все без исключения слои общества. Особенность той политики состояла в том, что она была направлена не столько против явных политических оппонентов (среди миллионов жертв явно был ничтожный процент таких людей), сколько против противников мнимых. При этом люди в большинстве случаев подвергались репрессии не за какие-либо их слова или действия, а за принадлежность к той или иной группе (социальной, национальной и т.д.), которую власть объявляла враждебной. В предвоенные годы началось массовое выселение целых народов. Жертвами депортации стали поляки, курды, корейцы, буряты, чеченцы... 3,5 миллиона репрессированных по национальному признаку. День памяти жертв политических репрессий имеет особый смысл для Казахстана, потому что казахский народ с теплотой принял депортированные народы. Благодаря именно этому многим удалось тогда выжить и устоять перед кровавой машиной тоталитаризма.

Казахстан – одна из немногих стран мира, в которой существует День памяти жертв политических репрессий. Указом Президента в нашей республике реабилитированы все, кто оказался незаконно осужден в годы сталинизма, а на месте бывших лагерей открыты музеи и мемориалы. Государство делает все, чтобы трагические страницы в истории не были забыты новыми поколениями. Тяжелое наследие тоталитарного режима и сегодня эхом отдается в сердцах, тех, кто его пережил. Поэтому мы обязаны хранить память о безвинно погибших в годы репрессий,

Сегодняшнее поколение казахстанцев должно знать и глубоко прочувствовать это. Мы можем и дальше укреплять единство нашего народа, смело и уверенно идти в будущее только тогда, когда в истории развития страны не останется темных страниц.

УДК 94 (574.42)

Абсеметов М.О.

*Генеральный директор РГУ «Национальный архив РК»,
nationalarchiv_kz@mail.ru*

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ВЕЛИКОМ ГОЛОДЕ В КАЗАХСТАНЕ

Голод 1931-1933 годов можно рассматривать как одну из трагических страниц истории казахского народа, как демографическую катастрофу нации, возникшую в результате безумной тоталитарной политики Советской власти. От проведенной известным большевистским руководителем Ф. Голощекиным коллективизации и конфискации байских хозяйств в первую очередь пострадал казахский народ, единственным источником пропитания которого на тот момент было разведение скота. К 1933 году из сорока миллионов голов скота осталась примерно одна десятая часть. А население Казахстана в эти годы уменьшилось до нескольких миллионов.

Тема голода до обретения Казахстаном государственной независимости оставалась закрытой, являясь белым пятном в истории многострадального казахского народа.

Президент страны Нурсултан Назарбаев 31 мая 2012 года на открытии Монумента памяти жертв голода 1932-1933 гг. дал очень емкую и объективную оценку тех лет, отметив: «...Большевистская коллективизация оказалась жестоким экспериментом. Она разрушила вековой уклад жизни аула. Были подорваны устои тысячелетней кочевой цивилизации на нашей земле. Всё это привело к страданиям миллионов людей. Голод и его ужасные последствия стали крупнейшей гуманитарной катастрофой советского периода. Огромные жертвы понёс наш народ. От голода погибло свыше полутора миллионов человек. Более шестисот тысяч казахов, спасаясь от голода и репрессий, откочевали за пределы исторической Родины. Это непреходящая, незабываемая боль нашего народа. В сердцах казахстанцев, в народной памяти

она останется навечно...» [1].

До сих пор полностью не рассекречены и вследствие чего не изучены огромные пласты документов и материалов, которые хранятся в специальных ведомственных архивах Генпрокуратуры РК, КНБ РК и МВД РК. Из-за неточных сведений, полученных из различных источников количественно умерших во время голодомора колеблется от полтора миллиона до трех миллионов казахского населения при шести миллионах того времени. Это очень страшные цифры.

Проблему голода особо исследуют историки и архивисты России и Украины. Есть немало совместных проектов по изданию книг о «великом голоде» прошлого столетия.

В архивах Генпрокуратуры, КНБ, МВД, а также Архиве Президента Республики Казахстан хранится большой массив документов трагедии казахского аула, когда из-за конфискации имущества и насильственной коллективизации, преступной деятельности действующей власти против человечности в стране назрел голодомор. В этих уникальных документах отражены: объемные обзоры республики в целом и по отдельным регионам, включая обзоры и информационные сводки ОГПУ по КАССР, отчеты и справки с мест о выполнении заданий центра, о случаях массовой гибели людей от голода, вооруженные восстания, жалобы и обращения граждан в различные инстанции и т.д. Многие из этих документов хранятся в особых папках и имеют гриф «секретно» и «строго секретно» [2: 14-18].

За последние десятилетия архивистами издано немало документальных сборников, в которых представлены рассекреченные документы: информационные сведения и обзоры, тематические справки, аналитические доклады о ходе коллективизации, конфискации имущества и скота, о массовых, а порой вооруженных выступлениях кочевого населения и крестьянства (которых было около 400 по Казахстану), спецсправки об эмиграции людей и др. [3].

Среди них часто встречаются документы секретно-оперативного управления и секретно-политического отдела Объединенного Государственного Политического управления.

В канун 80-летия казахского голодомора, 1 июня 2012 года, в Астане во Дворце Независимости впервые прошла Международная научно-практическая конференция «Голод в Казахстане: трагедия народа и уроки истории», в рамках которой Национальным архивом Республики Казахстан была организована уникальная и масштабная выставка архивных документов «Голод в Казахстане 1931-1933 гг. Факты и документы».

В нее вошли подлинники, копии документов, фотодокументы, хроника великого голода и распределены по следующим разделам выставки: 1. Документы партийных и государственных органов 1931-1933 гг. (директивы, циркулярные письма, постановления, протоколы и др.). 2. Документы, фотодокументы и кинохроника о ситуации в регионах Казахстана (коллективизация, продзаготовки, конфискация имущества и скота, гибель людей). 3. Документы об откочевниках. 4. Тема казахского голодомора в отечественных и зарубежных изданиях.

На выставке помимо сталинских декретов представлены резолюции и протоколы руководства республики: Протокол № 13 Объединенного заседания Казахского центрального исполнительного комитета VI-го созыва и Казахского совета народных комиссаров «О конфискации и выселении крупнейших байских хозяйств и полуфеодалов» [4: 4-5]; Постановление Казахского центрального исполнительного комитета и Совета народных Комиссаров Казахстана «Об уголовной ответственности за противодействие конфискации и выселению крупнейшего и полуфеодалного байства» [4: 1]; Выписка из протокола заседания Совета народных комиссаров № 14/С «О вопросах комиссии по проведению декрета о конфискации баев» [4: 3] и многие другие.

Данная выставка еще функционирует в выставочном зале Национального архива Республики Казахстан.

Научное осмысление и анализ прошлой трагической истории важны и необходимы нынешним и последующим поколениям казахстанцев для извлечения уроков из негативных последствий политики сталинского режима, приведших к гибели огромного числа людей.

Ежегодно, 31 мая казахстанцы чтят память безвинных

жертв политических репрессий, голодомора и террора 30-х годов XX века.

Несмотря на все тяжелые испытания, выпавшие на долю казахского народа, он не потерял веры и надежды на лучшее будущее. И поэтому, мы не вправе забывать о трагедии, постигший казахский народ на ее богатой земле и должны глубже изучать данную проблематику, максимально рассекретить и сделать доступным народу архивные документы, находящиеся в спецхранах и т.д.

Эта великая трагедия незабвенна, которая будет передаваться из поколения в поколение всеми гражданами нашего независимого государства. И, извлекая уроки из этой масштабной человеческой катастрофы, мы должны отдать дань памяти всех жертвам казахского народа.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Выступление Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева на открытии Монумента памяти жертв голода 1932-1933 гг. 31 мая 2012 года//Электронный ресурс. Окно доступа: <http://www.akorda.kz/> (дата обращения 15 марта 2014 год).
2. Архив Президента Республики Казахстан. Ф.141. Оп.1. Д.5032.
3. Насильственная коллективизация и голод в Казахстане в 1931-1933 гг. //Сборник документов и материалов/Вступ.статья и сост. К.С. Алдажуманов, М.К. Каиргалиев, В.П. Осипов, Ю.И. Романов// Алматы, 1998. - 263 с.
4. ЦГА РК. Ф.5. Оп.21. Д.15.

УДК 94 (574.42)

Аубакиров А.А.

*КГУ «Государственный архив» Управления культуры,
архивов и документации Восточно-Казахстанской области, г.
Усть-Каменогорск, arhiv@ukg.kz.*

ПУСТЬ БУДУ ЖЕРТВОЙ ЗА ТЕХ – КТО ЯВЛЯЕТСЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ВИНОВНЫМ...

В 1937-1938 годы репрессии в Казахстане приняли массовый характер. По неполным данным только коммунистов в Восточно-Казахстанской области было арестовано 289 человек. Практически в каждом районе области были раскрыты так называемые национал-фашистские и шпионские организации. Множество искренне преданных партии и социализму людей попали в число врагов народа и их пособников.

Из протокола заседания бюро Уланского райкома ВКП (б) К от 10 июня 1936 года: «Считать совершенно установленным, что т. Байжуманов будучи двоюродным братом антисоветского элемента крупного алашординца Айдарбекова Абдрахмана, исключенного из партии во время проверки партдокументов, давно имел связь с последним.

Т. Байжуманов давно зная прошлое Айдарбекова и его антисоветские поступки, не только разоблачил, но будучи членом райкома ВКП (б), не порвал связь с ним и поддерживал материально Айдарбекова даже после его разоблачения и исключения из партии, дав ему 400 рублей и предоставив ему лошадь на передвижение.

За потерю классовой бдительности, за тесную связь с алашординцем Айдарбековым, за оказание материальной поддержки ему, за не разоблачение его и не искренность признания их ошибок т. Байжуманова вывести из состава членов бюро обкома ВКП (б) и исключить из рядов ВКП (б)».

Решением бюро ВК обкома КП (б) К от 13 ноября 1937 года Байжуманов Мызаркан исключен из партии как враг народа».

В Восточно-Казахстанской области были разоблачены и репрессированы большинство секретарей обкомов и райкомов партии (Баймагамбетов и Свердлов), 9 редакторов центральных и местных газет: Амиров Габас (редактор газеты «Социалистик жол»), Бектурсунов Худжан (редактор газеты «Социалистик-Энбек»), Барков Александр Михайлович (редактор газеты «За большой Риддер»), Бянов Забир (редактор газеты «Социалистик Майдан»), Айсанов Кайдар (редактор газеты «Экпенды Алтай»), Макульбеков Мухаметбай (зам.редактора газеты «Экпенды Алтай»), Смыков Евгений Петрович (редактор газеты «Большевистское знамя»), Матвеев Михаил Сергеевич (редактор газеты «Ударный путь») Тайчибаев Максут (редактор газеты «Жұмысшы»).

Макульбеков Мухаметбай, уроженец 7 аулсовета Уланского района Восточно-Казахстанской области, редактор районной газеты «Эспенды Алтая». Арестован 7 октября 1937 года. Выездной сессией Военной Коллегии Верховного суда СССР от 7 марта 1938 года по ст.58-2,7,8,11 УК РСФСР, как участник контрреволюционной буржуазно-националистической повстанческо-террористической и диверсионно-вредительской организации приговорен к расстрелу. Приговор приведен к исполнению в г. Алма-Ате 7 марта 1938 года. Заключение начальника отдела Генеральной прокуратуры Республики Казахстан от 7 октября 1993 года реабилитирован.

Решением Курчумского РК КП (б) К от 19 ноября 1937 года Бектурсунов Худжан снят с «работы редактора райгазеты «Социалистик-Энбек» и как «враг народа, национал-фашист» исключен из партии.

1 августа 1937 года Кировский райком КП (б) Казахстана и 7 февраля 1938 года Восточно-Казахстанский обком партии исключили из партии Матвеева Михаила Сергеевича как «врага народа». Из протокола заседания бюро Кировского РК КП (б) К от 1 августа 1937 года: «Считать установленным, что редактор газеты «Ударный путь» строительства Рубцовка-Риддер Матвеев в 1930 г., работая в Петропавловске на Мясокомбинате, ездил в Москву и встречался со шпионом Уборевичем несколько раз. После расстрела шпиона Уборевича Матвеев высказывал свое к нему сожа-

ление». 1 декабря 1937 года тройкой УНКВД по Восточно-Казахстанской области он осужден на 10 лет исправительно-трудового лагеря. 6 сентября 1957 года Военным трибуналом Матвеев М.С. реабилитирован.

Во всех смертных грехах был обвинен Тайчибаев Максут: яркий националист-фашист, один из главарей контрреволюционной организации в Риддере. Обвинения достаточно стандартны для того времени. Из протокола № 8 заседания бюро Риддерского ГК КП (б) К от 7 июля 1937 года:

«Присутствовали: члены бюро КУРИЦЫН, Трофимов, Анисимов, Дружинин, Спекторов.

Слушали: 4. О Тайчибаеве Максут, член ВКП (б) января 1927 г. партбилет № 1582355, соцположение служащий, соц. происхождение сын крупного бая (полуфеодала), рождения 1904 года, образование среднее, по национальности казах, ранее имел партвысказание объявленный Акмолинской окрпартколлегией в апреле 1929 г. строгий выговор с предупреждением и запрещением занимать ответственные должности в течение 3-х лет за дискредитацию судебных органов. Работал редактором газеты «Жумышье».

ПОСТАНОВИЛИ: Считать установленным, что Тайчибаев Максут в сентябре 1931 г. исключен из рядов ВКП (б) решением Еркеншелинской районной контрольной комиссии и не был восстановлен в рядах партии высшими партийными инстанциями. Обманным путем сохранил партийный билет, используя роготейство и притупления бдительности, Тайчибаев Максут не имея учетных партийных документов, пробрался на работу редактора газеты и кандидатом в члены бюро горкома. При вступлении в ряды партии, при проверке и обмене партийных документов, Тайчибаев скрыл, что является по своему социальному происхождению сыном крупнейшего бая-полуфеодала.

Работая в качестве редактора казахской газеты, Тайчибаев Максут был связан с антисоветскими националистическими элементами и проводил явно националистическую линию. Являясь редактором газеты Тайчибаев способствовал созданию обстановки политического доверия и выдвижению на общественной

работе явного националиста Толыбаева, сына крупного бая, имущество которого конфисковано. Во время разоблачения Толыбаева, как националиста, Тайчибаев не только не помог, но всячески тормозил эту работу, задерживая опубликование в газете «Жумысши» статей и заметок против Толыбаева.

Проводя по поручению горкома совместно с т. Мадалиевым собрание казахского актива (созыв которого решением горкома призван политически ошибочным) Тайчибаев не только не дал отпора имевшим место явно националистическим выступлениям, но и сам использовал этот актив для протаскивания националистической пропаганды.

В целях маскировки и двурушничества, Тайчибаев Максуд использовал, как газету «Жумысши», так и областную газету «Экпенды» для опубликования явно двурушнических статей и заметок, содержащих обвинения отдельных работников в преступлениях, ответственность за которое лежит непосредственно на самом Тайчибаеве».

В своем заявлении в горком Тайчибаев приводил доказательства своей невиновности, просил «человеческого расследования дела». Из заявления Тайчибаева Максуда секретарю ГК Курицыну:

«Дорогой Курицын! Я с 1/IX-31 г. в Риддере. Откуда [лично] такое решение. Если было бы, почему из Крайкома не поступило. Все решения Крайкома поступают в РК. Неужели это нельзя принять во внимание.

Если Вы беспристрастный командир. Прошу меня не довести до смерти.

Еще раз прошу:

Воздействия – для меня достаточно в ближайшие дни рассмотрите мое дело (так в документе).

Пусть буду жертвой за тех – кто является действительно виновным.

Дорогой секретарь обкома!

Я дошел до ручки. Я дошел – потому, что критиковал».

Это был глас вопиющего в пустыне. В 1938 году Тайчибаев был расстрелян. Осталась жена и 3 детей. В 1989 году Тайчибаев

Максут реабилитирован.

Весьма условным в 30-е годы было понятие законности. Человека могли арестовать и посадить в тюрьму за его убеждения, за неосторожно сказанное слово, по доносу. Тяжелые испытания сурового XX века выпали и на долю того, к кому за помощью обращался Максут Тайчибаев – Ивану Васильевичу Курицыну, 1903 года рождения, коммуниста с 1919 года, по путевке ЦК ВКП (б) прибывшего на партийную работу в Казахстан в 1934 году. Возглавлял Семипалатинский горком ВКП (б), Наркомат пищевой промышленности Казахской ССР, с сентября 1937 года Риддерский горком ВКП (б).

Риддер в то время был довольно крупным промышленным центром. В 1936-1937 годы там строились Ульбинская ГЭС, обогатительная фабрика № 3, заканчивалась прокладка ширококолейной магистрали Рубцовка-Риддер. Но главной причиной переброски И.В. Курицына в Риддер была необходимость исправления множества ошибок, допущенных хозяйственным и партийным руководством города. Считалось, что в Риддере сформировалась так называемая крупная вредительская троцкистская организация. Во второй половине 30-х годов в Риддере 53 коммуниста были исключены из партии, 39-арестованы. В этот сложный период партийную организацию города и пришлось возглавить И.В. Курицыну.

В апреле 1938 года И.В. Курицын был назначен Наркомом пищевой промышленности Казахской ССР. В мае 1938 года он был арестован. Следствие, начатое в Алма-Ате, продолжалось в Москве в течение 3-х лет 2 месяцев. В июле 1941 года следствие было окончено. И.В. Курицын был осужден на 15 лет лагерей. После отбытия срока в 1953 году он был отправлен в пожизненную ссылку в Кокчетав.

25 февраля 1956 года Военная коллегия Верховного Суда СССР отменила необоснованно вынесенный И.В. Курицыну приговор, он был полностью реабилитирован, а в апреле 1956 года восстановлен в партии. И.В. Курицын разделил судьбу многих интеллигентных людей того времени.

В 30-е годы кроме таких обвинений как «враг народа», «на-

ционал-фашист», были еще и такие - «член семьи изменника Родины». Такой ярлык в основном получали жены, матери, сестры репрессированных.

Таран Андрей Георгиевич, исполняющий обязанности секретаря Кировского РК КП (б) К, на проходившей райпартконференции исключен из партии как враг народа. Выездная коллегия облсуда 20 декабря 1939 года приговорила А.Г. Тарана к 10 годам лишения свободы и 5 годам поражения в правах.

Из протокола заседания бюро Кировского РК КП (б) К от 22 мая 1938 года: «Ворламова Мария Павловна, являясь женой ныне разоблаченного врага народа Таран, и зная его прошлые связи с врагами народа Рафальским, Гуляевым, Сафарбековым, Батербековым и другими, тщательно это скрывала от партийной организации, больше того, когда делегатами 10-й партконференции был разоблачен Таран как враг народа, Ворламова выступила с антипартийным заявлением, заявив, что Таран честный коммунист, что это провокация и демонстративно ушла с конференции. После ареста Тарана Ворламова всячески старалась доказывать коммунистам и беспартийным, что Тарана арестовали понапрасну, характеризуя его, как частного идеального коммуниста, что его арест спровоцирован, вела себя на бюро не искренне, старалась всячески реабилитировать Тарана, и заявила, что она не убеждена, что Таран враг народа.

За прямое пособничество врагам народа, за скрытие от партии о связях Тарана с врагами народа и его вражеской деятельности, за клевету на партию М.П. Ворламову с работы нарсудьи снять, из партии исключить».

Из протокола заседания бюро ВК обкома КП (б) К от 17 декабря 1941 года: «Решение бюро ВК обкома КП (б) К от 22 августа 1938 года об исключении из партии Таран А.Г. отменить. Таран Андрея Георгиевича членом КП (б) К восстановить с указанием перерыва в партстаже с мая 1938 г. по август 1941 г.».

Магира Мухамеджановна Кагарманова являлась потомком татарских родов Кагармановых, Рафиковых и Валитовых, которые занимали в свое время видное положение в городе Усть-Каменогорске. Через своего деда Ахмеджана Кагарманова яв-

лялась внучатой племянницей золотопромышленника Ахматши Валитова и внучкой купца первой гильдии Ахмата Ахматовича Рафикова. Магира училась хорошо, была награждена похвальной грамотой. В 1919 году закончила школу первой ступени в городе Усть-Каменогорске. В советское время окончила казахскую школу семилетку, два курса Риддерского горно-металлургического техникума. В ноябре 1931 года вышла замуж за Хасанбека Майжолова – преподавателя советской партийной школы, а с 1933 года преподаватель казахского языка и литературы в Коммунистическом политическом просветительном техникуме в городе Усть-Каменогорске. В 1934 году Магира Мухамеджановна окончила физико-математические курсы и получила право работать преподавателем. Работала преподавателем казахского языка в Кировской школе комбайнеров в городе Усть-Каменогорске.

В 1937 году в городе Алматы был арестован брат мужа, Мубарак Майжолов, как «враг народа». В этом же году был исключен из партии и арестован муж Магиры Мухамеджановны, Хасанбек Майжолов, которого обвинили в национал-фашизме и связи с алаш-ординцами.

Из заявления Майжолова Хасанбека:

«Партийная организация при ком-политпросвет техникуме от 21 октября 1937 года обсуждала заметку «Екрінді» и дополнительный материал в отношении меня в следующем порядке (содержание). «Не достоин быть в рядах ВКП (б), брат его националист-фашист, исключен из рядов партии ВКП (б), сам Хасанбек в ком-полит просвет техникуме преподавал литературу и языки по учебникам классового врага Жансугурова и Жумабаева, и им дал положительную характеристику.

Студентов отделял по нации на казаха и русских, сам окончил школу алаш-ординцев в 1919 году.

ПОСТАНОВИЛИ: исключить из рядов ВКП (б).

1. Отец мой Майжол бедняк имел одну корову и лошадь. В 1903 году со старшим сыном Мубараком работал 2 года по найму у одного старожила в местности «Сар-булак» Уланского района, до 1917 года работали у казах.баев по найму. В 1917 году отец умер.

2. В 1913 году брат Мурабак окончил в селе Ахмирове школу 1-й ст. на рус. языке. в 1916 году работал на линии во время строительства Риддерской железной дороги черно-работчим. В 1918 году учился на 3-х месячном учительском курсе в г. Семипалатинске и был учителем Колбинской школы. С 1920 года инспектор У.О.Н.О. пред. Узем.управления, Усть-Каменогорского нарсуда и член Семипалатинского облсуда. Во время реорганизации области был направлен в г.Зайсан пред. РИК, затем директор Чиликтинского и Черно-Иртышского совхозов и после этого директором ВК мясо-совхоза. Во время обмена партдокументов (1935) исключен из рядов ВКП (б). Во время обмена партдокументов об этом спрашивали и проверяли около м-ца. Я все рассказал» [5].

Из ГУЛАГа Майжолов Хасанбек уже не вернулся, Магира Мухамеджановна осталась с двумя детьми – старшему сыну Артуру было три года, а Ойроту – шесть месяцев. С момента ареста Хасанбека на ее долю выпало немало испытаний. За связь с «врагом народа», за то, что не выгнала из дома мать мужа и за отказ отдать детей в детский дом, ее трижды исключали из рядов ВКП (б). Но трудности не сломали молодую женщину, целью ее жизни стала забота о детях.

Несмотря на то, что уже в 30-е годы XX века в стране сформировалась прослойка людей умственного труда, несмотря на их вложения в развитие народного хозяйства, образования, интеллигенция всегда находилась под контролем власти и подвергалась жесточайшим гонениям.

Нечего добавит к этим документам. Такое это было время, когда террору и репрессиям подвергались как отдельные люди, так и целые народы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. ГАВКО Ф.1-п. Оп.2. Д. 4925
2. ГАВКО, Ф.1п. Оп.2. Д. 4929
3. ГАВКО, Ф.1п. Оп.2. Д. 4985
4. ГАВКО, Ф.79. Оп.8. Д. 1,2
5. ГАВКО, Ф.142. Оп.1. Д. 18

УДК [94:325.3](470+571) (091)

Аманжолова Д.А.

ИТuГ, ИРИ РАН, г. Москва, amanzholova19@mail.ru

ЭТНИЧНОСТЬ В СТАЛИНСКОМ СССР (1930-е гг.)

В конце 1920-х-1930-е годы сложный период экспериментов и интенсивных преобразований постепенно заменяется более последовательным и системным встраиванием этнополитики в общую схему укрепления жестко централизованной власти и унификации всех уровней и звеньев управления. Административно-территориальное деление, государственно-правовой статус, степень экономической самостоятельности, обеспечения культурной и языковой идентификации народов СССР рассматривались властью как составные части политики «развертывания наступления социализма по всему фронту» и демонстрации неоспоримых преимуществ нового строя. После принятия Конституции СССР 1936 г. отдел национальностей ВЦИК упразднен, как и должности представителей автономных республик и областей при ВЦИК. Национальным вопросом занимался Президиум Совета национальностей, но его фактическая роль в конце 1930-х гг. сведена к минимуму.

Перекройка административно-территориальной карты страны была связана с крупными социально-экономическими трансформациями, направленными на строительство социализма, в т.ч. с индустриализацией и урбанизацией, радикальными изменениями социального состава населения, масштабными миграциями, землеустройством и т.д. Власть стремилась упорядочить систему управления в стране, укрепить механизм централизованного подчинения областей, краев и республик и объединения их в единый народнохозяйственный и политический организм. Одной из задач было выравнивание уровней социально-экономического и культурного развития разных регионов, сильно отличавшихся по хозяйственному потенциалу, этнокультурному составу населения, природным, кадровым, социальным ресурсам и возможностям. В

конечном счете, совокупность внутривнутриполитических мероприятий направлена на формирование качественно новой надэтнической и надконфессиональной гомогенной социальной общности, долженствующей представлять миру единственно верный пример и образец всестороннего прогресса. Скрупулезное проведение в жизнь принципа территориальной регламентации этничности приводило к заметным различиям в размерах, численности и плотности населения, социально-культурных особенностях и других параметрах национально-территориальных образований. Противоречие между экономическими интересами и национально-административным принципом было в определенной мере преодолено, но командно-силовые и бюрократические методы управления и преобразований имели негативные последствия. Как правило, максимального совпадения границ расселения титульных этносов и территорий их республик добиться было невозможно. Более того, определение таких территорий сопровождалось спорами и взаимными претензиями, в основе которых были не только притязания местных руководителей на овладение пространством, но и объективные проблемы – смешанный состав населения, сложные межрегиональные хозяйственные взаимосвязи, традиционное разделение труда и ресурсов и т.д.

«Переселение» национально-государственного образования из одной «матрешки» в другую, наделение управленческого люда той или другой, не очень большой «матрешки», более высоко котиравшимися в советской номенклатуре статусными регалиями декларировалось как дополнительный и оправданный рычаг для скорейшего и успешного прогресса этнической общности. В 1930 г. Каракалпакская АО, входившая в состав Казахской АССР, непосредственно вошла в состав РСФСР. В январе 1932 г. Оргбюро ЦК ВКП (б) констатировало, что Казкрайком и Средазбюро не приняли нужных мер к экономическому и партийному укреплению Каракалпакии, и 23 февраля 1932 г. Политбюро ЦК партии решило преобразовать область в автономную республику «ввиду большой удаленности ... от промышленных центров и от Москвы, а также ее особой экономической и культурной отсталости» [10: 685-688]. Однако в новом статусе республика не могла

развиваться вне регионального контекста, не связанного прямо с РСФСР, и 5 декабря была включена в состав Узбекской ССР.

Формы политического самоопределения народов СССР в определенной степени содействовали институционализации этнических общностей, давая импульс форсированной перестройке этносоциальных структур и отношений, обновлению и интеграции национальных политических элит в общесоюзную систему устройства власти. Но заданная центром иерархия этнических территорий и их регламентация не означали подчинение пересекающихся и пластичных социально-культурных пространств жизнедеятельности народов «матрешечному» каркасу. Соблюдение и совершенствование принципов федерализма во многом стало одной из деклараций, призванных идеологически обеспечивать справедливость и безусловную прогрессивность развития огромного многонационального государства в сравнении с капиталистическим миром, жестко поделенным на метрополии и ограбляемые ими колонии.

В самом деле, это сравнение было далеко не в пользу противников реального социализма: в СССР быстрыми темпами осуществлялась социально-культурная модернизация народов. Хозяйственные связи между субъектами федерации, строительство многочисленных индустриальных объектов в ранее отсталых регионах с сопровождавшим его интенсивным перемещением больших групп трудовых ресурсов объективно укрепляли межэтническую интеграцию и гражданское единство всех этнических общностей. Однако столь грандиозные преобразования могли проводиться только при сильной и жестко централизованной системе управления, циничной эксплуатации патерналистской социальной психологии, традиционных для народной культуры ценностей коллективизма и терпения, трудолюбия, милосердия, уважения к старшим. Культивирование приоритетов общественного блага, социального и гендерного равенства, политического, идейного и культурного превосходства СССР нивелировали зачатки демократического самоуправления, свободомыслия и личной инициативы. Этнокультурная самобытность, как и любая иная, имели право на проявление лишь в строго очерченных и

неусыпно контролируемых рамках «социалистического интернационализма».

Трагическую часть истории всех народов СССР составляет коллективизация. В Казахстане, Средней Азии и у ряда народов Сибири она связана с переходом от кочевого к оседлому образу жизни, проведенному насильственно и обернувшимся гибелью миллионов людей, колоссальным уроном для животноводства, вспышками сопротивления. Урон, нанесенный коллективизацией, был общенациональным, пострадали буквально все народы СССР, в большинстве своем состоявшие из крестьян. В 1930 г. особенно активно сопротивление коллективизации оказывали крестьяне Украины, Центрально-Черноземного района, Северного Кавказа, Нижнего и Среднего Поволжья. 2 млн. чел. в 1930-1933 гг. ушли за границу из республик Средней Азии и Казахстана. В период между переписями 1926 и 1937 гг. численность погибших от голода и безвозвратно мигрировавших казахов составила 1798 тыс. (42% всей численности казахов республики). На Украине только с 1 декабря 1932 г. по 15 апреля 1933 г. от голода и случаев людоедства погибло 2420100 чел. Непосредственных жертв голода 1932-1933 гг. в Поволжье было 365722. В целом по СССР с учетом раскулачивания и голода в 1930-е гг. погибло около 15 млн. человек. За 1929-1935 гг. погибло почти 150 млн. голов скота, что намного превышало стоимость построенных за эти годы промышленных предприятий [2:135-140; 9: 164-165].

Трагедия совместного выживания объединяла в протесте представителей разных культур. Это ярко воплощали судьбы коммунистов-25-тысячников, направленных из центральных районов и крупных предприятий на коллективизацию. В начале 1930 г. в Казахстан прибыли 1204 рабочих (914 коммунистов и 87 комсомольцев) из Харькова, Павлова Посада и Орехово-Зуева Московской области и других мест, 800 из которых пожелали трудиться в колхозах. Но лишь 200 прошли 3-месячную практику в совхозах края. Литейщики, строгальщики, токари и монтеры, слесари, ткачи и строители, не имевшие понятия о казахской культуре и языке, быстро оказались «без вины виноватыми», работали «только для того, чтобы получать взыскания». На прежнем месте рабочие

имели зарплату 100-180 руб., теперь новоиспеченные колхозные лидеры получали от 12 до 50 руб. Украинский рабочий Грановский выступил против взяточничества, освобождения богатых от налогов за счет бедноты и привилегированного снабжения продуктами членов бюро райкома партии, «когда рабочие и крестьяне голодают». Он оказался лишен всех средств к существованию и тайком добрался до окружного центра, чтобы просить вернуть его на производство. Бывший коммунист завсберкассой Кусмарцев в 1933 г. обвинил «во всех неполадках, а особенно в части коллективизации» Сталина, «который не настолько гениален, как были другие вожди – Ленин, Троцкий, Рыков, Зиновьев и другие. Политика Сталина довела Казахстан до полного вымирания, не только скота, но и населения, то же самое сейчас происходит в Волжском крае... В Советском Союзе сплошное недоедание». Председатель Корнеевского сельсовета Баянаульского района В. Ничик заявил: «Вот наше правительство до чего довело Казахстан, все казахское население разъехалось, часть вымерла, а многих раскулачили, ... разве это верно, в результате от Казахстана остались одни пустые степи». Машинист депо ст. Семипалатинск Шлыничик, получая в сентябре 1933 г. продовольственные карточки, кричал: «Сталин – бандит, ограбил крестьянство, хочет и рабочих ограбить... довольно кабалы, ведется борьба за здоровое молодое поколение, а между прочим последний кусок у ребенка отнимают... Пишут так, а делают иначе... Все это не свобода, а форменное крепостное право, и строить социализм на человеческих костях нельзя и преступно» [7: 395; 3: 72-73; 1].

Неоднородность сельского мира, исходных условий и динамики преобразований в разных этнокультурных регионах СССР при общности цели контроля над производством и поставками сельхозпродукции обусловили разные темпы и формы «прививки» новых социальных институтов к устойчивой системе обмена и перераспределения ресурсов, образа жизни и этносоциальной иерархии, индивидуальных и семейных ценностей.

Чрезвычайную роль в судьбе и культуре народов СССР, а также межкультурной интеграции людей сыграли массовые репрессии, высылки и депортации. Власть сознательно и насиль-

ственно смешивала культурно отличающиеся этнические группы между собой не для их гражданской консолидации, а в прагматических интересах освоения малонаселенных территорий, «простой» и административно «удобной» переделки общественного устройства, наказания заподозренных в нелояльности и враждебности. В то же время пространственная сегрегация и прямое заключение в лагеря воздвигали барьеры иного рода между равно незащищенными перед произволом государства людьми. Происходило сближение на основе социального положения, а традиционные для всех народов СССР ценности сострадания, взаимопомощи, трудолюбия и терпения извращались. Потворство власти худшим свойствам человеческой натуры (социальная зависть, эгоцентризм, доноительство, приспособленчество, мстительность, карьеризм) развращало и уродовало жизненные устои нравственно слабых людей независимо от этничности. Культурная мимикрия приобрела массовый характер и становилась стереотипом поведения. Огромное количество представителей всех народов СССР обрели вполне благополучный жизненный опыт, повышая социальный статус, приобретая возможности для образования и мобильности, улучшая материальное благополучие, быт и досуг, получая возможность реализации гражданского потенциала во всевозможных общественных организациях. Но этноидентификационные критерии отнюдь не потеряли значения, поскольку власть по-прежнему поддерживала масштабные социально-культурные преобразования для отсталых народов, а национально-государственные образования по всей территории СССР и активная пропаганда связывали этничность с принципами социализма.

Пожалуй, лишь в отношении украинцев и белорусов можно говорить о реальной консолидации их вследствие присоединения к СССР западных территорий Украины и Белоруссии в 1939 г., но и здесь власть совсем не ставила перед собой такой цели, руководствуясь геополитическими приоритетами. По внешнеполитическим причинам с середины 1930-х гг. состоялись этнически ориентированные высылки жителей приграничных регионов – финнов-ингерманландцев в 1935 г., поляков и немцев в 1935-1936 гг., курдов, корейцев и армян в 1937-1938 гг., иранцев

в 1938 г. Основными регионами переселения стали Европейский Север, Урал, Западная Сибирь, Казахстан и Средняя Азия. Но из азиатских республик т.н. кулаки и баи выселялись уже на запад – Северный Кавказ и Украину. Однако наибольшее число раскулаченных было на западе – здесь крестьянство (поляки, немцы, украинцы, русские, белорусы) рассматривалось как гораздо более обеспеченное и потому подлежащее репрессиям. За 1930-1932 гг. без учета внутрикраевых переселений выслали 2540 тыс. чел. Голод вынужденные и принудительные миграции не остановил. Население СССР только с осени 1932 по апрель 1933 гг. потеряло 7,7 млн. чел.: на Украине – 4 млн., по 1 млн. – на Северном Кавказе, в Казахстане и Поволжье [8: 87-93, 76-78]. С учетом массовой откочевки голодающих казахов усиленная принудительная миграция в КазССР выступала и как компенсационная мера, в послевоенный период к тому же давая власти повод представлять республику успешной «лабораторией интернационализма».

Наиболее ярко драматические перипетии исключительной практики адаптации народов в новых социально-культурных условиях показывает пример Казахстана. К августу 1930 г. сюда переселено из Средней Азии 281 «кулаков» некоренных национальностей, в 1931 г. - 56000 семей из Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев; Центрально-Черноземной, Московской областей, Ленинградского военного округа; Нижегородского края, Башкирии, Татарии. В 1933 г. в трудпоселки прибыли обвиненные в срыве и саботаже хлебозаготовительных и других компаний, горожане, отказывающиеся в связи с паспортизацией выезжать из Москвы и Ленинграда; бежавшие из деревень кулаки, снимаемые с промышленного производства, выселяемые с западных госграниц. В 1935 г. из погранрайонов Ленинградской области выселено в Казахстан 7637 чел. В 1936 г. прибыли 1426 «баев и бывших активных организаторов восстаний» из Ойратии, из Украины - 15000 хозяйств. Общим для всех был высокий уровень заболеваемости корью, скарлатиной, сыпным и брюшным тифом. В 1940 г. из 5379 спецпереселенцев-осадников (99,7% численности) 79,6% составили поляки, 13% - украинцы, 7,4% - белорусы. Накануне войны депортированы около 33000 членов

семей «активных молдавских контрреволюционеров», трудпоселенцы из Карело-Финской ССР [4: 17-23].

В целом перемещение спецпоселенцев в Казахстан, Среднюю Азию, Сибирь, Северный край, Северный Кавказ с 1932 по 1938 гг. постоянно прирастало, чаще всего репрессированные направлялись в Казахстан и Среднюю Азию. В Сибирь попало значительное число украинских «кулаков». Колонизация с карательной окраской повлекла вынужденные миграции местного населения (русских старожилов и этнических меньшинств) северных территорий. Одновременно происходили и трудовые миграции. Так, в 1940 г. в Казахстан прибыло из Украины 6826 хозяйств, Белоруссии - 216, Татарской АССР - 910, Чувашской - 937, Мордовской - 766, из Воронежской области - 1223, Курской - 1002, Тамбовской - 318, Рязанской - 755, других 351. Мигранты имели в основном специальности, нужные республике: комбайнеры, механики по комбайнам, трактористы, слесари, счетные работники, бригадиры и т.д.

Широкомасштабное лишение избирательных прав не имело целью сознательно дискриминировать какие-либо отдельные нацменьшинства. Не носила характер этнических дискриминаций или ограничений и служба в частях тылоополченцев. Стереотипное представление о направленности сталинских репрессий прежде всего против отдельных этнических групп не подтверждается статистикой. В большей степени подвергались репрессиям русские и белорусы. В составе заключенных в сравнении с данными по населению страны отдельные этнические группы составляли: русские - 60,3 / 58,0 %, украинцы - 16,8 / 16,3, белорусы - 4,8 / 3,0, узбеки - 3,5 / 2,8, евреи - 1,5 / 1,7, грузины - 0,5 / 1,2, армяне - 0,6 / 1,2 %. Доля других групп была меньше 0,5% [6: 47-53, 14,24,69; 4: 17-23].

Большой террор 1937-1938 гг. велся, прежде всего, против партийно-государственной элиты и других частей номенклатуры, в т.ч. национальной, репрессии носили открыто политическую мотивацию. Смена идеологических акцентов с интернационалистского на патриотический привела к переформатированию государственности с закреплением в конституции 1936 г. Ут-

верждение концепции «старшего брата» означало отступление от прежнего проекта межэтнической интеграции за счет уступок со стороны русского большинства в пользу социально-экономического и культурного прогресса других народов, предоставления им ранее невиданных управленческих и статусных возможностей. Руководящая роль русских, складывавшаяся исторически, реализовалась в новом социальном и идеологическом контексте и в рамках жестко иерархизированной этнополитической конструкции. Русская культура была основой интернационального «сближения и расцвета социалистических наций». Межкультурная интеграция еще более последовательно подвергалась администрированию по вертикали, что далеко не всегда означало точную реализацию властного проекта в практике разнообразных меж- и еще более внутриэтнических социально-культурных, межпоколенческих, гендерных отношений.

В конце 1930-х гг. в паспорте была введена графа «национальность» и проведена перепись населения, основанная на новых подходах. Число национальностей с учетом ускоренной аккультурации и стремления к искусственно упорядоченной структуре сократилось до 120 [5: 177-206]. Иерархия народов по Сталину (нации, национальные группы и народности) была увязана с административно-территориальной организацией СССР и отражала нацеленность власти на ясность и недвусмысленность управляемой и стабильной общественной структуры, включавшей не только классы трудящихся и интеллигентскую прослойку, но и отчетливо выраженные этнокультурные критерии. В то же время исторически сложившаяся этнокультурная мозаика диктовала свои особенности. Во взаимоотношениях социальных и этнических общностей и групп внутри и между собой, а также их лидеров маркеры культурных дистанций получали разное воплощение: от интуитивного следования архетипам компромиссного и/или конфликтного взаимодействия и со «своими», и с «чужими» до рациональных, прагматичных и оперативных комбинаций партнерства и противоборства с ними же. Сохранялась многослойность идентичности, и у большинства населения постепенно формировалась новая система ценностей, трудовой мотивации,

социальных установок. В то же время патерналистский тип ментальности этнической культуры вполне соответствовал доктринальным установкам государства.

Безусловный прогресс в обеспечении массовой грамотности, создании кадров специалистов для управления, ведущих отраслей экономики и социальной сферы из представителей титульных этносов имели принципиальные последствия для дальнейшего роста качественных показателей народов СССР, создания условий к их дальнейшему развитию. Но нивелирование этнокультурной самобытности, заложенное в основу советской социальной политики, деформировало систему социально-психологических ориентиров, выстраивало модели поведения и картину мира, идеологически и политически адекватные авторитарной парадигме переустройства мира и человека в сталинском СССР.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аманжолова Д.А. Упрямые факты // Воспитание историей. М., 1990. С. 85-96.
2. Араловец Н.А. Потери населения советского общества в 1930-е годы: проблемы, источники, методы изучения в отечественной историографии // Отечественная история. 1995. № 1. С.135-140.
3. Гноевых В.П. Сила братского союза. Алма-Ата: Казахстан, 1979. -105 с.
4. Жангуттин Б.О. Формирование славянского населения в Казахстане (численность, миграционный процесс в конце XIX - XX вв.). Автореф. дисс. ... д.и.н. Алматы, 2010. -40 с.
5. Кадио Ж. Как упорядочивали разнообразие: списки и классификации национальностей в Российской империи и в Советском Союзе (1897-1939 гг.) // Ab imperio. 2002. № 4. С.177-206.
6. Красильников С.А. На изломах социальной структуры: Маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х гг.). Новосибирск, 1998. -50 с.
7. Под знаменем ленинских идей. Алма-Ата: Казахстан, 1973. 548 с.
8. Полян П.М. Не по своей воле... История и география прину-

- дительных миграций в СССР. Москва.: РОССПЭН, 2001. - 328 с.
9. Российская многонациональная цивилизация. М.: Наука, 2003. - 378 с.
10. ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. М.: РОССПЭН, 2005. - 784 с.

УДК 94(47)

Аблажей Н.Н.

*Институт истории СО РАН, г. Новосибирск,
ablazhey@academ.org*

КАМПАНИЯ ВНУТРЕННЕЙ ПЕРЕДИСЛОКАЦИИ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ В КАЗАХСКОЙ ССР В НАЧАЛЕ 1950-х гг.: НЕРЕАЛИЗОВАННАЯ ДИРЕКТИВА

В течение первой половины 1940-х гг. Казахстан стал крупнейшим регионом ссылки в СССР. Так, только по итогам депортаций 1943-1944 гг. из Крыма, Грузии и с Северного Кавказа в республику прибыло 506,7 тыс. чел. (по другим данным 478 тыс. чел.) (АП РК. Ф. 708. Оп. 10. Д. 242. Л. 60); [1: 179]. Значительную по массовости группу ссыльных в Казахстане составляло и немецкое население: суммарное число переселенных из Поволжья, мобилизованных и местных немцев превысило 445 тыс. В ходе послевоенных депортаций в Казахстан прибыло еще 50 тыс. ссыльных. К началу ликвидации в СССР системы спецпоселений, в середине 1950-х гг., доля ссыльных составляла 15 % от общей численности населения республики. Влияние массовых переселений на экономическую и социальную сферы в республике было двояким: с одной стороны, депортации «оживили» региональную спецпоселенческую систему после освобождения граждан Польши, с другой – обострили экономическую обстановку, поскольку в условиях военного времени, при наличии 1,5 млн. эвакуированных, требовалось разместить еще и более 0,5 млн. ссыльных. Принимающий социум в кратчайшие сроки должен был интегри-

ровать большую массу людей, этнически и культурно далеких от коренного населения.

Хотя каждая депортационная кампания сопровождалась серией мероприятий по хозяйственному закреплению спецпереселенцев в местах их обязательного расселения, первый год ссылки для них оказывался самым тяжелым. Расходы на содержание депортированных частично покрывались за счет конфискованного у них имущества, включая продовольствие: некоторая его часть распределялась среди спецпоселенцев бесплатно, а остальное продавалось им за наличный расчет. Периодически возникавшие недостатки продовольствия в местах вселения провоцировали гуманитарный кризис, и даже голод среди спецпоселенцев. Самыми тяжелыми для депортированных стали 1946-й и 1948-й годы. Идея размещать спецпоселенцев в сельской местности, по логике, была призвана смягчить условия адаптации ссыльных, тем не менее, достичь этого не всегда удавалось. По прибытии к месту ссылки спецпоселенцы должны были получать из фондов колхозов скот и безвозмездные денежные пособия, эквивалентные, с точки зрения государства, стоимости утерянного имущества. Однако зачастую они прикреплялись к колхозам лишь формально, без принятия в члены сельхозартелей, что влекло дополнительные продовольственные и жилищные трудности, не способствовало высокой занятости, а, следовательно, усложняло адаптацию.

В условиях тотального переселения целых народов (как случилось с Северным Кавказом и Крымом) власти Казахстана по объективным причинам не имели возможности успешно решить весь комплекс вопросов, связанных с приемом и обустройством депортированных. Результатом этого стали значительные людские потери и крайнее обнищание перемещенного населения. В связи с тяжелым положением ссыльных в Казахстане и Киргизии СНК СССР и ЦК ВКП(б) своими постановлениями соответственно от 17 ноября 1945 г. и 6 августа 1946 г. предписывали руководству республик осуществить ряд мер, направленных на хозяйственное обустройство и закрепление спецпоселенцев в местах ссылки. Вслед за этими постановлениями последовали аналогичные решения ЦК КП(б) Казахстана и республиканского

совнаркома, призванные устранить недостатки в трудовом и хозяйственном устройстве депортированного населения.

На практике, однако, ситуация оставалась чрезвычайно сложной. Итоги проверки положения спецконтингента, проведенной в первые послевоенные годы, стали просто шокирующими, особенно данные по смертности. Смертность среди северокавказского контингента на конец июля 1946 г. составила 73,7 тыс. чел. (АП РК. Ф. 708. Оп. 10. Д. 242. Л. 60), что и привело к резкому сокращению численности этой категории высланных. По итогам проверочной кампании также был установлен факт низкой трудовой занятости этого спецконтингента (с июля 1944 г. по июль 1946 г. в общественном производстве было занято всего 44 тыс., а общее число занятых составило 178,5 тыс. чел.). Почти 67 % работавших были заняты в сельском хозяйстве, из них 58 % – в колхозах (Там же. Л. 61). Признавая фактическую неполную занятость спецпоселенцев – выходцев с Северного Кавказа и Крыма, местное руководство, тем не менее, докладывало в Москву, что все 426 тыс. чел., прибывших в республику в 1943–1944 гг., трудоустроены и закреплены на новых местах жительства (Там же. Л. 1, 61).

По итогам проверки было отмечено также, что сложившаяся география размещения ссыльных в республике не оптимальна. Схема расселения депортированных «доводилась» до республики через постановления ГКО и правительства и директивы силовых ведомств. При этом мало учитывались потребности и специфика принимающих регионов. При распределении контингента внутри областей доминировала следующая практика: окончательное распределение спецпоселенцев по территории области осуществлялось на основании решения руководства области в лице председателя облисполкома, секретаря обкома и начальника УМВД. При том что основные контингенты направлялись в сельскую местность, в связи с нехваткой рабочей силы часть спецпоселенцев распределялась по промышленным предприятиям, на железнодорожный транспорт и в другие стратегические отрасли Казахстана (АП РК. Ф. 708. Оп. 1/1. Д. 22. Л. 139). В годы войны широко практиковалась также «передача» облисполкомами ссыльных из

колхозов на производство. Впоследствии численность спецпоселенцев, проживавших в городах, увеличивалась за счет воссоединения семей и самовольного выезда с мест вселения. К концу войны в областных центрах республики находилось почти 44,5 тыс. ссыльных (Там же. Л. 120).

Судить о структуре расселения и занятости ссыльных позволяют данные за август 1948 г. Согласно им в республике находилось 760,8 тыс. ссыльных, из них трудоспособных – 358,7 тыс., или 47 %. За колхозами было закреплено 59 % всех ссыльных, за совхозами – 7,5, остальные 33,5 % – за предприятиями, стройками и учреждениями (Там же. Л. 53). В целом эта же структура занятости сохранялась и в дальнейшем (Там же. Л. 152). Самой высокой была занятость спецпереселенцев в угольной промышленности. Например, только в Карагандинской области в шахтах работали более 60 тыс. спецпоселенцев. Еще одним сегментом занятости для ссыльных стал транспорт. Особенно быстро росла доля спецпоселенцев с Кавказа в структуре занятых на железнодорожном транспорте. Кроме того, часть спецконтингента, размещенного в сельской местности, оказалась прикреплена к колхозам так называемого красноармейского радиуса, то есть в пограничных районах, в результате чего «красноармейские» колхозы почти на 60–70 % состояли из ссыльных (Там же. Оп. 10. Д. 242. Л. 5). Зачастую в структуре населения многих районов и населенных пунктов Казахстана стали доминировать именно депортированные.

Ужесточение режима спецпоселения и развернувшаяся кампания по борьбе с побегами спецпоселенцев, инициированная постановлением СНК СССР от 8 января 1945 г. и печально известным Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г., существенно ограничили не только мобильность спецпоселенцев, но и возможности региональных властей и хозяйственных органов, действовавших с санкции МВД, по передислокации контингента. В частности, в 1949 г. Прокуратурой Казахской ССР были даны специальные разъяснения относительно Положения 1945 г. о статусе спецпоселенцев. В соответствии с ними трудовая мобилизация спецконтингента на другие территориальные объекты без разрешения правительства СССР

признавалась незаконной (АП РК. Ф. 708. Оп. 1/1. Д. 22. Л. 91). При этом не ставился под сомнение тот факт, что существующий порядок передвижения ссыльных внутри района, области и республики под контролем МВД является оптимальным, поскольку способствует «закреплению рабочей силы в отраслях народного хозяйства, в особенности в сельском хозяйстве» (Там же. Л. 111). После перехода системы спецпоселений из МВД в МГБ последовали новые ограничения режима.

Вопрос об отселении спецпоселенцев из стратегически важных промышленных центров, от железнодорожных магистралей и государственных границ СССР впервые был поднят в приказе МГБ СССР от 16 ноября 1950 г. № 00552. Именно этим документом надзор за ссыльными, высланными и спецпоселенцами практически передавался от МВД к МГБ (что и предписывалось постановлением Совета министров СССР от 14 июня 1950 г.). МГБ СССР планировало осуществить масштабное переселение во всех регионах ссылки. Для Казахстана высылка спецконтингента с приграничных территорий стала актуальной только для Алма-Атинской и Семипалатинской областей, поскольку в Восточно-Казахстанской области ссыльных в приграничье не было. Важнейшие промышленные объекты республики, предприятия угольной промышленности и цветной металлургии были сконцентрированы преимущественно в городах Восточно-Казахстанской, Карагандинской и Семипалатинской областей. Единственной железнодорожной артерией республики был Турксиб. Из всех областных управлений наиболее активно за переселение ратовал УМГБ Семипалатинской области (Там же. Л. 137).

Уже к январю 1951 г. в соответствии с приказом № 00552 Министерство госбезопасности СССР потребовало от республиканского УМГБ первые отчеты об ужесточении режима ссылки и о повышении эффективности трудоустройства спецконтингента. К середине февраля областные управления МГБ Казахской ССР смогли сформировать отчеты «Об отселении спецпоселенцев». Из отчетов следовало, что для организации переселения требовалось согласовать позиции республиканского управления МГБ, ЦК КП(б) Казахстана и правительства республики, и впер-

вые о возможном переселении части спецконтингента говорилось 20 февраля 1951 г. на заседании бюро ЦК КП Казахстана при обсуждении «вопросов МВД и МГБ». Вина за чрезмерное скопление спецпоселенцев в городах и на железнодорожных объектах возлагалась в первую очередь на МВД, которое сначала неправильно вселяло, а потом допустило массовый самовольный выезд с мест первоначального поселения и концентрацию спецпоселенцев в городской местности. Именно на этом заседании МГБ настойчиво рекомендовало властям произвести переселение всех ссыльных из городов и пристанционных поселков в сельскую местность.

По данным УМГБ Казахской ССР, на начало 1951 г. на территории Казахстана в ссылке находилось 893 276 чел. Основными районами вселения были Акмолинская область (108,6 тыс. чел.), Карагандинская (122,7 тыс.), Кокчетавская (92,3 тыс.), Южно-Казахстанская (86,4 тыс.), Кустанайская область (78,2 тыс.). Депортированные были представлены 12 категориями: спецпоселенцы-немцы (414 956), выходцы с Северного Кавказа (353 313), из Грузии (30 438), Крыма (6 039), высланные с Черноморского побережья (36 492), из Прибалтики и Молдавии (3), калмыки (2 334), «оуновцы» (7 128), иранцы (4 454), поляки (34 002), басмачи (2 785), «власовцы» (1 277) (АП РК. Ф. 708. Оп. 1/1. Д. 22. Л. 119). По данным республиканского Отдела спецпоселений МВД, в городах и районных центрах проживало 107 855 чел., в том числе 54 122 спецпоселенца-немца, 40 091 высланный с Северного Кавказа, 2 687 – из Крыма, 5 624 «оуновца», 2 479 поляков (Там же. Л. 119-120). В столице и областных центрах проживало 54 122 чел. (6 % от контингента), в том числе в Алма-Ате – 3 232 чел., в Гурьевске – 4 353, в Джамбуле – 2 735, в Кустанае – 1 501, в Караганде – 36 731, в Павлодаре – 1 988, в Семипалатинске – 1 763, в Усть-Каменогорске – 1 729 чел. (Там же. Д. 22. Табл. «Дислокация...»).

В течение 1951 г., в ходе мониторинга расселения и занятости ссыльных, областными УМГБ и областными властями регионов предварительно обсуждались вопросы возможного их перемещения. Вопрос был сложным и фактически только к концу

года регионы сформулировали свои предложения. На основании серии отчетов областных управлений МГБ и докладных записок руководства областей можно утверждать, что единой позиции по этому вопросу достигнуто не было. Позиция аграрных и индустриальных областей по ряду сюжетов, связанных с переселением, оказалась противоположной. Так, в Кокчетавской области почти 93 % ссыльных размещались в сельской местности (АП РК. Ф. 708. Оп. 16(2). Д. 54. Л. 63). Власти области были готовы всех остальных ссыльных тоже переместить в село. Но при этом отмечалось, что и на селе эта рабочая сила используется неэффективно. Признавалось, что занятость спецпоселенцев в сельском хозяйстве носит ярко выраженный сезонный характер, имеет место низкая занятость женщин, не вырабатываются трудовые нормы. Восточно-Казахстанская область ратовала только за отселение из городов чеченцев и обосновывала необходимость «сохранения» спецпоселенцев, в первую очередь немцев, за основными промышленными объектами области [2: 146-147, 363-370]. Руководство Семипалатинской области настаивало на переселении части спецпоселенцев просто на том основании, что более 46 % всех ссыльных проживало в городах, районных центрах и вдоль линии железной дороги (Там же. Оп. 1/1. Д. 22. Л. 117).

Почти через год после первого обсуждения переселения спецпоселенцев на уровне ЦК, 26 января 1952 г., состоялось новое заседание ЦК КП(б) Казахской ССР. Согласно данным 9-го управления МГБ (бывший отдел «П», или отдел спецпоселений) на начало 1952 г. численность спецпоселенцев в республике составила уже 930 776 чел. (АП РК. Ф. 708. Оп. 1/1. Д. 22. Л. 129). В городских поселениях республики проживало уже почти 12 % спецпоселенцев всех категорий, общей численностью 107, 6 тыс. чел. (Там же. Л. 119). Численность основных контингентов была следующей: немцы – 54,1 тыс., высланные с Северного Кавказа – 40 тыс., «оуновцы» – 5,6 тыс., высланные из Крыма – 2,7 тыс., поляки – 2,5 тыс., власовцы – 0,4 тыс. По другим сведениям того же ведомства, в городах и районных центрах было расселено 112,9 тыс. спецпоселенцев и 22,6 тыс. административно-высланных (Там же. Л. 139). Согласно предложениям МГБ по составу

высылаемых при доминировании выселенцев с Кавказа под переселение должны были попасть и другие контингенты ссыльных (Там же. Оп. 16/2. Д. 55. Л. 79). При этом почти не скрывалось, что кампания в первую очередь виделась как «античеченская». Особо подчеркивалось, что в городах и вдоль линии железной дороги наиболее быстро увеличивается численность чеченцев, ингушей и балкарцев, а в отдельных случаях в городской черте и на землях железной дороги сформировались даже отдельные компактные поселения – «чечено-городки» (Там же. Оп. 1/1. Д. 22. Л. 140). МГБ признало, что концентрация спецпоселенцев в городах, появившаяся еще в годы войны, только усиливается. Но при этом отмечалось, что МГБ вынуждено по-прежнему давать большое количество разрешений на выезд, так как многие хозяйственные объекты, на которых заняты спецпоселенцы, находятся вне пределов спецкомендатур, к которым они прикреплены.

После того как на республиканском уровне было достигнуто принципиальное согласие о необходимости переселения, руководители республики обратились за санкцией в Москву. В докладной записке на имя главы правительства Г.М. Маленкова от 10 марта 1952 г. указывалось, что в последние годы в Казахстане увеличилась численность спецпоселенцев, проживающих в областных городах, районных центрах и на железнодорожных станциях, за счет их самовольного переселения, в первую очередь это касалось чеченцев и ингушей. Это, в свою очередь, привело к нарушению режима ссылки, массовому уклонению от работы и, как следствие, ухудшению криминогенной обстановки. По приводимым в том же документе данным республиканского МГБ, на начало 1952 г. отселению подлежал 135 581 чел. (АП РК. Ф. 708. Оп. 1/1. Д. 22. Л. 127; ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 570. Л. 127–128). В этой связи, с учетом «интересов государственной и общественной безопасности», руководство просило разрешить отселение этой части спецпоселенцев из городов и зоны железной дороги в «остронуждающиеся в рабочей силе колхозы и совхозы республики» (АП РК. Ф. 708. Оп. 1/1. Д. 22. Л. 127–128). На деле же власти понимали: наличие в городах большого количества спецконтингента дестабилизирует обстановку в республике, снять эту

проблему можно было только за счет отселения представителей данной категории в отдаленные сельскохозяйственные районы [3: 706].

1 апреля 1952 г. постановлением Бюро КП(б) Казахстана была создана специальная комиссия для разработки мероприятий по перемещению спецпоселенцев из областных и районных центров, а также из населенных пунктов вдоль железной дороги (АП РК. Ф. 708. Оп. 1/1. Д. 15. Л. 172). Через две недели в регионы поступила директива: рассмотреть варианты «более эффективного использования спецконтингентов как рабочей силы в народном хозяйстве»; облисполкомы и обкомы должны были дать свои комментарии в предложенную МВД сетку расселения. Все регионы вновь подтвердили готовность пополнить село рабочей силой, даже Карагандинская область выражала готовность переселить на село 10 тыс. чел., как избыточную рабочую силу, из числа тех 65,5 тыс. спецпоселенцев, которые были заняты на угольном производстве (Там же. Д. 22. Л. 142). В то же время оставался без ответа основной вопрос, который задавали руководители промышленных предприятий: зачем занятый на производстве спецконтингент, в первую очередь немецкий, заменять местным населением или компенсировать потери за счет оргнабора? И это при том, что многие промышленные объекты в Казахстане, как действующие, так и строящиеся, функционировали именно благодаря спецконтингенту.

В течение апреля 1952 г. руководители областей подготовили свои предложения относительно мест будущей дислокации спецконтингента и доложили о готовности начать переселение. УМГБ и областные власти согласовали объемы переселения с разбивкой по категориям спецконтингента, были составлены перечни населенных пунктов и предприятий, из которых предполагалось провести отселение, и районов, населенных пунктов и колхозов, которые должны были принять вновь выслаемых; рассчитаны расходы (АП РК. Ф. 708. Оп. 16/2. Д. 55. Л. 19-22). Так, Джембульская область должна была переселить 10 840 чел., в том числе 8 188 северокавказцев, 1 310 немцев и 673 грека. Из областного центра должно было выехать более 4 тыс. чел., остальные

– из 11 районов области (Там же); [4: 170-175]. К апрелю 1952 г. были готовы и предварительные цифры отселяемого спецконтингента: Алма-Атинская область – 4 817 семей (16 604 чел.), Акмолинская – 2 807 (без указания численности), Актюбинская – 1 500 (без указания численности), Восточно-Казахстанская – 1 500 (6 903 чел.), Карагандинская – 3 430 (12 800 чел.), Кзыл-Ординская – 4 511 (15 447 чел.), Кокчетавская – 3 758 (12 704), Павлодарская – 1 315 (4 862 чел.), Семипалатинская – 2 991 (9704 чел.), Талды-Курганская – 2 679 (9 561 чел.), Южно-Казахстанская область – 1 291 семья (4 715 чел.). Таким образом, по имеющимся неполным данным, МГБ предполагало отселить более 31 тыс. семей спецпоселенцев, или около 95 тыс. чел. (АП РК. Ф. 708. Оп. 1/1. Д. 15. Л. 172).

На основании этих предложений и расчетов в мае был подготовлен проект Постановления Совета министров СССР «Об отселении спецпоселенцев из городов, райцентров и железнодорожных станций». Согласно этому документу в течение второй половины 1952-1953 г. предусматривалось как внутри-, так и межрегиональное переселение. В пределах прежних административных субъектов должно было быть переселено 12 892 семей общей численностью 39 986 чел. В этом случае предусматривалось выселение из районных центров и отдельных железнодорожных станций и разъездов в близлежащую сельскую местность в радиусе до 50 км. Основная же масса переселенцев, 23 935 семей (85 487 чел.), должна была быть перемещена в глубинные районы республики, а 400 семей вывезены в Иркутскую область. С учетом вышеприведенных цифр речь шла о переселении 36 827 семей спецпереселенцев общей численностью 125 473 чел. (АП РК. Ф. 708. Оп. 16/2. Д. 55. Л. 1). Однако в приложениях к проекту фигурировала цифра в 39 812 семей (133 836 чел.). В масштабах областей общая схема отселения предлагалась следующей: Алма-Атинская область – 19 868 чел., Акмолинская – 8 200, Актюбинская – 4 820, Гурьевская – 6 903, Джамбульская – 10 840, Карагандинская – 12 798, Кзыл-Ординская – 15 447, Кокчетавская – 12 244, Кустанайская – 13 800, Павлодарская – 3 437, Северо-Казахстанская – 1 467, Семипалатинская – 9 704, Талды-Курган-

ская – 9 561, Южно-Казахстанская область – 4 717 чел. (Там же. Л. 10). Только в одном регионе – Восточно-Казахстанской области – было принято решение отселение не производить. В приложении к проекту указывалось, что первые две волны отселения (внутри областей) возможны уже в августе-сентябре 1952 г. (9,5 тыс. семей) и феврале-апреле 1953 г. (14,5 тыс. семей). Именно эти 24 тыс. семей общей численностью 85,5 тыс. чел. подлежали отселению в отдаленные районы, но в пределах тех, же областей.

По предварительным расчетам, даже перемещение этой, не самой многочисленной, группы потребовало бы существенных финансовых затрат, которые республика не могла закрыть полностью из собственного бюджета. Только транспортные расходы были оценены в 4,8 млн. руб., затраты бензина – в 1,5 тыс. т; временная продовольственная помощь переселенцам – в 2,5 тыс. т зерна. Отдельную проблему представляла бы необходимость решать жилищный вопрос: из числа спецпоселенцев, намеченных к новому выселению, собственное жилье, включая землянки (!), имела только половина семей. Нужно было что-то делать с находившимися в личном пользовании почти 10,5 тыс. голов крупного и мелкого скота. Задолженность государству по ссудам и кредитам составляла почти 7,5 млн. руб. (АП РК. Ф. 708. Оп. 16/2. Д. 55. Л. 9). Для хозяйственного обустройства вновь переселяемых было бы необходимо массовое кредитование через Сельхозбанк при одновременном списании 5-миллионной задолженности по ранее взятым кредитам и ссудам (Там же. Л. 1). Повторное переселение не окрепших за годы ссылки хозяйств грозило переселенцам очередной катастрофой. Нельзя не согласиться с П. Поляном, что в таком формате – «некоторого перемещения людей, осевших в городах, в глухие сельскохозяйственные районы республики, а некоторых и за ее пределы» – Совет министров и ЦК ВКП(б) Казахстана предлагали фактически провести новую депортацию [3: 740].

Несмотря на все выявленные проблемы, республиканские власти заверяли Центр, что способны провести переселение эффективно в сжатые сроки, обеспечив переселенцев в местах нового вселения жильем, пригодным для зимних условий, и рабо-

той. МГБ СССР, со своей стороны, посчитало нецелесообразным вторичное переселение в пределах Казахской ССР (ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 570. Л. 130). Таким образом, долго обсуждавшееся силовиками и властями республики переселение было отложено, хотя последние продолжали рассчитывать, что Москва все-таки даст разрешение на отселение. По данным на конец октября 1953 г., отселению подлежало 40 296 семей общей численностью 138 334 чел. В областном разрезе картина была следующей: Алма-Атинская обл. – 16 604 чел., Акмолинская – 9 748, Актюбинская – 4 212, Восточно-Казахстанская – 932, Гурьевская – 6 993, Джамбульская – 10 770, Карагандинская – 12 798, Кустанайская – 13 800, Кзыл-Ординская – 16 364, Кокчетавская – 12 704, Павлодарская – 4 862, Северо-Казахстанская – 1 467, Семипалатинская – 12 867, Талды-Курганская – 9 556, Южно-Казахстанская – 4 717 чел. (АП РК. Ф. 708. Оп. 1/1. Д. 22. Л. 136.). В этот период на учете спецпоселения находилось 989 266 чел. Под переселение по-прежнему попадало 14 % контингента (Там же. Л. 139).

Имеющиеся в нашем распоряжении косвенные сведения позволяют утверждать, что частично переселение в республике все же было проведено. Вместе с тем статистика МГБ и МВД за 1953–1954 гг. не показывает движения контингента. Похоже, что начавшийся стремительный кризис, а затем и быстрый демонтаж системы спецпоселений в СССР сняли этот вопрос с повестки дня.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кулбаев Т., Хегай А. Депортация. – Алматы, 2000.
2. Бургарт Л.А. Немецкое население в Восточном Казахстане в 1941-1956 гг. – Усть-Каменогорск, 2001.
3. Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.) / под ред. В.А. Козлова. – М., 2009.
4. Из истории немцев Казахстана (1921-1975 гг.): сб. документов. – Алматы, 1997.

УДК 94:314 (574) «1945/1953»

Абдрахманова К.К.

КГУ им. Е.А. Букетова, г. Караганда, kimbat_abd@mail.ru

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА)

В условиях независимости, суверенности и дальнейшей модернизации всех сторон жизни казахстанского общества, перед отечественной исторической наукой возникло множество проблем, связанных с пересмотром роли исторической науки в обществе. Одной из важных задач казахстанской исторической науки, которая требует скорейшего решения – это пересмотр прежних и внедрение новых направлений в историческом исследовании. Одной из неизученных проблем является история повседневной жизни людей в самых разнообразных аспектах. История повседневности направлена на исследование жизни обычных людей.

Широкое использование ранее не задействованных документальных источников, воспоминаний старожилов, а также всесторонний и критический анализ статистических данных, позволили охарактеризовать культуру повседневности, а именно досуг, городского населения Центрального Казахстана в послевоенный период.

В тяжелые послевоенные годы в советской культуре особое внимание уделялось организации повседневного досуга среди населения. Через такие формы досуга как чтение, кино, клубы, театр и праздники партия воспитывала в советском человеке коммунистическое отношение к труду и чувство советского патриотизма. Изучение основных форм досуга, интересов и т.д., присущих для горожан Центрального Казахстана в послевоенный период, стали специальным предметом исследования в настоящей статье.

Для культурного человека было обязательным посещение библиотек. Как свидетельствуют источники, в 1948 г. в Централь-

ном Казахстане работали 42 библиотеки, из них 1 областная, 5 городских, 2 детских, 2 промцентровых, 16 районных и 16 сельских. Кроме библиотек функционировали 92 избы-читальни [1: 6]. В 1951 г. в области насчитывалось уже 63 библиотек. Из них областных – 1, городских – 9, районных – 9, промцентровых – 4, детских – 8, сельских – 32 [2: 63-64]. Среди читательской массы на первый план выдвигались ударники, стахановцы, партийный актив, студенты и учащиеся. Не читать литературу считалось отсталым, некультурным и недостойным для советского человека. В годовом отчете Карагандинского городского отдела культурно-просветительской работы за 1951 г. приводятся статистические материалы по следующим библиотекам: городские, подведомственные, библиотеки горнопромышленных училищ, системы трудовых ресурсов. Общее количество читателей городских библиотек составило 3260 человек. Из них мужчин – 1735, женщин – 1535, членов и кандидатов партии – 905 чел, членов ВЛКСМ – 545 чел, служащих – 1450 чел., рабочих – 1810 чел. По национальному составу: русских – 1745 чел., казахов – 235 чел., украинцев – 215 чел., прочие национальности – 1073 чел. [2: 104].

В подведомственных библиотеках в 1951 г. было зарегистрировано 12928 читателей. Из них: мужчин – 7975 чел., женщин – 4953, членов и кандидатов партии – 5075 чел., членов ВЛКСМ – 1295 чел., без партийных – 5358 чел. По национальности: русских – 7425 чел., казахов – 975 чел., украинцев – 1375 чел., разных национальностей – 3153 чел. По социальному положению: рабочих – 6558 чел., служащих – 6370 [2: 105]. В библиотеках горнопромышленных училищ числилось 3975 чел. Из них женщин – 1295 чел., мужчин – 2680 чел., членов и кандидатов партии – 975 чел., членов ВЛКСМ 2001 чел., без партийных – 999 чел. [2: 106]. Кроме вышеуказанных библиотек в городах имелось 16 библиотек системы трудовых резервов. Их книжный фонд составлял 32678 экземпляров, где 5795 экз. (17 %) было представлено на казахском языке [2: 106].

Среди читателей спрос был на различную литературу. Например, в 1951 г. в городских библиотеках было произведено 116453 книговыдач. Из них художественной литературы – 77697

(или 67 %), политической литературы – 14979 (или 13 %), разной литературы – 23777 или 20 %. Подведомственными библиотеками за отчетный год было произведено 525975 книговыдач. Из них художественной литературы – 380510 (72 %), политической литературы – 9725 (2 %), технической – 9825 (2 %), разной литературы – 125915 (24 %). Библиотеками системы трудовых ресурсов за год было выдано 101214 книговыдач. Из них художественной литературы – 24397 (24 %), технической литературы – 46219 (45 %), политической литературы – 21395 (21 %), разной литературы – 9203 (9%). Следует отметить, что к числу разной литературы относились: научная, учебная, периодика и т.д. [2: 115].

Анализ книговыдач показал, что среди читателей большой спрос приходился на художественную литературу – 64%, тогда как на политическую – 6%. Интерес к периодике, научной и учебной литературе составил 21%, к технической – 7 %. Из художественной литературы среди горожан широкой популярностью пользовались произведения зарубежной и русской классики. Вспоминает А.Ф. Самохина: «Из зарубежной классики мы читали «Мопассана», трудно было найти произведения Т. Драйзера. Их можно было достать только через райком партии. В целом, помимо зарубежной литературы, мы читали и произведения русской классики: «Молодую гвардию» А.А. Фадеева, «Тихий дон» и «Поднятая целина» М.А. Шолохова. Очень любили приключенческую литературу, сказки» [3].

Интерес к приключенческому жанру являлся общей тенденцией в Советском Союзе в послевоенное время. Российский исследователь Е.Ю. Зубкова связывает это, во-первых, с «омоложением возрастного состава читателей, во-вторых, со своеобразной психологической реакцией отторжения от послевоенной реальности». Так в литературе приключенческого жанра, сказках люди находили своеобразное утешение [4: 48]. Интерес к периодике был обусловлен тем, что в газетах и журналах освещались наиболее злободневные и актуальные проблемы. Здесь можно было почитать новости, получить информацию о различных мировых событиях и т. д. Спрос на учебную и научную литературу был связан с ростом количества учащихся, т.е. учеников средних

школ, ФЗО, профессионально-технических училищ, училищ, институтов. Наименьший спрос приходился на чтение политической литературы.

Анализ читателей городских библиотек по половой принадлежности выявил, что наиболее высокая посещаемость приходилась на мужчин, которая в среднем составили 61 %, тогда как женщины – 39 %. Основными читателями являлись не только члены и кандидаты партии, но и беспартийные лица, не имевшие право быть членами коммунистической партии вследствие своего «социального происхождения». Низкий процент читателей среди казахского населения был обусловлен тем, что большая часть литературы была на русском языке.

Ежегодно библиотеками проводились книжные выставки, посвященные советской литературе, знаменательным политическим датам, праздникам и т.д. В частности, в 1948 г. библиотеками Караганды, Каркаралинска, Балхаша, Темиртау было проведено 442 книжных выставок. Из них 75 % на темы политического характера: «Лауреаты сталинской премии», «Новинки политической литературы», «30 лет ВЛКСМ», «Сталинская конституция», «Сталинские стройки коммунизма», «День парижской коммуны», «Ко дню выборов в местные Советы депутатов трудящихся», «США – центр мировой реакции», «Караганда в 4-й Сталинской пятилетки», «30 лет Советской Армии». 15 % – выставки литературного направления, посвященные И.В. Мичурину, А.М. Горькому, «55 летию со дня рождения Маяковского», а также различным новинкам художественной и научно-популярной литературы, в том числе казахской. 10 % – выставки, посвященные праздникам – 1 и 9 Мая, Международному женскому дню 8 марта, 7 ноября и т.д. [1: 8-9]. По темам «Советский союз – знаменосец мира и демократии», «Великая стройка коммунизма», «Подъем сельского хозяйства Казахстана» и прочее были подготовлены фотомонтажи [2: 63-64].

Основная работа библиотек была направлена на повышение культурного уровня. С целью популяризации советских писателей, часто проводились литературные встречи и конференции по актуальным произведениям. Например, литературные вечера,

посвященные Н.А. Некрасову, И.А. Крылову, а также отдельным произведениям советских писателей. В частности особую популярность среди горожан имели такие произведения как «Сталь и шлак» В.Ф. Попова, «От всего сердца» Е. Мальцева [2: 63-64]. В библиотеках часто устраивались конференции, где обсуждались произведения Ильина «Сын полка», «Клятва», «Четвертая высота», П.П. Вершигора «Люди с чистой совестью», Калинин «Товарищи», Гончарова «Знаменосцы», Павленко «Счастье» [1: 8-9]. Актуальными темами во всех библиотеках считались: «Образ Ленина в художественной литературе», «Советские писатели о молодежи», «Жизнь и деятельность И.В. Сталина», «Образ советского молодого человека в художественной литературе», «Сталин и Ленин в художественной литературе», «Советский суд и художественная литература».

В 1951 г. во всех городских библиотеках были проведены читки и конференции по книгам Г. Мусрепова «Солдат из Казахстана», В. Ажаева «Далеко из Москвы», А.А. Фадеева «Молодая гвардия», М.А. Шолохова «Тихий Дон», а также читки о З. Космедыанской, о Шота Руставели, о Н.Г. Чернышевском, М.Ю. Лермонтове. В детских библиотеках проводились читки с тематикой «Тимур и его команда» А. Гайдара, сказки А.С. Пушкина и т.д. [2: 104]. В 1952 г. были организованы читки по новой книге Г. Мустафина «Караганда», в 1953 г. по роману Г. Мусрепова «Пробужденный край», посвященный становлению и развитию шахтерской столицы. В библиотеках были собраны папки с вырезками из газет по темам: «Знатные люди Караганды», «Критика и библиография о вышедших книгах» и т.д. [1: 9]. При городских библиотеках функционировали лектории, где раз в неделю читались лекции на различные темы: «Великая Сталинская конституция», «Наука и религия о происхождении человека», «Сталинские стройки коммунизма» и т.д. [2: 63-64]. В целом только за 1951 г. было проведено 6725 читок с охватом населения в 206995 чел. [1: 9]. В городских библиотеках были открыты комнаты для самостоятельных занятий. Сюда приходили студенты, заочники, учителя, пропагандисты. Комнаты были оборудованы специальной мебелью, столами, креслами, стульями, настольными лампа-

ми [1: 8-9].

Массу трудностей и неудобств создавало отсутствие специализированных помещений для городских библиотек. Например, городская детская библиотека г. Караганды, имевшая более 16000 книг и 5650 читателей занимала площадь в 40 кв.м. Вследствие этого абонемент и читальный зал помещались в одной комнате [1: 6]. В очень тесном помещении располагалась городская библиотека № 1 Сталинского района г. Караганды, которая имела свыше 10 тыс. экземпляров книг (из них более 3 тыс. экземпляров на казахском языке) и более 1 тыс. читателей. Библиотека находилась в двух маленьких комнатах общей площадью 24 кв.м., где хранился весь книжный фонд и зал выдачи книг. Аналогичная ситуация была характерна и для городской библиотеки №3 Шахтинского района, библиотеки г. Каркаралинска и т.д. [2: 63-64]. Библиотеки трестов «Сталинуголь», «Ленинуголь», «Кировуголь» находились в помещениях площадью всего 12-18 кв.м. [2: 104]. Детская библиотека г. Балхаша представляла собой подвал с низкими потолками и проходящими трубами парового отопления с цементным полом. Температура помещения постоянно была высокой и плохо вентилировалась [2: 130].

В целом, несмотря существующие проблемы, городские библиотеки проводили огромную просветительскую работу среди населения. Для полного охвата населения постоянно организовывались передвижные библиотеки, проводились выставки, читки, конференции и т.д.

Важную роль в организации досуга выполняли клубы и кружки, которые занимались не только культурно-просветительскими мероприятиями, но и политическим воспитанием горожан. При каждом клубе функционировали кружки художественной самодеятельности, где имелись директора и художественные руководители [2: 155]. В июле 1945 г. впервые в Караганде был открыт областной смотр художественной самодеятельности, посвященный 25-летию Казахской ССР, где приняли активное участие рабочие многих промышленных предприятий, школ, ФЗО области [5: 50]. В 1948 г. при Балхашском медеплавильном заводе были открыты драматический и хореографический кружки, а также хо-

ровой ансамбль и духовой оркестр. За год ими было поставлено свыше 100 концертных программ [5: 61]. В клубе ремесленного училища №2 учащимися ФЗО и ремесленных училищ трудовых резервов Караганды были организованы Олимпиады художественной самодеятельности. Здесь прозвучали казахские народные мелодии: кюи Курмангазы, песни «Сұржекей», «Қарғаш», «Бламай Сай» [5: 63].

В марте 1951 г. для участия во всесоюзном конкурсе художественной самодеятельности рабочих и служащих в г. Караганде был проведен городской смотр, где приняло участие 116 кружков художественной самодеятельности, охвативших свыше 730 участников. В том числе: певцов – 110 человек, музыкантов – 23 человек, чтецов – 54 человек, танцоров – 28 человек, акробатов – 12 человек и т.д. В репертуаре хоровых коллективов и отдельных исполнителей преобладали песни советских композиторов о родине, о мире, на темы социалистического труда, дружбе народов, русские народные песни [2: 18]. В летний период для организации культурного досуга молодежи организовывались массовые гулянья, встречи с передовиками производства, спортивные игры и т.д. В клубах также организовывались секции детской художественной самодеятельности, проводились школьные конкурсы и фестивали [2: 18].

Людям нравилось проводить досуг в клубах. Там они отвлекались от насущных проблем и радовались жизни. На примере клуба шахты им. Кирова можно проследить рабочую обстановку, которая была передана корреспондентом в газетной статье: «Внутри уютно и тепло. Картины, люстры, мебель – все как бы приглашает к отдыху. В работе драматического кружка под руководством М.С. Ручкиной-Чудновской 14 человек. Они репетируют постановки «Поздняя любовь» А. Островского, «В начале мая» Ленча, «Таня» Арбузова. Большой популярностью пользуется хор в составе 60 человек. Мощно звучит в исполнении хора «Кантата о Сталине», «Мы за мир», «Шахтерская песня». Из полуоткрытой двери музыкального кружка слышатся звуки гавайской гитары» [5: 76].

Игра на музыкальных инструментах и пение были самыми

распространёнными формами художественной самодеятельности. Популярными были: гармонь, пианино, гитара, балалайка, домбра, кобыз и т.д. Песни послевоенных лет, несмотря на то, что носили идеологическую окраску, были насыщены радостным энтузиазмом, уверенностью в будущее и патриотизмом. Слова и мотивы советских песен вдохновляли людей на подвиги и на труд. Их пели с большим удовольствием в семейном кругу, на демонстрациях и т.д. В связи с этим песни внедрялись в систему досуга молодежи очень легко.

Любимым национальным развлечением городского населения Центрального Казахстана были айтысы. Песенные соревнования устраивались ежегодно и проводились между районными и городскими акынами, а также между представителями заводов и трестов. Желавших поучаствовать или просто быть зрителем на айтысах всегда было много. В 1945 г. в Казахском драматическом театре состоялся айтыс между представителями двух трестов «Кировуголь» и «Сталинуголь». От треста «Кировуголь» выступал К. Елеуов, от «Сталинуголь» – Жолдыкей Нурмагамбетов. После айтыса с концертной программой выступила народная артистка Казахской ССР Жамал Омарова со своим ансамблем» [5: 48].

В 1946 г. в день выборов в местные советы депутатов трудящихся на избирательном участке № 135 в красном уголке состоялся айтыс народных акынов – Кошена Елеуова и Картая Ермекаева, где собралось более 300 человек. Это – горняки шахты и члены их семей [5: 83]. В 1948 г. в честь дня шахтера в зале клуба шахты №20 состоялся айтыс между коллективами шахт № 20 и 20-бис. Зал был переполнен. Акыны А. Кошумов и М. Байсеитов воспевали «советскую Родину, могучую большевистскую партию, любимых вождей и учителей тов. Сталина и Ленина» [5: 64].

Среди всех массовых мероприятий среди городского населения наибольшую популярность имело кино. В 1950 г. в Караганде функционировали кинотеатры «Казахстан» и «Октябрь». В г. Балхаше – «Первомайский» и «Ударник», в Каркаралинске – «Искра» [6: 24]. Киносеансы были дневные и вечерние. В связи с тем, что имеющиеся кинотеатры не могли полностью охватить

население, на местах организовывались сезонные кинотеатры для рабочих промышленных предприятий, заводов и фабрик Балхаша, Темиртау и прочих рабочих поселков. Цены на билет в кино в промышленных городах в среднем составляли: взрослый билет на сеанс 4,30 руб., детский – 1,50 руб. Немного дешевле стоили билеты в г. Каркаралинске – 3,50 руб. и 1,20 руб. соответственно [6: 24]. Попастъ в кинотеатр было сложно. Житель г. Караганды М.Р. Иманкулов вспоминает: «В то время центром досуга был кинотеатр «Октябрь». Билет достать на сеанс было очень сложно, иногда дело доходило до драки. Особенно когда показывали «Тарзана». Чтобы попасть на сеанс приходилось доставать билет по «блату». Зал кинотеатра заполнялся дополна» [7].

В это время в кинотеатрах города показывали такие художественные фильмы как: «Кавалер золотой звезды», «Кубанские казаки», «Щедрое лето», «Мичурин», «Мы за мир», «Велики перелом», «Донецкие шахтеры», «Клятва», «Ленин и Октябрь», «Ленин в 1918 г.», «Она защищает Родину», «Партийный билет», «Повесть о настоящем человеке», «Падение Берлина», «Сын полка», «Сельская учительница», «Сталинградская битва», «Подвиг разведчика», «Тарас Шевченко», «У них есть Родина», «Чапаев», «Корабли штурмуют бастионы», «Зоя», «Джамбул» и т.д. [6: 96].

В целом, с точки зрения советской идеологии, это были «политически выдержанные» фильмы. В советское время кино являлось мощным средством агитации и пропаганды. Так как именно фильмы способствовали укреплению советской мифологии в сознании людей. Как не странно, несмотря на то, что советский мир в кино был далек от реальности, это не раздражало зрителя. Кино было чудом, от которого никто не требовал правды. Основным сюжетом советских фильмов была борьба на социалистическом фронте, великие коммунистические стройки, промышленные соревнования, выполнение производственных планов, советские колхозы. Героями фильмов были простые механики, трактористы, доярки, труженики и т.д.

Ярким примером был кинофильм «Кубанские казаки» из жанра комедии, имевший широкую популярность в послевоенное время. Основной сюжет фильма – это послевоенная совет-

ская деревня, которая была показана всеми яркими красками. Люди этой деревни жили, не зная никаких проблем, весело и радостно, в полном изобилии. В действительности этого не было и не могло быть, особенно в послевоенное время. В работе Е.Ю. Зубковой приводится интервью журналиста с одной из участниц съемок фильма «Кубанские казаки», которая рассказывала, что «Картина воспринималась нами как сказка о хорошей жизни. На самом деле не было этого изобилия. Нарядные парни и девушки в кино были голодны, а представленное здесь продуктовое изобилие было ни что иное, как муляжи. Но мы верили всему этому, а самое главное надеялись. Если б в кино показывали тоску, то, как бы нам жилось. И так было тяжело. Кино нас успокаивало, вдохновляло» [4: 49].

Для детей показывали такие мультфильмы, как «Серая шейка», «Федя Зайцев», «Девочка в цирке», «Слон и муравей», «Лев и заяц», «Гуси лебеди», «Ночь перед рождеством», «Аленький цветочек», «Каштанка» [6: 96].

Определенное место в повседневной жизни горожан занимал театр, который выполнял важную задачу в массовой культурно-воспитательной и идеологической работе. В Старом городе Караганды функционировал русский драматический театр, который был основан в 1940 г. В годы Великой Отечественной войны театр выступал в эвакогоспиталях, рабочих коллективах шахт и рудников. В послевоенный период театром была продолжена культурно-массовая работа среди населения. В 1945 г. Областной русский драматический театр дал в Караганде 79 спектаклей, 20 шефских концертов [5: 51]. Вниманию зрителей театр были предложены спектакли на различные темы: «Испанский священник» Д. Флетчера, «Вилла Форели» Л. Кермана, «Так и будет» К. Симонова, «Генерал Брусилов» И. Сельвинского, «Секрет красоты» К. Финна, «Раскинулось море широкое» В. Вишневского, «Последние» М. Горького и т.д. [5: 52]. В 1946-1953 гг. репертуар театра значительно расширился. Были поставлены спектакли на различные жанры по пьесам русских и зарубежных классиков. В частности, это премьеры: «Глубокая разведка» А. Крона, «Ночное радио» Л. Шейнина, «За тех, кто в море» Б. Лавренева,

«Прodelки Скопена» Ж. Мольера, «Под каштанами Праги» К. Симонова, «Дама с камелиями» А. Дюма [5: 55], «Хрустальный башмачок» П. Габбе, «Испанцы» М. Лермонтова, «Бесприданница» А. Островского, «В наши дни» А. Успенского, «Разлом» Б. Лавренева, «Встреча с юностью» А. Арбузова, «Собака на сене» Лопе де Вега, «Хозяйка гостиницы» К. Гольдони [5: 60], «Жили три друга» А. Успенского, «Ромео и Джульетта» У. Шекспира, «Вас вызывает Таймыр» Исаева и А. Галича, «Бешеные деньги» А. Островского [5: 66], «Особняк в переулке», «Мещане» М. Горького, «Последняя жертва» А. Островского [5: 71], «Счастье» П. Павленко, «Отелло» У. Шекспира [5: 78], «Свадьба с приданным» Н. Дьяконова, «Девушка с кувшином» Лопе де Вега, «Зеленый рай» О. Васильева, «Семья» И. Попова [5, 82], «Любовь Яровая» К. Тренева, «Два капитана» В. Каверина, «Сердце и камень», «Женитьба Белугина» А. Островского и т.д. [5: 87].

Посещение кинотеатров для людей было радостным моментом. Вспоминает жительница г. Караганды А.Ф. Самохина: «Мы часто любили ходить по коллективным билетам в кино и театры. В большинстве, театральные постановки проходили на сценах Летнего театра и Каздрамтеатра в Старом городе. К нам с гастрольями приезжали артисты из московского, омского, алма-атинского театров и т.д. И мне посчастливилось посмотреть такие оперы как «Князь Игорь», «Мазепа», «Легенда о докторе Фаусте», и оперетты – «Свадьба в Малиновке», «Трембита», «Сорочинская ярмарка» [3].

Наряду с русским драматическим театром горожане посещали и областной Каздрамтеатр. Здесь ставились постановки на казахском и русском языках. В 1945 г. на сцене театра прошла юбилейная постановка пьесы «Абай», посвященная 100-летию со дня рождения великого казахского поэта Абая Кунанбаева [5: 55]. Успешно прошли спектакли «Майдан» Б. Майлина, «Қызыл сұңқарлар» С. Сейфуллина, «Кек» И. Джансугурова, «Ақан сері Ақтоқты» Г. Мусрепова [5: 55], «Алтын алқа» Акижанова, «Мен совет дәрігермін» Субханбердина [5: 60], «Дударай» А. Хангельдина, «Миллионер» Г. Мустафина [5: 66], «Гулден дала» А. Тажибаева [5: 82].

Важным событием были сценические постановки спектаклей на темы казахских фольклорных произведений Г.М. Мусрепова «Қозы-Корпеш – Баян сулу», М.О. Ауэзова «Енлик – Кебек», «Айман – Шолпан» [5: 70], а также народной героической пьесы «Кара-Кипчак-Кобланды» и т.д. [5: 51].

На совершенствование профессионального мастерства актеров оказал влияние коллектив Украинского театра им. Леся Украинки, эвакуированного в Караганду в 1940-е г. Режиссеры Ю.А. Сумароков и Д.Б. Серебряник осуществили постановки таких спектаклей «Ковер Джомарта» [5: 49], «Алтын алқа», «Гвардия чести», «Встреча в темноте» [5: 60].

В 1949 г. было принято решение Карагандинского облисполкома № 262 от 6 мая «О строительстве Летнего театра в г. Караганде». Строительство театра длилось в течение 2 месяцев. В газете Социалистическая Караганда это событие описывалось так: «45 дней назад здесь еще была степь, пустырь, сейчас между гостиницей и Детским парком стоит величественное сооружение – Летний театр. Закладка фундамента была начата с 1-го июня. Трест «Промжилстрой» работал круглосуточно, чтобы 16 июля шахтеры Караганды имели возможность смотреть спектакль Академического театра оперы и балета им. Абая. Зрительный зал рассчитан на 800 мест. Трудящиеся Караганды с радостью приняли это замечательное сооружение» [5: 68]. На сцене Каркаралинского театра ставились такие постановки как «Солдатская клятва», пьесы «Дед и внук» Абишева, «Старые друзья» Малютина и т.д. [5: 59].

За вклад в искусство артистам Карагандинских театров З. Кошубаеву, Ж. Шашкиной, А. Мусабекову, А. Шаймерденову, З. Жакупову, М. Бектенову, М. Абдыкаримову, М. Суртибаеву, А. Шанину, П. Труханову, Н. Борзовой было присвоено звание заслуженных артистов Казахской ССР, их наградили Почетными грамотами Верховного Совета Казахской ССР [5: 51].

С целью приобщения масс к театральному искусству коллективы театров постоянно выступали на различных городских мероприятиях, а также отправлялись на гастроли с концертными программами в промышленные и отдаленные районы. В 1947 г.

в дни подготовки к выборам в Верховный Совет Казахской ССР артистами театров города было дано 216 концертов, на которых присутствовало свыше 4 тыс. избирателей. В репертуаре концертных бригад были стихи Исаковского, Михалкова, Лебедева-Кумача. Областным театром музкомедии была показана оперетта композитора Стрельникова «Холопка» [5: 56].

В Шахтерскую столицу постоянно приезжали с гастрольями творческие коллективы из Москвы, Омска, Архангельска, Алма-Аты и т.д.

Наиболее частыми гостями были труппы Алма-Атинского театра оперы и балета им. Абая и Казахского государственного ордена Трудового Красного Знамени театра драмы с участием заслуженных артистов Казахской ССР З.И. Колтона, Х. Букеевой [5: 54] лауреатов Сталинской премии К. Джандарбекова, Р. Абдуллина, К. Байсеитовой, главного дирижера Г. Дугашева, главного балетмейстера, заслуженного артиста РСФСР, лауреата Сталинской премии М. Ф. Моисеева и т.д. [5: 75].

В 1951-1953 гг. Алма-Атинским театром оперы и балета им. Абая на сцене Дворца горняков, Летнего театра были поставлены такие спектакли как «Кыз Жибек», «Алтын шаш», «Абай», «Биржан и Сара», «Жалбыр», «Евгений Онегин», «Чио-Чио сан», «Травиата», «Русалочка», «Мазепа», «Пиковая дама» [5: 75], «Бахчисарайский фонтан», «Ромео и Джульетта» и т.д. [5: 80].

В 1949-1952 гг. с гастрольями в Караганду и Темиртау приезжали артисты омского театра музыкальной комедии. Гостями были показаны: «Беспокойное счастье» Ю. Милютина, «Вольный ветер» Дунаевского, «Верный друг» Соловьева-Седого, «Ясный сокол» Рябкова [5: 69], «Сорочинская ярмарка», «Душенька» И. Носова, а также водевиль «Лев Гурыч Синичкин», «Девичий переполох» Ю. Милютина и т.д. [5: 81].

Прекрасной формой проведения досуга для горожан Центрального Казахстана были концерты, которые устраивались на сценах Летнего театра, Дворца горняков, шахтерских клубов и т.д. В 1945 г. в Караганде гастролитовал Красноармейский ансамбль песни и пляски пограничных войск НКВД Казахского военного округа под руководством Б.А. Орлова [5: 49]. В 1947

г. при участии народной артистки Казахской ССР З. Жубатовой и заслуженного артиста Казахской ССР Сагандыкова выступил шахтерский джаз-ансамбль Карагандинского угольного бассейна [5: 56]. В марте 1950 г. по городам Центрального Казахстана состоялись гастроли концертной бригады мастеров из Москвы. В составе бригады была народная артистка РСФСР В.Д. Бендина, заслуженные артисты РСФСР А.И. Горюнов (лауреат Сталинской премии), Н.У. Алисова, С.А. Мартинсон, Е.К. Межерaup, И.М. Яушев [5: 71].

Государственный Архангельский русский народный хор северной песни порадовал шахтеров Караганды, металлургов Темиртау и железнодорожников станции «Караганда-Сортировочная» новыми песнями и частушками [5: 71].

В феврале 1952 г. с концертной программой выступил Сибирский хор Омской областной филармонии во Дворце культуры горняков Караганды, затем в Темиртау и Балхаше [5: 78].

В 1953 г. своим приездом порадовала жителей г. Темиртау известная казахская певица Роза Багланова. Особое впечатление на зрителей произвели песни «Знаменосец мира», «Узбекская песня», «Ах, Самара, городок» и т.д. [8].

Среди массовых форм отдыха популярными и любимыми у горожан было посещение городских парков отдыха, народные гулянья, танцы и праздники. В 1948 г. в г. Караганде был открыт Центральный парк культуры и отдыха общей площадью 170,4 га. На его территории были расположены 3 озера, 70 досуговых объектов, 47 аттракционов и детская железная дорога [5: 63]. В г. Темиртау первый парк культуры и отдыха начал работать согласно решению Карагандинского облисполкома № 214 от 11 апреля 1950 г. [5: 71]. В г. Каркаралинске в парке культуры и отдыха был расположен Летний театр на 400 мест и танцевальная площадка [5: 72].

Из всего вышесказанного следует, что в послевоенные годы в городах Центрального Казахстана сформировались традиционные для сталинской эпохи формы и способы проведения свободного времени горожан. Досуг для людей являлся своеобразным отвлечением от существующих повседневных проблем. Люди

стремились наладить не только свой быт, но и восстановить некоторые формы проведения свободного времени, которые не практиковались или были сведены к минимуму.

Весьма распространенной формой проведения досуга было посещение и участие в кружках художественной самодеятельности. Регулярно между рабочими шахт, заводов и прочих промышленных организаций устраивались состязательные конкурсы и показательные концерты, которые проходили на сценах парка культуры и отдыха, Дворцах культуры, клубах и т.д. Жители шахтерской столицы, Темиртау, Балхаша, Каркаралинска с огромным удовольствием посещали айтысы, которые являлись национальной формой проведения досуга. Излюбленным способом проведения свободного времени среди городской молодежи были вечеринки с танцами, которые устраивались в городских парках под аккомпанемент духовного оркестра. Особый интерес горожане испытывали в посещении кинотеатров. Революционная, военная, приключенческая тематика являлись сюжетами советского кино, которые стали неотделимым атрибутом жизни тех лет. Посещение театров было весьма популярным времяпровождением не только образованных слоев населения. Местные профсоюзные и партийные организации в рамках мероприятий по повышению уровня культуры среди рабочих пытались разбудить интерес к театральному искусству. В репертуарах театров были предложены постановки казахской и русской классики на различные жанры. Страсть к кино и другим зрелищам не отбила охоту к чтению. Основное предпочтение люди отдавали художественной литературе, меньше – периодике, научной, технической и политической.

В целом, следует отметить, что в послевоенный период произошли существенные социокультурные изменения в повседневной жизни горожан Центрального Казахстана. Досуг являлся составной частью не только культуры, но и политики советского государства. Все культурно-просветительские и массовые мероприятия, получившие широкое распространение в послевоенные годы, носили идеологический характер. Библиотеки, клубы, кружки, кино, театры помимо выполнения основных своих функций стали мощным средством политической агитации и пропа-

ганды советского строя. Следовательно, все формы досуга были направлены на воспитание советского патриотизма и народного единства, а также приобщение человека к советской культуре.

ЛИТЕРАТУРА:

1. ГАКО Ф. 1269, Оп. 1, Д. 12.
2. ГАКО Ф. 1269, Оп. 1, Д. 29.
3. Аудиозапись биографической беседы с Самохиной А.Ф. (1922 г.р., записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2008 г.
4. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность (1945-1953 гг.) – М.: РОССПЭН, 1999. – 229 с.
5. Жумашев Р.М., Михеева Л.В., Сактаганова З.Г., Самохин А.Ю., Ускембаев К.С. Хроника культурной жизни Карагандинской области 1936-2006 гг. – Караганда: Изд-во КарГУ, 2008. – 320 с.
6. ГАКО, ф. 925, оп. 1, д. 9.
7. Аудиозапись биографической беседы с Иманкуловым М.Р. (1937 г.р., записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2008 г.
8. Иванов И.Н. Концерт Р. Баглановой // Темиртауский рабочий. -1953. – 5 декабря.

УДК. 947.084.62(574.3) А36

Айсанов Б.К.

*КГУ «ГА Карагандинской области по НТД», г. Караганда,
karaganda_ntd@mail.ru*

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО НА ТЕРРИТОРИИ КАРЛАГА ДО КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ (ПО ДОКУМЕНТАМ НАУЧНОГО КАБИНЕТА КАРЛАГА ОГПУ)

С момента организации Карлага ОГПУ началось изучение состава населения, занятость в сельскохозяйственном производстве, видов производимых сельхозпродуктов, их продуктивность, климат, гидрометеорологические условия. «До начала 20-го сто-

летия территория строительства совхозов Карлага ОГПУ была полностью заселена полукучающим казакским (таково написание национальности во всех документах прим. авт.) населением. За 20-30 лет выходцами из европейской части России здесь образованы 12-13 поселков с европейским населением (далее ЕН, сокращение автора) на юго-западе от Караганды. В южной части основан только лишь один поселок Просторное, остальная территория до 30 года «оставалась в руках казакского населения (далее КН)». 1930 года на территории Карлага начинает организовываться крупный совхоз. В 1931 году огромная территория, именуется совхозом «Гигант», которая простиралась с севера на юг 220 км., с запада на восток более чем на 135 км (1 млн. 700 тыс. гектар), в которую вошли большая часть Тельмановского района (северная часть совхоза), часть Жана - Аркинского района (южная часть), небольшие участки Нуринаского района (западная часть) и Четского района (восточная часть) [1: 4]. На территории организуемого совхоза «Гигант» в 1931 году было 631 хозяйство (8108 чел.) ЕН и 4202 дворов (17959 чел.) КН.

Сельское хозяйство: Во всех исследованиях, проводимых Научным кабинетом Карлага, ведется сравнение достижений по всем отраслям сельского хозяйства между местным и переселенным европейским населением. «По данным переписи 1909 года, до прихода ЕН, общее поголовье скота, на территории строительства Карлага, у местного населения было 170 тыс. голов в т.ч.: лошадей – 34 тыс. КРС – 29 тыс., овцы, козы 85 тыс., верблюды – 1,7 тыс., кроме того, казаки имели посевы 7-8 тыс. га» [2: 6].

На данной территории, в земледелии, использовалась залежно-переложная система посевов. Под посевы использовались только пахотно пригодные земли. «По данным опроса ЕН (переселенцы), все пахотно пригодные земли уже были использованы. В первые годы переселенцы использовали земли худшего качества, даже брали в аренду у местного населения пахотно способные земли. Из 1,7 млн. га территории совхоза «Гигант» пахотно пригодным оказалось 8 % (140 тыс. га)». Суть залежно-переложной системы заключалась в следующем. «КН поднятую целину использовала 3-4 года, редко 5 лет, из которых первые 2-3 года

засевались пшеницей или просом, затем овес или ячмень, после чего земля забрасывалась на 5-6-7 лет, а иногда и более. После отдыха брался 1-2 урожая, и земля забрасывалась в залежь на 10-15 лет до полной спелости». ЕН наряду с хорошими землями, использовало и плохие земли, а также использовало большее количество лет (на 2-3 года на каждом этапе), т.к. оседлый образ жизни затруднял выбор земель на отдаленных участках. КН до 100% земель использовало под зерновые культуры (пшеница, просо, ячмень, овес), тогда как ЕН 10-15% площадей отводило под огороды и бахчевые культуры. У КН, имевшего небольшие посевы, была большая возможность выбрать лучшие земли. Так у КН в течение 10 лет было 3- хороших, 4- средних, 3- плохих урожая. У ЕН, имевшего большие площади, но худшие в среднем земли, за 10 лет было: 2- хороших, 3- средних и 5 плохих урожая. Урожайность посевов у казакского и европейского населения по Северной и Южной зоне Карлага приведена в таблице 1.

Таблица 1

Культура	1. Северная зона						2. Южная зона		
	Европейское население			Казакское население			Казакское население		
	хорошее	среднее	плохое	хорошее	среднее	плохое	хорошее	среднее	плохое
Пшеница	9,1	4,5	1,9	16,9	6,8	1,4	16,5	7,9	0,9
Просо	8,0	4,8	1,3	19,7	7,6	1,8	14,2	5,4	0,9
Овес	8,4	4,8	1,5	11,6	5,0	0,8	12,1	5,2	0,7
Ячмень	9,2	4,3	1,7	-	-	-	7,5	3,4	1,1
Подсолнух	5,9	2,4	1,4	12,0	5,0	0,8	-	-	-
Бахчевые	62,6	31,5	7,7	-	-	-	-	-	-
Картофель	55,5	30,8	10,7	-	-	-	-	-	-
Рожь озим.	-	4,5-6,0	-	-	-	-	-	-	-

«По всем, наиболее распространенным культурам хорошие

и средние урожаи у казаков выше, чем у европейского населения в 1,5 - 2,0 раза. В неурожайные годы казаки не собирали урожай вовсе, а скармливали скоту» [2: 18].

Поливное земледелие (ПЗ). «Кроме богарного земледелия КН занималось и поливным. В последние годы (1928-1930 гг.) поливным земледелием занимались мало, но 20-30 лет назад поливное земледелие было в значительных размерах. ПЗ велось по долинам рек Нуры, Черубай-Нуры, Джаксы Сары су, Сулу и т.д. Особенно в больших размерах поливным земледелием местное население занималось по долинам р. Джаксы Сары су, Черубай-Нуры. Об этом свидетельствует хорошо сохранившаяся арычная система. В меньших размерах для полива использовались снеговые (паводковые) воды и воды ключей (родников). Из объема производимого продукта можно предположить, что в казахских хозяйствах посевы носили исключительно потребительский характер» [3: 20].

В плане агроэкономических исследований Научного Кабинета Карлага не было включено исследование огородного хозяйства. Можно отметить, что КН не занималось огородным хозяйством. Огородным хозяйством занималось исключительно ЕН.

«По данным ранних переписей общее поголовье скота на территории КАССР в 1917 году составляло 86 758 000 голов, а в 1928 году – 41 454 000. Скотоводство Казахстана по своему удельному весу составляло 13-15 % от общего поголовья скота СССР» [3: 39]. «Район Караганды, до обследуемого периода, в сельскохозяйственном отношении, был районом экстенсивного животноводства. У КН в продуктивном производстве первое место занимало овцеводство, а у ЕН – крупный рогатый скот (КРС)».

В таблице 2 приведены соотношения видов скота КН и ЕН по состоянию на 1928 г.

Таблица 2

Административный район	Лошади, %	КРС, %	Овцы, козы, %	Свиньи, %	Верблюды, %	Итого, %
Промышленный район (ЕН)	8,3	45,2	42,7	3,6	0,2	100
Жана – Арка (КН)	11,3	20,8	62,2	--	5,7	100

В таблице 3 приведены среднее количество голов скота на одно хозяйство в 1928 г. у казакского и европейского населений.

Таблица 3

Административный район	Лошади	КРС	Овцы, козы	Верблюды
Промышленный (ЕН)	1,5	8,0	7,6	--
Жана – Арка (КН)	3,9	7,2	21,3	2,0

Из таблицы 3 видно, что у ЕН КРС была товарной частью животноводства, а овцеводство, отчасти. У КН товарной частью животноводства было овцеводство, КРС и частично коневодство. Молочная продуктивность КРС в обследуемой зоне у КН составляла 691-720 кг., у ЕН около 750 кг. Мясная продуктивность КРС у ЕН составляла 432 кг., при выходе мяса 48,2 %, тогда как у КН при живом весе 390 кг. выход мяса составлял 54,8 %. «Зафиксированы случаи выхода мяса до 60%! Высокий выход мяса у КН объясняется его хорошей упитанностью». «Овцы и прочий скот продавался на Кояндинской и Акмолинской ярмарках и затем поставлялся за тысячи километров в Оренбург, Самару, Ташкент и др. города» [3: 54] В основном шла продажа овец. В таблице 4 приведена мясная продуктивность овец.

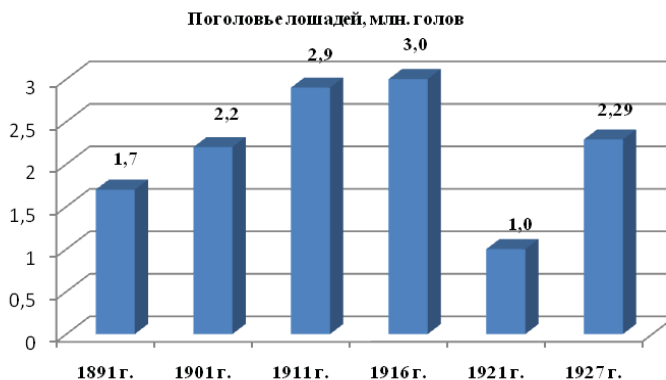
Таблица 4

Зона	Население	Порода	Живой вес, кг.	Убойный вес, кг.	% выхода мяса
Северная	ЕН	жирнохвостая	52,4	25,7	49,9

То же	КН	Казахская курдючная	80,7	48,1	58,6
Южная	КН	Казахская курдючная	78,4	48,7	62,1

Как видно из таблицы 4, казахская курдючная порода имеет значительно больший живой вес и более высокий выход мяса, чем жирнохвостая. Свиноводство. К моменту обследования района свиньи разводились в небольшом количестве в нескольких селеньях с европейским населением. Коневодство. «В Казахстане коневодство было одним из ведущих отраслей сельского хозяйства. Так, по переписи 1891 г. было – 1,7 млн., 1901 г.- 2,2 млн., 1911 г. – 2,9 млн., то в 1916 году уже было - 3,0 млн. голов». «В годы революции поголовье лошадей сократилось на 2/3(!), т.е. из 3 млн. остался 1 млн. В послереволюционные годы был хороший рост поголовья лошадей, так уже в 1927 году составил 2,29 млн. [3: 71]

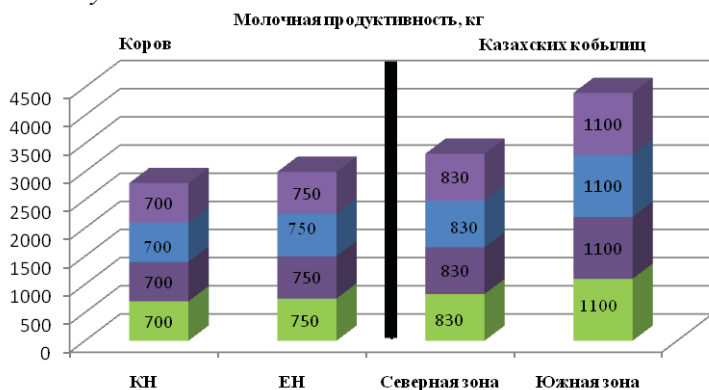
Рисунок 1

Поголовье овец восстановилось и составило 106%, а КРС даже 125,7%»! «У КН разведение лошадей, - это не только гужевой и ездовой транспорт, но и источник мясного и молочного производства. По исследованиям хозяйств им. К. Маркса, «Айгыр-

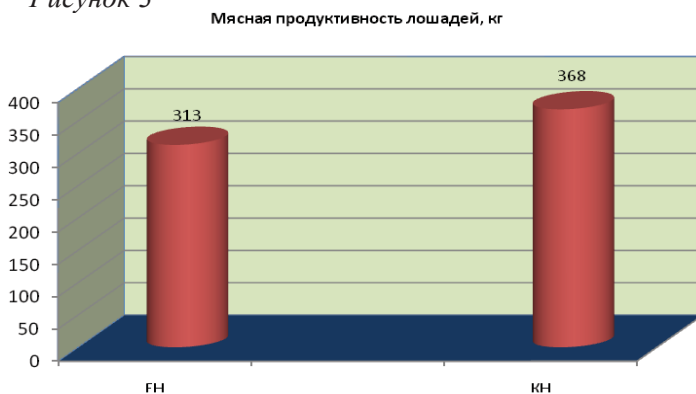
жал», «Елтай» выявлено, что молочная продуктивность кобылиц казахских пород весьма высока, так на севере - 830 кг., без учета кормления жеребенка, на юге - 1100 кг.» [3: 76]. Это значительно больше чем у КРС!

Рисунок 2

Надо заметить, что более богатые хозяева не брали таких удоев, зато приплод был более упитанным». «Мясная продуктивность лошадей ЕН составляла 313 кг., тогда как у КН от 368 до 385 кг. при выходе мяса 56 – 59,5 %, что говорит о высокой мясной продуктивности лошадей казахских пород» [3: 78].

Рисунок 3

«На 1927 год общее количество верблюдов в КАССР составляло 2,2% от всего поголовья скота и составляло 1 241 300 голов. В СССР 67,4 % всех верблюдов было в Казахстане». «В исследуемом регионе верблюды разводились 2-х пород: одногорбый и двугорбый. Верблюды работают 18-20 лет, живут 25-30 лет. Цель выращивания верблюдов: вьючная, тягловая рабочая сила, производство шерсти, получение молока (шубат), мяса» [3: 81].

Анализируя документы Научного кабинета Карлага можно резюмировать, что состояние сельского хозяйства на территории строительства Карлага, можно сказать и Центрального Казахстана, на начало коллективизации, и связанного с этим голода, было на достаточно высоком уровне. Необходимый объем посевных площадей, наличие поливного земледелия, достаточное поголовье всех видов скота были залогом гарантированного проживания. Необходимо отметить, что при этом уровень продуктивности, практически по всем отраслям сельского хозяйства, у казахского населения был не ниже, а зачастую значительно выше, чем у переселенцев из европейской части СССР.

ЛИТЕРАТУРА:

1. ГАКО по НТД Ф.26. О.3. Д.1. Отчет о проведении весенней посевной кампании в совхозе «Гигант» Карлага ОГПУ за 1931 год. – 21 л.
2. ГАКО по НТД Ф.26. О.3. Д.2. Тематический отчет о результатах работы научно-исследовательского кабинета Карлага ОГПУ за 1931-1932 гг. – 62 л.
3. ГАКО по НТД Ф.26. О.3. Д.78. Диков А.И. Отчет «Сельское хозяйство района города Караганды в прошлом» за 1931 год. – 96 л.

Аупенова А.У.

КПК, г. Караганда, aliya.aupenova@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НОРМ ДОВОЛЬСТВИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ КАРАГАНДИНСКОГО ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОГО ЛАГЕРЯ

Для поддержания жизнедеятельности человеческого организма нужно питание. Особенно в суровом климате казахстанских степей, при отсутствии приемлемых бытовых условий, невыносимых для человеческого организма тяжелых условий труда, которые осложнялись еще и тем, что Карагандинский исправительно-трудовой лагерь НКВД СССР в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) так же, как и в предшествующие годы соревновался с Сиблагом. Партийными организациями и руководящим составом отделений Карлага, вокруг социалистического соревнования была развернута большая массово-политическая работа. Вопрос о социалистическом соревновании обсуждался в большинстве первичных парторганизаций [1:19].

Структура исправительно-трудовых лагерей так же, как и структура самого ГУЛАГа, создавалась и совершенствовалась как производственно-промышленный комплекс под диктат производства [2:69]. И каждый, кто находился в это время в лагерях, терял свое здоровье, как физическое, так и моральное.

Положение заключенных Карлага, участвовавших в соревновании с такими же заключенными, как и они сами, было катастрофически тяжелым.

Согласно положению «О питании заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД СССР» от 22 мая 1942 г. норма № 1, по которой довольствовались заключенные, вырабатывающие на основных тяжелых работах до 80 % производственной нормы, а также вырабатывающие на остальных работах до 99 % производственной нормы, составляла на 1 человека в день следующее количество продуктов:

*Таблица 1 Питание заключенного в ИТЛ и колониях НКВД в
день по норме № 1 (1942)*

№ п/п	Наименование	Количество в гр.
1	Мука подболточная	5
2	Крупа/макароны	55
3	Мясо/мясопродукты	15
4	Рыба/рыбопродукты	80
5	Жиры	10
6	Картофель/овощи	450
7	Сахар	5
8	Чай суррогатный	2
10	Томат-пюре	10
11	Перец стручковый	0,1
12	Лавровый лист	0,1
13	Соль	10

[3:85]

Что касается штрафного пайка (норма № 6), то довольствие по нему было еще более скудным. Из ассортимента исключался ряд продуктов, а норма по остальным уменьшалась вдвое. Об этом дает представление следующая таблица:

*Таблица 2 Штрафной паек заключенного в ИТЛ и колониях
НКВД в день по норме № 6 (1942)*

№ п/п	Наименование	Количество в гр.
1	Хлеб ржаной	300
2	Мука подболточная	5
3	Крупа/макароны	20
4	Рыба/рыбопродукты	40
5	Жиры	4
6	Картофель/овощи	350
7	Соль	10

[3:86]

По этой норме в 1942 г. получали довольствие заключенные, отказывающиеся от работы; симулянты, не вырабатывающие производственных заданий; находящиеся в штрафных изоляторах без вывода на работу. Тем же заключенным, которые находились в карцере, вообще выдавалось 300 г хлеба в сутки и кипяток и один раз в три дня горячая пища по норме № 6 [3:86].

Рассмотрим обеспечение заключенных Карагандинского исправительно-трудового лагеря НКВД продовольствием в самый тяжелый год Великой Отечественной войны (1941-1945).

Таблица 3 Нормы для довольствия заключенных Карагандинского Исправительно-трудового лагеря НКВД/на 1 человека в день в граммах по состоянию на 1943г.

№ п/п	Наименование продуктов	Норма в день (в граммах)		Отклонение (+, -)
		№ 1	№ 2	
1	Мука подболточная	6	12	6
2	Крупа - макароны	63	96	33
3	Мясо - мясопродукты	10	24	14
4	Рыба-рыбопродукты	56	78	22
5	Жиры	8	15	7
6	Картофель - овощи	400	500	100
7	Сахар	6	13	7
8	Чай суррогатный	2	2	-
9	Томат-пюре	12	12	-
10	Перец стручковый	0,12	0,12	-
11	Лавровый лист	0,12	0,12	-
12	Соль	8	10	2

[4:55-56]

По основным продуктам питания норма № 2 вдвое превышает норму № 1 по муке подболточной, жирам, сахару; на треть по крупе и макаронам, мясопродуктам и рыбопродуктам; на четверть по картофелю и овощам, соли.

По указанной норме № 1 довольствовались заключенные:

1. Выработывающие на основных тяжелых работах до 79 % включительно производственных норм;

2. Выработывающие до 99% включительно производственных норм на всех прочих основаниях и подсобно - вспомогательных работах.

Продовольствие по норме № 1 получал следующий контингент, находящийся в Карлаге:

1) Лагерная и санитарная обслуга.

2) Инвалиды, не работающие и работающие, но не выполняющие установленные для них производственные нормы.

3. Подсобная неквалифицированная рабочая сила на нормированных работах, подсобные рабочие II-III разряда, сторожа, уборщики, истопники и т.д.

4) находящиеся под следствием и задержанные до выяснения и принятые на строевой учет УРО (учетно - распределительный отдел).

По означенной норме № 2 довольствовались заключенные:

1. выработывающие на основных тяжелых работах производственные нормы от 80% и выше;

2. выработывающие производственные нормы от 100% и выше на всех прочих основных и подсобно-вспомогательных работах.

Эта норма предназначалась и для следующих категорий, обслуживающих Карагандинский исправительно-трудовой лагерь:

- инженерно-технические работники, врачи, агрономический персонал, культвоспитработники, административно и счетно - бухгалтерский персонал, в т.ч. средний медицинский персонал, санитары заразных палат и кладовщики.

- курсанты с отрывом от производства на время нахождения на курсах, стажеры и ученики всех видов производства.

Данные таблицы № 1 показывают нам довольствие заключенных Карагандинского исправительно-трудового лагеря НКВД на одного человека в день в граммах [4:55]. Взяв их за основу, произведем расчет годовой нормы на одного заключенного Карлага в год:

Сделанный сравнительный анализ обеспечения заключенных продовольствием в 1942-1943 годах по норме № 1 показывает нам:

Таблица 4 Сравнительные данные нормы № 1 довольствия заключенных в 1942 и 1943 годах.

№ п/п	Наименование продуктов	Норма в день (в граммах)		Отклонение (+, -)
		№ 1 (1942 год)	№ 1 (1943 год)	
1	Мука подболточная	5	6	1
2	Крупа - макароны	55	63	8
3	Мясо - мясопродукты	15	10	5
4	Рыба-рыбопродукты	80	56	24
5	Жиры	10	8	2
6	Картофель - овощи	450	400	50
7	Сахар	5	6	1
8	Чай суррогатный	2	2	-
9	Томат-пюре	10	12	2
10	Перец стручковый	0,1	0,12	0,02
11	Лавровый лист	0,1	0,12	0,02
12	Соль	10	8	2

[3:85; 4:55]

Как мы видим, 1943 год был тяжелее предыдущих и выражалось это в уменьшении питания заключенных даже в документальных материалах того времени. Сокращается норма довольствия мясопродуктов, рыбопродуктов, жиров, картофеля – овощей и даже соли. Незначительно повысились нормы муки подболточной, сахара, томата-пюре, перца стручкового и лаврового листа. И только на 8 граммов повысилось довольствие крупы-макаронами.

Получающие продовольствие заключенные по норме № 1 были истощены, с трудом справляясь с работой, но еще и постоянно получали вдвое и втрое меньше основных продуктов пита-

ния.

Следуя объективной картине обеспеченности страны продовольствием в годы Великой Отечественной войны и, несмотря на тот факт, что Карлаг имел сельскохозяйственную направленность, реальное наличие продуктов не всегда вписывалось в эти нормы.

*Таблица № 5 Расчет годовых норм для довольствия заключенных
Карагандинского ИТЛ НКВД на 1 человека (1943 г.)*

№ п/п	Наименование продуктов	Норма в год		Отклоне- ние
		№ 1	№ 2	
1	Мука подболточная	2 кг 190 г	4 кг 380 г	2 кг 190г
2	Крупа - макароны	22 кг 995г	35 кг 40 г	12 кг 45 г
3	Мясо - мясопродукты	3 кг 650г	8 кг 760 г	5 кг 110 г
4	Рыба - рыбопродукты	20 кг 440г	28 кг 470 г	8 кг 30 г
5	Жиры	2 кг 920 г	5 кг 475 г	2 кг 555 г
6	Картофель - овощи	146 кг	182 кг 500 г	36 кг 500 г
7	Сахар	2 кг 190 г	4 кг 745 г	2 кг 555 г
8	Чай суррогатный	730 г	730 г	-
9	Томат-пюре	4 кг 380 г	4 кг 380 г	-
10	Перец стручковый	43,8 г	43,8 г	-
11	Лавровый лист	43,8 г	43,8 г	-
12	Соль	2 кг 920 г	3 кг 650 г	730 г

[4:55-56]

В то же время в СССР существовал и другой контингент заключенных – это военнопленные. Приказом НКВД СССР «О мероприятиях по улучшению руководства лагерями НКВД для военнопленных» от 24 февраля 1943 г. в целях улучшения содержания и трудового использования военнопленных в числе других было организовано Управление лагерей НКВД Казахской ССР для военнопленных. Начальником управления был назначен подполковник госбезопасности Глушанин [5: 564-565]. С этого времени все лагеря для военнопленных и интернированных, рас-

положенных в Казахстане, стали подчиняться непосредственно Управлению лагерей НКВД КазССР.

Приказом НКВД СССР № 00683 «Об изменении норм продовольственного снабжения для военнопленных» от 9 апреля 1943 года под грифом совершенно секретно были введены новые нормы питания военнопленных, при этом их размер стал значительно выше прежних. Рацион питания дифференцировался по званиям, тяжести выполняемых работ, здоровью, т.е. в соответствии со всей системой исправительно-трудовых учреждений СССР. Всего пять основных норм (в граммах на сутки) Норма № 1 предназначалась для котлового довольствия военнопленных, содержащихся в лагерях и приемных пунктах НКВД (сюда не входили офицеры, больные, ослабленные, работающие на тяжелых работах, содержащиеся на гауптвахте без вывода на работу). Это норма предназначалась для неработающих пленных [6].

Таблица № 6 Котловое довольствие военнопленных на одного человека в день в граммах по состоянию на 1943г.

№ п/п	Наименование продуктов	Норма № 1 для военнопленного в день (граммах)
1	Хлеб ржаной из муки 95% помола	600
2	Мука пшеничная 2 сорта	10
3	Крупа разная	70
4	Макароны - вермишель	10
5	Мясо	30
6	Рыба	50
7	Сало или комбижир	3
8	Растительное масло	10
9	Томат - пюре	10
10	Сахар	10
11	Чай суррогат	2
12	Соль	10

13	Лавровый лист	0,1
14	Перец	0,1
15	Уксус	0,7
16	Картофель	300
17	Капуста свежая или квашеная	100
	Морковь	30
	Свекла	50
	Лук репчатый	10
	Коренья, зелень, огурцы	10
18	Мыло хозяйственное для всех нужд (в месяц)	200

[6]

Таблица № 7 Норма № 1 для довольствия заключенных Карагандинского исправительно - трудового лагеря НКВД/на 1 человека в день в граммах по состоянию на 1943 г.

№ п/п	Наименование продуктов	Норма в день (в граммах)
		№ 1
1	Мука подболточная	6
2	Крупа - макароны	63
3	Мясо - мясопродукты	10
4	Рыба-рыбопродукты	56
5	Жиры	8
6	Картофель - овощи	400
7	Сахар	6
8	Чай суррогатный	2
9	Томат-пюре	12
10	Перец стручковый	0,12
11	Лавровый лист	0,12
12	Соль	8

[4:55]

В результате проведенного количественного и качественного анализа норм заключенного Карлага и военнопленного, выдаваемой в день по состоянию на 1943 год, приходим к выводу, что они не выдерживают даже в условном соотношении никакого сравнения:

- Само наименование хлеб в норме заключенного Карлага отсутствует.

- Мука в пайке военнопленного была лучшего помола и на треть больше.

- Крупа - макароны у заключенного Карлага приравнивались, тогда как в пайке военнопленного крупа разных видов и отдельная графа отводилась такой норме как макароны - вермишель.

- В три раза превышала норма мяса у военнопленных, в довольствии же рыбой на 11 % уступала установленной норме Карлага.

- Отдельно у немецких пленнх выделяются нормы сала или комбижира, растительного масла, что на треть превосходит выдачу жиров карлаговцам.

Единственной схожей по выдаче на одного человека в день является норма чая суррогатного. В норме питания заключенных Карлага прослеживается хоть и незначительное, но все же, со знаком минус наличие соли, лаврового листа, перца, уксус отсутствовал совсем.

Немаловажно, что в норме заключенного Карлага картофель - овощи были объединены, а в норме военнопленного присутствовала отдельно выдаваемая норма картофеля и конкретизируется выдача овощей по их видам: пять разных овощей, что говорит о витаминизации рациона питания.

Если норма мыла хозяйственного у военнопленных на месяц была зафиксирована, то у заключенных Карлага представления об этом не было.

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что нормы питания немецких военных преступников, содержащихся в лагерях ГУЛАГа, были гораздо выше норм питания осужденных советских граждан. Норма же довольствия для заключенных Кар-

лага рассчитывалась исходя, из характера выполняемых работ и процента выполнения производственных заданий.

Минимальная выдача хлеба для военнопленных, занятых на тяжелых физических работах и выполняющих норму на 50 % возросла до 650 граммов, а для полностью выполняющих норму – до 1000 граммов. Кроме этого, на 25 % увеличилась норма всех других продуктов для военнопленных, занятых на тяжелых физических работах и для ослабленных военнопленных [5:358-363].

*Таблица № 8 Норма № 2 для военнопленных, больных
дистрофией по состоянию на 1943 г.*

№ п/п	Наименование	Норма № 2 для военнопленного в день (граммах)
1	Хлеб ржаной из муки 72% помола	500
2	Мука подболточная 72 %	10
3	Крупа разная	70
4	Рис	50
5	Мясо	150
6	Рыба	50
7	Масло коровье	30
8	Сало или комбижир	20
9	Макароны	20
10	Томат - пюре	7
11	Сахар	30
12	Чай натуральный	0,5
13	Соль	20
14	Лавровый лист	0,2
15	Перец	0,2
16	Горчица	0,3
17	Уксус	1
18	Сушеные фрукты	10
19	Молоко свежее	300
20	Овощи разные	250

21	Картофель	400
22	Мука картофельная	5
23	Дрожжи пекарские	100
24	Или дрожжи пивные жидкие	70
25	Или дрожжи пивные сухие	40
26	Или дрожжевые концентраты	100
27	Мыло туалетное в месяц	200
28	Табак	10
29	Спички в коробках (в месяц)	3

[6]

*Таблица 9 Норма № 2 для довольствия заключенных
Карагандинского ИТЛ НКВД/на 1 человека в день в граммах
по состоянию на 1943 г.*

№ п/п	Наименование продуктов	Норма в день (в граммах) № 2
1	Мука подболточная	12
2	Крупа - макароны	96
3	Мясо - мясoproductы	24
4	Рыба-рыбoproductы	78
5	Жиры	15
6	Картофель - овощи	500
7	Сахар	13
8	Чай суррогатный	2
9	Томат-пюре	12
10	Перец стручковый	0,12
11	Лавровый лист	0,12
12	Соль	10

[4:56]

Хлеб для военнопленных выдавался ржаной из муки 72%, тогда как в Карлаге, его в норме № 2 довольствия заключенных даже не предполагалось. Муки подболточной на 2% заключен-

ным Карлага выдавали по норме больше. Крупы-макарон заключенным полагалось 96 граммов в сутки, но даже эта норма была значительно меньшей по отношению к тому, что у военнопленных крупы разные - 70 граммов, макароны – 20 граммов и отдельным видом получения довольствия был рис – 50 граммов, который как мы знаем по калорийности и питательности превосходит все остальные крупы. Рыбы по норме заключенным Карлага полагалось на 50 % больше, чем военнопленным.

В норме военнопленных мы видим, 26 продуктов питания и 3 пункта, выдаваемых для личного пользования: мыло туалетное, спички в коробках (в месяц) и табак. В рационе военнопленных присутствовали: горчица, уксус, сушеные фрукты, молоко свежее, мука картофельная; дрожжи пекарские или дрожжи пивные жидкие, дрожжи пивные концентраты. Как мы видим, в отношении дрожжей в норме присутствовала замена на равнозначные.

Сравнительный анализ в пользу рациона питания военнопленных, который был хоть и в малом отношении разнообразнее и как следствие более витаминизирован, что позволило хоть части из них вернуться на родину. Самым светлым воспоминанием бывших заключенных о плене был день репатриации на родину, когда мечты о встрече с семьей превращались в реальность.

Анализ показывает, что изменившиеся экономические условия жизни государства позволили значительно улучшить рацион питания даже в таких суровых учреждениях, как места лишения свободы. Он существенно отличается от рациона питания как заключенных Карлага, так и военнопленных в рассматриваемый нами период.

Поистине санаторно - курортным питанием выглядит норма суточного довольствия подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах МВД РК (нормы питания в редакции постановления Правительства РК от 07.02.2011 №82 (вводится в действие с 01.01.2011) [7].

Таблица 10 Натуральные нормы обеспечения бесплатным питанием подозреваемых и обвиняемых

№ п/п	Наименование продуктов	Количество на одного человека в сутки (в граммах)
1	2	3
1	Мука пшеничная 1 сорта	10
2	Хлеб пшеничный из муки 2 сорта	400
3	Хлеб из смеси муки ржаной и муки пшеничной 1 сорта	350
4	Макаронные изделия из муки пшеничной 1 сорта	40
5	Крупы разные всего: в том числе:	120
	Рисовая 1 сорта	20
	Кукурузная 1 сорта	10
	Гречневая 1 сорта	20
	Овсяная 1 сорта	20
	Перловая 1 сорта	20
	Манная 1 сорта	10
	Пшенная 1 сорта	10
	Горох лущеный 1 сорта	10
6	Овощи всего: В том числе:	970
	картофель	600
	Капуста белокочанная свежая (квашенная)	130
	Лук репчатый	65
	морковь	95
	Огурцы свежие (соленые)	20
	Томаты свежие (соленые)	20
	Свекла красная	40
7	Паста томатная	6
8	Сок плодово-ягодный	100
9	Фрукты свежие (яблоки)	75
10	Фрукты цитрусовые (лимоны)	15
11	Сухофрукты (яблоки сушеные)	20

12	Сахар (песок)	80
13	Мясо 1 категории	170
14	Куры (полупотрошенные) 1 категории	40
15	Колбасы вареные	8
16	Субпродукты 1 категории (печень, легкие)	4
17	Рыба свежая (мороженная) без головы	110
18	Рыба соленая (сельдь)	10
19	Молоко пастеризованное (2,5% жирности)	100
20	Масло коровье (72% жирности и выше)	30
21	Яйца куриные 1 категории (штук в неделю)	5
22	Масло подсолнечное рафинированное	30
23	Жиры животные или кулинарные	10
24	Чай индийский гранулированный (1 сорта)	2
25	Кисель (порошок)	10
26	Соль пищевая йодированная	20
27	Лавровый лист	0,2
28	Перец молотый	0,3
29	Горчичный порошок	0,3
30	уксус	2
31	Крахмал картофельный	5
32	Аскорбиновая кислота (добавляется в первое блюдо непосредственно перед раздачей) Витаминизация готовых блюд проводится в осенне-зимний период.	50 мг/чел/день

[7]

Бесспорно, то, что представлено нам в документальном виде, отличается от жизненных реалий. Нормы питания снижались во всех пенитенциарных учреждениях, а продукты заменялись другими, не всегда равнозначными.

Мы не можем не учитывать того, что в современных условиях качество приготовления пищи, даже при наличии необходимых продуктов в исправительно-трудовой системе, находится на весьма низком уровне. И все-таки рацион питания в пенитенциарных учреждениях сегодня намного выше по сравнению с содер-

жанием заключенных в исправительно-трудовой системе НКВД.

Узники Карагандинского исправительно-трудового лагеря, их жизни были использованы как топливо для тоталитарной системы. Каждая человеческая судьба, изломанная, искореженная, выстраданная достойна исторической памяти и сопереживания.

ЛИТЕРАТУРА:

1. ГАКО. Ф. 1171. Оп. 1 Д. 582.
2. Бастемиев С.К. Исправительные учреждения Казахстана (историко-правовой аспект). Павлодар: Кереку, 2009. – 258 с.
3. Смыкалин А.С. Питание в лагерях и тюрьмах Советской России: Исторический аспект // Правоведение. – 1998.- № 4. – С. 80-89.
4. ГАКО. Ф. 108. Оп. 2. Д. 1.
5. Военнопленные в СССР (1939-1956). Документы и материалы. // Сост. М.М. Загоруйко, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская; Под ред. М.М. Загоруйко, М.: Логос, 2000.-1120 с.
6. Веремеев Ю. Нормы питания немецких военнопленных в 1941-1943 годах // Электронный ресурс: Окно доступа <http://army.armor.kiev.ua/hist/paeknem-plen.shtml>. Дата обращения: 05.02.2014.
7. Постановление Правительства Республики Казахстан от 2 сентября № 889 «Об утверждении натуральных норм питания и материально-бытового обеспечения подозреваемых, обвиняемых и осужденных, а также Правил оказания помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания». Нормы питания в редакции постановления Правительства РК от 07.02.2011 № 82 (вводится в действие с 01.01.2011) // Электронный ресурс: Окно доступа http://adilet.zan.kz/rus/docs/P030000889_#z26. Дата обращения: 10.02.2014

УДК. 947.084.62(574.3) А36

Арипова Ш.Т.

*Маңғыстау облысы мемлекеттік мұрағаты, Ақтау қ.,
tairovna.sholpan@mail.ru*

МҰРАҒАТ ҚҰЖАТТАРЫНДАҒЫ ЗҰЛМАТТЫ ЖЫЛДАР АЙҒАҒЫ

Алтай мен Атырау, Сыр мен Тобыл арасындағы кең байтақ өлкенің бай қазынасы, рухани байлығы және ұлағатты дәстүрінің мұрагері ретінде тарихымызды білу әрбіріміздің азаматтық парызымыз. Сан ғасырлық тарихы бар қазақ елі тәуелсіздігін жаңа алған жас мемлекет ретінде тарих сахнасында өзінің сара жолын бағдарлап, тарихтың жаңа беттерінде өзінің айшықты орынын белгілеуде. Саясат ойынының астарлы тұстарында жасанды идеологиямен көмкерілген ұлттық тарихымыздың сырларын тарих қойнауынан жарыққа шығару істері қолға алынып, ізденушілердің, қалың жұртшылықтың назарына ұсынылуда. Сондықтан да бұлтарысы мен ақтаңдағы басым тарихтың аққарасын ажыратып, халқымыздың асқақ рухын паш ету тарихты жаксы білуді міндеттейді.

Тарихи таным ұлттық сана-сезімді қалыптастыратынын ескерсек, өз тарихымызды терең зерттеп ұғыну, тарихи ойлау жүйесін бойға дарыту қажет.

«Өткенге топырақ шашсаң, болашақ саған тас атады» деген ұлағатты сөзді ескерсек, ұлт тарихының әрбір кезеңін саралай, жас ұрпаққа тек қана шындықты жеткізу қажет. Осы сәтті пайдалана отырып, XX ғасырдың басындағы теңдік пен азаттыққа қол жеткіздік деп масайраған қазақ халқына орны толмас қасірет ала келген ұжымдастырудың зұлматты жылдары Маңғыстау түбегінде қалай өрбігеніне тарихи шолу жасап, аштық пен жазалауға душар еткен солақай саясаттың құрбандарын еске алуды жөн көрдік.

Табиғаттың қаталдығы мен шалғай шекарада орналасуы жергілікті халықтың жауынгерлігін шыңдап қана қоймай, олардың

бойында қайсарлық пен табандылықты да қалыптастырған болатын.

Адай округі Қазақстандағы жаңа әкімшіліктік-территориялық жүйеге сәйкес 1928 жылы құрылып, Маңғыстау, Үстірт-Сам, Табын, Алтықарасу, Ойыл аудандарын құрамына біріктірді. Ұжымдастыру саясатын жүргізу барысында халықтың жылдар бойы қалыптасқан өмір сүру салты мен дәстүрлерінің қаперге алынбауы халыққа үлкен ауыртпалық әкелді. Көшпелі халықты қысқа уақытта отырықшылыққа көшіруді мақсат етіп, ондаған шаңырақты бір орынға топтастыру арқылы жоспарды жылдам орындау мүмкін деп ойлаған белсенділер салықтың түрі мен көлемінде өзгертті. Асыра сілтеу салдарынан 1927-1928 жж. Адай округінде 77 ұжымшар ұйымдастырылса, 1929 жылы олардың саны 110-ға жетті. 1930 жылы Маңғыстау өңіріндегі барлық ұжымшарларда 39 шығыр, 6 сеялка, 37 тырма, 2 жер қопсытқыштың болуы шаруаларды біріктіруден кейінгі ұжымдық шаруашылықты ұйымдастыру мен жүргізудің алдын ала ешбір экономикалық есептері мен болжамы жасалмағанын көрсетеді [1]. Шаруаларды отырықшылыққа бейімдеу, Ұжымшарда еңбек етушілердің де жағдайлары өте төмен болды. Мәселен егіс даласында еңбек еткен жанға күніне бір қадақ тары беру жөніндегі шешім еңбек еткен жанның отбасы мүшелерін ескере қоймағанын аңғартады. Өзара салық, ауылшаруашылық салығы, қамсыздандыру салығы, мал алу, ет, жүн, тері, сүйек, арқан-жіп, канар-қап жинау кең етек алды. Салықты уақытында орындамағандар жазаланды.

Халықтың мүмкіндігі ескерілмей, жеңілдіктер жасау, кейінге шегеру сияқты тұрғындардың арыздарын қарастыру қолға алынған жоқ. Жазалаудан үріккен халық қыстың көзі қырауда төсеп отырған киізін түтіп, азық болар малын салыққа төлеп, ішер ас-сусыз мүшкіл халге душар болды. 1928 жылы елде қуаңшылық орын алып, қасірет тартқан елдің қайғысына қайғы жамады. Жанын аман алып қалудың бар амалын қарастырған халық туған елін тастап жер ауа көшуіне тура келді. Көшкен жұрт жол азабы мен азықсыздыққа ұрынып, көздеген мақсаттарына жете алған жоқ.

Орталықтың жоспарын орындаймыз деп ұрандаған белсенділер байлар мен орташаны өздерінше пайымдап, жіктеді. Бай мен орташаға телінгендер жер аударылды. Көптеген жанұя асыраушысынан айрылып, қоғамнан шеттетілді, көптеген отбасының шаңырақтары ортасына түсіп, оттары сөнді. Олардың туыстары да сыбайлас ретінде қоғамнан түрткі көрді.

Қолда бар малынан еріксіз айрылып, күн көріссіз қалған халық 1927-1928 жж. «аққоянның» жұтына ұрынып, елді ашаршылық шарпып, тарыдай шашырады. Халық орталыққа қарай ығысып, аш халықтың көп бөлігі ауруға шалдықты. Жұттан зардап шеккендерді қорғау және көмек көрсету үшін Адай округтік атқару комитеті комиссия құрып, арнайы шаралар жүргізе бастады. Халық игілігін ойлаған Қилыбаев, Қ. Сарғожаев, Құлшаров, Оғалбаев, Жұбаев т.б. өлкенің біртуар азаматтары осы бір игі істің басында болып, тамақ тарату, ақша бөлуді ұйымдастырған болатын [2]. Алайда аталған азаматтардың еңбектері белсенділер тарапынан дұрыс бағаланбай, керісінше түрлі жала жабылып, қуғынға ұшырады.

1928 жылдың жазында ел жұттан оңалып, ес жия бастаған шақта салық жинау қайта жалғасын тапты. Ендігі кезекте байлар мен орташаларды қойып ендігі кезекте кедейлердің салығы да өсті, шаруалардың берешек қарыздары арта бастады. Орынсыз салықтар мен сақтандыру салымдары 1932 жылы елде ашаршылықтың қайта өршуіне жағдай жасады. Жұт пен ашаршылық, оған қоса шегі жоқ салықтар халықты әбден қажытты. Халықтың хал-жағдайы ескерусіз қалып, табыс көзінің болмауы себепті салықты төлей алмаған халықтың қандайда бір әрекеті Кеңес үкіметіне жасалған қастандыққа бағаланып, ел қудалауға ұшырады. 1932 жылғы ашаршылық халықты жаза-лау мен бағындыру үшін қолдан жасалған нәубет екені шүбәсіз. Мұны мына бір мұрағат құжаттары арқылы саралап көрсек:

«Қожамұратов Ғұбашқа Ақтөбе учаскесінен бір кубаметр әктікен шапқаны үшін 3 сом 75 тиын айып салынсын», протокол № 631. 1929 жыл, 10 қараша; «Сүндеталиев Қапышқа «Үш Шеркеш» жерінен бір құдық қазғаны үшін 3 сом 75 тиын айып салынсын», «Сейітов Есетке учаскеде бір бас түйесін жайғаны үшін 75

тиын айып салынсын»... [3].

1932 жылы 26 ақпанда 13-ауыл азаматы Ботакөз Адамбай әйелі: «1932 жылы түскен жоспарды 24 сағат ішінде тауып беруге міндеттенемін. Егер тауып бере алмасам тиісті заңның 61 статьясына жауапкермін...» деп қолхат берген. Тағы «1932 жылы 23 апрель күні мен, әлді шаруа, 13-ауыл азаматы Абдулла Ешбайұлы түскен міндетті жоспарды 24 сағат ішінде тауып беруге міндеттімін... нендей шараға да ризамын деп – қол білмегенім үшін таңбамды басамын», «1932 жылы 26 апрельде беремін осы подписка қағазды. Себебі мойныма түскен ет, малдар мыналар: 1 түйе, 1 сиыр және 10 қой, 10 келі жүн, тұқым 10 келі, 50 сом, ескі-құсқы 100 келі. Осы жоғарыдағы міндет жоспарымды орындап құтылам, 24 сағат ішінде. Егерде бермей қалсам, нендей шараңызға да ризамын деп осы подписке беруші Көшім Аралұлы» осы сияқты 110 центнер балық аулауға міндеттенгендер де бар. Одан өзге әкесіне міндеттелген қарызды баласы өзіне міндеттеп қолхат берген [4]. Ал міндетті жоспарды орындай алмағандар аудандық халық сотына берілген.

Сонда малын ұжымға беріп, азығын салыққа төлеп, табыссыз қалған халық қолындағы бірді-екілі тұяғын жая алмаса, азық дайындауға құқығы болмаса, қалай күнелтпек. Жұмысшылар орнатқан үкімет халқына пана болып, қиын сәтте жеңілдіктер жасауға міндетті емес пе?

«Осы арызымды беріп отырмын, себебі үйімде астығым жоқ, қолымда жалғыз түйем бар... сол түйемді жеуге ұлықсат етсеңіз екен. Бір үйде тоғыз адамбыз... арыз қағазымды беріп өтінемін.. астығым жоқ, күйсізбін... қатын-бала ашықты. Ішіп отырғаным сораң еді, қар жауып қалып, сораң алып ішуге болмай қалды... аяғы ақсақ, орта жастағы жалғыз түйемді союға ұлықсат етсеңіз», «... жалғыз ешкім бар, екі кішкентай балам ауру болып, шыдатпай отыр, әрі қатықсыздықтан. Басқа ірі малым жоқ, ешкіні сойып балдардың көжесіне қатық етуге ықтияр етуіңізді сұраймын, мүмкіндік болса». Арыздардың шетіне «Басқа мүмкіншілігі көзделінеді. Малың союға болмайды» деп 13-ауыл ағасы виза салған [5].

Халықты күйзелткен ауыр жағдай «егеулі найза қолға

алып» шындық үшін күресуге итермеледі. 1920 жылдың соңы мен 1930 жылдың басында Қазақстан аумағында орын алған 372- ге тарта көтерілістердің ауқымды да ірілерінің бірі – Адай көтерілісі болды. Табын, Маңғыстау, Жилая қоса аудандарында азаматтар бірігіп, қолда барды қару еткен олар Кеңес үйлері мен өндіріс орындарына шабуылдап, өртеп жіберіп отырған. Осы оқиға бойынша Құрмаш Қосжанов, Шоланов және т. б. азаматтар көтерілісті басқарды деген айыппен ату жазасына кесілді [5]. Қарулы «банда» тобын жою үшін Маңғыстауға жан-жақтан әскерлер тартылады. Қ. Қосжанов тобына соққы беріліп, соңына түседі. Қосжановтың және осы іске қатысы бар деп айыпталған азаматтардың отбасы, тума-туыстары қуғындалды. Көтеріліс басып, жаншылған соң, елде тағы бір зобалаң орын алды. Бұл осы аймаққа орталықтан жіберілген Ш. Ералиевтің кенеттен қайыс болуы. Бұл жұмбақ өлімге байланысты тергеу ісі жүргізіліп, оқыс өлім қастандыққа баланды. Осыған байланысты «ескінің көзі» - Тобанияз Әлниязұлы және оның жақтастары деген жаламен елде тағы қуғын-сүргін етек алды. Аймақтың оқшаулығына, тұрғындар санының аздығына қарамастан Маңғыстау өлкесі жазалаудан аман қалған жоқ. Маңғыстау облысы мемлекеттік мұрағаттарындағы құжаттарға көз жүгіртсек, зобалаң жылдары бұл өлкеде 950-ден астам адам саяси қуғын-сүргінге ұшырағанын көреміз. Олардың бәрі халық жауы ретінде сотталып, ең жоғарғы ату жазасынан бастап, жер аударылу және 25 жыл мен 10, 5, 3, 2 жылдарға бас бостандықтарынан айрылды. Бұл аталғандардың басым бөлігі қайтыс болғаннан кейін ғана ақталды [6].

Репрессия жүргізу үшін арнайы орган – мемлекеттік саясат басқармасы құрылып, жергілікті жерлерде оның бөлімдері мен өкілдері жұмыс жасады. Соттан тыс бірақ заңдастырылған, «үштіктер», «бестіктер», «екіліктер» адамдарды өлім жазасына кесіп, концлагерлерге айдап, кеңес қоғамынан аластады.

Күштеп ұжымдастырудан, шамадан тыс салық салудан маңғыстаулықтар туған жерлерін тастап, Қазақстаннан тыс жерлерге көшуге мәжбүр болды. Мұрағат қорларында Түркіменстанға көшкен адамдардың тізімдері де кездеседі. Олардың ішінде жүздеген адам жолдағы аштыққа және суыққа шыдай алмай қаза

тапты. Одан өзге Қызылорда округіне күштеп жер аударылғандар тізімдері де бар. Олардың арасында қартайған ауру кісілер мен жас сәбилерде кездеседі [7].

Жүгенсіздікке, аштық пен қорлыққа әбден ашынған халық мемлекеттік органдардың террорына көтеріліске ұласқан жаппай толқулармен жауап берді.

Репрессия тақырыбында әртүрлі тарихи еңбектер жазылғанмен, негізгі мұрағаттық деректер бұл мәселенің жаңа бір қырын ашады. Бұл тұста кеңес кезеңі деректерінің ерекшелігі мен әлеуеті анықталып, шындыққа жетуге мүмкіндік жасайды.

Мұрағаттық құжаттарды тарихи дерек көзі ретінде талдауды жолға қою Кеңес Одағының өз азаматтарына жасаған қылмыстарын әшкерелеуге мүмкіндік береді. Осы бағытта деректерді құпиясыздандыру зерттеушілерге айқын да, ауқымды мәліметтерге қол жеткізуге жағдай жасады. Сонымен қатар, деректерді табу, жүйелеу және олармен жұмыс істеу әдістерін игеру мәселелері тағы бар.

XX ғасырдағы кеңестік саяси репрессияларға қатысты мұрағаттық деректерді талдау ең бірінші, халықтың бетке ұстар ұлт зиялыларының аттарын қайта қалпына келтіреді, екінші, халықтың отаршыл жүйеден шеккен қасіретін көріп-білгізеді, мұның өзі ұлт тарихын тануда жаңа рух беретіні сөзсіз. Сөйтіп, халықтың шындық пен тәуелсіздік жолындағы ұлт-азаттық күресінің жарқын беттері айшықтала түседі. Тоталитарлық мемлекеттің жүргізген саяси репрессияларын мұрағат құжаттары арқылы анықтау бүгінгі күнгі тарих үшін аса маңызды. Деректерді анықтау, жариялау, талдау, синтездеу тарихи үдерістің шынайы зерттеу негізін қалыптастырады. Ондағы сол кезеңдердегі жоғарыдан түскен өкімдер, шешімдер, бұйрықтардан бастап атқарушы билік пен құзырлы органдардың жүргізген жұмыстары толық баяндалады. Осы мақсатта отан тарихының келелі мәселелерін ашуда мұрағаттық құжаттардың деректік жағынан талдануы керек. Мұрағат қорларында 1917-1932 жылдар аралығындағы Отан тарихына байланысты мәліметтер көп кездеседі. Бұл мұрағаттық деректердің бәрі бірдей ғылыми айналымға еніп болған жоқ, сақтау қоймаларында

өз зерттеушілерін күтуде.

Облыстық мұрағат қызметкерлері соңғы жылдарда өлкедегі қуғын-сүргін тарихына қатысты құжаттарды жинақтаумен белсенді шаралар атқарды. Маңғыстау облысы ҰҚК басқармасы ведомстволық мұрағаты, Атырау облысы мемлекеттік мұрағаты, ҚР ОММ ның құжаттары зерттелді. Саяси қуғын-сүргін тақырыбында өлке тарихына қатысты жүздеген құжаттар анықталды. Мұрағат құжаттары негізінде үлкен және шағын нысандағы ондаған жарияланым еңбектер дайындалды.

Мұрағат қызметкерлері бірінші болып, бұқаралық ақпарат құралдарында саяси қуғын-сүргінге ұшыраған 206 маңғыстаулықтың тізімін жариялады. Сондай-ақ материалдар 1998 жылы жарық көрген «Азалы кітапқа» енді.

1994 жылы облыстық мемлекеттік мұрағат Ә. Спановтың 1930 жылы адайлар көтерілісін бастаған Құрмаш Қошанов туралы «Тоқабай Құрмаш» атты кітапшасын, 1929 жылы маңғышлақ революциялық комитетінің бірінші хатшысы Тобанияз Әлниязұлы туралы «Тобанияз» атты тағы бір кітапшаны жарыққа шығарды. 1996 жылы Форт-Шевченко қаласының 150-жылдығына арналған «Қарашаңырақ» атты кітап жарияланып, оған тарихи очерктер, мұрағат материалдары бойынша жазылған репрессия туралы материалдар енгізілді. Сонымен қатар Зияда Ижановтың «Қосшы» одағы жөніндегі «Ащы шындықтар» кітабының қолжазбасы жарияланды.

Сондай-ақ мұрағат қорларын атап өтер болсақ, олар Маңғыстау аудандық Кеңесінің атқару комитеті, Адай уездік ревкомы, № 546 ҰҚК нен алынған репрессия құрбандарының ақталуы жөніндегі құжаттар қоры және жергілікті атқару комитеттерінің 20-30 жылдардағы құжаттары, бұл қорлардан көптеген құнды ақпараттар алуға болады.

Қорытындылай келе, қазіргі Қазақстан тарихын зерттеушілер мен ізденушілерге және ұлт тарихына қызығушылық танытушыларға арналған ауқымды, мұрағаттық құжаттарды қамтитын хрестоматиялар дайындалса, оларды оқулықтармен қатар бастыру міндеттелсе екен. Бұл басылымдардың тарихшы-зерттеушілер үшін ғана емес, оқытушы қауымға да таптырмас

көмекші құралға айналары сөзсіз.

ӘДЕБИЕТТЕР:

1. Ижанов З. Тәркілеу тартқызған тақсірет//«Ақиқат» журналы, 1995 ж. Маусым.
2. МОММ, 276-қор, 1(қосымша)-тізімдеме, 11-іс.
3. МОММ, 17-қор, 1-тізімдеме, 1-іс.
4. МОММ, 48-қор, 1-тізімдеме, 83-іс МОММ, 48-қор, 1-тізімдеме, 90-іс.
5. МОММ, 546-қор, 1 (3)-тізімдеме, 1-14-іс.
6. МОММ, 546-қор, 1 (3)-тізімдеме, 1-іс.
7. МОММ, 276-қор, 1 (қосымша)-тізімдеме, 22-іс.

УДК 316.4.063.7:316.343.37:94(477)

Билан С.А.

Национальный университет биоресурсов и природопользования Украины, г. Киев, bilanso@bigmir.net

РЕПРЕССИИ СТАЛИНСКОГО РЕЖИМА ПРОТИВ РАБОТНИКОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА УКРАИНЫ

Процесс научного переосмысления советского периода истории Украины раскрывает новые исследовательские горизонты, требующие анализа создания большевистским режимом механизма массового насилия над людьми в УССР, который доказал перерождение ее общественной, прежде всего государственной структуры и полное подчинение украинского общества сталинскому самовластию. Проанализировав ход и особенности каждого периода репрессий советской власти, можно утверждать, что эти акции осуществлялись в контексте общих кампаний государственного террора против действительных и мнимых оппонентов, которых объявляли «врагами народа».

В связи с этим, особый интерес приобретает период 30-х

гг. XX в., на протяжении которого украинское крестьянство стало объектом широкого социально-экономического эксперимента, введенного политическим руководством страны. Опыт сталинской «модернизации» сельского хозяйства, сопровождаемый раскулачиванием, расселением хуторов, массовыми депортациями крестьян, охотой на «врагов народа», «вредителей», «саботажников» и «расхитителей» колхозного имущества, репрессиями и «чистками» сельскохозяйственных работников, катастрофическим упадком основных отраслей сельскохозяйственного производства, относится к самым трагическим страницам отечественной истории, вызывая неизменную заинтересованность ученых и широких кругов украинской общественности в течение последних десятилетий

Многочисленная историография проблемы, в частности работы И. Биласа, С. Белокона, В. Васильева, В. Даниленко, Н. Ивницкого, Г. Касьянова, С. Кульчицкого, С. Ляковской, Ю. Шаповала и др. свидетельствуют о том, что в последние годы сделано немало для объективного освещения репрессивной составляющей «социалистической реконструкции» украинского села. Однако, несмотря на достижения отечественной и зарубежной историографии, остается ряд аспектов проблемы, требующие отдельного исследования. В частности, показательные репрессивные кампании по борьбе с вредительством в области сельского хозяйства республики в 1930-х гг., ставшие составной «большой чистки» специалистов-аграрников и работников аграрной сферы Украины, освещение которых и является целью данной публикации.

Основным фактором репрессивной политики высшего государственного руководства СССР в 1930-х гг. стало желание осуществить модернизацию экономики страны в очень короткие сроки. Руководители партии понимали, что такой шаг увеличит количество недовольных сталинским режимом и пытались переложить ответственность за просчеты и аварии в промышленности и транспорте, бесхозяйственность в сельском хозяйстве на «вредителей», «саботажников» и «врагов народа». По всей стране начались показательные репрессии и публичные судебные про-

цессы, которые объясняли экономические трудности наличием «внутренних врагов», к которым в первую очередь были отнесены специалисты с дореволюционным стажем, безжалостное преследование которых, в конце концов, привело к почти полному уничтожению прослойки «старой» интеллигенции, место которой заняли работники, спешно подготовленные на курсах, в техникумах и высших учебных заведениях.

Одними из первых под колесо «борьбы с вредителями» попали работники сельского хозяйства. «Вредительство» видели во всех видах бесхозяйственности, ставшей нормой жизни в коллективных объединениях (ненадлежащем хранении семенных фондов, несвоевременном ремонте сельскохозяйственной техники, плохом содержании скота). Одновременно с выявлением отдельных случаев «вредительства», органы ОГПУ осуществляли ликвидацию «контрреволюционных группировок» и «вредительских групп», в состав которых входили председатели колхозов, члены их правлений, завхозы, счетоводы, бухгалтеры, земледельцы, кладовщики, агрономы и другие работники сельского хозяйства, что сопровождалось их постоянными «чистками».

В Украине «чистка» кадров в области сельского хозяйства особенно активно начала осуществляться после подписания В. Чубарем 17 февраля 1933 г. постановления СНК УССР «О ходе засыпки семенных фондов» с таким пунктом: «Определить возможным тем, кто укажет на спрятанный хлеб в ямах – выдавать часть этого хлеба в размере 10-15 %, а весь остаток зерна, спрятанного колхозниками, возвращать на пополнение семенного фонда, и найденного у единоличников – на хлебозаготовки» [9].

Чистки нанесли большой ущерб сельскохозяйственному производству. Один из руководителей совхозов в Украине П. Капустин на совещании в январе 1933 г. говорил: «Есть постановление провести у нас чистку, с 30 тыс. человек уже осталось около 18 тыс., мы должны их пересмотреть и удалить ненужные элементы, а с кем мы будем сеять...» [10]. Из-за подозрительного отношения политотделов к инженерам и агрономам возникла угроза полного очищения совхозов от технических и агрономических кадров, и в дальнейшем их руководителям пришлось приложить

немало усилий, чтобы вместо уволенных во время чистки специалистов найти и подобрать новых.

В марте 1933 г. ОГПУ СССР объявило о разоблачении «контрреволюционной вредительской организации в некоторых органах Наркомзема и Наркомсовхозов, главным образом в сельскохозяйственных районах Украины, Северного Кавказа, Белоруссии». В следующем месяце ГПУ УССР разоблачило так называемый «Украинской филиал» этого «контрреволюционного мятежа» в сельском хозяйстве. По сообщению ГПУ УССР, арестованные имели целью «подорвать крестьянское хозяйство и вызвать голод в стране». Постановлением судебной тройки республиканского ГПУ от 27 апреля 1933 г. все участники «заговора» были привлечены к уголовной ответственности (4 были казнены, а остальные получили от 3 до 10 лет лишения свободы) [2].

Активную партийную чистку политотделов провели в Украине в апреле 1933 г., однако, уже на тот период в колхозах и совхозах людей охватило равнодушие, они потеряли веру и страх, а потому уже не боялись угроз и наказаний. Финал деятельности политотделов был закономерным: «Политотделы, работники которых являются посильными партии, также самоустранились от борьбы за строжайшую государственную и трудовую дисциплину, забыв о первейшем долге. Более того, некоторые начальники политотделов стали на защиту нерадивых хозяев, приглушая критику и самокритику, видимо уже привыкнув к беспорядкам, которые происходят в совхозах» [5: 43].

Беспорядок в коллективных хозяйствах и ослабленных голодомором селах Украины сопровождался активным сопротивлением крестьян. ОГПУ квалифицировало его как массовый террор и новый метод борьбы против советской власти. Хотя количество террористических проявлений на селе, по статистике ОГПУ, в 1934 г. было ниже уровня 1933 г., однако темпы нарастания неповиновения оказались выше по сравнению с предыдущим годом. Наиболее распространенными формами борьбы стали физические расправы с советским активом и поджоги. По оперативным сводкам СПО ГПУ УССР отравления лошадей, коров и свиней приобрели систематический характер, в январе-марте 1934 г. в

результате пожаров сгорели тысячи пудов соломы, сена, клевера, колхозные помещения и инвентарь, хотя и так было нечем содержать скот и обрабатывать землю.

По данным НКВД, осенью 1934 г. в селах Украины сложилась ситуация с проведением посевной кампании не намного лучше, чем весной 1933 г., что неизбежно должно было привести к очередным потерям в сельскохозяйственном секторе экономики и продолжению испытаний голодом для жителей села. Политика советского государства на селе в 1934-1935 гг. мало чем отличалась от той, что реализовывалась в начале 1930-х гг. Так, 16 июля 1935 г. прокурор СССР А. Вышинский требовал от прокуроров союзных республик привлекать к ответственности единоличников, которые уклонялись от выполнения «обязательств по зернопоставкам», а 17 июля политбюро ЦК ВКП(б) напомнило Украине о возвращении из урожая 1935 г. 34,8 млн. пудов семенной ссуды [3]. 28 июля 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление об отмене судимости колхозников, осужденных на срок до 5 лет, но, в то же время было предусмотрено оставлять приговор суда для лиц, осужденных за злостное и систематическое невыполнение обязательств по поставкам сельскохозяйственной продукции (зернопоставки, мясopоставки, молокопоставки т.п.).

На протяжении 1936-1939 гг. состоялась новая волна раскулачивания, политических чисток и смертных приговоров. Сохранились принципы и методы хлебозаготовок, хотя объемы валового сбора зерна уменьшились, продолжала действовать стимулирующая система оплаты труда и начисления трудодней. В частности, весной 1939 г. вводился обязательный годовой минимум трудодней, выработанных колхозниками, – от 60 до 100, за невыполнение, которого они подлежали исключению из коллектива [7: 36].

Политика коллективизации не закончилась расселением хуторов, депортациями сотен тысяч крестьянских семей и массовым образованием колхозов в 1934 г. Она приобрела уродливые формы в 1937-1938 гг. Такое положение значительно объяснялось сложными процессами, которые проходили в партии. Было репрессировано целое поколение партийных руководителей, мно-

гие рядовые коммунисты. В частности, в 1937 г. были ликвидированы почти все высшие чиновники, в том числе Х. Раковский, Э. Квиринг, П. Любченко, организаторы репрессий – П. Постышев, С. Косиор, В. Чубарь, В. Балицкий. Из 102 членов и кандидатов в члены ЦК КП(б)У были репрессированы 100, а из 11 членов Политбюро было казнено 10 [1: 279]. Партийные комитеты возглавили новые, молодые кадры, подавляющее большинство которых составляли люди с начальным образованием, и которые учились политическому руководству в обстановке подозрительности, шпиономании и страха, что не могло не отразиться на стиле и методах их работы.

2 июля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) решило начать репрессивную кампанию против бывших кулаков и уголовников. На следующий день генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин телеграммой сообщил об этом народному комиссару внутренних дел СССР Н. Ежову и региональному руководству коммунистической партии. Днем позже с постановлением ознакомилось политбюро ЦК КП(б)У и партийные руководители восьми областей Украины, включая Молдавскую АССР.

Ужасный план уничтожения и ссылки в лагеря и тюрьмы почти 270 тыс. советских граждан был разработан наркомом внутренних дел СССР Н. Ежовым и утвержден на заседании политбюро ЦК ВКП(б) 31 июля 1937 г. под официальным названием «Оперативный приказ НКВД СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других анти-советских элементов».

Приказ № 00447, предусматривающий преследования бывших кулаков, преступников, членов религиозных общин и политических партий, противников большевиков во время гражданской войны, казаков и других «антисоветских элементов», дал старт кампании террора, которая продолжалась с августа 1937 г. до ноября 1938 г., жертвами которой по современным оценкам стали около 800 тыс. человек, большинство которых были расстреляны, а другие получили длительные сроки заключения и позже погибли в лагерях.

В Украине эта террористическая сталинская операция со-

временными исследователями названа «кулацкой», поскольку была направлена на уничтожение зажиточных крестьян, которое началось еще в 1929-1930 гг., когда основной формой борьбы с ними было выбрано так называемое «раскулачивание», включавшее экономическое ограбление крестьян, нарушение их прав и репрессии.

И. Сталин лично объявил политику «ликвидации кулачества как класса», считая богатый слой крестьян наибольшей угрозой пролетарской диктатуры: «Выполнение пятилетки в четыре года в сельском хозяйстве – это годы создания и победы колхозного строя. Колхозы закрепились, и путь к старому единоличному хозяйству закрыт окончательно. Решена историческая задача перевода мелкого индивидуального раздробленного крестьянского хозяйства на рельсы социалистического крупного земледелия и СССР из страны мелкокрестьянской превратился в страну крупнейшего земледелия... Весна 1933 г. ознаменовалась крупными сдвигами в борьбе за качество, но еще есть много недостатков в сельскохозяйственном производстве. Нам еще предстоит много поработать над тем, чтобы сделать колхозы большевистскими, превратить вчерашнего единоличника в сознательного труженика социалистического общества, сделать всех колхозников зажиточными, окончательно разгромить остатки кулаков ...» [8: 41].

В 1937 г. заканчивались сроки высылки многих из них. При проведении переписи 1937 г. даже была распространена специальная анкета, чтобы проверить в местах ссылки кулаков Украины. В частности, на этой основе было возобновлено уголовное дело о так называемой «контрреволюционной организации в сельском хозяйстве Украины», жертвами которой стали известные специалисты в области сельского хозяйства – агрономы, селекционеры, ветеринары, которые вели активную работу по повышению эффективности сельскохозяйственного производства и поиска новых экономических моделей хозяйствования. Их деятельность в рамках легально созданного еще в ноябре 1922 г. «Всеукраинского агрономического общества» (ВАО), цель которого заключалась в оказании помощи агрономам в улучшении качества их работы. ВАО существовало в течение 4 лет, имело свой

печатный орган «Украинскую сельскохозяйственную газету» и в 1923 г. за свою деятельность было награждено золотой медалью ВДНХ СССР. Однако, в 1929 г. органами ОГПУ деятельность ВАО была трактована как таковая, которая была направлена на восстановление капиталистического строя путем: 1) извращения политики и практических мер в области сельского хозяйства, 2) укрепления и развития индивидуального крестьянского хозяйства, 3) ослабления экономической мощи УССР вредительскими действиями в различных отраслях сельского хозяйства, 4) оказания помощи международной буржуазии путем информирования о состоянии исследовательского дела и экономики сельского хозяйства [4: 133]. В результате органами ГПУ УССР был арестован 46 специалист сельского хозяйства, из которых 29 стали основными фигурантами по делу о «контрреволюционной организации в сельском хозяйстве УССР».

Среди арестованных, обвинения которых в деле было построено исключительно на участии в деятельности ВАО, были такие ведущие специалисты в области сельского хозяйства как В. Батыренко (заведующий Укрсортсети Семеновского при Наркомземе УССР), М. Вольф (член коллегии Наркомзема УССР), А. Воронин (старший инспектор агрогруппы Наркомзема УССР), А. Дедусенко (руководитель кабинета финансирования Института сельскохозяйственной экономики), Г. Дибольд, И. Доленко, А. Иоффе (специалист по животноводству Наркомзема УССР), К. Кононенко (член правления Укрсильгоспбанка), К. Маньковский (профессор Геодезического института), Г. Обдула-Абдулевский, Б. Овсянников, М. Резников, Ю. Уман (инспектор Наркомзема УССР) и др. [6: 114].

Делом ВАО был нанесен удар по верхушке оппозиционно настроенной национальной сельской интеллигенции, открыт новый этап в борьбе с «контрреволюцией» и «национализмом» в Украине. Фактически, этот процесс стал наглядным примером сочетания классового подхода и мифа о существовании национализма как идеологии в советской Украине, своеобразным набором уголовно-политических штампов, используемых в 1930-х гг. для идейного обоснования сталинского террора против всего

украинского народа. В то время, когда процесс над научной аграрной интеллигенцией и образованными специалистами сельского хозяйства уже был начат, в недрах ОГПУ велось «следствие», а точнее – подготовка грандиозного показательного спектакля – суда по делу «Трудовой крестьянской партии», своеобразной базой которой должны были стать «вредители сельского хозяйства Украины». На самом же деле, сталинской власти было просто и выгодно объяснить проблемы, вызванные коллективизацией и насилием над крестьянством, действиями «вредителей» – в духе исследуемого периода и соответственно политической конъюнктуры. Продемонстрировав возможность внесудебных расправ, поскольку число жертв, прошедших в связи с делом, значительно превышало количество участников ВАО, он стал одним из показательных процессов над специалистами сельского хозяйства Украины и начал полосу массового террора.

18 марта 1930 г. «Известия ВУЦИК» сообщили о разоблачении органами ГПУ УССР группировки, которая якобы работала с 1924 г. и делала все для того, чтобы в семилетнем плане развития сельского хозяйства Украины отражать в контрольных цифрах идейные установки контрреволюционной организации. Состав «вредителей» был подобран со вкусом, по принципам «шахтинского дела» – так, чтобы представить все звенья управления сельскохозяйственным производством. На скамью подсудимых попали известные специалисты сельского хозяйства (всего 19 человек). Роль эmissара «Трудовой крестьянской партии» отводилась М. Резникову – начальнику сельскохозяйственного управления Наркомзема УССР, поэтому в прессе даже появился термин «резниковщина». По сценарию ОГПУ было проведено судебный процесс, на котором было доказано, что «вредители» действовали практически во всех звеньях сельскохозяйственного производства, в том числе и в сфере подготовки кадров. Кроме того, в газете сообщалось, что в Харьковском сельскохозяйственном институте группа профессоров (6 человек) делала все, чтобы «перспективные специалисты – выпускники – не попадали в аппарат лесного хозяйства и научные учреждения», и вся система подготовки кадров в этом высшем учебном заведении была на-

правлена «против социалистического строительства» [11: 3].

В обвинительном заключении без наличия каких-либо доказательств утверждалось: «Официально это общество преследует только цель объединения агрономических сил страны и предоставления агрономической помощи населению. Однако, под оболочкой ВАО организация с целью укрепления и усиления своей деятельности сформировала временное правление и совет, создала многочисленные филиалы и организовала ряд маршрутных выездов сотрудников в сельскую местность как в целях отбора, активизации и отработки основного актива этих филиалов, так и с целью вербовки кадров контрреволюционной организации. В 1925 г., когда контрреволюционная деятельность ВАО стала слишком явной и организации угрожал провал, руководители пришли к выводу о необходимости ее ликвидации. Однако, даже после ликвидации ВАО члены контрреволюционной организации продолжали активную антисоветскую деятельность в новых формах – работали в советских учреждениях, захватив почти все основные аграрные учреждения как в центре, так и на местах, что дало им широкую возможность использовать аппарат Наркомзема УССР с целью идеологического воздействия и помощи в масштабной вредительской работе в области сельского хозяйства...» [4: 135].

Из материалов дела видно, что сотрудники ГПУ УССР с самого начала следствия добивались признаний арестованных об участии в контрреволюционной деятельности. Однако, на допросах все обвиняемые отрицали причастность к контрреволюционной деятельности в рамках Всеукраинского агрономического общества, обосновывая характер его деятельности научной направленностью с целью оказания помощи сельскому населению в организации ведения сельского хозяйства.

Большинство обвиняемых по делу деятельности «контрреволюционной организации в сельском хозяйстве Украины» работали в Наркомземе УССР, были замечательными специалистами, и нередко высказывали критические замечания в адрес неправильной, по их мнению, политики советской власти в отношении крестьянства, что ОГПУ и расценило как контрреволю-

ционную деятельность. В целом, обвинения по делу построены исключительно на показаниях обвиняемых, которые носят не конкретный, иногда даже противоречивый характер, и основаны на субъективных предположениях допрашиваемых, что вызывает серьезные сомнения в их достоверности. Однако, уголовное дело было направлено в судебную инстанцию, и, несмотря на отсутствие доказательств виновности, 1 июня 1930 г. чрезвычайная сессия Верховного суда УССР осудила 29 подсудимых по статье 54-7 (вредительство) УК УССР, определив 24 виновным различные сроки лишения свободы от 2 до 10 лет, а 5 осужденных были лишены свободы условно и освобождены из-под стражи [4: 137].

Судьбы осужденных по этому делу сложились по-разному, однако многих из них не обошла вторая волна репрессий 1937 г., что было характерным для большинства уголовных дел о контрреволюционных преступлениях и антисоветской деятельности. В частности, А. Воронин, К. Кононенко и М. Резников снова подверглись уголовному преследованию за причастность к деятельности контрреволюционной организации «Трудовая крестьянская партия». Повторно привлекались к уголовной ответственности за антисоветскую деятельность в 1937-1938 гг. и другие осужденные. Так, на различные сроки лишения свободы были заключены в исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ) А. Дедусенко, И. Доленко, Б. Овсянников, М. Резников, Ю. Уман. Печальной была судьба А. Дедусенка и И. Доленка, которых в 1938 г. приговорили к высшей мере наказания – расстрелу.

Во время допросов обвиняемым по уголовному делу о «контрреволюционной организации в сельском хозяйстве Украины», представители органов ГПУ УССР ставили вопрос о том, «кто стал их теоретическими учителями и вдохновителями по сельскохозяйственному строительству в Москве», тем самым подготавливая почву для других более громких процессов против группы известных ученых-аграрников (М. Макарова, А. Чаянова, А. Челинцева).

В процессе дополнительной проверки, связанной с реабилитацией репрессированных, Институт истории АН УССР и Институт экономики АН УССР на основе анализа архивных до-

кументов в 1987 г. пришли к выводу, что «Всеукраинское агрономическое общество возникло как самостоятельное общественное формирование, устав которого был зарегистрирован в НКВД. Оно сыграло важную роль в мобилизации агрономических сил, восстановлении и развитии производительных сил сельского хозяйства. В деятельности ВАО ничего контрреволюционного не было. Все совещания, заседания, курсы, конференции происходили легально. Отчеты о его деятельности постоянно публиковались в официальном печатном органе «Украинской сельскохозяйственной газете». Судебные процессы над группой ученых-аграрников, которые входили в состав общества осуществлялись с целью расправы над теми, кто осуждал сплошную коллективизацию, и обвинения ответственных сотрудников разно профильных сельскохозяйственных институтов и учреждений в усилении хозяйственного кризиса, чтобы скрыть настоящих виновников происходящего в сельском хозяйстве УССР».

28 апреля 1989 г. Пленум Верховного суда УССР удовлетворил протест прокурора республики и все 29 обвиняемых и осужденных были реабилитированы за отсутствием в их действиях состава преступления [4: 142].

В это же время по схожему сценарию состоялся процесс над «вредителями лесного хозяйства», но он не получил массового распространения и широкой огласки и прошел так же, как и разоблачения «вредителей» в овощном хозяйстве, рыбной промышленности и животноводстве. Все эти дела были подобными и повсюду среди «вредителей» руководили специалисты с дореволюционным стажем или непролетарского происхождения, которые в то время составляли 40 % всех образованных специалистов сельского хозяйства Украины. Стоит также отметить, что борьба с «вредительством» в сельском хозяйстве Украины, которая нанесла сокрушительный удар по значительной части специалистов-аграрников, происходила именно тогда, когда дефицит квалифицированных агротехнических кадров был острым и составил почти 25 тыс. человек, и десятки крупных совхозов и колхозов УССР не имели ни одного агронома и ветеринара.

Таким образом, в 1930-х гг. у партийно-государственного

руководства СССР ведущее место занимала политическая категория «враг народа», с которым советское государство вело беспощадную и бескомпромиссную войну. В Украине к «врагам народа» в основном были отнесены «кулаки» и «кулацкие элементы», которые составляли большинство сельского населения. Украина всегда была земледельческой страной, что сказалось на ее общественно-экономическом развитии и отразилось на ментальности народа, его культуре. Изначально почти две трети ее населения составляли крестьяне-земледельцы и хозяева, то есть по политической оценке сталинского руководства «кулаки», что и упростило государственным структурам процесс их «очистки» и уничтожения украинского народа, который официально не имел ни каких других границ, кроме классовых.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Билас И.Г. Репрессивно-карательная система в Украине 1917-1953 гг.: Общественно-политический и историко-правовой анализ. – В 2 т. – Кн. 1. – К.: Лыбидь, 1994. – 428 с.
2. ОГА СБУ. – Ф. 16. – Оп. 28. – Д. 5. – Л. 38, 39.
3. ГАРФ. – Ф. 5446. – Оп. 1. – Д. 477. – Л. 82.
4. Жертвы репрессий. Отв. ред. Шемшученко Ю.С. – К.: Юринформ, 1993. – 275 с.
5. Зеленин И.Е. Политотделы МТС – продолжение политики «чрезвычайщины» (1933-1934 гг.) // Отечественная история. – 1992. – № 6. – С. 42-61.
6. Касьянов Г.В. Украинская интеллигенция 1920-х – 30-х гг.: социальный портрет и историческая судьба. – К.: Глобус, 1992. – 176 с.
7. Саган О. Трудодни как средство уничтожения украинского крестьянства // Политика и культура. – 2000. – № 32. – С. 32-38.
8. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. – М.: Госполитиздат, 1952. – 93 с.
9. ЦГАВО Украины. – Ф. 2. – Оп. 7. – Д. 21. – Л. 23.
10. ЦГАВО Украины. – Ф. 27. – Оп. 14. – Д. 417. – Л. 36.
11. Вредительство в сельском хозяйстве Украины // Известия ВУЦИК. – 1930. – № 63. – 18 марта.

УДК94(477)

Будзанивская Н.В.

*Институт архивоведения Национальной библиотеки
Украины им. В.И. Вернадского, г. Киев,
bulgakova.natalie@gmail.com*

ОТНОШЕНИЯ В.И. ВЕРНАДСКОГО и А.Ю.КРЫМСКОГО, КАК ЗЕРКАЛО ЖИЗНИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ТОТАЛИТАРНЫЙ ПЕРИОД

Находясь в Украине в 1917-1921 гг. Владимир Вернадский общался со многими украинскими учеными. После создания Украинской академии наук, которую В. Вернадский возглавил, Агатангел Крымский занял должность неперменного секретаря. Именно благодаря этому В. Вернадский и А. Крымский получили возможность более тесного общения. В дальнейшем переписка двух известных ученых дает представление о том, как жила интеллигенция.

Интеллигенция Украины была в центре внимания таких исследователей, как Е. Бойко [1], В. Даниленко [2], Г. Касьянов [3], О. Колястрок [4] и др. Источниковой базой статьи является переписка В. Вернадского [5] и А. Крымского [6], воспоминания историка Н. Полонской-Василенко [7], а также архивные материалы.

В. Вернадский и А. Крымский познакомились осенью 1904 года на квартире в Москве у В. Вернадского, где происходило собрание представителей всех высших школ Москвы, где решались проблемы высших школ и их забастовок. После совещания А. Крымскому предложили остаться на обед с семьей В. Вернадского. Постепенно между учеными установились теплые дружеские отношения. По словам А. Крымского, в В. Вернадском его «...пленила твердая осознанность общественной обязанности, умение выполнять помимо научных дел также общественные обязанности ... умение сочетать горячую любовь к научным, кабинетным занятиям со способностью, например, поехать на земские собрания в Моршанск или Тамбов...» [6: 248].

В. Вернадский принадлежал к либеральной российской интеллигенции, тогда как А. Крымский был представителем украинской демократической интеллигенции. Как отмечает, Елена Бойко: «Русская интеллигенция, проживающая в Украине, относилась к украинскому национальному движению преимущественно негативно ... Часть российской интеллигенции, которая разделяла взгляды кадетов, в большинстве своем относилась отрицательно не только к самой идее автономной Украины, но и к развернувшемуся национально-культурному строительству, и к делу украинизации народного образования и других сфер общественной жизни» [1: 5-6]. Таким образом, взгляды этих двух ученых, в частности на украинский язык различались.

3 июня 1918 года В. Вернадский написал письмо А. Крымскому, в котором подчеркивал важность создания Академии наук, с точки зрения украинского возрождения, которое для В. Вернадского «всегда было дорогим» и с точки зрения общечеловеческой – создание крупного научного и исследовательского центра. Ученый приглашал А. Крымского быстрее приобщиться к работе в Комиссии по созданию Украинской Академии наук, «несмотря на частичные неизбежные различия между ними» [6: 3]. В. Вернадский в организационной работе по созданию УАН не мог обойтись без А. Крымского. Так, в письме от 23 июня того же года он обращался к А. Крымскому с просьбой срочно приехать, поскольку в текущих вопросах остро ощущал отсутствие ученого, иногда трудно находя общий язык по тем или иным вопросам.

Объединяло В. Вернадского и А. Крымского участие в «группе «автономистов-федералистов»» [11].

Следует отметить, что пребывание В. Вернадского в Украине, а особенно его участие в организации УАН радостно приветствовало научное сообщество. Е. Перфецкий в письме к А. Крымскому писал, что «до приезда Владимира Ивановича Вернадского здесь (в Украине Н.Б.) совсем замерла научная жизнь ... С приездом академика работа закипела и так хорошо пошла...» [6: 5]. И вновь раздаются призывы к А. Крымскому, как можно скорее приехать в Киев «...создается Великая Украина, – а в ней такая Величественная и Святая Наука начинает пробивать себе

безграничный путь! Наша украинская Наука, наша родная Академия Наук!...» [6: 5].

В ноябре 1918 г. была торжественно открыта УАН, которую возглавил В. Вернадский, а А. Крымский стал непременным секретарем УАН. Имеем смелость утверждать, что оба ученых дополняли друг друга и слаженно работали в период становления Украинской Академии наук, именно благодаря энергичности и взаимопониманию, несмотря на различие видения общественных проблем.

Об условиях, в которых работали ученые в то время, красноречиво свидетельствуют слова В. Вернадского, помещенные в работе В. Лейкиной-Свирской: «они проводили свою научную работу вопреки государственной организации, при отсутствии самых элементарных условий общественной безопасности. Они стали при этом рядом, как равные по силе, со своими товарищами с Запада и за океаном...» [8].

Частые смены власти в Украине на протяжении 1918-1921 гг. непосредственно сказывались на деятельности Украинской Академии наук. Входя в Киев, новая власть одними из первых своих шагов подчеркивала негативное отношение к Украинской Академии наук (например, Директория, А. Деникин). В. Вернадский, А. Крымский и другие ученые как могли, защищали свое детище.

В 1920 году ученый отправился в Крым, где начался новый период его жизни.

В это же время В. Вернадский размышлял об украинском возрождении, русской культуре и роли русской интеллигенции. Так, находясь в Крыму в 1920 году, в симферопольской газете «Наша сила» от 17-18 марта была помещена его статья «Две опасности». В частности, в ней – размышления ученого о жизни в водовороте мировых событий, которые ученый сравнивал с условиями жизни в средние века. Также убеждение, что прочную и надежную опору в таких условиях можно найти только в своей собственной духовной силе и своей личности. Ученый, говоря о русской культуре, выражает мнение об опасности уничтожения культуры и интеллигенции. А другой опасностью, по мнению

ученого, было превращение русской культуры в великорусскую.

«...В непрерывной творческой работе для русской культуры – в области науки, искусства, мысли, религии, быта – мы все находим тот элемент единства, который сдерживает и объединяет государственное тело нашей Родины, что разрушается» [9: 250].

Выход из положения ученый видел таким образом: «...Нужно понять, что украинская культура и украинское возрождение не является чем-нибудь нам чуждым... что это – новое и своеобразное проявление культурной работы того же единого русского племени. Оно вполне и целиком соединено и совместно с русской культурой, которая является общим образованием всех ветвей русского племени в России, оно является логическим следствием полноты ее развития» [9: 250-251].

В. Вернадский предлагал признать в украинской культуре свое родное и связав ее с русской культурой, поднять русскую культуру еще выше, как мировую ценность, вместо того, чтобы начинать борьбу с украинским возрождением. Эти задачи ученый возлагал на русскую интеллигенцию.

Как видим, В. Вернадский размышлял над проблемами украинской и русской культур, задумывался о роли интеллигенции, однако оставался на своих позициях представителя российской либеральной интеллигенции.

В это же время А. Крымский оставался бесменным секретарем УАН. В. Вернадский, переписываясь с ним, постоянно интересовался делами Академии.

24 апреля 1921 года А. Крымский написал письмо В. Вернадскому, в котором рассказывал о реформировании Украинской Академии. Также он сообщал В. Вернадскому о том, что тот остается академиком УАН без жалованья, так как ученый в то время уже не жил в Киеве, а находился в Петербурге, и говорил, что В. Вернадский может вернуться в Киев, когда пожелает и «вступить во все свои права уже с оплатой» [6: 28].

Уже 11 мая 1921 г. В. Вернадский из Петрограда направил письмо А. Крымскому, написанное на украинском языке. В нем ученый жаловался на тяжелые условия жизни – «Здесь очень грустно и ближайшие времена будут смутные. Никто не знает как

будет возможно провести зиму...» и далее сообщал, что работает над трудом всей жизни. И опять-таки В. Вернадского интересуют дела Академии – «Вы знаете как мне дорога Академия и Библиотека и все, что касается роста, близкого мне украинского культурного возрождения...» [6: 29].

Следующее письмо В. Вернадский прислал А. Крымскому из Парижа 3 октября 1923 г. И вновь ученый пишет на украинском языке, хотя извиняется перед А. Крымским за ошибки, ибо писал письма без помощи дочери, находящейся в Праге. В письме – желание В. Вернадского посетить город Киев, увидеть «всех и дорогую мне Академию и Библиотеку» [6: 58].

18 сентября 1924 г. В. Вернадский прислал новое письмо А. Крымскому. Ученый благодарил за посланное ему «Звідомлення ВУАН» – первое известие из Академии, которое «подняло в ... душе все воспоминания о хороших временах ... когда началась работа Академии». Перечитав его он погрузился в воспоминания о сделанном, и о том, что Академия оставалась мощной научной организацией [6: 97]. Ученый переживал, сотрудничает ли Академия наук с Францией, где он в то время находился и спрашивал, может ли он что-то сделать для Академии.

22 марта 1926 г. из Ленинграда В. Вернадский прислал очередное письмо А. Крымскому. В нем была просьба ученого помочь Полтавскому музею. В. Вернадский чрезвычайно интересовался судьбой музея, его собранием и спрашивал А. Крымского, может ли УАН поспособствовать его сохранению. И снова звучат в письме слова В. Вернадского о том, что для него «...и Украина, и Киев и Украинская Академия дорогие и близкие, слились с моей старой личностью» [6: 140].

По каким-то причинам, возможно из-за занятости, А. Крымский временно не отвечал на письма В. Вернадского. Однако, впоследствии продолжилось общение двух ученых посредством переписки. 21 сентября 1926 г. В. Вернадский из Ленинграда написал письмо А. Крымскому, где сообщал о намерении посетить Киев 30 сентября, куда он ехал на Геологический съезд. Стремился ученый увидеть А. Крымского и Академию [6: 146]. Владимир Иванович посетил Киев, однако не встретился с А. Крымским. В

свою очередь А. Крымский направил письмо В. Вернадскому 9 декабря 1926 года, в котором выражал сожаление, что не встретился с ним. Хотя и принадлежали эти два ученых один к либеральной российской интеллигенции, а другой – к украинской, они имели общее видение на устройство Академии и оба ненавидели разного рода нетерпимость, настаивая на толерантности. Так, А. Крымский отмечал в письме к В. Вернадскому, что Академия жила в духе, который начертил Владимир Иванович, «в духе терпимости к ученым русской нации, в духе бережного отношения и благодарности к тем неукраинцам, которые вошли в состав Академии и работают на пользу украинской науки» [6: 154]. Также А. Крымский отмечал, что в политической неблагонадежности обвиняются украинские ученые – С. Ефремов, Н. Василенко, что в обществе царит атмосфера клеветы. Все это негативно влияло на ученого, который при таких условиях намеревался покинуть и Академию и Киев. Далее ученый просил В. Вернадского прислать статью в сборник к юбилею Д. Багалия, которую собирались поместить в начале сборника, что виделось А.Крымскому, как демонстрация «...общности ... и органического развития... академической традиции в непрерывном духе» [6: 155]. Несмотря на просьбы А. Крымского, В. Вернадский не дал статью в сборник, посвященный Д. Багалию, объяснив это неприятием поступков и высказываний последнего и сославшись на занятость [6: 157-158].

В письме В. Вернадского к А. Крымскому от 13 марта 1927 г. В. Вернадский был обеспокоен судьбой Геологического музея Киевского университета.

18 октября 1930 г. А. Крымский направил письмо В. Вернадскому из Звенигородки. Из него мы имеем возможность узнать о тяжелом положении ученого. «Я в катастрофическом положении, и не каждый день обедаю, а на билет денег... нельзя достать» [6: 232]. В это время А. Крымского постигла судьба многих ученых, обвинявшихся властью по делу «СОУ» [10] – организации, которой, как теперь доказано историками, не существовало. Было сослан приемный сын А. Крымского, судьба которого ученому была неизвестна. Тяжелое положение представителей интеллигенции

описано в этом письме. Цвет нации – люди служившие науке и ее развитию несмотря ни на что не страдали от голода и тяжелых условий жизни. «Не знаю, как у вас в Петербурге, а у нас на Украине люди, собравшись, не имеют другой темы для разговора, кроме жалоб на отсутствие еды ... на ужас замерзнуть в нетопленном доме, простудиться на улице из-за отсутствия подошв в обуви или теплой одежды и т. д.Не жизнь, а сплошной позор...» [6: 233].

Тяжелым было положение интеллигенции в это время, ведь на 1920-1930 годы приходится время «перевоспитания» украинской интеллигенции на советскую. Все это делалось посредством репрессий и унижений. Власть с недоверием относилась к представителям украинской культуры и науки, видя в них угрозу своей национальной политики, направленной на уничтожение всего национального. Вот и в письме А. Крымского читаем строки наполненные безысходностью и отчаянием. Положение же В. Вернадского было другим. Несмотря на унижительный обыск в Ленинграде в 1921 году он властью почитался и жил в гораздо лучших условиях. Так, в письме А. Крымского к украинскому историку Н. Полонской-Василенко от 5 октября 1937 г., А. Крымский, получив переводом от нее деньги, пишет ей, о том, что теперь может «почувствовать себя человеком с человеческим достоинством». «Теперь я Владимиру Ивановичу могу письмо отписать» [6: 244], он объяснил, что по психологическим причинам ему было трудно общаться с В.Вернадским именно из-за разницы в условиях жизни и труда обоих ученых. В. Вернадский мог углубляться в науку и «работать среди полного материального обеспечения», в отличие от А. Крымского, жившего в нужде и лишениях. Правда в своих письмах В. Вернадский всегда с оптимизмом смотрел в будущее и старался всячески подбадривать А. Крымского, однако и оптимизм ученого был, по словам А. Крымского «чужой, даже оскорбительный».

Уже 7 октября А. Крымский пишет из Звенигородки письмо В. Вернадскому, в котором объясняет, почему так долго не отвечал. Из него мы имеем возможность узнать о повседневной жизни интеллигенции. Так, А. Крымский называет свою жизнь «унизительной» из-за недостатка средств на обычные потребно-

сти себя и своей семьи «что я мог бы продать, чтобы починить обувь и лохмотья, не забирая пищи изо рта у себя и своих домашних?». Продолжает ученый писать о пяти годах нищеты, в которых он жил. В это время академикам повысили зарплату – «мне отправлено 600 руб. за полмесяца...» и А. Крымский перечислял В. Вернадскому, какую «роскошь» он мог теперь себе позволить: «купил на зиму картофель ... куплю и метра 2 дров ... Роскошь!» [6: 246]. Вера ученого в возможность заниматься наукой в лучших условиях и вместе с тем мысль о том, что другим ученым в это время жилось еще хуже. Как пример, А. Крымский приводил жизнь филолога профессора Калиновича, который работал сидя за столом в валенках и пальто, а в комнате в это время было 2° тепла. В течение полугода не было в продаже хлеба и муки, затем хлеб ученому привозили из Киева водители, однако в сентябре 1937 года хлеб стали печь. Перечисляя В. Вернадскому некоторые перипетии своей жизни, А. Крымский все же отмечал: «но ко всем этим гримасам жизни я всегда относился абсолютно безразлично, и они мне не портили настроения ...» [6: 247]. В кругах интеллигенции в это время царило ощущение угрозы новой войны, о чем узнаем из письма и ужас А. Крымского который надеется, что «... пойти на новую мировую бойню люди не рискнут».

В. Вернадский всегда старался помочь ученым, которых преследовала власть. Так, в 1920 году находясь в Крыму, он предлагал много усилий, чтобы спасти нескольких ученых Таврического университета, в котором работал, до казни. Волновала его также судьба учеников. Зная его авторитет у власти, А. Крымский, обращаясь к В. Вернадскому, просил его помочь семье Черняхивских в связи с тем, что им была неизвестна судьбой их дочери Вероники (как отмечает Н. Полонская-Василенко в своих «Воспоминаниях» ее сослали), а на то момент родители ничего о ней не знали.

Ученые интересовались научными работами друг друга. В 1940 году состоялась встреча А. Крымского и В. Вернадского в Москве. Из письма можем узнать о лекции, прочитанной В. Вернадским А. Крымскому на тему науки. А. Крымский, будучи филологом, прочитал труд В. Вернадского о ради и в нем он не

очень разобрался, но его поразили мысли ученого «о зарождении совершенно иной науки, новых ее путей». Также речь между учеными шла о политике большевиков, о заботе советской власти об ученых. Смеем высказать мнение, что диалог двух ученых на эту тему выглядит несколько странным, ведь в письме к жене В. Вернадский 13 сентября 1940 г. писал: «... Очень тяжелый развал, который наблюдается вокруг. Н. Вавилов арестован по «политическому» делу. Это тоже проявление разрухи и гниения. Человек в полном расцвете сил и наибольший ученый-агроном в нашей стране с огромными достижениями для страны» [5: 264]. Напрашивается вопрос, о какой заботе советской власти шел разговор двух представителей интеллигенции, которые видели все, что происходило вокруг?

Владимир Вернадский действительно чувствовал эту заботу, чего не можем сказать об Агатангеле Крымском. Действительно, советская власть обещала отметить его 70-летие очень торжественно, провести общее собрание Академии наук и даже создать в Киеве Институт востоковедения. В это время условия жизни А. Крымского вновь ухудшились, землетрясением были повреждены стены в его квартире в Киеве, где зимой было очень холодно, в результате чего ученый болел и ждал с нетерпением прихода весны.

Несмотря ни на что А. Крымский занимался памятью о М. Драгоманове, и говорил В. Вернадскому, что он мог бы помочь сыну М. Драгоманова в его работе. Однако тенденции в исторической науке, которая отвергала достижения и труды целой плеяды ученых и замалчивала их роль в истории, усиливались.

В 1940 году проходили чествования деятелей интеллигенции, например – юбилей М. Старицкого, что, по словам А. Крымского – «5 лет назад было бы невозможно». О праздновании столетия со дня рождения М. Старицкого на государственном уровне пишет в своих воспоминаниях Н. Полонская-Василенко. Ее видение изменений в отношении власти к деятелям украинской культуры отличается от убеждений А. Крымского: «... советское правительство начало принимать меры, чтобы пышно, торжественно отметить это событие, продемонстрировать перед всем миром,

как в Советском Союзе уважают «наших» деятелей ... в связи с объединением Украины» [7: 406]. Власть обратилась лично к Л. Старицкой-Черняхивской по поводу юбилея М. Старицкого и предлагала свою помощь в решении любых вопросов. Это выглядит двойной моралью и жестокой политикой, которую проводила власть большевиков по отношению к украинской интеллигенции, ведь вся ее семья этой же самой властью была разрушена. И все, чего хотела Л. Старицкая-Черняхивская это найти пропавшую дочь. На юбилее, о котором упоминает А. Крымский в письме к В. Вернадскому, она присутствовала. Это – пример «заботы» власти об интеллигенции. Понимал ли это А. Крымский семью, которого и его самого очень скоро постигнет такая же судьба? А пока он считал, что «обрусительная тенденция прекратилась не только на язык и его характер, но и на взгляд на роль старых украинцев».

В. Вернадского очень интересовала и беспокоила судьба А. Крымского, который исчез. Ученый надеялся, что А. Крымский выехал в Уфу, куда в июле 1941 года была эвакуирована Академия наук, однако «он уехал, но никуда не приехал» [7: 473]. В «Воспоминаниях» Н. Полонской-Василенко вероятной датой исчезновения ученого называется лето 1941 года.

Уже в 1990 году на запрос Института языкознания им. А. Потебни АН УССР о месте гибели А. Крымского удалось узнать год смерти ученого.

В институте архивоведения Национальной библиотеки Украины им. В. Вернадского в документе упоминается, что умер А. Крымский «... на 72 году жизни ... 25 января 1942 года. Данных о месте захоронения КГБ не имеет» [12].

Очень теплыми были личные встречи В. Вернадского и А. Крымского. Даже с личной жизнью А. Крымского был осведомлен В. Вернадский, с его несчастливой любовью.

6 мая 1939 г. находясь на конференции по биохимии в Киеве, состоялась встреча В. Вернадского с А.Крымским в его квартире на 6 этаже. Свои впечатления от встречи ученый записал в письме к жене: «Постарел, но сохранил и духовную силу и работоспособность. Сейчас положение его несколько лучше. Его признают, как ученого и ценят – это улучшило и его материальное

положение. Сыну его 10 лет ... учиться...» [5: 248].

Подытоживая, можем сказать, что В. Вернадский и А. Крымский внесли огромный вклад в сокровищницу культуры и науки. Познакомившись в 1904 году они всю жизнь сохраняли теплые отношения поддерживая друг друга. Их самоотверженный труд увенчался открытием Украинской Академии наук в 1918 году. Они имели разные мировоззрения, однако в одном были единоклубны – на значение науки в обществе.

Если В. Вернадский был принят новой советской властью, то А. Крымский, как представитель старой интеллигенции несмотря на символическую заботу власти в последние годы своей жизни (в январе 1941 г. на государственном уровне отмечалась его 70-летие, по случаю чего он получил орден В. Ленина), оставался чужим для власти и, как и многие другие представители украинской интеллигенции подвергся преследованиям и репрессиям.

Место ученых в научном и общественном социуме также было различным, если В. Вернадский почитался и уважался советской властью, то А. Крымский «вернулся» в сокровищницу украинской культуры из забвения только после обретения Украиной независимости.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бойко О.Д. Українська інтелігенція в пошуках шляхів національного самовизначення (1917-1920 рр.) // Історичні зошити: Шляхи до української державності. – Інститут історії України НАН України, – К., 1992. – №1. – С. 2-18.
2. Даниленко В.М. В.Вернадський про українсько-російські відносини // Україна дипломатична. Науковий щорічник. Вип. 5, К.: 2005. С. 605 – 616; В.М. Даниленко, Г.В. Касьянов Сталінізм і українська інтелігенція (20-30-ті роки). – К., 1991. – 96 с.
3. Касьянов Г.В. Українська інтелігенція 1920-х-30-х років: соціальний портрет та історична доля. – К., Либідь – 176 с.
4. Коляструк О.А. Інтелігенція УСРР у 1920-ті роки: повсякденне життя. – відповідальний редактор В.М.Даниленко. – Харків: Раритети України, 2010. – 386 с.

5. Вернадский В.И. Письма Н.Е.Вернадской / В.И.Вернадский; отв. ред. Б.В.Левшин; Архив РАН. – М.: Наука, 1988 – 1909-1940 / сост. Н.Ф.Филиппова, В.С. Чесноков. – 2007. – 299 с.
6. Епістолярна спадщина Агатангела Кримського (1890-1941). – т. II. (1918-1941). – К.: 2005. – 360 с.
7. Полонська-Василенко Н. Спогади. – К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2011. – 591 с.
8. Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900-1917 годах. – М.: Мысль, 1981. – 285 с.
9. Володимир Іванович Вернадський і Україна. Т. 1, Кн. 2: Володимир Іванович Вернадський. Вибрані праці / НАН України, НБУВ, Інститут історії України, Комісія НАНУ з наукової спадщини академіка В.І.Вернадського; ред. кол.: А.Г.Загородній, О.С.Онищенко (голова), В.А.Смолій [та ін.]; уклад.: О.С.Онищенко, В.М.Даниленко, Л.А.Дубровіна [та ін.]. – К.: 2011. – 584 с.
10. «СОУ» – Союз освобождения Украины, членами которого были признаны представители интеллигенции, в 1930-е гг. власть обвиняла их в создании этой организации, организовав политический процесс.
11. Інститут архівознавства НБУВ. – Ф.34 – Оп.1 – Д.4 – Л.13.
12. Інститут архівознавства НБУВ. – Ф.257 – Оп.7 – Д.10 – Л.2.

УДК47(477)

Булгакова О.В.

*Институт истории Украины НАН Украины, г. Киев,
hbulgakovao@ukr.net*

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В УКРАИНЕ (вторая половина 1940-х – 1950-е гг.)

Научно-педагогическая интеллигенция является отдельной группой гуманитарной интеллигенции. На примере работы ученых историков, написанных ими работ, дискуссий, происходив-

ших в послевоенный период, можно проследить трансформации, как в исторической науке, так и в жизни страны в целом.

Деятельность ученых-гуманитариев освящена в работах украинских историков Святослава Юсова и Натальи Юсовой [1]. Проблемам истории Украины 1945-1991 гг. на страницах «Украинского исторического журнала» посвящена статья украинских историков Натальи Лаас и Виктора Крупны [2].

Послевоенное общество и отдельные аспекты развития исторической науки конца 1940-1950-х годов были в центре внимания украинских и российских исследователей [3].

Понять, какой была жизнь историков, условия их труда помогает работа И. Рыбалки [4]. В ней автор рассказывает о своем прошлом: годах войны, обучения, продолжительной работе в Харьковском университете, о коллегах и в целом о своем поколении.

Целью данной статьи является освещение динамики изменений, произошедших в развитии исторической науки и образования в конце 1940-х – 1950-х годах.

Обвинения в «космополитизме», показательная критика ученых за найденные неверные, с точки зрения партийной линии, ошибки в трактовках, которые начались в 1930-х годах, продолжались в течение 1940-х годов. В этот период историческая наука стала называться исключительно советской, ее создателями считались В. Ленин и И. Сталин, а методологической основой советской исторической науки стал марксизм в сталинском понимании.

Негативные последствия для развития исторической науки в Украине имело постановление ЦК КП(б)У «О политических ошибках и неудовлетворительной работе Института истории Украины АН УССР» от 29 августа 1947 г. В нем указывалось, что труды, изданные Институтом истории Украины за время его существования – «Краткий курс истории Украины», «Очерки по истории Украины», первый том «Истории Украины» – были «порочными и антинаучными», составленными в антимарксистском духе, и содержащими грубые политические ошибки и перекручивания буржуазно-националистического характера [5: 17]. Это

постановление привело к прекращению существования кафедры истории УССР в Киевском государственном университете.

16 ноября 1949 года на историческом факультете КГУ состоялось объединенное заседание кафедр, где предполагалось подвести итоги научной, учебной и воспитательной работы, разоблачить недостатки в работе отдельных кафедр и преподавателей и наметить практические меры по их исправлению [6]. Первоочередной задачей преподавателей исторического факультета проректор университета А.К. Кошик назвал борьбу с проявлениями «буржуазного космополитизма» в научной и учебно-воспитательной работе. Касаясь состояния научной и учебно-воспитательной работы на историческом факультете он отметил успехи ученых, повышение научной квалификации преподавателей, улучшение тематики научных работ, которое приобрело в то время большую актуальность и политическую остроту. По его словам в трудах ученых исследовались: вопросы истории КП(б)У, советского общества и государства и в целом проблемы советского периода. «Увеличилось количество тем, относящихся к XX столетию и к советскому периоду. Так что у нас немного преодолена предыдущая тенденция ухода некоторых ученых от изучения современности и от исследования остро политических вопросов», – подчеркивал выступающий. Труд ученых завершился выходом второго номера сборника на историческую тематику под редакцией А.А. Введенского, П.А. Лаврова и др. [6]. Наряду с успехами историков в их работе отмечались и недостатки. Среди них – неудовлетворительная подготовка научных кадров, недостаточное количество печатной продукции, а также наличие в ней ошибок.

Не минули критики в свой адрес и преподаватели кафедры истории народов СССР. Следует сказать, что в стране активно шла кампания «борьбы с безродными космополитами», которых искали и в рядах историков. Еще недавно популярная школа М. Покровского была полностью разгромлена и названа «антиисторической». Дальнейшее развитие исторической науки определялось трудами И. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» и «Краткий курс истории ВКП(б)», а также речами и указами вождя.

На объединенном заседании кафедр исторического факультета Киевского университета планировалось разоблачение преподавателей, которых обвиняли в «буржуазном космополитизме». Борьба с его проявлениями в научной и учебно-воспитательной работе историков университета считалась первоочередным заданием [6]. Исторический факультет не стоял в стороне этих печальных процессов. Ранее на факультете была освобождена преподаватель кафедры истории СССР А. Краковская, вина которой заключалась в использовании трудов академика И. Минца, который был, подвергнут критике. В вину ей ставили изложение событий в русле «буржуазного объективизма», а также наличие антипартийных идей в содержании лекций [6].

Другой историк этой кафедры – П.А. Лавров также не миновал обвинений в свой адрес. Изданный в 1948 году сборник документов – «Устим Кармелюк», который редактировал лично П.А. Лавров, критиковался из-за наличия в нем «лишних» документов. Отвечая на критику, Павел Арсеньевич отмечал, что это был первый сборник по истории крестьянского движения, с освещением борьбы подольского крестьянства, возглавленного Кармелюком. Составители сборника поместили в него все имеющиеся в обращении документы, чтобы осветить вопрос крестьянского движения в исторической науке. К недостаткам причислялась также речь написания документов, которая оставалась неизменной и где Кармелюка называли разбойником. Составителям указывали на чрезмерное восхваление движения Кармелюка, поэтому П.А. Лавров был вынужден признать его по сравнению с движениями Разина и Пугачева «незначительным» [6].

Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что историки разрабатывали проблемы истории Украины и на массиве фактического материала выдавали свои труды. Тот факт, что сборник увидел свет, говорит, во-первых, о том, что рукопись была ранее одобренной властями, а во-вторых – это работа, которая действительно обогатила отечественную историческую науку. Итак, несмотря на догматизм марксистско-ленинского учения и его негативное влияние на историческую науку, по нашему мнению, научность оставалась приоритетным требованием в профес-

сиональной деятельности историков университета.

Однако, не только историков КГУ критиковали за наличие «ошибок» в трудах и суждениях. Так, академик С.Б. Веселовский постоянно выслушивал упреки в том, что, «занимаясь десятки лет историей феодализма, он ... совершенно не пользуется широко известными работами классиков марксизма-ленинизма и их высказываниями по вопросам феодализма» [7]. В 1947 году увидело свет его исследование «Феодальное землевладение Северо-Восточной Руси». Построенное на изучении актов и материала, одним из лучших знатоков которого он считался, труд был встречен резкой критикой. Замечания объяснялись тем, что в нем «... полностью игнорируются завоевания марксистской исторической науки и развивается враждебная марксизму-ленинизму концепция, объясняющая социально-экономические процессы с идеалистических позиций старой юридической школы». Возмущение рецензента академика А.М. Панкратовой вызвало и то обстоятельство, что книга С.Б. Веселовского «... не только не встретила решительного отпора со стороны руководства Института истории СССР, но и получила полное содействие для выхода». По мнению российской, исследовательницы Л.А. Сидоровой, это свидетельствует о том, что ученые оставались верными себе и оценивали свои труды и труды своих коллег, прежде всего по научным, а не идеологическим критериям [7: 3-10].

На начало 1950-х гг. историки Киевского государственного университета, как и всей страны, были поставлены в жесткие рамки многочисленных директив и постановлений партийно-государственного руководства Советского Союза, от которых в оценке исторических явлений не могли отойти ни на шаг. ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У приняли в послевоенные годы ряд постановлений по идеологическим вопросам, которые устанавливали эти рамки.

Об аналогичном пересмотре подхода к изучению истории Украины свидетельствует доклад заведующего кафедрой истории СССР Ю. Белана – «О состоянии преподавания истории УССР на историческом факультете КГУ» на республиканском совещании работников высших учебных заведений, которое состоялось с 1

по 6 февраля 1952 года [8]. На нем красноречиво отвергались достижения ученых факультета, вместо этого главным учебником по истории Украины было названо «Краткий курс истории ВКП(б)», а также труд И. Сталина – «Марксизм и вопросы языкознания». Эти две работы считались основой для развития советской исторической науки, а также такими, которые помогали в творческой научной и педагогической работе историков. Так историческая наука могла существовать только в рамках положений трудов И. Сталина и В. Ленина. Далее докладчик перешел конкретно к вопросу изучения истории СССР в университете.

На кафедре в то время работали историки П.А. Лавров, В.А. Дядиченко и В.Е. Спицкий [8: 3]. Поскольку новой литературы по истории Украины не было, то именно этими историками были составлены схемы истории УССР, при их содействии были написаны два тома «Истории УССР», также они печатали исследования по истории Украины.

Изучение истории УССР предусматривало общий курс для всех студентов, а также спецсеминары и спецкурсы для отделения истории УССР, обязательно читался курс историографии Украины. Отмечалось, в частности, что курс по историографии истории Украины нигде, кроме исторического факультета Киевского государственного университета, не преподавался [8: 8].

Изменения в преподавании истории УССР заключались в отказе от схемы истории Украины, предложенной Институтом истории Украины АН УССР, взамен новую программу курса истории УССР предложила кафедра истории СССР. После рецензирования и обсуждения проект программы был принят.

В программе курса истории УССР были такие новации: 1) разоблачение «буржуазно-националистических извращений истории Украины»; 2) демонстрация общности исторического процесса трех братских народов: русского, украинского и белорусского; 3) раскрытие значения создания русского централизованного государства для истории украинского народа в его борьбе против иноземных захватчиков и за союз с «великим русским народом»; 4) значение роли крупных российских пролетарских центров для развития революционной борьбы украинских рабочих

и крестьян за свое социальное и национальное освобождение. В программе раскрывалась также борьба украинского народа под руководством большевистской партии против «врагов» украинского народа – «украинских буржуазных националистов» и их разгром. Значительное место занимало освещение социалистического строительства в УССР и культурный расцвет украинского народа [8: 5].

В тот период официальной программы по истории УССР для всех исторических факультетов университетов и педагогических институтов страны не существовало. Кроме классиков марксизма-ленинизма за основу изучения истории УССР брались труды советских историков и сборники документов. Таким образом, преподаватели имели определенные трудности, так как новой литературы не было, а научные работы украинской досоветской историографии отвергались. Выходили из этой ситуации следующим образом: преподаватели кафедры стенографировали лекции по важнейшим темам и после обсуждения и рецензирования их печатали.

Для углубления знаний по истории УССР при кафедре существовал, так называемый «научный кружок». Для его работы заранее принималась тематика занятий, студенты готовили доклады, лучшие из которых печатались в научном студенческом сборнике [8: 14].

Наиболее известной кампанией первой половины 1950-х годов в сфере национальной политики стало празднование 300-летия «воссоединения» Украины с Россией. По случаю юбилея были опубликованы «Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654-1954 гг.)» одобренные ЦК КПСС, в которых формулировалась официальная концепция исторического развития Украины [9]. Фактически они стали официальным документом, который определял видение научной схемы истории Украины. По мнению современного исследователя Я. Калакуры, «Тезисы» закладывали фундамент новой мистификации всего исторического развития Украины с древнейших времен до современности [10: 37]. «Тезисы» во многом закрепили в исторической науке Украины мнение, что Украина не имеет своей собственной

истории. Вместо этого была подана своеобразная модель исторического развития Украины, которая навязывалась как единственно верная.

Несмотря на отрицательное значение «Тезисов» для дальнейшей судьбы исторической науки Украины следует отметить, что кафедра истории УССР была возрождена именно в дни подготовки к празднованию 300-летия «воссоединения» украинского и русского народов. Празднование этого события происходило по всей стране. По этому случаю вышло немало печатной продукции. Кафедра истории УССР направила свою работу на изучение и разработку соответствующих специальных курсов. В частности семинарский курс В.А. Дядиченко назывался – «Вековая дружба русского и украинского народов».

Происходили позитивные сдвиги в изучении эпохи феодализма. До этого исследователи фактически не занимались разработками этих проблем, уделяя больше внимания: советскому периоду, революции 1905-1907 гг., событиям 1917 г. и др. Опираясь на указ министра высшего образования от 9 сентября 1954 г. «Об улучшении подготовки, распределения и использования специалистов с высшим и средним специальным образованием», преподаватели кафедры предложили введение экзамена по истории УССР феодального периода. Это объяснялось задачей воспитания любви к «великому русскому народу», ведь история УССР до XIX ст. считалась проникнутой «общей борьбой украинского и русского народов против внешних врагов, против крепостничества, ростом дружбы народов-братьев». Из-за приоритетного изучения XIX и XX ст. соответственно ряд важных вопросов периода феодализма в истории Украины оставались «белыми пятнами» в науке.

В 1955 г. было уменьшено количество часов курса истории Украины. Так, если раньше он достигал 140 часов (из них 50 отводилось на период феодализма, и 80 – на XIX и XX ст.), то теперь на него отводилось 104 часа. В связи с этим кафедрой было решено отказаться от изучения тем первобытнообщинного строя, периода Киевской Руси и феодальной раздробленности. Отмечалось, что они подробно изучались в курсе истории СССР, поэтому

на период XV и XVIII ст. отвели 36 часов, а на период XIX – XX ст. – 68 часов. С этого времени курс истории Украины начинался с XV ст. Хотя вначале делалась характеристика общего периода истории восточных славян (4 час.). Поэтому периодизация истории Украины четко делилась на период до XIX ст. и XIX – XX ст.

Вторая половина 50-х годов XX столетия, особенно период, начавшийся после XX съезда КПСС, открыл новую страницу в истории Украины. Именно он стал тем предвестником, который был призван в корне изменить жизнь страны и общества, пробудить его и освободить от иллюзий. По мнению современника, XX съезд КПСС, где было сказано правду, о которой все давно уже догадывались, не столько дал нашему обществу ответы, сколько поставил перед ним вопрос – и в этом его историческое значение [11: 29]. В этот период началась новая волна «украинизации», открыто заговорили об украинском языке, его сохранении и расширении сферы применения [12: 116-117].

Подытоживая, следует отметить, что произошли коренные изменения в научной работе историков. В частности, был пересмотрен план и тематика научной работы. Исследователи занялись изучением периодов феодализма, а именно казачества. Предусматривалась разработка новых тем по истории Украины советского периода, революционного и рабочего движений и др.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Юсов Святослав Бібліографія праць Н. М. Юсової // Український історичний збірник. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2009. – №12. – С.12 – 22. Юсов Святослав, [Юсова Наталя] Діяльність вчених- гуманітаріїв УРСР у другій половині 1940-х рр. (На прикладі етногенетичних досліджень) // Україна XX ст.: культура, ідеологія, політика. - Київ: Інститут історії України НАН України, 2009. – №15. – С. 235-251. Юсов Святослав, Юсова Наталія Діяльність вчених-гуманітаріїв УРСР за ідеологічних умов другої половини 1940-х рр. (На прикладі етногенетичних досліджень). (Продовження, початок див. вип. 15, ч. 1) // Україна XX ст.: культура, ідеологія, політика. – К.: Інститут

- історії України, 2011. – №16. – С. 219-231.
2. Лаас Н.О., Крупина В.О. Проблеми історії України 1945-1991 рр. на сторінках «Українського історичного журналу» // Український історичний журнал. – 2007. – № 6. – С. 142–166.
3. Зубкова Е. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1954 гг. – М.: РОССПЭН, 1999. – 229 с. – (Социальная история России XX века); Україна крізь віки: В 15 т. / Під ред. Смолія В.А. – Т. 13. Україна в умовах системної кризи (1946-1980 рр.) / В.К.Баран, В.М.Даниленко. – К.: Альтернативи, 1999. – 303 с.
4. Рибалка І.К. Така наша доля: Сторінки життя мого покоління. – Харків: Основа, 1999. – 199 с.
5. Інститут історії України НАН України. 1936-2006. – К.: Інститут історії України НАН України, 2006.
6. ДАК. Ф. 1246. Оп.13. Д. 204. Л. 8-9.
7. Сидорова Л.А. Оттепель в исторической науке: Советская историография первого послесталинского десятилетия. – М.: Памятники исторической мысли, 1997. – 288 с.
8. ДАК. Ф. Р-1246. Оп. 13. Д. 498. Л. 1.
9. Тези про 300-річчя возз'єднання України з Росією (1654-1954 рр.): Схвалені Центральним Комітетом Комуністичної партії Радянського Союзу. – К, 1954.
10. Калакура Я. Міфологізація української історії в добу хрущовської «відлиги» // Історичний журнал. – № 8. – 2004. – С. 37.
11. Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление (1953-1985 гг.). Свидетельство современника. – М.,1991.
12. Україна крізь віки: В 15 т. / Під ред. Смолія В.А. – Т. 13. Україна в умовах системної кризи (1946-1980 рр.) / В.К.Баран, В.М.Даниленко. – К.: Альтернативи, 1999. – 303 с.

Беркун О.Е.

ГАКО, г. Караганда, olga_berkun@mail.ru

**АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
КАРАГАНДИНСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Путь, пройденный народом Казахстана к созданию самостоятельного государства, отмечен не только победами, но и тяжелыми потерями. Однако надо знать правду о себе и извлекать уроки из прошлого.

В 1925 году секретарем Казкрайкома Голощекиным было предложено провести в Казахстане сплошную насильственную коллективизацию. Основной лозунг коллективизации, по мнению Голощекина был: «Политика партии в ауле – это коллективизация и ликвидация кулачества и байства как класса». По его суждению: «основной формой, которая, действительно, выведет казахские бедняцкие и середняцкие хозяйства из их полунищенского состояния, может быть только кооперирование и коллективизация. ... Кто энергично будет проводить нашу политику, тот с нами, того мы будем считать действительными работниками Соввласти. Кто этого не будет проводить, кто будет искажать ее – тот не с нами, тот против нас, - мы с ними будем бороться, как с врагом» [1: 44-46].

Черным смерчем пронеслась волна выселений, раскулачиваний, которая привела к страшному голоду – жертвами его стали более миллиона человеческих жизней.

Традиционно считается, что курс на коллективизацию был взят на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 года. Но в решениях съезда говорилось о развитии всех форм кооперации, а не одной производственной, то есть колхозов. Отмечалось, что переход к коллективной обработке земли будет осуществляться «на основе интенсификации и механизации земледелия», «на основе новой техники». Какой-либо одной, единой формы коллективизации

съезд не определил. Говорилось о наступлении на кулачество, но не ликвидации кулачества как класса. Предполагалось вытеснение кулаков экономическими методами (налоги, аренда земли, найм работников и пр.), а не методами разорения и прямых репрессий.

Однако, по данным Наркомата юстиции КазССР за апрель 1930 года «Итоги судебной и административной репрессии по КазССР.» осуждено только по Казахстану 8580 человек, из них кулаков и баев 5786, зажиточных – 1200, середняков – 405, подвергнуто ссылке 4427 человек.

Раскулачивание проводилось через судебные органы под видом репрессии за невзнос семфонда, причем задания давались заведомо невыполнимые. Раскулаченным выдавались справки: «дана... в том, что он ликвидируется как класс и высылается за пределы округа» [2: 12-13].

14 марта 1930 г. было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении», после которого судебными органами и органами прокуратуры были приняты срочные меры по исправлению перегибов. В своих отчетах они отражали факты незаконного применения ст. 61 УК к середнякам и беднякам: «не редки случаи, когда у привлеченных по ст. 61 УК бедняков и середняков конфисковывалось по суду все имущество вплоть до деревянных ложек, подтяжек и лифчиков».

В документах Каркаралинской окружной прокуратуры за 1930 год приводятся страшные факты того времени. Крестьян судили и наказывали за то, что они не вступали в колхоз, за то, что были членами колхоза, за то, что у крестьян было зерно, за то, что не было и крошки хлеба. «Если крестьянин не выполнял постановление комиссии по сбору семфонда, у него производили в доме обыск, с помощью специально изготовленного железного лома разрывали все углы землянки, пол, раскрывали сундуки и, когда все это не помогало, описывали весь хлам, а самих бедняков сажали в подвал.... Жены сидевших вынуждены были ходить по колхозу с чашкой, выпрашивая по ложке пшеницы, чтобы отпустили мужа. Задание было невыполнимо... Над семьями осуж-

денных за не сдачу семзерна женщины подвергались избиению, водились босыми по снегу, устрашались сжиганием» [3: 25-26].

Ретивые чиновники в коллективизаторском рвении забирали у бедняков последнюю овцу, сгоняли всех животных в одно место, где они гибли от нехватки кормов. К 1933 году численность скота, например, в Каркаралинском округе снизилась в 8 раз.

Протоколом заседания Семипалатинской окружной плановой комиссии от 12 февраля 1930 года были утверждены планы оседания казахского населения, переселения, землеустройства и мелиорации. К районам сплошной коллективизации были отнесены Жана - Семейский, Разинский, Бельгагаческий, Шемонаихинский [2: 3-6].

Трагическим стало для казахов насильственное оседание скотоводов – кочевников и полукочевников, осуществляемое в годы коллективизации.

Пример тому информация Каркаралинского окружного комитета ВКП(б) на 24 апреля 1930 года о колхозном строительстве: «... в результате организовалось два колхоза, при чем колхоз Егенды имеет 49 хозяйств 247 едоков, лошадей крупных 86, мелких 82, коров 72, 81 верблюдов, 877 баранов, 269 коз и ни одного сельскохозяйственного орудия. Колхоз не знает, что будет делать. Предправления колхоза Акимбеков заявляет, что население не заинтересовано, вошло в колхоз только от испуга, заявляя, что не знаем как быть: организовываться, осесть на одном месте не можем, кругом соль, нет пахотной земли, нет воды.... Начался массовый убой колхозниками скота в связи с обобществлением колхозами скота на 100 процентов...Теперь приходится думать как жить, чтобы не умереть с голода. 26 марта в колхозах Жана – Тала и Жалдуз заколото 102 головы. В Абралинском районе, в связи с полным обобществлением скота, бедняки колхоза голодают» [2: 32-35].

В результате к концу 1930 года было переведено на оседлость 87136 хозяйств, в 1933 году – 242208.

На третьем расширенном пленуме Казахского Краевого Комитета ВКП(б) седьмого созыва от 13-18 января 1932 года отмечалось: «задача оседания казахского населения, поселковое рас-

селение, строительство европейского типа жилищ, внедрение в животноводческое хозяйство кормовых и продовольственных посевов, социалистическая перестройка казахского аула являются задачей всех трудовых масс Казахстана без различия национальностей, задачей всех партийных организаций» [4: 3].

Сам механизм оседания понимался весьма упрощенно: стягивались сотни хозяйств в одно место, а затем организовывались стационарные поселки по типу деревень. Все это сопровождалось насильственной коллективизацией, то есть осевших кочевников и полукочевников сразу стопроцентно оформляли в колхозы.

Коллективизация приводила к тому, что 80 процентов населения выселось из одного района в другой. Шел круговорот. Огромное количество переселенцев скапливалось на перевальных пунктах. Людей некуда было расселять, свирепствовали болезни, голод, смерть.

«Спецколонизация» осуществлялась на редкость бесчеловечно. Людей обычно привозили в какое-то безлюдное место, прямо в открытом поле, и здесь бросали. В зимнее время у тех, кто не догадался взять с собой топоры, пилы и лопаты, шансы на выживание были весьма призрачны. Обладатели же этих орудий немедленно рыли землянки, рубили дрова, пилили бревна, т.е. «активно обживались» и очень часто благодаря этому спасались от неминуемой смерти. Именно так рождались поселки. В них постепенно увеличивалось число построенных домов, но еще быстрее росло количество могил на близлежащих кладбищах.

В связи со сложившейся ситуацией Совет Народных Комиссаров РСФСР в 1930 году вынужден был издать постановление «О мероприятиях по упорядочению временного и постоянного расселения высланных кулацких семей» [2: 35].

Председатель Совета Народных Комиссаров Р.Рыскулов писал Сталину, Кагановичу, Молотову: «Откочевки казахов из одного района в другой и из пределов Казахстана, начавшиеся в конце 1931 г., с возрастанием к весне и возвращением части откочевников (благодаря принятым мерам) летом 1932 г. вновь теперь усиливаются. Смертность на почве голода и эпидемий в ряде казахских районнов и среди откочевников принимает сейчас такие

размеры, что нужно срочное вмешательство центральных органов... Откочевники разносят с собою эпидемии в соседние края и по линии Ташкентской, Сибирской и Златоустской железных дорог» [5].

Насилие над крестьянством вызвало различные формы сопротивления и протеста: убийства партийных, советских, комсомольских работников, поджоги и потравы колхозного имущества, массовый забой скота в хозяйствах единоличников, восстания и волнения. Практически во всех районах стали происходить антиколхозные волнения. В подтверждение данных фактов в документах Карагандинской городской прокуратуры имеются следующие сведения: «на почве перегибов по скотозаготовкам, выразившихся в переобложении некоторых хозяйств и хозаулов 15 адмаула и недообложении других, в обложении в индивидуальном порядке бедняков и середняков, 12 апреля 1931 года в 15 ауле произошло выступление подлежащих суду баев, выразившееся в освобождении подлежащих суду и осужденных за невыполнение скотозаготовок баев и других лиц обжалованных в индивидуальном порядке, присоединении к ним до 30 человек бедняков и актива 15 аула. Все выступившие численностью до 50 человек были арестованы. В результате 39 из выступивших были «самочинно» расстреляны. В расстреле принимали участие судья Красной юрты, председатель РИКа, учитель и др. (фамилия в документе указаны)» [6: 7].

В документах Каркаралинского окружного комитета ВКП(б) под грифом «Строго секретно» приводятся факты бесчинства уполномоченных по посевной кампании: «уполномоченный [фамилия, имя указаны] и председатель правления [фамилия, имя указаны], из обнаруженных в степи скрытых по описи вещей бая Нарымбаева Кейсыкбаса присвоили 4 метра ситцу, вероятнее всего, что ситец целиком взял [фамилия, указана]. Подтверждают бедняки Джиембаев Нургалий и Ольгамбаев Джумагалий. Вечером 8 марта [фамилии, имена указаны] остановились ночевать у председателя правления колхоза «Бырлык» Оскамбаева, гости пожелали, чтобы хозяин квартиры угостил их «живым мясом», Оскембаев привел комсомолку Хамитову и дочь бая Сармолды, которых уполномоченные против их желания – использовали.

14 марта уполномоченный [фамилия указана] командировал по довыявлению скрытого имущества бая Ногарбекова Имангалия бригадников: [фамилии указаны], которые в результате своей работы отыскиали яму, в которой были зарыты две больших подушки и одна малая, один ковер, одеяло, текемет, три деревянных чашки, тийчеке, что и записали в акт. На обратном пути бригадники остановились в аулставке бая Кыржибаева Кульджамбека, где их со слезами встретила девушка – дочь Каржибаева – Саран и говорит: оставьте нам хоть на подметки к сапогам» [1: 20-21].

Документы, свидетельствующие о голоде, коллективизации в Карагандинской области, представлены в небольшом количестве в фондах Каркаралинского окружного комитета ВКП(б), плановой комиссии Каркаралинского окружного Совета рабочих и крестьянских депутатов, Каркаралинского горисполкома, Карагандинского горкома партии, Карагандинской горпрокуратуры, Каркаралинской окружной прокуратуры, Карагандинским горздравотделом, Каркаралинского окружного финансового отдела, земельного управления Каркаралинского ОКРЗУ, личном фонде краеведа Ю. Попова. Многие документы, представленные в указанных фондах, написана на арабском и латинских языках.

Надо знать историческую правду, какой бы горькой она не была. Знать, чтобы никогда не повторились ошибки, обернувшиеся миллионами человеческих жизней. Это наш долг перед будущими поколениями.

ЛИТЕРАТУРА:

1. ГАКО. Ф.9п. Оп.1. Д.92.
2. ГАКО. Ф.501. Оп.2. Д.2.
3. ГАКО. Ф.1. Оп.1. Д.24.
4. ГАКО. Ф.28. Оп.1. Д.27.
5. Голод в Казахской степи. Алма-Ата, «Қазақ университеті», 1991, -208 с.
6. ГАКО. Ф.28. Оп.1. Д.105.

Васильева О.А.

*СГА, Волгоградский филиал, г. Волгоград,
negretenok2010@yandex.ru*

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭТНОДЕПОРТАЦИОННОГО РЕПРЕССИВНОГО ПРОЦЕССА (НА ПРИМЕРЕ ВАЙНАХСКИХ НАРОДОВ)

На рубеже XX–XXI веков исследователи неоднократно отмечали, что ранее «закрытая» тема депортаций «наказанных народов» [1: 14], прежде всего Северного Кавказа, в годы Великой Отечественной войны является в настоящее время наиболее изученной в российской исторической науке [2: 10]. Последнему обстоятельству во многом способствовало появление Декларации Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению и обеспечении их прав» [3]. Более того, в последнее время появляются публикации, которые на основе архивных документов и материалов личного характера беспристрастно отражают судьбы отдельных представителей поруганных народов, для которых понятия «Отечество», «Родина» были священны, несмотря на выпавшие им испытания со стороны сталинского режима [4].

В частности, в историографическом обзоре, предваряющем публикацию архивных документов по исследуемой проблеме, извлеченных из центральных и региональных архивов, П. Полян, например, отмечает, что если первые научные работы отечественных исследователей относятся к концу 80-х годов прошлого века, то пик интереса ученых пришелся на начало 90-х годов XX века и ознаменовался введением в научный оборот тысяч документов, но при этом археографическая подготовка документов проводилась единичными исследователями, но еще реже можно было встретить, в которых бы проводилось обобщение богатого эмпирического материала [2: 17]. Однако в последнее время в условиях

продолжающегося процесса этнической идентификации научная элита северокавказских республик предпринимает небезуспешные попытки анализа и некоей систематизации представляемого материала. Например, К.Т. Лайпанов, предвзяв публикацию документов о роли карачаевцев на фронтах Великой Отечественной войны, через призму отдельной личности постарался воссоздать целостную картину боевого пути своего этноса, учитывая опыт своих коллег по данному вопросу [5: 144-167].

Заметный рост интереса и расширение круга публикаций по указанной тематике и отдельных проявлений данного политического феномена, в т. ч. и в ракурсе проблем так называемых «принудительных этнических миграций», во многом объясняется развитием свободы слова, уменьшением административного давления на исследователей-профессионалов со стороны зашоренных идеологией государственных структур. Но главной причиной всплеска интереса к этой проблеме все-таки следует признать существенное расширение источниковой документальной базы вследствие рассекречивания архивов и предоставления возможности для работы ученым с недоступными им ранее документами.

Разделяет точку зрения исследователей и известный специалист в этой области Н.Ф. Бугай, который справедливо полагает, что многие сегодняшние беды на Северном Кавказе в области межэтнических отношений своими корнями уходят в 40-е годы прошлого века, когда были репрессированы, по сути, целые народы, при этом начавшийся процесс реабилитации во многом был обусловлен напряженностью в сфере межэтнических отношений, прежде всего на почве территориальных споров [6: 300-301].

В частности, ставший хрестоматийным осетино-ингушский конфликт вокруг Пригородного района и правобережной части Владикавказа, которые в результате упразднения Чечено-Ингушской АССР в марте 1944 года отошли Северо-Осетинской АССР, а после восстановления в 1957 году Чечено-Ингушской АССР не были возвращены в ее территориальный состав. До настоящего времени данный этнополитический конфликт не нашел своего логического разрешения, перейдя из вооруженной в ла-

тентную фазу. Более того, трудно не согласиться с утверждением А.А. Цуциева полагающего, что «урегулирование территориального спора не будет возможным, пока не возникнут, не окрепнут и не разовьются иные представления, прежде всего представление, что ПР (Пригородный район. — О. В.) - это уже сложившаяся родина обеих групп» [7: 164].

Справедливости ради заметим, что после принятия целого ряда постановлений и Указов, а также соответствующего Закона РСФСР от 26 апреля 1991 года № 1007-1 «О реабилитации репрессированных народов» [8] столь острая тема начинает освещаться в науке и находить отражение в учебниках, учебно-методических пособиях. Однако количество серьезных достаточно глубоких исследований в этой области до настоящего времени нельзя признать достаточным.

В частности, в одном из историографических обзоров Н.Ф. Бугай акцентировал внимание не только на вновь вышедших публикациях по названной проблеме, но и несколько подробнее остановился на диссертационных исследованиях, особо отмечая при этом оригинальность мышления их авторов [9].

Несмотря на якобы разработанность темы, многие вопросы, по заключению Н.Ф. Бугая, нуждаются в дальнейшей разработке «на основе достижений современной этнологии, политологии, культурологи, социальной психологии и других отраслей гуманитарного знания», т. е. фактически проблема приобретает междисциплинарный характер разрешения [9: 73].

Так, во-первых, следует определиться с таким аспектом проблемы как классификация феномена: депортация, в т. ч. и в значении принудительная миграция, или этнические репрессии, или нечто иное и более емкое.

Одним из первых данным вопросом заинтересовался исследователь П. Полян отметил, что до настоящего времени в отечественной науке отсутствует устоявшаяся точка зрения по определению ключевых понятий в данной области научного познания [10: 11]. Так вышеупомянутый ученый полагает, что депортация является одной из «специфических форм или разновидностей политических репрессий», которые, являясь, по сути, «своеобраз-

ной формой учета и принуждения государством его ... политических противников», где принуждение может быть прямым или косвенным, вынуждает последних совершать некие перемещения в пространстве, а, следовательно, речь идет о принудительной миграции [10: 11-13].

Однако большинство российских современных исследователей предпочитают употреблять термин депортация в его непосредственном выражении, который в переводе с латинского («*deportatio*») означает «изгнание за пределы страны или ссылка в пределах данного государства» [11: 301], или использовать его аналог «выселение» [12].

В то же время среди неславянских исследователей бытует и нарративный характер искомого понятия, которое трактуется как этнические репрессии, т. е. истребления групп людей или народов по этническому признаку, крайней формой которых является геноцид [13].

При этом ключевым словом в анализируемом словосочетании является слово репрессия, которое в переводе с позднелатинского («*repressio*») означает «карательная мера, наказание, обычно применяемое государством в отношении неугодной части населения» [13: 778].

Лексема «этнические» является производной от «этноса», под которым подразумевается «исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающая общими чертами и стабильными особенностями культуры, включая язык, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)» [14: 856].

Иными словами понятие «этнический» конкретизирует нарративное значение «неугодной части населения».

Таким образом, проведенное семантическое исследование показывает, что ни одно из употребляемых в научной литературе определений не охватывает в полной мере имевший место процесс.

Именно исходя из представленной аргументации предлагаем определять вышеназванный процесс как этнодепортакционный

репрессивный процесс, т. е. насильственное переселение в пределах одного государства какого-либо отдельно взятого этноса, проводимое с применением особо суровых (карательных) мер и являющееся, по сути, актом возмездия за совершенное и несовершенные преступления с государственной точки зрения.

Следует упомянуть, что насильственному переселению в 20-е–40-е годы прошлого века, прежде всего в Казахстан, подверглось население со всех регионов СССР, когда «одним из проявлений «социалистической индустриализации» стало учреждение ОГПУ-НКВД для обеспечения рабочей силой» [15: 253]. При этом, во-первых, упоминаемый казахским исследователем Ж.О. Артыкбаевым Карагандинский лагерь характеризуется как типичный, а, во-вторых, ударные темпы введения новых производственных мощностей в Казахстане стали возможны благодаря невиданной концентрации лагерей системы ОГПУ-НКВД на территории республики [15: 25].

Однако развитие производства однозначно сопровождается процессом урбанизации и ростом городов, основным источником же людских резервов явились прибывшие по оргнабору и стихийно приехавшие граждане из России и Украины. Негласная подготовка к этому процессу началась еще в годы Гражданской войны и продолжилась в вышеуказанный период, когда «за счет оседания казахов предполагалось создать земельный фонд для переселенцев», для чего и было воссоздано Переселенческое управление [15: 253].

Однако наиболее тяжелыми в плане последствий для развития межэтнических отношений явились, конечно, этнодепортационные репрессивные акции.

Политика насильственного переселения накануне и в период Великой Отечественной войны целых этносов носила как превентивный, так и этнодепортационный репрессивный характер, но, будучи политизированной до крайней степени, она приобрела небывалый размах и в корне изменила жизнь многих этнических общностей.

Фактически этнодепортационные репрессии служили, с одной стороны, катализатором в процессе обострения межэтниче-

ских отношений и доведения ситуации до формирования новых очагов конфликтности, а с другой стороны, показателем реального положения дел в области этнонациональной политики, проводимой советским правительством.

Превентивным тотальным этнодепортационным репрессивным инициативам в годы Великой Отечественной войны подверглись немцы, финны, прибалты и корейцы из Астраханского округа [16].

В отношении же калмыков, жителей Крыма, прежде всего крымских татар, а также народов Северного Кавказа и Закавказья, тотальные этнодепортационные репрессивные меры являлись актом возмездия за саботаж решений советского правительства по различным вопросам, пособничество фашистским оккупантам, откровенный бандитизм и т. д. В то же время немало примеров и другого рода. Однако, как отмечается исследователями, занимающимися проблемами участия народов, подвергшихся этнодепортационным репрессивным процессам, в Великой Отечественной войне, до настоящего времени исследования подобного рода весьма немногочисленны и, по большей части, касаются количественных характеристик описываемых событий [4: 7]. Но даже приводимые учеными количественные характеристики позволяют сделать некоторые выводы об отношении высшего советского руководства к «наказанным народам». В частности, исследовательница М.С.-Г. Албогачиева приводит на основании различного рода источников данные о том, как происходило присвоение звания Героя Советского Союза воинам-ингушам: «Мужество и героизм ингушей был повсеместным. Не случайно лучшие из них были представлены к присвоению высокого звания Героя Советского Союза. Более того, к началу 1944 года 62 ингуша уже имели звание Героя Советского Союза. Однако в феврале 1944 года ингушский народ подвергся тотальной депортации, поэтому, начиная с 1944 года, все указы о присвоении званий Героя Советского Союза в отношении ингушей были отменены.

Всего же к присвоению звания Героя Советского Союза были представлены более 100 ингушей, но изменение политического курса советского руководства сделало невозможным его

присуждение» [17]. Справедливости ради отметим, что в настоящее время специалистами Государственного архива Республики Ингушетия выявлены два наградных листа на представление к званию Героя Советского Союза Д.Д. Картоева и Д.Д. Куриева [18]. Однако заслуженные награды так и не были вручены героям. Более того, после окончания войны Д.Д. Куриев был депортирован в Казахстан, куда его этапировали в сопровождении конвойного офицера и где бывший фронтовик разделил судьбу своих соплеменников так и не увидев больше Кавказа (умер в 1949 году) [18].

Таким образом, несмотря на имевшиеся заслуги, вайнахские народы попали в жернова не просто запущенного механизма этнодепортационных репрессивных процессов, но и подверглись фактическому геноциду. Справедливости ради необходимо заметить, что данное утверждение разделяется далеко не всеми исследователями.

Так, например, известный российский историк, публицист и демограф С. Максудов, проведя тщательную проверку документальных источников, в своем анализе показывает, что некоторые официальные сведения, обнародованные по инициативе НКВД, нуждаются в серьезных уточнениях: численность отправленных на спецпоселение; количество выделенных эшелонов; количество участников бандформирований; лиц, скрывшихся от выселения; статистика родившихся–умерших и т. д.

В противном случае, как показывает историографический анализ научной литературы, использование таких данных приводит к ошибочным выводам самого исследователя [19: 315-316].

Однако, подвергая сомнению, свидетельские показания вайнахских народов о нечеловеческих условиях следования к месту назначения, С. Максудов в то же время некоторые свои выводы делает на основе воспоминаний известного писателя Е. Шварца, эвакуированного вместе с семьей, наряду с другими учеными и артистами из осажденного Ленинграда. По словам Е. Шварца, их условия и скорость передвижения, сроки прибытия к месту эвакуации не шли ни в какое сравнение со временем нахождения в пути и со скоростью движения эшелонов с чеченцами и ингуша-

ми, которые были сопоставимы с «курьерской» [20: 96].

Обращает на себя внимание и парадоксальный вывод, которому предшествовал скрупулезный анализ данных архивных документов и сведений, почерпнутых из исследований ряда других ученых.

Так С. Максудов утверждает, что ссылку чеченского и ингушского народа никак нельзя считать геноцидом по отношению к ним, т. к. «власти планировали не уничтожение, а переселение и в соответствии с этим принимали меры для организации жизни на новых местах» [20: 107].

В доказательство ученый приводит цифры оптимистического звучания по поводу того, что якобы получили спецпоселенцы, оперируя данными тех же документов, содержащие сведения которых недавно подвергал сомнению.

Более того, он сопоставил положение жителей Украины, Белоруссии России, «потерявших на фронте сыновей и мужей, живших в полуразрушенных домах и землянках, утративших в годы оккупации последнее жалкое имущество», но не получивших «никакой помощи, никаких компенсаций от государства» [20: 108].

Содержательная сторона самого аргумента не вызывает никаких сомнений. Но вполне закономерно возникает вопрос: «Зачем и во имя чего было тратить людские и материальные ресурсы (немалые, исходя из сухих цифр документов) для организации масштабных акций возмездия в период ведения кровопролитных боев частями Красной Армии на фронтах Великой Отечественной войны, а также принимая во внимание тяжелейшее физическое и моральное состояние, трудности материального порядка мирного населения на освобожденных территориях. К сожалению, ответ на вопрос, закономерно возникающий у читателя, исследование, проведенное С. Максудовым, не дает.

Возвращаясь к факту этнодепортационных репрессий в отношении чеченского и ингушского народов, отметим, что специальное и весьма обстоятельное изучение они получили в трудах Н.Ф. Бугая, П.М. Поляна, В.П. Сидоренко, Р.С. Агиева, Л.Я. Арапхановой и др. [21].

Однако следует подчеркнуть, что операция «Чечевица» явилась закономерным итогом в противоборстве двух сторон: российского имперского правительства, а впоследствии советского руководства, с одной стороны, и вайнахов, с другой.

Так, например, стала часто употребляемой фраза, которой оперируют чеченцы, объясняя свой негатив по отношению к российским властям: «земля горцев была нужна государству, а в них самих не было никакой надобности» [22: 129].

Более того, чеченские исследователи на основе документальных источников не отрицают факта заинтересованности чеченцев в силу ряда обстоятельств «в союзе с Россией, готовы были и на принятие подданства, но при этом стремились сохранить свою внутреннюю автономию», но ее наличие отрицала «логика и законы создания державы и империи, из которых исходила Россия» [23: 18-19].

Кстати, подобный конструктивистский подход уже в постсоветский период нашел свое отражение в Конституции РФ. Не случайно, предвидя возможные негативные его последствия в сфере межнациональных отношений, Р. Г. Абдулатипов в открытом письме первому президенту РФ Б.Н. Ельцину открыто высказал свою позицию по этому вопросу, заявив, что «народы угадывают скрытую логику подобных рассуждений: России нужны Чечня, Тыва, Калмыкия и не нужны чеченцы, тувинцы, калмыки» [24: 232-233].

Таким образом, позиция российского имперского правительства по отношению к горцам нашла свое отражение и в последующем столетии [25].

Заметим, что ответные шаги вайнахов по отношению к проводимой этнонациональной политике советского правительства, проявились в имевших место случаях уклонения от воинской повинности и дезертирстве в период Великой Отечественной войны, распространении бандитизма [9].

Летом 1942 г. немецкие войска прорвались на Кавказ. Однако, несмотря на выход немцев к предгорьям западной части Главного Кавказского хребта силами группы армий «А», боевых действий территории Чечено-Ингушской АССР практически не

велось.

Исключением стала только Малгобекская оборонительная операция, длившаяся с 1 по 28 сентября 1942 года и явившаяся, по сути, «первой целостной операцией Северной группы войск Закавказского фронта, вступивших в бой на рубеже реки Терек и преградивших путь наступающим германским войскам» [26].

Несмотря на то, что 14 сентября немцы овладели Малгобеком, советским войскам в результате ожесточенных оборонительных боев все-таки удалось вынудить 1-ю танковую армию Клейста отказаться от дальнейших наступательных операций на грозненском направлении [26: 105-106].

При этом следует отметить, что, по словам очевидцев тех событий с немецкой стороны, осознание предпосылки грядущей катастрофы на Кавказе уже начинала ощущаться с осени 1942 года после того, как 1-я танковая армия под командованием Клейста предприняла очередную неудачную попытку прорваться на Кавказ из Моздока, оставляя без прикрытия фланг группы армий «Центр», растянувшийся на тысячи километров [27: 118-119].

Так или иначе, но 3 января 1943 года г. Малгобек был освобожден.

Следовательно, чем же тогда руководствовалось советское правительство, санкционируя проведение операции «Чечевица», назначенной на 23 февраля 1944 года.

Согласно официальным данным обвинение, выдвинутое против чеченского и ингушского народов, заключалось в активном и почти поголовном участии населения Чечено-Ингушетии в «террористическом движении, направленном против Советов и Красной Армии» [16: 435].

Изучение архивных данных, доступных в настоящее время исследователям, показывает, что бандитизм, пособничество врагу, уклонение от призыва и дезертирство действительно имели место. Но при этом, как указывает И. Пыхалов, некоторые исследователи в погоне за доказательствами выдвигаемых ими положений нередко фальсифицируют имеющиеся данные, что можно объяснить, прежде всего, страхом малых народов «затеряться», остаться незамеченными. И. Пыхаловым процитировано немало

выдержек из различного рода публикаций вайнахов, в которых авторы, греша против истины, стремятся выставить уроженцев Чечни едва ли не основными защитниками, например, Брестской крепости, хотя достоверные сведения сохранились только о 16 защитниках из ЧИАССР, из которых далеко не все были чеченцами [28: 267-268]. Не лучше обстоит дело и со сведениями о чеченцах, удостоенных звания Героя Советского Союза. Опять-таки в погоне за нужной цифрой некоторые авторы доводят свои инсинуации до абсурда, не задумываясь о том, что сведения о награждениях можно получить только из архивных источников. Более того, награжденные листы всегда поименные [28: 271-272].

Однако имеется немало исследователей, которые предпринимают небезуспешные попытки показать не только вклад своего народа в общее дело Победы советского народа над немецко-фашистскими захватчиками, но и предпринимают активное участие в восстановлении полной картины тех лет путем проведения розыскных мероприятий родственников погибших и восстановлению социальной справедливости. В частности, Указами Президента Российской Федерации 1996 г. пяти чеченцам (Исмаилову Х.И., Тормахову Д.Д., Узуеву М.Я., Абдурахманову К., Умарову М.А.-В.) было присвоено звание Героя Советского Союза за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне, из них двое удостоены высокого звания посмертно [29].

Несмотря на то, что данная публикация содержит только выдержки из источников, ее ценность для исследователей заключается в уникальности собранного материала, большая часть которого является личным архивом одного из авторов статьи. Так, например, целая подборка материалов автора Ж. С. Зайналабдиевой посвящена процессу поисковой работы по обнаружению и восстановлению документов, позволяющих установить и подтвердить подлинность участия отдельного человека в тех или иных боевых действиях при отсутствии архивных документов. В настоящее время, таким образом, было установлено имя еще одного защитника Брестской крепости - Лалаева Айнди Абдурахмановича, чеченца по этнической принадлежности. Интерес также

представляют выписки из наградных и иных архивных документов, позволяющих доподлинно установить факт награждения.

Кстати, И. Пыхалов, ссылаясь на данные отдела спецпоселений МВД СССР, отмечает, что на 1 апреля 1949 года 75 чеченцев и ингушей не подвергалось этнодепортационным репрессивным мерам за боевые заслуги [29: 268-269].

По всей видимости, и эта цифра нуждается в уточнении по целому ряду параметров, т. к. в монографии Ю. Дешириева содержатся сведения по конкретным персоналиям из числа чеченцев, которым удалось не только избежать участи спецпоселенцев, но и активно заниматься научными изысканиями, занимать административные посты, просто трудиться на различных предприятиях [30].

Кроме того, расчеты, произведенные С. Махмудовым, в части определения числа чеченцев и ингушей, избежавших так или иначе воздействия этнодепортационных репрессивных мер, также заслуживают внимания [20: 102-105].

Так, например, историком В.А. Козловым на основе архивных данных, было выявлено, что в 1949 году при проведении т. н. полного «переучета», или фактической переписи «спецпоселенцев и выселенцев», «обнаружилось «отсутствие в местах поселения 22 431 выселенца и спецпоселенца», из которых в течение первых трех месяцев 1949 года соответствующим структурам удалось разыскать только 7479 человек, что составило 33, 34% от числа находившихся в розыске [31: 86].

Также заслуживает внимания и тот факт, что в период нахождения на спецпоселении в Казахстане и Киргизии чеченцы и ингуши «были вовлечены в большинство насильственных этнических конфликтов» [31: 8].

При этом из 12 эпизодов, произошедших за период с 1953 по 1960 гг. на территории Казахстана, упоминания о которых удалось найти В.А. Козлову в архивах ЦК КПСС, Генеральной прокуратуры, МВД и КГБ СССР, в 9 принимали участие совместно или порознь чеченцы и ингуши [31: 8].

Всего же за указанный период в подобных конфликтах против русских чеченцы и ингуши принимали участие 13 раз, но при

этом только в 3 из них чеченцы и ингуши выступили совместно [31: 85].

При этом противной стороной выступало русское население, в т. ч. зафиксирован случай, когда русские совместно с казачами инициировали столкновение против чеченцев и ингушей [31: 85].

Отметим также, что наибольшей активностью в этнических конфликтах (помимо русских, являвшихся участниками столкновений 19 раз) отличались, по сравнению с ингушами, чеченцы (5 зафиксированных случаев против 14) [31: 7-8].

В целом же, проведенный анализ научной литературы показывает, что данные, которые приводят исследователи, следует подвергать критической оценке, т.к. официальная статистика далеко не всегда отражала реальное положение дел [20: 95,96; 28: 267-269].

Следует также отметить, что И. Пыхаловым при анализе повременных периодических изданий было отмечено стремление некоторых исследователей, прежде всего чеченцев, приукрасить заслуги своего народа [28: 267-269].

Однако сам И. Пыхалов также допускает высказывания, которые можно трактовать как проявление откровенно националистических настроений по отношению к чеченскому и ингушскому народу.

В частности, проведение операции «Чечевица» он склонен объяснять, во-первых, несением ответственности всем этносом, в целом, за те уголовно наказуемые деяния, которые совершили представители определенного этноса. Во-вторых, акция возмездия была закономерна с точки зрения нарушения морально-этических норм [28: 295].

В данном случае авторы разделяют точку зрения по мере наказания А.Ю. Безугольного, Н.Ф. Бугая, Е.Ф. Кринко, которые, подробно проанализировав фактическую сторону жизни спецпоселенцев, пришли к выводу, что в тех исторических реалиях «правительство не смогло удержаться от наиболее крайних, жестоких мер», сводившихся к этнодепортационным репрессиям, но в то же время подобные меры должны были применяться «к

тому контингенту, кто действительно заслуживал наказания» [9].

К сожалению, этнодепортационный репрессивный процесс, затронувший многие этносы, в целом, привел к усугублению имевшихся противоречий в межнациональной сфере и подорвал авторитет и доверие к государственным и партийным органам советского правительства, что, в конечном итоге, привело к цепи этнополитических конфликтов, резко обострившихся после распада Советского Союза.

Таким образом, проведенный историографический анализ позволяет сказать, что политические просчеты, допущенные сначала в имперский период существования российского государства, впоследствии усугубленные этнодепортационным репрессивным процессом против вайнахских народов и новыми ошибками при проведении этнонациональной политики, в конечном итоге привели к целой цепи этнополитических конфликтов окончательно разрешить которые не удастся и по сей день.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Полян П. Депортации и этничность//Сталинские депортации. 1928–1953 / Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; Сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. М., 2005.
2. Полян П. Указ. соч. С. 16–17; Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX–середина XX в.) / Под рук. В.А. Козлова. М., 2011. С. 639; Алиев И.И. Этнические репрессии. М., 2008.
3. Декларация Верховного Совета СССР от 14.11.1989 «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению и обеспечении их прав» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик: Электронный ресурс: окно доступа: <http://www.libussr.ru/>
4. Они сражались за Родину. Представители репрессированных народов на фронтах Великой Отечественной войны. Книга-хроника. М., 2005.
5. Лайпанов К.Т. Офицеры, сержанты, рядовые бойцы из Карача-

евской автономной области на фронтах Великой Отечественной ...//Они сражались за Родину.

6. Бугай Н.Ф. Северный Кавказ. Государственное строительство и федеративные отношения: прошлое в настоящем. М., 2011.

7. Цуциев А.А. Осетино-ингушский конфликт(1992– ...): его предыстория и факторы развития. Историко-социологический очерк. М., 1998.

8. Закон РСФСР от 26.04.1991 № 1007–1 (ред. от 01.07.1993) «О реабилитации репрессированных народов» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 02.05.1991. № 18. Ст. 572.

9. Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 2012.

10. Полян П. Не по своей воле ... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.

11. Новый словарь иностранных слов. Минск, 2008.

12. См., например: Убушаев В.Б. Калмыки: выселение и возвращение. 1943–1957 гг. Элиста, 1991; Карачаевцы: Выселение и возвращение (1943–1957): Материалы и документы / Респ. комис. по реабилитации карачаев. народа. Черкесск, 1993; Шабает Д.В. Правда о выселении балкарцев. Нальчик, 1994.

13. См., например: Геноцид и массовые репрессии: Истребление по этническим и религиозным мотивам / Под ред. Т.И. Ревяко, Н.В. Трус. Минск, 1996; Алиев И.И. Этнические репрессии. М., 2008.

14. Жуков В.И. Большой этнологический словарь. М., 2011.

15. Артыкбаев Ж.О. История Казахстана: Учебник для вузов. Костанай, 2007.

16. Сталинские депортации. 1928–1953.

17. Албогачиева М.С.-Г. Этнополитические процессы в Ингушетии на рубеже XX–XXI веков // Поклонимся великим тем годам ...: к 70-летию победы советских войск под Сталинградом: Материалы международной научно-практической конференции (г. Волгоград, 2 февраля, 2013 г.) / Под ред. В.Н. Игнатова, Ю.Д. Гражданова, О.А. Васильевой (отв. ред.). Волгоград, 2013.

18. Возвращение героя//Ингушетия life. 2013. 18 февраля.

19. См., например: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2003. Отчасти вера в непогрешимость официальных статистических данных присутствуют и в рассуждениях у И. Пыхалова. См.: Пыхалов И. За что Сталин выселял народы? М., 2011.
20. Максудов М. Чеченцы и русские. Победы, поражения, потери. М., 2010.
21. См., например: Бугай Н.Ф. Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопросы истории. 1990. № 7; он же. Телеграммы Берии Сталину. Публикация Н.Ф. Бугая // История СССР. 1991. № 3; Вайнахи и имперская власть. С. 639–649; Сидоренко В.П. «Для выселения чеченцев и ингушей направить части НКВД»: Документы о проведении спецоперации по депортации народов ЧИ АССР. 1943–1944 гг. // Исторический архив. 2000. № 3; Полян П.М. Не по своей воле ...: История и география принудительных миграций в СССР / Послесловие А.Г. Вишневского. М., 2001; Арапханова Л.Я. Депортация народов как специфический аспект национальной политики Советского государства: На примере ингушского народа: диссертация ... кандидата политических наук. М., 2002; Агиев Р.С. Трагедия Чеченского и Ингушского народов в 30–50-е годы XX века: депортация, спецпоселения, реабилитация: диссертация ... кандидата исторических наук. Ростов н/Д., 2003.
22. Фадеев Р.А. Письма с Кавказа. СПб., 1865.
23. Гапуров Ш.А. Присоединение Чечни к России // Народы Кавказа в пространстве российской цивилизации: исторический опыт и современные проблемы: Материалы Всероссийской научной конференции (13–15 сентября 2011 г., Ростов-на-Дону) / Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2011.
24. Абдулатипов Р.Г. Россия на пороге XXI в.: Состояние и перспективы федеративного устройства. М., 1996.
25. См., например: Карпов Ю.Ю. Политика Российского государства на Северном Кавказе в позднеимперский, советский и постсоветский периоды // Народы Кавказа в пространстве российской цивилизации: исторический опыт и современные проблемы.
26. Мощанский И.Б. Оборона Кавказа. Великое отступление. 25 июля–31 декабря 1942 года. М., 2010.

27. Пабст Г. Дневник немецкого солдата. Военные будни на Восточном фронте. 1942–1943 / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М., 2008.
28. Пыхалов И. За что Сталин выселял народы? М., 2011.
29. См., например: Зайналабдиева Ж.С., Бугай Н.Ф. Чеченцы — участники Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Они сражались за Родину ... С. 246–305.
30. Дешериев Ю. Жизнь во мгле и борьбе: О трагедии репрессированных народов. М., 1995.
31. Козлов В.А. Кровавые хроники: чеченцы и ингуши в архивах новейшей истории. Б/м., 2002. прим. 12.

УДК 94 (574)

Грибанова Е. М.

Архив Президента РК, г. Алматы, arc-publish@mail.ru

ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ВЫЖИВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ

Проблемы, находящие в центре внимания исследовательской деятельности коллектива Архива Президента РК, определяются, как и во всяком другом архиве, составом и содержанием хранящихся в нём документов. Созданный на базе сектора партийного архива Института истории партии при ЦК Компартии Казахстана и Алма-Атинского областного партийного архива, документы которых на данном этапе всё ещё по численности преобладают в фондах АП РК не смотря на успешное комплектование источниками по истории суверенной Республики, Архив не мог остаться в стороне от исследований политической истории советского Казахстана. Центральным направлением в его деятельности было и остаётся изучение имеющейся в его распоряжении источниковой базы и подготовка археографической продукции. Попутно проводятся исследования мини сюжетов в рамках обо-

значенной проблемы с последующей публикацией в научных и популярных изданиях. Блок тем, по которым составительский коллектив самостоятельно или совместно с партнёрами ведёт исследования, следующий:

- протестные движения;
- репрессивная политика по отношению к социумам;
- репрессивная политика по отношению к этническим группам;
- репрессивная политика по отношению к отдельным гражданам и их судьбы.

Опыт этой работы и её содержание многократно обнаружился, в частности в выступлениях автора данного текста [1]. Количество накопленной информации позволяет перейти к попыткам её осмысления. Этот процесс идёт давно и, пожалуй, охватил все гуманитарные коллективы на постсоветском пространстве. В соответствии с опытом советской исторической науки в первую очередь в центре внимания исследователей оказались макропроцессы. Однако именно в рамках заявленной проблемы предприняты серьёзные попытки по возвращению в историю индивида, во всяком случае, на уровне сбора фактов. Создание коллективных социальных портретов, которое в силу логики воссоздания ушедшей реальности должно продолжить начатую работу – сложная исследовательская проблема, пока ещё не занявшая достойное место в отечественной историографии. Некоторые причины очевидны: отсутствие традиции, определённая ограниченность источниковой базы. Не в интересах палачей оставлять доказательства, в т. ч. и в виде воспоминаний, а жертвам судьба не предоставляет такой возможности. В то же время, стратегия выживания в условиях насилия – одна из ценнейших составляющих общечеловеческого опыта. Инстинкт доминанты в любом биологическом существе базовый. При отсутствии надёжных рычагов контроля за формированием как отдельной личности, так и социумов всегда существует опасность применения насилия как средства реализации в этой потребности.

Степень интенсивности насилия государства над личностью в истории советской власти, его формы, идеологическая ос-

нова и лозунги, из неё вытекающие, менялись, как и сама жизнь. В этой связи необходимо обозначить хронологические рамки исследования: конец 1920-х – 1930-е гг. Источниками для него являются воспоминания и некоторые официальные документы, отложившиеся в АП РК, большая часть которых, как уже было отмечено, опубликована. Автор текста исключает из своего исследования анализ поведения как людей в заключение, так и детей вне семьи.

Уместно напомнить, что именно большевистское правительство вывело понятие террор на государственный уровень: «красный террор» был провозглашён официальной политикой в сентябре 1918 г. По мнению современных исследователей в этом проявилась стратегия модернизации страны новой властью [2: 172]. Население, в том числе и Казахстана, через десятилетие после одной из самых чудовищных войн XX в. – гражданской, уже имело опыт выживания в условиях насилия. Но война не только даёт моральное право, но и обязывает человека защищать свою жизнь с оружием в руках. Другое дело, когда насилие остаётся составной частью жизни, но отсутствует как обязанность, так и право на оборону посредством тех же методов.

Одной из массовых насильственных акций на стыке двух десятилетий были конфискация имущества баев и полуфеодалов, а затем раскулачивание, сопровождавшие коллективизацию. События 1928-1929 гг. для многих казахских семей, игравших до них заметную роль в своём социуме, оказались началом ряда семейных трагедий. По воспоминаниям внучки Б. Каралдина, одного из членов первого советского правительства на территории Казахстана, а до того – представителя царской администрации, члена Временного правительства, её бабушка, жена Каралдина, Урзипа или Зипа, всю жизнь делила на периоды до «компеске» (от слова «конфискация» – в казахском языке отсутствует звук «ф») и после [3: 93]. И немудрено: после конфискации супругов арестовали, последнего своего ребёнка Зипа родила в тюрьме, а муж был расстрелян. Тяготы жизни семьи «врага народа» Каралдины прочувствовали задолго до вхождения этого термина в повседневность жителей страны Советов.

Распространённым явлением среди казахского населения, да и представителей других народов была передача сведений о готовящейся акции от тех, кто входил в органы власти, тем, кого намечали к конфискации. «В Иргизе жил успешный купец Габас. Он отличался справедливостью, люди его уважали. Накануне одной из акций по раскулачиванию предупреждённый Габас скрылся. Представители власти потребовали от жены выдать местонахождение мужа, но женщина молчала. На площади вырыли яму и ее живьем закопали в ней по горло. Недельку несчастная женщина умерала на глазах у всего города» [4].

Родители воспоминательницы С.К. Журабаевой – потомки татар и узбеков. Можно предположить, что упомянутый купец татарин. Чем он торговал, неизвестно. Вероятно, скрывшись, он спрятал и часть имущества, чем усилил раздражение «конфискаторов». Мать и отец С.К. Журабаевой, будучи выходцами из семей священнослужителей и купцов, уехали с детьми в г. Москву, но по каким-то причинам вынуждены были вернуться. «В Иргизе шли волны арестов. Арестовали и Акимбая (отчим Камала, отца Сары Журабаевой– Е.Г.). Его сослали на поселение куда-то в район Хабаровска, где он вскоре и умер. После ареста Акимбая, такая же участь ожидала и папу, о чём его предупредил сам А. Джангильдин и забрал его в свой отряд. В отряде он воевал целый год. [...] Пребывание отца в соединении, представлявшем интересы советской власти, спасло его и всю нашу семью от преследований. Все же, вернувшись через год, он решил, что необходимо уезжать. ...» [4]. В результате семья всё же покинула г. Иргиз.

Бегство, сопровождавшееся сокрытием имущества, было распространённым явлением и среди славянского населения в период раскулачивания. Вот цитата из письма колхозника Пресногорского р-на Петропавловского окр. Трофима Ряднина, адресованного его родственнику, Михаилу, работавшему в тот период помощником секретаря Казкрайкома ВКП (б). Ф.И. Голощёкина: «Народ забит, наэлектризован, каждый дышит ненавистью к таким работникам. Посевная кампания сорвана полностью потому, что нет хлеба, а хотя такового и дадут, то некому будет сеять, ибо народ от такой работы разбежался во все стороны как свиньи

в дождь. Остались в посёлках одни бабы и тех всю ночь гоняют по комсодам, подходя к ним с разными гнусными предложениями. Больше тридцати человек русских бросили семьи на произвол судьбы и скрылись, куда – неизвестно» [5: 169].

В таких случаях помогало везение, смекалка, а порой ментальность этноса, который представлял индивид. Муж Бадыгул-жамал Ахметовой перед конфискацией скрылся. Дальнейшая судьба его не известна. Но женщина, по воспоминаниям её внучки, «выжила благодаря своей мудрости. Когда в очередной раз пришли её раскулачивать, она широко раскрыла ворота, поставила все самовары, которые только были в доме, напоила чаем «конфискаторов», заставив всех домочадцев хлопотать в заботах о незваных гостях. В результате отобрали только оставшийся скот, в вещах в доме сильно не копались, и бабушке удалось сохранить своё личное имущество. Это-то и помогло ей продержаться в последующее, ещё более трудное время. Дом, в котором жили бабушка и дедушка, стоит в Павлодаре и посей день». Бадыгул-жамал вновь прибегла к этой тактике (отдать, чтобы не забрали: тогда, быть может, помогут), когда прорывалась на свидание к арестованному сыну [6: 8,10].

Бегство не было панацеей от беды. Но логика в таких действиях очевидна. В определённых ситуациях расставание с «малой Родиной» давало шанс на выживание как социальное, так и физическое. В 1929 г. массовая конфискация имущества сопровождалась и «чисткой» учебных заведений от «социально чуждых элементов». Она была не первой, но проводилась наиболее масштабно. В г. Ташкенте из вуза был исключён племянник А. Букейханова, но в г. Москве его сыну дали возможность окончить вуз. Впрочем, в тот же период дочь Х. Досмухамедова в одном из ташкентских вузов не тронули, а сына А. Кальменева в г. Москве из вуза исключили [7]. В середине 1930-х гг. доносительство приняло поистине всенародный размах. Доносили в первую очередь на тех, кого хорошо знали, с кем дольше общались, на кого затаили обиду. Перемена места жительства давала возможность предотвратить донос, хотя и не гарантировала этого. Так, отъезд А. Чорманова из г. Павлодара в Новосибирскую обл. в 1930-х гг. был

вызван следствием гонений на него как «социально-чуждого», на новом месте он устроился на более престижную работу, но через некоторое время на него донесли, он опять вынужден был переезжать, и все, же в 1935 г. был арестован. В период начала массовых репрессий возможность переезда «до прояснения ситуации» обсуждалась в семье комсомольско-партийных работников Газиза и Рахили Куватовой. Вариант был, отвергнут главой семьи, позже репрессированного. Но его супруга, спасая детей и себя, часто переезжала с места на место, что возможно, и уберегло мать и детей. Смена места жительства спасла от ареста и разлуки дочь и жену М. Сейтбаталла [6: 41,56]. Бесконечные переезды прошли через многие судьбы членов семей «врагов народа».

Другой тактический приём выживания в социуме – поиск покровителя.

М.А. Ермаков, племянник А. Ермакова, не был отчислен из Тимирязевской сельхоз Академии в г. Москве. В период упомянутой выше «чистки» за него «заступился» И. Курамысов, в тот период второй секретарь Казкрайкома ВКП (б) [7: 29-30]. Уже приводился пример Камалбека Журабаева и Трофима Ряднина. Основываясь на воспоминаниях Ч.А. Джангильдина, можно предположить, что и его легендарный отец, Алиби, уцелел в годину репрессий благодаря покровительству Сталина, что, вероятно, в полном объёме не осознавал [8: 218]. В последнем браке А. Джангильдин был женат на Софье Кенжиной, отца которой расстреляли в 1938 г. Женитьба состоялась уже после расстрела отца невесты. Для неё – способ выжить. Чем этот брак был для него? Понимал ли он степень риска и какова она была?

Поиск могущих помочь среди облечённых властью – первая реакция членов семей репрессированных сразу после ареста близкого человека. Навсегда в памяти сына М. Тoleбаева, первого директора Алматинского зоопарка, арестованного 5 декабря 1937 г., осталась обида на заместителя директора, приглашенного им для работы в Казахстане из г. Москвы. Он не открыл дверей сыну своего руководителя после названного события [6: 276]. Однако следует отметить, что отторжение окружения попавших в сферу интересов органов НКВД – так же было способом выживания.

Именно поэтому все без исключения пережившие трагедию эпохи массовых репрессий отмечают как самое тяжёлое испытание после ареста главы семьи её вынужденную изоляцию.

Стремление обратиться в вышестоящие инстанции, которые, как казалось в момент ареста и следствия, просто не знают о творящихся беззакониях, было главным «оружием» самозащиты у арестованных. Эпизоды «везения» в качестве исключений наблюдались и, как правило, были связаны с паузами в репрессивных акциях. Например, С.И. Денисенко (1904-1986), руководителя районно-областного масштаба в сельскохозяйственной отрасли Казахстана, арестованного 20 января 1938 г., приговорили к расстрелу 11 января 1939 г. по ст. 58-2, 58-7, 58-11 УК РСФСР, но 29 марта 1939 г. заменили меру наказания на 15 лет ИТЛ с поражением в правах на 5 лет. Как он сам считал, его спасло заявление о государственной тайне, которую он может сообщить только «товарищу Берии». Суть тайны – в информации, полученной в результате личного опыта, о фальсификации следственных мероприятий. Причина «везения» Силы Иосифовича заключалась в затянувшемся следствии, смене руководителей энкавэдэшного ведомства и проведении «чисток» в нём. Нарком НКВД КазССР, которому Денисенко сообщил государственную тайну, а для широкой общественности это действительно было тайной, побоялся, что жалоба Денисенко может быть поводом для каких-либо санкций против его коллег и его самого [5: 86-90].

У жертв ярлыка «враг народа» выбор был настолько ограничен, что от него лишь зависели самооценка, количество физических и психологических мук: смерть в любой случае для большинства была неизбежной. Страшнее, что особого выбора у будущих жертв накануне ареста тоже не было. Механизм репрессий был так чётко и хитро отработан, что избежать его сетей осознанно вряд ли было возможным.

Одним из не очень надёжных, но все, же щитом от репрессивной машины являлись умолчание и путаница в биографических данных. Например, члены одной семьи носили разные фамилии. В семье Б. Каралдина его прямые потомки взяли так же фамилии Байкадамовы, Тулебаевы. Вдова Министра автомо-

бильного транспорта КазССР в 1964-1969 гг. Н. Фомичёва, переехавшего в столицу Казахстана из Сибири в 1937 г. после смерти отца, вспоминает: «Перед регистрацией брака я сказала Николаю Яковлевичу, что не хотела бы менять фамилию, т.к. моя мне больше нравится. Он промолчал, соглашаясь. Позднее признался, что побоялся последствий из-за репрессированного отца. В случае ареста моя девичья фамилия могла бы стать хоть маленькой, но гарантией безопасности моей и детей». В личном деле Николай Яковлевич указал только имена и отчества матери, жены и детей, что создало впечатление наличие одной фамилии у всей семьи [9: 62-63].

Однако такой тактике граждан партийный аппарат противопоставил кампании по «развитию критики и самокритики» у членов партии, что предполагало аналогичное поведение и беспартийных. В документальном сборнике «История Отечества в судьбах его граждан», в котором опубликованы автобиографии партийных работников, большая часть документов датирована 1937 г. Накануне и в период размаха репрессивных кампаний люди писали автобиографии-исповеди, надеясь, что покаявшись в политических ошибках, заслужат «отпущения грехов» [10].

В такой ситуации умолчание было особенно опасным: оно трактовалось как желание обмануть партию. Для окружавших не склонного к открытости товарища способом выжить воспринимался донос: скажи правду о ком-то, может быть тебе это зачтётся и беды обойдут стороной. Другая форма «умолчания» – ликвидация компрометирующих материалов (уничтожение фотографий) и предотвращение их возникновения. Алматинский краевед Ивлёв как-то заметил, что с 1937 г. резко сократилось количество коллективных фотографий. Человека могли наказать уже только за то, что в его окружении были не желательные для власти люди.

Женщинам, чьи мужья были репрессированы, и которые не были арестованы, судьба давала больше шансов на выживание. Один из них – вторичное замужество. Этот путь избрала Дана-Бике, дочь Каралдина. Её мужа расстреляли 9 ноября 1938 г. Дочь и жена репрессированных – тяжелейшее клеймо. Имея детей, она согласилась на второй брак с другом мужа, предполагая, что он

будет фиктивным. Это дало ей возможность уехать в соседнюю республику в маленький населённый пункт. Любопытство соседей, обративших внимание на раздельную жизнь супругов, вынудило поменять их решение [3: 94]. С не любимым женщина вскоре рассталась, родив от него сына, а сам он умер от туберкулёза впервые дни войны. Но навряд ли можно назвать это типичным случаем. Чаще всего женщинам приходилось пробиваться самим. Схема для тех, кто остался на воле, была приблизительно одна и та же: с арестом главы семьи она оставалась без пропитания и жилья. Последнее в тех случаях, когда глава занимал номенклатурную должность, а значит казённую квартиру. Сёстры Курамысовы вспоминали: «Мы жили в подвалах, подворотнях, междомных расщелинах на бросовых телогрейках. Нам с оглядкой подавали около вокзала Алма-Ата - II хлеб и чай женщины, жившие рядом в бараках» [11: 115].

Жёны пытались получить зарплату мужей и гонорары. Возможно, кому-то это удавалось, но в памяти людей оставались не решённые проблемы. Затем распродавались пожитки, женщины устраивались на работу, но поскольку этот процесс регулировался, чаще на те места, где существовал острый дефицит кадров, т.е. в глубинке при минимальных зарплатах. Дальше ход событий зависел от обстоятельств. Местное население из-за страха порой боялось даже продавать имевшиеся у него излишки продуктов. Тем не менее, это происходило, но тайно. Больше шансов заработать на жизнь имели рукодельницы. В любом случае, с учётом общей бедности, это был тяжёлое, полуголодное существование.

Несмотря на страх, люди всё же помогали членам семей врагов народа. Трогательная история произошла после ареста главы семьи С. Ходжанова. Его 16-летнюю дочь на первых порах тайно поддерживала семья шофёра В. Плакущих, на тот момент тоже ещё очень юного человека. Находились порядочные родственники, соседи, порой просто случайные люди, принимавшие в свои семьи детей: временно или на долгий срок, зависело от ситуации [6: 10, 14, 34, 314 и др.]

Трагедия, свалившаяся на людей в виде репрессивной политики государства, заставляла их задумываться о судьбах де-

тей в случае повторения ситуации. Так, при выборе профессий детьми Газиза Куватова, их мать делала акцент на то, что профессия должна помогать выжить в любой ситуации. Следует отметить, что формирование жизненной позиции ребёнка в семьях, пострадавших от репрессий и представляющих разные среды, происходило по-разному. Так, внучке Бадыгулжамал Ахметовой, представительницы поколения, воспитанного до революции в благополучном в материальном отношении социуме, внушалась необходимость придерживаться «золотой середины», ничем не привлекая к себе внимания. Но вдова Куватова, Рахилия, бывшая сиротой, как и её репрессированный муж, всегда была образцом верности избранного партией курса, требовала от детей во всём стремиться к высшим результатам. Последнее – желание быть лучшими – было характерно для детей репрессированной номенклатурной прослойки и советской интеллигенции и в дальнейшем обеспечило им достойное место на социальной лестнице.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Из опыта работы по сбору и публикации воспоминаний жертв политических репрессий//Памяти жертв политических репрессий. Материалы научно-практической конференции 30 мая 2003 г. Караганда, 2004.– С.73-78; Фактология репрессий: из опыта работы Архива Президента РК./Современное осмысление уроков репрессий 1930–1950-х гг. в Казахстане и проблемы защиты прав человека. Материалы «круглого стола». – Алматы: ОО «OST–XXI век», 2005.– С.38–40; Вклад Архива Президента Республики Казахстан в археографический фонд страны// Асыл мұра.–2008. – № 1 – С.36-39; Архив Президента РК в изучении истории репрессий в Казахстане в первой половине XX в./Память во имя будущего. Сборник материалов форума историков стран содружества «От истории – к современности». – Астана. 2010. – С.339-342; Архив Президента Республики Казахстан и Казахстанское историко-просветительское и правозащитное общество «Адилет»: годы делового сотрудничества /Казахстанское историко-просветительское общество «Адилет»: от тоталитарного прошлого к демокра-

- тическому будущему. – Алматы: 2011. – С.35-39; Белые пятна «большого террора» // Аргументы и факты. – 2012 – 30 мая; В соавторстве с А. Зулкашевой. Из истории депортации в Казахстан // Простор. – 2012. – № 9. Сентябрь.
2. Джагфаров Н.Р. Формирование режима личной, тоталитарной власти в стране (1917–1937 гг.) – Алматы, 2013.
3. Арисланова (Кожакметова К.) «Я горжусь нашей семьёй...» / Политические репрессии и их последствия. Сборник статей и воспоминаний. – Алматы: АП РК, 2009.
4. «...Нечаянно попала в кадр и поняла: кино – моя судьба...» Интервью с Журабаевой С.К. // Ауржан. 2013. №11. – С.2–7.
5. Из истории депортаций Казахстан 1930–1935 гг. Сборник документов. – Алматы: Lem, 2012.
6. Абдрахманова Г. «Я прожила жизнь интересно, но одиноко...» / Страницы трагических судеб: сб. воспоминаний жертв политических репрессий в СССР в 1920–1950-е гг. – Алматы: Жеті жарғы, 2002.
7. «Чистка» 1929 г. высших учебных заведений и техникумов СССР от социально чуждых элементов (по документам Архива Президента Республики Казахстан) // История Казахстана XX века в документах. Сборник. – Алматы: Архив Президента Республики Казахстан, 2005. – С.15–36.
8. Чрезвычайный комиссар: к 125-летию А. Джангильдина. Сборник документов (1916-1923). – Алматы: PrintExpress, 2009.
9. Специалист, хорошо знавший автотранспорт. Николай Фомичёв, Министр автомобильного транспорта КазССР в 1964-1969 гг. // Международные автомобильные перевозки Казахстана. – 2006 – №3(7).
10. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. X том. История Отечества в судьбах его граждан: сборник автобиографий. 1922–1960 годы. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 568 с.
11. Современное осмысление уроков репрессий 1930–1950-х гг. в Казахстане и проблемы защиты прав человека. Материалы «круглого стола». Издание второе, дополненное. – Алматы: ОО «OST–XXI век», 2006.

УДК 93;392

Ершов М.Ф.

*БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт при-
кладных исследований и разработок», г. Ханты-Мансийск,
mfershov@mail.ru*

ВЛАСТЬ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В ТВОРЧЕСТВЕ Е.Д. АЙПИНА

Проблемы анализа произведений художественной литературы как историко-этнографического источника связаны, в ряде случаев, с вопросами традиционной культуры и этнической идентификации. В данной публикации исследуется творчество известного хантыйского прозаика Е.Д. Айпина, тексты которого рассмотрены как исторический источник о судьбах его народа в годы Советской власти. Осознание исторической и социокультурной эволюции, которую претерпевает национальная культура в меняющемся мире, представляет не только академический интерес. Известно, что в XX в. малочисленные коренные народы Севера испытали мощное воздействие извне, которое далеко не всегда было положительным. Нам важно знать не только исторические последствия такого воздействия, но и их восприятие глазами культурных реципиентов.

Строго событийный, статистический и объективистский подходы нередко «заслоняют» подлинную суть явлений. Поэтому для исследователя, в ряде случаев, допустимо и целесообразно обратиться не только к традиционным носителям обычаев и ритуалов, но и к творчеству выходцев из этой культуры, профессиональных литераторов. Нет сомнения, что изучение творчества Е.Д. Айпина настоятельно требует применения междисциплинарных подходов. И такая работа уже началась. Так, например, Л.П. Миляхова и О.К. Лагунова в своих литературоведческих исследованиях акцентируют внимание, на том, что они использовали труды в области истории, североведения, этнологии и этнографии [1: 5-6; 2: 7-9].

Е.Д. Айпин передает мировосприятие собственного народа, для которого природный мир одушевлен. Наиболее полно такая картина представлена в его книге «В тени старого кедра» [3: 115]. Может быть, это самое поэтическое и самое светлое произведение хантыйского писателя, чье творчество трудно оценить как образец оптимизма. На страницах книги предстает удивительный мир, где человек несет ответственность не только за свои действия, но и за каждое слово, обращенное к обитателям тайги. Как подлинный гуманист Е.Д. Айпин противник всякой жестокости. Поэтому писатель в своих произведениях неоднократно осуждает убийство царской семьи большевиками.

Это не есть только частная позиция писателя и общественного деятеля. В мифической картине мира каждое действие обусловлено и за каждым действием неизбежны последствия. В среде носителей традиционной культуры убийство последнего самодержца и его семьи воспринималось, как исторический рубеж и как причина всех последующих несчастий. Наивные и не историчные рассуждения героев Айпина о возможности предотвращения аборигенами трагедии в Ипатьевском доме оказываются строго закономерными в рамках традиционной культуры. Главное - перестать видеть события только с позиций холодной рациональности. [4: 140-149]

Традиционная культура стала своеобразной стартовой площадкой для творческого роста писателя. Так, например, детские впечатления Айпина запечатлены в книге «У гаснущего очага». В этом произведении приводятся оценочные суждения взрослых, в первую очередь бабушки писателя, о произошедших в России революционных катаклизмах. Несомненная заслуга автора заключается в фиксации данных суждений. Здесь нет ничего надуманного, все исторически достоверно. В представлении старшего поколения «время четко делится на два периода – белоцарский и красноцарский. В прошлом остались времена Белого Царя, в настоящем – времена Красного Царя. Но Белого Царя чаще вспоминали добрым словом. Вспоминали по тем добротным вещам, что сохранились с его времен. Это в основном посуда из меди, «хантыйского металла». И в каждой семье имелись и особо ценились

«хантыйского металла котлы» времен Белого Царя. При Красном Царе их почему-то перестали выпускать. Бабушка его не очень-то жаловала. Она открыто ворчала: вот, мол, Красный котлы-то делать никак не научится» [5: 115].

Прагматическое и в тоже время уважительное отношение к вещи здесь опять-таки переплетается с мифическим мировосприятием. В одушевленном мире все взаимосвязано. Низкое качество товаров народного потребления, характерное для советского периода здесь объясняется некой неполноценностью, незрелостью Красного Царя. По мнению бабушки, скорее всего, это мысли реального человека, а не выдуманного персонажа, Красный Царь – не человек. У Красного Царя нет имени. Возможно, это место, которое кто-либо занимает. Он, обезличенный Красный Царь, выступает как инфернальное существо, логика действий которого обычным людям непонятна. Соответственно и созданный по указке Красного Царя колхоз не есть нечто нормальное. «Колхоз – это место... где людям придумывают тяжелую и бессмысленную работу».

В символическом мире бабушки Е.Д. Айпина слово «колхоз» делится на две части. «Кул» - по хантыйски черт, дьявол и «воз» - нарта с тяжелой поклажей. «Первое слово издавна было в языке, а второе принес колхоз, когда на оленьих упряжках начали возить сено, дрова, мерзлую рыбу и мешки с пушниной» [5: 124-126]. Принудительному миру колхоза, этому царству несвободы, бабушка будущего писателя противопоставляла прежнее существование: «Она снова замолкает, будто припоминает, как жили при Белом Царе. А потом неторопливо начинает рассказывать про жить-бытьё в те времена.

Оленей пасли – никто не мешал.

Зверя добывали – никто не мешал.

Рыбу ловили – никто не мешал.

Зимой в Сургут-город на ярмарку ездили, пушнину туда возили.

Порох-дробь, муку-крупу, сукна-ткани на одежду покупали.

В городе в Божий Дом – так церковь называли – можно

было сходить. Никто не запрещал – хочешь молись русскому Богу. Никто не запрещал – хочешь, вернувшись, домой молись в Священном Яру хантыйскому Богу. Никто не запрещал – хочешь, у своего очага молись домашним богам и богиням...

Если ты шаман, можешь взять бубен и шаманить – никто тебя не тронет.

Если ты князь-урт или из княжеского рода, можешь спокойно спать – никто тебя не арестует и в тюрьму не посадит.

Если у тебя есть земля и ты живешь на ней – никто тебя с насиженного места не сдвинет, никто твою землю и твой дом не разрушит» [5: 116].

Особенность многих произведений Е.Д. Айпина – их документальная основа, иногда даже нарочито подчеркнутая. Вопреки законам жанра писатель не боится ввести в художественный текст конкретную географическую привязку, постраничную ссылку на архивный источник, на статистические данные, сухие примечания автора, в которых кратко упоминается последующая, реальная и нередко трагическая судьба литературного персонажа или рассказчика.

Рубежным произведением, систематизирующим претензии коренных жителей к власти, которые возникли еще до эпохи «Большой нефти», стал рассказ Айпина «Русский лекарь». Он основан на истории, услышанной от Иосифа Александровича Сардакова. Рассказ сопровождается авторскими ремарками о дальнейших нелегких судьбах упоминаемых конкретных людей. Главный герой этого произведения вообще не видит никакой пользы от проводимых Советской властью мероприятий на Севере: ни от колхоза, ни от медпункта, ни от школ-интернатов. Для Сардакова они – инструменты угнетения его семьи. Герой рассказа вспоминает своего сына, принудительно направленного в поселковый интернат. Ребенок, насильно оторванный от родителей, на спор раздевшись и босиком пробежав от интерната до лисофермы, простыл и умер. Вывод безутешного отца максимально категоричен. Это самоубийство: «когда мой Старшенький потерял надежду на возвращение домой, в миг, когда сердечная тоска съела все его нутро, он ступил на священный белый снег, кото-

рый – это он знал с детства – ни в коем случае нельзя оскорблять голыми пятками» [6: 151].

«Когда меня первый раз забирали в интернат, - вспоминал как-то Айпин, - я буквально рыдал. Мы жили в юртах на берегу Агана, до ближайшего поселка Варьеган от нас было километров шестьдесят. Я не представлял, как смогу до зимы прожить без матери, отца и крестного. Говорить на родном языке нам в интернате не разрешали. Если у кого хоть слово невзначай вырвалось хантыйское, ребенка ставили в угол. Оленя мы видели только на картинках. Когда на каникулы я возвращался в наши юрты, то целую неделю вспоминал, как правильно ставить снасти. Кому от такой учебы польза была?» [6: 240-241].

Хантыйский писатель постоянно акцентирует наше внимание на насильственности проводимых преобразований. Эти преобразования шли от государства, которое в условиях периодических форсированных модернизаций и по причине отсутствия гражданского общества в России мало интересовалось мнением своих подданных. Систематическое насаждение образования на местном уровне в России началось при Екатерине Великой. И государство в своих преобразовательных усилиях тогда сразу же столкнулось с сопротивлением традиционной и провинциальной среды. Потребовалось три четверти века, чтобы население, по преимуществу русское, осознало выгоду получения образования. У малочисленных коренных народов Сибири этот процесс в XX в. шел много быстрее, с большей долей насилия и породил катастрофические сдвиги в их этническом сознании.

Необходимость в понимании того, что же произошло, приводит героев Е.Д. Айпина к мысли о том, что русские на Севере поголовно – колонизаторы. Отсюда и полемичное, «заостренное» начало «Русского лекаря»: «И среди русских есть достойные...» [6: 124]. Внятно в откровенной беседе с оленеводом ей сформулировал именно «русский лекарь»: «да, мы, русские, самые обычные колонизаторы! Нам нужны не люди, не народы, а их земли. Нужны земли, земли и земли! Но что делать, как быть?! Весь мир прошел через это» [8: 162]. По мнению Сардакова, чтобы быстрее получить землю красные хотят отучить «охотиться, рыбачить и

пасти оленей». Если оленевод станет жить в русском поселке и станет делать русскую работу, ему не будет нужна земля для охоты, рыбалки и разведения оленей [6: 162].

В романе «Ханты или Звезда Утренней Зари» мысль о колонизаторах доведена до предела. Насильственная колонизация рассмотрена в общемировом контексте [7: 305]. При описании положения коренных народов почти нет художественного камуфляжа. Авторская позиция всё чаще выражается прямо, без отсылок к образам литературных героев. Нанизанные на привычный сквозной сюжет (совместная романтическая поездка охотника-ханты и русской девушки-врача) воспоминания формируют картину представлений аборигенов о мире, истории, самих себе, государстве и незваных пришельцах.

Картина эта безрадостна. Низкий уровень благосостояния местного таежного населения, поборы пастухов со стороны колхоза, невозможность пользоваться плодами своего труда. Потемкинская деревня для внешних наблюдателей, не знакомых с истинным положением дел у северных народов. Спаивание коренных жителей, как государством, так и приезжими. Писатель переосмысляет прошлое и настоящее, не выделяя между ними особых различий. Поэтому Кровавый Глаз (районный начальник НКВД), уничтожавший людей в прошлом, и Железный Глаз (большой нефтяной начальник), уничтожающий природу сейчас, по своей сути одинаковы. Они – оборотни. Они оба, по народным представлениям, противостоят живому миру, как людей, так и зверей [7: 164-177].

В «Ханты или Звезда Утренней Зари» сила народа скрыта, она проявляется подспудно, где-то на периферии: в работе, в лесу, за пределами родной земли, например, при участии в Великой Отечественной войне. Народ как бы дремлет, ожидая лучшей участи. Объективно, данная позиция, без предложения какого-либо выхода, ущербна. В следующем романе «Божья мать в кровавых снегах» писатель попытался преодолеть прежнюю ограниченность. Произведение начинается лаконично, как сводка боевых действий: «Остяки терпели Советскую власть ровно семнадцать лет. Потом, когда совсем отчаялись, подняли восстание»

[4: 5]. И в этот роман также включены архивные документы и свидетельства устной истории.

Однако не они составляют основное ядро «Божьей матери в кровавых снегах». Создавая масштабное эпическое произведение, писатель уходит от принципов реализма, множества бытовых частных и исторической достоверности. Фактически Е.Д. Айпин реконструирует мифический мир героев-богатырей. Их сила художественно гиперболизирована. «Угры – это воины-богатыри, не знавшие ни одного поражения в своей древней истории». «Даже самые многочисленные племена татар не рискнули идти дальше на угорские земли и остановились на границе лесов и степей». «Русские побили татар, но не остановились на этом, пошли дальше на север, на обских угров. Но, однако, не смогли одолеть их, не смогли взять их города-крепости. Долго бились, но все тщетно...». Только недостойная хитрость (веселящая вода в бочках) позволила русским одержать верх. Но и после победы, мудрый русский царь не вмешивался в дела остяков [4: 151-154].

Эта, отличная от подлинной истории мифическая картина переносится автором и на события XX в. Напомним, что ранее в «Русском лекаре» главный герой, сильный физически, но униженный духовно и материально, Иосиф Сардаков жаловался, что войну красные вели «не справедливо», «без совести» [6: 134]. Да, жестокие войны XX в. отличались от ритуальных сражений богатырей. «Божья мать в кровавых снегах» идет много дальше «Русского лекаря». В романе происходит регенерация мифа. Здесь у народа-богатыря нет изъянов, есть только отдельные отступники. Космос романа составляет упорядоченный симбиоз множества персонажей. Люди, звери, духи, русские и угорские боги находятся здесь поблизости. Они всегда готовы прийти на помощь друг другу.

Только чрезвычайная запредельная жестокость способна на время сломать их единство. Казымский мятеж под пером Е.Д. Айпина приобретает черты тотального уничтожения, геноцида. Писатель в романе описывает некую полномасштабную войну с участием множества отрядов и с большим числом жертв с обеих сторон. Логика мифа требует от героев свершения запредельных

подвигов, поэтому Матерь Детей страдает не от обычных солдат, а от неких сверхъестественных существ. В романе ее дочь Анна и сын Роман погибают от «огненных камней», сброшенных с аэроплана. Но и это «огненно-каменное чудовище», олицетворяющее зло, должно быть повержено героиней. Мать Детей, все-таки, обязана уничтожить, и уничтожает его [4: 172-183].

Сама она, Сеня Малый и офицер-белогвардеец Белый никогда не будут уязвимы для красных карателей. Они выше обычных людей (близостью к царю, к Верхнему Миру). Эти персонажи, выступают как покровители и союзники северного народа. Как считают этнологи, такие образы особенно важны для слабых и притесняемых народов [8: 322]. Их образы, речь, поступки сакральны. Главная героиня уходит в Верхний Мир отнюдь не от пули красного карателя. Мать Детей стремится воссоединиться в Верхнем Мире со своими детьми. И там они нуждаются в ней, в матери. Противостоящие положительным героям фигуры красных, напротив, мелки, откровенно занижены, вплоть до животного уровня. Эти образы также лишены реализма, их поступки примитивны, а речь профанна. В романе красным, в отличие от ханты и белых, недоступен ни сакральный мир, ни мысли о величии России.

Так что же такое «Божья мать в кровавых снегах»? Антисоветский, националистический и антиисторический роман на историческую тематику? Допустимо ли такое утверждение? Для него есть резоны. Сотни представителей разных национальностей, и не только русских, ехали в советское время на Сибирский Север, чтобы честно работать, лечить, учить, строить, нести знания о новом быте, чтобы узнавать уникальную культуру коренного населения и самим учиться у него. Советский интернационализм, жертвенное многолетнее служение идеалам прогресса тогда не были пустым звуком. За привычной политической трескотней, о некой идеальной дружбе между братскими народами в Советском Союзе, мы забыли о человеческих судьбах, о межнациональных браках, о совместном существовании, не обременённом какой-либо сегрегацией.

На этом пути были плюсы и минусы, было подвижничество,

были жертвы, были невольные ошибки и откровенные преступления. Не опускаясь до разбора множества исторических натяжек и неточностей, присутствующих в произведении Е.Д. Айпина, ограничусь одним примером. Как известно, толчком к восстанию послужили события на священном озере Нумто. Ханты, недовольные появлением здесь посторонних, казнили прибывшую на переговоры группу Астраханцева (5 человек). В романе об этой трагедии упомянуто бегло, скороговоркой: «Группа пропала без вести. Позднее выяснилось, что она вся погибла. Идея уничтожения остяцких богов принадлежала члену этой группы комиссарше Ш., представителю Уралобкома. Размахивая револьвером, постреливая по святыням, она поднялась на священный остров, куда никогда не ступала нога чужеземца. Так была осквернена главная, особо чтимая земля коренных жителей» [4: 172-183].

Полина Петровна (Пинхусовна) Шнейдер (1880-1933), введенная под именем «комиссарши Ш.», была из известной семьи Ремпель, давшей нашему Отечеству несколько видных ученых. И сама она посвятила жизнь народному просвещению. Невозможность полноценной реализации образовательных проектов в царской России привела её в ряды революционного движения. После окончания Гражданской войны она была одним из руководителей народного образования в Крыму. На Урал Шнейдер переехала вынужденно. Её бывший муж, чью фамилию она продолжала носить, опасаясь репрессий большевиков, перебрался в Польшу. Переписку с эмигрантом партийцы поставили женщине в вину. Её командировку на Тобольский Север из Свердловска родственники считали продолжением наказания за отсутствие лояльности [9].

В воспоминаниях о Казымском восстании сообщается, что местные жители предупреждали Шнейдер об опасности агитационной поездки к аборигенам. Обстановка была накалена еще до её приезда на Обский Север. Но и выбора у Шнейдер, по существу, не было: она не могла проехать многие сотни километров и вернуться ни с чем. Для неё это было равно дезертирству. История сохранила слова мужественной женщины: «Я старый большевик и привыкла выполнять приказы партии до конца» [10: 150]. По-

лагаю, что Шнайдер, как могла, пыталась своим участием предотвратить кровопролитие. И – сама, будучи приезжей, не зная местной специфики, стала одним из поводов к кровавой драме.

Строки романа, равно как и сведения информантов, записанные десятилетия спустя, о якобы развязном поведении Шнейдер, оскорбляющей чувства верующих, лишены исторической достоверности. Они созданы *post factum*, для оправдания последующих жестоких действий. Несомненно, что члены группы еще делали ставку на диалог – иначе поездка была бы лишена смысла. Они также отдавали себе отчет о возможных опасностях, но недооценили степень реальной угрозы. Вряд ли у группы Астраханцева было сознательное желание дополнительно обострять и без того непростую ситуацию, нарочитым оскорблением религии аборигенов.

Трагедия Шнейдер (в историческом контексте она типична) заключается в том, что люди, посвятившие свою жизнь быстрому переустройству общества, максимально уязвимы. Они не жалеют усилий для достижения высокой цели и сами становятся её жертвами. Если бы Полина Шнейдер выжила, то выбор жизненных путей, скорее всего, у неё оставался невеликим. Стать одним из палачей Казымского восстания, ведь его причины были куда глубже, чем рыболовство на озере Нумто. Стороны конфликта и до и после гибели группы Астраханцева не были намерены отступать. Аресты аборигенов уже шли, восстание уже готовилось [11: 56-57]. Оказаться, как неблагонадежной, в числе жертв Большого террора. Побывать в обеих ролях. Заметим, что руководитель подавления Казымского восстания судья Чудновский был расстрелян в 1937 г. [12].

Историческая трансформация большевиков и отчасти их посмертных образов проходит по оси: герои – палачи – святые – грешники. Именно последний образ, более характерный для современной России, без критической оглядки на его предшественников, и зафиксирован в данном романе. Мнение, что принцип историзма «определил и стиль изложения, и концепцию произведения» Е.Д. Айпина [13: 56-57], вряд ли оправдано. В этом романе писатель неоднократно грешит против исторической истины. Од-

нако сводить «Божью мать в кровавых снегах» исключительно к исторической фальшивке, субъективному восприятию, фэнтези или триллеру (что было сделано в кинофильме по мотивам романа) также непродуктивно.

Сложность восприятия Казымского восстания заключена в несопоставимости масштабов трагедии для ханты и русских. Восстание русскими было практически не замечено. Оно не отложилось в народной памяти. Мятеж как бы «отсутствует» на верхнем национальном, и нижнем региональном уровнях. Официальная власть, после подавления восстания, и похорон группы Астраханцева предала событие если не запрету, то забвению. Причина здесь легко объяснима: восстание никак не укладывалось в концепцию советского интернационализма. Но и в низовой, неофициальной культуре оно также не было запечатлено. Нет преданий о сочувствии к восставшим, или, напротив, осуждения их жестокости.

Чтобы понять причины подобной «глухоты» достаточно беглого исторического анализа, отсутствующего в романе. Уничтожение церквей, культурные преобразования, индустриализация, коллективизация, когда десятки тысяч русских крестьянских семей были насильственно сосланы на гибельный для них Обский Север - эти и иные великие, «громкие» события заслонили собой Казым, где человеческие потери исчислялись «только» десятками жертв. Кроме того восстание никак не затронуло местное русское население. Для последнего восстание не создавало угрозы, так как проходило в малоосвоенных, необжитых (с точки зрения русских) местах. И в подавлении восстания местные жители также почти не участвовали.

Однако трагедия остается трагедией, вне зависимости от того замечена она или нет. У небольшого этноса, разбросанного по гигантскому малозаселенному пространству, любой контакт вынужденно аксиологически окрашен; он много ярче, чем у тех, кто живет на территории с высокой плотностью заселения. Точно также любая человеческая потеря, в родовых общинах воспринимается много острее, чем в индустриальной культуре. Массовые репрессии против наиболее уважаемой части этноса, его элиты,

надолго остаются в социальной памяти. Заслуга Е.Д. Айпина не в том, что он предельно точно воссоздал в романе события 1933-1934 гг. Это отнюдь не так. Более того, художественный вымысел здесь достаточно часто противостоит историческим реалиям (участие белого офицера в восстании, преувеличенное число жертв, подчеркивание кровожадности красных, роль авиации и т.д.).

«Божья мать в кровавых снегах» отображает не столько некогда бывшие события, сколько их образ и оценку, сохранившиеся в аборигенной среде. Они, несмотря на усилия официальной пропаганды, так и не канули в небытие. И были, в целом аутентично и системно переданы классиком хантыйской литературы. Соответственно, наивные или кровожадные черты красных, присутствующие в романе, воспроизводят не конкретных лиц и даже не обобщенные типы, характерные для того исторического периода. Это мифические образы палачей, представленные глазами их жертв.

Из законов мифа проистекает и наивность в создании противоположного им положительного образа монарха. «Описывая русского царя, - замечают литературоведы Е.В. Косинцева и Н.В. Куренкова, - автор создает ореол величия. За этим ореолом не видно человека» [13: 28]. Миф, по преимуществу, однозначен. Психологическая глубина здесь только вредит. Достаточно вспомнить положительного персонажа романа - офицера Белого. Его почти иконописный образ никак не отнесешь к числу авторских удач данного романа [13: 69]. Данный образ не просто надуман, он находится вне обско-угорской традиционной культуры, являясь плодом авторской рефлексии.

Да, миф, с точки зрения европейской рациональности, всегда наивен. Но без знания своего мифического массива любой социум обречен на распад. Данное положение касается и хантыйского этноса. Длительность исторического существования любого народа настоятельно требует выработки собственной оценки пройденного пути, причем отличной от позиции соседей. Для этого, конечно же, необходим соответствующий инструментарий. И он не может быть произвольно выбран. Миф инстру-

ментален настолько, насколько он отвечает чаяниям и запросам конкретного социума. Миф не может быть создан на пустом месте. В миф нужно верить. И воспроизведение мифа (в том числе в литературном произведении) далеко не всем под силу.

Сила и слабость Айпина заключаются в том, что он возвращает своим сородичам мифы, нужные им сегодня. Ведь прежний мифический массив обских угров уже перестал полноценно функционировать. Старые духи, боги, богатыри, были пригодны для традиционной культуры. В условиях современного индустриального общества они востребованы все меньше. Мифы миниатюризируются, переоплощаются в сказки. Они не могут объяснить представителю малочисленного этноса, как жить и как чувствовать себя в большой, но дезориентированной и разобщенной стране. Традиционные мифы не способны, в большинстве случаев, обеспечить человеку психологический комфорт. Но и расщепленность этнического сознания не может продолжаться бесконечно долго.

Литературное творчество Е.Д. Айпина это, по сути, попытка с помощью слова, художественными средствами помочь своему народу преодолеть чувство этнической неполноценности. С точки зрения этнической психологии, в его книге содержатся такие компоненты, которые можно охарактеризовать как этноопределители. «Значение этноопределителей может меняться с изменением исторической ситуации, - замечает Т.Г. Стефаненко, - например, запрет или вытеснение на периферию властными структурами, способствует их актуализации [14: 246]. Данное утверждение в полной мере применимо к Казыму. Первоначальное замалчивание «неудобного» трагического события, со временем, породило к нему обостренный интерес. Отношение к восстанию стало одним из факторов консолидации этноса. Нечто подобное, например, в свое время, произошло у сербов. Так, поражение на Косовом поле вошло в сербское самосознание, стало частью этнической идентичности.

Кем же тогда выступает Е.Д. Айпин? Каковы истоки самосознания хантыйского писателя? «Творчество художниками мыслится как процесс и акт собственной посвященности в тайну

силы и бессмертия народа, типологически сходный с культурой шаманства, но имеющий собственную традицию, инструментарий и технику» - считает исследователь О.К. Лагунова [2: 38]. Она же вскрыла социально-историческую подоплеку появления подобного феномена в советское время: «Идеологическая доктрина страны предписывала административной машине физическую и духовную поддержку художников из малочисленных народов, идейные просчеты и отклонения могли толковаться как трудности роста инонационального сознания. Кроме того, они действительно были связаны с нередуцированной устной культурой своего народа, рассматривались как уникальные выразители его истории и опыта, а потому не были в положении жесткой разделенности на советское/досоветское, советское/западное, советское/мировое. От них ждали опоры на неизвестную толщу специфической народной культуры, им не надо было преодолевать связь со своим народом.

Модель метода «большой» советской литературы содержала удобную для освоения и трансляции схему, практически совпадающую с выделяемым специалистами набором этнических констант. Она предусматривала, предустанавливала носителя добра (это свой народ и автор как его полноправный представитель), носителя зла (образ чужого, врага), а также обязательность и неизбежность победы добра над злом с примерным перечнем путей достижения победы. Так как сознание мастеров слова младописьменных литератур Севера ориентировано на традиционную культуру, данная схематизация была для них удобна, понятна, она проверялась опытом дописьменной культуры народа, потому не отторгалась и принималась. Реальности жизни самих художников (а именно искусственное изъятие из среды своего народа – интернатская жизнь, армейская служба, обучение в вузе – и почти автоматическое представительство от него в иной среде с неизбежной задачей защиты в этой среде образа народа) подводили их к пониманию идеи активности, действенности позиции автора и героя. Автор (и герой), руководствуясь утверждением правильного выбора, твердостью и последовательностью своей позиции, вплоть до самопожертвования, должен был изменять и преобра-

зовывать обстоятельства, чтобы сохранить в них этнокультурную идентичность» [2: 15-16].

Старая мифическая картина мира, сохраненная северными народами, здесь накладывалась на новые советские мифы. В этой системе национальный писатель выступал в качестве официального посредника, наделенного рядом ритуальных, почти шаманских функций. Но такая форма взаимоотношений не вполне соответствовала их содержанию. Причина: отсутствие обратной связи. Подлинные чаяния народа если и доходили к «верхам», то в сильно усеченном виде. Соответственно, соседство традиционализма с прогрессом было вынужденным, неестественным и временным. Начало кризиса советской государственности совпало с ростом этнического самосознания и поисками иных путей.

«Итак, когда в 1960-е и 1970-е новое поколение северных поэтов учителей и библиотекарей прибыло в центральные и областные столицы, они застали «мир будущего» в состоянии смущения и цинизма. Как все новые элиты, вырвавшиеся из «мира прошлого», они должны были определить свою позицию по отношению к новым братьям (в данном случае к русской интеллигенции) и старым братьям («народу») – задача тем более неотложная, что от официального союза интеллигенции и народа мало что осталось. Некоторые предпочли остаться «западниками», т.е. считали, что национальная элита должна быть равной элите господствующей и что народ должен постепенно, с помощью образования, присоединиться к клубу избранных; но всё больше интеллигентов из числа коренных народов пыталось сформировать особую «пансеверную» идентичность, строившуюся на противопоставлении России» - ядовито резюмирует Ю. Слёзкин [15: 409].

Поиск альтернатив усилил степень авторской свободы. Художественное отображение мира, подталкивало писателей к реконструкции старых и генерированию новых мифов. После развала СССР данная тенденция стала господствующей. Множество литераторов приобщилось к магическим ритуалам, жестам, заклинаниям и чудодейственным обещаниям в политической сфере. Осознание необходимости профессионализма и трезвости

в политике пришло много позднее. До сих пор шаманские, донельзя политизированные, заклинания российских писателей по разные стороны баррикад нередко заменяют у них вдумчивую работу над литературным текстом...

Еремей Данилович Айпин, как большой мастер художественного слова, порвав с прежними традициями, стал новатором в литературе, чтобы отобразить мифическую картину мира своего народа и даже поверить в нее. Парадоксальность здесь присутствует не только у писателя – парадоксальна наша отечественная история. Не случайно, что демограф А.Г. Вишневский емко охарактеризовал гигантские советские преобразования как консервативную модернизацию [16]. Для продвижения в будущее нам – увы! – необходимо постоянно радикально менять собственное отношение к прошлому.

Процесс осмысления и переосмысления российской истории у маститого писателя далеко не завершен. В одном из своих интервью он заявил: «Что ждать югорчанам от Айпина-писателя, спрашиваете? Для меня это важный вопрос. Рабочий вариант названия нового романа «Жизнь на первой Земле». По мифам ханты и манси, во время всемирного потопа птица-Утка достала со дна океана клочок земли. Он дал жизнь сначала югорским холмам, а затем – всему остальному. Поэтому первая Земля – это наш округ». Будущий роман охватит период истории от перестройки до наших дней [17].

Тексты Е.Д. Айпина несут информацию не только для досужих читателей и профессиональных литературоведов. Здесь есть исследовательское поле для специалистов по этнической истории и истории общественного сознания. Не случайно, что эстонец Арт Леэте в книге «Казымская война» многократно цитирует Е.Д. Айпина, споря и соглашаясь с хантыйским писателем, как с историческим информантом [10]. Как же выделить исторически значимую информацию и «отсечь», не востребованный историками, произвольный авторский вымысел? Это возможно, если в обязательном порядке рассматривать историческую динамику и структуру авторского текста. Нетрудно убедиться, что в разные периоды своей жизни писатель был предрасположен к неодина-

ковым способам репрезентации информации.

В его текстах исторические факты и их интерпретации, этнографические подробности и фольклор, судьбы конкретных людей и политическая публицистика плавно перетекают друг в друга. Они проходят через душу писателя и меняют наше общественное сознание. Несомненно, что история советского тоталитаризма может быть лучше понята не только благодаря анализу исторических фактов, но и через призму народной памяти.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Миляхова Л.П. Роман Еремея Айпина «Ханты или Звезда Утренней Зари»: генезис, образный строй, контекст, поэтика. Автореф. дисс... к.ф. н. – СПб., 2008. – 195 с.
2. Лагунова О.К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов в последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Некраги). Автореф. дисс ... докт. фил. наук. – СПб., 2008. – 42 с.
3. Айпин Е.Д. В тени старого кедра. Рассказы на хантыйском и русском языках – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1981. – 96 с.
4. Айпин Е. Божья Матерь в кровавых снегах – Екатеринбург: «ПАРКУС», 2002. – 304 с.
5. Айпин Е.Д. У гаснущего очага: Повесть в рассказах о верованиях, обычаях и преданиях народа ханты (остяков) Обского Севера – Екатеринбург: ЗАО «Фактория Арктики», 1998. – 256 с.
6. Айпин Е.Д. Клятвопреступник. Избранное: Роман и рассказы – М.: Русло, 1994. – 430 с.
7. Айпин Е.Д. Ханты или Звезда Утренней Зари. – М.: Мол. гвардия, 1990. – 334 с.
8. Налчаджян А.А. Этнопсихология. 2-е изд. – СПб.: Питер, 2004. – 381.
9. Ремпель П. Электронный ресурс: окно доступа URL: <http://www.gempel: gempel.livejournal.com>. (дата обращения: 20.01.2014).
10. Леэте А. Казымская война: восстание хантов и лесных ненцев против Советской власти – Тарту. – 286 с.
11. Ерныхова О.Д. Казымский мятеж (Об истории Казымского

восстания 1933-1934 гг.) – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. – 157 с.

12. Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898-1991. Электронный ресурс: окно доступа: URL:<http://www.knowbysight.info/BBB/> (дата обращения: 21.01.2014).

13. Косинцева Е.В. «Все в этом мире от Бога...»: роман Е.Д. Айпина «Божья мать в кровавых снегах» – Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. – 143 с.

14. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 368 с.

15. Слёзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 512 с.

16. Вишневский А.Г. Серп и Рубль: Консервативная модернизация в СССР – М.: ОГИ, 1998. – 433 с.

17. Айпин Е. Всё бы хорошо, но...//Новости Югры (Ханты-Мансийск). 2014. №4, от 16 января.

УДК 94(574)

Ефремова-Шеришкова Н.А.

Академия ВЭГУ, г. Томск, shna16@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ОТНОШЕНИИ НЕМЦЕВ КАЗАХСТАНА

С момента установления советской власти внутренняя политика государства строилась на принципах расширения своего политического влияния на все сферы жизни общества. Делалось это в том числе за счет разворачивания масштабной репрессивной политики по отношению к собственным гражданам.

Немецкая община в Казахстане начала формироваться с середины 60-х годов XIX века. Колонисты приезжали в Степной край, надеясь получить большие земельные наделы, так как в ме-

стах, где они проживали ранее, земель, пригодных для ведения аграрного производства не хватало. Небольшая часть переселенцев, переехав в Казахстан, стала заниматься промышленным производством. Наибольший поток переселения в Степной край вызвала столыпинская аграрная реформа 1906-1910 гг. Перед Первой мировой войной немцы стали одним из наиболее крупных народов, населявших дореволюционный Казахстан, вписавшихся в экономическую жизнь региона, сохраняя при этом свою идентичность.

Отношение к немецким колонистам со стороны царских властей было крайне противоречивым: от всемерной поддержки переселяющихся в восточные районы империи до резкого противодействия переселению, связанному с ухудшением отношений с Германией и затем начавшейся Первой мировой войне, где она была основным противником Российской империи.

Пришедшие к власти большевики вынуждены были заниматься национальными проблемами: привлечение на свою сторону нерусского населения России, составлявшего в то время большинство населения страны (57%) [1: 10], было насущной задачей. Поэтому первыми шагами советской власти были принятые им декреты, позволившие ослабить социальную напряженность в стране за счет попытки решения на официальном уровне насущных потребностей народа. Наряду с провозглашенными декретами о мире и о земле, 2 (15) ноября 1917 г. СНК РСФСР была принята Декларация прав народов России, отменявшая все национальные и религиозные привилегии и ограничения, провозглашавшая право на самоопределение для всех народов бывшей Российской империи [2: 39-41].

Законодательно закрепило политику советской власти принятие первой Конституции (1918 г.), в тексте которой (Гл.5, ст.22) признавались равные права всех наций [3: 308] и в том числе на создание автономий в составе РСФСР (Гл.5, ст.11) [3: 307]. В документе также содержался перечень утвержденных народных комиссариатов - органов, на которые непосредственно возлагались руководящие и управляющие функции. Признавая важность решения национальных проблем, Конституцией был узаконен

Народный комиссариат по делам национальностей [3: 310-311], созданный еще в ноябре 1917 г. [4: 37].

Однако необходимо отметить и тот факт, что Конституция 1918 г. прямо или косвенно нарушала права всего населения. Основной закон провозглашал новый тип демократии – классовый. В результате гражданских прав были лишены все зажиточные люди, среди которых было много представителей немецкого этноса, владевших крупными и средними хозяйствами, промышленными предприятиями, ремесленными мастерскими и т.д. Однако и для крестьян Конституция не стала документом, защищавшим их права. Пытаясь в аграрной стране повысить роль рабочего класса, пришедшие к власти большевики провели положение о том, что рабочие имеют преимущество при выборах перед крестьянами [3: 309]. Это можно проследить по процентному выбору депутатов на участие в работе Всероссийского съезда Советов – высшей власти в СССР. Из городских Советов выбирался один депутат на 25 тыс. избирателей, для сельского населения цифра была в пять раз меньшей – один депутат от 125 тыс. избирателей. Большая часть немецкого населения страны традиционно занималась сельским хозяйством, а потому имела немного шансов участвовать в работе властных структур. Для немцев, проживавших в азиатской части России, вхождение во властные структуры было объективно затруднено еще и тем, что там все преимущества при отборе в руководящие органы имели представители местного казахского населения, в менталитете которых принадлежность к руководству имела крайне высокую значимость.

Становление советской государственной системы требовало формирования особого государственного аппарата, строго-централизованного, жесткого и охватывающего все сферы жизни. Для того, чтобы создать подобную систему управления, необходимо было максимально упростить социальную структуру общества. Самой простой стратификационной системой является 2-х уровневое классовое деление общества. Именно такое классовое общество и стала строить советская власть. В национальном аспекте это проявилось в идее об однородных «социалистических нациях», которые затем должны были слиться в одну

социальную общность «советский народ». Деятельность по осуществлению этого замысла объективно распадается на две части: с одной стороны, необходимо было ликвидировать классовых врагов среди представителей конкретных этносов, с другой стороны, вовлекать представителей местных этнотерриториальных групп в управление страной. В многонациональном Казахстане привлечение этносов на сторону советской власти было особенно важным. Инструментом такого вовлечения в партийно-государственные структуры была политика коренизации, предпринятая государством в середине 1920-х гг. Факт признания советской властью особой важности проведения мероприятий по коренизации подчеркивается во многих документах партийно-правительственного назначения. В партийных инструкциях того времени подчеркивалось, что только правильный подход к национальным проблемам поможет развернуть в Казахстане строительство социализма [5: 211], что политика коренизации государственного аппарата является важнейшей частью государственной национальной политики [6: 53]. Однако привлечение во власть представителей местного казахского населения было объективно затруднено тем, что автохтонный этнос не имел достаточного количества образованных людей, индустриальных рабочих, которые были способны заниматься управленческой деятельностью. В 1924 г. во всех властных структурах Казахской автономии работало всего 8,3 % представителей коренного этноса [7: 134]. В этих условиях власть вынуждена была обращаться к представителям иных национальностей, проживающих на территории региона. Большое внимание уделялось ведению среди компактно проживающих этносов, разъяснительно-пропагандистской работы на родном языке [6: 62].

Привлечение немецкого населения к участию в партийно-государственных структурах стало для советской власти особой проблемой. В условиях восстановления народного хозяйства после гражданской войны, важной представлялась проблема обеспечения страны продовольствием. Рост сельскохозяйственного производства в немецких колониях был в целом выше, чем по всей стране. Если же сравнивать темпы восстановления хозяйства в

самых крупных этнотерриториальных общинах Казахстана (русских, украинских и немецких поселениях), то темпы роста сельскохозяйственного производства у немецких колонистов были значительно выше [8: 93]. Потребительская кооперация в среде немцев-колонистов была распространена в три раза шире, чем в среде других этнодисперсных групп [9: 97]. Необходимо отметить также, что процесс восстановления хозяйства у немцев Казахстана, по сравнению с другими местами их поселения, шел крайне неравномерно. Это было обусловлено рядом причин. Огромные территории Казахстана позволили им расселиться дисперсно, что не давало возможности оказывать друг другу реальную помощь. Кроме того, переселившиеся немецкие колонисты разнились и в конфессиональном отношении (меннониты, лютеране, католики), что также мешало установлению в их среде тесных контактов и организации системы взаимопомощи и взаимовыручки.

Немецкие колонисты были традиционно лояльны к государству, но при этом всегда жили обособленно. Привлечение немецких колонистов к участию во властных структурах для большевистского правительства представлялось необходимым. Советская власть в 1920-е гг. как никогда нуждалась в поддержке со стороны этнических групп, населявших страну. В 1926 г. предпринимаются первые практические шаги по вовлечению немцев в партийно-государственные структуры. Бюро Казахского краевого комитета партии поручило Орграспредотделу подобрать кандидатов для работы с немецким населением Казахстана [6: 125]. Выполнить это распоряжение оказалось практически невозможным из-за отсутствия необходимых кадров. Сами немцы игнорировали практически любые попытки привлечения их во власть, а у представителей партийного руководства на местах просто не было людей, хорошо владеющих немецким языком. Необходимость владения языком была обусловлена тем, что немецкое население в силу особенностей менталитета жило крайне замкнуто, многие колонисты просто не владели русским языком. Те же из немцев, что были грамотны, владели и немецким и русским языками, понимали непоследовательность социально-экономической политики новой власти и сотрудничать с ней не хотели. Прежде всего,

их глубокое недовольство вызывали мероприятия советской власти в области земельной политики. Несмотря на провозглашенный декрет о земле, объявившей ее собственностью трудового народа, советская власть практически сразу начала перераспределение земельных ресурсов в пользу бедных, отнимая «излишки» земли у более богатых односельчан. Немцы же в своей массе владели большими наделами земли. Возможность ведения крупного сельскохозяйственного производства была основным мотивом их переселения в Казахстан. Власть нарушила традиционные для них формы землепользования и способы хозяйствования и, как результат, немцы доверять такой власти не могли и не хотели ее поддерживать. По мнению А. Германа, у советской власти и немцев практически не было точек соприкосновения [10: 23].

В ответ на чрезвычайные меры по выходу из хлебозаготовительного кризиса 1927-1928 гг., немецкое население Казахстана, традиционно лояльно относившееся к власти, отозвалось актами неповиновения. Отказ сдавать сельскохозяйственную продукцию представителям власти, утаивание части урожая – это были те формы сопротивления, которые повсеместно применяли законопослушные прежде немцы. Увеличение плана хлебозаготовок и единого сельхозналога совпали по времени с очередным неурожаем и сопротивление представителям власти стало практически повсеместным. Правительство стало применять репрессии в виде конфискации имущества и выселения, но провести распродажу имущества раскулаченных в селах было невозможно, поскольку неимущее немецкое население, отказывалось покупать вещи своих односельчан [11: 87.]. Были и случаи оказания прямого сопротивления органам власти [12: 435].

Окончательным оформлением политики советской власти по работе с немецким населением страны стало создание при отделе агитации, пропаганды и печати ЦК ВКП(б) немецкой секции. В Казахстане немецкая секция была создана при Казахском краевом комитете ВКП(б) в 1927 г. и состояла из разветвленной сети областных отделений. С созданием официального органа по работе с немецким населением начинается массированная пропагандистская атака с целью вовлечения их в партийно-государ-

ственные структуры, в строительство социализма.

Наиболее активной была работа немецкой секции в Акмолинском уезде. Связано это, в первую очередь, с тем, что именно здесь проживала основная масса (41,4%) немецкого населения Казахстана.

В других уездах немецкие секции практически не работали, в некоторых уездах их просто не было. Вместе с тем прослеживается тенденция к увеличению количества государственных органов, в работе которых могли бы участвовать представители немецкого населения. В 1926 г. в Казахстане действовали 20 немецких сельсоветов, а буквально через год их количество уже равнялось 42 [13: 12]. Однако работали в этих сельсоветах в основном представители других этнических групп. В части сел, где были созданы немецкие сельсоветы, не проживало и одного немца [14: 39]. Деятельность таких органов управления была чисто номинальной. Количество немцев, участвующих в работе партийных организаций было невелико: из 51 094 человек, проживающих в республике, в 1926 г. – 77 человек, в 1927 – 119 [15: 19-20].

Сотрудничества с советской властью немцы избегали в силу ряда причин. Это и особое отношение немцев к частной собственности, и традиционный индивидуализм. Часть немецкого населения не хотела сотрудничать с новой властью из-за сложившихся религиозных убеждений. Развернутая советским правительством в 1920-1930-х гг. антирелигиозная пропаганда особенно сильно ударила по той части немецкого населения, которая относилась к меннонитам. Религия для них являлась основой мировоззрения и потому религиозные утеснения были восприняты как наступление на сами основы жизни. Советская же власть предприняла попытку воздействовать на немецкое население в идеологическом плане через влияние на детей и молодежь. В связи с этим особым вниманием власти стали пользоваться национальные школы в местах компактного проживания немцев.

Организации обучения подрастающего поколения немцы придавали самое серьезное внимание. Школы с начальным уровнем обучения (чтение, письмо, счет, основы религии) были

практически в каждом немецком поселении. Там, где не было возможности создать школу из-за недостатка средств или малой численности детей школьного возраста, образованием занимались на дому, со священником. Поэтому и уровень грамотности в среде немецкого населения был достаточно высок.

Советская власть занялась организацией школьного обучения в немецких колониях. Школы, уже существующие в них, предлагалось включить в государственную школьную сеть. Там, где колонисты не смогли или не успели построить свои школы, государство начало открывать школы государственные. Но на строительство школьных зданий средств не было, и поэтому школы начали открывать в конфискованных строениях, к которым зачастую принадлежали и молельные дома. Отрицательное отношение немецких колонистов к таким школам было вполне предсказуемым. Они отказывались отдавать детей в такие школы, бойкотировали и те учебные заведения, которые перешли в государственное ведение из-за отсутствия в них религиозного компонента обучения.

Наступление на немецкие школы тем временем продолжалось. Там, где было возможно, поменяли учительский состав. Если не могли найти политически и идеологически ангажированных учителей, школы попросту закрывались [16: 134]. В частности, в докладной записке Казкрайкома ВКП(б) в агитпропотдел ЦК ВКП(б), от 27 сентября 1926 г. говорится о том, что местными властями были сокращены именно немецкие школы [17: 24]. В условиях, когда само количество школ, ведущих обучение на немецком языке, было невелико (24 действующие школы в 1926 г., 30 – в 1927) [15: 22], закрытие части образовательных учреждений выглядело как прямое разрушение советской властью традиционных устоев жизни немецких колоний.

13 марта 1938 г. было принято постановление ЦК ВКП (б) и Совнаркома «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» [18: 53], согласно которому были значительно повышены требования по изучению русского языка для учащихся национальных школ. Национальные отделения, существующие при государственных школах, были

закрыты. В связи с реорганизацией немецких школ было решено также ликвидировать и немецкие отделения педагогических училищ, переведя обучающихся в них на русские отделения [19: 103-104]. Количество немцев, свободно владеющих родным языком, и без того небольшое, в результате этих действий сократилось до минимума.

Параллельно процессу наступления на традиционные немецкие школы, в среде немецкой молодежи велась активная пропаганда за вступление в комсомольскую и пионерскую организации [20: 1-2]. В условиях, когда практически все дети школьного возраста в немецких поселениях посещали церкви и молельные дома, такого рода работа с ярко выраженной антирелигиозной направленностью, также не могла быть позитивно воспринята немцами [11: 108-111].

Все эти мероприятия были восприняты немецким населением как разрушение важнейших для них ценностей - религии и семьи. Отсюда и полный провал идеологической политики советской власти в немецкой деревне.

К концу 1920-х гг. в немецкой среде сформировалось мнение о бесполезности неповиновения властям. Имеющийся опыт переселения на другие территории привел к оформлению в среде немцев идеи об очередной эмиграции. На этот раз направлением перемещения была выбрана Канада. К лету 1929 г. эмигрантские настроения охватили практически всех немцев Казахстана. Усилению переселенческих тенденций способствовали немецкоязычные средства массовой информации. Так, в заметке 1 ноября 1929 г. в издававшейся при ЦК ВКП(б) газете «Дойче Альгемейне Цайтунг», сообщалось о том, что Русско-американское акционерное транспортное общество располагает в данный момент пятьюстами билетами для немецких эмигрантов и ожидает материальной помощи для оплаты еще 81 тыс. билетов [21]. Ноябрьский номер 1929 г. газеты «Гамбургер Френденблат», издающейся в Германии и распространявшейся бесплатно среди немецкого населения Бель-Агачского района Семипалатинского округа, содержал информацию об уже приехавших в Германию 53 немцев из России и о том, что переехать, готовы еще 6 тыс. человек из чис-

ла «русских немцев». Распространил среди немецкого населения региона этот номер газеты учитель села Матвеевка Ф. Бальгейм, снабдив собственными комментариями о возможности эмиграции из России [21].

Присущий немцам здравый смысл не позволял им эмигрировать, не подготовив для переезда семей места проживания и поэтому в их среде преобладала выжидательная позиция [22: 33]. В обстановке ожидания перемен немецкие крестьяне старались максимально подготовиться к возможной эмиграции. С этой целью они стремились рассчитаться со всеми налогами, выполнить все планы по сдаче сельхозпродукции, получить все необходимые для оформления выездных документов справки из сельсоветов. Массовая эмиграция началась осенью 1929 г. Переселенческим движением были охвачены Акмолинский, Сырдарьинский, Семипалатинский, Кустанайский, Павлодарский, Петропавловский, округа. В общей сложности переселиться решили 5037 хозяйств [9: 100].

Силовые структуры советского государства сумели воспользоваться отсрочкой, которую невольно предоставили немцы, затягивая отъезд на новые места проживания. Восприняв массовую эмиграцию немецкого населения как «открытую форму протеста против коммунистического режима» [23: 168], представители НКВД стали насильственно возвращать домой переселенцев [8: 102]. В Семипалатинском округе 53 семьи, пытавшихся выехать в Москву, возвратили на места прежнего проживания. В Акмолинском округе было задержано более двухсот немцев, стремившихся выехать за пределы района. Наибольшее количество выезжающих было зафиксировано в Цюрупинском и Коряковском районах Павлодарского округа. Из них выехало в Москву за получением разрешения на выезд из страны 55 хозяйств (264 чел.) [11: 155].

Государственное политическое управление начало активную работу по выявлению агитаторов, лиц из представителей немецкого населения, пропагандирующих идеи неповиновения советской власти и необходимости срочного выезда из страны [22: 11-12, 14, 29-37; 20, 45]. Партийные власти на местах искали

возможные пути решения проблемы эмиграции немцев. В ряде документов, постановлений, распоряжениях местных властей указывается на предпринимавшиеся попытки выхода из кризиса с помощью позитивных мер: увеличению численности немецких школ, лучшему снабжению немецких поселений литературой на немецком языке, переводу делопроизводства на немецкий язык, выделению поселенцам потребительских кредитов, возвращению «немецкому населению всего рабочего скота» [22: 40-41; 24, 37 и об.]. Предлагались и меры репрессивного характера, в частности, проводить чистки партийных аппаратов от «чуждых элементов» [11: 1-2]. Механизм репрессий совершенствовался в ходе борьбы с инакомыслием немецкого этноса. Следующим шагом властей было замалчивание проблем народа, в результате с 1931 г. даже упоминания о предпринятой немцами попытке эмиграции исчезают из архивных документов.

Возникнувшее государство диктатуры пролетариата развернуло масштабное преследование своих политических и классовых противников. Любое проявление инакомыслия воспринималось как угроза существующему строю. Отсюда и советская национальная политика имела четко выраженный классовый характер. Классовая борьба как принцип политики был отражен и во взаимоотношениях советского государства с другими странами. Немцы России, как представители народа, имевшего свою государственность, оказались втянутыми в самый эпицентр советско-германских отношений. Положение немецкого населения страны было поставлено в прямую зависимость от направленности этой политики. Ухудшение советско-германских отношений, проявившееся после прихода к власти в начале 1933 г. А. Гитлера отразилось на положении российских немцев.

Одним из практических шагов советской власти по искоренению инакомыслия была предпринятая им политика депортации. Изначально депортация применялась преимущественно в отношении лиц, чьи взгляды или практические действия носили антизаконную направленность. Затем депортации стали подвергаться члены партий или религиозных общественных организаций, находившихся в оппозиции к существующему строю. Так,

вскоре выселению в Казахстан, Сибирь и на Урал подверглись представители духовенства, аристократии, творческой интеллигенции, чиновничества. Причиной выселения служила вероятность их классового сопротивления.

После гражданской войны и в период коллективизации Казахстан становится своеобразной резервацией для депортированных [25: 33]. В 1934 г. СНК СССР утвердил инструкцию НКВД о порядке пребывания спецпоселенцев. В ней было определено 20 административно-территориальных единиц, которые должны были принимать депортированное население. Девять из них находились на территории Казахстана [26, С.307-308]. На территорию республики было переселено несколько сот тысяч кулацких хозяйств из России, в их числе были и немцы. В частности, в 1936 г. в Карагандинскую и Северо-Казахстанскую области было переселено с Украины около 16 тысяч немцев [27: 29-30].

Политика репрессий затронула и немецкое население Казахстана. Немецкие традиции землепользования, находившиеся в прямом противоречии с политикой коллективизации, не позволяли немцам быстро организовывать колхозы и эффективно хозяйствовать в них. В их среде продолжало существовать стойкое убеждение, о том, что лозунг «Зажиточный колхозник», выдвинутый советским правительством, возможно, воплотить в жизнь, лишь ведя единоличное хозяйство, занимаясь разведением скота и посадкой овощных культур. Вместе с тем уже с 1934 г. появляются сведения о негативном отношении политотделов к фактам ведения единоличных хозяйств. В частности, начальник политотдела Карабулакской МТС В. Бакунов, сигнализируя в Наркомзем КаАССР о сложившейся ситуации в немецком колхозе «Найдорф», обращает внимание властей на то, что колхозники, ведущие единоличные хозяйства, используют земельные и водные ресурсы в своих интересах, игнорируя потребности колхоза, что говорит о «рецидиве мелкой собственности» [28: 8-9].

В постановлении Бюро Южно-Казахстанского обкома ВКП (б) от 17 ноября 1934 г. содержатся сведения об ужесточении отношения к немцам, проживающим на территории Казахстана. В частности, властям на местах рекомендовано «реагировать самым

решительным образом на малейшие проявления антисоветских и контрреволюционных настроений среди немецкого населения» [29: 10]. В их отношении предлагалось «немедленно принимать самые решительные репрессивные меры: произвести аресты, высылку, а злостных руководителей приговорить к расстрелу» [29: 11]. В этом же документе описывается и ряд других мероприятий, призванных ограничить в правах немецкое население: обязать ввести в школьную программу в немецких школах казахский язык, делопроизводство перевести на русский или казахский языки, потребовать полного прекращения связи с заграничными организациями. Кроме того, секретарям райкомов партии и начальникам политотделов в обязанность вменялось обязательное предоставление ими в обком характеристик на руководителей немецких колхозов и председателей сельсоветов немецкой национальности [29: 10-12].

В архивах того времени содержится немало свидетельств о преследовании немцев за ведение контрреволюционной деятельности, за попытки связаться с зарубежными организациями с просьбами о помощи, за получение от родственников немецкой национальной валюты – марок [29: 1-4, 12]. Преследование немцев, начатое царским правительством в начале XX в., успешно продолжила советская власть.

В целом, первые два десятилетия советской власти ознаменовались усилением давления на немецкие колонии-поселения и в хозяйственно-экономическом, и в политическом плане. Проводимая правительством политика последовательно разрушала традиционные устои немецкой жизни, уничтожала привычные формы хозяйствования, вмешивалась в процессы организации национального обучения и воспитания, пыталась ликвидировать религиозную обособленность этноса.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Герман А.А. Исторические предпосылки современного положения российских немцев // Положение российских немцев в России и в Германии на рубеже XX-XXI веков: Материалы международ-

- ной научной конференции (Саратов, 26-28 мая 2002 г.). Саратов, 2004. – С. 7-20.
2. Декреты Советской власти. Т. 1. – М. : Госполитиздат, 1957. – 626 с.
3. Конституция РСФСР (10 июля 1918 г.) // Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. М.: Проспект, 1997. – С. 305–317.
4. Бурмистрова Т.Ю. Зерна и плевела: Национальная политика в СССР. 1917-1984 гг. СПб., 1993. – 160 с.
5. АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 488-б.
6. АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 487-б.
7. Хмара Н.И. Из опыта национально-государственного строительства в СССР (1920-1930-е годы) //Отечественная история. 2006. № 3. С. 126–139.
8. Волкова Т.П. Эмиграционное движение советских немцев в конце 20-х годов //Свободная мысль. 1993. № 12. – С. 90-95.
9. Волкова Т.П. Взаимоотношения немецкого населения Казахстана и органов власти в конце 1920-х – начале 30-х гг.// История немцев Центральной Азии: Материалы международной научной конференции (Алматы, 9-10 октября, 1997г.). Алматы, 1998. – С.93-104.
10. Герман А. Большевизм и российские немцы //Немцы России в контексте отечественной истории. М, 1999. – С. 284-294.
11. АП РК. Ф.141. Оп. 1. Д. 3243.
12. АП РК. Ф.141. Оп. 1. Д. 2079.
13. АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2242.
14. АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1544.
15. Из истории немцев Казахстана (1921-1975гг.) Сб.документов. Алматы – Москва : Готика, 1997. – 376 с.
16. АП РК. Ф.141. Оп. 1. Д. 1545.
17. АП РК. Ф.141. Оп. 17. Д. 420.
18. Народное образование: Основные постановления, приказы и инструкции / Сост. А.М. Данев. М. : Учпедгиз, 1948. – 478 с.
19. АП РК. Ф. 708. Оп. 2/1. Д. 622.
20. АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2789.
21. Какен А. Протест ногами //Казахстанская правда. 1999. 7 сент.

22. АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2468.
23. Волкова Т.П. Процесс инкорпорации представителей немцев Казахстана в государственные структуры периферийного уровня (20-30 гг.) //Германия - Центральная Азия – Диалог культур: Материалы международной научно-практической конференции. (Алматы, 1-2 нояб. 2001 г.). Алматы, 2002.– С. 164-172.
23. АП РК. Ф. 141. Оп. 17. Д. 407.
24. Алдажуманов К. Куштеп коширу: жымыскы саясат баскыншылык эрекет // Казак тарыхы. 1997. № 4. – С. 33.
25. Рассказов Л.П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в советском государстве (1917-1941 гг.). Уфа, 1994. – 465 с.
26. АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1289.
27. АП РК. Ф. 710. Оп. 1. Д. 217.
28. АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 8109.

УДК 94 (574.42)

Жанбосинова А.С.

*ВКГУ им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск,
sovetuk@rambler.ru*

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ СУДЬБЫ В ЗЕРКАЛЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Советская история как страница имеет две стороны, с одной - победы и достижения, а с другой - трагедия и исковерканные судьбы, и все таки мы с ностальгией вспоминаем ее и понимаем, что это время было самым лучшим в нашей жизни, однако тех, кто помнит и жил в ту эпоху становится все меньше и меньше.

Все дальше от нас советская эпоха, особенна та, что связана с трагичными страницами политических репрессий. Ранее закрытая тема в советской истории выплеснула поток информации, порой полуправды, полулжи о проблеме репрессий. Все стали рассуждать о миллионах репрессированных и приговоренных к

высшей мере наказания с позиции «ГУЛАГа» А. Солженицына и «миллионов», оказавшихся в лагерях Г. Вернадского, без опоры на весомые источники. В публикациях репрессивной политике порой придается массовый, всеобщий характер: преобладание эмоций, политическая идеологизированность настроений авторов порождало тотальную масштабность репрессий. Как это ни странно, но до сих пор многие полагают, что репрессии это только 1937 год, что репрессии связаны с И. Сталиным, с Л. Берия. История требует объективности, честности, те, кто обвиняет И. Сталина, забывают упомянуть фразу У. Черчилля «...взял Россию лапотной, а оставил с атомным оружием», а также совершенно упускают из виду, что ядерные разработки курировал Л. Берия, с приходом последнего в НКВД с 1938 года репрессии пошли на убыль.

К сожалению, методология исследований, посвященных политическим репрессиям, не разработала научный инструментарий и критерии в оценке событий, а что мы понимаем под репрессиями, в итоге общественное сознание не относит депортации, голод и пр. другие явления к политике репрессий. Политические репрессии это не только расстрел и 25 лет ИТЛ, существуют «тихие репрессии», когда за инакомыслие отправляли в дом умалишенных, лишали родины, средств существования и пр.

Октябрьская революция изначально разделила общество на два лагеря, по социальному признаку «бывшие» буржуи и «новые» пролетарии, за условным делением стояли люди, т.н. человеческий фактор. Очень часто спрашивают, а почему до сих пор архивы силовых структур не рассекретят все дела, связанные с репрессиями, каждая папка это не просто допрос, а огромный массив документов, начиная с доноса и кончая справкой о месте и времени расстрела или дате отправке в ИТЛ, и снова за документами стоит незримый человеческий фактор, условно разделенный на обвиняемых и обвинителей.

Экономическая модернизация СССР, начавшаяся в конце 1920-х и усилившаяся в 1930-х, не могла обойтись без насилия и репрессивных акций. Срывы плановых заданий, производственные аварии и многие другие следствия форсированного рывка

послужили основой многочисленных кампаний по выявлению вредителей на производстве, поиску террористов, контрреволюционеров и антисоветчиков, препятствующих социалистическому строительству. Любые негативные явления в жизни советского общества стало, принято приписывать врагам народа. Четвертая власть стала рупором борьбы с политическим противником. В газете «Прииртышский коммунар» писалось, что «Классовый враг, выбитый из колеи, разбитый, но не добитый окончательно, изошряясь в борьбе с партией, с советской властью, протягивает свои руки к партийному билету» [1]. Газеты требовали, искать, разоблачать врага, затесавшегося в партийных рядах, очищать ряды от скрытых белогвардейцев и кулаков.

«Всего по казахстанской партийной организации в ходе проверки партийных документов в 1935 году было исключено из партии 303 руководящих партийных работника республиканского, областного, городского и районного аппаратов и снято с работы 322 чел (20% к наличному составу республиканского партаппарата). Из них как шпион был «изобличен» 1 человек, как бывшие белогвардейские и кулацкие элементы - 109 человек, троцкисты-зиновьевцы - 19 человек, аферисты - жулики - 33 человек, прочие классово чуждые элементы – 60 чел. Всего классово-враждебных и чуждых элементов было разоблачено и исключено из партии 222 человек или 73% к составу исключенных работников партаппарата» [2: 48].

Одновременно в Казахстане началась борьба с представителями казахской интеллигенции и ее пособниками, т.к. они относились к категории «бывших людей» т.е. являлись членами партии Алаш, относились к сословию казахской буржуазии и пр., представляли право-троцкистский зиновьевский блок. Активизировались судебные процессы аналогичные центру, начиная с низовых партийных ячеек, кончая вышестоящими, раздавались возгласы «одобряем-с». В протоколе заседания Бюро Семипалатинского горкомитета ВКП (б) от 28 декабря 1934 года сообщалось, что «Собрание партактива ВКО с глубочайшим негодованием и возмущением отмечает тот факт, что убийцы товарища Кирова принадлежат к числу подонков трижды презренной, под-

лой, двурушнической, контрреволюционной троцкистско-зиновьевской группировке. Собрание одобряет решение Верховного суда о расстреле этой контрреволюционной группы» [3: 4]. Советский аппарат проводил чистку своих рядов от чуждого элемента, не забывая сообщать об этом наверх. «Вследствие притупления классовой бдительности со стороны руководства Облгаготзерно (Богатченко) партийная организация оказалась засорена классово-чуждыми контрреволюционными троцкистскими элементами» [3: 1].

В постановляющей части протокола заседания бюро ВК Обкома ВКП (б) по докладу секретаря Риддерского горкома ВКП (б) о состоянии Риддерской парторганизации говорится: «Обязать Риддерский Горком повысить революционную бдительность в рядах партийной организации против казахского национализма, заострив внимание парторганизации на решительное разоблачение контрреволюционного казахского национализма и фактов проявления примиреченства, либерального отношения к казахскому национализму». Очень удобно было всю вину за срыв пятилетних планов, за простой в строительстве промышленных объектов, за высокий травматизм свалить на вредителей троцкистско-зиновьевского блока. «Данные, которыми располагает прокуратура республики, свидетельствуют о чрезвычайно высоком уровне травматизма в промышленных предприятиях Казахстана. Основной причиной этого является диверсионная и вредительская работа, проводимая врагами народа. Совершенно не случайно уровень промышленного травматизма, особенно значителен на предприятиях, где орудовали контрреволюционные троцкистские, бухаринские и национал-фашистские группы. ... на предприятиях Риддерского комбината в 1936 году было несчастных случаев 1883, в том числе со смертельным исходом 3. В первом полугодии 1937 года несчастных случаев 809, в том числе со смертельным исходом 9. Эти данные следует считать совершенно преуменьшенными, если принять во внимание, что во всех указанных промышленных предприятиях в прошлом орудовали вредители, диверсанты и шпионы японо-германского фашизма, и они, естественно, всячески скрывали действительное наличие

случаев травматизма и полного учета, не вели...пробравшиеся враги народа троцкисты, правые и национал-фашисты вели вредительскую работу, направленную на гибель рабочих (отравление их газами, обвал шахт и т.д.)...» [4: 36-39].

Периодическая печать была заполнена гневными откликами рабочих, названия статей и писем: «Лесорубы клеймят подлых предателей», «Расстрелять», «Врага не щадить», «Сурово покарать подлых троцкистов» призывали уничтожать, расстреливать врагов родины. В газете «Риддерский рабочий» в заметке «На вылазку врага ответим еще большим усилением бдительности» отмечалось, что коллектив Усть-Каменогорского строительного участка дорого Риддер-Рубцовск горячо обсудил сообщение о подлой шпионской деятельности Тухачевского, Якира и др. В своем выступлении рабочие говорили: «Троцкистских бандитов приводят в ярость наши успехи, расцвет счастливой зажиточной жизни в нашей стране. Они хотят превратить нас в колонию фашизма. Но мы будем беспощадно уничтожать всех врагов» [5]. Не ограничиваясь поддержкой партийных организаций и публикациями в прессе, власть активизировала советский народ, путем организации массовых митингов, что должно было означать «народ и партия едины». Заслушав краткое сообщение Прокуратуры СССР о предании суду изменников Родины Тухачевского, Якира, Уборевича и др., каковые пытались предать социалистическую родину иностранной буржуазии ...Состоявшийся из 75 человек митинг колхозников колхоза «Красное знамя» единодушно требует от прокуратуры и ВС СССР как врагов народа высшей мере наказания, расстрел ...[6: 16].

Повседневная история советского человека это не только рабочие будни, но и активное участие в агитационной деятельности, партработники были пропагандистским рупором власти, немалую помощь в этом им оказывали советские плакаты, последние служили наглядным пособием отношения партии к политическим событиям. Они воздействовали на общественное сознание, побуждали к действию, демонстрировали, как например «История РКП (б) в плакатах» издание Коммунистической академии и Музея Революции, составителем плакатов был научный

сотрудник Музея Революции С. Лившиц.

1. «РСДРП в годы реакции 1907-1911 гг.».
2. «Эпоха Звезды и Правды 1911-1914 гг.».
3. «Партия в годы империалистической войны 1914-1916 гг.».
4. «1917 год от февраля к Октябрю».
5. «1918 год - начало гражданской войны».
6. «1919 год - Советской России».
7. «1920 год - Окончание гражданской войны».
8. «1921-1922 гг. - начало НЭПа».

Вышеуказанные плакаты использовались клубом рудника Алкабекского Рудоуправления «Алтай-Золото» с 1929 года. Парторг рудоуправления Жамбулов, когда старатели, участники слета ударников старательских артелей, проходившего 22 апреля 1935 года рассматривали плакаты во время перерыва, подойдя к ним, по этим плакатам стал объяснять историю партии, говоря, что «Троцкий, состоя в рядах РКП (б) создал в ней меньшевистскую группу и боролся против партии, индустриализации страны и союза рабочего класса со средним крестьянством». На одном из этих плакатов был изображен Л. Троцкий, а под снимком надпись «Л. Д. Троцкий – организатор Красной армии». Главный инженер рудоуправления, обративший внимание на плакаты с изображениями «контрреволюционеров», сказал Жамбулову, что «эти плакаты теперь вышли из употребления и должны быть изъяты, т.к. на них имеются портреты «контрреволюционеров Троцкого, Каменева, Зиновьева». На что Жамбулов заметил, что в них ничего особенного нет, они имеют лишь историческое значение и являются наглядным пособием [7: 83]. За несвоевременное изъятие «диверсионных» плакатов в первую очередь пострадал парторг рудоуправления, пропагандировавший троцкистов.

Даже расстрельная перепись 1937 года оказалась вредной, ввиду слишком «неправдоподобных» статистических данных, что было объяснено так «Перепись населения 1937 года Правительством была отменена, так как она была проведена вредительски. Враги народа, руководившие проведением этой переписи, сделали ее для того, чтобы извратить успехи, достигнутые СССР

под руководство нашей партии. Вредительство шло главным образом по линии игнорирования подготовительных мероприятий к переписи. В результате по Казахской ССР было пропущено 2 тысячи населенных мест и по нашей области 116» [8: 135].

1937 год в истории по праву считается самым зловещим годом, это символ эпохи, когда народ стал врагом народа. В исторической литературе принято считать февральско-мартовский пленум 1937 года – началом «Большого террора». И. Сталин в своем выступлении обосновал необходимость массовых репрессий ввиду наличия в стране огромного количества саботажников, вредителей, диверсантов, шпионов, еще раз призвав советский народ к бдительности. Отсутствие в докладе определения «классовый враг» дало простор творческой инициативе на местах. Данное положение подтверждается громкими политическими процессами, массовыми арестами и названиями публикаций в периодической печати, целенаправленно разжигающими психоз терроромании и шпиономании.

Москва и Усть-Каменогорск казалось бы, два совершенно разных города, разделенных широкими географическими просторами, но именно у нас был найден и разоблачен «враг народа» Матвеев М., волей судьбы в 1930 году он был отправлен на учебу в славную столицу нашей родины, а там «...в Москве систематически давал сведения врагу народа Уборевичу о настроениях студенчества к проводимым мероприятиям, к троцкизму, будучи редактором газеты «Ударный путь», всячески тормозил работу строительства железной дороги Рубцовка-Риддер, искажал передовые статьи» [9: 16-17].

Бесконечная пропагандистско-разоблачительная работа отрывала рабочий народ от работы, срывала графики выполнения планов, вместо того, чтобы вызвать волну широкого гнева, направленную против «разоблаченных врагов», такая деятельность дала обратный эффект.

В спецзаписке Риддерского отдела НКВД от 15 июня 1937 года писалось: «В связи с разоблачением и вынесением приговора по делу контрреволюционной шпионской группы, вскрытой в РККА (Гамарник, Тухаческий и пр.) на Риддерском комбинате,

среди рабочих отмечено ряд нездоровых антисоветских настроений, которые в основном сводятся к тому, что «коммунистам, особенно большим людям, которые стоят близко у руководства страной и Красной армией, верить нельзя, что большинство из них замешаны в контрреволюционных делах – в предательстве».

«Рабочий - «кому верить, честных людей в руководстве партии и правительстве нет, кого не возьми – троцкист или просто шпион-предатель».

«Рабочий - «если Советская власть расстреляет Тухачевского, Корка других, то это будет роковая ошибка, буржуазия это дело так не оставит, они объявят войну за расстрел этих людей, и мы можем оказаться захваченными врасплох, т.к. все наши военные планы за границей известны» [6: 54].

Логика рассуждений и настроений обычного обывателя была прямодушна и незатейлива, действительно раз «враги» оказались на самом верху власти, кому верить, а если их все равно арестовали, то по утверждению газет, все секреты они давно уже выдали, раз их обвиняют в шпионаже.

Трест «Большой Риддер» в планах советско-промышленного строительства тех лет занимал не последнее место, это был затратный экономический проект, имевший стратегическое значение. В сентябре 1934 года Ридерские промышленные объекты посетил С. Киров. В 1935 году комбинат выпустил первый кадмий, включился в социалистическое соревнование, появились свои стахановцы, годовой план был выполнен на 109% и вместе с тем трест находился под пристальным вниманием органов НКВД, что было естественным явлением. Насколько хрупко и шатко положение человека в паутине связующей нити НКВД, человеческая судьба вмиг оказывается на грани репрессивной молотилки и уже статья 58 с расстрелом или приговором на длительный срок.

В одной из областных газет вышла разгромная статья «В тресте «Большой Риддер» неблагополучно». Примеры вредительства: весенняя авария на трубе 42 пикет, выведена в акте как простой недосмотр при изысканиях; дефицитные материалы продаются на сторону: объекты строительства задерживаются за отсутствием тех же материалов умышленно тормозились геоло-

го-разведочные работы в целях скрытия действительных рудных запасов Риддера; саботировалось внедрение механизации Риддерского и Сокольского рудников; умышленно задерживалась реконструкция здания Дробильного отделения [10: 53].

В справке по Риддерскому комбинату «Алтайполиметалл» указывалось, что на данном предприятиях органами НКВД Казахстана ликвидирована «диверсионно-вредительская группа» во главе с главным инженером комбината В.Ф. Вебер, завербованным в троцкистскую диверсионно-вредительскую организацию Анатолием Израэлевичем Кельмансоном, последний бывший директор комбината, до 1936 года занимавший пост председателя Госплана КССР. В 1936 году в декабре он был арестован по обвинению в троцкизме, а далее «бдительные» органы вывели ниточку следствия на Риддер, и местные органы НКВД, получив толчок стали активно искать «врага».

Владимир Федорович Вебер, в своей биографии имел четыре минуса, привлечших внимание силовых структур, во-первых, был немцем по национальности, во-вторых, беспартийным, в-третьих, работал главным инженером Риддерского комбината, в-четвертых, бывал в командировке в Америке. В досье, собранном НКВД указывалось, что он был в десятимесячной научной командировке в Америке, где и был «завербован для шпионской деятельности» в пользу Германии немецким инженером Хольманом. В 1933 году «завербован» вторично А.И. Кельмансоном с целью проведения «диверсионно-террористических акций». Лично им была создана «диверсионная группа», и завербованы начальники цехов Василий Иванович Агеев, Александр Александрович Марков, Павел Александрович Лаброс и другие руководители [11: 58-63].

В докладной записке Наркому внутренних дел КССР комиссару ГБ 2 ранга Л. Залину о В.Ф. Вебере говорилось, что он поднял рудник, был награжден юбилейным значком «15 лет Казахстана». Он выходец из дворянской, привилегированной семьи, имевший в прошлом связь с вредителями, проходящими по делу «Промпартии». Сообщали, что он бывал на приеме у Сталина. По поводу приема у Сталина было громко сказано, т.к. это была

не личная встреча. 4 января 1936 года В. Вебер в числе представителей тяжелой промышленности стал участником встречи с руководителями партии и правительства СССР в Кремле, где ему была предоставлена возможность рассказать о достижениях на Риддерском комбинате [10: 48]. Л. Залин выступая на I съезде КП(б)К отметил, что «За последние годы неизмеримо вырос интерес японо-германского империализма к Казахстану. Известно, что троцкистский «выродок» Кельмансон и его сподручный на Риддере «враг народа» Вебер долгое время по заданию иностранных разведок занимались шпионажем. Поджигали и уничтожали склады, шахты, электростанции, совершали крушение поездов, затапливали шахты, вредили в финансировании МТС и совхозов» [12].

В составе «диверсионной группы» оказался В.И. Агеев, работавший начальником горного цеха Риддерского комбината, когда направленный в командировку во Францию, Америку, Германию. Ему припомнили восхищение заграничными условиями работы горных рабочих, восхваление промышленных достижений «проклятых буржуев», для органов НКВД являлся потенциальным шпионом, очень удобным для разработки.

Принадлежность к категории «бывших» А.А. Маркова, сын крупного заводчика, работавшего главным механиком; П.А. Ламброса работавшего начальником механического цеха, старого уквартовского служащего, якобы «завербованного» представителем Уркварта Лессингом с целью осуществления подрывных операций, стала основанием в обвинении их со стороны НКВД [11: 58-63].

Судя по общим данным следственного дела, все члены «диверсионной группы» занимали высокие должности, позволявшие им проводить вредительские операции, срывать планы и задания правительства, что и пыталась донести до своих читателей газета «Риддерский рабочий», а как она могла объяснить срывы заданий пятилеток, не соблюдение правил техники безопасности, только такими фразами: «Агенты германо-японо-троцкистских бандитов и шпионов, используя нашу беспечность и ротозейство проникли на руководящую работу в комбинате «Алтайполиметалл» (Вебер,

Агеев, Марков и др.) и в течение долгого времени творили свое гнусное черное дело» [13].

Риддерский комбинат не был исключением в общей массе промышленных объектов в СССР, где, как и по всей стране, здесь нарушалась техника безопасности, порой не выполнялись планы. В.Ф. Вебера обвинили в том, что составленные по его указанию рецепты создавали тяжелые условия плавки, и печи застывали («козлы»), выходя из строя на длительные сроки, и одновременно терялось большое количество металлов в шлаках. Он сознательно привел проектно-сметное дело в состояние хаоса; сознательно удорожал стоимость проектирования; умышленно тормозил внедрение механизации строительных работ; умышленно давал заниженные нормы нагрузки на фундамент под здание строящегося завода и пр.; умышленно создавал условия для аварийности; саботировал мероприятия по технике безопасности, при 1600 рабочих – зарегистрировано 255 случаев травматизма и 247 случаев отравлений [10: 48].

В эти годы родилась известная теория судебных доказательств А. Вышинского, где главным критерием виновности обвиняемого считалось соответствие совершенных другими участниками противоправных действий задачам и целям организации, за принадлежность к которой он был арестован. Деятельность сотрудников следственного аппарата была направлена на получение и признание собственной вины арестованным. В качестве механизма силового давления с разрешения ЦК ВКП (б) с 1937 года использовались пытки и истязания.

В августе 1937 года в Риддере была вскрыта «контрреволюционная национал-фашистская организация», в которой активное участие принимали многие жители провинциального городка, организующей основой, которой стали: Тайчибаев Максут бывший редактор местной газеты «Жұмысшы», Мадалиев Есен Али бывший заместитель директора Риддерского комбината «АПМ», Турлубаев Шайхи бывший начальник спецсектора Риддерского комбината «АПМ», Насыров Сейльбек бывший ответисполнитель отдела кадров комбината, Оспанов Темирбай бывший ответисполнитель Семипалатинского Агентства Риддерского комби-

ната «Алтайполиметалл», Алибаев Мукат – бывший инструктор горкома ВКП (б) города Риддера и др.

Слово «бывший» упоминается в архивных материалах НКВД по отношению к арестованным и обвиняемым в «контрреволюционных преступлениях». Этим словом проводилась черта между жизнью до ареста и после ареста, и не было надежды на возвращение к прошлому.

По словам обвиняемых, «цель нашей антисоветской националистической организации состояла в том, чтобы любыми мерами добиваться компрометации русских руководящих работников, добиваться всеми мерами снятия их с работы, и на место их в руководстве ставить своих казахских работников, что мы и делали» [10: 54].

Согласно материалам следственного дела, их организация действовала с 1930 года. «Моя контрреволюционная деятельность, - записано в допросе Ш. Турлубаева, – началась с сентября 1932 года. На этот путь я встал при следующих обстоятельствах: в 1932 году я работал зам. председателя Карагандинского областного комитета союза рабочих железнодорожного шоссейно-портового строительства в городе Акмолинске. В ноябре 1932 года я вошел в контрреволюционную национал-фашистскую организацию, и «все наши контрреволюционные националистические взгляды и вместе с тем разговоры сводились к якобы неправильной национальной политике в Казахстане. Я с целью проведения своей практической контрреволюционной националистической деятельности при оказании реальной поддержки националиста Юсупбекова, выдал Нуртазину 1000 рублей из средств Обкома Союза. В городе Риддере контрреволюционную группу возглавлял видный казахский авторитет националист Мадалиев и не малую роль как руководитель в этой группе играл националист М. Тайчибаев».

На вопрос: «Какие цели ставила Ваша антисоветская националистическая организация? – Шайхи Турлубаев отвечал следующее: «Прямо ответить на этот вопрос я не смогу, т.к. детально посвящен в это не был, но мне известно, что задача нашей организации в Риддере заключалась в том, чтобы сколотить вокруг

себя антисоветский националистический элемент, разжигать среди них и других казахских работников недовольство политикой партии по национальному вопросу, разжигать межнациональную рознь между казахами и русскими, добиваться захвата руководящих должностей и расстановки своих людей на руководящих работах, вызвать недовольство и недоверие к руководству партийной организацией Риддера, где в большинстве находились русские работники, вызвать общее недовольство рабочих казахов условиями Риддера».

На другой вопрос, «Какими путями и методами добивалась Ваша организация достижений указанных целей?», ответ звучал еще нелепее: «...это легально, нелегально использовались случаи для антисоветской националистической пропаганды по вопросам национальной политики, отсутствию роста казахских кадров, зажим и притеснение казахских работников, распространение клеветы на руководство партийной организации Риддера и пр. С этой целью созывался казахский актив, делались замаскированные выступления членов организации на собраниях и выступления в печати» [10: 31-34].

Действительно по инициативе Риддерского горкома партии проводилось совещание казахского актива с участием редактора газеты «Жұмысшы» М. Тайчибаева, заместителя директора Риддерского комбината «Алтайполиметалл» Е. Мадалиева, инструктора горкома М. Алибаева и др. В протоколах было указано, что член антисоветской националистической организации М. Тайчибаев в своем выступлении в мрачных красках говорил о плохих условиях труда казахских рабочих, приводил цифры уменьшения количества казахских рабочих на Риддере, говорил, что ему в редакцию поступают письма, жалобы рабочих казахов на плохие условия, и что никто не принимает никаких мер. М. Тайчибаев дал реальную картину происходящего на комбинате, великодержавный шовинизм по отношению к рабочим казахам допускал факты издевательского отношения, например, просто так ради смеха намазать губы казаху свиным салом, просто так обозвать его оскорбительным словом и пр. [14: 8].

Действительно, будучи редактором газеты М. Тайчибаев

видел то, о чем писал М. Чокаев [15], имперскую националистическую сущность репрессивной политики партии большевиков. В одном из номеров газеты рассказывалось об оргнаборе казахов из аула, попавших в распоряжение Андреева, которые качались и падали от голода, которые использовались на самых грязных и тяжелых работах, которым просто не выплачивалась заработная плата [16].

Решением Бюро горкома Риддера М. Тайчибаева исключают из партии, отбирают партийный билет, и аннулируют партдокумент с № 1582355 и поручают следственным органам провести подробное расследование националистической деятельности М. Тайчибаева в Риддере. С целью обезопасить себя, Бюро горкома в постановляющей части решения записал: «признать, что пребывание на посту редактора газеты «Жұмысшы» в течение шести лет афериста и националиста М. Тайчибаева явилось результатом притупления бдительности руководства горкома» [17].

Рупор народа, глас народа газета «Жұмысшы», ныне газета «Дидар», в лице М. Тайчибаева видела свою задачу в целенаправленном объективном освещении политических, экономических событий в Риддерском регионе.

М. Тайчибаев типичный пример человеческой судьбы тех лет, сын крупного бая Тайчибая, который при царизме 18 лет был волостным управителем, владел большой площадью земель в Атбасарском уезде под названием «Тайчибаевский Шунгурколь», имел несколько батраков. До приезда в Риддер М. Тайчибаев во второй половине 1920-х годов работал в качестве заместителя председателя Губернского союза Рабземлес, затем был народным судьей в Атбасаре и Акмолинске, работал помощником Акмолинского прокурора, председателем Атбасарского профбюро. Столь поразительный разброс в профессиональной сфере объясняется нехваткой кадров в период активного социалистического строительства в Казахстане, политикой коренизации. Все вопросы, связанные с назначением и переброской кадров из одного места в другое, находились в ведомстве Крайкома, например, письмо Крайкома от 9 июля 1931 года, где говорится «Тайчибаева немедленно откомандируйте, согласно решению Крайкома он передает-

ся на газетную работу». Подпись Цветков [17].

7 июля 1937 года Риддерский ГО НКВД производит арест Тайчибаева Максута, его семья, супруга Нагима, сын Беккет, дочери Роза и Рая, где старшему ребенку было 9 лет, а самому маленькому всего 2 года, остались в полной изоляции, как семья врага народа. Одновременно с ним и немного позже были арестованы Есен-Али Мадалиев – 7 сентября, Сеильбек Насыров – 20 сентября, Шайхи Турлубаев – 21 сентября, Мукад Алибаев – 14 октября. Аресты продолжались, начавшись с единичного следственного дела, и расширились до массового по велению приказа №00447 [18].

VII Пленум Казкрайкома КП(б)К указал, что «казахские националисты являются агентурой японского фашизма, союзниками контрреволюционных троцкистов», применяют те же методы – вредительство, шпионаж, диверсию. В материалах Пленума говорилось о притуплении большевистской бдительности в партийной организации Риддера, в качестве примера приводился арест М. Тайчибаева и его сообщников. М. Тайчибаева обвиняли в безграничном произволе по отношению к сотрудникам редакции, в насаждении методов лживой буржуазной прессы [19].

Глас народа, СМИ активно изобличали, каждый июльский номер газеты «Риддерский рабочий» 1937 года был посвящен «казахскому национализму», названия статей изобличали «феодалные порядки М. Тайчибаева, его национальные взгляды», рассказывали о его дружбе с работниками комбината Турлубаевым и Насыровым, о его связях с Суюнчалиным и Мадалиевым. В заключение, все авторы требовали «до конца расследовать деятельность Тайчибаева и его сообщников» [13]. Содержание отдельных статей было направлено против так называемых «сообщников», в частности в указанной газете одна из заметок была посвящена Е-А. Мадалиеву, партийному руководителю крупного промышленного гиганта «Алтайполиметалл». В прошлом, пишет автор, Е-А. Мадалиев был активным участником контрреволюционной националистической группировки в Казахстане, известной под именем «рыскуловщина» [20]. Органы НКВД расширили связи Е-А. Мадалиева и попутно обвинили его в создании «не-

мецко-фашистской банды» в Урджарском районе, основной задачей которой было насильственное свержение советской власти и образование буржуазного государства [21]. Е-А. Мадалиев был расстрелян 5 марта 1938 года, его обвиняли по статье 58-2, 58-7, 58-8, 58-11 [22].

Обвинения в адрес «контрреволюционной группы М. Тайчибаева» содержали аналогичные пункты статьи 58 УК РСФСР. В марте 1938 года М. Тайчибаев как организатор и руководитель был приговорен к высшей мере наказания. Находясь в тюрьме, Максут Тайчибаев написал письмо секретарю обкома партии Г.К.Курицыну: «Дорогой Курицын. Я с 1 сентября 1931 г. в Риддере. ...Если вы беспристрастный командир. Прошу не доводить меня до смерти. Ибо туберкулез самая опасная болезнь. Я не подлец – поэтому жду. Я должен еще сказать, я воспитывался в котле партии. Должен умереть за дела партии. Должен нести любую тяжесть за дело Ленинско-Сталинской партии, буду бороться за ее генеральную линию до последней капли крови. Этого мужества у меня есть. Я самый скромный коммунист, подхалимства, семейственности у меня нет. Водку не пью. В гостях не бываю... Пусть буду жертвой за тех, кто являются действительными виновниками» [17].

Наивные обвиняемые до последнего надеялись, что они невиновны, обращались к партии как последней инстанции, свято веря, что она уж точно разберется и накажет тех, кто виновен, а их освободит.

Политические методы, используемые правительством в 1930-е годы, были заложены революцией 1917 года, когда превентивные меры, заложничество, круговая порука, принцип коллективной ответственности стали методом революционных репрессий с первых же дней существования советской власти.

Целью всех операций конца 1930-х годов была генеральная чистка страны от социально-опасных, так называемых «бывших» людей, врагов советской власти. Их массовыми арестами и расстрелами ЦК ВКП (б) руками НКВД должен был ликвидировать пятую колонну в СССР на случай будущей войны. Ключевую роль в генеральной чистке сыграл 1937 год, только для этой даты

характерны громкие судебные процессы, активная и непрерывная работа судов, Военных трибуналов, Особого совещания, двоек, троек одновременно и радикально-генеральная репрессивная чистка всего советского общества.

ЛИТЕРАТУРА:

1. О чистке партийных рядов // Прииртышский коммунальщик. - 1935. - № 94 (725). - 6 сентября.
2. Нурпеисов С. Итоги проверки партийных документов // Большевик Казахстана. - 1936. - №2. - С.40-57.
3. АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 8095. 194 л.
4. ГАВКО. Ф. 130п. Оп. 15. Д. 9. 74 л.
5. На вылазку врага ответим еще большим усилением бдительности // Риддерский рабочий. - 1937. - №136. - 17 июня.
6. ГАВКО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 418. 155 л.
7. ГАВКО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 232. 165 л.
8. ГАВКО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 425. 198 л.
9. ГАВКО. Ф. 6п. Оп. 1. Д. 393. 109 л.
10. ГАВКО. Ф. 130. Оп. 15. Д. 10. 100 л.
11. АП РК. Ф. 725. Оп. 2. Д. 43. 63 л.
12. Выкорчевать до конца троцкистско-правую националистическую агентуру фашистской разведки // Риддерский рабочий. - 1937. - №161. - 17 июля.
13. Вскрыть до конца контрреволюционные дела националиста Тайчибаева и его сообщников // Риддерский рабочий. - 1937. - №159. - 15 июля.
14. ГАВКО. Ф. 462. Оп. 4. Св. 10. Д. 88. 59 л.
15. Чокаев М. Туркестан под властью Советов. - Алма-Ата: «Ай-кап», 1993. - 160 с.
16. Жұмысшы. - 1931 год. - №13. - 6 декабря
17. ГАВКО. Ф. 1п. Оп. 2. Д. 4985. 50 л.
18. Дело №1213 // Архив ДКНБ РК по ВКО. Ф. 1.
19. Сокрушительный удар по врагам народа, местным националистам // Риддерский рабочий. - 1937. - №155. - 10 июля.
20. Еще раз о гнилом примиренчестве к контрреволюционному

местному национализму // Риддерский рабочий. – 1937. - №165. – 22 июля.

21. Процесс антисоветской немецко-фашистской банды в Урджарском районе // Риддерский рабочий. – 1937. - №225. – 2 октября.

22. Дело №1219 // Архив ДКНБ РК по ВКО Ф.1.

УДК 908

Жидченко А.В.

*БУК Омской области «Омский музей просвещения»,
г. Омск, Zhidchenko220689@yandex.ru*

БЫТ И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В НАЧАЛЕ 1950-х гг. (по материалам военизированных строительных отрядов Омского городка Нефтяников)

В истории омского Городка Нефтяников и нефтезавода нельзя обойти вниманием сюжет, связанный с тем, что строительство здесь велось заключенными под охраной Военизированных строительных отрядов (ВСО). Документальные источники по истории этого периода закрыты для доступа, а остальные группы источников почти отсутствуют. В т.ч. нет и фотографий, на которых было бы зафиксировано что-либо, прямо или косвенно относящееся к этим страницам истории изучаемого объекта. По идеологическим соображениям и статьи в местных газетах об участии в строительстве нескольких тысяч заключенных, умалчивали. Однако, несмотря на отсутствие фотоматериала, целесообразно остановиться на данном, до последнего времени не исследованном периоде строительства завода и жилого района, т.к. уже после того, как ВСО были частью расформированы, частью переведены в другие экономические районы страны, некоторые из бывших заключенных оставались в Городке Нефтяников, устраивались работать на нефтезавод, создавали семьи, получали отдельные квартиры, одним словом, жили, как и все остальные

нефтезаводчане, за исключением нестираемой временем картиной жизни тех лет, которую им пришлось пережить.

Таким образом, сюжет о жизни заключенных, которых было здесь много, требует отдельного исследования. Ограничивает подобную работу недостаток источников по данному вопросу, так как многие архивы НКВД, МГБ и других структур на сегодняшний день остаются засекреченными, а периодические издания тех лет об этом, разумеется, даже не упоминали, для реконструкции жизни и истории спецпоселенцев, занятых на стройке Омского нефтезавода, приходится ограничиться в основном воспоминаниями старожилов Городка Нефтяников, ветеранов омской нефтехимии.

Однако, ряд архивных документов все же проливает свет на тему использования труда политзаключенных для строительства Городка Нефтяников и нефтезавода. В частности, известно о том, что координировали работы по возведению объектов такие ведомства как Омкстрой МВД СССР и Главспецнефтестрой МВД СССР [2: 257]. Главные инженеры этих ведомств осуществляли приемку зданий, построенных отрядами ВСО.

Директивные методы управления строительством Городка Нефтяников, а также специальные указания на строительство тех или иных объектов, не случайны. Например, в 1953 году Штаб местной противовоздушной обороны сообщал Госархстройконтролю, что управление службы МПВО города Омска не возражало против выдачи разрешения на строительство жилых домов, детского сада и детских яслей в квартале 47 в северном районе города, для нефтезавода, кроме домов № 3 и № 28, регистрация которых задерживалась до специального указания [2: 330а].

В качестве основного подрядчика Омкстрой МВД выступал в начале 1950-х гг. на многих строящихся объектах. 21 января 1953 года был принят в эксплуатацию целый квартал (№ 47), состоявший из пяти 12-квартирных и одного 8-ми квартирного жилого дома, общежития на 25 комнат и детского сада на 100 мест, общей жилой площадью 2848 кв. метров и полезной площадью 4018,04 кв. метров. Главспецнефтестрой сообщал Н.А. Рождественскому [2: 234] в докладной записке, что дома не могли быть

в настоящее время канализованы, несмотря на полное выполнение внутренней канализации, и в связи с этим они были оборудованы временными дворовыми уборными. Главспецнефтестрой МВД СССР просил принять дома с наличием дворовых уборных [2: 237].

Архивные документы свидетельствуют также о том, что силами ВСО производилась реконструкция очистных сооружений Сельскохозяйственного Института, который находился недалеко от места строительства основных объектов нефтезавода и жилых домов Городка Нефтяников. Следовательно, на основании договора с Сибирским сельскохозяйственным институтом имени С.М. Кирова от 29 сентября 1950 года, после реконструкции насосной станции и очистных сооружений, произведенных Омкстроем МВД СССР, «последний обязался бесперебойно и круглосуточно снабжать питьевой водой жителей кварталов поселка нефтезавода» [2: 303].

В СССР в послевоенный период в меньшей степени, чем в довоенный, практика привлечения большого количества заключенных на крупномасштабные объекты строительства была известна и апробирована в различных частях страны. Взаимодействие различных министерств и ведомств с министерством внутренних дел позволяло быстро решать стратегические задачи развития государственной индустрии в условиях плановой экономики. Исключением не стал и Омский нефтеперерабатывающий завод, на территорию строительства которого после Постановлений министерства нефтяной промышленности и соответствующих министерств, помимо строителей и инженеров-нефтехимиков, стали прибывать отряды заключенных.

Для характеристики отрядов заключенных, работавших на строительстве завода и района, обратимся к рассуждениям краеведов: «...Вариантом неэкономического принуждения к труду в советское время были военно-строительные батальоны, в которые в рамках обязательной воинской повинности призывались граждане, негодные к строевой службе. За счёт бесплатного солдатского труда возводились многие ударные стройки. Ту же функцию выполняли и железнодорожные войска. В строительстве не-

фтезавода стройбаты играли определённую роль с середины 50-х по начало 70-х. На западной окраине Нефтяников были отстроены два казарменных городка - ВСО-2 и ВСО-3, примерно на месте нынешней Весны.

Принудительный труд в Нефтяниках в советское время не исчез - только уменьшился в объёмах и видоизменился. Организация строительства возлагалась на строительные тресты, которые в свою очередь достаточно широко использовали дешёвую подсобную силу из заключённых, 'химиков' и бравых рядовых стройбатов. Омская оборонка располагала минимум двумя строительными батальонами, нефтяники же после ликвидации ВСО-2 и ВСО-3 уже не имели доступа к военно-строительным отрядам. Поэтому основным стал труд заключённых поселений, так называемых химиков. На месте нефтезавода, а также на стройплощадках строящихся впоследствии заводов Синтетического каучука, Пластмасс отводились места для казарм химиков. По большому счёту их положение немногим отличалось от бытовых условий прикомандированных строителей, они работали наравне с вольными строителями и получали меньше только из-за того, что не входили в перечень любимцев начальства, которым отдавались самые дорогостоящие работы» [5].

Факт того, что, заводчане и строители первые годы работали рядом с политзаключёнными, сидевшими в лагерях, считается доказанным. На большой территории не только строящегося нефтезавода, но и Городка Нефтяников, они были заняты на строительстве жилых и промышленных зданий. ВСО были созданы специально для их охраны. Среди немногочисленных данных в краеведческих изданиях, а подобная тема осталась без внимания и в изданном уже после перестройки Омском историко-краеведческом словаре [1: 320], историк и краевед М.П. Журавлев в своей книге «Омск вчера, сегодня, завтра» все же называет цифру в 25 тысяч заключённых спецпоселенцев, работавших здесь [3: 164].

Большинство спецпоселенцев Городка Нефтяников отбывали наказания по 58-й статье УК РСФСР: «Контрреволюционные выступления». Согласно первому пункту статьи: «Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к сверже-

нию, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими, на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных республик, рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции» [6]. Под подобную трактовку, как правило, можно было привлечь к ответственности многих уголовных преступников и прочих граждан. Старожилы Городка Нефтяников в целом объединяли их названием «политические заключенные».

«... Вся устоявшаяся активная жизнь города тогда заканчивалась городком Водников. Далее шла обычная проселочная грунтовая дорога до деревни Захламино и однопутная трамвайная колея от Городка Водников до современной остановки «Аграрный Университет». По этой линии ездил одинокий вагон с двойным управлением, т.к. доезжая до конечной остановки, вагоновожатый переходил из одной кабины в другую, ввиду отсутствия путей разворота. А далее перелески, болота, озерки и непролазная грязь хаотически разъезженных дорог. И на всем этом огромном пространстве размещались лагерь и бараки пяти поселков ВСО, где проживала лагерная обслуга со своими семьями, да строительные районы (так назывались индустриальные базы строящего свои объекты военизированный Омскстрой. – Прим. А.Ж.)...».

Не смотря на то, что категории вольнонаемных работников и спецпоселенцев жили и трудились в разных условиях, контакты их друг с другом случались. Взаимоотношения двух категорий работников складывались по-разному, но чаще всего, разговоров они взаимно старались избегать. Андрей Васильевич Стаин, работавший с 1956 года на Маслблоке ОНПЗ вспоминал: «...На Маслблоке у нас был зональный пропуск, до сих пор сохранился. Нас предупредили о строивших его заключенных. Мы пришли, посмотрели, как идет работа их. Заключенные были на 4 ВСО, ныне слева от 7 автохозяйства, отдельно были женщины и мужчины. Много было женщин. Как выведут их..... Заводят нас, бывало, туда, там вышки, охрана, мы придем, посмотрим, а Старший

говорит: Всё, посмотрели, пошли. Они же просят...».

Работавшая тогда в СЭС (санитарно-эпидемиологической станции) Сталинского (ныне Советского района) Зинаида Григорьевна Каревская вспоминала: «...Обслуживала инфекционных больных, в основном заключенных, которых было много, т.к. пили воду с Иртыша и болели тифом, дифтерией. Местность здесь была заболочена и росли карликовые березки. Здесь начали ставить палатки и сюда приезжали строители. Был поселок ВСО (Военизированные строительные отряды – прим. А.Ж.) – 2-й Октябрьский, там было много бараков, поселок Ермак, пос. Заводской (за лесополосой), там были кирпичные бараки, поселок Каучук (на территории строящегося завода СК (Синтетического каучука - прим. А.Ж.)), Док. На берегу Иртыша были бараки – Лесоперевалка, там перевозили лес. В селе Николаевка был колхоз, а уже в 1950-е гг. туда расселяли рабочих. В бараки стали заселяться и рабочие, а заключенных переводили в пос. Юбилейный...». К вопросу о недостатке источников относится то, что в СЭС тогда хранилось много альбомов с фотографиями палаток и первых бараков городка. Но затем они выбрасывались и сжигались, т.к. были никому не нужны.

Почти все, кто приехал в этот район на постоянное место жительства описывают его как место повсеместного расположения бараков, в которых жили заключенные. Число лагерей большинство опрашиваемых вспомнить не могли, но некоторые говорили, что их было 13. Очень хорошо людям запомнилось, что число деревьев в этом месте было чрезвычайно мало. Вся территория будущего Советского района представляла собой «Казахскую степь» с постоянно поднимающейся даже от слабого ветра пылью, а все, что мы видим в городке сейчас, было высажено с началом массового жилищного строительства. Жители, переехавшие сюда между 1952 и 1955 гг. получали новые квартиры в домах, которые по изучению их с помощью визуальных источников в данной работе были отнесены к домам, построенным до постановления об архитектурных излишествах. Однако не все, кто был поставлен на очередь сумели получить квартиры также быстро и им досталось жилье уже в домах типового проектирования, т.е. в

«хрущевках», в связи, со строительством которых была применена уже не квартальная, микрорайонная застройка.

Любовь Михайловна Анохина вспоминала: «...Жили заключенные – вольнопоселенцы в бараках. Бараки были и по проспекту Мира, и в Захламино. Это были обыкновенные одноэтажные бараки, а внутри были нары. И рабочие жили в бараках – 1, 2 –х этажных. Там был коридор, а от него отходили комнаты. Удобства, разумеется все на улице...».

Некоторые из бывших заключенных, но таковых было очень немного, получали затем работу на нефтезаводе, а в перспективе и квартиру. К сожалению, по факту текущих поисков, не было найдено таковых людей, никаких данных о них. Однако сохранились очень насыщенные разными фрагментами о них, воспоминания одних из первых работников нефтезавода. Среди таких людей можно назвать Н.М. Попова, которые работал в транспортном цехе и часто ему приходилось быть свидетелем неприятных случаев, возникавших на территории зон для спецпоселенцев. По мнению Н.М. Попова самым впечатляющим, завораживающим своими огромными размерами объектом в те годы было здание будущей ТЭЦ – 3. Вся эта огромная строительная армада находилась в стороне от всего остального города. Люди, в большинстве своем напуганные обилием лагерей, боялись далее городка водников ступить ногой.

Для того чтобы отразить специфику поведения заключенных в тех случаях, которые происходили в лагерях, а также вольности, которые допускали надзиратели, необходимо привести в пример отрывок воспоминаний Н.М. Попова: «...В психику людей был вселен какой-то непонятный магический страх. Колючей проволоки и на самом деле было много. Много потому, что лагеря, кроме своей огороженной территории со всеми своими лагерными атрибутами, где находились спальные бараки, имели также огороженные по всем правилам ГУЛАГ(а) территории, где заключенные работали на возведении строящихся объектов. Но, а поскольку самих лагерей, как субъектов было много (лично у меня в карманах по долгу службы было пять пропусков в различные лагеря) территория будущего завода, как и другие строя-

щиеся объекты, была разгорожена на множество зон. Находясь в гуще событий тех лет, я был свидетелем таких изуверств, от воспоминания которых и сейчас стынет кровь. Об одном из случаев расскажу.

С косой холодный осенний дождь свирепо сек по изможденным от усталости и безысходности лицам, не оставляя сухой нитки на замызганных, пропахших потом и вонью, истертых, истерзанных временем заводских бушлатов и ватников. Этап по шестнадцать в строю, насчитывающий не менее трехсот измученных беспределом людей, безропотно, почти отрешенно, стоял за воротами рабочей зоны в ожидании бог весть каких команд, окруженный конвоем с автоматами на изготовке. У ног конвоиров, укутанных в плащпалатки, топтались, повизгивая, натасканные псы. Под ногами, переминающихся с ноги на ногу эзков, точнее под исковерканными долгой ноской кирзух и прочей, не пригодной для носки обуви, чавкала липкая, обильно смоченная дождем, грязь. Было очевидно, что этап после рабочего дня конвоируется в жилую зону. Задержка, по всей видимости, состояла в том, что конвой не мог свести концы с концами в подушном счете. Вдруг бессмысленно, совершенно никчемно и потому неожиданно гаркнула, с гортанной хрипотой от недавней попойки, команда, с явно хохлацким акцентом, - Лягай мать вашу..., а над головами эзков, в подтверждении слов, засвистели пули длинной автоматной очереди. Трудно было поверить в реальность увиденного. Но невозможное, в понимании здравого смысла, было выполнено. Огромная масса людей прилипла к тому, что было под ногами, утонула локтями, животом, коленями в хлюпающем массиве. Автор изуверской выходки был полный, как хряк краснощёкий, старшина. Убедившись, что весь строй утонул в грязи, старшина по-хозяйски, не спеша прошелся вдоль лежавших рядов, вдавил хромовым, испачканным в той же грязи, сапогом «несознательного» эзка по уши в лужу и довольный своим превосходством, пробасил: «О це гарно!». А затем уже отлаженной долгой службой криком проорал: «Стать сучи биты!». Стекающая струями вода, шлепки падающей с ватников грязи, вызывала восторг на лице изувера. Но на этом все дело не кончилось. Палач,

упиваясь властью, проорал ту же команду – «Лягай!». На второй раз команда выполнялась менее четко, не смотря на несмолкающую автоматную дробь. Один из зэков (толи уже сил не было свалиться в лужу, чтобы потом снова вставать на ноги, толи отчаяние из-за повторяющегося изо дня в день беспредела толкнуло его на сознательную смерть) остался стоять. Расправа не заставила себя долго ждать. Сбитый ударами пуль, он упал назад на спину лежащего в грязи его такого же, как и он бедолаги. Огромная толпа измученных работой, голодом, беспределом людей, волоча на ногах комья летучей грязи, двинулась, наконец, в сторону вонючих барачных бараков. Убитого зэка где-то в середине толпы тащили, как могли обездоленные, но еще не потерявшие надежду люди. У мертвого этой единственной привилегии отверженных уже не было...».

Разноплановые и содержательные воспоминания старожилов тех дней, которые становились свидетелями тяжелой работы заключенных в сложных природных условиях Сибири дают шанс сформировать более-менее ясную картину жизни спецпоселенцев в Городке Нефтяников. При помощи воспоминаний старожилов создается возможность реконструкции и зонального размещения разных лагерей ВСО.

Интересные эпизоды о жизни заключенных были найдены омскими историками и краеведами-любителями, пользователями сайта «Омский Форум». Там они приводили отрывки из «Экологического романа» Сергея Залыгина: «Совсем накрыла станицу, извела до конца перевалочная база Пятьсот первой: конвои, заключенные в колоннах, сторожевые собаки, зарешеченные бараки, склады, причалы, железнодорожные тупики; и в ночах не засыпало человеческим сном перевалочное Захламино - в ночную пору в недра нефтеналивных барж цепочкой по одному шли и шли зэки. Недели через две-три тех, кто не задохнулся в нефтяных испарениях, выгружали в Салехарде. Суденышки помельче принимали Лабытнаги, из Лабытнаг пешим ходом заключенных гнали на Урал строить Пятьсот первую стройку.

Голубев жил неподалеку от базы, в строениях бывшего земледельческого училища, в виду современного захламинского пейзажа он жил, и в памяти его навсегда сохранились два захла-

минских перевалочных видения.

Первое было: над проезжей дорогой провода строящейся линии электропередачи, на одном из проводов - висельник. Монтажник какой-то ухитрился - повесился на ближайшей мачте, и уже в петле соскользнул в середину пролета между двумя мачтами, в точку наибольшей стрелы прогиба, наибольшего провисания, так обозначается в учебниках это место. С дороги видны были подошвы рабочих ботинок и лицо висельника набок в желтом освещении весеннего солнышка. И так и этак монтажная бригада пыталась коллегу снять, крючками его ловили - не удавалось, с подъемного крана доставали - не достали. Упрямый был висельник, только на третий день с ним упрямились.

Второе было: в июле в ночь на воскресенье на середине Иртыша горит - высоким и ярким пламенем - нефтеналивная баржа с заключенными. Пожар урчит, что-то хлопает, что-то в пожаре взрывается, а между этими хлопками и взрывами - человеческие вопли». Предположение пользователя, опубликовавшего отрывок из романа на форуме, касается возможной срочной переброски рабочей силы из Омска на север, от порта, находившегося здесь же. Там заключенные нужны были для строительства северной железной дороги. Для перевозки людей применялись нефтяные баржи. «...Нефтеналивные баржи невозможно применять для отправки людей под охраной. Не из гуманных соображений, о которых тогда думали меньше всего, а из специфики хранения нефтепродуктов. Пары нефтепродуктов даже при минимальной концентрации взрывоопасны, причём могут воспламениться и взорваться практически случайно - от искры при работающем электрооборудовании, трении металлических частей, от статического электричества. Требуется тщательно изолировать танки с нефтепродуктами путём закрытия всех люков - или же тщательно очищать их от малейших следов содержимого. Закрывать люки танков с целью охраны с людьми внутри - значит обрекать их на смерть от удушья и отравления парами в течение нескольких часов; оставлять всё открытым ради минимальной вентиляции - значит, пренебрегать требованиями охраны. Попытка погрузить и отправить людей в неочищенной должным образом барже за-

вершилась взрывом у самого причала. Вряд ли кого-то наказали за смерть нескольких сотен зеков, но вот уничтожение баржи, причём вопреки всем инструкциям и здравому смыслу, наверняка обошлось организатором рейса, весьма болезненно».

При сопоставлении воспоминаний разных свидетелей тех событий, можно сделать вывод о том, что в первой половине 1950-х гг. вся территория будущего Городка Нефтяников представляла огражденные высоким забором с колючей проволокой блоки, расположенные вдоль строящихся объектов – улиц Серафимовича (будущей ул. Нефтезаводской), Магистральной, Комбинатской (будущей Химиков).

Первоначально заключенными (старожилы называли их по-разному) строились деревянные бараки для хозяйственного, общественного и жилого назначения. Но уже, когда в 1954 году в Городке Нефтяников началось строительство капитальных кирпичных домов, зоны, в которых жили заключенные, были переведены на новые объекты и места. Их силами строились дома по нескольким улицам, ограниченные современными проспектом Мира, улицей Нефтезаводской, Магистральной и Химиков. Этот периметр включает в себе более мелкие улицы и переулки: Грозненскую, проспект Культуры.

Многие дома были построены заключенными полностью от фундамента до внутренней отделки квартир. В одном из таких домов, уже спустя полвека, а точнее 52 года, в 2007 году была сделана находка, заставившая общественность города Омска вновь вернуться к проблеме заключенных, строивших Городок Нефтяников. В одном из домов указанного выше квадрата, находящемся на пересечении улиц Нефтяников (ныне Малунцева) и проспекта Культуры, собственник квартиры, делая ремонт, при бетонировании образовавшихся за долгие годы обходившегося без капитального ремонта здания, обнаружил в одной из стен бумажный сверток, который был аккуратно вложен между двумя кирпичами, а сверху замазан штукатуркой и обклеен обоями, как и вся комната. Являющаяся бесценной находка, спустя всего несколько дней стала предметом репортажа в новостях местной телекомпании «12 канал». Эта находка стала быстро предметом обсуждения

краеведческого сообщества города.

Лист, пролежавший 52 года в замурованной камере под потолочным плитусом, представляет собой сложенный вдвое, а затем еще втрое, с неровными краями, вырванный из большого размера оберточной бумаги кусок, на котором карандашом написано послание потомкам, которые должны были его обнаружить. По крайней мере, об этом свидетельствует текст письменного сообщения.

Текст следующего содержания : «этот дом и городок построен на костях заключенных в 1956 г. Дом сдадут в эксплуатацию в этом году 25 октября, этот шкаф делали 20 сентября 56 г заключение суждение 1-й по приказу от 4/5/47г статья срок 15 лет год рождения 1933.2

2-й осужден 4/6/47 г. статья /4 срок 10 лет год рождения 1909 судят с 1953 г. но до освобождения далеко может, когда кончим 6 и 7 пятилетку коммунизма 20/IX/56 г.».

На другой стороне письма, завернутого в виде конверта другое письменное сообщение: «Может много лет пройдет с этого времени когда кто небудь прочтет письмо заключенных».

Именно исходя из второй части сообщения целесообразно делать вывод о том, что именно потомкам было адресовано данное послание. На сегодняшний день, по прошествии длительного промежутка времени и возможной удаленности авторов письма или их родственников в пространстве, установление личности написавших это письмо двух людей, от имени которых исходит текст сообщения, особой значимости уже не представляет. Разгадать мотивы написания подобного послания не сложно, если углубиться в психологию заключенных, оказавшихся в ситуации строительства нового дома и нового района, в котором будут жить люди, работающие на новом предприятии, а двум заключенным, судьба которых не ясна им самим же, придется отправиться на работу в другое место, после, разумеется, завершения строительства этого и других домов. Оставив после себя в доме, с которым было связано немало созидательного труда, небольшую память, запечатленную на большом листе бумаге крупными буквами, они тем самым увековечили не только свою работу на строительстве

этого дома, но и работу всех остальных заключенных на строительстве домов других, и самого завода с его цехами и установками. Это письмо стало «памятником труда», сил и жертв, потраченных во имя той цели, которую они делали по разным причинам: кто-то по принуждению, а кто-то, будучи настроенным по-коммунистически, с верой в светлое будущее, которое они строили, трудясь здесь для своих же детей и потомков, а на том этапе - для современников.

Мотивы эти могли разниться и в зависимости от личной жизни, предшествующей попаданию в лагерь для спецпоселенцев каждого из авторов письма. То, что письмо было составлено коллективно, многими работниками этого дома, данной квартиры или комнаты, представляется маловероятным, поскольку в таком случае перечислялись бы даты рождения и заключения остальных лиц. Никаких намеков на это нет, и лишь два срока фигурируют в письме, написанным все же, судя по не изменяющимся ни на одной, ни на другой стороне, почерку, повторяемым грамматическим неточностям, например в слове «етот», одним человеком. Возможно, среди заключенных, отбывавших срок по 58-й статье УК РСФСР, было большое число интеллигенции. Однако автора письма, судя по тем же грамматическим неточностям, к подобной группе отнести можно с малой долей вероятности.

Темно-коричневый цвет бумаги, на которой написан текст письма, дает право относить ее к технической, возможно частью мешка от угля, но не предназначенной для письма. Остается неразгаданным то, каким образом у заключенных оказался карандаш. Возможно, это было нормой. Но не вызывает сомнений факт того, что письмо писалось и запаковывалось в предназначенную для него камеру в стене с большой конфиденциальностью и втайне от охранников соответствующего ВСО.

С этой темой связана биография жителя Городка Нефтяников, Виктора Васильевича Балабанова, который был осужден по статье 58, без права переписки. В сборнике «55 шагов. Омский нефтеперерабатывающий завод» была издана статья «Мой номер был С725», посвященная его интересной героической истории.

Виктор Васильевич был участником Сталинградской бит-

вы, боев под Курском и Орлом. За это он получил боевые награды: медаль «За отвагу!» и «За Боевые заслуги». Однако, как рассказывал он в своих воспоминаниях, «Не к месту и не тем рассказал политический анекдот». Во времена И.В. Сталина это очень строго наказывалось, и поэтому молодого фронтовика ждало 25 лет тюремного заключения со ссылкой в Сибирь.

Виктор Васильевич вспоминал: «Мы жили в бараках, что располагались в районе поселка Ермак за три километра от места строительства. На работу шли несколько километров конвойным строем по пять-шесть человек в шеренге под лай овчарок, лязг винтовок, автоматов и окрики конвоиров. Шаг влево, вправо мог расцениваться как побег. Местные жители прозвали нас футболистами», потому что у всех заключенных на спине и на груди лагерной робы значился личный номер. Был он также на кепке, на брюках. Мы не имели имен, мы были номерами. Я, к примеру, отзывался на «С725». Конвойный выкрикивает утром: «С725»!». Я в ответ: «С725» в строю». Вечером, перед тем как вести нас в бараки, снова все повторялось. «С725» в строю, значит, не спрятался, не сбежал, значит, завтра снова приступит к работе.

Все время, что я провел на стройке, обнесенной рядами колючей проволоки, мне казалось, что нас медленно истребляют. Причем лучших представителей нации. О себе скромно умолчу. Я - интеллигент во втором поколении, мой папа был военным фельдшером. Но вместе со мной отбывали срок «шпионы разведок», «дети врагов народа» - замечательные, известные в стране люди. Среди них сын Николая Гумилева и Анны Ахматовой, ставший впоследствии писателем, - Лев Гумилев; певец, один из лучших теноров страны Николай Печковский; талантливый архитектор Иван Киселевский. К Лева Гумилеву мы относились как к большому ребенку, такой он был непосредственный, какой-то с виду беззащитный, не отличался богатырским здоровьем. Поэтому специально старались оставлять его дневальным по казарме, все полегче - не землю ворочать. Работали, не разгибаясь, от звонка до звонка, как говорится. До строительства первых установок АВТ и ЭЛОУ копали траншеи по пять-шесть метров под будущие мощности и для прокладки трубопроводов. Перекидали земель-

ки. По семь-восемь кубометров в день. Никаких выходных у нас не было.

В 1953 году, после смерти И.В. Сталина и расстрела Берии, дышать стало посвободнее. Нам разрешали выписывать газеты, я даже «Сочинскую правду» получал. Сам родом из Пензы, а в Сочи, точнее в Адлере, жил и работал после войны преподавателем начертательной геометрии. Меня тоже освободили «в виду отсутствия состава преступления». Решил вернуться в Сочи.

Но так распорядилась судьба, что в 1955 году пришлось вернуться в Омск. Да так и остался. И знаете, я не держу зла на тех, кто когда-то поспособствовал моему аресту. Без злобы вспоминаю и годы заключения. Более того, скажу как перед Богом (в моем возрасте, а мне за восемьдесят, лукавить уже ни к чему): Омск - лучший город на свете.

Посмотрите, какой славный парк мы построили в Советском округе, как стараемся озеленить улицы деревьями и цветами. Я живу в чудесном месте, на улице Пригородной, у самого Иртыша. У меня на берегу гараж, я лодку из него выкатываю, уплываю на Левый берег и рыбачу. Что может быть лучше, чем с удочкой посидеть?! Можно сразу несколько зайцев убить - пофилософствовать, свежим воздухом подышать, опять же рыбы наловить. На трубы завода люблюсь, горжусь, что вот и мой труд вложен в строительство одного из самых престижных предприятий Омска...» [4: 17].

Таким образом, по проанализированным воспоминаниям и другим источникам, повествующим об истории повседневной жизни ВСО в Омске, мы можем прийти к выводу о тяжелых условиях труда и жизни в этот период. Особенностью быта заключенных здесь были сложности, связанные с суровыми природными условиями в Сибири, а также с тем, что уже в середине 1950-х гг. многим заключенным, отбывавшим здесь наказание, разрешено было остаться на дальнейшей работе на омском нефтеперерабатывающем заводе. Этой возможностью воспользовались многие из спецпоселенцев.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. – М.: Отечество, 1994. – 410 с.
2. ГИАОО. Ф.477. Оп.1. Д.25.
3. Журавлев М.П. Омск вчера, сегодня, завтра. – Омск, 1993. – 247 с.
4. Мой номер был «С725». // 55 шагов. Омский нефтеперерабатывающий завод. - 283 с.
5. Омский Форум Электронный ресурс: окно доступа: URL: <http://forum.omsk.com/viewtopic.php?t=85406&postdays=0&postorder=asc&start=270&sid=19183431338a96fb1f2e55c6492175cf> [Дата последнего посещения: 9.09.2012].
6. Уголовный кодекс РСФСР. С изменениями на 1 июля 1938 г. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938. - 472 с.

УДК 94 (574). 084.6

Жириндинова Қ.Р.

*С. Аманжолов атындағы ШҚМУ, Өскемен қ.,
kuralaikura@mail.ru*

ШЫҒЫС ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ КҮШТЕУ САЯСАТЫНЫҢ ЗАРДАПТАРЫ: АШТЫҚ ЖӘНЕ КӨШІ - ҚОН

Қазақстан тарихында ұжымдастыру зардаптары XX ғасырдың 20-30 жылдарындағы әлеуметтік – экономикалық салаларды қамтыған маңызды мәселелердің бірі болып табылады. Соның ішінде аштық пен босқыншылықтың бәрінен асып түскені белгілі.

Аштықтың салдарынан туындаған демографиялық жағдайды айқындауда 1926 және 1939 жылдары жүргізілген халық санақтарының Шығыс Қазақстан бойынша мәліметтерін негізге аламыз. Бұл санақтар XX ғасырдың 20-30 жылдары Қазақстанда жүргізілген адамгершілікке жат әлеуметтік

тәжірибенің қорытындысы. Шығыс Қазақстан облысының осы кездегі демографиялық жағдайына келетін болсақ, ондағы аштықтың салдарынан құрбан болғандардың санын анықтау әртүрлі қиындықтар тудырып отыр. Себебі, осы кезең аралығында облыстың территориялық-әкімшілік жүйесі бірнеше рет өзгерістерге ұшыраған.

1928 жылы қаңтар айында Семей губерниясы жойылып, Семей округі құрылды. Губернияның бұрынғы уездері мен болыстарынан жаңадан ұйымдастырылған Ақмола, Қарқаралы, Павлодар, Сырдария және Семей округтерінің аудандары құрылды. Семей округіне Жарма, Зайсан, Зырян, Катонқарағай, Күршім, Марқакөл, Риддер, Самар, Тарбағатай, Ұлан, Үбі, Өскемен, Шыңғыстай, Шемонайха аудандары енді.

1932 жылы ақпанда Қазақстанның Орталық атқару комитетінің 2-сессиясының 8 шақырылымының қаулысы бойынша Қазақстан территориясы Шығыс Қазақстан, Қарағанды, Оңтүстік Қазақстан, Алматы, Батыс Қазақстан, Ақтөбе облыстарына бөлінді.

Шығыс Қазақстан облысы орталығы Семей қаласы болып 1932 жылы 20 ақпанда құрылды. Облыс құрамында 21 аудан болды.

1938 жылы Шығыс Қазақстан құрамынан Павлодар облысы бөлініп шықты. Орталығы Павлодар қаласы болды. Ал 1939 жылдың соңына қарай Қазақстан бойынша көптеген облыстар ірілендіріліп, жаңадан облыстар, аудандар құрылды. 1939 жылдың соңына қарай Шығыс Қазақстан облысы- Шығыс Қазақстан (орталығы - Өскемен) және Семей (орталығы-Семей) облыстарына бөлінеді. Шығыс Қазақстан облысы құрамында 14 болды. Осыған орай 1926-1939 жылдардағы әкімшілік - территориялық шекараларды салыстыруда көптеген қиыншылықтар туындайды.

Халық санына тікелей әсер еткен бірнеше факторларды атап өтуге болады: шаруаларға қарсы бағытталған репрессияға ұштасқан бай және ауқатты топтарды тәркілеу, байлар мен кулактарды тап ретінде жою, жер аудару, кеңес өкіметінің күштеу саясатына негізделген салық саясатының дұрыс жүргізілмеуі және аштықтан жан-сақтау үшін қазақтардың шет елге жаппай кетуі

және ұлы нәубет – аштық.

Шығыс Қазақстан өлкесінде аштықтың болғандығын дәлелдейтін мәліметтер кездеседі.

Семей облысы, Шыңғыстау ауданының Казрайком уәкілі С. Аманжоловтың күнделігінде былай деп жазылған: «... Адамдар тамақ іздеп, тұрғылықты жерлерін тастап, жолдың бойында өліп жатты...». Ашыққан ересек адамдардың жаппай қырылуы панасыз балалардың санын өсірді. 1933 жылыдың 20 наурызында тек Ақтөбе облысының өзінде 7 234 панасыз балалар балды. 1932 жылы 25 наурызда панасыз балаларға қамқорлық жөніндегі ХКК ерекше комиссиясының отырысында Халық денсаулық сақтау комиссары мен Халық ағарту комиссариаты арқылы 3 мың баланың 1 100 Семейге және қалғаны Республиканың басқа қалаларына орналастырылды. Соған қарамастан көптеген балалар жұқпалы аурумен ауырды. Тіптен балалар үйі мен интернаттарға орналастырылғандардың ішінде де өлім көп болды. Мысалы, Аякөз ауданында бірнеше айдың ішінде балалар үйінде 401 бала өлді [1: 46.]. Осындай өлім-жітімнің кеселінен біздің өңірдің демографиялық көрсеткіштері күрт төмендей бастады. Мәселен, Абай ауданының 12-ші ауылында 1932 жылы қараша айында 1062 адам мерт болып, 82 сәби дүниеге келсе, желтоқсанда 1102 адам мерт болып, 84 сәби ғана дүниеге келді. Бұның өзі халық санының құлап бара жатқанының бір дәлелі [2: 65.].

Өскемен қалалық, аудандық кеңестерінің алқа мүшесі ретінде қазақ мектебінің директоры Құсайын Орынтайұлына ашаршылық жайлаған аймақтан қоныс аударушыларды орналастыру ісі жүктелді. Оның айтуы бойынша: «Абай, Абыралы аудандарынан көшіп келуші аш-жалаңаштар пароходпен Меновное селосына қарама-қарсы Ертіс жағасына келіп түсті. Олардың түріне қарауға адамның жүзі шыдамайды, жан түршігерліктей. Жер-жерден көліктер келіп, оларды орыс селоларына орналастыру басталды. Көшіп келгендер Березовка, Предгорное, Глубокое, Бобровка, Тарханка, Ульбастрой елді мекендеріне орналастырылды және бұл кезде орыстар мен қазақтар жақсы тіл табысып, шаруашылықтардың экономикасын көтеруге елеулі үлес қосты» - дейді [3: 2].

Халыққа қысым көрсету мен шектен тыс өктемшіл әпербақандық ауыл шаруашылық өндірісін ғана құлдыратқан жоқ, сонымен қатар, Қазақстанның бірқатар жерлерінде наразылық білдіріп қолдарына қару алған шаруалар ереуілге де шықты. Әсіресе, Семей ауданында аса ірі дүрбелең көтерілді. Мұнда 1930 жылдың ақпан-мамыр айларында Зырян, Өскемен, Самар, Шемонаиха, Катон-Қарағай аудандары бас көтерді.

1931 жылы ақпан айының басында Абралы ауданының №6 ауылында Кемпірбаев Ысқақ пен Тұрғанбаев Уайда бастаған ашынған ауыл азаматтарын кеңес өкіметінің жүргізіп отырған саясатына ашық наразылық білдіру туралы шешім қабылдауға мәжбүр етті. Көтерілісті басқаратын 11 адамнан тұратын орталық құрылды. 14 ақпанда көтеріліс аудан жеріндегі ауылдарды түгелдей қамтып, көтерілісшілер саны 700 адамға жетті. Көтерілісті басу үшін Семейден 66-атты әскер дивизионының оперативтік отряды жөнелтілді. Жазалаушылармен таудағы айтыс кезінде көтерілісшілер жағынан 37 адам қайтыс болды. Қылмысты ретінде 274 адам тұтқынға алынып, оларға ПП ОГПУ-дің ерекше үштігі 1931 жылдың 17, 22 маусымында 3, 14 қарашасында, 14 желтоқсанында үкімдер шығарды: 86 адам ату жазасына кесілді. 137 адам еңбек түзету концлагеріне 3 жылдан 10 жылға дейінгі мерзімге қамалды. 10 адам осы мерзімдерге шартты түрде сотталды, тағы 10 адам Қазақстанның өз ішіндегі аймақтарға 3 жылдан 5 жылға дейінгі мерзімге жер аударылды. Абралы ауданы тәрізді оған көрші орналасқан сол жылдардағы Шығыс Қазақстан облысының Шыңғыстау ауданының (қазіргі ШҚО-ның Абай ауданы) жерінде 1931 жылы ақпанда кеңес өкіметінің жүргізіп отырған саясатына қарсы халық толқулары болды. Көтерілісті Медеуов Сәнияз және Торайғыров Емілжан басқарып, оған барлығы 200-ден астам адам қатысқан. Содан кейін ақпан айында бұл көтеріліс Қызыл Армияның күшімен басылып тасталды. Тұтқындалғандардың жалпы саны 189 адам. Олардың ішінен ПП ОГПУ-дің Ерекше үштігінің 1931 жылғы 15 мамырдағы шешімімен 47 адам ату жазасына кесілді, ал 105 адам еңбек түзету лагерлеріне қамалды, Қазақстанның өз ішіндегі аудандарға 3 жылдан 10 жылға дейінгі мерзімге 13 адам

жер аударылды, шартты түрде 23 адам тағы сотталды. Тағы бір ірі халықтың көтерілуі Семей облысының Шұбартау ауданында болған, шаруалар көтерілісі наурыз айының алғашқы жартысында орын алды. Ет дайындау науқанындағы ауыр жоспарлардың негізінен орташалар мен кедейлердің иығына түсуі 600-дей адамның кеңес өкіметіне қарсы бас көтеруін тұғызды.

Аудан аумағына жазалаушы коммунистік отрядтың келіп кіруі көтерілістің кең тарап, етек алып кетуіне мүмкіндік бермеді. №8 ауылда көтерілісшілердің негізгі күші жазалаушылармен кездесіп, қарсылық көрсетті. Ұрыс кезінде нашар қаруланған көтерілісшілерден 7 адам өлді. Көтеріліске қатысушылар қатал жазаланды. ПП ОГПУ-дің Ерекше үштігі өзінің 1931 жылдың 14 мамырындағы және 29 маусымындағы, сондай-ақ, келесі 1932 жылдың 19 маусымындағы үкімдерімен 28 адамды, көтеріліс басшыларын атуға, 66 адамды 3 жылдан 10 жылға дейінгі мерзімге еңбек түзету лагерлеріне қамауға, 17 адамды Қазақстанның өз ішінде 3 жылдан 5 жылға дейінгі мерзімге жер аударуға кесті [4: 207].

Қазақтардың шет елге жаппай қоныс аударуы өлкеміздегі этно-демографиялық жағдайға өз әсерін тигізді. Мәселен, 1930 жылы сәуірде ОГПУ-дың округтік бөлімі Қытайға көшкен шарушылықтар туралы мынадай деректер береді [4: 65]: «1930 жылдың ақпаны мен наурыз айлары бойынша Мақаншы ауданынан 269 шаруашылық, оның ішінде 191 шаруашылық – «барлығы колхозшылар; Зайсан ауданы бойынша 503 шаруашылық, Тарбағатай ауданы бойынша 56 шаруашылық (мәліметтер толық емес болуы мүмкін); екі ай ішінде 2 аудан бойынша (Мақаншы және Зайсан аудандары) бойынша Семейлік Ертіс маңынан барлығы 839 шаруашылық, оның ішінде 772 кедей-орташалардың шаруашылықтары көшкен».

Осы құжаттар жинағында 1932 жылдың 1 қаңтарынан 1933 жылдың 1 қаңтары аралығында шекаралық Тарбағатай ауданынан Қытайға 4460 адам (162 шаруашылық) көшіп, 1865 мал басы әкетілген. Сонымен қатар, осы ауданның Қытайдан Қазақстанға 741 реэмигранты қайтып келгендігі де нақты көрсетіледі [5: 65]. Бұл мәліметтер дәлелді болу үшін, мұрағат деректерінде сақталған

осы мерзімдегі болған фактілерді де ескеру қажет. Мәселен, Тарбағатай ауданының № 4,5,6,1 шекаралық ауылдарында 1932 жылдың көктемінде саяси жағдай күрделі болған. 20 күн ішінде № 6 ауылдан 20 шаруашылық малдарымен көшіп кеткен [6: 48]. Осы ауылдарда аштық белгілері болып, осы мәселені қарастырған бюро мүшелері колхозшылар мен жеке шаруашылықтарға азық-түлік беру және балықпен қамтамасыз етуге бұйрық берген. Яғни бұл бюро шешімінен, шындығында да алыста орналасқан шекаралық ауылдарда аштық болып, сондықтан олардан шет елге кетуге мәжбүр болу фактісін көреміз.

Облыстың мемлекеттік мұрағатының қорларында шекаралық Катон-Қарағай, Зайсан, Тарбағатай аудандарынан Қытайға қашқандар туралы мәліметтер көп-ақ. Олардың ұсталғандарының қарсылық жасағандары сотталған, басқалары аудандық атқару комитеті президиумының мәжілісінде қаралып, оның шешімімен шекарадан 100 километр алысқа, көбінесе Көкпекті ауданына, жер аударылып отырылған.

1931-1932 жылдары аштыққа ұшырап, өкімет тарапынан болған қысымға шыдамаған Тарбағатай өңіріндегі бір дүйем ел Қытайға өтіп кетуге әрекет жасаған. Бұл негізінен Көкпекті, Ақсуат, Аякөз, Үржар елді мекендерінің халқы болатын. Шекарада қызылдар оқ боратып, одан аман қалғандарын осы өңірді мекендеп, өмір сүруге күштейді. Яғни, Ақсуаттың құт-береке дарыған Қызылтас, Қызылкесек өңірінен жер ауған біршама жұрт шекарада тоқтатылып, Көкталға әкелінді. Олардың сол кездегі ұзын саны 500 отбасын құраса керек. Бұл дегеніміз 1374 адам болған көрінеді [6: 4]. Ал, Т.Омарбеков «20-30 жылдардағы Қазақстан қасіреті» атты кітабында ол шетелге кеткендер жайлы толық тоқталады. Соның ішінде Қытаймен шекаралас аудандарына қысқаша сипаттама берелік. 1931 жылы бұлардың жалпы саны 11 болды (бұрын 16 болды). Олар: Алакөл, Лепсі, Октябрь, Жәркент, Кеген, Катон-Қарағай, Зайсан, Тарбағатай, Үржар аудандары, сондай-ақ, Талдықорған және Ақсу аудандарының шекараға жақындау бір бөліктері еді. Шекаралық аудандардағы халықтың жалпы саны 1931 жылы 505 701 адам, яғни Қазақстан халқының 7,33%-і болды. Ал олардың әлеуметтік құрамы төмендегідей еді:

жұмысшылар – 25 510 адам, қызметкерлер – 25 318, колхозшылар – 228 387, кедейлер мен батырақтар – 101 924, орташалар – 79 264 және кулақтар – 45 298 [4: 274-275].

1930 жылы ауа көшуді тексеруге құрылған мемлекеттік комиссия Шығыс Қазақстан облысының 3 шекаралық ауданы бойынша, мынадай қорытындылар шығарған:

1. Зайсан ауданынан - 1238 қожалық;
2. Марқакөл ауданынан – 61 қожалық;
3. Тарбағатай ауданынан – 417 қожалық.

Барлығы 1716 қожалық шекара асқан [4: 177].

Ал енді шекарадан өтерде осы үш ауданнан шекара отрядтарымен қанша қожалықтары ұсталғанына назар аударалық [4: 177]:

1. Зайсан ауданынан – 518 қожалық;
2. Марқакөл ауданынан – 21 қожалық;
3. Тарбағатай ауданынан – 221 қожалық.

Барлығы 760 шаруашылық қолға түскен.

Сонымен қатар, ОГПУ-дың Қазақстан бойынша өкілінің БК/б/ партиясының өлкелік партия комитеті бақылау комиссиясының жауапты қызметкері Столбоваға 1932 жылы 22 маусымда жолдаған хатында Тарбағатай ауданының № 1, 3, 5, 6 ауыл кеңестерінен жиыны 654 үй көшіп, оның 214-і ұсталғандығын және 1931 жылдың наурызында № 4 ауыл кеңесінің таулы аймағынан тұрғындардың түгел көшіп кеткендігі жөнінде айтылған. Ал мамыр айында көшпек болған 37 үйдің 22-сі ұсталғандығы туралы хабарлаған [5: 3]. Мұнда «Қытайға көшкен қазақтарды байлардың басқарғаны туралы әдеттегі голощекиншіл байбалам неге жоқ» - деп таңданбай қоя тұрған жөн. Оның үстіне мұндай басшылар әдетте партия мүшелері болып табылған.

1930 жылы сәуірде ОГПУ-дың округтік бөлімі Қытайға көшкен шаруашылықтар туралы мынадай деректер береді [6, 65 б.]: «1930 жылдың ақпаны мен наурыз айлары бойынша Мақаншы ауданынан 269 шаруашылық, оның ішінде 191 шаруашылық – «барлығы колхозшылар; Зайсан ауданы бойынша 503 шаруашылық, Тарбағатай ауданы бойынша 56 шаруашылық

(мәліметтер толық емес болуы мүмкін); екі ай ішінде 2 аудан бойынша (Мақаншы және Зайсан аудандары) бойынша Семейлік Ертіс маңынан барлығы 839 шаруашылық, оның ішінде 772 кедей-орташалардың шаруашылықтары көшкен».

Осы құжаттар жинағында 1932 жылдың 1 қаңтарынан 1933 жылдың 1 қаңтары аралығында шекаралық Тарбағатай ауданынан Қытайға 4460 адам (162 шаруашылық) көшіп, 1865 мал басы әкетілген. Сонымен қатар, осы ауданның Қытайдан Қазақстанға 741 реэмигранты қайтып келгендігі де нақты көрсетіледі [6: 65]. Бұл мәліметтер дәлелді болу үшін, мұрағат деректерінде сақталған осы мерзімдегі болған фактілерді де ескеру қажет. Мәселен, Тарбағатай ауданының № 4,5,6,1 шекаралық ауылдарында 1932 жылдың көктемінде саяси жағдай күрделі болған. 20 күн ішінде № 6 ауылдан 20 шаруашылық малдарымен көшіп кеткен [7: 48]. Осы ауылдарда аштық белгілері болып, осы мәселені қарастырған бюро мүшелері колхозшылар мен жеке шаруашылықтарға азық-түлік беру және балықпен қамтамасыз етуге бұйрық берген. Яғни бұл бюро шешімінен, шындығында да алыста орналасқан шекаралық ауылдарда аштық болып, сондықтан олардан шет елге кетуге мәжбүр болу фактісін көреміз.

Мұндай жағдайларды өкімет басындағылар да біліп, жергілікті орындарға хабарлама жасаған. Мысалы, округтық атқару комитетінің төрағасы Ярмухамедов 1930 жылы 21 сәуірде «өтө құпия» деген белігімен Зайсан аудандық атқару комитетіне жіберген хатында былай деп көрсеткен [6, 296.]: «Соңғы уақытта шекаралық аудандардағы кеңес органдарына қызметке орналасу мақсаты, кейінірек қызметін шет елге кетуге пайдалану үшін жүргізілетін жағдайлар кездесіп отыр. Сондықтан, округтік атқару комитеті шекаралық аудандарда жұмыс істеу қызметіне қызметкерлерді қатал тексеру негізінде қабылдауды ұсынады. Және ол ОГПУ-мен және Жаркенттегі, Бахтыдағы және Зайсандағы шекаралық күзет органдарымен келісім негізінде жүргізілуі тиіс».

Партия мүшелері бастап Қытайға көшу туралы фактілер өте көп кездеседі. Мәселен 1931 жылы 22 ақпанда Зайсан ауданының № 7 ауылының «Қазақстан» колхозының төрағасы Сибенов Сәми

жергілікті халықты Қытайға көшіруге ұйымдастырған [5: 14]. Осы түні бұл колхоздан 50 шаруашылық, соның ішінде «Қазақстан» колхозының мүшелері көшіп кеткен. Бірақ шекаралық отрядпен 22 адам малдарымен және жеке мүліктерімен ұсталған. Сонымен қатар Голошекиннің өзінің атына жергілікті жерлерден түскен құжаттарда коммунистер мен комсомол мүшелерінің де Қытайға кетіп жатқандары туралы деректер баршылық. Мысалы, солардың бірінде - Күршім ауданынан Қытайға ауа көшулер туралы мәлімдемеде шет елге кеткен 170 қожалықтың 30-ы байлардікі екенін, сондай-ақ олардың ішінде 5 партия және 9 комсомол мүшелері бар екені көрсетілген. Тарбағатай ауданының ауылдарының жаппай көшуіне көмектескен 21 ауыл басшыларының партия қатарынан шығарылып, жауапқа тартылғандығы туралы деректер де кездеседі [1: 172].

Қытайға көшуді кейбір жерлерде бай емес, колхоз басшылары мен коммунистердің бастауы кеңес өкіметінің күштеу саясатына деген наразылықтың бір белгісі болып табылады. Бірақ бұл фактілерді сол кезеңде көрсету, сталиндік-голощекиндік зорлап ұжымдастыру саясатын айыптаумен бірдей еді. Сондықтан бұл мәселеде негізгі тұлға – бай болып қала берді.

Сонымен қатар, казактар тек шекаралық аудандарда ғана емес, басқа аудандардан да кеткен. Мысалы, Күршім ауданынан 1930 жылы 2 қожалық кеткен [6, 18 б.]. Көкпекті ауданының басшылары Юсупов, Алтынков облыс орталығынан тұрғындардың шет елге қашуына байланысты, осы ауданды «шекаралық аудан» деп есептеген. 30 адамнан тұратын отряд жіберуін сұраған [7: 47].

Осы деректерді келтіре отырып құжаттардың аздығына байланысты, кеңес өкіметінің күштеу саясатының салдарынан қанша шаруашылық Шығыс Қазақстан облысынан Қытайға кеткендігі жөнінде нақты мәлімет келтіру қиын.

Осы мәселеде тағы бір ескеретін жағдай, ол тек қазақ халқының өкілдері ғана Қытай асты ма деген сұрақ туады. Мұрағат деректерін қарастыратын болсақ, тек казактар ғана емес, орыс халқының өкілдері де шет ел асқандығы туралы фактілер кездеседі. Анығырақ қарастыратын болсақ, Зайсан ауданының, Кендірлік ауылының тұрғыны Шульгин Иван Қытайға қашқан

кулактармен байланыста болып, 1931 жылдың 2 ақпанында жанындағы 6 адаммен қашқан кезде ұсталған [7: 47]. Оның ісі сотқа беріліп, тергеу кезіндегі хаттамада ол Қытайға кету себебін, КСРО-да өмір сүру ауыр екендігімен түсіндірген. Бұл деректен бұдан бұрын да орыс кулактары және шаруалары Қытай асып, қалған жергілікті тұрғындармен байланыстарын үзбей, олардың шет елге кетуіне ықпал жасап отырғандығын көреміз. Бұл факті арқылы біз Шығыс Қазақстан облысы территориясында орыс ұлт өкілдері тек көтеріліске шығып, қазақ халқы тек Қытай асты деген жорамалды бір жақты қарастыруға күмән келтіреміз. Шекаралық аудандарда өмір сүрген орыс ұлтының өкілдері де өз жағдайларын ойлап, және кеңес өкіметінің қысымшылығынан Қытай асуларына мәжбүр болғандығын атап айта аламыз.

Шындығында да шекаралық аудандардағы қазақтардың хал-ахуалы әлеуметтік жағдайы нашар болғандықтан және жергілікті басшылардың асыра сілтеушілігінің салдарынан Қытай асуларына мәжбүр болды. Сондықтан біз Қытайға тек қазақ халқы ғана көшіп кетті деп, бір жақты ғана қарамауымыз керек.

Жергілікті тұрғындардың өз қоныстарын тастап, шет елге кетуіне әсер еткен көп себептерді атап көрсетуге болады. Соның ішінде ауыр тигені салық саясаты болып табылады. Тарбағатай ауданының №2 ауылдық кеңесінің төрағасы Ерубаев Адылбекті тергеу барысындағы хаттамаға назар аударатын болсақ, ол Тарбағатай ауданында салық салу объектілерін есепке алу 4 рет жүргізілген [3: 67]. Үшінші рет тізім жіберілгеннен кейін, өкіл Чумбинов келіп, әрбір орташаны шақырып, нақты мал санын анықтап қана қоймай, 1926 мен 1927 жылдары қанша мал болғандығы туралы да мәліметтер жинайды. Бұл жылдардың малдары салық ретінде төленіп, көбі азыққа пайдаланған болатын. Бірақ Чумбинов 1928 жылғы мал санына осы жылдардағы мал санын қосып, тізім жасайды. Осылайша, көптеген қазақтарға артық мал саны жазылады. Мысалы, Усинов Азекенге ұлымен бірге 200 бас қой артық жазылады.

Екінші себеп, кеңес өкіметі орнағанға дейін ата-анасынан бөлек шыққан отбасыларына тізім жасап, оларды салық аз төлеу үшін мүлкін бөлгендігі жөнінде айып тағып, істерін сотқа береді.

Ерубаев Адылбек, мысал ретінде, 5 ауылдық кеңестің азаматы Сағитаев Зайнулланың жағдайын келтіреді. Ол 1917 жылға дейін жеке бөлініп шығып, 1921 жылдан бері жеке салық төлеп келген ұлын арнайы бөліп, салық аз төледі деп айыпталды. Бұл үшін ол 1 жылға, ұлы жарты жылға сотталған. Шаруашылығында болған 30 бас ірі қара мен 320 бас қойдың 16 бас ірі қарасы мен 60 бас қойы ғана 13 адамнан тұратын отбасына қалтырылды [3: 68].

Кеңес өкіметінің салық саясатындағы «асыра сілтеушіліктері» жергілікті тұрғындардың билікке деген сенімін жоғалтып, олардың өздерінің әл-ауқатына ешқандай назар аудармайтынына көздері жетті

Ал енді өз наразылығын білдіріп, Қытай асқан қазақтардың қызыл әскерлердің қолынан шекара бойында қанша қырылғандығын жоғарыда айтып кеткен шаруалар көтерілісіндегі шығынмен қосатын болсақ, осы жылдары Шығыс Қазақстанда өкімет қолынан қанша адам құрбан болды деген сұрақ туады.

Негізінде қазақтардың шекара бойында қым-қиғаш атыс кезінде қайтыс болулары туралы нақты тарихи деректер әдебиеттер мен мұрағат құжаттарында кездеспей отыр. Тек арқа сүйейтініміз мерзімді басылымдарда шыққан көз көрген адамдардың естеліктері.

Сол қанды қырғында тек біздің өлкеміздің қазақтары ғана емес, Қазақстанның ішкі жағынан ауа көшкен қазақ ауылдарының да тұрғындары құрбан болған. Мысалы сондай ауылдың бірі Айыртас жайлауында «Қызыл қырандар» отрядының қоршауында қалып, кәрі-жасы, бала-шағасына қарамай қызылдардың қолынан түгелдей қаза тапты. Сонымен бірге шекара тұрғындары Марқакөл ауданының «Үшбұлақ жайлауында [7: 2], Катон-Қарағай ауданының Қойтүбек деген жерінде [9: 3]. және Тарбағатай ауданының [10: 4] Қытаймен шекаралас жерлерінде үлкен қырғынға ұшырады.

Сонымен, ұжымдастыру жылдары Шығыс Қазақстанның тұрғындарының шет елге жаппай қоныс аудару Қытаймен шекаралас аудандарда кең етек алды. Кеңес өкіметінің күштеу саясатының салдарынан әртүрлі әлеуметтік топты құраған қазақ халқы бас сауғалап, жат жерге кетуге мәжбүр болды.

Тарихымыздың осындай көлеңкелі жақтары әлі де тиянақты зерттеуді қажет етеді.

1926-1939 жылдары аралығындағы болған халық санағының мәліметтерін салыстыру нәтижесінде Шығыс Қазақстандағы қазақтар саны күрт төмендеп кеткені анық көрінеді. 1939 жылы олардың саны 1926 жылғы санақ нәтижелеріне қарағанда 60 мыңға, яғни, 34% кеміді. Жалпы алғанда сол жылдары Республика 1 798 мың немесе 45,8% қазақтан айырылды. Басқа ұлт өкілдері де көп халқынан айырылды. Бірақ, олардың санын есептеу, бұл халықтардың белсенді көшіп-қонуына байланысты анықтау қиынға соқтырады. Мәселен, ШҚО-да украин халқы 28,8%-ға кеміді. Оған басты себеп ретінде біз: аштықтан өлуін, миграциялық көшіп-қонуын, ассимиляцияны, яғни, бұл жылдары украин халқының көп бөлігі өздерін орыс ұлтына жатқызды.

1926-1939 ж.ж. облыс халқының саны 7,3%-ға өскен. Оның басты себебі, орыс халқының саны бұл жылдары аралығында 97,3 мың немесе 37%-ға өсуі. Бұл жылдары татар, неміс және өзге де ұлт өкілдерінің саны өсті. Жалпы алғанда орыс халқы 2,1 есе өскен, ал оңтүстік өңірлерде – 4,1 есе. Бұған қарамастан қазақтардың үлесі біздің облыста тұратын өзге халықтармен салыстырғанда 1926 жылы 35,5%-дан 1939 жылы 21,9%-ға дейін азайған. Ал, орыстардың үлес салмағы керісінше 53,5%-дан 68,3%-ға өскен. Облыстағы 13 ауданның 11-інде (Өскеменді қосқанда) орыс халқының үлес салмағы артық болды. Ал, қазақ халқының шоғырлануы Тарбағатай, Зайсан, Ұлан аудандарында болды [10: 10].

1939 жылғы санақ бойынша Шығыс Қазақстандағы қазақтардың үлес салмағы – 21,6 % құраған [11: 218]. Зерттеліп отырған кезеңде индустриализацияның жүру барысында қалалар мен жұмысшы поселкаларының саны артты. Сондықтан, қазақ халқының мұндай елді мекендерге шоғырлануы Шығыс Қазақстанда 10,8 % құраған. Жалпы қазақ халқы ауылды мекен ететін негізгі этнос ретінде қала берді деуге болады. Себебі, Шығыс Қазақстанда қазақтардың 89,2 % ауылды жерде өмір сүрді [12: 219].

1926-1939 жылдардағы халық санағы жылдарының

аралығында Қазақстан тұрғындарының әлеуметтік құрылымында көптеген өзгерістер болды. Негізгі топты жұмысшылар, қызметкерлер және колхозшылар құраған. Жұмысшылар мен қызметкерлер 36-48 %-ға өскен [11: 220]. Бірақ, ол қазақ халқына көп әсер ете қойған жоқ. Себебі, сауатсыз немесе қазақша ғана сауатты кешегі көшпелілер кәсіби жұмысшылар ретінде қалыптаса алмады. Олардың еңбегі көбінде ауыр, қара жұмыстарда ғана пайдаланылды.

1926-1939 жылдар аралығында қазақтардың үлес салмағын, әлеуметтік құрылымын зерттеуде 20-30 жылдардағы кеңес өкіметінің экономикалық және әлеуметтік салаларда жүргізген шараларының салдарын айқын көрсету қажет. Бұл бірінші кезекте, қазақ халқының үлес салмағының азаюына әкеп соққаны белгілі. Шығыс Қазақстандағы аштық және шет елге жаппай қоныс аудару қазақ халқының құрылымына, санына тікелей ықпал етті.

Малынан айырылып, күйзеліске ұшыраған және аш қазақтардың алдында, енді бір ғана жол - өкімет саясатына бас иіп, бағыну ғана қалда. Бұл әрине олардың колхозға мүше болып кіру процесін тездете түсті. Біздің ойымызша бұл сөз жүзінде ерікті, ал іс жүзінде амалсыз колхозшы болған қазақтардың қалың бұқарасын жаңа өмірге ерікті ұмтылғандар деп айтуға ешқандай негіз жоқ.

ӘДЕБИЕТТЕР:

1. Хайдулин Ғ. Ашаршылық және демографиялық апат// - Ақиқат, 2001, №8.
2. Айымбетов С. 1931-1933 жылдардағы ашаршылық құрбандары ақиқатын анықтасак...// Ақиқат, 1999, № 9-10 т.
3. Орынтайұлы Қ. Көз алдымда жас шағым// - Дидар газеті, 1997 ж. 26 шілде, №85(14629).
4. Қойгельдиев М., Омарбеков Т. Тарих тағылымы не дейді? Алматы.-1993.-177 б.
5. Шаяхметов М. Құжаттар не дейді? // Дидар.-1992. - 20 маусым.
6. ШҚОМА. 788-қор. 1-тізбе. 37-іс. 29-п.

7. ШҚОҚ ЗТҚО. 578-қор. 1-тізбе. 58-іс. 14-п.
8. Омарбеков Т.: 20-30 жылдардағы Қазақстан қасіреті// -Алматы: Санат, 1997.
9. История Казахстана XX века в документах. Сборник документов архива Президента РК. Алматы, 2005. – 84 с.
10. ШҚО ҚЗТҚО. 578-қор. 1-тізбе. 58-іс. 14-п.
11. Алексеев А. Народы Восточного Казахстана// Усть-Каменогорск, 1994.
12. Асылбекова Ж.М. Казахское население в 1926-1939 гг. // Отан тарихы, 2006. №1.

УДК 94 (574.42)

Жанбосинова А.С., Казбекова А.
ВКГУ имени С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск,
kasbekova2008@mail.ru

НЕМЦЫ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКИ В 1940-1950-е годы

В истории каждого народа есть трагические страницы, которые протяжным эхом и гулким набатом звучат в сердцах тех, кто когда-то в молохе драматических дней советской эпохи потерял своих близких. Прошлое нашей когда-то общей страны, настолько противоречиво, с одной стороны это величие и гордость, а с другой это фарс и трагедия. Дефиниция «советский народ» в семантическом значении включало в себя все национальности, т.е. 15 республик – 15 сестер, в это же понятие входил и немецкий этнос, ввиду давности бытия в досоветском и советском ареале истории.

Научный интерес к азиатской части Российской империи обусловил появление первых немцев в Казахстане, детерминировавших научные экспедиции и послуживших толчком к написанию исторических трудов Г. Миллером, П. Палласом и др. Массовое освоение Казахстана немцами связано с их переселе-

нием из центральной части России и формированием немецких поселений.

«Добровольно-принудительный» период приходится на советский этап истории, что связано с поиском внутреннего врага, массовой истерией и шпиономанией, а также законодательно-правовым полем, породившим специфические термины «трудармейцы», «спецпереселенцы», «депортированные», «спецпоселенцы» и пр.

За последнее время историческая наука Казахстана сделала значительный рывок в исследовании этнической истории депортированного, интернированного населения на территорию Казахстана. Наиболее полное освещение в казахстанской историографии получила история немцев.

Региональный аспект указанной проблемы, подробно затронут в трудах Л. Бургарт, выделившей территорию Восточного Казахстана как место наибольшего сосредоточения немецких спецпоселенцев. Она же осветила деятельность региональных силовых ведомств в отношении немецкого населения. Более чем в 40 ее публикациях проанализированы нормативные акты, рассмотрены вопросы трудоустройства и пр.[1]

Вопросы депортации немецкого населения, участие немецкого населения в трудармейских формированиях были затронуты в работах К. Алдажуманова [2].

Проблема этнических депортаций, принудительного труда спецпереселенцев, получила освещение в диссертациях таких авторов, как М.Ч. Калыбекова, З.Ж. Марданова, Ж.У. Кыдыралина, Н. Абуов [3]. В указанных работах проанализированы депортационная политика, роль и место в ней Казахской ССР, практика принудительных переселений, вопросы истории спецпереселенцев и трудармейцев, их вклад в социально-экономическую историю Казахстана, выявлены их правовое положение, материально-бытовые условия жизни.

В последнее время в Казахстане было защищено несколько диссертационных работ, прямо или косвенно затрагивающих некоторые моменты нашей темы. В частности это исследования А. Кукушкиной, А. Михеевой, Р. Бекмагамбетова, С. Елеухано-

вой, С. Дильманова [4]. Авторы осветили вопросы формирования лагерной системы, ее функционирование, показали роль и место принудительного труда в экономике Казахстана, рассмотрели историю появления интернированных и военнопленных на территории Казахстана, изучили аспекты использования иностранных военнопленных в системе принудительного труда.

В репрессивной политике Советского государства по отношению к немцам, можно выделить следующие направления:

- этническая чистка в рамках шпиономании, терроромании, диверсионмании;
- депортация и вторичные репрессии на местах нового поселения;
- принудительная трудовая повинность;

Первое направление отражено в директивных письмах, изданных ГУГБ НКВД в начале 1937 г. Первое из них от 14 февраля 1937 года «О террористической, диверсионной и шпионской деятельности немецких троцкистов, проводимой по заданиям гестапо на территории Союза ССР», второе от 2 апреля 1937 г. «О возрастающей активности германских разведывательных органов и специальных учреждений фашистской партии (иностранный и внешнеполитический отделы «Антикоминтерн», разведывательная служба охранных отрядов и так далее) на территории Союза ССР». Издание вышеуказанных регламентирующих основ по немцам свидетельствовало о грядущей крупномасштабной операции, которая ввиду объективных обстоятельств была отложена и реализована в первые дни Великой Отечественной войны. Точкой отсчета этнической чистки немцев стал приказ НКВД СССР от 25 июля 1937 года за №000439. По обвинению в шпионаже в пользу Германии, в участии в националистической фашистской организации и пр. было арестовано 265 лиц немецкой национальности, что составляет в общей численности, репрессированных в Восточном Казахстане 3,01% [5].

Все партийные организации согласно требованию Семипалатинского Обкома КП(б)К от 11 августа 1937 г. приняли активное участие в очередном мероприятии по поиску шпионов, вредителей, террористов, имеющих отношение к иностранной разведке.

Решение Политбюро ЦК ВКП (б) от 31 января 1938 года, дало карт-бланш НКВД, громить и уничтожать «шпионско-диверсионный» контингент из представлявших различные группы национальностей: латышей, поляков, немцев, финнов и пр.

Результаты были ошеломляющими. В справке по Риддерскому комбинату «Алтайполиметалл указывалось, что на данном предприятиях органами НКВД Казахстана ликвидирована диверсионно-вредительская группа во главе с главным инженером комбината В.Ф. Вебер, завербованным в троцкистскую диверсионно-вредительскую организацию Кельмансоном. Владимир Федорович Вебер, к своему несчастью не состоял в партии, занимал достаточно высокую должность главного инженера Риддерского комбината. В досье, собранном НКВД указывалось, что он был в десятимесячной научной командировке в Америке, где и был завербован для шпионской деятельности в пользу Германии немецким инженером Хольманом. В 1933 году вновь завербован, уже вторично Кельмансоном с целью проведения диверсионно-террористических акций. Лично им была создана диверсионная группа, и завербованы начальники цехов Василий Иванович Агеев, Александр Александрович Марков, Павел Александрович Лаброс и другие руководители [6: 58-63].

В докладной записке Наркому внутренних дел КССР комиссару ГБ 2 ранга Л. Залину о В.Ф. Вебере говорилось, что он поднял рудник, был награжден юбилейным значком «15 лет Казахстана». Он выходец из дворянской, привилегированной семьи, имевший в прошлом связь с вредителями, проходящими по делу «Промпартии». Сообщали, что он бывал на приеме у Сталина [6: 48].

Л. Залин выступая на I съезде КП(б)К отметил, что «За последние годы неизмеримо вырос интерес японо-германского империализма к Казахстану. Известно, что троцкистский выродок Кельмансон и его сподручный на Риддере враг народа Вебер долгое время по заданию иностранных разведок занимались шпионажем. Поджигали и уничтожали склады, шахты, электростанции, совершали крушение поездов, затапливали шахты, вредили в финансировании МТС и совхозов» [7].

Сверхбыстрые темпы индустриализации советской промышленности и получение результата любой ценой приводило к частым нарушениям техники безопасности, руководители предприятий находились между молотом и наковальней, не даешь план - вредитель, даешь план с нарушением техники безопасности - диверсант. Риддерский комбинат в индустриальных планах советской страны имел немаловажное значение, найти кошку в темной комнате ввиду срыва плановых показателей и частой аварийности не составило особого труда.

В.Ф. Вебера обвинили в том, что составленные по его указанию рецепты создавали тяжелые условия плавки, и печи застывали («козлы»), выходя из строя на длительные сроки, и одновременно терялось большое количество металлов в шлаках. В обвинительном заключении говорилось, что «Он сознательно привел проектно-сметное дело в состояние хаоса; сознательно удорожал стоимость проектирования; умышленно тормозил внедрение механизации строительных работ; умышленно давал заниженные нормы нагрузки на фундамент под здание строящегося завода и пр.; умышленно создавал условия для аварийности; саботировал мероприятия по технике безопасности, при 1600 рабочих – зарегистрировано 255 случаев травматизма и 247 случаев отравлений» [8: 48].

Второе направление депортация и вторичные репрессии на местах нового поселения; получило развитие в годы Великой Отечественной войны

Война явилась серьезным испытанием для всего советского народа, одним из ее следствий стали массовые депортации, отсчет которых начался с 21 августа 1937 года с корейского этноса, через четыре года и пять дней будет издан очередной Указ от 26 августа 1941 года, касающийся немецкой автономии. Восточный Казахстан вошел в список областей принимающих депортированное немецкое население. Выжившие в процессе насильственного переселения окунулись в океан трагических испытаний и невзгод, поломанные судьбы, ушедшие жизни, безжалостный молох прошелся по каждой немецко-советской семье.

Депортированное население вторично подверглось репрес-

сиям. К общему числу репрессированных в Восточном Казахстане на военные годы 1941-1945 приходится 14% представителей немецкого этноса. Немецкое население обвинялось в агитации за возвращение на Родину, в антисоветской агитации, в саботаже, в контрреволюционных деяниях. Все службы были нацелены на поиск потенциальных контрреволюционеров среди спецпереселенцев, например в колхозе им. Сталина Самарского района, где находились спецпереселенцы с Поволжья, в селе Миролубовка была обнаружена группа во главе с Константином Броверманом, готовившая якобы выступление против советской власти, Самарское НКГБ произвело арест [9: 21].

В сводке Зыряновского НКГБ отражена статистическая информация о численности прибывших спецпоселенцев. «За время Отечественной войны в район было выселено немцев спецпереселенцев 810 семей – 2290 человек....». В период войны Зыряновским райотделением НКГБ было заведено и реализовано 3 агентурных дела: «Братья», «Анфибия», «Гиена», по которым арестовано 11 человек немцев спецпереселенцев. В Шемонаихинском районе в конце 1930-х в начале 1940-х годов действовала «подпольная организация», куда входило 25 человек, «руководителем являлся бывший кулак, немец Эдуард Бахман и военнопленный австриец Петр Иваница». По содержанию сводки участники организации «проводили контрреволюционную, шпионско-повстанческую работу, готовили фашистские кадры на случай войны с Германией, занимались агитацией против мероприятий советской власти, собирали шпионские материалы и направляли их в Германское консульство в город Новосибирск через участника организации Прайса Рудольфа». С разницей в несколько лет все они были арестованы и приговорены к высшей мере наказания [10: 4].

Третье направление – принудительная трудовая повинность, все трудоспособное население переселенцев было мобилизовано в рабочие колонны. 25 марта 1995 года в Казахстане состоялся первый съезд «трудармейцев», ставший точкой отсчета первых исследований по ранее табуированной теме. Истоки принудительного труда берут свое начало с реализации планов

сверхиндустриализации и сверхколлективизации. Казахстан постепенно превратился в «Казэкстан». Великая отечественная война обусловила специальные формирования военных лет, получивших наименование рабочие колонны, трудовые колонны, что в совокупности и составляло «Трудовую армию». Источниками пополнения трудовых колонн стало не только гражданское население, но и спецпереселенцы и представители депортированных в Казахстан народов. С начала войны по 7 декабря 1944 года в «трудоармию» было призвано 19,3% немцев. Принудительный труд не исключал использования детского труда, в частности в «Письме военного отдела ЦК КП(б)К военному отделу Кызыл-Ординского обкома и Аральскому райкому КП(б) о порядке призыва спецпереселенцев в трудовую армию» [11: 33], говорилось о призыве детей спецпереселенцев, согласно решению СНК и ЦК КП(б)К.

В документе «О порядке содержания, дисциплине и трудовом использовании мобилизованных в рабочие колонны немцев-переселенцев» сказано: «Все мобилизуемые немцы призывных возрастов направляются для работы при лагерях НКВД СССР и организуются в рабочие колонны при исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР» [2: 321], что автоматически приравнивало их к статусу заключенных. Действительно многие из мобилизованных на принудительные работы вспоминают, что территория, где они находились, была огорожена колючей проволокой, наличие вышек с охранниками и собаками напоминало концлагерь.

Помимо принудительного труда спецпереселенцев, активно в экономике использовался труд военнопленных немецкой армии. Одним из результатов советско-немецкой и советско-японской войны 1945 года явилось появление военнопленных немецкой и японской армий в Восточном Казахстане. Численность пленных немецкой армии стала увеличиваться после Сталинградской битвы, что расширило лагерную систему ГУПВИ и ввело нумерацию лагерей, именно тогда для приема первых немецких военнопленных на территории Казахстана появились Спасский лагерь №99, Актюбинский лагерь №222. В целом на территории Казахстана существовало 7 Управлений лагерей с 50-ю лагерными отделениями. Узниками ГУПВИ оказались более 4 млн. человек, в том

числе 2 389 тыс. немцев, 637 тыс. японцев, 514 тыс. венгров, 157 тыс. австрийцев, а также представители многих других европейских и азиатских народов [12: 1].

На территории Восточного Казахстана немцы появились одновременно с созданием двух лагерей №347 и 45. Вначале был создан лагерь №347 – Лениногорский в мае 1945 года, был ликвидирован в августе 1948 г. Лагерь №347 МВД состоял из 9 лаготделений, с частично приспособленными для приема военнопленных помещениями, выделенными промышленными предприятиями области. Лениногорск и его район были центром добычи цветных металлов, разработки лесных массивов. В январе 1945 года был образован лагерь №45, ликвидирован в октябре 1947 года. Лагерь №45 состоял из пяти лагерных отделений, располагавшихся между собой на значительных расстояниях.

Таблица 1 Общая численность военнопленных лагерей №347 и 45 за 1947 год [13]

лагерь №347		лагерь №45	
месяцы	Военнопленные немецкой армии	месяцы	Военнопленные немецкой армии
Январь	3559	Январь	418
Февраль	3574	Февраль	419
Март	3528	Март	418
Апрель	3528	Апрель	418
Май	3494	Май	417
Июнь	3468	Июнь	415
Июль	3458	Июль	413
Август	3459	Август	413
Сентябрь	3327	Сентябрь	396
Октябрь	3271		
Ноябрь	3160		
декабрь	4011		

Военнопленные находились в непривычных тяжелых кли-

матических условиях, работали в условиях цинковых испарений и не соблюдении техники безопасности. Самыми характерными причинами смерти в актах военнопленных указывались следующие: отек легких, туберкулез легких, противокрупозная пневмония, производственная травма, илеус, дистрофия, а также сопутствующие инфекции дизентерия, тиф. Следует сказать, что дистрофия у военнопленных вызывала множество других заболеваний, ослабленная иммунная система не имела возможности бороться с вышеуказанными заболеваниями, смертность по причине дистрофией была самой высокой, очень редко сердечная недостаточность. Во время работ в шахтах Алтайского и Лениногорского рудников погибли Шелагин Вальтер Карл, Дзиубали Гергард Макс, Шорс Густав Якоб. Последний приют земля Восточного Казахстана дала 181 военнопленному немецкой армии [13].

По данным М. Колерова «...к февралю 1946 года общая численность военнопленных в лагерях и рабочих батальонах составила 2 миллиона 228 тысяч человек, в том числе 1 миллион 645 тысяч военнопленных западных национальностей с советско-германского фронта и 583 тысячи японцев. Трудовые ресурсы, полученные сталинской экономикой в результате войны, вполне сопоставимы с числом заключенных в лагерях ГУЛАГа: в том же 1946 году их общее число превысило 1 миллион 700 тысяч человек» [14, с. 6].

К весне 1947 года военнопленные в общем балансе рабочей силы ведущих министерств, по данным ГУПВИ МВД СССР, занимали значительное место: на строительстве в Министерстве авиационной промышленности – 31% от общего количества рабочих, по Министерству строительства топливных предприятий – 27,7%, Министерства промышленности строительных материалов – 24,1%, Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии – 20,1%, Министерства электростанций – 16,8%, Министерства цветной металлургии – 15,9%, Министерства угольной промышленности – 12,1% [15: 18].

Труд военнопленных на востоке Казахстана использовался при строительстве стратегически важных объектах, дающих

электроэнергию, для Восточного Казахстана особое значение имело строительство Малоубинского водохранилища и Усть-Каменогорской ГЭС [16: 46].

Таким образом, судьба немецкого этноса вольно или не вольно, оказалась тесно сплетена с историческими реалиями советской страны, за эпохой скрывается трагедия не одного народа, они внесли свой вклад в будущее нашей страны, слишком высока цена потерь, об это должно помнить будущее поколение, чтобы не повторить ужасы прошлого.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бургарт Л. Миграционные процессы среди немецкого населения в условиях режима спецпоселения в 1949-1955 гг. (на примере Восточного Казахстана)//Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. Материалы международной научной конференции. Анапа, 26-30 сентября 1997 г.; Агентурно-оперативная деятельность органов МВД-КГБ СССР в отношении немецкого населения в условиях режима спецпоселения в 1948-1955 гг. (на примере Восточного Казахстана)//Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие: 1941-1955 гг.: материалы 7-й международной научной конференции. Москва, 19-22 октября 2000 г. М., 2001. С. 409-443.; Немецкое население в Восточном Казахстане в 1941-1956 гг. Усть-Каменогорск, 2001.
2. Алдажуманов К. Насильно в Казахстан. Депортация немецкого населения//Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. Алматы: «Арыс» – «Казахстан», 1998. С.193-208.;Трудармейцы Казахстана: история и судьбы//Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. Алматы: «Арыс» – «Казахстан», 1998. С.315-322.
3. Калыбекова М. Казахстан как объект переселения депортированных народов (1937-1956 гг.): Исторический аспект: дисс... канд. ист. наук. – Алматы, 2005. – 156 с.; Марданова З. Государственная политика принудительных переселений в Казахстане в 20-30-х гг. XX века: дисс...канд. ист. наук. – Алматы, 2007. – 175

- с.; Кыдыралина Ж. Спецпереселенцы и трудармейцы в Западном Казахстане (1937-1957 гг.): дисс... канд. ист. наук. – Алматы, 2000. – 158 с.; Абуов Н. Депортации народов в Казахстан в 1936-1957 гг. (на материалах Северо-Казахстанской и Кокчетавской областей): автореф... канд. ист. наук. – Караганда, 2008. – 30 с.; Табулденов А. Депортации народов и эвакуационно-миграционные процессы в Северном Казахстане (1937-1956 гг.): автореф... канд. ист. наук. – Уральск, 2009. – 30 с.
4. Кукушкина А. История создания и функционирования Акмолинского лагеря «жен изменников Родины» (30-40-е гг. XX века): дисс... канд. ист. наук. – Караганда, 2001. – 151 с.; Дильманов С. Исправительно-трудовые лагеря на территории Казахстана (1930-1956 гг.): дисс... д-ра ист. наук. – Алматы, 2002. – 350 с.; Михеева А. Иностранные военнопленные и интернированные в Центральном Казахстане (1941-начало 50-х гг. XX века): дисс... канд. ист. наук. – Караганда, 2007. – 190 с.; Бекмагамбетов Р. Иностранные военнопленные в системе принудительного труда в Казахстане (1941-1950 гг.): автореф. ... канд. ист. наук. – Алматы, 2009. – 27 с.; Елеуханова С. История Карлага: охрана, режим и условия содержания заключенных (1930-1956 гг.): автореф. ... канд. ист. наук. – Караганда, 2009. – 30 с.
5. Подсчет сделан автором на основании следственных дел, репрессированных лиц Архива ДКНБ РК по ВКО Ф.1.
6. АП РК Ф. 725. Оп. 2. Д. 43. 63 л.
7. Риддерский рабочий. – 1937. - №161. – 17 июля.
8. ГАВКО Ф. 130. Оп. 15. Д. 10. 100 л.
9. ГАВКО Ф. 1п. Оп. 1. Д. 772. 79л.
10. ГАВКО. Ф. 462. Оп. 4. Св. 10. Д. 88. 59 л.
11. АП РК. Ф. 708. Оп. 6/1. Д. 1181. Л. 33.
12. Букин С., Долголюк А. Формирование лагерей военнопленных и интернированных в Сибири//Гуманитарные науки Сибири 2000. – №2. С. 49-54.
13. Составлено и подсчитано автором по ГАВКО. (по архивным материалам дел фонда 462).
14. Колеров М. Военнопленные в системе принудительного труда СССР 1945-1950 гг.//Отечественные записки – 2003. – №3. – С. 3-12.

15. Бекмагамбетов Р. Иностранцы военнопленные в системе принудительного труда в Казахстане (1941-1950 гг.). Автореферат дисс...к.и.н. Алматы, 2009. – 27 с.

16. ГАВКО. Ф. 462. Оп. 4. Св. 6. Д. 51. 243 л.

УДК 323.281

Красильников С.А.

НГУ, г. Новосибирск, Krass49@gmail.com

ОХРАНИТЕЛЬНОСТЬ КАК СИСТЕМНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТАЛИНСКОГО РЕЖИМА: К ВОПРОСУ О РОЛИ И ФУНКЦИЯХ РЕПРЕССИЙ В КВАЗИСУДЕБНОЙ ФОРМЕ¹

Под охранительностью нами понимается политика удерживания власти, институционально и внеинституционально осуществляемая олигархической группой (большевистское руководство), не обладавшей достаточно устойчивой социальной опорой, и в обстановке системных кризисов и эскалации социальной напряженности во взаимоотношении с основными стратами и группами общества прибегающей к мобилизационным технологиям преимущественно конфронтационного типа для сохранения своего привилегированного статуса. Для реализации данной цели институты власти используют разнообразные формы маскировки своего корпоративного монополизма идеологией представительства и защиты «классовых» («пролетарских») или «общенародных» интересов, а в кризисных случаях – испытанные приемы канализования социального недовольства и протестных настроений, угрожающих олигархической корпорации, перенаправляя их на другие объекты («контрреволюционеры», «оппозиционеры», «враги народа» и т. д.). Охранительность, будучи выражением корпоративного самосохранения, имела в межвоенный период (1920–1930-е гг.) в России/СССР подвижные границы, допускала не только перманентные «чистки» собственных рядов,

1. Статья написана при финансовой поддержке РГНФ (грант № 14-01-00101).

но и массовый внутриэлитный террор (1937–1938 гг.), сохраняя, однако, главное – удерживание олигархического господства над обществом. Ниже нами рассматривается ряд общих положений, обусловивших ключевое положение охранительности в системе большевистской власти, а также динамику и оценки ее проявления на примере двух знаковых судебных (фактически – квазисудебных) политических процессов – Шахтинского 1928 г. и «Промпартии» (1930 г.), ставших своеобразными индикаторами наступления эпохи сталинизма.

В ряду типологических характеристик тоталитарных режимов XX в., выделяемых политологами и социологами, репрессивная составляющая традиционно занимает одно из системообразующих признаков. Сталинский режим не был исключением: репрессии превращались в перманентный и универсальный инструмент для достижения целей, внешне облакаемых в идеократическую оболочку «социалистического строительства», фактически же направленных на строительство иного рода – политических, социальных, экономических и культурных основ мощной государственности. Государственности, основанной на утверждавшейся диктатуре лидерной общности нового типа, ничего общего не имевшей с доктринальной идеей «пролетарской диктатуры». Активно шедший в постреволюционный период процесс политической и социальной мобильности, выглядевший как взятие рабочими «командных высот» в сфере управления и принявший действительно массовый характер – т.н. орабочивание управленческого аппарата, структур общественных организаций (профсоюзов, в первую очередь), создание специальных каналов (социальных лифтов, по современной терминологии) для заполнения выходцами из рабочей среды партийных организаций, образовательных институтов и т. д., фактически трансформировался в защитные механизмы для утверждения новых элитных групп, реально консолидировавшихся с целью сохранения своего доминирующего положения в социуме.

Еще со времен внутрипартийных дискуссий 1920-х гг. и убеждений Л. Троцкого о перерождении пролетарской революции в сталинскую диктатуру (тезис о «преданной революции»)

определенная часть марксистски ориентированных социалистов воспринимала ход событий в России / СССР как «термидорианский переворот», имевший то ли мелкобуржуазную, то ли буржуазную окраску, но очевидно мало или ничего общего не имевшим с «социалистическим проектом». Однако никто из марксистов не считал, что в стране реставрируется буржуазный строй: современники сходились в том, что выстроен диктаторский режим, только внешне прикрываемый атрибутами «народовластия» и «социализма».

С появлением после Второй мировой войны тоталитарной модели, описывавшей природу диктаторских режимов в Европе и Евразии, все как будто бы обрело свои очертания, тоталитарные режимы большевистского типа нашли свое место в научных классификациях. Однако до сих пор остается дискуссионным вопрос о социальных основаниях, социальной опоре сталинского режима и тех механизмах его взаимодействия с социумом и технологиях гегемонии, которые обеспечивали определенную устойчивость и воспроизводство данного режима в меняющихся внутренних и внешних условиях.

В частности, одной из ключевых познавательных проблем для изучения сталинского режима является его идеолого-политическая мимикрия, способность к самосохранению и выживанию в условиях системных кризисов, сопровождавших режим с момента его утверждения на рубеже конца 1920-х – начала 1930-х гг. Среди современных исследователей отечественной модели тоталитаризма сформировалось мнение о том, что сталинизм не просто был порождением упомянутого выше кризиса во взаимоотношениях институтов власти с основными группами постреволюционного социума, называя в качестве исходной точки т. н. военную тревогу весны-лета 1927 г., за которой последовала череда других кризисных проявлений («размычка» с деревней, «экономическая контрреволюция в Донбассе») 1928 г. и т. д., но и, как принято говорить на языке современной политологии, Сталин стал символическим ответом на вызовы и угрозы современной ему эпохи. В данной конструкции очевидно недостает ряда логических звеньев, объяснявших то, что происходило с системой

власти и социумом с момента утверждения сталинского «курса» на форсированное переустройство экономики и социальной структуры страны. Между тем, даже мыслящими в парадигме «государственности» как абсолютной ценности историками не оспаривается тезис о том, что кризисы различных форм и глубины их проявления не только не исчезли в «славные» 1930-е гг., но и устойчиво повторялись (разрушение основ аграрной экономики, голод и эпидемии не только в 1932–1933 гг., но и в ослабленном виде в 1936 г. и отчасти в 1940 г., нормированное снабжение в течение двух первых пятилеток, в громадных масштабах стихийные миграции (беженство), репрессии, перешедшие в 1937–1938 гг. в новое качество – государственный террор, и т. д.). Сказанное выше дает определенные основания утверждать, что сталинский режим являлся не столько средством преодоления кризисов (социальных, экономических, политических и др.), сколько источником, порождавшим и воспроизводившим упомянутые выше кризисы.

Именно кризисность и экстремальность обстановки (не только внешней, как это традиционно трактовалось, но и внутренней) являлись условием, обеспечивавшим сталинскому политическому режиму право на существование и деятельность в самом жестоким формате в отношении собственного общества. Метафора, пригодная для реализации максимально широких мобилизационных программ переустройства страны («СССР как осажденная крепость»), может быть применена и к внутренней ситуации (большевики в крестьянском «мелкобуржуазном» окружении). Выдвижение Сталиным весной-летом 1928 г. печально знаменитого тезиса о неизбежности «обострения классовой борьбы в стране по мере строительства социализма» сопровождалось указанием на наличие «врагов» внешних и внутренних и фактически создавало доктринальную платформу для перевода страны в режим «чрезвычайщины».

Фактически уже в первой половине 1928 г. состоялся своего рода пролог упомянутой «чрезвычайщины», и формировавшимся сталинским режимом были апробированы новые стратегии политико-социальной войны против тех страт и общностей социума,

которые представлялись сталинской части элиты опасными (скорее потенциальными, нежели реальными) на случай внутренних и внешних потрясений. Очевидными объектами дискриминационно-репрессивной политики становятся «партийные оппозиционеры» (внутриэлитные «чистки»), зажиточное крестьянство («кулаки») и «старая» интеллигенция («буржуазные спецы»). За сравнительно короткий промежуток времени была разгромлена «оппозиция», сходным типологически с политикой подрыва путем подавления «кулацкая хлебная стачка», проведен масштабный и первый в ряду крупных политических судебных процессов в стране – т. н. вредительский Шахтинский процесс. Надлом внутри политической элиты не заставил себя ждать летом-осенью 1928 г., когда умеренная часть элиты отреагировала на новую сталинскую стратегию как на пролог грядущих социальных потрясений. Во время конспиративной встречи с Л.Б. Каменевым в июле 1928 г. и в дальнейших частных разговорах Н.И. Бухарин дал ряд метких характеристик нарождавшемуся сталинскому курсу в деревне («военно-феодалная эксплуатация крестьянства», возврат к методам гражданской войны (эскалация насилия и ответные протесты, восстания), радикализация принуждения в отношении других слоев общества, что ведет к полицейщине, слияние партии и государства и установление режима личной власти Сталина в деспотической форме («Чингисхан»).

В логике форсированного строительства полицейского государства, на наш взгляд, и следует рассматривать охранительность как системную характеристику новой сталинской конструкции власти. Ярким индикатором охранительности стало ее проявление в правовой сфере. С учетом того, что правоприменение уже с первых постреволюционных лет приняло ведомственно-корпоративный характер и не являлось равным и обязательным для всех социальных групп, вполне логичным следствием этого стал вектор трансформации функций советской правовой системы – защищать и охранять интересы номенклатурных групп. Сказанное не означает, что номенклатура была надежно ограждена от судебных репрессий. Периодически проходили региональные и локальные показательные процессы против групп «разложив-

шейся» и криминализированной бюрократии, но каждый из них осуществлялся исключительно с санкции Центра и имел свой формат, границы (ранг репрессируемых персон) и целевое назначение. Таких процессов не могло быть много, они проводились точно, но именно их показательность служила своего рода сигналом, предупреждением для региональных номенклатурных групп, являлась индикатором предстоящей широкомасштабной кадровой «чистки» в регионе, либо ее фазой, составной частью.

В случае с «Шахтинским делом» (1928 г.) объектом репрессий выступала часть другой корпорации («старая» / квалифицированная производственная интеллигенция). Охранительность проявила себя здесь в классическом виде как весьма эффективный инструмент канализования массового социального недовольства рабочих масс своим положением, перенаправив его в безопасное и даже выгодное для институтов власти русло – против «спецов-вредителей». Начиная с первых публичных заявлений о «Шахтинском деле» в марте 1928 г. устанавливалась разграничительная линия институциональной «вины» за «вскрытое вредительство». Вне какой-либо критики оказывались органы ОГПУ и аппараты партийных органов (кроме низовых структур). Напротив, подчеркивалось, что социальными объектами «вредительства» выступали, помимо рабочих, коммунисты (которые дискредитировались, выживались с должностей и т. д.). Чекисты использовали мотив «извращения нашей политики» для объяснения того, как институты управления оказывались втянутыми во «вредительскую работу» и служили ее прикрытием. В обвинительном заключении весьма тщательно обходились аспекты причастности партноменклатуры к пресловутым извращениям партийно-государственной политики и ответственности за это, вопрос переводился в плоскость ответственности коммунистов-хозяйственников, но опять-таки в безличностном формате. Обвинение разумно обошло один из ключевых вопросов о том, почему же (по версии следствия) «вредительская организация» захватила «командные высоты» не только в отдельных рудоуправлениях, но и в правлении «Донуголь» и удерживала эти позиции вплоть до арестов. Имелись общие «обтекаемые фразы» об «использовании аппарата советских

учреждений, противодействуя их нормальной деятельности». Н.В. Крыленко, готовивший документ, туманно упоминал о «слабости политических и профессиональных организаций рабочего класса». Весьма прагматично был объяснен и факт «деятельности Московского центра организации»: чекисты ликвидировали его раньше, чем он сумел развернуть свою работу. В данном ракурсе следовало считать, что Шахтинский процесс был осуществлен в интересах высшего слоя номенклатуры весьма эффективно: в публичном информационно-политическом пространстве ее репутационная составляющая оказалась защищенной.

Иная ситуация сложилась при подготовке и проведении очередного знакового «вредительского» процесса по «делу “Промпартии”» (ноябрь–декабрь 1930 г.). И хотя сталинское руководство в целом сохранило базовую матрицу при организации очередного процесса, апробированную на «шахтинских вредителях» (Н.В. Крыленко подчеркивал, что новое «вредительство спецов» есть расширенное издание «шахтинского»), однако охранительность как принцип политической «неприкасаемости» высшей номенклатуры претерпел весьма важную трансформацию. Так, если вокруг проведения Шахтинского процесса и его предназначения в 1928 г. существовал некий, хотя и непрочный, внутриэлитный консенсус, то летом–осенью 1930 г. И.В. Сталин предпринял ряд реальных действий по разрушению ранее незыблемого защитного барьера для партийно-государственной олигархии.

Будучи опытным прагматиком, Сталин запустил проверенный механизм дискредитации части элитной группы управленцев через ознакомления их с показаниями арестованных за «вредительство» крупных специалистов-управленцев, до ареста работавших в аппаратах управления ВСНХ, Госплана и других ключевых народнохозяйственных ведомств. Начиная с августа–сентября 1930 г. по указанию Сталина протоколы показаний обвиняемых по нескольким мифическим «вредительским организациям» – «Промпартии», «Трудовой крестьянской партии» и «Союзного бюро меньшевиков» – размножались громадным тиражом (как правило, по 500 экз.) и рассылались широкому номенклатурному кругу (члены ЦК, ЦКК и др.). Тем самым упоминавшиеся в

протоколах высокопоставленные номенклатурные чиновники попадали в положение вынужденного самооправдания от «клеветы» в их адрес. В частности, показания обвиняемых по «делу “Промпартии”» Л.К. Рамзина и В.А. Ларичева вызвали почти истерическую реакцию и гневное опровержение со стороны Г.М. Кржижановского (в то время председателя Госплана СССР), В.Н. Ксандрова (руководителя электротехнической отрасли ВСНХ СССР), П. Мостовенко (ректора МВТУ) и ряда других деятелей, формировавших экономическую политику страны.

Второй ощутимый удар был нанесен по интеллигенции формально беспартийной, но входившей в высшие управленческие слои и ранее являвшейся символами «советизированной» интеллигенции. Так, в ходе следствия по «делу “Промпартии”» чекисты произвели два громких ареста – профсоюзного лидера секции инженеров и техников в масштабах страны С.Д. Шейна и заместителя председателя Госплана СССР проф. П.С. Осадчего. Аресты имели вдвойне резонансный характер, поскольку помимо высоких занимаемых постов оба на Шахтинском процессе 1928 г. выступали в качестве общественных обвинителей, клеймивших «шахтинцев» от имени передовой советской интеллигенции. К тому же П.С. Осадчий имел мандат члена ЦИК СССР, что было весьма символично в плане запуска новых правил внутриэлитной борьбы, ибо ранее и речи не могло быть о подсудности лица со столь высоким официальным статусом! И хотя на самом процессе П.С. Осадчему отводилась всего лишь второразрядная роль свидетеля обвинения (а сам он был осужден во внесудебном порядке), но сигнал для элиты, в том числе партийной, прозвучал отчетливо.

Однако самый сильный провокативный ход, свидетельствовавший о том, что охранительный принцип для элиты отныне существенно переформатирован, был сделан в процессе чекистского следствия в конце сентября – начале октября 1930 г., когда с интервалом в несколько дней Л.К. Рамзин и В.А. Ларичев дали весьма обширные «показания» о своих контактах для достижения «вредительства» с лидерами «правого уклона» (А.И. Рыковым, Н.И. Бухариным и М.П. Томским), а также и с Г.М. Кржижа-

новским и другими хозяйственниками высшего круга. Протоколы также веерно распространялись среди номенклатуры с вполне определенной целью. И хотя оба обвиняемых утверждали, что лишь «обволакивали» партийных лидеров и только пользовались их «расположением» и «доверием», но уже и этих показаний было достаточно, чтобы нанести точечный удар по репутации «правых». Приведем выдержку из «показаний» Л.К. Рамзина на допросе от 29 сентября 1930 г.: «...Промпартия всемерно старалась использовать в своих целях партийную борьбу, опираясь на правых коммунистов. Был дан общий лозунг везде всячески поддерживать в советских учреждениях правых коммунистов, всемерно обслуживать их технически, помогая необходимыми материалами, завязывать персональные связи с отдельными видными представителями правого уклона и идейно обрабатывать их в направлении основных установок Промпартии [...] Таким образом, надо констатировать наличие несомненного идейно-политического контакта между руководителями Промпартии и видными представителями правой части коммунистической партии, переходившего фактически в деловой блок по основным программным вопросам экономического развития страны». Принципиально важно, что хотя данная сюжетная линия следствия («правый» след) не была обозначена ни в обвинительном заключении, ни на самом процессе, очевидно ее функциональное использование для внутриэлитного устрашения.

Рассмотренная выше конструкция хотя и косвенного, но обвинения части большевистской элиты («правых») в контактах с «вредителями» демонстрировала начало перехода устоявшейся в 1920-е гг. модели охранительства в новое качество. Если ранее проводилась разграничительная линия между «вредительскими» процессами и судебными акциями в отношении «разложившихся» номенклатурных групп уровня не выше регионального, то в ходе следствия по «делу “Промпартии”» обе линии оказались соединены, и данное обстоятельство может считаться прологом будущих громких Московских процессов 1936–1938 гг., где скамья подсудимых формировалась из представителей бывшей «ленинской гвардии» вперемешку с «вредителями» различного толка.

Данное обстоятельство не подрывало фундаментальной функции охранительства, о чем свидетельствует сам факт длительного сохранения сталинской олигархической группировки, а служит одним из индикаторов того, что на рубеже 1920–1930-х гг. в стране началась фаза смены элит, пока еще в «вегетарианских» по сравнению с «Большим террором» формах.

УДК 94 (574.42)

Капаева А.Т.

*Международная Академия Бизнеса г. Алматы,
a.karayeveva@iab.kz*

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В КАЗАХСТАНЕ

Массовые политические репрессии — одна из самых печальных страниц в истории Казахстана. 30-е – 50-е гг. XX в. — тяжелое время в жизни казахского народа. Окончательно сложилась и укрепилась тоталитарная система, наивысшего расцвета достигла командно-административная система управления. Характерными чертами этой системы являются: жесткий централизм хозяйственной жизни на базе государственной собственности; использование внеэкономических, идеологических методов управления; господство партийно-государственной бюрократии при отсутствии реальной экономической свободы и подлинной демократии. Политический режим, стремящийся к полному (тотальному) контролю государства над всеми аспектами жизни общества. Жесточайшие политические репрессии, глобальные хозяйственно-экономические эксперименты — все это оставило свой след в истории казахов.

В истории великой страны 30-е годы минувшего века оставили кровавый след. В те тревожные, смутные годы навсегда исчезали из своих семей тысячи, десятки, сотни тысяч ни в чем не повинных людей, которых объявляли врагами народа. Большой

террор, позже его назовут политическим, выкосит из народа лучших, честнейших, тех, кто составлял честь его и гордость. И неважно, был ли уведенный в ночную мглу, согнутый непосильным трудом в лагерях или безвинно расстрелянный в тюремных застенках академиком или трактористом, генералом или простым чабаном-колхозником — общая судьба сделала их всех навсегда жертвами чудовищной гильотины.

Большой террор - период массовых репрессий и политических преследований в СССР в 1937-1938. Название дано по книге американского автора Р. Конквеста «Большой террор» (с англ. The Great Terror). В постсталинском СССР период репрессий 1937-1938 гг. было принято называть «ежовщиной» по имени народного комиссара внутренних дел Н. Ежова.

Массовым репрессиям предшествовал страшный голод 30-х годов. Число жертв голода 30-х гг. составляет 2 млн. 200 тыс. человек, из них 1 млн. 750 тыс. казахов. За пределы республики, спасаясь от гибели, ушло 1 млн. 130 тыс. человек.

Отлучение от средств существования, непомерные, из года в год увеличивающиеся планы государственных поставок скота, зерна, других сельскохозяйственных продуктов и сырья, к тому же одновременно обрушившаяся засуха 1931-1932 годов, бесчеловечные репрессивные акции и террор советской власти против не согласных, в конечном итоге привели к тому, что почти на всей территории Казахстана разразился массовый голод.

За 4 года (с 1 января 1929 г. по 1 января 1934 г.) поголовье скота в Казахстане сократилось с 47 млн (в переводе на мелкий) до 4,5 млн.

К началу 30-х гг. сталинская машина приступает к изощренным способам «промыывания мозгов». Для этой цели активно использовались радио, газеты, любой вид искусства. Везде и всюду висели плакаты, призывающие к бдительности, навевающие страх перед происками всевозможных врагов. Любой факт частной жизни или неосторожно сказанное слово могли стать предметом общего собрания рабочих или студентов. В стране установилась тяжкая атмосфера недоверия, страха, незащитности.

В Казахстане прошли условно три волны репрессий: 20-

30-е годы XX в.; 1936-1937 гг.; вторая половина 40-х-нач. 50-х гг. Первая волна была направлена против людей, которые высказывали сомнения в правильности политики центра или их взгляды не совпадали с идеями власти.

В 1928 г. по ложному обвинению были арестованы 44 человека из числа так называемых «буржуазных националистов» – бывших деятелей Алаш-Орды. Для развязывания уголовного преследования бывших представителей партии «Алаш» использовались любые средства - от шельмования имен в средствах массовой информации до прямых провокаций, арестов членов семей. Всего по т.н. делу «Алаш» было репрессировано – 4297 чел., из них 2062 чел. расстреляны. В этот период был расстрелян один из основоположников казахской советской литературы – Жусупбек Аймаутов, а также А. Байдильдин, Д. Адилеев, остальные осуждены на различные сроки тюремного заключения. Некоторые из них (М. Дулатов и др.) скончались в лагерях, остальные (А. Байтурсинов, М. Жумабаев и др.), отбыв наказание, в 1937г. были повторно привлечены к ответственности за участие в деятельности Алаш-Орды и расстреляны в 1937-1938 гг. Другая группа представителей национальной интеллигенции (около 40 чел.), в составе М. Тынышпаева, Х. и Ж. Досмухамедовых, Ж. Акпаева и др. была арестована в сентябре-октябре 1930 г. Вскоре 15 из них (М. Тынышпаев, Ж. Акпаев, Х. и Ж. Досмухамедовы, К. Кеменгеров и др.) были сосланы в Центрально-Черноземную область России. Почти все они были репрессированы в 1937 г.

Эта участь в 1927-1928 гг. постигла наркома земледелия Ж. Султанбекова, председателя Сырдарьинского губисполкома И. Мустамбаева и других, которых обвинили в связях с троцкистами и правыми.

С 23 февраля по 5 марта 1937 года состоялся печально известный Пленум ЦК ВКП (б), на котором 3 марта с основным докладом «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» выступил И.В. Сталин, повторивший свой известный вывод об обострении классовой борьбы. Он заявил: «...чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлоблять-

ся остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить Советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы как последние средства обречённых» [1: 166]. Главными врагами советского государства были объявлены троцкисты, превратившиеся, по мнению И.В. Сталина, «... в беспринципную и безыдейную банду вредителей, диверсантов, шпионов, убийц, работающих по найму у иностранных разведывательных органов» [1: 164]. Он призвал «в борьбе с современным троцкизмом» применять... «не старые методы, не методы дискуссий, а новые методы, методы выкорчёвывания и разгрома» [1: 164]. Фактически это была чётко сформулированная перед НКВД СССР задача на уничтожение «врагов народа». В Заключительном слове на Пленуме 5 марта 1937 года И.В. Сталин, опираясь на результаты партийной дискуссии 1927 года, даже назвал конкретное (!) количество «врагов» - 30 тысяч троцкистов, зиновьевцев и всякой другой «шушеры: правые и прочие...» [1: 204]. К моменту Пленума из них уже было арестовано 18 тысяч человек. Таким образом, «врагов», по-Сталину, осталось «всего» 12 тысяч [1: 205]. Они, впрочем, представляли угрозу для партии, для страны, т.к. могли «напакостить и нагадить» [1: 205].

В резолюции Пленума, принятой 3 марта 1937 года по докладу Н.И. Ежова [2], «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов» были одобрены «мероприятия ЦК ВКП (б) по разгрому антисоветской, диверсионно-вредительской, шпионской и террористической банды троцкистов и иных двурушников» [3: 112]. Органы НКВД СССР фактически получили неограниченные полномочия в деле «разоблачения и разгрома троцкистских и иных агентов фашизма» [3: 112]. Они обязаны были довести эту работу «до конца, с тем, чтобы подавить малейшие проявления их антисоветской деятельности» [3: 112].

В составе союзного наркомата внутренних дел было создано особое совещание (ОСО) для применения репрессивных мер, имевшее полномочия выносить приговоры о заключении, ссылке или высылке на срок до 5 лет или выдворении из СССР «обще-

ственно опасных лиц».

Этот период характеризуется чрезмерной суровостью применявшихся мер уголовного наказания. Так, из 17 конкретных составов контрреволюционных преступлений, 12 предлагали применение высшей меры наказания – расстрел. Широко применялись и такие меры наказания, как объявление «врагом народа» с лишением гражданства и изгнанием из государства, лишение свободы со строгой изоляцией, конфискация имущества и т.д.

1 декабря 1934 года выходит Постановление ЦИК и СНК СССР «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик»:

Внести следующие изменения в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик по расследованию и рассмотрению дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти:

1. Следствие по этим делам заканчивать в срок не более десяти дней;
2. Обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде;
3. Дела слушать без участия сторон;
4. Кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать;
5. Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесению приговора.

Это постановление вышло за подписью Председателя Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР М. Калинина и секретаря Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР А. Енукидзе.

В период второй волны репрессий в 1937-1938 гг. большой террор принял массовый характер. В эти годы врагами народа были объявлены не только оппоненты власти, но и многие из тех, кто участвовал в установлении и упрочении советской власти: А. Асылбеков, А. Айтиев, С. Мендешев, Б. Алманов, Н. Тюрякулов, Т. Рыскулов, Д. Садвакасов и др. Люди, которые свято верили в идеалы революции.

Видные деятели партийной организации Казахстана – У.

Исаев, Ураз Жандосов, Т. Жургенев, У. Кулымбетов, И. Кабулов, Н. Нурмаков и многие др. В 1936-1938 гг. около 17% всей казахстанской партийной организации было объявлено врагами народа.

Были репрессированы и физически уничтожены основатели казахской литературы – Сакен Сейфуллин, Беймбет Майлин, Ильяс Джансугуров, Магжан Жумабаев, Миржакып Дулатов. Серьезный урон понесла наука Казахстана. Подверглись репрессиям основатель казахской лингвистики А. Байтурсинов, видный ученый – языковед проф. Жубанов, основатель казахской исторической школы проф. Санджар Асфендияров, один из руководителей Казахского филиала АН СССР М. Тулепов и др.

Власть продолжала расправляться со всеми, кто, так или иначе, был причастен к партии «Алаш». Остановимся лишь на одной судьбе замечательного человека врача по образованию и призванию Бахтыгали (Бахтыгерей, Бакиш) Бисенов, член Западного отделения «Алаш-Орды». Закончил Императорский Николаевский университет, лечебный факультет. По окончании университета, начал работать врачом в Уральской области, в 13-Кызылкугинском сельско-врачебном участке, где проработал до 1920 года. [4: 158] Работая в участковой больнице села Базартюбе, он построил больницу из красного кирпича на 10 коек с родблоком, канализацией, баней, ванной на высочайшем режиме дезсредства и его соблюдении, т.к. в то время в Западном Казахстане свирепствовали эпидемии холеры, чумы, оспы, детские инфекционные заболевания. В 1925 г. являлся санитарным врачом Джамбейтинского уездного здравотдела, с 1926 года по июль 1928 г. работал заведующим Джамбейтинской больницы. С августа 1928 года по декабрь 1928 г. – заведующий Тайпакской райбольницы. В 1929 г. – врач совпартшколы г. Уральска. 15 июля 1930 г. назначается лечпрофинспектором Уральского губздравотдела. В 1934 г. был на курсах усовершенствования врачей в г. Москве [5: 90]. 15 июля 1936г. назначается заведующим Базартюбинской больницы в Тайпакском районе, где проработал в этой должности до августа 1937 года. Своим честным трудом, порядочностью завоевал уважение среди населения. Бахтыгали Бисенов был скромным

сельским врачом. Он стоял у истоков врачебного дела не только Уральской области, но и всего Казахстана. Таких квалифицированных врачей, получивших высшее образование, было совсем мало. В среднем получается, что на одного врача в тот период приходилось 75-100 тысяч человек.

Б. Бисенов был арестован 16 сентября 1937 года. Осужден тройкой УНКВД по Западно-Казахстанской области от 15 февраля 1938 года по ст. 58-2, 58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания (приговор приведен в исполнение 19 февраля 1938 года в 21 час. 15 мин.). Заседание тройки постановило: Бакытгали Бисенова расстрелять, имущество, принадлежавшее ему конфисковать. Основание: Бывший алашординец Б. Бисенов пользовался большим авторитетом среди членов правительства Алашорды, обвиняется в принадлежности к контрреволюционной националистической организации.

В годы террора по таким надуманным статьям была уничтожена лучшая часть национальной интеллигенции, успешно работавших в разных отраслях экономики, науки, культуре, здравоохранения.

Казахстанцам часто инкриминировалось то, что они якобы являются японскими (иногда – германскими) шпионами, что подтверждалось только собственными «признаниями» обвиняемых и осужденных при отсутствии иных доказательств в делах. О том, как добывались эти «признания» мы узнаем из приказа принятого через после смерти Сталина. 4 апреля 1953 г., вновь назначенный главой министерства внутренних дел Берия подписал приказ № 0068 «О запрещении применения к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия». В нём говорилось:

1. Министерством внутренних дел СССР установлено, что в следственной работе органов МГБ имели место грубейшие извращения советских законов, аресты невинных советских граждан, разнузданная фальсификация следственных материалов, широкое применение различных способов пыток — жестокие избиения арестованных, круглосуточное применение наручников на вывернутые за спину руки, продолжавшееся в отдельных случаях в течение нескольких месяцев, длительное лишение сна, заклю-

чение арестованных в раздетом виде в холодный карцер и др.

2.... Такие изуверские «методы допроса» приводили к тому, что многие из невинно арестованных доводились следователями до состояния упадка физических сил, моральной депрессии, а отдельные из них до потери человеческого облика.

3. Пользуясь таким состоянием арестованных, следователи-фальсификаторы подсовывали им заблаговременно сфабрикованные «признания» об антисоветской и шпионско-террористической работе.

4.... Приказываю: 1. Категорически запретить в органах МВД применение к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия; в производстве следствия строго соблюдать нормы уголовно-процессуального кодекса».

Складывается впечатление, что до этого момента Берия был непричастен к творимому беззаконию в правоохранительных органах и только став главой министерства внутренних дел вдруг «узнал» об этом.

Распространенными были обвинения в антисоветской агитации и пропаганде, основывавшиеся главным образом на доносах соседей, сослуживцев, знакомых и даже родственников. В Казахстане широко практиковались обвинения в национализме, национал-уклонизме, создании националистических организаций, добивавшихся якобы отделения республики от Союза ССР. Многие лица были репрессированы по обвинению в подготовке и совершении террористических актов, диверсий, саботаже и т.д.

«Социальный заказ» вынуждал все репрессивно-карательные органы государства работать на полную мощность. Объем этой работы все возрастал и он был поставлен на «серийный поток». В 1927 г. ОГПУ было предоставлено право рассматривать ряд дел во внесудебном порядке, при этом прокуратуре запрещалось самостоятельно возбуждать дела против работников ОГПУ. В ознаменование заслуг перед государством 14 декабря 1927 г. ОГПУ было награждено орденом Красного Знамени. Циркуляры ОГПУ от 29 октября 1928 г. и 8 апреля 1931 г. закрепляли все судебные права «троек». В состав «троек» включались теперь представители обкомов ВКП(б) и исполкомов. «Тройки» были

главным инструментом массовых политических репрессий в 1937 - 1938 годах. Они рассматривали дела заочно, в ускоренном порядке, одновременно «пропуская» десятки, сотни дел, по которым могли проходить тысячи заранее обречённых человек.

На территории Карагандинской области, в самом сердце Сары-Арки, на заре 30-х годов возник один из самых больших концентрационных лагерей ГУЛАГа - Карагандинский ИТЛ ОГПУ-НКВД, Карлаг. Со всех концов Союза свозили сюда эшелонами тех, кто был осужден внесудебными органами ОСО и «тройками» НКВД и клеймен позорной кличкой «враг народа». Аресты шли по всей стране, не стал исключением и Казахстан. Оболганных, огульно, бездоказательно осужденных по ст. 58 УК РСФСР по обвинениям в «контрреволюционной, террористической, диверсионной, антисоветской» деятельности приговаривали к расстрелу, длительным срокам заключения в лагере.

Приказом устанавливались репрессии по отношению к членам семей приговорённых:

1.Семьи, «члены которых способны к активным антисоветским действиям», подлежали выдворению в лагерь или трудпосёлки.

2.Семьи расстрелянных, проживающие в пограничной полосе, подлежали переселению за пределы пограничной полосы внутри республик, краёв и областей.

3.Семьи расстрелянных, проживающие в Москве, Ленинграде, Киеве, Тбилиси, Баку, Ростове-на-Дону, Таганроге и в районах Сочи, Гагры и Сухуми, подлежали выселению в другие области по их выбору, за исключением пограничных районов.

4.Все семьи репрессированных подлежали постановке на учёт и систематическое наблюдение.

Акмолинский лагерь жен «изменников Родины» заключенные в нем матери, жены, сестры, дочери «врагов народа» и называли АЛЖИРом. Мемориальный комплекс так и называется — АЛЖИР

Послевоенный период характеризовался дальнейшим ужесточением партийного контроля за деятельностью ученых. Непосредственным контролем за тематикой и проведением исследо-

ваний занимались партийные организации вузов и АН. В апреле 1948г. был создан партком АН Казахской ССР. В мае 1951 г. в составе ЦК Компартии Казахстана был образован отдел науки и вузов. В период с 1946-1953 гг. бюро ЦК практически ежегодно, а зачастую по 2-3 раза в год рассматривало вопросы, связанные с деятельностью АН Казахстана. Многие из них носили сугубо политический характер и были началом различных кампаний по идеологизации науки. Однако имело место и прямое вмешательство партийных органов в профессиональную научную деятельность. Так, на съездах Компартии Казахстана 40-50-х гг. В резолюциях по отчетным докладом ЦК давались самые подробные директивы по всем актуальным направлениям научных исследований.

На всей идеологической работе тех лет отрицательно сказались допущенные неоправданно поспешные и резкие оценки творчества отдельных представителей научной и художественной интеллигенции. На страницах газет, да и в партийных постановлениях встречались необоснованные обвинения в «грубых политических ошибках», в «пережитках враждебной ленинизму идеологии» и др. Одним из методов репрессий в национальных регионах являлось обвинение в национализме, что вело к деформациям в сфере национальных и межнациональных отношений. «Порой под конкретные виды, формы проявления национализма подводили такие неоднородные явления как местничество и восхваление архаических бытовых, родовых обычаев и обрядов, национальное тщеславие и отказ от принципа партийности при освещении вопросов культуры, идеализация дореволюционного исторического прошлого и отождествление национального с религиозным» [6].

Репрессии против Ермухана Бекмаханова, Бегежана Сулейменова, Каныша Сатпаева, Мухтара Ауэзова, Есмагамбета Исмаилова, Хажыма Джумалиева, Ауелбека Коныратбаева и др.

В передовой статье «Правды» от 18 января 1953г. был «разоблачен» во враждебной деятельности научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР Б. Сулейменов, который якобы «обманным путем проник в ряды

партии, выдавая себя за разоблачителя буржуазных националистов, проводил активную националистическую работу, протаскивал враждебные «идейки» в своих лекциях» [7].

Специальным постановлением ЦК КП (б) 1947 года взгляды крупнейшего историка А. Маргулана, открывшего уникальный археологический памятник эпохи бронзы и раннего железа - Бегазы, были объявлены лженаучными.

Директор Института языка и литературы Есмагамбет Исмаилов был снят с работы, а затем исключен из партии «за систематическое протаскивание буржуазно-националистических взглядов в работах института и в своих собственных произведениях, за засорение института социально и политически чуждыми людьми».

В 1948 г. директор консерватории, известный композитор Жубанов А.К. году был обвинен в буржуазно-националистических извращениях в музыковедении Казахстана. Подверглись критике основные работы Жубанова «Курмангазы», «Жизнь и творчество казахских народных композиторов», «Музыкальная культура казахского народа», «Музыкальное искусство Центрального Казахстана».

В послевоенные годы появляются первые оркестровые сочинения М. Тулебаева «Казахская увертюра» (1945 г.) и «Лирический танец» (1947 г.). В эти же годы выходят в свет крупные циклические произведения В. Великанова «Казахская симфония» (1947 г.), «Дорогой мира» (1952 г.). Композиторам было поставлено в вину «поверхностное, неглубокое отражение явлений действительности. В симфонической музыке еще не запечатлены образы наших современников, героизм и романтика трудовых подвигов покорителей целины».

Политические репрессии 1920 – 1940-х годов имели для жизни общества и государства серьёзные негативные последствия:

1. Террор нанёс огромный урон всем сферам жизни общества. Произволу подверглись сотни тысяч ни в чём не повинных людей. Репрессии обезглавили промышленность, армию, сферу образования, науки, культуры. Пострадали партийные, комсо-

мольские, советские, правоохранительные органы.

2. В годы «большого террора» была «опробована» политика массового насильственного переселения - депортации. Первыми её жертвами стали корейцы, а в последующие годы - десятки народов (немцы, крымские татары, чеченцы, ингуши, балкарцы, турки-месхетинцы и др. депортированные в Казахстан)

3. Политический террор имел ярко выраженный экономический аспект. Все крупные промышленные объекты первых пятилеток сооружались с использованием дешёвого, принудительного труда заключённых, в том числе и политических. Без применения рабской силы невозможно было вводить в среднем 700 предприятий в год.

4. В 1920-1950-е годы через лагеря, колонии, тюрьмы и иные места лишения свободы прошли десятки миллионов человек. Только в 1930-х годах в места заключения, ссылку и высылку было направлено около 2 млн. человек по СССР и по Казахстану 100000 тыс., осуждённых по политическим мотивам.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. Март 1934 - 1940. М., 1997.
2. С сентября 1936 года - нарком внутренних дел СССР.
3. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937 - 1938. М., 2004.
4. «Алаш» козгалысы». А., 2008.
5. ЦГА Ф.82. Оп.2. Д.84.
6. Козыбаев И. Тридцать седьмой //Казахстанская правда, 1988, 8 сентября.
7. Правда. 1953. 18 января.

УДК 94 (470.41) «1941/1945»

Кабилова А.Ш.

*Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук
Республики Татарстан, г. Казань, aikabirova@mail.ru*

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ТАТАРСКОЙ АССР) ¹

В годы Великой Отечественной войны необходимость противостояния жестокому и сильному врагу потребовала концентрации и мобилизации всех наличных средств в стране. Колоссально возросшие военные расходы тяжелым бременем легли на государственный бюджет. В этих условиях власти вынуждены были пойти на ужесточение налоговой политики, выделив в качестве приоритетных направлений: введение новых выплат, расширение круга плательщиков, увеличение ставок налогов и т.п. Если до войны денежные средства в виде налогов от населения составляли 10-12 % бюджета, то в годы войны – около 25 % [10: 41]. Существенная их часть поступала через реализацию займов и денежно-вещевых потерей.

В начале войны основными государственными налогами, как известно, являлись сельскохозяйственный и подоходный. 3 июля 1941 г. Указом СССР к обоим налогам были установлены временные надбавки (Правда, 1941, 4 июля). Надбавка к сельхозналогу составила 100 %. От нее освобождались семьи, имевшие двух и более военнослужащих. Если в семье был один военнослужащий, размер надбавки уменьшался до 50 %. В среднем по стране сумма налога на одно хозяйство единоличников была в два раза выше, чем на хозяйство колхозников, и в три раза больше, чем на хозяйство рабочих и служащих. Это было сделано для того, чтобы привлечь к общественному труду всех трудоспособных членов колхозного двора.

В Татарстане сумма сельскохозяйственного налога на еди-

1. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 14-01-00306

ноличников возросла, например, с 202 руб. в 1940 г. до 498 руб. в 1941 г. (ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 470, д. 12). Налог на колхозников был существенно меньше. Но суммы даже в 100-200 руб. для многих из них оказывались неподъемными, к тому же часто выявлялись факты неправильного исчисления налоговых обложений. Об этом свидетельствуют жалобы, поступавшие в вышестоящие инстанции. Например, осенью 1941 г. в администрацию Бугульминского района Татарской АССР пришло письмо от военнослужащего Г.Е. Белянкина, который сообщал, что на его родителей «наложили сельхозналог в 100 руб., выплатить который они не в состоянии, т.к. его отец в возрасте 61 года, мать – 60 лет, сестра – 14, брат – 10 лет» (ЦГА ИПД РТ, ф. 86, оп. 1, д. 314, л. 2). Специальные финансовые органы обязаны были отслеживать ситуацию в каждой конкретной семье, т.к. семьям военнослужащих, а также престарелым гражданам, в хозяйствах которых не было трудоспособных членов семьи, полагались льготы [6: 31-32]. Родители Г.Е. Белянкина тоже попадали под действие этого закона, но льгота на них распространена не была. Подобные нарушения отмечались повсеместно. Согласно архивным документам, только в 1944 г. по 54 районам Татарской АССР официально от сельскохозяйственного налога было освобождено 112 тыс. хозяйств. Но проверки показывали, что в большинстве районов распоряжение о льготах не выполнялось. Так, в Кзыл-Юльском районе не вошли в список льготников, хотя имели на это право, 61 хозяйство, в Челнинском – 72, Агрызском – 78 и т.д. (НА РТ, ф. Р-128, оп. 2, д. 224, л. 15-16).

21 ноября 1941 г. (хотя начало его действия задним числом было отнесено к 1 октября) Указом Президиума Верховного Совета СССР в стране вводился налог на холостяков, одиноких и бездетных граждан [8: 177]. Под его статьи попадали мужчины 20-50 лет и женщины 20-45 лет. При заработке в 150 руб. налог исчислялся в 5 руб., с остальных граждан он брался исходя из ставки налогообложения в размере 5 % годового дохода. От уплаты освобождались военнослужащие и их жены, студенты, учащиеся средних учебных заведений, пенсионеры, граждане с противопоказаниями к деторождению. После принятия Указа от 8

июля 1944 г. об охране материнства и детства [8: 234-240] в порядок взимания данного налога были внесены изменения. За годы войны налог на холостяков дал около 6 % всех налоговых поступлений от населения [7: 43].

29 декабря 1941 г. был введен военный налог [8: 178-181]. К его уплате привлекались все граждане, достигшие 18 лет, независимо от источников дохода. Освобождались: военнослужащие рядового и начальственного состава всех родов войск, члены семей военнослужащих, получающие пособие от государства, мужчины 60 лет и старше, женщины старше 55 лет, не имеющие самостоятельных источников доходов, пенсионеры и инвалиды. Для колхозников и единоличников военный налог устанавливался в размере от 150 до 600 руб. в год с каждого члена хозяйства. Военный налог давал наибольшую долю налоговых поступлений. Например, в Сабинском районе ТАССР в 1943 г. при общем плане налогов в 7 млн. 401,4 тыс. руб. с сельчан по этой позиции было собрано более половины всех финансовых средств – 4 млн. 139,5 тыс. руб. (53 %) (ЦГА ИПД РТ, ф. 528, оп. 1, д. 346, л. 51). По подсчетам специалистов, военный налог в СССР в целом составлял, как правило, 54–56 % от общей суммы всех налогов [3: 143].

Разные виды денежных платежей складывались в весьма внушительную совокупную сумму. Выплатить ее было под силу не каждому. В письмах на фронт, несмотря на перлюстрацию корреспонденции, проскальзывали, например, такие строки: «Душат налогами... Председатель вызывает в 11 часов ночи и предлагает платить 3000 руб. Где их взять?..» (ЦГА ИПД РТ, ф. 86, оп. 1, д. 402, л. 14 об.).

Кроме денежных налогов, с каждого крестьянского двора (как колхозного, так и единоличного) предусматривалась также выплата натурального налога в форме обязательных поставок зерна, мяса, молока, шерсти [8: 155]. Личные хозяйства сдавали зерновые и картофель, яйца и животноводческую продукцию (важно отметить, что мясо и яйца сдавались независимо от наличия в хозяйствах скота и птицы). Освобождались от обязательных поставок только хозяйства нетрудоспособных членов семей; хозяйства престарелых, сыновья которых находились на действи-

тельной военной службе, а в семьях оставались жены с детьми до 7 лет; хозяйства красноармейцев, если глава семьи находился на действительной военной службе, а в семье оставалась жена с детьми до 7-летнего возраста; хозяйства инвалидов войны и труда.

Эти натуральные поставки вызывали наибольшее недовольство у обессилевших от голода и напряженного труда крестьян. Сохранившиеся в архивах жалобы родным и близким – наглядное тому подтверждение: «Папа, ты говоришь, на чем остановились наши платежи. Мясом велят платить, молоко и яйца тоже велят носить. У нас сеять нечего, картошки нет... Так что жить невозможно, здесь подохнем от голода» (Михеева В.И.); «...С нас берут все налогами и не знаем, чем платить... Прямо жить никак нельзя (Масленников М.М.) (ЦГА ИПД РТ, ф. 86, оп. 1, д. 402, л. 14).

Отчаянное «жить никак нельзя» сельчане подкрепляли подробным описанием своих мытарств. Так, в письме Лабановой читаем: «Живем очень плохо. Хлеба не видим, и картошки нет. Едим одну траву. Я сама о себе не думаю, но жаль Владика (сына. – А.К.). Он не видит не только хлеба, но даже болтушки из муки...». Об аналогичной тяжелой ситуации, в которую попала ее семья, сообщает Данилова: «Живу плохо..., измучилась до невозможности... Я мучаюсь с детьми, ежедневно укладываю спать голодными» (ЦГА ИПД РТ, ф. 86, оп. 1, д. 402, л. 10, 101).

Выживание на селе в военный период по сути превращалось в каждодневную задачу. Выдача зерновых и картофеля на душу населения в колхозах сократилась в 3 раза. Согласно данным официальной статистики, крестьянин в 1942-1943 гг. получал на руки меньше 200 грамм зерна и около 100 грамм картофеля [1: 341]. Недоедание и голод, без сомнения, были в военные годы самыми насущными проблемами. Собранные за долгие годы работы над темой мемуары ветеранов позволяют получить достаточно адекватное представление о военной повседневности сельских жителей. Каждая семья выживала, как могла. Так, Галиябану Даминова из Верхнеуслонского района ТАССР рассказывала: «В войну было очень голодно. Питались гнилой мерзлой картошкой,

картофельными очистками. Летом выручал «подножный корм»: ели полевой хвощ, цветки клевера, крапиву, щавель». Магинур Зарипова из Ново-Шешминского района Татарстана вспоминала: «Хлеба, конечно, не хватало. Да и трудно назвать хлебом то, что мы пекли. За «палочки» давали зерно и отходы, их мололи в муку. Затем в тесто добавляли какую-либо растительность: кислицу, крапиву, сухие картофельные очистки и выпекали небольшие лепешки. У многих после употребления такого хлеба болели желудки. Голод испытывали постоянно...» (архив автора).

Голод действительно был страшным испытанием. Стремясь избежать его хоть каким-то образом, люди не брезговали ничем: ели падшую скотину, причем достать хотя бы небольшой кусок мяса считалось невероятной удачей; грибы, которые ранее считались несъедобными, но в лихие годы закрывали на это глаза, надеясь, «авось пронесет»; воровали колоски с полей (о случаях воровства колосьев в военные годы вспоминают практически все респонденты), чтобы размолоть их и затем получить муку, расхищали и прятали в замаскированных ямах колхозное зерно.

И при таком бедственном материальном положении сельчане должны были выполнить обязательные налоговые поставки. В случае неуплаты платежей в строго определенные сроки народным судам разрешалось налагать штрафы на недоимщиков за несданные продукты в размере двукратной стоимости, исчисленной по рыночной цене, и производить опись имущества для принудительного погашения задолженности [9: 356-358]. В счет недоимок, как правило, уводили живность: овец, коз, свиней. «У нас за налоги отобрали последнего поросенка и грозят еще отобрать оставшуюся овечку. Выплачивать налоги совсем нечем» (строки из письма Ирины Мусенко); «...Нас, 70-летних стариков, обложили налогами. Описали за налог теленка, овцу и передали в суд» (обидой сообщает родственникам Петр Беспалов) [4: 199-200]. Нередко налоговые агенты намеренно приходили к крестьянам на рассвете, чтобы успеть отобрать у неплательщиков налогов животных до выгона стада [2: 33].

Тяжелее всего колхозники воспринимали требование отдать в счет погашения задолженности лошадь или корову. «Очень

плохо обстоит дело с налогами, – делится своими бедами с мужем-фронтовиком Гревцова из дер. Ефановка, – я же не в силах платить, ты сам знаешь, нечем. На днях вызвали в нарсуд. Дав всего три дня, приказали выплатить все. Иначе через три дня сведут от детей последнюю корову...». И просит: «Дорогой Вася, похлопочи скорее, ведь я корову не отдам, они сулят мне 10 лет заключения как злостной неплательщице!» (ЦГА ИПД РТ, ф. 86, оп. 1, д. 402, л. 97). К сожалению, изъятие коров в счет уплаты налогов в голодные военные годы превратилось практически в норму жизни. Именно так только в Октябрьском районе ТАССР только в 1942 г. у семей колхозников забрали как минимум 50 коров. Вот как описывали свидетели эту печальную картину: «Жены красноармейцев и дети при изъятии коровы плачут, идет по улице за коровой, при этом говорят, что «мой муж защищает Родину, а вы здесь конфискуете последнюю корову...» [5: 152]. Такие факты отмечались также в Первомайском, Таканьшском, Верхнеуслонском районах Татарстана (ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 834, л. 57, 59; д. 470, л. 7, 13). Как справедливо подчеркивает исследователь Р.Р. Хисамутдинова, «не было в деревне той поры фигуры более зловещей, вызывающей панический страх населения», чем сборщик налогов и уполномоченный по государственным заготовкам [9: 361].

Подверглась перестройке и система местных налогов и сборов. Они взимались на основании Указов Президиума Верховного Совета СССР от 21 апреля 1942 г. и от 27 сентября 1943 г. К местным налогам относились налог со строений, земельная рента, сборы с владельцев транспортных средств вплоть до велосипедов, выездных и рабочих лошадей, используемых в извозном промысле, разовый сбор на колхозных рынках и др. Кроме того, в сельской местности существовала еще одна форма платежей – самообложение, которое было введено Постановлением ЦИК и СНК СССР от 11 сентября 1937 г. и в отличие от налога являлось добровольным сбором. Эти средства предназначались на прокладку и ремонт дорог, постройку и ремонт школ, больниц и пр.

Для сборов налогов существовал большой государственный штат. За своевременность и правильность начисления пла-

тежей отвечали финансовые органы. Не все трудившиеся в этой сфере работники смогли в годы войны сохранить безупречную репутацию. В Татарский областной комитет ВКП(б) поступали сигналы о преступной деятельности ряда финансовых работников, расхитивших и растративших громадные суммы денежных средств. Так, по 11 районам республики агентами финансовых органов оказалось присвоено 205 тыс. руб., поступивших от населения в виде налогов и сборов. В том числе 100 тыс. руб. государственных средств было расхищено из государственной казны в Камско-Устьинском районе ТАССР, по 24 тыс. руб. – в Мензелинском и Ютазинском. Аналогичные факты были вскрыты в Теньковском, Сабинском, Балтасинском, Подберезинском и других районах (ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 1668, л. 108).

Партийное руководство республики не могло остаться в стороне от этой острой проблемы. С целью устранения подобных случаев было решено провести документальную ревизию деятельности всех финансовых агентов, усилить кадровую политику, пересмотреть состав налоговых инспекторов, освободив от работы сомнительных и неспособных сотрудников, активизировать массово-политическую работу в системе Наркомфина ТАССР (ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 1668, л. 109).

Непосредственно к налоговым сборам примыкает, на наш взгляд, и практика размещения военных займов и распространение билетов денежно-вещевых лотерей.

Первый государственный военный заем был выпущен весной 1942 г. Он был рассчитан на 20 лет. В ходе реализации государственных военных займов особое значение придавалось агитационным методам работы с населением: на полевых станах, в избах-читальнях проводились митинги, собрания, пропагандистские летучки и т.п. Несмотря на декларативную «добровольность» партийно-советские органы особо контролировали ход подписки, призывая сельчан подписываться в максимально короткие сроки. «Отказников» подвергали обструкции: их называли «пособниками Гитлера», «прорабатывали», формируя вокруг негативное общественное мнение.

Еще более кардинальные меры принимались по отноше-

нию к ответственным за проведение займовых кампаний лицам. Так, неудовлетворительные, по мнению Татарского обкома партии, темпы реализации Государственного военного займа 1942 г. в Верхнеуслонском и Юдинском районах республики стали предметом разбирательства на специальном заседании бюро от 6 апреля 1942 г. Принятая по ходу обсуждения резолюция гласила: «Бюро обкома ВКП(б) считает вредным, совершенно недопустимым в условиях военного времени настроения руководителей отдельных партийных организаций, считающих невозможным (курсив мой. – А.К.) проведение займовой кампании в 1–2 дня и намеревающихся затянуть ее на продолжительное время» (ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 372, л. 54).

Не гнушались ответственные при проведении займовых мероприятий и методами силового давления на колхозников. Через угрозу изъятия домашних животных людей заставляли подписываться на те суммы, которые обеспечили бы выполнение разнарядок. Отчаянную безысходность в положении людей и одновременно алгоритм действий властей, когда дело касалось сбора обозначенных сумм, можно проследить по письму Сидоровой из колхоза «Борец труда» Петровского сельсовета Бугульминского района республики, поэтому приведем из него пространную выдержку. Обращаясь к отцу, девочка пишет на адрес полевой почты: «Папа, вот, например, подписывают на заем. Подписывают добровольно, кто сколько может. Вот мы и подписались на две сотни, а у нас не берут, просят четыре. Кроме того, налогу – 1200 рублей, вот, подумай, папочка, где взять... Ни грамма хлеба не дают, питаемся только картошкой; овец, теленка и машину швейную промотали за налоги, а жить чем-то надо. И вот за этот заем у нас свели со двора корову...». Чтобы вернуть «кормилицу» в хозяйство, семье Сидоровых пришлось занять еще 200 руб. и отдать в счет займа 400 руб., как того требовали налоговосборщики. «И это называется добровольный заем», – с безысходностью заключает автор письма (ЦГА ИПД РТ, ф. 86, оп. 1, д. 402, л. 34).

Разумеется, было бы несправедливо при рассмотрении вопроса о реализации госзаймов сводить все только к «нажимным» методам. Не подлежит сомнению, что многие граждане готовы

были отдать последнее, лишь бы приблизить окончание войны. Высокий патриотизм и готовность советских людей к самопожертвованию ради Победы хорошо известна и общепризнанна. Кроме того, здесь хотелось бы подчеркнуть еще одно обстоятельство, на которое обратила внимание исследователь Н.П. Палеев: факт подписки на заем не всегда совпадал с ее оплатой, т.к. разово и немедленно изыскать наличные средства в крупных масштабах (здесь и сейчас) было совершенно непосильной задачей. Подписанные средства собирались значительно позже, а значит, граждане полагали, что у них есть время, чтобы уложиться в назначенные сроки. Размещение займа продолжалось в течение многих месяцев и осуществлялось через систему уполномоченных в сельских районах [7: 51].

Благодаря различным методам работы с населением, контролю партийных инстанций Первый государственный военный заем в Татарстане был реализован довольно быстро. Доход от его размещения составил 268 млн. 133 тыс. руб. Идентичными способами в республике были реализованы последующие военные займы: второй – на 366 млн. 842 тыс. руб., третий – на 326 млн. 238 тыс. руб. Итоговая сумма всех поступлений по государственным займам в Татарской АССР за годы войны (1940–1944 гг.) достигла 1 млрд. 158 млн. 059 тыс. рублей. 48 % из них составила доля сельчан, 52 % – горожан (НА РТ, ф. Р–128, оп. 2, д. 254, л. 93).

Практически ничем не отличалась по формам организации и проведения от займовых кампаний подписка на билеты денежно-вещевых лотерей. Директивы и указания вышестоящих органов не обсуждались, а неукоснительно исполнялись. Всего было выпущено четыре лотереи. Сообщение о проведении первой на общую сумму в 1 млрд. руб. было опубликовано 29 ноября 1941 г. Далее денежно-вещевые лотереи проводились в июле 1942 г., октябре 1943 г., октябре 1944 г. Так же, как в случае с реализацией займов, была развернута агитационно-пропагандистская работа с населением, и по уже апробированной схеме на места сверху спускались жесткие требования о сроках подписки. Первая денежно-вещевая лотерея принесла в государственный бюджет от

Татарстана 25 млн. 440 тыс. руб., вторая – 76 млн. 813 тыс., третья – 94 млн. 169 тыс., четвертая – 78 млн. 374 тыс. руб. Общая сумма от их распространения составила 274 млн. 796 тыс. руб. При этом 63 % всех средств дало село, 37 % – город (НА РТ, ф. Р–128, оп. 2, д. 254, л. 93).

Таким образом, изученный комплекс документов и материалов позволяет утверждать, что в годы Великой Отечественной войны государственные органы вынуждены были в силу объективных обстоятельств проводить жесткую фискальную политику, целью которой являлось привлечение имевшихся в стране денежных средств в сферу военного производства, получение дополнительных сумм на финансирование общегосударственных мероприятий, содержание административного аппарата и т.п. Система налогообложения в стране была заново структурирована. Организованный, добровольно-принудительный характер имели и размещаемые в государстве займы и денежно-вещевые лотереи, что тоже позволяет отнести их к налоговым сборам. Людям часто приходилось поступаться жизненно необходимым, чтобы только рассчитаться по обязательным государственным платежам. Но социального протеста подобная политика властей у сельчан не вызывала, так как крестьянство осознавало, что в чрезвычайных условиях это нужно для скорейшего разгрома врага и достижения Победы.

Сокращения в тексте:

НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан (г. Казань).

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории (г. Москва)

ЦГА ИПД РТ – Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (г. Казань).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. 2-е изд., доп. – М.: Наука, 1970. – 466 с.

2. Галлямова А.Г. История Татарстана: модернизация по-советски (вторая половина 1940-х – первая пол. 1980-х гг.). – Казань: Магариф, 2010. – 223 с.
3. Зверев А.Г. О некоторых сторонах истории советской финансовой системы // Вопросы истории. – 1969. – № 2. – С. 138–144.
4. Кабирова А.Ш. Война и общество: Татарстан в 1941–1945 гг. – Казань: Изд-во «ФЭН» АН РТ, 2011. – 468 с.
5. Кривоножкина Е.Г., Ханипова И.И. Сельское население Татарской АССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. – Казань: Центр инновационных технологий, 2011. – 464 с.
6. Марьяхин Г.Л. Налоги и сборы с населения и колхозов. – М.: Госфиниздат, 1946. – 168 с.
7. Палецких Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. – Челябинск, 1995. – 184 с.
8. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1944 гг. 2-е изд. – М.: Издание «Ведомостей ВС СССР», 1945. – 359 с.
9. Хисамутдинова Р.Р. Аграрная политика советского государства и ее осуществление на Урале (1940 – март 1953 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. – Оренбург, 2004. – 729 с.
10. Чадаев Я. Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Мысль, 1985. – 494 с.

УДК 947.084.2

Комиссарова И.А.

ИГУ, г. Иваново, РФ, komissarova.ir.an@gmail.com

**ПРЯМЫЕ НАЛОГИ ВПЕРВЫЕ ГОДЫ НЭПА:
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ПЛАТЕЛЬЩИКИ.
(некоторые аспекты проблемы)**

Налоговая практика 1920-х годов определялась идеологическими рамками. С этой точки зрения налог трактовался как

принудительный сбор, взимаемый государственной властью с отдельных хозяйствующих лиц или хозяйств для покрытия производимых ею расходов или для достижения каких-либо задач экономической политики без представления плательщикам его специального эквивалента [1: 11].

К основным составным элементам налогового обязательства относятся: объект обложения – предмет, на который падает налог (доход, земля, имущество, заработная плата, капитал и т.п.), и плательщик (субъект налога) – лицо или хозяйство, выполняющее возложенные на него налоговые обязательства в силу обладания им объектом налогообложения.

В зависимости от объекта обложения и способа изъятия налоги делятся на прямые и косвенные. Косвенные налоги – это налоги на товары и услуги, устанавливаемые в виде надбавки к цене или тарифу, т.е. официальным субъектом платежа является владелец товара, а фактическим носителем – покупатель, который возмещает из своего дохода причитающуюся первоначальному субъекту платежа сумму налога. Этот процесс носит название переложения налогов. Прямые налоги – это налоги, взимаемые государством непосредственно с доходов или имущества налогоплательщика, т.е. они непереложимы, названный в законе субъект платежа сам из своего дохода выплачивает налог. Проблема переложимости налогов не связана только с классификацией платежей. Это вопрос экономический и социально-политический. Поэтому на протяжении 1920-х годов анализ процесса переложения налогов неоднократно оказывался предметом дискуссий в среде экономистов. Решение этой проблемы позволяло определить действительную тяжесть обложения. Так, например, промысловый налог многие считали переложимым налогом, относили к разряду косвенных платежей. Автор придерживается официального перечня прямых налоговых платежей, зафиксированных в росписи государственных бюджетных доходов в 20-е годы XX века. По ней к прямым налогам относились: промысловый налог, подоходный налог, сельскохозяйственный налог и некоторые другие платежи.

Конкретное воплощение налоговых форм в сферу экономи-

ческих отношений напрямую затрагивает интересы каждого отдельного человека как субъекта платежа.

В историографии проблемы, несмотря на обилие работ, прямые платежи как отдельная, целостная система не рассматривались. Малоизученным можно считать тему отношения человека к государственной налоговой политике. В трудах затрагиваются лишь отдельные проблемы в связи с изучением вопросов истории налогов вообще, или частных проблем финансов, экономики, промышленности и т. п.

Далее скажем несколько слов о тех работах, в которых налоги рассматриваются, в том числе в контексте взаимоотношения плательщиков и государственной власти. Периодом активного изучения проблем прямого обложения можно считать только двадцатые годы, поэтому остановимся на работах именно этого времени. В периодических изданиях разного уровня появлялись статьи, заметки, обзоры состояния налогового дела в государстве. К теме финансов обращались в первую очередь работники различных наркоматов, так или иначе заинтересованных в унификации обложения (НКЗ, НКФ, НКТорг, ВСНХ и др.). Каждый из наркоматов имел свой печатный орган, на страницах которого разворачивались дискуссии об итогах налоговой компании или по вопросам необходимых реформ прямого обложения. Оценка сложившейся системы была дана представителями различных направлений экономической мысли. Несмотря на разнообразие точек зрения, можно выделить общие присущие всем работам этого периода черты.

Во-первых, большинство работ нельзя назвать чисто исследовательскими, они находятся на грани источник – исследование, в силу того, что были написаны в изучаемый период. Во-вторых, большая часть авторов, подходила к проблеме прямого обложения с точки зрения своих узких профессиональных интересов (как финансисты, аграрники, чиновники государственного аппарата). В-третьих, цифры, на которые опирались исследователи в своих изысканиях, являются результатом собственных вычислений, предположений, в лучшем случае результатом статистических обследований отдельных наркоматов, не обладающих пол-

ной картиной обложения в стране. В-четвертых, большинство работ носит дескриптивный характер, что может, как отражать истинное содержание описываемых процессов, так и искажать их. В-пятых, во всех статьях, опубликованных с 1921 по 1929 год, помимо анализа существующего положения приводятся рекомендации по усовершенствованию системы.

Наибольший интерес с историографической точки зрения представляют работы Петра Маслова, профессора А.А. Соколова, сотрудников НКФ Ю. Ларина, П. Гензеля, Г.Я. Сокольников, профессора Н.Д. Кондратьева, а также ряд сборников с трудами по отдельным экономическим вопросам.

Так, например, Кондратьев подчеркивает, что налоговый аппарат обязан учитывать своеобразие сельскохозяйственного производства и бережно относиться к крестьянству. Кондратьев оценивал сельскохозяйственный налог, в первую очередь как орудие финансовой политики, критиковал сложившуюся высоко прогрессивную шкалу обложения, подчеркивая ее негативное влияние на зажиточное крестьянское хозяйство, которое, по его мнению, основа будущего процветания советского государства [2: 364-375]. Теоретические изыскания П.П. Гензеля сводятся к уточнению классификации прямых налогов по объектам обложения. Деление прямых налогов на реальные и личные, предлагаемое профессором, имеет чисто теоретический характер, мало связанный с реальной практикой обложения. Теорией налогов в двадцатые годы занимались Петр Маслов и А.А. Соколов [3]. Авторы, названных трудов, предприняли попытку связать основные принципы экономической политики с конкретным экономическим строительством. В отличие от изысканий А.А. Соколова, Петру Маслову удалось абстрагироваться от довлеющего над налогами классового подхода, и дать объективную оценку интересов государства и требований народного хозяйства к налогам. А.А. Соколов не признает за налогами другой функции кроме, как расширение сферы обобщественного сектора за счет сферы частного хозяйства.

Петр Маслов, в отличие от профессора Соколова отмечает, что интересы государства в области прямых налогов могут не

совпадать с нуждами народного хозяйства. Поэтому, необходимо находить разумный компромисс между классовым подходом и накоплением в частном секторе. Так же П. Маслов обращается к проблеме переложения налогов, отмечает, что прямые налоги в значительной мере могут быть переложимы на потребителя.

Своеобразный итог изучению проблемы обложения населения был подведен комиссией СНК СССР под председательством М.И. Фрумкина. Основываясь на многочисленных вычислениях работников ЦСУ, НКФ СССР и материалах заседания, собственно комиссии, в состав которой входили сотрудники НКФ, НКЗ, ВСНХ, РКИ, был опубликован совместный доклад [4].

В работе нашли свое отражение такие проблемы, как тяжесть обложения различных групп населения (сельскохозяйственного и несельскохозяйственного) и слоев общества (рабочие, капиталистические элементы и другие), проблема переложения налогов, участие различных групп и слоев населения в уплате налогов и доля их участия в бюджете, в сравнении с общей численностью населения и доходов на душу населения. Комиссия пришла к выводу, что центр тяжести обложения всеми прямыми налогами постепенно переносится (с 1924 по 1927 годы) на несельскохозяйственное население, но при этом относительное понижение суммы отдельных налоговых платежей сельскохозяйственного населения не распространяется на верхушку деревни. Все большая часть налогового бремени падает на буржуазию в городе и зажиточных крестьян в деревне. Все более усиливающую роль и в Госбюджете и для плательщиков, начиная с 1924 года, играют переложимые налоги.

Итак, в двадцатые годы, было опубликовано более десятка работ, посвященных изучению различных сторон налоговой системы. Были подняты следующие проблемы: участие отдельных групп населения в уплате налогов (в большей степени участие частного капитала и зажиточных слоев в деревне), дана характеристика налогам, как орудию классовой политики, роли обложения в установлении смычки между городом и деревней, переложение прямых налогов, роль практики обложения в поступлении платежей в бюджет, развитие системы сельскохозяйственного на-

лога, соотношение интересов государства и народного хозяйства в построении системы.

Для периода 20-х годов характерна альтернативность точек зрения. Догмы и аксиомы, основанные на партийной линии, только начинают складываться. К 1929 году окончательно оформляется основной постулат: законы о налогах правильные и приняты во время, а причина всех недостатков системы в несовершенстве аппарата, недоучете и слабом контроле.

Налогообложение с самого начала было задумано для получения и только для получения доходов. И только с течением времени оно стало преобразовываться в инструмент исполнительной власти в деле социальной реконструкции общества. Причем в силу своей многоплановости и многофункциональности главное назначение налогов (как источника доходов) отошло на второй план, уступая место контролирующей и регулирующей функциям. По этой же схеме развивалась система прямого обложения советского государства.

Прямые налоги с первых лет советской власти, являлись основой системы обложения. Первоначально, сохраняется и действует система обложения, оставшаяся от царского правительства, но постепенно государство производит изменения в структуре налогов, становятся популярны чрезвычайные (классовые) налоги. Далее в связи с кризисом всего народного хозяйства налоги принимают форму натуральных выплат.

К началу 1921 г. советское государство оказалось с полностью разрушенной налоговой системой и фактически распавшимся налоговым аппаратом. Поэтому с переходом к нэпу партийно-государственному аппарату пришлось заняться воссозданием налоговой системы. Началом этой работы стало решение X съезда РКП/б/ о замене разверстки продналогом. С этого декрета начинает складываться система прямого обложения новой экономической политики.

С точки зрения советской власти, вопрос о продналоге был, прежде всего, политическим, так как должен был способствовать улучшению отношений между рабочим классом и крестьянством, а, по сути, между диктатурой пролетариата и разоренной дерев-

ней. Однако и в 1921 году, как и в 1920 г. равномерное распределение налоговых обязательств между городом и деревней было невозможно. Деревня кормила город, сдавая продукты по продналогу, город в лице властей, армии и налогового аппарата, взял на себя регулирующие функции. Продналог в этом случае выступал как средство учета производства в сельском хозяйстве и метод контроля над развитием массы крестьянских хозяйств.

Пока государство решало глобальные социальные проблемы взаимоотношения классов в советском государстве. Конкретным крестьянам чтоб избежать обременительного налога приходилось преувеличивать количество едоков, скрывать пашню. В ответ на скрытое противодействие со стороны крестьян правительство опубликовало целый ряд постановлений о применении административных мероприятий в целях обеспечения исправного поступления продовольственных и сырьевых налогов [5]. Среди мер наказания неисправных плательщиков назывались: арест (в Ижевской губернии – 200 человек из 2 615 случаев административного наказания); принудительные работы, конфискация имущества, начисление штрафа, предание суду ревтрибунала, закрытие местных рынков (например, медом в Урманской заготконторе Автономной Чувашской области, мясом в Ижевской губернии в одном из уездов) [6: 43,46,47,49]. Самым действенным наказанием был ввод войск с постоем за счет местных жителей. Большинство губпродкомиссаров успех продналоговой компании ставили в прямую зависимость от вооруженных сил, об этом сообщалось из Марийской автономной республики: «каждый фунт приходится выколачивать с помощью вооруженных отрядов», Владимирской губернии, и еще из 15 губерний [7: 33; 8: 488].

Популярность среди властей силовых методов сбора налога объяснялось несколькими причинами. Во-первых, положительный опыт подразверстки, применение силы всегда давало результат. Во-вторых, практически полное отсутствие податной дисциплины, любые послабления в организации сбора, расценивались крестьянами как возможность ускользнуть от обложения. В-третьих, слабость податного аппарата, которому другие методы организации сбора были недоступны.

Другими словами, если в масштабах страны, в первую очередь за счет снижения суммы продналога удалось снять социальное напряжение в обществе. То в отношении крестьян (как плательщиков) к власти на местах напряжение оставалось, приняло скрытую форму укрытия продуктов, попадающих под продналог.

Множественность, как характерная черта обложения, так же создавала проблемы для крестьян. Последний декрет о продналоге вышел только в конце 1921 г., все это время плательщик находился в неведении, какой очередной продукт попадет под обложение и в каком количестве. Крестьяне несли дополнительную налоговую нагрузку на потери времени, фуража, в результате обвесов, браковке при приеме. Государство недополучало продукты по причине хищений агентами, порчи, в результате бесхозяйственного употребления, собранных продуктов и сырья.

Крестьянин был вынужден нести всю тяжесть обложения самостоятельно. К 1922 году на эту категорию населения падали следующие прямые налоги: трудгужналог, местные по постановлению о местных денежных средствах, самочинные, принимаемые губернскими, волостными органами исполнительной власти с целью покрытия дефицита местного бюджета и основной натуральный налог. Натуральная форма сельскохозяйственного налога, даже сведенная к единому платежу уже с середины 1922 года, не соответствовала установившимся экономическим отношениям. Налог в сельском хозяйстве падал на хозяйство (производство), а не на доход от него, поэтому вне зависимости от успеха или неудачи того или иного сельскохозяйственного мероприятия, налог приходилось уплачивать. Это вызывало закономерное желание уменьшить количество земли, скота, сенокоса и уклониться от уплаты. В СНК приходило множество телеграмм примерно одного содержания: «в виду неурожая в прошлом году ... скота нет ... применяли ручную обработку полей, просьба понизить налог на ... процентов» или «посевы влиянием бури, градобития полегли. Натура не отвечает кондиции ... категорически настаиваем на понижении натуры на ... процента» [9: 78, 79]. СНК и НКП в ответ на запросы с мест рекомендовали волостным и уездным продкомиссарам проводить компанию по сбору налога как

ударную, с использованием всех возможностей и прилагать все усилия к выявлению сокрытых объектов обложения [9: 48, 10]. Натуральная форма платежа предполагала доставку облагаемых продуктов в заготконтору. Зачастую это обходилось крестьянину дороже самого налога. Во-первых, налог сдавали к определенному сроку, как правило, массово, это создавало очереди у пунктов приема, иногда ждать приходилось в течение нескольких дней. Во-вторых, сроки сдачи устанавливались в разное время года, в том числе и в распутицу, расстояние до заготконтор могло быть до 70-80 верст, это вело к поломке средств передвижения, а не редко к гибели гужевой силы.

Как следствие этих явлений податная дисциплина в среде крестьян была наиболее низкой. По предположениям РКИ о поступлении доходов в бюджет за 1922/1923 хозяйственный год, после 9 месяцев сбора налога, недобор по натуральному налогу составит 104 328 тыс. реальных рублей, т.е. около 50% бюджетных предположений [10: 48]. Этот недобор нельзя относить только за счет тяжести налога и недоимочности крестьян, имели место объективные причины – неурожай. Для решения проблемы правительство, прежде всего, применяло силу исполнительного аппарата. Наказанию подвергались как плательщики, так и ответственные за сбор продналога (упродкомиссары, агенты).

С вводом промыслового обложения в середине 1921 года налоговое бремя распространилось и на городские слои. НКФ, разрабатывая планы на будущее, отмечал, что нет логических оснований с точки зрения государственной, подвергать обложению только лишь крестьянство и оставлять вне налогового воздействия другие группы населения [11: 91]. Далее было решено значительно расширить круг плательщиков в частном секторе. Заместитель народного комиссара финансов Альский отмечал, что промысловый налог 1921 года вводился, когда еще не было известно, как нэп повлияет на развитие торговли и промышленности. Поэтому решено было увеличить количество разрядов, т.е. индивидуализировать обложение и дополнительно обложить торговлю предметами роскоши.

19 ноября 1922 года в центральной печати был опубликован

декрет о новом прямом подоходно-поимущественном налоге. По нему обложению подлежали все юридические лица и проживающие в городах граждане и всякого рода общества, получающие доход от участия в торговых и промышленных и кредитных предприятиях, в качестве собственников, владельцев и совладельцев, арендаторов. А так же лица получающие доход от всех занятий ремеслами и другими промыслами, от владения зданиями, денежными капиталами, занятий свободными профессиями. Обложению подлежало имущество, не состоящие предметом промысла. На каждое окладное полугодие устанавливался необлагаемый минимум и размер одной ставки (доли), число долей с плательщика определялось по шкале, в которой было 14 разрядов по доходу и 11 по имуществу [12].

Ввод подоходно-поимущественного налога в октябре 1922 года был не столько экономической мерой, сколько шаг в чисто классовых интересах. Во-первых, налог не перелагаем, всей тяжестью падал на непосредственного плательщика. Во-вторых, вводилось прогрессивное обложение, ставки высших разрядов сильно отличались от низших и средних, при незначительной разнице в доходах (так при увеличении от разряда к разряду суммы налога на 0,8 % количество долей и их размер увеличивались в 0,6 раза). В-третьих, брался налог исключительно с представителей не обобществленного сектора. В-четвертых, для нового подоходно-поимущественного налога не было экономических оснований. В-пятых, налоговый аппарат был не готов к организации подоходного обложения.

В силу классового характера нового налога фискальный доход от него был очень незначительный. По сведениям из 7 губерний, разных районов республики проведение налога в первой половине 1922/1923 хозяйственного года вызвало сокращение количества плательщиков ко второму полугодю, практически во всех губерниях. Так в Московской губернии в первом полугодии к обложению привлекли 106897 субъектов, а во втором 97858 субъектов платежа, в Брянской области – 4066 плательщиков в первом полугодии, и только 3806 во втором. Самое большое количество плательщиков приходилось на Московскую губер-

нию, чем дальше от Центра, тем количество плательщиков было меньше (в Новгородской губернии всего 3689, в Вятской 5414). К недоимщикам, как при взимании единого натурального налога применялись меры административного и уголовного наказания. Чаще остальных налоговый аппарат применял опись имущества и арест (246 раз из 349 случаев, применения принудительных мер по 8 губерниям) [13: 24, 164].

В системе подоходного налога самое большое количество плательщиков приходилось на категорию «А» (труд по найму) – 44,6%. Тогда как плательщики категории «В» (владельцы и совладельцы) выплачивали – 69,7% от всей суммы налога. Это свидетельствовало о значительной тяжести подоходного налога для этой категории. В совокупности с другими платежами, приходящимися на одного плательщика, в отношении к среднему доходу, процент изъятий составлял – 46,9% [14: 6].

Неустойчивость и обременительность налоговой политики, вытеснение частника с легального рынка толкали его к спекулятивной торговле (например, мануфактурой) и переходу на валютный рынок, накопление стали производить в валюте, что сказывалось на устойчивости рубля и вело к инфляции.

Однако в этот период вытеснение не приняло формы массового явления. Часть владельцев предприятий объединяла свои усилия, образуя совместные предприятия, пытаясь таким способом облегчить обложение. Другая часть открывала новые заведения под другим названием.

Подводя первые итоги налоговой политики, необходимо отметить три важных момента. Во-первых, правительство в лице СНК и ВЦИК наглядно продемонстрировали, что государство, прежде всего, преследует свои интересы. Во-вторых, развитие системы прямого обложения пошло по экстенсивному пути. Вместо того чтобы унифицировать уже существующие платежи, усовершенствовать практику взимания и вернуть налогам их изначальную функцию, и за счет этого снять напряжение в отношениях населения к налоговому аппарату и налоговой политике в целом, традиционной становится практика принятия новых и увеличение ставок уже существующих платежей. Техника орга-

низации налогового дела перешла в разряд второстепенных задач. Не был готов к полноценной унификации системы обложения и неукomплектованный кадрами налоговый аппарат. Поэтому, план фактического сбора налогов был выполнен только на 80% [15: 7]. В-третьих, в 1922 году налоговая система советского государства по сути еще не являлась системой. Это был набор ничем не связанных платежей (ни общей идеей, ни органом сбора), разных по форме, назначению и характеру (денежные налоги, натуральные и чрезвычайные). Единственным объединяющим звеном для всех податей были: примитивный характер и множественность основных платежей.

Еще в 1922 году правительство обратилось к социальной функции прямых налогов. На XI съезде в резолюции о финансовой политике указывалось: «Налоговая политика должна иметь задачей регулирование процессов накопления путем прямого обложения имущества, доходов и т. п.». Она объявлялась главным орудием революционной политики пролетариата [16: 496].

Социальная направленность налоговой политики в деревне имела свои особенности. Государство пыталось заинтересовать крестьянина в развитии и увеличении своего хозяйства. Поэтому размер налога не ставился в зависимость от социальной принадлежности (зажиточный, маломощный или середняк). Основанием для обложения было количество скота, земли и т.п. Регулирующая функция налогов проводилась через систему льгот. Так для беднейшего крестьянина, как союзника пролетариата, вводили льготы, которые освобождали от налога малоземельные, безлошадные хозяйства, а также не имеющие крупного рогатого скота, овец, кур и т.п. После утверждения единого сельскохозяйственного налога льготы предоставили безземельным крестьянам, семьям красноармейцев, красных моряков, летчиков, инвалидов гражданской войны. Старательные крестьяне, увеличивающие площади засева в своих хозяйствах, а равно увеличивающие производительность хозяйства в целом, также получали льготы по выполнению натурального налога, либо в порядке понижения ставок налога, либо в порядке частичного освобождения от налога [17]. Мнение, что поощрение отдельных старательных хозяев

не целесообразно, премирование излишне, так как хозяин расширяя засев сам себя премирует, не получило поддержки властей [18]

В городе экономическая ситуация сложилась по-другому. Промысловый налог не обеспечивал фискальных потребностей казны и не мог стать орудием социальной политики, так как мог перелagаться на покупателя. Это послужило причиной дискуссии о пределах налогового нажима в городе. Сотрудники НКФ и ЦНУ отстаивали осторожное и постепенное разворачивание налоговой практики и усиление размеров изъятий. Так Добромыслов, зам. наркомфина, в январе 1921 г. на финансовой конференции говорил, что налоги в стране разоренной войной не могут играть большой роли. Налоговой пресс нужно нажимать с осторожностью, чтоб не сорвать всего дела налоговой политики. Шмидт, член коллегии НКФ, придерживался мнения, что не следует идти по пути максимального нажима при установлении размеров ставок, Лучше взять меньше, но верно [19] Финансовые инспектора низового налогового аппарата, практики, ратовали за идею максимального обложения населения, в первую очередь для удовлетворения нужд местного хозяйства.

Многочисленные обследования крестьянских хозяйств показывали значительную недоимочность. Причем самое большое число неплательщиков приходилось на маломощные хозяйства. Зажиточные хозяева занимали выжидательную позицию и не спешили продавать хлеб. Среди причин недоимок главной был неурожай, сопровождающийся понижением цен на сельскохозяйственные продукты; безденежье крестьян, вызванное с одной стороны отсутствием побочных заработков, с другой совпадением сроков выплат и общая тяжесть налога в 1924/1925 хозяйственном году.

Проблема обложения деревни для крестьян, прежде всего, заключалась в структуре сельскохозяйственного налога. С момента появления продналога он был ориентирован на максимальный сбор средств. Все изменения, вносимые правительством в систему обложения, преследовали, прежде всего, эту цель. А с 1924 года в положение добавился социальный момент и для крестьян

нина налог стал бременем с грубым внутренним механизмом. Фискальная нацеленность платежа почти полностью исключала его стимулирующее влияние на сельское хозяйство. Исправить положение при помощи льгот или частичных поправок было невозможно. Нужен был пересмотр принципов построения налога.

За усиление социальной роли налогов, в первую очередь в деревне, выступали государственные служащие (аппаратчики). П. Попов, сотрудник НКП, считал, что крестьянское хозяйство в сравнении с промышленностью и торговлей более крепкое, т.к. очень много приобрело от революции. Оно должно на себя взять тяжесть выхода из кризиса, а не захочет добровольно – существует старый испытанный способ – разверстка [20]. На этих позициях стояли работники НКФ на местах, которые склонны были видеть причину нестабильности бюджета в малом охвате крестьянских масс местными налогами [21: 37].

Правительство выбрало свой путь развития. С одной стороны в 1923 году были привлечены к обложению подоходным налогом государственные предприятия, был унифицирован сельскохозяйственный налог, крестьяне получили возможность часть налога выплачивать деньгами, что понизило тяжесть обложения для целого ряда хозяйств, сократилось общее количество налогов. Но с другой стороны в систему обложения был введено четкое разграничение в податных обязанностях между государственным и не обобществленным сектором. Характерной чертой налоговой политики с этого периода времени стала широкая система льгот. Устанавливался необлагаемый минимум заработной платы, безработные, инвалиды, милиционеры, учащиеся, военнослужащие освобождались от большинства как местных, так и государственных налогов. Предоставлялись льготы лицам, получающим авторские гонорары от литературных и научных трудов, а также городским ремесленникам и кустарям. В 1923 г. в целях укрепления вновь образующихся хозяйств, законом вводились льготы для переселенцев и расселенцев.

По сельскохозяйственному налогу максимум от общей суммы льгот получили хозяйства, пострадавшие от стихийных бедствий – 50%, бедняцкие хозяйства – 25,7%, красноармейцы и их

семьи – 0,5%, поощрительные льготы составили – 21,8% к общей сумме.

Для плательщика важно, чтобы, как можно более точно производился учет согласно его мощности. Так больше боялись не налогов как таковых, с этим неизбежным злом смирились. Еще очень живы в памяти были воспоминания о продотрядах и продразверстке. Боялись переобложения, необоснованного увеличения тяжести платежа. Практика проведения сельскохозяйственного налога в 1923 году показала, что налоговый аппарат с задачей учета не справлялся. Самое большое количество жалоб крестьян в финансовые и продовольственные органы за 1923/1924 год поступило на неправильный учет объектов обложения – 38,5% [22: 117].

Россия – очень большая страна, сельское хозяйство разнообразно, как разнообразны формы и методы его ведения. Поэтому, просто необходимо при построении налога учитывать особенности районов. Попытки сделать это предпринимались с 1921 года. Когда, например, скот при одном и том же количестве в хозяйстве в разных районах облагался по-разному. Но дробление было слишком условно (скотоводческий район, не скотоводческий). Следствием такого недифференцированного налога было переобложение в одном случае и недообложение в другом [23: 112]. К практике обложения относились жалобы крестьян на ошибки при исчислении налога – 19,4% [22: 117]. В этом случае жалобы касались организации работы низового налогового аппарата (волостных и уездных исполкомов). Второй бедой крестьянских хозяйств были стихийные бедствия – 29,9% от числа жалоб за кампанию 1923/1924 года [22: 117].

Далее большую роль играли сроки сдачи налога. В декрете 1922 г., сроки не оговаривались. В 1923 г., сроки устанавливали НКФ, НКЗ и ЦСУ, по декрету они должны были быть опубликованы не позднее 15 августа. Крестьянство и в 1922 г. и в 1923 г. обязывалось приступить к сдаче налога «тотчас же после уборки урожая и предъявления им окладных листов» [24]. Точная дата и процент налога, необходимый к уплате, позволяли крестьянину заранее разумно распорядиться своим урожаем, и самому решать,

в какое время и в каком количестве вести тот или иной продукт на рынок. До 1924 г. крестьянин был лишен такой возможности. Хлеб, молоко и другие продукты появлялись на рынке спонтанно и, как правило, в большом количестве. Это уменьшало спрос на данный продукт и соответственно цену на него.

В городе при проведении промыслового и подоходного налогов, сроки сдачи платежа особой роли не играли. Гораздо большее значение для плательщиков имело определение налоговыми комиссиями оборотов и доходов, на это жаловалось около 20%, примерно 1 миллион плательщиков [25: 3].

Налоговая политика в городе носила двухсторонний характер. С одной стороны, указывалось, что в пролетарском государстве нельзя свалить всю тяжесть обложения на частный сектор, т.к. основная масса населения – плательщика – рабочие (положение о подоходно – поимущественном налоге распространяют на рабочих, мелких кустарей, служащих) [26]. С другой стороны постоянно подчеркивался классовый характер налоговой политики. Трудности подсказывали правительству осторожность, восстания 1921 г. напоминали о последствиях нажима.

В центре внимания НКФ весь 1923 г. находилась проблема рационализации обложения и предания ей более стройной формы. В ходе преобразований было сокращено количество государственных налогов (трудгужналог, налог с лиц, получающих высокую заработную плату, общегражданские налоги на воспособление сельскому хозяйству и в помощь голодающим) и местных, в частности самый обременительный квартирный налог. Теперь в числе основных прямых налогов остались: сельскохозяйственный налог, промысловый налог, подоходный налог с государственных предприятий, подоходно-поимущественный налог, ряд местных налогов. Уменьшение количества налогов происходило на фоне увеличения размеров ставок во всех платежах и расширения круга плательщиков. Поэтому в 1923/1924 гг., объем поступлений по прямым налогам в бюджет не сократился и составил 410 миллионов рублей (17,8 % к итогу доходов) [27: 4-6]. Эта тенденция роста поступлений за счет увеличения ставок, не связанного с экономическим ростом, и расширение круга

плательщиков носила временный характер. Так как к окончанию 1923 г. к тем или иным платежам были привлечены практически все категории населения. В целом с 1923 г. налоги принимают вид системы.

Подводя итог необходимо отметить, что единая система прямого налогообложения начала оформляться одновременно с развитием классового принципа в обложении, что принципиально противоречило ожиданиям плательщиков. Во-первых, дифференцированная структура основных налогов в зависимости от социальной принадлежности плательщиков. Во-вторых, прогрессия как основная черта системы обложения приобрела ярко выраженный классовый характер для высших разрядов. В-третьих, развивается практика льгот, их количество за 1923 год увеличилось в несколько раз в сравнении с 1922 годом. Эти черты еще не приобрели определяющего значения, так как в обложении проводился принцип всеобщности. На XIII съезде партии в мае 1924 года о прямых налогах говорили исключительно как об орудии социальной политики. С 1924 года обложение стали строить по социальному принципу.

Стремление правительства собрать максимум средств, приводило к завышению общесоюзных заданий по налогу. Желание государства поставить под контроль процессы накопления в сельском хозяйстве и культ бедноты делали со стороны крестьян невыгодным расширение хозяйства и улучшение способов его ведения. Проводимая правительством налоговая политика в деревне не отвечала интересам экономики, сельского хозяйства, крестьян.

В городе система прямых налогов состояла из двух основных платежей промыслового и подоходного и целого ряда второстепенных налогов. Самую стабильную систему имел промысловый налог. Неизменная на протяжении нескольких лет структура платежа обеспечивала стабильный приток средств в бюджет. Причина стабильности структуры налога и его роли в бюджете в том, что он не имел большого социального значения, так как был перелагаем с плательщика на покупателя. Но это послужило причиной отрицательного воздействия налога на цену изготовляемого или продаваемого товара, что также было не вы-

годно плательщику.

Подходный, первоначально подходно-поимущественный налог, принимался государством в классовых интересах. Его считали наиболее отвечающим потребностям социальной политики. Именно этот сбор сыграл решающую роль в процессе вытеснения частного из хозяйства страны.

Подводя итог необходимо отметить ряд общих характеристик всех налогов этого времени, имеющих важное значение для государства и плательщиков.

Множественность платежей, количество, которых вместе с местными налогами насчитывало более десятка. Множественность объектов обложения, в число которых входили: земля, скот, предприятие, заведение, заработная плата, гонорары, доход, имущество и др.

Подвижность налогового законодательства. Структура платежа, размер ставок, круг, привлекаемых к налогу плательщиков, мог меняться в течение одной налоговой компании несколько раз.

Недоимочность по всем платежам и среди всех плательщиков, объем которой колебался, но в целом оставался на высоком уровне.

Широкая система льгот, как следствие, во-первых, социальной (протекционистской) политики государства, во-вторых, несовершенного налогового законодательства.

Стремление государства придать всем платежам социальный характер исключили стимулирующую роль налогов в экономике, и в целом отрицательно сказались на народном хозяйстве страны, создали исключительно отрицательное отношение населения к налогам. Плательщик, большей частью размышлял над способами сокрытия доходов и ухода от налогов, нежели об их уплате и погашении недоимок.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Соколов А.А. Теория налогов. Курс лекций. М., 1929.
2. Кондратьев Н.Д. Избранные сочинения. М., 1993.
3. Маслов П. Основы экономической политики. М., 1926; Соко-

- лов А.А. Теория налогов. Курс лекций. М., 1929.
4. Тяжесть обложения в СССР (социальный состав, доходы и налоговые платежи населения Союза ССР) в 1924/1925, 1925/1926, 1926/1927 годах. М., 1929.
5. СУ. 1921. № 49. Ст. 256; № 55. Ст. 348; № 70. Ст. 557.
6. РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 11. Д. 910.
7. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 779.
8. РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 6. Д. 1705.
9. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 6. Д. 341.
10. ГАРФ. Ф. 374. Оп. 7. Д. 162.
11. Социалистическая революция и финансы. М., 1921.
12. Государственный подоходно-поимущественный налог // Экономическая жизнь. 1922. 6 октября.
13. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 5400.
14. Исполнение единого государственного бюджета СССР 1925/1926 г. Краткий обзор. М., 1927.
15. Государственные и местные налоги и доходы за 1922-1923 бюджетный год. Статистический сборник. По данным учета Госналога НКФ. Отдел I. Раздел А. Таблица II. М., 1924.
16. КПСС в резолюциях. Т. 2. М., 1983.
17. СУ. 1921. № 26. Ст. 147
18. Богданов Н. Продналог и кооперация // Экономическая жизнь 1921. 22 марта.
19. Финансовая конференция // Экономическая жизнь. 1922. 13 января
20. Попов П. Налоговая система // Экономическая жизнь. 4 августа
21. Вестник рабочего и крестьянского правительства Союза СССР. 1923. № 3.
21. ГАРФ. Ф. 374. Оп. 7. Д. 471.
22. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 821.
23. Декрет о едином сельскохозяйственном налоге // Известия. 1922. 18 марта. 1923. 15 мая.
24. ГАРФ. Ф. 374. Оп. 7. Д. 119.
25. Положение о подоходно-поимущественном налоге // Экономическая жизнь 1924. 26 ноября.
26. Пергамент И. Бюджет СССР на 1926/1927 год // Финансы и народное хозяйство. 1927. № 6.

Красовицкая Т.Ю.

ИРИ РАН, г. Москва, tkrasovitskaya@mail.ru

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ДИСКУРС В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДИЗАЙНЕ ФЕВРАЛЯ-ОКТЯБРЯ 1917 г.

Империю устраивают навсегда как Мир для каждого. Но в феврале 1917 г. ландшафт был далеко не величествен. Как образно выразился Т. Нейрн, «под искаженным углом зрения метрополии этнос всегда выглядел этаким маленькой пакостью, кротовьей дорожкой в саду, который должен быть безупречным. Однако ему-то хочется иметь свой собственный сад, свое фигуральное место в рамках величественного ландшафта современности» [1: 357]. Задуманный Мир разваливался: кротовьи дорожки обозначили «слабость» швов в конструкции российской империи. Мир становился многолюднее, но не имел хорошей репутации. Ощутимо ухудшалось отношение людей к государству. На горизонте, грозя политической и экономической катастрофой, возникал «девятый вал».

Падение Российской империи - явление гигантских масштабов. Ясно, это что произошло не только в мире, но и с Миром, с людьми вообще. Такие события трудно понять, как они вообще могли произойти? Традиционные регулятивы культурных ресурсов и их продукты уже не следовали привычным путем [2]. Они становились зигзагообразнее, расходились в разные стороны. Этнические запросы еще являлись символами, ничего не говорящими о том, что будет в конце дороги. Символы, однако, представляли реальные потребности, которые следовало оформить в стратегии, обеспечить структурами, компетентными персонажами, способными конкретизировать эти символы и предложить их решение. Главная программа действий должна была возникнуть из столкновения с действительностью.

Российское государство отличалось от других не только размерами территории, но и принципиально различным уровнем

развития своих регионов, что наиболее наглядно в отношении окраин. Имперская власть стремилась к определенной унификации правового, экономического, социокультурного пространства, что далеко не всегда совпадало с чаяниями этнических меньшинств.

Переходная ситуация отличалась беспрецедентной неоднозначностью, разнонаправленностью и неустойчивостью протекающих процессов и событий.

Крымский татарин Дж. Сейдамет на юридическом факультете Парижского университета брал уроки политических и социальных наук, слушал Ж. Жореса. Получив звание «бакалавра прав Французской Республики», он вернулся в Крым: «...Мы даже не думали в то время о полном развале России. Мы желали нашей Родине благоденствия, а нашему народу развития цивилизации, поэтому, прежде всего, считали своим долгом ускорить революцию в России... Мы думали только о народе Крыма и о спасении его от деспотизма и тирании... Я говорил о реформации власти, об усилении просветительских и идеологических течений, об уничтожении царизма во имя осуществления революции» [3].

Сейдамет отметил: «Основной нашей задачей, - пишет далее Сейдамет, - было обеспечивать свободу нашего национально-го движения. И мы верили, что революция поможет нам в этом. Возможности, которые представились благодаря ней, мы хотели использовать в соответствии со своими интересами, для создания своей организации ... во имя укрепления наших национальных прав и свобод» [4: 166-167].

14 марта в Грозном на чеченском съезде, после доклада о задачах национального движения А.-М.О. (Тапы) Чермоева [5: 45-53], наметились две политические группы. Одну группу составляла светская интеллигенция: А.-М.О. Чермоев, А.М. Мутушев, Д.Д. Шерипов, Т.Э. Эльдерханов и др., к ним примкнули предприниматели, часть офицерства. Представители этой группы считали, что в Чечне должна быть создана светская система национального самоуправления горской национально-территориальной автономии. Влиятельные шейхи и муллы из второй группы ратовали за установление теократического режима, основанного

на шариате. Активные проповедники идеи шариата шейх Гайсу-мов, Арсанов Дени, Митаев Али, Абдул-Вагап-Хаджи Аксайский «со своими партиями мюридов ездили по Чечне и агитировали за себя без конца» [5: 17].

Весьма полезно внимательно рассмотреть публику, собиравшуюся на многочисленных съездах в феврале – октябре 1917 года.

Среди пламенных агитаторов из многих партий в большинстве, интеллигентов (преобладали школьные учителя, студенты), были и рабочие, немало и солдат. И те, и другие, и третьи представляли свое видение будущего. Февраль стал своеобразной точкой отсчета «новой истории». «Начались бесконечные национальные военные съезды, - вспоминал А.И. Деникин, - вопреки разрешению правительства и главного командования. Заговорили вдруг все языки: литовцы, эстонцы, грузины, белорусы, малороссы, мусульмане - требуя провозглашенного «самоопределения», - от культурно-национальной автономии, до полной независимости включительно» [6].

На съездах внимали ораторам люди, не имевшие широкого горизонта для осмысления произошедшего, ни устремленных вдаль мыслей. 1 апреля 1917 г. В.Г. Короленко писал из Полтавы: «Приходится выступать публично. Мне всего интереснее говорить с простыми людьми. Недавно говорил на митинге на одной из темных окраин города, откуда во все тревожные дни грозит выползти погром. Аудитория была внимательная. Я выбрал взглядом два-три лица с особенно малокультурными чертами и говорил так, как будто есть только они ... При всех несовершенствах и противоречиях - крайние партии все-таки организовали массу, и теперь она - не человеческая пыль, а масса, пронизанная по разным направлениям организацией и сознательными стремлениями» [7: 285].

Идущая война уже заставила бывшую «массу» двигаться по большим дорогам, останавливаться на главных перекрестках, почувствовать ветры, дующие в разные стороны, жизнь как взаимодействие разных сил. От сшибок с ними вспыхивало странное пламя. Лица слушателей выдавали их социальное происхождение.

ние, в основном, крестьянское. Часто это люди, уже взявшие в руки оружие для защиты семьи, земельного надела, пастбища и пр. Погруженные в свои мысли, их представления о жизни, и об их личной роли в ней весьма сильно расходились со складывавшимся положением вещей. Слушатели стремились отделить, по возможности, фантазии и обещания от фактического положения, понять, что их ожидает в будущем. Разум пребывал в смятении и беспокойстве. Особенно внимательно слушали тех, кого трудно представить в чиновничьем кресле. Неважно, скольких слушателей они привлекут на свою сторону, важно, сколько сомнений они посеют в их душах. Неважно, кто потом соберет урожай этих душ, важно, что он будет обилен. Новое манило высвобождением энергии, которая еще не открыта, но всегда присутствует в обществе, в его старых ценностях [8: 43]. «Человеческое общество, народ, как стихия неизмеримо сильнейшая и обладающая неистребимым инстинктом жизни, к самоубийству не придет, но оно может вспыхнуть ужасающим кровавым пламенем, чтобы попытаться в нелепой жестокости найти выход из кошмарного настоящего» - писал в дневнике В.Г. Короленко [9]. Публицисты прибегали к религиозным образам, ассоциируя эту энергию с «духом Божиим, носившимся в феврале над водами, животворя и воскрешая все, что было задушено старым режимом» [10: 1].

Налицо слияние, совмещение, одновременность и взаимосвязь образующихся потоков сомнений и размышлений, несущихся сквозь 1917 год, таких бурных в своих проявлениях, переменчивых и мятущихся, увлекающих за собой. Вот строки о пережитом марийца А.Н. Алаева, будущего сотрудника Наркомнаца. Родился «в бедной инородческой семье. Дома учился и кончил 2-х классное училище, потом ненасытная жажда знаний забросила меня, 14-летнего мальчика в Казань, где кончил образцовое городское училище при Учительском институте. Дальше полуголодное существование и хватание на лету знаний, служба по различным конторам, рабочим, матросом и сотни других профессий до рокового 1914 г. Осенью 14-го забрали в солдаты и вольноопределяющимся направили на Юго-западный фронт. Испытал юношеский националистический угар, молодой задор

и “борьба до победы”. Окопная жизнь и жизнь тыловиков, кутеж офицеров с сестричками, ничем не прикрытый грабеж “серой скотинки” отрезвили меня» [11: 285].

Война сильно обесценила человеческую жизнь, сделал привычной гибель миллионов людей. За всю историю России впервые по мобилизации через огромную армию прошли до 15 млн человек (из них около 1 млн. только мусульман). 80-90% их них - крестьяне, пришедшие в армию со своими представлениями о «земле и воле». Замыкание на личные интересы обобщил А.И. Солженицын как право «каждому ехать с винтовкой, куда считаешь правильным. И с телеграфных столбов срезать проволоку для своих хозяйственных надобностей» [12: 25]. «Лакейское требование “побарствовать”, - утверждал Д.С. Пасманик, - было характерно для всей нашей революции» [13: 49]

Сторонник независимости Белоруссии Я. Лёсик с неприкрытым разочарованием писал: «Наши крестьяне на съездах высказывались в том смысле, что им не нужна автономия, но делали они это по неразумению и темноте своей, но более всего в результате обмана, так как вместе с этим они говорили, что и язык им не нужен. Никто в мире не отрекается от своего языка ... а наши крестьяне отрекаются. Значит, делают они это по неразумению и темноте. ... По тем или иным вопросам мы обращаемся к знатокам и специалистам, а вот при государственном строительстве удовлетворяемся мнениями таких специалистов, как тёмный и некультурный народ... Народ – вещь хорошая, но ему необходимо рассказать, разъяснить, его необходимо сначала просветить, научить, и только потом уже звать к себе на совет» [14: 5-6]. Историк С.М. Дубнов 8 июня на еврейском митинге говорил: «И из нашей среды вышло несколько демагогов, присоединившихся к героям улицы и пророкам захвата. Они выступают под русскими псевдонимами, стыдясь своего еврейского происхождения (Троцкий, Зиновьев и др.), но скорее псевдонимами являются их еврейские имена: в нашем народе они корней не имеют» [15: 383]. Свой портрет слушателей на съездах дал Шолом-Алейхем: «Город маленьких людей ... забитый в уголок, в самую глушь, отрешенный от всего окружающего мира, сиротливо стоит этот город, заворо-

жен, заколдован и погружен в себя, словно никакого касательства к нему не имеет весь этот тарарам с его кутерьмой, суетой, сумятицей, кипением страстей, стремлением подавить один другого и всеми прочими милыми вещами, которые люди удосужились создать, придумав для них всякие названия, вроде “культура”, “прогресс”, “цивилизация” и другие красивые слова, перед которыми порядочный человек с величайшим благоговением снимает шапку» [16]. Читатели Шолом-Алейхема оглядывались на штетл как на музейный экспонат. Дети не только штетла, но и кавказского аула, татарской деревни и пр. чтобы вернуть себе достоинство человеческого бытия, усваивали идеи нового мира, присоединяясь к нему или подражая ему. Внедряясь в русскую культуру, овладевая ее языком, литературой, идеологией, системой поведения и наукой или становясь членом русского языкового сообщества или же создавая параллельную культуру на родных языках, в которой присутствовали бы современные нормы, идеи, институты и достижения. Так достигалось присоединение к космополитичной в целом европейской культуре [17]. Но возникло многоаспектное центробежное движение в разных направлениях и с множеством ответвлений. Кроме массы фронтовиков, среди участников съездов были и те, что заплатили огромную эмоциональную цену, покинув родные места, родительские дома, расставшись с языком детства, верой, манерой говорить ради усвоения новых моделей поведения, нового языка, новых черт, традиций и верований. Через десятки лет, они, постарев в эмиграции, будут замирать, выискивая Шагаловский Витебск на куполе парижской Оперы или Метрополитена, узнавая в нем вызовы, вставшие перед тогдашними его жителями, теперь уже парижанами. Идеологический фон поисков обнаруживается в готовности видеть мир в процессе переман, овладевшей этническими элитами.

В. Ленин отразил 30 января 1917 г. в письме И. Арманд важное понимание «текущего момента» - историю, услышанную от бежавшего из плена солдата: «Пробыл год в немецком плену... в лагере из 27 000 чел. украинцев. Немцы составляют лагеря по нациям и всеми силами откалывают их от России. Украинцам подслали ловких лекторов из Галиции. Результаты? Только-де 2

000 были за «самостийность»... Остальные-де впадали в ярость при мысли об отделении от России и переходе к немцам или австрийцам. Факт знаменательный! Не верить нельзя. 27 000 – число большое. Год – срок большой. Условия для галицийской пропаганды – архиблагоприятные. И все же близость к великорусам брала верх!» [18: 377].

Революция для участников съездов была, прежде всего, внутренней, она происходила в умах и сердцах каждого индивида. Она направлена против властных структур и против господствующей семиотики — набора верований, ценностей и поведенческих моделей — ради усвоения идеалов новой страны.

«Почему массы во все лезут и всегда с насилием?», вопрошал позже Х.-Д. Ортега [19]. Но не насилие еще влекло людей на митинги, собрания и съезды. Фронтовики воочию видели хаос, разорение от войны, страдали от него, научились даже его уважать. Но и в тылу столкнулись с социокультурными задачами более высокой сложности: требовалось усвоить новые социальные практики. Кончалось терпение: когда же откроется взгляду новый порядок, и каким он будет?

Происходящие перемены имели сложный противоречивый характер. С одной стороны, они утверждали силу общества и государства, распространяя их влияние и власть на громадные территории, включая в его орбиту народы и их ресурсы. Но, с другой стороны, они несли в себе потенциал отрицания старого устройства власти, открывали возможность сохранения и наращивания сил, противостоящих ему. В христианской, исламской, иудейской антропологии становился очевидней разрыв границ и параметров традиционного общества с растущим спектром потребностей и возможностями их реализации. Нарушение границ формировало новые механизмы социальной безопасности, предлагало новые стратегии. Интенсивность социокультурной динамики (избирательное право, борьба за универсализацию прав граждан, институционализация социальных изменений, рационализация, светская культура) существенно модифицировали чувство онтологической опасности, новые формы ограничения [20: 36].

Настроение основной массы населения – крестьянского

еще было пассивно-выжидательным, но с определенной тенденцией к «охранению за народом свобод и завоеваний революции», как оно, конечно, понималось им. Сложна увязка их надежд с воззрениями своих национальных лидеров, с их намерениями. Большая часть этносов не была готова к независимой государственной жизни, но в условиях острой социальной нестабильности этнос выступал в качестве аварийной группы поддержки, ведущей и определяющей направление социальной самоидентификации. Караимский съезд (27 августа – 3 сентября, Феодосия), заявил: «Караимы, являясь коренными обитателями Крыма, представляют собой объединенную общностью веры, крови, языка и обычаев особую народность, издревле сохранившую неразрывную духовную связь со своими Константинопольскими, Иерусалимскими и Египетскими единоверцами» [21: 8].

Председательствующий светский и духовный глава С.М. Шапшал, закрывая съезд, напомнил: «лишь единение рождает силу, а сила побеждает все». В программе партии Мусават 1917 г., назвавшей себя Тюркской демократической партией федералистов, подчеркивалось; «Нация – это существо органическое, а не механическое соединение отдельных личностей. Она живет, мыслит, имеет свои цели и стремления. И поэтому каждая человеческая личность связана с нацией, а не с государством. Нация – это человеческое общество, связанное общностью языка, религии, традиции, литературы, культуры, истории и нравов» [22].

Этнос выступал как группа обеспечения экономических и политических преимуществ, хотя и не был единственной, к которой, осознавая свою принадлежность, человек искал опору. Среди других групп можно назвать немногие: церковные организации, партии, профессиональные объединения, неформальные объединения (общества). Люди, конечно, «погружались» в одну из подобных групп, но с их помощью стремление к психологической стабильности не всегда могло быть реализовано. В таких ситуациях важно чувство принадлежности к целостной структуре, осознание человеком того, что он - ее часть, занимает в ней бесспорное положение.

Идентичность помогала человеку найти свою нишу, избе-

жать одиночества и сомнений. Хотя взаимосвязь идентичности с конкретными историческими условиями, а также с чувством свободы и чувством одиночества сложна, но определенный баланс между ними устанавливается в процессе идентификации. Опора оказывалась не слишком устойчивой: состав групп постоянно обновлялся, сроки их существования ограничены во времени, самого человека могли за какой-то проступок из группы исключить. Всех этих недостатков лишена этническая общность. Это межпоколенная группа, устойчивая во времени, для нее характерна стабильность состава. Человека невозможно «исключить» из этноса [23]. Традиционная коллективистская ментальность большей части российского общества сохранилась. Хотя экономические, социальные и политические противоречия начала XX века уже не могли быть разрешены обществом в рамках этой ментальности, но социальная и политическая альтернатива в ее рамках не успела вырваться. На съездах и собраниях людей проще всего было убедить, подчеркнув национальный элемент, поскольку на национальный призыв большинство реагирует автоматически или почти автоматически.

Этнос оставался для человека надежной группой поддержки. А.А. Гольденвейзер вспоминал атмосферу национального съезда на Украине: «Помню этот зал, переполненный молодой, чужой мне по настроениям и говору толпой. Помню седую голову проф. М.С. Грушевского, занимавшего центральное место за столом президиума. Помню его волшебную власть над всей этой неотесанной аудиторией. Достаточно было ему поднять руку с цветком белой гвоздики, которой был украшен стол, и зал затихал...» [24].

Всплеск эмоций, характерный для первых дней, даже когда он окрашен в национальные цвета, не имел ничего общего со стремлением к сепаратизму. В. Винниченко, называвший киевскую манифестацию «грандиозным взрывом национального чувства», писал: «Ни о каком сепаратизме, самостийности даже речи не могло быть, а когда слышались реденькие голоса, то это были голоса или схоластиков, чистых теоретиков, заядлых “самостийников” или людей слишком уже болезненно проникнутых наци-

ональным чувством. На конференции укр. соц.-дем. раб. партии в апреле вопрос о самостоятельности встретил почти единодушное негативное отношение. За самостоятельность высказались ... только два-три голоса» [25].

Программные социально-культурные и политические требования национальных движений можно подразделить на крестьянские и интеллигентские. Первые включали использование родного языка в образовании, делопроизводстве, официальном общении, богослужении. Молдавская народная партия требовала предоставить Бессарабии «самую широкую административную, судебную, церковную, школьную и экономическую автономию», создать краевое законодательное собрание «Сфатул цэрий» («Совет страны»), чтобы «в школах всех ступеней языком преподавания был национальный язык», «чтобы администрацию и суд осуществляли сверху донизу служащие – выходцы из народа, на языке народа» [26: 214].

В Полтаве В. Короленко 23 марта отмечал в дневнике: «Всякий национализм имеет нечто отрицательное, даже и защитный национализм слишком легко переходит в агрессивный. В украинском есть еще и привкус национализма романтического и бутафорского. Среди черных сюртуков и кафтанов мелькали «червоны жупаны», в которые нарядились распорядители ... с лицом не то немца, не то англичанина, в бакенбардах. Говорилось много неосновательного, а один слишком уж «щирий» господин договорился до полной гнусности: по его словам, «Украина не одобряла войны, а так как ее не спрашивали (а кого спрашивали?), то она свой протест выражала тем, что будто бы украинцы дезертировали в количестве 80%». Я при этом не был (ушел раньше); если бы был, то непременно горячо протестовал бы против клеветы ... Никакого представления о необходимости «спрашивать у народа» его воли перед началом войны у украинцев, как и у русских, конечно, не было, и украинский дезертир уходил не потому, что у него не спросили, а по разным побуждениям, не исключая малодушия и трусости. И уверение, будто украинский народ дал 80% малодушных и трусов, есть клевета на родной народ «щирых украинцев», психология которых очень похожа на

психологию «истинно русских»» [9].

В сентябре 1917 г. Ахмет Цаликов подчеркнул: «Русское общество и русская печать не в достаточной степени оценивают ту позицию, которую заняло в переживаемый момент мусульманское население России и какими чреватыми для государства последствиями могло бы сопровождаться изменение этой позиции» [27]. Он выделил это обстоятельство: «Можно удивляться тому отсутствию центробежных сил на мусульманских окраинах, которые, казалось бы, должны были получить огромное развитие». В Ташкенте, получив текст универсала Рады об автономии Украины, размещенные на стенах объявления к утру вымарали черной краской [28]. В феврале 1918 г. В.В. Розанов писал П.Б. Струве: «Тайная моя мысль, - а в сущности, 20-летняя мысль,- что только инородцы - латыши, литовцы (благороднейшая народность), финны, балты, евреи — умеют в России служить, умеют Россию любить и каким-то образом уважать, умеют привязываться к России...» [29: 680].

Конечно, обострены претензии к императорской России, не благоволившей национальному самовыражению составляющих ее народов. Никакой возможности создать собственные национально-территориальные структуры управления для них не существовало. Национальные окраины управлялись из центра. Вспоминались противоречия из-за земельных, водных и прочих ресурсов, территориальные конфликты, исторические счеты и обиды, нанесенные тем или иным народам в ходе политики русификаторства, которая проводилась царским правительством, и друг другу при его попустительстве. Межнациональные отношения оставались сложными, степень их остроты еще замещали «резолуции» трудящихся, осуждения противников как контрреволюционеров, рассказы о стычках, сотрясавших различные уголки страны, этнофобские расправы, подчас и этнические чистки [30: 63].

Но демократические лозунги Февральской революции открыли такие возможности легитимации этничности, при которых имперский порядок уже был излишним. Делегаты многочисленных съездов хотели услышать, что у них будет место в новом

мире и новом государстве. Этнические элиты сумели придать неожиданный размах национальным съездам, активно включить в них этнические сообщества, обострив тем самым проблемы управления всеми сферами общественной жизни. Национальные движения выступали под лозунгом ценности собственной конфессиональной, культурной и общественно-политической идентичности. Идея культурно-национальной автономии активно обсуждалась съездами представителей многих этносов, напрямую касаясь структур управления ними.

Активность этнических элит на съездах делала очевидным тот факт, что профессиональная компетентность требует глубокого понимания специфики этнических регионов, умения объединять их вокруг новых идеалов. Состоявшиеся в 1917 г. многочисленные совещания и съезды начали выдвигать этатистские требования. Национальные съезды в 1917 г. считали необходимым создание федеративной демократической республики. Предлагался союзный тип федеративной власти, без жесткой вертикали. Составной частью вопроса явилось решение съездов о создании своих территориальных автономий. Выделяя общие черты национальных съездов, необходимо отметить: 1) схожесть механизма их созыва; 2) их явную антисепаратистскую тенденцию и схожесть характера резолюций, с первоочередностью требования реализации права наций на самоопределение; 3) требование создать центральный правительственный орган, ответственный за справедливое решение национального вопроса и реализацию реформы государственного устройства страны; 4) создание или наделение властными полномочиями национальных органов самоуправления, с попыткой определения этнографических границ автономий; 5) апеллирование к Всероссийскому Учредительному собранию и Временному правительству, как высшим политическим инстанциям, в адрес которых обращались резолюции съездов; 6) призыв к межнациональному сотрудничеству, как основы новой федерации – союза равноправных национально-территориальных автономий; 7) и в то же время - отсутствие решений о конкретном политическом статусе и форме автономии, их компетенции, разграничении полномочий между будущим федераль-

ным центром и местными национальными властями. Ни один из национальных съездов не ставил целью разрушить общероссийский территориальный комплекс, ни один из них не заявлял о национальной исключительности, но повсеместно выделялись проблемы развития культуры, родного языка, школы.

Центр тяжести смещался от проблем культурной антропологии, от оценки процессов, связанных с представлениями о трансляции ценностей, к формированию структур, ответственных за их укоренение в культуре этносов. Съезды стали опорой в установлении легитимности национальных структур управления, строительством их после октября 1917 г. займутся большевики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Нейрн Т. Интернационализм и второе пришествие / Нации и национализм. Перевод с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. М.: Праксис, 2002.
2. Красовицкая Т.Ю. Модернизация российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину (конец XIX века - начало (20-е годы) XX в. М.: Новый хронограф, 2011.
3. Зарубин В.Г., Зарубина А.А. Джафер Сейдамет. Штрихи к портрету // Электронный ресурс: окно доступа: <http://www.commonuments.crimeaportal.gov.ua/rus/index.php?v=1&tek=92&par=74&l=&art=406>
4. Seydahmet (Kirimer) Cafer. Bazi hatiralar [Из воспоминаний]. Istanbul, 1993. S.
5. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.); Горская республика (1918–1920 гг.). Документы и материалы. Махачкала, 1994.
5. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Том 1. Вып. 1. Крушение власти и армии. Февраль - сентябрь 1917. Париж, 1921; Глава XXVIII.
6. Короленко В.Г. Собр. соч. в 10 т. Том 10. Письма 1879-1921. М.: ГИХЛ. 1956. С. 285.
7. Коукер К. Сумерки Запада. М., 2000.
8. Короленко В. Дневник. Письма. 1917-1921. М.: Советский пи-

сатель, 2001.

9. Свободный народ. 1917. 19 августа. № 67.

10. ГА РФ. Ф. Р- 1318. Оп. 21. Д. 374.

11. Солженицын А.И. На возврате дыхания и сознания // Из-под глыб. М.: Париж. 1974.

12. Пасманик Д.С. Революционные годы в Крыму. - Париж, 1926.

13. Лёсік Я Аўтаномія Беларусі. Мн. 1917.

14. Дубнов С.М. Книга жизни. СПб., 1998.

15. Шолом-Алейхем. В маленьком мире маленьких людей. Пер. М. Шамбадала. М., 2012.

16. Харшав Б. Язык в революционное время. М.: Текст, 2008.

17. Ленин В.И. ППС. Т.49.

18. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2003. Гл. VIII.

19. Фомичев П.Н. Дискурсы глобализации и тенденции развития социологии: Аналитический обзор/Социологические исследования на пороге XXI в. / М.: РАН. ИНИОН. 2000.

20. Известия караимского духовного правления. 1917. № 5-6.

21. Перевод с тюркского 1919 года.// Электронный ресурс: окно доступа <http://www.ourbaku.com/index.php5>.

22. Стефаненко Т.Г. Этническая идентичность в ситуации социальной нестабильности / Этническая психология и общество. М., 1997.

23. Гольденвейзер А.А. Из киевских воспоминаний (1917-1920 гг.) / Революция на Украине по мемуарам белых. Сост. С.А. Алексеев, ред. Н.Н. Попов. М.-Л.: Гос. изд-во, 1930.

24. Винниченко В. Відродження нації. Історія української революції. Марець 1917 р. – грудень 1919 р.– Київ-Відень, 1920.

25. Стати В. История Молдовы. – Кишинев, 2002.

26. Известия Всероссийского Мусульманского Совета. 1917. 8 сентября.

27. Исхаков с. Мустафа Чокаев о революции 1917 года в Центральной Азии //Acta Slavica Iaponica, Т. 18. 2001.

28. Розанов В.В. О себе и жизни своей. М.: Московский рабочий. 1990.

29. Булдаков В.П. Хаос и этнос. М., Новый хронограф. 2013; Государство и личность в истории России. Новосибирск. 2004.

Қаражан Қ.С.

*әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университеті,
Алматы к., ako-79@mail.ru*

ҚАЗАҚ ЖАСТАРЫНЫҢ 50-70 ЖЖ. КЕҢЕСТІК ТОТАЛИТАРЛЫҚ ЖҮЙЕГЕ ҚАРСЫ НАРАЗЫЛЫҒЫ

Қазақстанның тәуелсіздігінің 20 жылдығының қарсаңында Отандық тарихымыздың ең өзекті мәселелерінің бірі тәуелсіздік жолындағы күрес және оларға қарсы кеңестік тоталитарлық жүйе тарапынан бағытталған қуғын-сүргіннің шынайы тарихы. Бұл мәселе 80-ші жылдардың ортасындағы қайта құру бағытына байланысты және тәуелсіздік жылдары ғана жан-жақты зерттеле бастады. Алайда бұл зерттеулердің басым көпшілігі 20-30-шы, 40 жж. мен 50 жылдардың бас кезімен, яғни Сталиннің жеке билік құрған тұсымен шектелуде. «Жылымық» және «кемелденген социализм» тұсындағы Кеңес өкіметіне қарсы бағытталған наразылықтар, оларға қатысушылар мен ұйымдастырушыларға қарсы мемлекет басшылығы тарапынан жасалған саяси қуғын-сүргін тарихы әлі де болса тарих қойнауында қалып отыр. Бұл салада тек жеке журналистер ғана жемісті еңбек атқаруда. Оның басты себебі тақырыбымызға қатысты мұрағат қорларындағы құжаттардың құпияландырылуы.

Тәуелсіздік тұсында 1998 ж. 22 желтоқсанда «Ұлттық мұрағат қоры және мұрағаттар туралы» заң қабылданып, құпия қорларда жасырын сақталып келген біраз құжаттар ашық қорларға ауыстырылды. Алғашқы кезде мемлекеттік қауіпсіздік комитетінің мұрағатындағы Кеңес өкіметінің зұламаттарына қатысты құжаттарда ғылыми айналымға қосылды. Бірақ көп ұзамай бұл мекеменің мұрағатында зерттеушілерге жұмыс істеуге тиым салынды. Осыған байланысты көтеріліп отырған проблемаға қатысты басты құжаттар мен материалдар сол баяғы жабық күйінде қалып отыр. Ондай құжаттар ҚРҰҚК Бас прокуратурасы, Ішкі істер министрлігінің мұрағат қорларында сақтаулы.

Оларды ашық қорға ауыстырып, зерттеушілерге пайдалануға беру уақыт талабы.

Тарихқа жүгінер болсақ Сталин қайтыс болған сонда Кеңес өкіметіне қарсы наразылық және «өзгеше ойлаушыларға» қарсы қуғын-сүргіннің тоқтамағандығын байқаймыз. Мындаған жазықсыз сотталған адамдар бұрынғысынша лагерлерде отырды. 1956 ж. ақпанда өткен КОКП-ның XX съезінде Н.С. Хрущев бастаған топ И.В. Сталиннің жеке басына табынушылықтың шығу себептеріне, мәні мен көріністеріне және оның салдарына талдау жасауға тырысты. Съездің жабық мәжілісінде жасалған жасырын баяндаманың мазмұны біртіндеп халықтың назарына жетіп, қоғамдық ғылымдарда, әдебиетте, өнерде сталиндік «жетістік» қайтадан бағалана бастады. Лагерлердегі тұтқындардың ісін сол жерлерде қарау үшін 90 арнаулы комиссия құрылып, 1956-1957 жылдары жарты миллионнан астам адам ақталды. Олардың ішінде С. Асфендияров, О. Жандосов, О. Исаев, Л.И. Мирзоян, С. Меңдешев, М. Масанчи, Н. Нұрмаков, А. Розбакиев, С. Сейфуллин, Б. Майлин, І. Жансүгіров және т.б. республика мемлекет және әдебиет қайраткерлері болды. Республикадағы творчестволық жұмысқа М. Әуезов, Қ. Сәтбаев, Қ. Жұбанов, Е. Бекмаханов және т.б. қайта аралды.

Мұрағат ісін ұйымдастыруда да біршама қайта құру қолға алынды. 1956 ж. 7 ақпандағы №246 қаулысында КОКП ОК мен КСРО Министрлер Кеңесі партия органдары, министрліктер мен ведомстволарда мұрағат материалдарын сақтау жүйесінің әліде болса тәртіпке келмегендігін, оларды пайдалану дәрежесінің төмендігін атап көрсетті. Осыған орай 19 шілдеде Қазақстан Компартиясының ОК мен Қазақ КСР Министрлер Кеңесінің №424 қаулысында Қазақ КСР Ішкі Істер министрлігінің мұрағат басқармасына және мұрағаттары бар барлық министрліктер мен ведомстволарға ревалюцияға дейінгі, сол сияқты кеңестік дәуірдің мұрағат құжаттары мен материалдарын ғылыми мақсатқа пайдалануға және жариялауға рұқсат беру міндеттелді. Бірақта бұл рұқсатқа сол кезеңге дейінгі құпия қорда сақтаулы және Кеңес мемлекетінің мүддесіне «зиян келтіруі мүмкін» құжаттар кірмейді, оларды пайдалану, жариялау мәселесі әрқайсысының

мазмұнына, тарихи және саяси маңызына қарай жеке шешілуі керек деп көрсетілді [1].

Алайда Н.С. Хрущев пен оның серіктестерінің Сталиннің жеке басына табынушылығын ашық айыптауы үлкен ерлік болғанымен, олар Сталин тұсында құрылған әкімшіл-әміршіл жүйені толық жоя алмады. Осыған байланысты одақтас республикалардың егемендігі сөз жүзінде қалып, 1956 жылы 19 желтоқсанда КОКП ОК жергілікті партия ұйымдарына «Партия ұйымдарының бұқара арасындағы саяси жұмысын күшейту және жау элементтердің антисоветтік бас көтеруіне тиым салу жөнінде» жасырын хат жолдайды. Хаттың ізін ала елде жаңа тұтқындау кезеңі басталады. Тек қана 1957 жылдың 3 айында ғана «советтік шындықты бұрмалағаны үшін» және «қайта тексергені үшін» 100-ден астам адам тұтқындалды. 1992 жылдың аяғына дейін жұмыс істеген мемлекеттік құпияны сақтау басқармасы (главлит) 1957 ж. С. Сейфуллин, Б. Майлин, І. Жансүгіров және т.б. еңбектерін оқырмандарға беруге рұқсат бере отырып, ірі кітапханалардың ішінде арнаулы қор ұйымдастыртып, онда сақталатын 100-ден аса кітаптың тізімі жасалынды. Ол кітаптар ешкімге берілмей қатаң бақылауға алынып, тек 1988-1989 жылдары ғана оларды оқуға мүмкіндік алдық [2].

Жаңа басшылық ескі жүйені сақтай отырып, коммунизмге жетеміз деген сенімді халықтың санасында қалыптастыруға тырысты. Осының нәтижесінде экономиканы басқару ісі ойдан шығарылған субъективтік әрекеттер мен волюнтаристік идеялардың ырқына түсіп, олар көп ұзамай қоғам берекесін кетіре бастады. Орталық басшылық Қазақстанды тәжірибе жасау алаңы есебінде пайдаланып, көптеген келешегі жоқ, республиканың егемендігіне нұқсан келтіретін тәжірибелерді сынақтан өткізді. Осылайша республиканың оңтүстіктегі 3 ауданы Өзбекстанға берілді. 1960 жылы Москвада Т.И. Соколовтың басшылығымен арнайы түрде «Қазақстан коммунистік партиясының Орталық Комитетінің солтүстік облыстары бойынша бюро» құрылып, оған Қазақстанның 6 облысы бағындырылды. Бюроның құрылу мақсаты, аты айтып тұрғандай – Қазақстанның солтүстік облыстарын бірте-бірте Ресейге қосу болды [3]. Көп ұзамай өлкелік

партия комитетінің бірінші хатшысы Т.И. Соколоов облыс, аудан басшыларын жинап Ақмола қаласының атын Хрущевград деп өзгертіп, тың өлкесін Қазақстаннан бөліп алып тікелей Одаққа қарайтын өлке ету туралы ұсыныс білдіреді. Сол тұстағы Министрлер Кеңесінің төрағасы Ж. Ташенов, Есіл ауданы атқару комитетінің төрағасы Ш. Сергазин және Д.А. Қонаевтың [4] араласуымен Т.И. Соколовтың тың өлкесін орталыққа бағындыру идеясы жүзеге аспай Ақмола Цилиноградқа, Батыс Қазақстан облысы – Орал облысына айналды [5].

Сталин қайтыс болған уақыттан 8 жыл өткеннен кейін 1961 ж. бүгінгі күнде танымал алғашқы қазақ басылымдарын қайтадан жарыққа шығарған Үшкөлтай Суханбердинаның «Айқап» бетіндегі мақалалары мен «хат-хабарлар» деген атпен даярланған алғашқы билбиографиялық көрсеткішін Главлит тексеріп кітаптан Ә. Бөкейхановтың, А. Байтұрсыновтың, М. Дулатовтың, Ш. Құдайбердиевтің, Ғ. Қарашевтің, М. Жұбановтың, Ж. Аймаутовтың және т.б. мақалаларын өткізбей алып тастады.

Оның алдында белгілі қазақ тілінің маманы Шора Шамғалиұлы Сарыбаевтың «Қазақ тілінің библиографиясының» 1 кітабы тек «А.Б.» (Ахмет Байтұрсынов) деген көрсеткіштің болғандығына байланысты түгел өртеліп жіберілген болатын [6].

60-70 жылдары Қазақстан даласында, коммунизмнің ұлы құрылыстары, тың көтеру желеуімен іс жүзінде ұлтты орыстандыру жүзеге асырылды. Елдің өндіргіш күштері тек шикізат өндіру бағытында дамыды, қазақ мемлекеттілігі «қуыршақ республика» дәрежесінде қалды. Ұлттық ерекшеліктерге қарағанда, советтік дәстүрлер көп жарияланып, мақтап-марапатталды. Жоғары оқу орындарында, техникумдарда, училищелерде қазақ тілі жоқтың қасында болды. Жергілікті жерлерде қазақ тіліндегі мектептер саны 700-ге кеміп, қазақ тіліндегі әдебиеттердің, баспасөздің саны күрт төмендеп кетті. Бір ғана Ақмола облысында 155 қазақ мектебі жабылып, ана тілінде білім беретін не бәрі бір мектеп ғана сақталып қалса, Көкшетау қаласында барлық мектеп орыс тіліне көшірілді.

Орталық ведомствалар жергілікті халықтан маман кадрлар даярлауға қамқорлық жасамай, жұмыс күшін сырт-

тан тасып әкелуді артық көрді. Мысалы, 1957-1973 жылдары жұмысшылардың арасында қазақтардың үлес салмағы 17,4%-тен 11,7%-ке дейін азайып кетті [7]. Жұмыс үшін сырттан алып келу экономикалық жағынан тиімсіз болды және ақырында ұлтаралық қатынаста келіспеушілік туғызды. Оның бірі 1958 ж. жазда Орталық Қазақстанда орын алды. Теміртауда салынып жатқан металлургия комбинаты комсомолдық екпінді құрылыс деп жарияланып, онда осы жылдың аяғына дейін 132 мың адам келсе, келесі жылы олардың саны тағы 70 мың адамға толықты. Әлеуметтік наразылық үш күнге созылған тәртіпсіздікке ұласты. Тәртіпсіздікті тоқтату үшін әміршіл-әкімшіл жүйе әскер әкеліп қару қолданды, нәтижесінде қаза тапқандар мен зардап шеккендер болды.

Мұндай ұлт саясатындағы бұрмалаушылық қазақ жастарының заңды наразылықтарын туғызды. Алғашқылардың қатарында 1960 ж. наурыз айында Қарағанды қаласында Зейнолла Игілікұлы мен Кәмел Жүністегінің жетекшілігімен жасырын ұйым құрып, Қазақстанның бар қаласындағы студент жастарға үнпарақшалар таратуға көшеді. Ұйым қатаң тәртіпте құрылады. Бір адам өзін ұйымға тартқан адамды ғана білетін, одан жоғарғы тұрған адамды білмеуі қатаң сақталды. Ұйым ЕСЕРП (Елін сүйген ерлер партиясы) деп аталып, үнпарақшаның астына «Жас Қазақ» деп жазылды. Олардың ізімен басқа қалаларда да үнпарақтар таратушылар көбейеді. Олардың мақсаты күдерін үзген халыққа үміттің оты бар екенін көрсету, шовинистерге сес көрсету, қазақ жастарының намысын ояту болды. Ұйымды ұйымдастырушылар ұсталып, саяси лагерьге жабылады. Зейнолла Игілікұлы кейін босағаннан кейінде мемлекеттік қауіпсіздік комитетінің қатаң бақылауында болып, 1988 жылы елу бір жасында жүрек ауыруынан қайтыс болады [8].

Есеп ұйымының ізін баса Мәскеудің жоғарғы оқу орындарында оқитын бір топ қазақ жастары, кейін белгілі қоғам қайраткерлері, Б. Тайжанов, С. Ақатаев, М. Тәтімов, М. Әуезов т.б. бас қосып «Жас тұлпар» ұйымын құрады. Мақсаты өз қандастарының ұлттық санасын ояту.

Ұйым құрып, үнпарақшалар тарату қазақ мектептерінде

де орын алды. Осылайша, 1969 жылы Павлодардағы №3 қазақ мектеп интернатының Арман Қалиев басқарған бір топ, негізінен 9-шы сынып оқушылары «Жас ұлан» атты ұйым құрап, орыстандыруды тоқтатуға бағытталған ұнпарақтар даярлап, оларды қаладағы вокзал, бас почта үйі сияқты жұрт жүретін жерлерге жапсырады. Топ мүшелерін 1970 ж. 15 қарашада мемлекеттік қауіпсіздік комитетінің облыстық қызметкерлері ұстап тергеуге алып, бір қатарына қатаң сөгіс беріп, басқа бөлігін комсомол қатарынан және интернаттан шығарып жіберген [9].

1970-1977 жылдарда болашақ сазгер, ол кездегі студент Хасен Қожа-Ахмет КСРО үкіметі патшалық Ресейдің отаршылдық саясатын жалғастырушы екенін, интернационализм ұранын жамылып, өзге ұлттарды орыстандырып, жоюды көздейінін көрсетіп «Одақ па, әлде отар ма?», «Ұлттардың ассимиляциялануы туралы», «Орыстардың дүние жүзілік жандарманы болуға тырысуы», «Ұлт мәселесінің тарихи шешімі», «Оян қазақ!», «Оян елім!» және т.б. ұзын ырғағы 600 беттей әр түрлі мақалалар, үндеулер жазып, «Жас қазақ» атты астыртын ұйым құруға әрекет жасаған. Осы қызметі үшін оны 1977 жылы мемлекеттік қауіпсіздік комитеті тұтқындап, жастығын ескеріп 2 жылға соттайды [10].

70-ші жылдардың соңында халық артисі Қасым Жәкібаевтың Азамат атты баласыда кеңестік жүйеге, КОКП-ға қарсы бағытталған ұнпарақшаларын почта жәшіктеріне салып таратқаны үшін 18 жасында ұсталып 6 жылға сотталып, түрмеде қайтыс болған. Сотта жасөспірім Кеңестер Одағында демократия жоқ, сондықтанда КСРО мен КОКП сөзсіз жойылады деп көрегенділік танытқан.

1979 ж. Көктемде КОКП Орталық Комитетінің Саяси Бюросы, Қазақстан үкіметінің келісімінсіз Қазақстанда неміс автономиясын құру жөнінде шешім қабылдап, қазақ жастарының заңды наразылығын туғызғаны нәтижесінде жоғарыдан қабылданған шешім жүзеге аспай қалғаны көпшілікке мәлім.

Мемлекеттік қауіпсіздік комитетінің назарынан жеке отбасыда тыс қалмады. Осындай жанұяның бірі Қызылорда облысындағы Киікбаевтар отбасы болды. Бұл отбасында Нұрхан, Тасқын, Болат, Баян, Розалия және Гүлнәр атты 4 қыз, 2 ұл бол-

ды. Нұрхан, Болат, Баян, Гүлнәр Қызылордада педагогикалық институттын, Тасқын Алматыдағы мал шаруашылығы, ал Розалия шет тілдер институттарын үздік бітірген. Балалардың әкесі Меңдияр Киікбаев санаы өмірінің бір бөлігін кеңестік білім беру жүйесінде жас ұрпақ тәрбиелеуге арнаған пайымды ұстаз. 1976 жылы Тасқын Мәскеуде өткен топырақ зерттеушілердің әлемдік конгресіне облыс атынан қатысып, осы сапардан кейін ол және қарындасы Розалия шет елге кетуге бел буады. Осыған байланысты 80-ші жылдардың басында бүкіл отбасына «диссидент» деген айып тағылып, әкесі қан қысымынан, ал Тасқын мен Розалия бірнеше қайтара Қызылорда жындыханасына жатқызылып, дәрігерлердің «көмегімен» айықпас ауыруға шалдығып, содан қайтыс болады. Осы жылдары мемлекеттік қауіпсіздік комитетінде істеген Ә. Бәкірұлы өзінің «Тасжүрек тағдыр» атты мақаласында: «Прокурордың келісімімен басқармаға шақыртылып ескерту жасағанда Розалия алған бетінен қайтпай, қайта-қайта комитет жігіттеріне: «Сендердің коммунистерің коммунизм тұрмақ, социализм құра алмайды. Ерте ме, кеш пе, халық мұны түсінеді. Түсінген бойда кеңес империясы құлайды. Бұл Одақ көзге ғана мықты, іс жүзінде әлсіз, іргесі шіріп тұр» - дегенін баяндайды [11].

Сонымен қорыта келгенде кеңестік тоталитарлық жүйе тұсындағы Қазақстандағы үлкенді, кішілі наразылықтар жиналып келіп 1986 жылғы желтоқсан оқиғасына алып келді. Кеңестік қоғамдағы жылдар бойы қордаланған шиеленіс, жүйенің ұлт саясатын өзгертуге құлықсыздығы, 80 жылдардың ортасында басталған Горбачевтың қоғамды «қайта құру» жөніндегі жалған идеясы әлі буыны қатпаған жастарды әміршіл-әкімшіл жүйемен ашық қақтығысқа алып келіп, жапа шектірді. Бірақ олардың еңбегі зая кеткен жоқ.

ӘДЕБИЕТТЕР:

1. Есмағамбетов К. Шерлі шежіре шындығы. // Егемен Қазақстан. – 2010. – 27 қаңтар
2. Бейісқұлов Т. Цензура // Егемен Қазақстан.- 2003.- 27 тамыз.

3. Алматы ақшамы.- 2006.- 25 ақпан.
4. Егемен Қазақстан.- 2004.- 28 қаңтар.
5. Егемен Қазақстан.- 2004.- 6 ақпан.
6. Түркістан – 2010, - 27 мамыр.
7. Қазақстан тарихы көне заманнан бүгінге дейін. – Алматы, 1994. – 370 б.
8. Түркістан – 2010, - 9 қыркүйек.
9. Әлиханұлы Ж. (Аупаев) “SOS” белгісі // Егемен Қазақстан.- 2002.- 30 қазан.
10. Жас Алаш.- 2002.-28 наурыз; Желтоқсан құрбандарын жоқтау. – Алматы, 1992. – 61 бет.
11. Ерназар С. Жындыхана арқылы жазалау // Егемен Қазақстан.- 2001.- 16 қаңтар.

ӘОЖ 8С (каз)2

Қадырова Л.Қ.

*ҒАА құжаттарды пайдалану бөлімінің меңгерушісі
Қазіргі заман тарихын құжаттандыру орталығы КММ
Семей қ. zdnivko-setmey@rambler.ru*

Ж. АЙМАУЫТОВТЫҢ СЕМЕЙДЕГІ КЕЗДЕРІ МҰРАҒАТ ҚҰЖАТТАРЫ БОЙЫНША...

Ж. Аймауытов-қазақ халқының творчестволық өркениетін кеңінен таратушы, жазушы, аудармашы, драматург, талантты педагог. Өз кезеңінде ол әнші,актер, режиссер ретінде танылды. Ж. Аймауытов ұлттық «Алаш» партиясының мүшесі Алаш қайраткерлерімен тығыз қарым-қатынаста болған. Ұстанғанөмірлік позициясының басты мәні отарлықта болған қазақ халқын құлдықтан азат етіп, біртұтас ұлт етіп біріктіру болған Жүсіпбек Аймауытовтай озық ойлы алаштық интеллигенция өкілдерінің жаппай репрессияға ұшырауы қазақұлты трагедиясы болды.

Сол себепті оны 1929 жылы қамауға алып, ұлтшыл алашор-

дашыл деген айыппен 1930 жылы ату жазасын береді.

Осы жағдайдан кейін оның кітаптары кітапханалардан алынды және жазушыны еске алудың өзі қылмыс болып саналды. Уақыт өте келе біз оның қызметі жайлы, бізге қалдырған бай әдебиеттері мен ғылыми зерттеулері жайлы тереңінен таныстық. Еліміз өз тәуелсіздігін алғаннан кейін жазықсыз жапа шеккен ұлт зиялыларының еңбектері толықтай жарыққа шығып оқырман қауыммен қайтадан қауышқаны белгілі.

1989 жылдың басында жазушының творчестволық мұрасын тексерген комиссия жұмысының қорытындысын Республика мәжілісінде қайтадан қарап, қазақ романдарының негізін қалаушы, атақты тілші, ақын аудармашы Жүсіпбек Аймауытовтың заңсыз қуғын-сүргінге ұшырағанын ескеріп, оның ғылыми-педагогикалық, қоғамдық-әлеуметтік тарихи шындықтарын және әдеби еңбектерін толықтай жарыққа шығарды.

Ж. Аймауытовтың қоғамдық-әлеуметтік қызметі 1919 жылы Семейде басталды, яғни Жүсіпбектің творчестволық таланты, ақындығы осы Семейде көріне бастайды.

Ж. Аймауытовтың өміріндегі Семейдегі кездері туралы мәліметтер, оны айқындайтын толық құжаттары қаламыздың қазіргі заман тарихын құжаттандыру орталығында сақталған. 1915 жылы Жүсіпбек өзінің сыныптасы Қаныш Сәтбаевпен бірге Семей Мұғалімдер семинариясына оқуға түсіп, 1919 жылы бітіріп шығады.

Оған мұғалім біліктілігі беріледі. Оны куәләндіретін құжат Семей Губерниялық білім беру бөлімі 415 қорда сақталған:

1) Ж. Аймауытовтың Семей мұғалімдер семинария курсын бітіргені туралы куәлік.

2) Ж. Аймауытовтың 2-сыныпты Павлодар училищесін бітіргені туралы куәлік. Осы жерде оның дүниеге деген жаңа көзқарасы оянып, одан сайын жоғарылай береді.

Ол «Жас Азамат» қоғамына мүше болады және әдеби кештерге қатысып, спектакльдерде ойнап көріне бастады. М. Әуезовпен, Қ. Сәтбаевпен, С. Торайғыровпен, М. Тұрғанбаевпен, Ж. Шанинмен басқа болашақ мәдени қызметкерлермен араласа жүріп, оның дүниеге көзқарасы арта түсті.

Мұрағат құжатына үңілсек 30-шы қарашадан 1-ші желтоқсанға қараған түні 1919 жылы Семей қаласында кеңес үкіметі толық орнайды. Губтөңкерістік комитеті ұйымдастырылады.

1919 жылы 17 желтоқсанда бірінші рет мәжіліс өткізіледі. Оның жеке бөлімдерінің бірі «Инородчески», «Бұратана» деп аталды. Оның меңгерушісі болып М.О. Әуезов тағайындалады. Қазақ жастары М. Әуезовтен бастап кешегі семинаристер Ж. Аймауытов, Қ. Сәтбаев, Ахметбек Сейсенбаев, Ыдырыс Мұстамбаев, Әзімбай Лекеров жаңа кеңес үкіметі үшін қоғамдық қызметке белсенді араласты. Олардың Губ төңкерістік комитетіндегі қызметтері 1919 жылдың 12-ші желтоқсанынан басталды. Мына құжатта:

«Хаттама №73 3-ші наурыз 1920 жыл.

Қатысқандар: Самсонов, Большаков, Ермеков, Белослюдов, Булах, Гаврилов және Аймауытов.

Басталуы кешкі 6 сағат 30 минут.

ТЫҢДАЛДЫ:

1. Семей Губ төңкерістік комитетінің Завадской, Самсонов, Большаков, Аймауытов, Тюленев және кандидат Скибті Сібір төңкерістік комитетінің мүшелігіне тағайындауы.

Қаулы қабылданды:

2. Бекітілсін [1: 142]

1920 жыл 26-шы маусымда өткен Губтөңкерістік комитетінің бірлескен мәжіліс хаттамасының көшірмесі 125\е.

Басқарманың бөлім меңгерушісі Большаков пен Аймауытовқа

Сайлау комиссиясының мүшелері болып жолдас Аймауытов, Зорин, Курамжин тағайындалсын [2: 16].

03.04.1920 жыл Губерниялық төңкерістік комитеті мәжілісінің №73-ші хаттамасында. «Губ төңкерістік ком мүшелерінің арасында жұмыстар бөлу, Ж. Аймауытовты халықтық білім беру, юстиция қызметін қадағалауға бөлу» [3]

10-шы қыркүйек 1920 жылғы №135 Хаттамада М. Әуезов өзінің орнына Жүсіпбекті қалдырғаны жазылған.

ТЫҢДАЛДЫ:

1.Бөлім меңгерушісі жолдас М. Әуезов өзінің колдауында, білімін жалғастыруға жіберуді өтінген.

Қаулы қабылданды:

«Жолдас Әуезовтың өтінішімен уақытша Қырғыз бөлімін басқару Губтөңкерістікком мүшесі жолдас Аймауытовқа берілсін»-делінген [4: 22].

1921 жылы Губтөңкерістік комитеті таратылып, оның орнына Губатқарушылық комитеті бекітіледі.

«Қыркүйек айы 1921 жыл.

Халықтық білім бөлімінің жетекшісі Ж. Аймауытов, оның орынбасары Қ. Сәтбаев.

1920 жыл Педагогикалық курс оқытушыларының тізімі берілген бұл тізімде Ж. Аймауытов та бар. «Оқытушы, жасы 28-де, мұғалімдер семинариясын бітірген, еңбек өтілі- 4 жыл.» - делінген [5: 17].

Барлық осы жұмыстарды атқара отырып Жүсіпбек өзін адал, келешегі бар жақсы қызметші ретінде көрсете білді. Аймауытовтың қызмет бабымен Оренбург қаласына ауысуы жайлы құжаттар Губатқарушылық комитетінің құжаттарында кездеседі.

Құжатта былай делінген «№469 Мандат 9. 12-ші айда берілген (жылы көрсетілмеген). Семей губерниялық атқарушылық комитетінің қаулысымен жолдас Аймауытов, КирЦик-тің өкімімен іссапарға Оренбург қаласына жаңа қызметке жіберілді.

Жолдас Аймауытовқа барлық қоғамдық мекемелер және ұйымдар жәрдем беруге міндетті. Жолдас Аймауытов халықаралық және штаб вагондарында жүруге құқығы бар. Аймауытов он мың көлемінде аванс алды, ол ақшаны жаңа орынға келгенде Губатқарушылық комитетіне қайтаруы керек.

Губерниялық атқарушылық комитетінің төрағасы Жигарев. Хатшы-Матвеев. — деп жазылған [6].

Губерниялық соттың қорында Ж. Аймауытовтың әйелдерге қатысты мәселе бойынша көзқарасы туралы құжаттар кездеседі. Құжатта былай делінген: 1921 жыл. Губсовнарсуд.

Әйелдерге қатысты мәселеге ұсыныс.

Әйелдер мәселесі-қырғыз елінің ең бір жауапты мәселесі

болып табылады. Қырғыз халқы Ресей республикасының басқа халықтары сияқты, өз бетімен өмір сүру міндетін алды. Сонда да бостандық алған қырғызстандақырғыз әйелдері, сататын немесе сатып алынатын зат ретінде тұр. Бұл атақты зұлымдық, онымен тез арада күресу керек. Бұл зұлымдықпен күресу үшін қырғыз халқының саналы өкілдері алға қарай ұмтылды. Ақпан революциясынан кейін және барлық қырғыз съезрінде әйелдерді сату тоқтатылсын, калым жасаудың күші жойылсын деген қаулы қабылданды.

Бірақ бұл қаулы өмірде қолданылмады. Тұрғындарға құқық берілгенде, әйел теңдігі жарияланғанда, қырғыз әйелдері құл болып жүруді жалғастыра берді. Кеңес үкіметіне келгенде де қырғыз елінің назар аударатыны әйелдер мәселесі болды. Барлық айтылған ойлар, әйелдерді сатуды, калым жасауды тоқтату. Осының барлығына қарамастан Совнарсуд назар салып қарамады ма немесе басқа жақтан заң тосты ма, әйтеуір әйел мәселесі жайлы тұрақты көзқарас белгіленбеді және қырғыз аудандық сотына анықталған нұсқаулар берілмеді. Барлық айтылған көзқарастарды қабылдай отырып

Киротдел әйелдерді қорғау, олардың теңсіздігі жайлы өз ойларын білдіре отырып, қырғыз әйелдерінің бостандық алғанын, сатып алу немесе әйелдерді сату мәселесін тоқтатуға ұсыныс жасады. Киротделдің ойынша мұны тоқтату үшін сатушыны және сатып алушыны қатаң түрде жазалау және мүліктерін тәркілеу.

Губерниялық қырғыз бөлімінің меңгерушісі Аймауытов.

Семей қаласы. 20 қазан 1920 жыл.

Қол қойылған [7: 22-24].

Келесі Губерниялық соттың қорында №93 1920 жыл «Қазақ тілі» газетінің көшірмесі бар онда «Қырғыз әйелдерін сатуды тоқтатуға байланысты тергеу жұмысы кімнің міндеті» деп жазылған. «Алаш қаласының тұрғыны азамат Жүнісов Түмен өзінің 14 жастағы жалғыз Рузия атты қызын қырғыз Омар Табалгинге екінші әйелі (токал) ретінде күйеуге береді. Омардың жасы қырықтан асқан. 14 жасар Рузия үшін 100 бас жылқы, 1 бас таза жүйрік арғымақ, 2 бас түйе және жүз мың ақша берген. Қыздың шешесі Омарға баруына қарсы болады. Ол қызына өзінің жасына

сай, өз көңіл қалауымен тұрмыс құрса деген тілеу тілеп еді. Осылайша әйелі мен күйеуінің арасына молдалар түсіп, әйелі ақыры көнеді» [8: 24-25].

Осындай жазушының негізгі еңбектерінің ішінде «Рабиға», «Сылан қыз», «Ақ білек», әйел теңіздігі, адат, шариат заңдарымен күрес т.б мәселелерді көтерді. Жүсіпбекті осындай мәселелер жиі алаңдататын, осылайша ол Семей қаласында тұрып, жұмыс істей жүріп әдебиетке ден қойды.

1923 жылдың басында Ж. Аймауытов педагогикалық жұмысқа ауысты. Ол Қарқаралыда, Шымкентте лауазымы жоғары, басшы болып жұмыс істеді.

Шымкенттегі педагогикалық техникумда директор болды. Ж.Аймауытов Қарқаралыдағы бірінші сатыдағы мектепте меңгеруші болып жұмыс істеді, оны растайтын құжат, Губерниялық халыққа білім беру қорында сақталған.

Үлкен қоғамдық жұмыстарды атқара жүріп, Ж. Аймауытов творчестволық қызметпен де айналысты. У. Шекспирдің, Ж. Мольердің, Г. Моппсан, В. Гюго, Д. Лондон, сол сияқты орыс классиктері А.С. Пушкин, Л. Толстой, А. Чехов, М. Горький шығармаларын қазақ тіліне аударады. «Аударма туралы» атты мақаласында ол орыс тілінен қазақ тіліне қалай аудару керек, оның жазылу тәртібі жайлы айтады.

Жүсіпбек Аймауытов өзінің мақаласында кітапшаларды, ғылыми мақалаларды, әңгімелерді, очерктерді т.б. аударуға байланысты кеңестер береді. Ол педагогика, психология саласындағы зерттеу жұмыстарының авторы, театралды сахналарға бірнеше пьесалары шығарылды. Атап айтсақ «Рабиға», «Сылан қыз», «Шернияз», «Мансапқорлар» «Ел қорғаны», «Қанапия мен Шарбану» және басқа «Қартқожа», «Ақбілек», «Дәмелі» атты романдары, «Күнекейдің жазығы» повесті, «Қызыл отан», «Жел үстінде» әңгімесі, «Жаман тымақ», «Көк өгіз» атты балаларға арналған әңгімелері бар.

Ж. Аймауытов әнші, музыкант, өте талантты адам болған. Бәрімізге белгілі репрессияға ұшырағандардың өздері ғана емес, олардың отбасылары, балалары, туыстары барлығы қатаң жазаға ұшырады. Ж. Аймауытовтың жұбайына, балаларына оңай болған

жок. Үлкен ұлы Бектұр 1937 жылы «Халық жауының ұлы» деп 10 жылға бас бостандығынан айырылып, Солтүстікке еңбек лагеріне аттандырылды.

Жанақ Аймауытов 1941 жылы «Халық жауының ұлы» деп еңбек әскеріне жіберілді.

Қаламыздың Қазіргі заман тарихын құжаттандыру орталығы қорында Ж. Аймауытовтың ең бірінші шығармашылық қызметі жайлы сақталған, аса құнды тарихи деректері молқұжаттары, болашаққа мирас болып қалатыны сөзсіз.

ӘДЕБИЕТТЕР:

1. КММ ҚЗТҚО. Қ-72, Т.1, ІС-19.
2. КММ ҚЗТҚО. Қ-72, Т.1, ІС.125.
3. КММ ҚЗТҚО. Қ-72, Т.1, ІС.34.
4. КММ ҚЗТҚО. Қ-72, Т.1, ІС.125.
5. КММ ҚЗТҚО. Қ-415, Т.1, ІС.75.
6. КММ ҚЗТҚО. Қ-72, Т.1, ІС.196;
7. КММ ҚЗТҚО. Қ-266, Т.1, ІС.476.
8. КММ ҚЗТҚО. Қ-266, Т.1, ІС.476.

УДК 94 (574.42)

Құдайбергенова А.И.

*Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының бас ғылыми қызметкері, г. Алматы,
e-mail: akudaybergen@mail.ru*

XX ғ. 20-30 жж. ҚАЗАҚСТАН ХАЛҚЫ (САНДАР СӨЙЛЕЙДІ)

Тарихи сана XX ғ. басында қазақ халқын қынадай қырған ашаршылықтардың ақиқатын түгел ашып болған жоқ. Қазақтың ұлттық қайғысы болып табылатын, жарасының орны әлі жазылмаған ашаршылықтар нәтижесі Қазақстанды

демографиялық дағдарысқа әкелгені белгілі. Статистикалық мәліметтердің негізінде, сандарды сөйлете отырып осы кездегі халық санындағы өзгерістеріне көз салайық.

Ең алдымен, Түркістан Республикасында 1917-1918 жж. болған ашаршылықты ұмытпауымыз керек. Қазақтар 1917 ж. екі төңкеріс, кеңес билігінің жеңуі мен орнығуы кезінде ашаршылыққа ұрынды. Әсіресе, елдің оңтүстігін аштық жайлады. Осы кездегі Түркістан өлкесі халқының құрамында қандай өзгерістер болғанын көрсету үшін мына мәліметтерді салыстырайық:

1897-1920 жж. санақтар аралығында Түркістан Республикасының халқы 13,3%-ға кеміді. Ерекше қатары ойсыраған қазақтар: 34,1%-ы қырылды. Мысалы, Алматы уезінің халқы 1897-1920 жж. 5,4%-ға өскенде, уездегі қазақтар саны 1917-1920 жж. аралығында 32216 адамға (20,1%-ға) кеміді. Сол жылдары қазақтар Лепсі уезінде 42,1%-ға, Талдықорған уезінде 26,2%-ға, Әулиеата уезінде 43,8%-ға, Шымкент уезінде 55,0%-ға, Қазалы уезінде 40,1%-ға және т.б. кеміді [1: 11]. Соның ішінде, 1916 ж. ұлт-азаттық қозғалыс кезіндегі өлім-жітіммен бірге жазалаудан қашу нәтижесінде халық санының күрт кемігені әкелді. Халық саны дегенімен бұл жердегі әңгіме негізінен қазақтарға қатысты екені белгілі. 1917 ж. 1 қаңтардағы деректер бойынша, тек Жетісу облысының Жаркент, Лепсі, Верный уезінде халық саны 1916 жылмен салыстырғанда 73%, 47%, 45 %-ға азайған.

Осы жылдары, ерекше қалаларда, қоныс аударушы орыс, украин, татарлардың саны мен үлесі өсті. Өзбектер, қырғыздар, ұйғырлардың саны мен үлесі кеміп, дүнгендер шығынға онша ұшырай қойған жоқ, саны да үлесі де бір мөлшерде өзгеріссіз қалды [2]. Сонда 1917-1918 жж. ашаршылық жылдарында Түркістан Республикасындағы қазақ үштен бірінен айрылды. Осы жылдардағы аштықтан еңсесін көтермеген халық 1921-1922 жж. ашаршылық қамытын қайта киді. Мұрағат қойнауларында сол жылдардан кейін детұтастай губернияларды аштық жайлағаны туралы құжаттар кездеседі. Яғни, ашаршылық 1922 жылдан соң саябырсығанымен тоқтаған жоқ. Ол Қазақстанның әр түрлі аймақтарында орын алып, арасы бір сәтке үзілмей, ұжымдастыру

мен ет дайындау науқаны нәтижесінде халықты 1929-1933 жж. ірі демографиялық апатқа әкелді.

Сонымен, 1929-1933 жылдары халық аштықтан қынадай қырылып, ажалдан қашқандары шет елдерге ауа көшті. Халық саны күрт кеміді. Осы жерде айта кетер жайт, бұл кездері патшалы Ресей кезінен қалыптасқан статистикалық есеп алу ісі әлі де ықтияттылығын сақтаған еді. Жергілікті жерлерде халық пен мал басының шығыны есепке алынып отырды.

Қазақ АКСР ХК мәліметі бойынша, 1933 ж. ақпанына дейін 71 ауданның (50 көшпелі мен жартылай көшпелі және 21 отырықшы) халқы сыртқа ауа көшті. 1930 ж. басы мен 1931 ж. ортасына дейін Қазақстаннан 281230 шаруа шаруашылықтары сыртқа, негізгі бөлігі Қытайға, Иранға және Ауғаныстанға көшті.

Өз уақытында жүргенде халық санақтары шындықты ашар еді. 1932 жылдан бастап үш рет жүргізілмекші болып, кейінге ығыстырыла берген, 1937 ж. бір күндік болып өткен халық санағы бұл сұмдықты жасыра алмады. Халық санының өскенін, социалистік құрылыстың жетістіктерін көрсетуге тиісті деген халық санағы, керісінше, демографиялық құлдыраудың дәлелі болды. Сол себепті «қуғын-сүргінге» ұшыраған 1937 ж. санақ, әсіресе, ауыл халқының кемуін паш етті. Мәліметтері жойылып жіберілген осы санақтың алғашқы қорытындылары туралы құжат Қазақстан халқы 1926-1937 жж. екі санақ арасында 1144,7 мың адамға, соның ішінде ауыл халқы 1831,6 мың адамға кемігендігі көрсетті. Қала халқы керісінше, 686831 адамға өскен [3]. 1-кестеде Қазақстанның облыстары бойынша халық санының екі санақ аралығындағы өскенін немесе кемігенін көрсететін айырымы (сальдосы) жайлы мәлімет беріліп отыр:

1-кесте 1926-1937 жж. санақтар аралығындағы Қазақстан облыстары бойынша халық санының өсімі (айырымы- сальдосы)
[3]

Облыстар	Барлығы	Ауыл	Қала
Қазақ КСР	-1144725	-1831556	686831
Ақтөбе	-76283	-108305	32022

Алматы	-148081	-140418	-7663
ШығысҚазақстан	-198349	-285919	87570
Гурьев	-31841	-82601	45760
Батыс Қазақстан	-101883	-111425	9542
Қарағанды	15339	-103280	118619
Қызылорда	-86903	-117555	30652
Қостанай	-172299	-181772	9473
Павлодар	-158551	-166034	7483
Солт. Қазақстан	300073	201357	98716
Оңт. Қазақстан	-171769	-255078	83409
Алматы қ.	175997	20817	145380

1-кестеден көретініміз, облыстар ішінде өндірісін дамытуға бағытталған Қарағанды мен Солтүстік Қазақстан облыстары ғана халық санының өсімінде оң айырым бар. Бұл өсімнің өндіріс орындарын игеруге келген көші-қоншылар есебінен екені анық. Басқа облыстардағы теріс айырым халық санындағы терең шыңырауға дәлел. 1926-1937 жж. санақтар арасында, ерекше, Шығыс Қазақстан (285919 адамға), Оңтүстік Қазақстан (255078 адамға), Алматы (140418 адамға) облыстарының ауыл халқы күрт кеміген.

1937 ж. ауыл халқы 1926 ж. мөлшерінің 69,1%-ына ғана жетті, ал қала халқы 246,9%-ға өсті [4]. Ауылда ер адамдар үштен бірінен (915,5 мыңнан аса адамынан) айрылып, 1926 жылға мөлшерінің 68,0%-на төмендесе, әйелдер 802,9 мың адамға кеміп, 70,3%-ға түскен. Халық санының кемісін КСРО-ның өзге республикаларынан келген көші-қоншылар да толтыра алмады.

Қазақ халқын демографиялық апатқа жеткізген ашаршылық болып жатқан 1929 ж. наурыз айында КСРО Орталық атқару комитеті мен ХКК-нің қаулысы бойынша Қазақ АКСР Егіншілік халық комиссариатының құрамында Қоныс аудару басқармасы құрылады [5: 27]. Басқарма Қазақстандағы одақтық маңызы бар жер қорын анықтау, реттеу және КСРО-ның өзге республикаларынан келген қоныстанушыларды орналастыру жұмысын жүргізді. Егер патша үкіметі құрған Қоныс аудару басқармасы

1916 ж. «Қазақстанда отарлау-қоныс аудару қоры 1913 ж. өзінде-ақ таусылды» деп мәлімдеген болса [6: 96], кеңес өкіметі 1929 ж. Қазақстан жерін қоныстануға ашық деп жариялап, жо-спарлы қоныстандыруды жүзеге асыра бастайды. КСРО-ның өзге аймақтарынан Қазақстанға қоныс аударғандарға ғана қаржылай көмек берілді. Жергілікті республикалық үкімет осы қаржыдан мәжбүрлі түрде отырықшыланып, аштыққа ұшырап жатқан қазақтарға да бергізбекші болады. Қазақ үкіметі отырықшыландырылудағы шаруашылықтардың Орталық Қазақстандағы бір бөлігін Қоныстандыру басқармасына бөлінетін одақтан қордың көмегімен көшіруді және оларды сырттан көшіп келушілермен бірдей жағдайда орналастыруды сұрайды. Себебі тұрғындардың бұл бөлігі құмдақты, суық жерлерден басқа жер-ге көшірілетіндіктен, республикалық бюджет есебінен жаппай отырықшыландыруға бөлінген қаржыдан қаржыландырылуға жатпайтын және олардың отырықшылануы кезіндегі көші-қоны үшін басқа қаржы көзі жоқ еді. Бірақ, жергілікті үкіметтің бұл әрекетінен түк шықпайды. Қаржыны жұмсауда тікелей одақтық орталыққа қарайтын Қоныстандыру Басқармасы бұл ұсынысты орындамайды. РКФСР Егіншілік шаруашылығы халық комиссариатының Бүкілодақтық Қоныстандыру комитетінен алынатын несиелер Қазақ АКСР Қоныстандыру басқармасының құзырына тікелей беріледі деген 6 пункт қазақ үкіметінің көшпелі аудандардағы халыққа көмек бермекші болған әрекеттеріне тосқауыл болды. Себебі қоныстандыру ісін басқарушы Қазақ АКСР Қоныстандыру басқармасы бөлінген қаржыны қазақ үкіметімен келіспей тікелей жұмсауға құзырлы еді [5: 16]. Ашаршылыққа ұшыраған жергілікті ұлт өкілдеріне қоныстанушылар үшін бөлінген бұл қаржыдан ешнәрсе тимеді.

Санақ Украина мен Қазақстандағы 1929-1933 жж. ашаршылықтан адамдардың қырылғанын, сыртқа кеткенінен кемігенін растады. 1937 ж. қаңтар айында-ақ, санақтың мате-риалдарын реттеу шаралары қолданыла бастады деуге бола-ды. «Санақ қағазында дұрыс жазылмай қалған болуы керек, сондықтан сіздерге жіберілген мәліметтердегі адамдарды ірі елді мекендерге қосыңыздар» деген нұсқаулар республикаға түсе ба-

стайды [7]. Тексерулер көбейді. Қазақстандағы санақтың дұрыс жүргізілген-жүргізілмегенін тексерген И.Д. Верменичевтің бригадасы (репрессияланған И.А. Кравальдың орнына тағайындалған) халық саны ерекше кеміген аудандарды таңдап алды. Тексерулер, мысалы, Ақмола ауданы бойынша 0,12% мен 0,44% аралығында санаққа енбей қалғандарды анықтады. Санаққа енбей қалғандарды анықтаған комиссия 23 аудандағы әрбір жағдайды қатаң тексергенімен, 1937 ж. санақта халық 0,99%-ға дейін ғана кем есептелінген деп қорытындылады. Бұл 1937 ж. санақ мәліметтерінің дәл екендігін көрсетеді. Бірақ, И.Д. Верменичев Халық бақылау комитеті төрағасының орынбасарына жазған баяндамасында алынған нәтижелерді көтере көрсетіп, Қазақстан бойынша 4,7%-ға кем есептелінген деп жібереді [8]. Осыдан кейін халқы кеміген республикаларға қосымша санақ қағаздары жіберіліп, адамдар саны өсіріледі.

2-кестеде 1937 ж. санақтың алғашқы қорытындылары мен кейіннен, арнайы контингенттер мен қосалқы сандарды қосу арқылы адам санын көтерген 1937 ж. санақ материалдары бойынша Қазақстан халқының саны туралы мәлімет келтіріледі. 1926 ж. санақпен салыстырғанда, қайта есептелінбеген кездегі 1937 ж. санақ материалдары бойынша Қазақстан халқы 958,4 мың адамға кемігені көрінеді. Көп ұзамай арнайы санақ қағаздарын жіберу арқылы халқы көп кеміген республикаға 400 мың адам санын қосқаннан кейін 1926-1937 жж. санақтар арасында Қазақстан халқы 558,4 мың адамға кеміген болып шықты. Бірақ, халқы өскен басқа республикалармен салыстырғанда (Украинадан басқа) халқының кемігені жасырыла алмады.

Кесте 2 – 1926-1937 жж. Қазақстан халқы санындағы өзгерістер [9]

Қазақ КСР*	1926 ж. санақ бойынша			1937 ж. санақ бойынша			1926 ж. қарағандағы 1937 ж. өсім (%)		
	қала	ауыл	барлығы	қала	ауыл	барлығы	қала	ауыл	барлығы
Барлығы	517220	5561350	6078570	1357215	4162958	5520173	262,4	74,9	90,8

1937 ж. қайта есептелінбеген кездегі санақ бойынша Қазақстан халқы**	1277215	3842958	5120173	246,9	69,1	84,2
Алғашқы есеп пен қайта есептелінген 1937 ж. санақ бойынша Қазақстан халқының санындағы өзгешелік	80000	320000	400000	15,5	5,8	6,6
* Қайта есептелініп, қосымша адамдар қосқан кездегі халық саны. ** Қайта есептелінбеген 1937 ж. санақ бойынша.						

1937 ж. санақтың құжаттары құпияландырылып, негізгі бөлігі жойылып жіберілді. 1937 ж. санақтың материалдарын жоғалтқандар, мәліметтерін пайдаланғандар жазаланды. Материалдары да «сотталды». Есептелінбей қалғандар санын мейлінше өсіре отырып, КСРО халқы 168,5 млн адам деп саналды. 1939 ж. санақ өткізілгеннен кейін 1937 ж. санақтың дұрыс-дұрыс емес екендігін ешкім қайта іздемеді.

1938 ж. үлкен тазалау жүрді: ХШЕОБ бастығы И.А. Краваль мен 1937 ж. санақ бюросының бастығы О.А. Квиткин атылды, Қазақ ХШЕБ бастығы М.С. Саматов репрессияланып, орнына И.П. Тейтельбаум тағайындалады [10]. Көп ұзамай, 1938 ж. 22 қарашада И.П. Тейтельбаум да орнынан алынып, Қазақ ХШЕБ бастығы болып, П.М. Дунаев бекітіледі [11]. Санақ қағаздары өзгертілді: ұлттық белгісі оңайлатылды, сауаттылығы графасы сауатты адамдар көп болатындай өзгертілді, діни сенімі деген сұрақ алынып тасталынды және т.б.

Санақты жүргізу барысында да «халық жаулары» жазаланып отырылды. Мысалы, Алматы облысы атқару комитетінің орынбасары Сүлейменов облыстың ұлттық аудандарынан шаруашылық-мәдени жағдайы мен колхоздардың ұлттық құрамы жайлы мағлұмат сұратқаны және оған жіберген жауаптардың ішінде 1937 ж. санақтың мәліметтері болғандығы үшін орнынан алынып, жазаланады [12: 110]. Сонымен бірге, кате деп жарияланып, оны ұйымдастыруға, өткізуге қатысқан адамдардың көпшілігі репрессияға ұшырап, мәліметтері жарияланбақ түгіл, жойылып, шағын бөлігі сақталынған 1937 ж. санақтың мұрағаттары құндылығын жоғалтпақ емес.

1939 ж. санақ 17-24 қаңтар аралығында өткізілді. Санақ

қағазында 16 сұрақ болды. 1939 жылғы Бүкілодақтық халық санағы 1937 жылғы санақтың қателерін түзетіп, «социализмнің ұлы табыстарын бүкіл әлемге жариялау үшін» жүргізілді. Дегенмен ол да 1937 ж. санақтың мәліметтерін жоққа шығармай, Одақ халқының жоспарлағандағыдан көп өспегенін көрсеткен соң, әсіресе ауыл шаруашылығын күштеп ұжымдастыру саясатының кесірінен болған 1929-1933 жж. ашаршылықтың салдарынан халықтың көп қырылғаны анықталғаннан кейін, негізгі қорытындысы тез жарияланғанымен, 7 томға дайындаған материалдары құпияландырып, жарияланбай қалды. Мәліметтері XX ғ. соңына дейін құпия қорларда сақталып келді.

1939 ж. халық санағының материалдары КСРО ыдырағаннан кейін жарық көре бастады. Бұл мәліметтерді жариялауға Ресей Ғылым академиясындағы Ресей тарихы институтында жұмыс істейтін академик Ю.А. Поляков пен тарих ғылымдарының докторы В.Б. Жиромская жетекшілік еткен бір топ ғалымдар көп еңбек сіңірді. Ал, Ресей мемлекеттік экономика мұрағатында (Кеңес Одағы жоспарлау комиссиясы Орталық халықшаруашылық есеп басқармасының 1562-қорында, 329 және 336-тізбелерінде) сақталудағы 1937 ж. және 1939 ж. Бүкілодақтық халық санақтары материалдарының Қазақстанға қатысты бөлігі академик М.Х. Асылбеков бастаған ғалымдардың ізденісі арқасында жинақталып, жариялана бастады [13].

Көп жылдар бойы құпия болған 1939 жылғы Бүкілодақтық халық санағының Қазақстан бойынша қорытындыларын сөйлетсек:

1926-1932 жылдар арасында Қазақстан халқы бар болғаны 77,1 мың адамға, 1,3% ғана өсті (6 151 102 адам), яғни 12 жыл ішінде жыл сайын 0,1%-ға өсіп отырған. Тіпті мына 6 облыстың халқы төмендегідей азайып кеткен: Павлодар – 32,1%-ға, Қостанай – 23,1%, Ақмола – 14,4%, Батыс Қазақстан – 10,2%, Ақтөбе – 7,7%, Семей – 9,8%. Кейбір облыстар халқының аздап өскені де бар. Олар: Қарағанды – 11,8%, Оңтүстік Қазақстан – 22,2%, Шығыс Қазақстан – 18,8%, Солтүстік Қазақстан – 12,2% және т.б. Бұл Кеңес өкіметінің ауыл шаруашылығын күштеп ұжымдастыру мен қазақтарды отырықшылыққа орналастырудағы

солақай саясатының салдарынан 1931-1933 жылдары болған жаппай ашаршылықтағы демографиялық апаттың қасіретті көрінісі еді. Қазақ АССР халықшаруашылық есеп басқармасы мәліметі бойынша, тек 1930-1933 жылдары республика халқы 3 479,5 мың адамға (5 873 мыңнан 2 493,5 мыңға), яғни 59,2%-ға азайып кеткен. Жоғарыда көрсетілгендей, ашаршылықтың ең көп құрбаны болған Батыс, Солтүстік және Шығыс аймақтардың қазақтары еді [14].

1926-1939 жылдар аралығында Кеңес Одағында тұрғындар саны 16%-ға артыпты. Сол тұста Армения халқы 45,5%-ға, Тәжікстан халқы 43,8%-ға, Әзірбайжан халқы 38,5%-ға, Өзбекстан халқы 37,4%-ға, Түркіменстан халқы 25,4%-ға, РКФСР халқы 17,1%-ға өскен. Қазақстаннан кейінгі халық санының өсімі төмен көрсеткішке Украина ие болыпты. Ол небәрі 6,6%-ға жеткен, яғни Одақ халқы жыл сайын 1,3%-ға өссе, Украина 0,55%-ға тең болған [14: 20].

Қазақстан халқының жасы мен жыныс құрамында да күрделі өзгерістер болды. Ерлердің әйелдер үлесінен басымдығы күшеюі, балалар мен 19-ға дейінгі жастардың және 50-ден асқандардың Одақдеңгейінен де, 1926 жылғы санақ көрсеткішінен де төмендеуі, сонымен бірге, еңбекке ең қабілетті топтардың көрсеткіші жоғары болуы сияқты ерекшеліктер көрініс берді. Ерлердің үлесі 51,2%-дан 52,07%-ға дейін көтерілді, ал әйелдердің үлесі 48,8%-дан 47,9%-ға дейін төмендеді. Осы жылдар арасында ерлердің саны 93 мыңға жуық өссе, әйелдердің саны 16 мыңнан астамға азайды. Бұл 1931-1933 жылдарғы жаппай ашаршылықтың зардабы ғана емес-тін, сырттан келген көші-қонның, әсіресе оның ішінде орыс, украин және беларусь ұлттары өкілдерінің арасында ауыр еңбекке жарамды ерлердің басым болғаны да күшті әсер етті, яғни Қазақстанға келген мигранттардың арасында ерлер басым болды. Олардың үлесі орыстарда 52,4%, украиндарда – 52,3%, беларусьтарда тіпті 78,2%-ға жетті. Қазақтарда да бұл көрсеткіш 52,1%, басқа түркі ұлттары өкілдерінде де осы деңгейде еді: өзбектерде – 52,2%, татарларда – 51,7%, ұйғырларда – 51,1%, әзірбайжандарда – 68,2%, кәрістерде де (51,8%) ерлер басым еді. Тек немістерде – 49,0%, поляктарда – 47,9% болды.

Ашаршылық жылдары республикадан 1130 мың адам кетті, олардың 676 мыңы қайтпады, 454 мыңы кейінірек Қазақстанға қайта оралды [15: 14.]. Қайта оралған қазақтардан басқа ұйымдастырылған түрде еңбек ресурстарын өнеркәсіпке, көлікке, құрылыс пен халық шаруашылығының басқа салаларына тарту арқылы халық саны, соның ішінде қазақтардың қала халқының құрамындағы үлесі өсе бастады. Шетке кеткен қазақтардың қайта оралу үдерісі соғыс алдындағы жылдарға дейін жалғасып, біртіндеп тоқтады. Бұдан кейінгі қазақтардың Отанына қайта оралуы 1954-1962 жж. және Қазақстан тәуелсіздігін алғаннан соң жүзеге асты.

1939 жылғы санақта Қазақстан халқының территориялық орналасуында, яғни қалалық және селолық мекендерге шоғырлануында күрделі өзгерістер мен ерекшеліктер болғаны байқалды. Ең алдымен республикада жеделдетілген индустрия бағытындағы іс-шаралар нәтижесінде және кеңшарлар мен машина-трактор станцияларының құрылу екпініне байланысты қала мен ауыл тұрғындары арасындағы үлес салмағы елеулі өзгеріске түсті. 1926 жылдан 1939 жылға дейінгі аралықта қала тұрғындарының саны 3 еседен артық өсіп, олардың үлес салмағы Қазақстан халқының 27,8%-ын құрады. Соған орай, ауыл тұрғындарының саны 20%-ға азайып, 72,2%-ға төмендеді.

Қала тұрғындарының үлес салмағы Қазақстанның әртүрлі өңірлерінде әрқалай болды. Бұлар өңірдің темір жол желісімен қамтамасыз етілуі мен өнеркәсіп орындарының даму деңгейіне байланысты тұғын. Республиканың 14 облысының ішінде тек орталық өңірде – Қарағанды облысындағы тұрғындардың басым бөлігін, яғни 56,2%-ын қалалықтар құрады. Сол кезеңде Семей облысының 40,6%, Алматы облысының 37,1%, Гурьев облысының 34,8%, Жамбыл облысының 29,3%, Қызылорда облысының 28,8%, Ақтөбе облысының 26,2%, Оңтүстік Қазақстан облысының 25,2%, Шығыс Қазақстан облысының 25% тұрғындары қалалық жерде тұрды [14: 21].

Қазақстан халқының ұлттық құрамында 1926-1939 жылдары болған өзгерістер қазақтар мен басқа ұлт өкілдерінің ара салмағы арасында мүлде басқа бағыт қалыптасқанын көрсетеді.

Мұның айқын көрінісі – қандастарымыздың өз Отанында, атамекенінде аз ұлтқа айналғаны. Осы кезеңде қазақтардың үлесі 20,7%-ға кеміп, 58,5%-дан 37,8%-ға дейін төмендеді. Бұл бағыт елімізді патшалық Ресей отарлаған кезден басталып, Кеңес өкіметінің кезінде өрлей түскен-ді, оның ең басты себебі – Қазақстанға сырттан, ең алдымен Ресей, Украина, Белоруссия және басқа аймақтардан келген көптеген көші-қонның әсері болатын. Бұған қосымша – қазақтардың табиғи өсімі ашаршылық пен репрессиядан өте төмен болды. Осы жағдайда басқа жақтан жіберіліп жатқан басқа ұлт өкілдерінің саны үнемі, үздіксіз өсіп отырды да 1939 жылғы халық санағы көрсеткендей, орыс пен украиндар Қазақстан халқының басым көпшілігіне айналып, ұлттық құрамда жаңа ара салмақ пайда болды.

Бұл сандардың мәндерін қорытындыласақ, онда XX ғ. басындағы елдегі жүрген күрделі саяси-экономикалық дамудың қазақ халқының әлеуметтік-демографиялық дамуында ерекше ауыр із қалдырғанын көреміз. Қазақстан халқы одан кейінгі жылдары өсті, қалаландыру үдерісінің нәтижесінде халқының саны көбейді. Жеделдетілген көші-қон нәтижесінде Қазақстанда көп этносты халықтың құрамы қалыптасты. Ал, қазақ халқының саны күрт азайып, тек тәуелсіздік жылдарында ғана абсолютті көпшілік мәртебесіне ие болуда. Қазақстан халқы қазір полиэтносты құрамымен ерекшеленеді. Біртұтас халық тәуелсіз Қазақстанның ғаламдану жағдайында көркеюіне жұмыла еңбек етіп, бірлік пен тұтастықты ту ете отырып, өмір сүруде. Өткеннің сабағы бүгінгі азық.

ӘДЕБИЕТТЕР:

- 1.Классовый и профессиональный состав городского населения СССР в 1923 г. Приложение к статистическому ежегоднику. – Ташкент: Издание Туркестанского экономического Совета, 1924. – С. II. – 142 с.
2. Статистический ежегодник. 1917-1923 гг. – Ташкент: Издание ТЭС-а, 1924. – 115 с.
3. Ресей мемлекеттік экономика мұрағаты (РМЭМ), 329-қор, 281-

- іс, 120,121,126,132-пп.
4. РМЭМ,1562-қор, 329-тізбе, 151-іс, 175-п.
5. ҚР ОММ. 5-қ., 9-т., 34-іс.
6. Нұрман Ш.Т. Қазақстанда кеңес үкіметінің қоныс аудару қорын құруы // ҚазҰУ хабаршысы. Тарих сериясы. – Алматы, 2003. – № 4(31).
7. ҚР ОММ. 698-қ., 21-т., 3-іс, 27, 47, 47-қайырмасымен.
8. РМЭМ. 1562-қ., 329-т., 151-іс, 236-п.
9. РМЭМ. 1562-қ., 329-т., 151-іс, 175-п.; РМЭМ, 1562-қ., 329-т., 199-іс, 97-п.
10. ҚР ОММ. 698-қ., 21-тізбе, 7-іс, 3, 11-пп.
11. ҚР ОММ. 698-қ., 21-тізбе, 8-іс, 166-п.
12. РМЭМ. 1562-қ., 329-т., 151-іс, 236-п.
13. Население Казахстана по Всесоюзной переписи населения 1939 года. // В 5 т. – Алматы: Арыс, 2009. – Т. 1. – 400 с.
14. Асылбеков М.Х., Асылбекова Ж.М. Основные итоги Всесоюзной переписи населения 1939 года по Казахстану / Население Казахстана по Всесоюзной переписи населения 1939 года. // В 5 т. – Алматы: Арыс, 2009. – Т. 1. – 400 с. (С. 18-38).
15. Насильственная коллективизация и голод в Казахстане, 1931-1933 гг.: Сборник документов и материалов / Сост.: Алдажуманов К.С. и др.; Редкол.: Козыбаев М.К. (гл. ред.) и др.– Алматы: «Фонд ХХI век», 1998. - 263 с. - На рус. и каз. яз.

УДК 94(57).084.(3+5+6)

Москаленская Д.Н.

НГУ, Новосибирск, darmosk@mail.ru

**ПУТИ АДАПТАЦИИ БЫВШИХ
СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ-«ЛИШЕНЦЕВ» ЗАПАДНОЙ
СИБИРИ В УСЛОВИЯХ
ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ**

Радикальные перемены, последовавшие за установлением

власти большевиков, крайне негативно сказались на жизни представителей духовенства. Одной из дискриминационных мер, направленных против священнослужителей, являлось лишение избирательных прав, введенное еще в Конституции 1918 года. Вместе с запретом на участие в выборах «лишенцы» подвергались дискриминациям в ряде гражданских и социальных прав: их выселяли из квартир, лишали социальных пособий и пенсий, значительно ограничивали доступ детей «лишенцев» к получению образования, обязывали платить повышенные налоги и т.д.

В историографии лица, лишенные избирательных прав за «связь с религиозным культом», рассматриваются в основном в числе других категорий «лишенцев» [1, 2, 3, 4]. Тем не менее, существуют региональные исследования, базирующиеся на материалах местных архивов, в которых рассматриваются непосредственно «служители культа»-«лишенцы». Так, Ю.А. Русина в своей статье анализирует на уральских материалах социально-демографический состав лиц, лишенных избирательных прав за «связь с религиозным культом», обращая также внимание на процедуры восстановления в избирательных правах и на дальнейшие изменения социального статуса [5]. Н.А. Давыдова с использованием эмпирического материала рассматривает положение «служителей религиозного культа», лишенных избирательных прав в Севастополе [6]. Одной из немногих работ, посвященных непосредственно православному духовенству, является статья З.Ш. Мавлютовой, в которой исследуются сохранившиеся заявления священнослужителей [7]. Тем не менее, вопросы, связанные с дальнейшей адаптацией бывших священнослужителей, их последующими судьбами, требуют дальнейшего изучения.

Данная работа базируется на комплексе документов личных дел «лишенцев» города Новосибирска, Томска, Барнаула, Бийска, а также 22 районов Западно-сибирского края. Электронная база данных создана на основе 326 личных дел «лишенцев». При этом необходимо учитывать, что личные дела в основном заводились на тех священнослужителей, которые подавали заявления в избирательные комиссии.

Лишение избирательных прав с последующими за ним

ограничениями, наряду с другими факторами, способствовало сокращению числа действующих священнослужителей. В условиях, создавшихся после Октябрьской революции, у священно- и церковнослужителей имелось два пути: продолжать служить в церкви и пытаться выжить, оставаясь «лишенцами», или же оставить службу, найти новую работу и добиваться восстановления в правах. Во многих случаях информация о дальнейших судьбах священно- и церковнослужителей-«лишенцев» отсутствует. Это связано, в том числе и с тем, что, спасая себя и свои семьи, последние покидали места своего постоянного проживания. Часто в заключениях избирательных комиссий значилось: «выбыл неизвестно куда». Подобное поведение было характерно не только для священнослужителей. Как отмечает Ш. Фицпатрик, для тех, кто был отмечен социальным клеймом, одним из первых шагов на пути к новой жизни часто становилось бегство. Те крестьяне, кто уже подвергся «раскулачиванию» или боялись попасть под него, бежали из своих сел, отправляясь работать в город или на стройку [8: 160].

Все более ужесточавшаяся политика государства в отношении церкви вынудила часть духовенства оставить свою службу. Тем не менее, 40 % священников и одна пятая часть псаломщиков (на основании тех дел, в которых присутствует информация о занятиях) на момент 1930 г. продолжали служить в церкви. Из тех священнослужителей, о которых имеется информация, об отречении от сана (57 человека), более одной трети покинули церковь в период 1928-1930 гг., значительная часть оставила свое служение в 1919 г. и 1926-1927 гг. Среди «лишенцев» присутствуют также три бывших священника, оставивших церковь еще до революции. Так, избирательных прав был лишен бывший священник с. Никоновского С.А. Краснов, оставивший службу, вероятно, в силу преклонного возраста (1851 г. р.) в 1915 г. и занимавшийся в дальнейшем пчеловодством. В 1920 г. С.А. Краснов был лишен избирательных прав, а в начале 1930-х гг. безуспешно обращался с просьбой о восстановлении [9: 1-14]. Другой священник, проживавший в г. Новосибирске, С.П. Козьмодемьянский, был рукоположен в 1904 г., служил священником в Оренбургской губернии,

но в 1909 г. лишился священнического сана за отказ упоминать императора в церковной службе как благочестивейшего [10: 1-10]. Еще один священник, П.П. Головачев, прослужил священником два года с 1912 по 1914, а в дальнейшем состоял на службе в епархиальной администрации [11: 1-29].

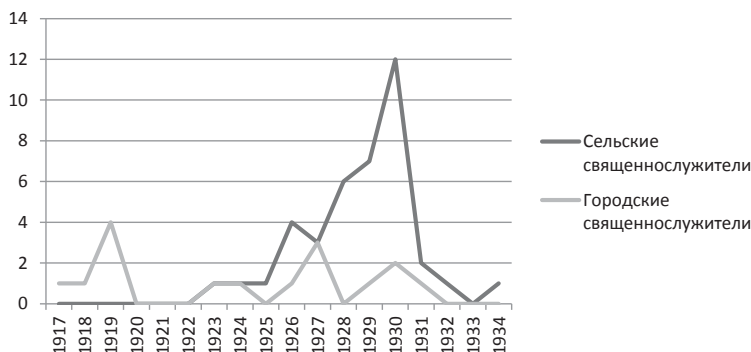

Рисунок 1. Время снятия сана священнослужителями

Оставление церкви сельскими священнослужителями связано в первую очередь с коллективизацией и новым этапом наступления на религию. Священники облагались непомерными налогами: доходность хозяйства священника могла оцениваться властями до 1500 или даже 2000 рублей в год. В реальности священники редко получали и половину этой суммы. Размер дохода зависел и от численности жителей села и близлежащих деревень, и от количества совершаемых треб. В частности, священник с. Парабель Парабельского района П.А. Волынский указывал, что доход от службы в церкви за 1930 г. составил 500 рублей в год [12: 1]. Но, по подсчетам налогового инспектора, годовой доход П. А. Волынского составил 1853 рубля. На примере дела П.А. Волынского видно, насколько выросло налогообложение за 1928-1931 гг. Так, в 1928/1929 г. им было заплачено 13 р. 95 к. налога, в 1929/1930 гг. – 60 р., в 1930/1931 – 422 р. 28 к. [13: 5]. Попытки доказать, что в 1930/1931 гг. им была сделана значительная пере-

плата, не увенчались успехом.

В случае со священником села Довольного Индерского района А.И. Юдиным с просьбой «устранить самочинное обложение» обратились прихожане [14: 11]. Окружная комиссия сочла возможным несколько снизить налог, но это вызвало возмущение у районной налоговой комиссии: «установленный неzemледельческий доход от религиозного культа Юдину в сумме 1095 рублей РНК считает верным» [15: 26]. В доказательство своего мнения районная налоговая комиссия приводила тот факт, что для священников соседних населенных пунктов с меньшим числом дворов «установлен неzemледельческий доход в 1200 р.» [16: 26]. В результате завышенное налогообложение часто приводило к разорению хозяйств священнослужителей и продаже имущества. Такая судьба постигла, в частности, священника с. Листвянка Черепановского района Новосибирского округа И.И. Плотникова, у которого в начале 1930 г. изъяли имущество за неуплату налога [17: 3, 5]. При этом на его иждивении находились пять несовершеннолетних детей.

Среди городских священнослужителей больше всего покинувших церковь приходится на 1919 г. Это связано со сменой в регионе политических режимов, установлением в Сибири советской власти и последовавшими за этим репрессиями.

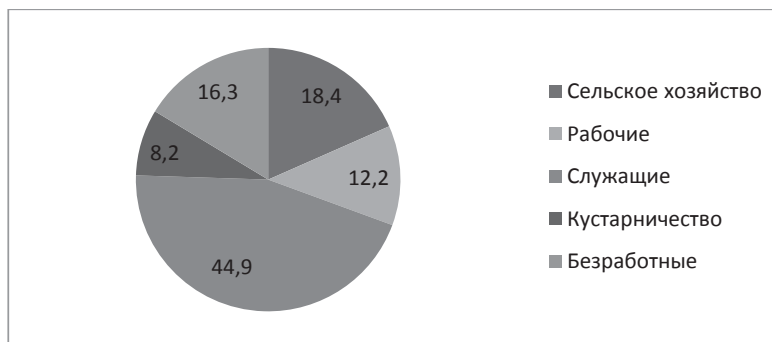

Рисунок 2. Структура занятий бывших священников на 1930 г.

После оставления службы священнослужители были вы-

нуждены искать для себя новое занятие, адаптироваться к изменившимся условиям. Согласно исследованию Ю.А. Русиной, на первом месте по количеству находятся те бывшие «служители религиозного культа», кто стал заниматься сельским хозяйством, а ставшие служащими только на втором [18: 126]. По нашим подсчетам, достаточно большой части бывших священнослужителей из проанализированной нами выборки (44,9 %) удалось устроиться в качестве служащих.

Как видно из представленной диаграммы, почти половина бывших священников поступила на работу в различные учреждения, хотя основная их часть приходится на представителей городского духовенства.

Для городских священников существовало два основных варианта трудоустройства – служащими на предприятии или рабочими на производстве. Незначительная часть в силу возраста или состояния здоровья оказалась на иждивении родственников, еще меньше было тех, кто занялся сельским хозяйством или кустарничеством.

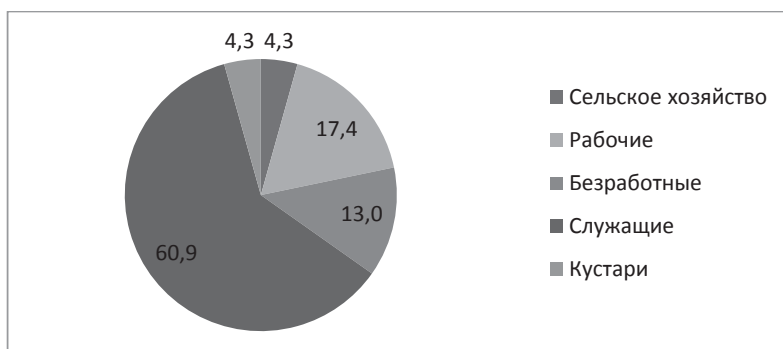

Рисунок 3. Структура занятий бывших городских священников на 1930 г. (%).

В сельской местности основными видами деятельности для бывших священников становилось сельское хозяйство, а также работа в качестве служащих.

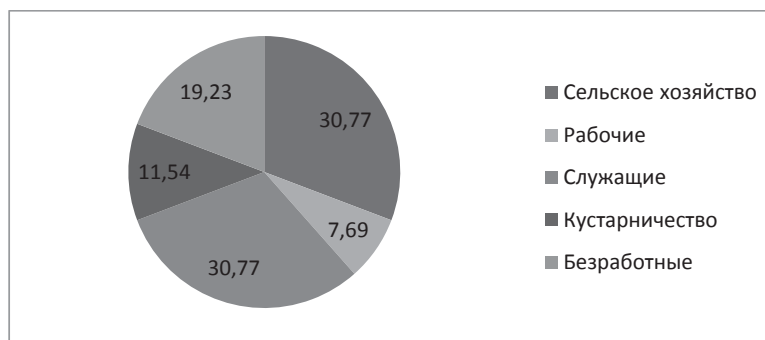

Рисунок 4. Структура занятий бывших сельских священников на 1930 г. (%)

Рассмотрим подробнее представителей каждой группы занятий. Первая группа, самая многочисленная, представлена служащими. На различных должностях оказались 14 городских священнослужителей и 8 сельских. Острая нехватка кадров, потребность в специалистах с образованием вынуждала принимать на работу бывших священников. Так, например, бывший томский священник А.М. Жигачев, лишенный избирательных прав, оставив церковь в 1919 г., стал работать в государственных учреждениях, состоял членом профсоюза с 1920 по 1928 г. [19: 1-15], в 1927 г. лишился избирательных прав, но в 1929 г. уже сумел добиться восстановления

Бывшие сельские священнослужители, отрекаясь от сана, зачастую оказывались на должности секретарей сельсоветов. Так, П.Ф. Буслаев (Моховский с/с Колпашевского района), прослужив священником с 1922 по 1928 г., публично отрекся от сана, и вскоре в 1929 г. занял должность секретаря Жигаловского сельсовета, с августа 1929 г. – секретаря Моховского сельсовета, затем – секретаря Широковского сельсовета [20: 1-25]. Что примечательно, будучи лишенным избирательных прав в 1924 г., П.Ф. Буслаев смог устроиться на указанные должности и работать секретарем, а добился восстановления в избирательных правах только в 1934

г. А.Н. Махровский (Баклушевский с/с Доволенского района) состоял священником до 1929 г., отрекшись от сана, уже в 1930 г. занял должность секретаря Баклушевского сельсовета [21: 1-27].

Вторая по численности группа представлена священниками, которые после снятия сана стали заниматься сельским хозяйством. Таковых среди сельских священников-«лишенцев» выявлено семь человек. Из них один расстрелян в 1937 г. [22: 1-12], другой в 1930 г. осужден за контрреволюционную агитацию на 5 лет лагерей [23: 1-3], третий в 1932 г. скончался [24: 1-14], двое подверглись раскулачиванию [25: 1-11; 26: 1-35], но двоим, удалось добиться восстановления в избирательных правах [27: 1-23; 28: 1-17]. Сельским хозяйством стали заниматься и два бывших дьякона – первый, оставив службу в церкви в 1927 г., добился восстановления в избирательных правах в 1932 г. [29: 1-11], другой покинул церковь в 1931 г., затем был в тылоополчении и в 1934 г. его также восстановили в избирательных правах [30: 1-10].

Третья группа – священнослужители, которые были вынуждены заниматься тяжелым физическим трудом в качестве чернорабочих. Таковых насчитывается четыре священника [31: 1-51; 32: 1-35; 33: 1-10; 34: 1-30] и два дьякона [35: 1-16; 36: 1-29]. В некоторых случаях информация из личных дел дает представление о том, какие это были виды работы: грузчик, кочегар, каменщик. Все четверо бывших священников были восстановлены в избирательных правах (1931, 1932 и 1936 гг.), но один из них в 1937 г. был расстрелян. Один бывший дьякон подвергся репрессии, будучи осужден в 1930 г. на 5 лет лагерей [37: 1-16], другой – П.А. Рукавишников – в 1935 г. был восстановлен в избирательных правах, но в 1937 г. расстрелян по обвинению в принадлежности к «Союзу спасения России» [38: 52].

Четвертая группа священнослужителей, после оставления церкви занявшихся кустарничеством, представлена тремя священниками (одним городским и двумя сельскими) и дьяконом, занимавшимися соответственно плетением корзин, сапожным ремеслом, починкой пимов и кладкой печей [39: 1-26; 40: 1-27; 41: 8, 60]. Никому из них не удалось добиться восстановления в избирательных правах.

Пятая группа – священнослужители, оставившие церковную службу в силу возраста или по состоянию здоровья. Таковых насчитывается 8 человек. Семеро из них находились на иждивении у родственников, а один жил на подаяния [42: 1-8]. Из тех, кто жил на иждивении, один в 1935 г. был восстановлен в избирательных правах [43: 1-16], другой подвергся высылке [44: 1-22], еще двое в 1937 г. были расстреляны [45: 297-298; 46: 1-4], дальнейшая судьба остальных троих неизвестна.

Для церковнослужителей работа в храме чаще всего была дополнительным и временным занятием, а часто и безвозмездным служением по просьбе общины. Даже если церковнослужители получали плату, обычно она была незначительна. Хотя в одном случае, некий «благожелатель» указывал в своем доносе в сельский совет, что «Трофимов Иван Семенович с 1926 года по 1931 год служил псаломщиком в Турнаевской церкви от чего имел большие доходы от 1000 рублей и больше в год» [47: 17]. В реальности такими доходами не обладали и священники.

Большинство псаломщиков оставили церковь в 1928-1930 гг. Как и в случае со священнослужителями, это связано с новым витком наступления на церковь и коллективизацией. Структура занятий бывших церковнослужителей выглядит следующим образом:

Большинство церковнослужителей после оставления службы в церкви вернулось к своему основному занятию – хлебопашеству. Помимо службы в церкви, среди причин для лишения избирательных прав сельских церковнослужителей фигурируют также «эксплуатация наемного труда» и наличие сельскохозяйственных машин. Хозяйства церковнослужителей, как правило, причисляли к «кулацким». Поэтому, даже после оставления службы в церкви их редко восстанавливали в избирательных правах. Часть церковнослужителей к моменту 1930 г. уже оказались высланными.

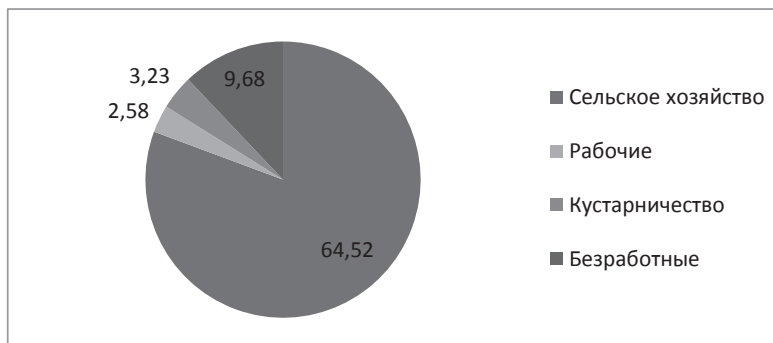

Рисунок 5. Структура занятий бывших церковнослужителей (%)

На втором месте по численности находятся бывшие церковнослужители, устроившиеся работать на производстве. В основном они становились чернорабочими и были вынуждены заниматься тяжелым физическим трудом. Тем не менее, больше половины из них добились восстановления в избирательных правах.

В некоторых случаях бывшие церковнослужители занимались кустарничеством, чуть выше процент оказавшихся на иждивении родственников. В избирательных правах никого из них не восстановили.

Отдельно необходимо рассмотреть судьбы бывших монахинь, к которым власти часто причисляли также послушниц, отданных родителями еще в детстве на воспитание в монастырь. Тем не менее, несмотря на то, что монастырь они уже давно оставили, их лишали избирательных прав. По предположению Ю.А. Русиной, такая политика в отношении бывших послушниц была порождена представлениями об их монастырском воспитании и образовании [48: 122]. Вполне возможно, что власти не делали особых различий между послушницами и монахинями. Сам факт пребывания в монастыре, независимо от занимаемого в нем положения и времени нахождения, служил поводом для лишения избирательных прав.

В городе большинство бывших послушниц и монахинь

становились поденщицами, чернорабочими, шли в прислугу и работницы. В частности, одна из них так охарактеризовала род своих занятий: «... как чернорабочая не отказывалась ни от какой работы: стираю белье, стежу одеяла, подшиваю пимы...» [49: 2]. Некоторые, не имея возможности по причине преклонного возраста работать, оказывались на иждивении родственников, если таковые имелись, если же никого из близких не было, то судьба их складывалась поистине трагично. Так, например, А.С. Губанова, работавшая на свечном заводе Томского женского монастыря до его закрытия, в возрасте 73 лет осталась без средств к существованию и проживала на подаяния знакомых [50: 3]. Из десяти бывших послушниц и монахинь, проживавших в городах, восемь были восстановлены в избирательных правах.

Среди монахинь, проживавших в сельской местности, известно только о судьбе двух из них – одна занималась отчиткой, другая зарабатывала на жизнь шитьем. В избирательных правах никто из них восстановлен не был.

Постреволюционная эпоха стала настоящим испытанием на прочность для представителей духовенства. Условия, в которых они оказались, заставляли делать нелегкий выбор – отказаться от сана, спасая семьи от разорения, или пытаться выжить, продолжая служить. Адаптация бывших священнослужителей в советском обществе протекала крайне сложно. В первую очередь это касается сельских священников. Возможностей устроиться служащими здесь было меньше, чем в городах. Занятия сельским хозяйством было по силам далеко не всем священнослужителям, к тому же с переходом к коллективизации сельские священно- и церковнослужители подвергались «раскулачиванию» и высылке. Кроме того, для полной успешной адаптации мало было устроиться на работу, необходимо было восстановиться в избирательных правах, а для этого требовался пятилетний трудовой стаж. А занятие сельским хозяйством и кустарничеством к нему не относилось.

В этом плане ситуация с бывшими городскими священнослужителями-«лишенцами» складывалась несколько лучше. Во-первых, в городах было больше возможностей устро-

иться на работу, и не обязательно в области тяжелого физического труда. Во-вторых, среди городских священников было значительно больше оставивших церковь во время гражданской войны и в середине 1920-х гг., и соответственно у них было время, чтобы найти новое занятие и успеть получить трудовой рабочий стаж, необходимый для восстановления в избирательных правах.

Но в любом случае служба в церкви как факт биографии становилась неизгладимым пятном, которое оказывало влияние на всю последующую жизнь человека. Даже для тех, кто, казалось бы, успешно адаптировался в новом обществе – давно покинул церковь, устроился на работу, получил необходимый стаж, восстановился в избирательных правах, зарекомендовал себя на общественной работе, стал членом профсоюза – все могло быть перечеркнуто в один миг. Жизнь бывших священнослужителей в условиях постреволюционной эпохи напоминала жизнь на вулкане. В любой момент с работы могли уволить, избирательных прав лишить, а с наступлением 1937 г. под угрозой оказывалась уже сама жизнь, так как репрессиям подверглись не только действующие, но и бывшие священнослужители.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск, 2012. -155 с.
2. Красильников С.А., Саламатова М.С., Ушакова С.Н. Корни и щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е – начало 1950-х гг.). Новосибирск, 2008. -387 с.
3. Саламатова М.С. Лишенные избирательных прав в Новосибирске в 1927-1936 гг. // Корни травы. Сборник статей молодых историков. М., 1996. С. 9-23.
4. Саламатова М. «Лишенцы» // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920-1930-е годы). Новосибирск, 2007. С. 3-37.
5. Русина Ю.А. Характеристика лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом на Урале в 1920-1930-е годы //

История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917-1980-е гг.). Ниж. Тагил, 1997. С. 119-129.

6. Давыдова Н. Отношение органов Советской власти к служителям религиозных культов в Севастополе в 1920-1930 гг. // Государственный архив г. Севастополя [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.gosarhiv.sev.net.ua/fulldoc/2006-03/Davidova.shtml>

7. Мавлютова З. Лишение избирательных прав православного духовенства (на материалах Тюменского и Тобольского округов Уральской области 1920-х годов) // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. История. Вып. 33. 2009. № 23 (161). С. 52-57.

8. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008. - 336 с.

9. ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 394.

10. ГАНО. Ф. Р. 1347. Оп. 1а. Д. 761.

11. ГААК. Ф. 312. Оп. 4. Д. 697.

12. ГАТО. Ф. Р-1023. Оп. 3. Д. 175.

13. Там же.

14. ГАНО. Ф. Р-912. Оп. 1. Д. 47.

15. Там же.

16. Там же.

17. ГАНО. Ф. Р-489. Оп. 1. Д. 971.

18. Русина Ю.А. Характеристика лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом на Урале в 1920-1930-е годы.// История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917-1980-е гг.). Ниж. Тагил, 1997. С. 119-129.

19. ГАТО. Ф. Р-312. Оп. 3. Д. 556.

20. ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 3. Д. 362.

21. ГАНО. Ф. Р-912. Оп. 1. Д. 78.

22. ГАТО. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 281.

23. ГАТО. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 126.

24. ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 394.

25. ГАНО. Ф. Р-387. Оп. 1. Д. 528.

26. Там же. Д. 633.

27. ГАНО. Ф. Р-397. Оп. 1. Д. 183.

28. ГАТО. Ф. Р-1023. Оп. 3. Д. 303.
29. ГАНО. Ф. Р-489. Оп. 1. Д. 480.
30. ГАТО. Ф. 430. Оп. 3. Д. 848.
31. ГАНО. Ф. Р-912. Оп. 1. Д. 657.
32. ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 914.
33. ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 334.
34. ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 517.
35. ГАНО. Ф. Р-490. Оп. 1. Д. 1257.
36. ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 1287.
37. ГАНО. Ф. Р-490. Оп. 1. Д. 1257.
38. Боль людская. Книга памяти томичей, репрессированных в 30-40-е и начале 50-х годов. Т. 3. Томск, 1992.
39. ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 3. Д. 519.
38. ГАНО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 149.
39. ГАНО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 740.
40. ГАНО. Ф. Р-490. Оп. 1. Д. 196.
41. ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 838.
42. ГАНО. Ф. Р-471. Оп. 1. Д. 966.
43. Фаст М.В., Фаст Н.П. Нарымская голгофа: материалы к истории церковных репрессий в Томской области в советский период. Томск; М., 2004. -560 с.
44. ГААК. Ф. 312. Оп. 4. Д. 258.
45. ГАНО. Ф. Р-457. Оп. 1. Д. 574.
46. Русина Ю.А. Характеристика лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом на Урале в 1920-1930-е годы.// История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917-1980-е гг.). Ниж. Тагил, 1997. С. 119-129.
47. ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 378.
48. ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 439.

Молодов О.Б.

*Институт социально-экономического развития
территорий РАН, г. Вологда, o_young8172@mail.ru*

СЕВЕРНОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х гг.: МАСШТАБЫ РЕПРЕССИЙ

Православное духовенство в советский период отечественной истории, особенно во второй половине XX столетия, являлось узким социальным слоем. Официально зарегистрированных «служителей культа» на территории Вологодской области и, соответственно, Вологодской и Череповецкой епархии (позднее – Вологодской и Великоустюжской) в 1950–1980-е гг. было не более сорока человек. Для сравнения, в 1914 г. насчитывалось 1209 православных клириков [1: 94].

Сложности изучения причта Вологодской и Череповецкой епархии конца 40-х гг. XX столетия связаны с отсутствием отчетной документации областного уполномоченного Совета по делам русской православной церкви (далее – СДРПЦ) в открытой части соответствующего архивного фонда (Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 1300. Оп. 14). Отдельные материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) – отчеты и переписка с вологодским уполномоченным СДРПЦ, а также иные источники предоставляют некоторые возможности для исследования данного вопроса. Напротив, в региональном архиве Архангельской области сохранился журнал регистрации действующих церквей и служителей культов, позволяющий существенно расширить представления о персональном составе причта Архангельской и Холмогорской епархии [2].

Состав православного духовенства в этот уникальный период истории государственно-церковных отношений на Русском Севере практически не изучен, вследствие чего представляет особый интерес.

К началу 1943 г. на территории Вологодской епархии остался только один действующий приход – Богородская кладбищенская церковь областного центра. Система епархиального управления была фактически разрушена, а значительная часть духовенства уничтожена в ходе репрессий 1930-х гг., находилась в лагерях или на фронтах Великой Отечественной войны.

С осени 1943 г. в масштабах всей страны начались позитивные изменения в конфессиональной политике, позволяющие говорить о религиозном возрождении, правда, ограниченном строго определенными рамками. В результате упорной борьбы верующего населения на территории Вологодской области к 1949 г. стали действовать еще 16 православных приходов [3]. При этом на имя областного уполномоченного СДРПЦ И.М. Игнатова в 1944-1949 гг. поступило 477 заявлений верующих об открытии храмов (некоторые из них повторно) [4].

К началу 1950 г. клир епархии уже состоял из 26 священников и 7 диаконов, служивших в 17 приходах [5]. Почти всем священникам (кроме одного) было свыше 55 лет. Рукоположены после 1945 г. были только двое. Одиннадцать – до 1918 г., двенадцать – в 1918–1930 гг., один – в 1930–1941 годах [6].

Подавляющее большинство священников имели духовное образование, полученное еще до 1917 г., реже – впервые годы Советской власти, когда в Вологде работала пастырская школа. Некоторые из них имели опыт церковного служения псаломщиками и диаконами (С. Чахутин, Ф. Малышев, Н. Жуков, И. Казаков).

Будущие священники воевали в Первую мировую войну (Ф. Малышев), служили в разные годы в Красной Армии: С. Чахутин – в 1918-1921 гг., а И. Казаков – в 1918-1932 гг., участвовал в «Зимней войне» с Финляндией 1939-1940 гг., в Великой Отечественной войне в 1941–1943 годах. Сын священника протоиерей И. Птицын – кадровый офицер царской армии и участник Первой мировой войны – служил впоследствии (1919-1925 гг.) «на видных постах» в Красной Армии.

Примечательно, что многие представители клира ранее занимали должности бухгалтеров, счетоводов и плановиков на различных гражданских предприятиях (Н. Жуков, И. Казаков,

И. Птицын, Г. Юрьев, И. Иванов). Будущий протодиакон кафедрального собора С. Иванов был коммерческим директором двух ленинградских заводов, прошел Финскую кампанию и Великую Отечественную войну. С 1945 по 1947 год состоял в должности артиста Ленинградской Академической капеллы. Некоторые ранее занимались педагогической деятельностью: Н. Жуков преподавал на счетных курсах в Ленинграде и Вологде, И. Птицын учил литературе и педагогике в г. Чухломе Костромской области.

Особый интерес представляет личность протоиерея Г.И. Юрьева – выдающегося исследователя и миссионера, члена Архангельского общества изучения Севера. Он имел педагогическое образование, а получив священнический сан, служил в Печоре, самоедском приходе Тельвиску (Ненецкий округ), посетил о. Вайгач, Югорский шар, Тиманскую тундру, где организовал школы и оспопрививание. Г. Юрьев был настоятелем вагона-церкви, который впоследствии сдал в железнодорожные мастерские г. Вологды и с 1948 г. начал служение в Вологодской епархии.

Судя по имеющимся данным, в «жернова» сталинских репрессий середины 1930-х гг. попали многие православные священнослужители, в том числе на тот момент бывшие. Некоторые из них – по два–три раза. Ранее судимыми были настоятели 9 из 17 приходов, находящихся на территории области. Кроме того, три священника крупных городских храмов – Богородского кафедрального собора, Воскресенской церкви г. Череповца и Прокопьевской церкви г. Великого Устюга также имели судимость. Среди рукоположенных в 1948 г. представителей клира оказался только один диакон, освобожденный в 1947 г., отбывший почти 10 лет лагерей. Ему удалось получить сан незадолго до появления запрета регистрировать ранее судимых лиц [7].

Наличие указаний на статьи действовавшего тогда Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. (правда, не у всех судимых) позволяет заключить, что большинство осуждалось за политические преступления: по печально известной «контрреволюционной» статье 58 п. 10 и 11, связанной с нею статье 61 (участие в организации или содействие организации, действующей в направлении помощи международной буржуазии), реже – по статье 73 (измышление

и распространение в контрреволюционных целях ложных слухов или непроверенных сведений, могущих вызвать общественную панику, возбудить недоверие к власти или дискредитировать ее). В совокупности представители клира Вологодской епархии фактически отбыли в исправительно-трудовых учреждениях более 65 лет, поскольку в тот период широко применялось условно-досрочное освобождение.

Наличие «уголовного прошлого», особенно в условиях дефицита кадров, видимо, не пугало епископа Иустина (Мальцева). Возможно, данные лица, как пострадавшие за веру и принадлежность к Церкви (что в большинстве случаев очевидно), внушали больше доверия и епископу, и верующим. Назначение многих из них настоятелями приходов косвенно об этом свидетельствует. С другой стороны, судимость половины вологодского клира могла использоваться властями в антирелигиозной пропаганде и являлась своеобразным «козырем» в борьбе с религией и Церковью.

Репрессированные священнослужители Вологодской епархии по разным причинам (преклонный возраст, плохое состояние здоровья, нарушения дисциплины) служили в епархии в течение непродолжительного времени. Спустя 15 лет, на 1 января 1963 г., из них остались только двое: А. Ч-й (Прокопьевская церковь) и В. М-в (Николо-Ламанская церковь) [8].

Несколько иная ситуация сложилась в Архангельской епархии, которую в 1944-1953 гг. возглавлял архиепископ Леонтий (Смирнов), 1876 года рождения (фото 1).

Фото 1. Владыка Леонтий (Смирнов)

Владыка Леонтий, отличавшийся, по воспоминаниям современников, скромностью и кротостью, за период своего служения освятил 35 храмов на территории Архангельской и Мурманской областей, Коми АССР. В 1931 году, будучи священником Ярославской епархии, он был арестован по доносу прямо во время богослужения, и впоследствии осужден по статье 58-10 УК РСФСР (контрреволюционная пропаганда и агитация) к 5 годам исправительно-трудовых лагерей. Отбывал наказание о. Леонтий на Соловках и в Кемском лагере, где, по слухам, лишился одного глаза. По более достоверной информации, он потерял глаз в Архангельске результате хулиганских действий подростка, бросившего в него камень [9].

По воспоминаниям Виктора Шиповальникова, вернувшегося после освобождения из лагерей на родину, епископ Леонтий без колебаний принял его в епархиальный клир, сказав «Зэков я беру» [10]. Как видно из таблицы 1, в годы возрождения легальной приходской жизни на Архангельской земле первыми настоятелями стали преимущественно ранее судимые священнослужители.

Из 30 настоятелей имели судимость ранее или осуждены в период службы на приходе 21 клирик (70%). Из-за неполноты информации об основаниях их привлечения к уголовной ответственности можно утверждать, что 9 осуждены по статье 58, один – по статье 60 УК РСФСР (участие в организации, действующей в целях совершения преступлений, означенных в статьях 57–58 УК РСФСР, то есть «контрреволюционной»). То есть, как минимум, половина состава архангельского духовенства, так же как и вологодского, имела судимость за политические преступления.

Поскольку формулировка статьи 58-10 УК РСФСР содержала оговорку об использовании в ходе контрреволюционной пропаганды и агитации «религиозных и национальных предрассудков масс», под ее действие автоматически попадали православные и иные священнослужители, в том числе и бывшие. Таким образом, законодателем были созданы юридические предпосылки масштабных репрессий духовенства и верующих, как носителей чуждых идеологических установок.

Как видно из таблицы, некоторые священники осуждались неоднократно, в частности, настоятели Введенской церкви г. Сольвычегодска и церкви Иоанна Богослова Приозерского района. Применялась к ним и такая мера как выселение, особенно из городов и районов, имеющих оборонное значение (в первую очередь, из г. Архангельска).

Условия пребывания в лагерях и тяжелый труд в местах лишения свободы оказывали негативное воздействие на состояние здоровья осужденных. Как видится, во многом по этой причине трое ранее судимых клириков ушли из жизни, не достигнув 70-летнего возраста, двое – в 72 года.

Стабильная деятельность православных приходов возможна только при наличии постоянного настоятеля. В условиях дефицита кадров, последствия репрессий духовенства наряду с причинами географического и демографического характера приводили к затуханию приходской жизни, а иногда к закрытию церкви. В результате, с 1949 по 1953 г. из 30 открытых на Архангельской земле храмов были сняты с регистрации восемь, а впоследствии еще четыре.

Таблица 1

*Сведения о приходском духовенстве Архангельской области в
1940-1950-х гг. [2]*

№ п/п	Название прихода (год закрытия)	Место расположения прихода	Год рождения настоятеля	Наличие судимости (статья УК)	Примечание
г. Архангельск и его пригороды					
1	Ильинская ц-вь	г. Архангельск	1879	судим	выселен в 1945
2	Ц-вь Святого Мартина	г. Архангельск	1886	осужден в 1948	
3	Ц-вь Всех Святых	г. Архангельск	1888	не судим	
4	Сретенская ц-вь	с. Заостровье	1873	не судим	

5	Молитвенный дом	с. Ширша	1907	судим	высечен в 1948
Онежский район					
6	Лазаревская ц-вь	г. Онега	1876	судим	
7	Ц-вь Рождества Христова	с. Прилуки	1892	судим (58)	
8	Вознесенская ц-вь (1950)	Хачельский с/с	1877	судим (58)	
Каргопольский район					
9	Пятницкая ц-вь	г. Каргополь	1880	судим (58)	□ 1945
10	Никольская ц-вь (1950)	Тихмангский с/с,	1875	судим	□ 1948
11	Ильинская ц-вь (1952)	Шильдинский с/с	1891	судим (58)	
12	Покровская ц-вь (1952)	Лодыгинский с/с,	1875	судим	за штат в 1951
Красноборский район					
13	Троицкая ц-вь	Устьевский с/с	1881	судим	
14	Никольская -вь (1981)	с. Юрьев-Наволо-лок	1886	судим (58)	□ 1952
Котласский район					
15	Стефановская ц-вь	г. Котлас	1917	не судим	
16	Богоявленская ц-вь	с. Туровец	1896	судим	убит в 1949
17	Воскресенская ц-вь (1965)	с. Ямское	1896	не судим	
18	Васильевская ц-вь (1949)	Удимский с/с	1898	судим	
Сольвычегодский район					
19	Введенская ц-вь	г. Сольвыче-годск	1891	судим (58)	арест в 1951
20	Ц-вь Рождества Христова (1950)	Вешкурский с/с	1875	не судим	

21	Преображен- ская ц-вь (1960)	Рябовский с/с	1880	не судим	за штат в 1951
Холмогорский район					
22	Введенская ц-вь	Княжеостров- ский с/с	1873	не судим	
23	Воскресенская ц-вь	В-Матигорский с/с	1874	не судим	
Вилегодский район					
24	Николаевский мол. дом (1950)	Селянский с/с	1879	судим	□ 1947
25	Богоявленская ц-вь	с. Вилегодское	1900	судим (58)	
Другие районы					
26	Успенская ц-вь	г. Вельск	1876	не судим	
27	Петропавлов- ская ц-вь	Шелашский с/с Шенкурского района	1891	судим (58)	
28	Никольская ц-вь (1961)	с. Юхнево Ров- динского района	1888	не судим	□ 1951
29	Ильинская ц-вь	Тимошинский с/с Черевковско- го района	1880	судим (58)	
30	Ц-вь Иоанна Богослова (1953)	Ошевенский с/с Приозерского района	1899	судим (60)	с н о в а о с у ж - ден в 1948

Таким образом, в северных православных епархиях типичным для второй половины 1940-х гг. было формирование клира из заштатного духовенства, имевшего многолетний опыт церковно и священнослужения, иногда и дореволюционный. Для официальной регистрации таких кандидатов требовалось только получение соответствующей справки у уполномоченного СДРПЦ, что упрощало процедуру формирования епархиального клира.

Еще одной особенностью православного духовенства являлось наличие судимостей у многих священников. В дальнейшем практика выдачи справок об официальной регистрации ранее судимым резко сократилась, поскольку в конце 1948 г. уполномо-

ченным СДРПЦ поступила соответствующая инструкция из головного органа, датированная 23 сентября [11]. Поскольку запрет не имел обратной силы вначале 1950-х гг. в северных епархиях продолжали служить более 20 клириков, прежде отбывавших уголовные наказания за различные преступления. Подобные ограничения сократили кадровый потенциал Церкви и отрицательно повлияли на процесс возрождения легальной приходской жизни.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гудим-Левкович Г.Е. Церковь на Европейском Севере России (сравнительный анализ данных по состоянию на 1914 год) // Свеча-99: Экология духа: сб. статей. Вып. 1. Отв. ред. Е.И. Аринин. – Архангельск, 1999. С. 92-97.
2. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 5620. Оп. 3. Д. 14.
3. См.: Молодов О.Б. Регистрация православных общин на Вологодчине в 1940-е гг.: процедура и правоприменение // Теоретические и прикладные исследования в религиоведении: сб. статей / под ред. П.К. Дашковского. Вып. 1–2. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 134-142.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 630. Л. 111.
5. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 630. Л. 4–5.
6. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 479. Л. 77.
7. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 320. Л. 101.
8. Текущий архив Вологодского епархиального управления. Годовой отчет за 1962 г. С. 14.
9. Архангельский некрополь // [Электронный ресурс]: Окно доступа: – URL: <http://arh-necropol.narod.ru/index/0-109>
10. Евсин И. Хранитель святынь Благовест. Православная газета Рязанской епархии РПЦ. 2009. № 1. // [Электронный ресурс]: Окно доступа– URL: <http://www.blagovesti.ru/arhiv/2009/n1.files/Page631.htm>
11. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 320. Л. 101.

ОӘЖ 94(574) «1930/1932»

Мухаметжанова Н.А.

*Семей қ. Шәкәрім атындағы мемлекеттік университеті
nurg.1975@mail.ru*

АТУ ЖАЗАСЫНА КЕСІЛГЕН ЖАЛҒЫЗ ҚАЗАҚ ҚЫЗЫ - ШАХЗАДА ШОНАНОВА ХАҚЫНДА

Кеңестік қоғам тұсындағы қазақ тарихының жаңаша бағытта зерттелінетін тұстары жеткілікті. Билік құрылымдары кез-келген отбасы мен жеке адам өміріне белсене араласқандықтан әйелдер мен қыздар жазықсыздан-жазықсыз түрмелерде отырып, арнайы лагерьлерде «жазаларын» өтеді. Өйткені олар «Отанын сатқандардың отбасы мүшелері» деп аталған еді. Кеңес мемлекеті әйелдерді қуғын-сүргінге ұшырату саясатын мақсатты түрде жүргізді. Өйткені әйелдерді қудалау шаралары отбасы бірлігі мен ұлттың тұтастығына зиян тигізетін еді. Жазықсыз жазаланып, еңбекпен түзету лагерьлері мен түрмелерде азап шеккен әйелдер, соның ішінде ату жазасына кесілген – Шахзада Шонанова.

1937-1938 жылдардағы қуғын-сүргін саясатын және оған ұшыраған Шахзада Шонанованың және қазақ әйелдерінің қайғылы тағдырын жаңаша көзқарас тұрғысынан бұрын ғылыми айналымға ене қоймаған тарихи деректер қарастырылуда. Саяси шаралар мен экономикалық науқандар тұсындағы Шахзада Шонанованың және қазақ әйелдерінің қуғындалуының себептері еңбекпен түзету лагерлері мен түрмелердегі Шахзада Шонанованың және әйелдер жағдайын және саяси қуғын-сүргінге ұшыраған әйелдердің қайғылы тағдыры, Шахзада Шонанованың ешбір жазықсыз ату жазасына кесілуі. 1937-1938 жылдардағы сталиндік қуғын-сүргін саясатының қазақ қоғамына, елдің бірлігі мен ұлттық санаға және қазақ отбасына тигізген зардаптары жеткілікті. 1925-1938 жылдары жазықсыз қудаланған Қазақстандық әйелдер тағдыры кеңестік тоталитарлық қоғам кезінде айтылмады да, жазылмады. Оның себебі қазіргі кезеңде әркімге де мәлім. Еліміз егеменді болғаннан кейін 1925-1938

жылдардағы әйелдердің саяси қуғын-сүргінге ұшырау себептерін жаңа көзқарас негізінде нақты зерттеуге әрекеттер жасалғанымен, бірақ мәселе әлі де арнайы зерттеліне қойған жоқ.

Сондықтан мұрағаттардағы шаң басып, сарғайып жатқан құжаттардағы “Контрреволюциялық іс-әрекеті” немесе “үгіт-насихаты” үшін сотталған әйелдерді жүйелі түрде зерттеу әр тарихшы ғалымдардың парызы. “Халық жауы” аталған азаматтармен бірге қызметтес болған және өндіріс, құрылыс саласында жұмыс жасаған әйелдердің көпшілігі қудалау көрді. Ату жазасына кесілген қазақ аруларының ішінде – Шахзада Шонанова анықталды. 1932-1934 жылдары «қоғамдық меншікке қол сұққандар» көп болса, 1935-1938 жылдары «контрреволюциялық» және «кеңестерге қарсы іс-әрекеті немесе теріс пиғылы» үшін сотталғандар саны артады; Қазақстандық мұрағаттарда сақталған құжаттар арасынан большевиктердің жазалау жүйесінің жүргізген террорлық әрекеттерін әшкерелейтін мәліметтер анықталынды. Сотталған әйелдер еңбекпен түзету лагерлерінде өздеріне жұмсалған шығынды еңбегімен өтеп қана қоймай, мемлекетке табыс әкелуге де міндетті болды. Бұрынғы Одақта әйелдерге арналған барлығы 4 лагерь болды. Біріншісі – «Алжир», екіншісі – Горький (қазіргі Нижний Новгород) қаласынан 40 шақырым жердегі «Тепляков» лагері, үшіншісі – Фрунзеден (қазіргі Бішкек) 100 шақырым жердегі «Жангиджер», төртіншісі – Тотьмадағы (Ресей) «Темников» лагері [1].

«Алжир» – КАРЛАГ-тың Ақмола бөлімшесі. Ол Ақмола түбіндегі қазіргі Малиновка селосының орнында болған. Тікенек сыммен қоршалған, төрт бұрышына күзет мұнарасы орнатылған бұл жерде тек «Отанын сатқандардың» әйелдері тұрды. Сондықтан оны кекетіп: «Акмолинский лагерь жен изменников Родины» деген ұғымның бас әріптерінен құрастырып «Алжир» деп атады. 2003 жылы Мәскеудегі халықаралық «Мемориал» қоғамы «Узницы «Алжира». Список женщин-заклученных Акмолинского и других отделений КарЛАГа» деген 34 баспа табақ көлемде кітап шығарды. Онда 5380 әйел-тұтқындардың тізімі берілген. Ең сұмдығы – мұнда бойына нәресте біткен аналарға да мейірімділік жасалмады. Нәтижесінде темір тордың ар жағында 1

мың 507 нәресте дүниеге келіп, олардың басым көпшілігі аштық пен суықтың құрбаны болды [2].

Бұл шифрограммаға ГУЛАГ бастығы Берман қол қойғанмен, оның әміршісі – сол кезеңдегі НКВД бастығы Ежов болды. Әйелдерді ауруы да, екіқабаттығы да, сәбилі болуы да құтқара алмады. Тіпті, «отанын сатқандар» делінген қара күйе жағылған адамдардың бұрынғы әйелдері де тұзаққа ілікті. Өкіметтің пайымдауынша, әйелдер күйеулерінің көзқарастарын қолдайды, сондықтан олар да – қауіпті адамдар. Тұтқынға алу тұтқиылдан жүргізілді. Әйелдер ең керек-жарақтарын да алып үлгере алмады, туған-туыстарымен қоштасуға да мүмкіндік берілмеді, балаларына қарауға да мұршасы болмады. Ал Қарағандыдағы бір миллиондай адам темір тордың аталасын ішкен атышулы КАРЛАГ-та және КСРО-ның басқа да түрмелерінде жапа шеккен, жазықсыз жан қиған қаншама қазақ қыздары болды екен десеңші. Енді атылып кеткен аналарымыздың ішінде бізге белгілілеріне келейік. Бұл жөнінде Алматы қаласы тарихының ғылыми қызметкері Мақсат Жақау пікірінше сталиндік репрессия жылдарында атылған қазақ қыздарының саны оннан асады. Солардың ішінде бізге белгілі 1937-38 жылдары «халық жауы» деген жаланың құрбаны болған аяулы ер-азаматтардың арасында Шахзада Шонанова ату жазасына кесілген қазақ халқының аяулы аруы еді. Шахзада Шонанова - Батыс Қазақстан облысы, Жымпиты ауданында 1903 жылы дүниеге келген. Шахзаданың әкесі Арон Қаратаев белгілі қайраткер, Дума депутаты болған заңгер, ел азаматы Бақытжан Қаратаевтың інісі болатын. Анасы - Хұсни-Жамал Зұлқарнайқызы Нұралыханова – Жәңгір ханның немересі, 1894 жылы Бөкей Ордасында қазақ қыздары үшін мектеп ашқан ірі қоғам қайраткері. Шахзада жастайынан зерек болып өсті. Есейе келе білім алуға ұмтылды. Алайда Шахзаданың көп арманы жүзеге аспады. Оған текті адамның қызы болғаны пәле болып жабысты. 1920 жылы Орта Азия мемлекеттік университетінің медицина факультетіне оқуға түседі. Бірақ шыққан тегі — әкесі үстем тап өкілі болғандықтан, көре алмаған біреулердің көрсетуімен 2-курста оқудан шығарылады. Алғыр Шахзада бұған мойымаған. Ол 1922-1926 жылдарда Орал губерниялық атқару комитетінде —

іс жүргізуші, аз уақыт Сырдария губерниялық партия комитетінде нұсқаушы қызметтерін атқарды. 1926 жылдан бастап КСРО ағартушы қызметкерлер одағының мүшесі, 1928-1930 жылдарда Қызылордада Халық ағарту комиссариатының мектепке дейінгі балалар тәрбиесі бөлімінің нұсқаушысы болды [3].

1931 жылы Алматы медицина институтына оқуға түседі. Бірақ мұнда да «әлеуметтіктегі» бойынша бақылауға алынып, институт Шахзаданы «қоғам жұмыстарында тексеруге» міндеттелді. Соған орай бұл мәселе үкіметтің беделді комиссиясында қаралады. 1931 жылдың қазан айының 25-інде өткен комиссия мәжілісіне Халық ағарту комиссариатынан Қайсар Тәштитов, БК(б)П өлкелік комитетінен А.Смирнов, денсаулық сақтау комиссариатынан А.Әрімбетов, Халық ағарту комиссариатының кадр бөлімінен В.Зилов қатысады. Бұл комиссия мынадай қаулы алады. «Шонанованың Кеңес үкіметі тұсында қызмет атқарғаны, өзінің әлеуметтік тегін жасырмағаны ескеріліп, оған медицина институтында оқуын жалғастыруына мүмкіндік берілсін». Бірақ іс мұнымен бітпейді. Қаулыда: «Институт дирекциясына және студенттік ұйымдарға жақын семестрлерде Ш.Шонанованы студенттік ұйымдарда, қоғам жұмыстарында тексеру міндеттелсін» деген де сөз бар [4]. Осыған сәйкес 1932 жылы наурыздың 22-сінен сәуірдің 11-іне дейін Шахзада жұқпалы бөртпе, сүзек пен шешек індеті жайлаған «Прибалхашстройдың» Спасск бөлімшесіне жұмысқа жіберіледі. Осыған байланысты Спасск бөлімшесінің бастығы әрі оқу комбинатының директоры Жамшиннің Шахзаданың жұмысы жайлы жақсы пікірде жазған анықтамасы да институтқа жіберілген. Сол жердегі жұмыс орнынан институтқа ол жөнінде: «Жолдас Шонанова өзін қайратты, іскер қызметкер ретінде көрсетті... Қоғам жұмыстарына қатысты... Санитарлық шаруаларды жүргізуші ретінде Шонанова ең сенімді қызметкер болды» деген мінездеме жіберілді. Соған қарамастан Шахзада тағы да 2-курста «әлеуметтік тегіне байланысты» оқудан шығарылады. Бұған қарамастан тап күресінің белсенділері оған тыныштық бермегені байқалады. Бұлай дейтініміз, Шахзада оқуды тастауға мәжбүр болады. Бұл 1933 жылдың бас кезі болатын. Шахзада енді өзіне бұрыннан белгілі оқу-ағарту ісіне, мек-

тепке дейінгі балалар тәрбиесіне араласады. Шахзада соншама сәтсіздікке қарамастан өзін-өзі іздеуден, халқына қызмет етуден жазбайды. Бұған 1933-1936 жылдары педагогикалық ғылыми-зерттеу институтында жауапты хатшы, Халық ағарту комиссариатында ғылыми қызметкер, ұлттық мәдениетті ғылыми-зерттеу институтында кіші ғылыми қызметкер болып жұмыс істеуі толық дәлел бола алады. Жас келіншектің тынымсыз ізденісін байқаған Халық ағарту комиссары Темірбек Жүргеновтің шақыруымен ол бастауыш және орта мектеп бөлімінде ғалым-хатшы, кейін әдіскер-кеңесші болып қызмет істейді. Бірақ 1936 жылдың басында бұл қызметтен де босайды. Шахзада сонда да мойымайды. Қазақ мемлекеттік университетінің биология факультетінің 2-ші курсына оқуға мүмкіндік алады. Жасы 34-ке келсе де белгілі бір мамандық алуға талпынады. Алайда бұл ниетіне де жете алмайды [5].

Тағдырдың жазуымен екі рет тұрмысқа шығады. Алғашқы ері мемлекет қайраткері Ыдырыс Мұстамбаев болатын. Ы. Мұстамбаев төңкерістен кейін саяси қызметке Мұхтар Әуезов, Ахметбек Сейсенбаев, Ғарифолла Ысқақов және тағы басқаларымен белсенді түрде араласады. 1920 жылдың соңынан Семей губерниялық азық-түлік комиссары, Орал губеркомының мүшесі ретінде, 1922 жылдың 13 шілдесінен бастап Ақмола губерниясының прокуроры қызметтерін атқарады. 1925 жылы Ы. Мұстамбаев Сырдария губерниялық атқару комитетінің төрағасы болды. Оның бұл қызметі Қазақстанның партия басшылығына Голощекиннің тағайындалуымен тұспа-тұс келді. 1926 жылдың 13 қыркүйегінде өткен Өлкеком бюро мәжілісінде Мұстамбаевтың мәселесі қаралып, ұлтшылдық пиғылдағы іс-әрекеттері айыпталғандығы белгілі. Ы. Мұстамбаев алғашқылардың бірі болып ұлтшылдықпен айыпталып, 1933 жылы 4 шілдеде ОГПУ алқасы Үштігінің үкімімен 5 жылға бас бостандығынан айырылды. 1937 жылы сол айыбы үшін тағы да ату жазасына кесілді. Осылайша небәрі 39 жасында қазақтың асыл азаматтарының бірі саяси қуғын-сүргін құрбаны болған еді. Шахзада өзінің алғашқы мақалаларына «Мұстамбай келіні» деп қол қойып жүреді. Ал кейіннен, 1937 жылы ол энциклопедист-ғалым Тел-

жан Шонановпен бас қосады. Осы кезеңде Шахзаданың күйеуі Телжан Шонанов ҚазПИ-де доцент болып жұмыс істейтін. Телжан Шонанов 1922 жылы Орынборда Халық ағарту комиссариаты жанындағы Академиялық орталыққа қызметке қабылданып, сонда 1926 жылға дейін оқыту-білім беру істерін жетілдіруді дамытумен тікелей шұғылданды. Ол 1928-1934 жылдарда Алматыда ҚазПИ-де оқытушы болып қызмет етті және Халық ағарту комиссариатының ғылым мен ғылыми әдістер жөніндегі кеңесінің мүшесі болды. Осы жылдарда «Қазақстан жағрафиясы» (1929), «Жаңалық» (1928), «Сауаттан» (1929), «Тіл дамыту» (1930), «Қазақ тілінің оқу құралы» (1933) т.б. оқулықтар мен оқу бағдарламаларын жазды, латын әрпі, татар, ұйғыр, түрік тілдері жайлы зерттеу еңбектер жариялады. 1935-1937 жылдарда Қазақ мемлекеттік университетінде (қазіргі ҚазМҰУ) қазақ тілінің доценті болды [6].

Телжан Шонанов 1923-1937 жылдар аралығында оқулығы бар, басқасы бар — 32 кітапты жарыққа шығарып, 72 мақала жазған екен. «Халық жауы» деген жаламен 1937 жылдың 21 шілдесінде Шахзаданың ері Телжан Шонанов «халық жауы» деген жаламен тұтқындалған болатын. 1938 жылдың 27 ақпанында атылған Телжан Шонанов 1992 жылы 18 қыркүйекте ақталды. Осы күндері ел арасында 1937 жылы жаппай айыптауда азаматтар бірінің үстінен бірі арыз жазып, өзін-өзі қыруға себепші болды деген пікір бар. Бұл сөздің жаны бар сияқты. Өздеріне қажетті адамдардың үстінен іс қозғауға негіз болатын әңгімені НКВД-нің өзі ұйымдастырғаны да бұл күнде ешкімге жаңалық емес. Шахзаданы айыптау НКВД үшін де аса қажет болған сияқты. Шыққан тегі де, күйеуінің халық жауы ретінде тұтқынға алынуы да, өзінің сауатты болуы да, көптеген зиялы азаматтармен қызмет бабында аралас-құралас жүруі де бұлтартпас айғақ ретінде ойластырылған ғой. Мысалы, 1938 жылдың 6 қаңтарындағы протоколда Шахзада өзін антисоветтік ұйымға 1926 жылы Ыдырыс Мұстамбаев тартты деп «мойындаған», ал 13 қаңтардағы жауабында «ҚазМУ-де оқыған кезде мен студент жастар арасында күнбе-күн антисоветтік, ұлтшылдық насихат жүргіздім. Контрреволюцияшыл, буржуазияшыл ұлтшылдық идеясын кеңінен тараттым» деген де сөздер

бар. Міне, жаланың көкесі деп осыны айтуға болады. НКВД-да отырған жендеттер осыдан тура 2 жыл бұрынғы, яғни 1936 жылдың 20 қазанында ҚазМУ-де болған өртті де Шахзаданың мойнына артады. Шахзада 1938 жылғы 17 қаңтардағы жауабында «1936 жылғы күзде ҚазМУ-ді өз қолыммен өртедім, соның нәтижесінде университет үйінің негізгі бөлігі жанып кетті», – деп қол қойыпты. Дұрысында, өрт іле-шала сөндірілген. Тіпті ондай үлкен де болмаған. Анатомия бөлмесіндегі кітаптар, құрал-жабдықтар далаға шығарылған. Шонанованың ісі бойынша университет мұғалімдерінен ұсталғандардың ішінде Ибадолла Ақбергенов (кафедра меңгерушісі) және аспирант Батырбек Бірімжановтар да бар еді. Ақбергенов сол кеткеннен ізім-ғайым жоғалады. Тағдыры әлі күнге белгісіз. Ал Бірімжановты НКВД-нің ақтамауға амалы жоқ болатын. Себебі 1936 жылдың тамыз айында, яғни өртке дейін ол Ленинградқа оқуға кеткен болатын. Сол Батырбек Ахметұлы кейіннен ҚССР ҒА-ның мүше-корреспонденті атанды. Көп жылдар ҚазМУ-дің факультетін басқарды. Жазықсыз жалалы болған Шахзада Шонанова 1938 жылдың 9 наурызында ері Телжаннан он күннен кейін (Телжан 25 ақпанда) Алматы түрмесінде атылады [7].

19 жасынан қызметке кірісіп, мәдени-ағарту саласында көптеген істерге ұйтқы болған, халыққа адал қызмет етуді армандаған, саяси қудалауларға мойымаған Шахзада Шонанова не бары 34 жыл өмір сүріп, ату жазасына кесілген алғашқы қазақ әйелі ретінде сұрқия саясат құрбаны болды. 1938 жылдың 9 наурызында «халық жауларының әйелдерінің» ішінде тек қана жалғыз Шахзада атылған. НКВД-нің бұл «таңдауы» тегіннен-тегін болмаса керек. Енді Шахзада өмірінің соңғы сәттеріне байланысты бір дерек. Қазақстан тарихи-ағарту «Әділет» қоғамының төрағасы Санжар Жандосов пен атқарушы директоры Сәуле Айтмамбетова-Сүгірова ҰҚК-нің көмегімен 1937-38 жылдары «халық жауларын» кімдер атқанын, қайда көмгенін іздестірген. Қорытындысында Сәуле «Эпоха» газетінің 2006 жылғы 40-санында мынадай дерек жариялады: «...сол қантөгістің тірі куәсі табылды... Бұрынғы кісі өлтірушінің айтуынша, «халық жауларын» түн ішінде НКВД ғимаратының терең қазылған жертөлелеріне

апарып, сол жерде атқан». «Халық жауларын» үш сағат бойы атып, содан соң мүрделерін жабық әскери машиналарға тиеп, әлі аулына апарған.

Бұл - 1932 жылдың ашаршылығында барлық тұрғындары қырылып, қаңырап қалған ауыл еді. Балшықтан соғылған үйлердің орындарында жартылай құлаған қабырғалар ғана со-райып тұр. Міне, сол қабырғалар арасында солдаттар күндіз шұңқырлар қазатын да, ал түнде ол шұңқырларға атылған адамдардың мүрделері тасталған. Қаңырап тұрған бұл ауыл жа-нында жаңа ауыл да бар еді. Оның тұрғындарына көне ауылға жақындамау жөнінде бұйрық берілді. Бұл бұйрық: «көне ауылға аса қауіпті індеттен өлген жылқылар көміліп жатыр», — деп түсіндірілген». «1937-1938 жылдары атылған адамдар тізімін қолымызға алғанда біз НКВД «машинасының» демалыс, мейрам дегенді білмей күндіз-түні жұмыс істегенін ұқтық, — деп жазады Сәуле Рақымқызы. Әр күні 40-50 адам атылған. Олардың бәрі де НКВД ғимаратының жертөлесінде атылған». Осы қантөгіске қатысқан жендеттің айтуынша, «машинадан шұңқырға мүрделерді лақтыра бастағанда, кенеттен олардың бірі тіріліп, айдалаға қаша жөнеліпті. Бұл әйел адам еді. Жендеттердің бірі оны сол арада атып құлатқан. (Тізімде жалғыз ғана әйел адам болғандықтан, бұл жерде әңгіме ҚазМУ студенті Шахзада Шонанова жөнінде деп жорамалдаймыз.) Осы оқиғадан кейін машинаға саларда атылғандардың аяғының сіңірін қиып жіберетін болған». Тізімде жалғыз ғана әйел адам болған болса, НКВД жендеттері өлтіріп, көмуге әкелгенде кенеттен тірілген адамды біздің Шахзада деп санауға хақымыз бар. Ол — қазақтың ерекше бір қайратты қызы еді. Өмірінің соңғы сәтінде де сол қайратынан таймаған секілді. Осыған дейін естімеген соң, әлгі есім жадымда қалып қойған еді. Солайша бұл есім әрі қарай ізденуге жетеледі. Бұл қыз кім? Алаш арыстары еңбегімен қалай таныс? Қазақ қызының ол тұста Халық комиссариатында қызмет етуі – сирек құбылыс. Соңында білгенім, мені елең еткізгені Шахзаданың Алаш арыстарымен бірдей айыпталып, қуғыннан көз ашпай, соңында дәл сол ары-стардай атылып кеткендігі болды. Әрине, ерлердің қасында жүріп, солардың жары болғаны үшін «халық жауы» деген жала жабы-

лып, Ақмоладағы АЛЖИР лагерінде жазасын тартқан Күланда Қожанова, Дәмеш Жүргенова, Гүлбаһрам Сейфуллина, Гүлжамал Майлина, Әзиза Рысқұлова сынды көптеген апамыз болды, бірақ бір жұбанарлығы – олар лагерьде белгілі бір уақыт жазасын өтеп, тірі қалды ғой. Қазақтың ару қызының сыртқы сымбаты, ажары, жүріс-тұрысы туралы жазушы Хамза Есенжанов «Ақ Жайық» романында ерекше суреттейді. Шахзада Шонанованы өзі туып-өскен топырағы да ұмытпақ емес. Орал қаласында бір кезде аяулы ару тәрбие алған үйде, яғни бұрынғы әйелдер гимназиясы ғимаратында оған ескерткіш-тақта орнатылған.

ӘДЕБИЕТТЕР:

1. Тасымбеков Армиял, Жан дауысы АЛЖИР архипелагы – А., Жазушы, 1993-223 б.
2. «Ұзници «Алжира», Мәскеу, 2003 ж.
3. Шонанова Шахзада Аронқызы: Өмірдерек // Алаштың ақ ордасы: Батыс Қазақстан облысы Сырым ауданы.- Орал, 2004.- 304-305 б.
4. Шонанова Ш: «Халық жауы» атанған қазақ қызы // Орал өңірі.- 2002.-30 шілде
5. Қаратаевтар қасіреті //Жас Алаш №48 (15506) 17 маусым, 2010
6. Ишан Нұрмұхаммед. «Алаш зиялысы Телжан Шонанұлының еңбектері әлі толық зерттелмей келеді» Алматы. Қыркүйектің 11-і. ҚазАқпарат
7. Тәшенов Төреғали, «Атылған аналар»// «Айқын», 2010 жыл, 4 наурыз
8. Ахметов Қ. «Құпияның кілті кімде?» //Қазақ әдебиеті, 1999 жыл, 22 қаңтар

Мухаметжанова Н.А., Аманбекова Н.Д.
Шәкәрім атындағы мемлекеттік университеті, Семей
q.nurg.1975@mail.ru

ЗЫРЯНДАҒЫ ЗОБАЛАҢ

1928-34 жылдары Кеңестік үкіметтің қазақ елінің ішінде жүргізген зобалаң саясатының салқыны қазақ елінің ішіне орасан зор зардап әкелді. Оның әсіресе қазақ ұлтына зияны мол болды. Мал басының саны күрт төмендеп кетті. Малынан айырылған, әрі зорлап қоныс аударылған, әрі еріксіз отырықшылыққа итермеленген ауылдар жаңа жағдайға бірден көндіге алмай тұрмыс-күйлерін нашарлатып алды, сөйтіп жаппай ашаршылыққа ұшырады.

Бұл өз кезегінде тек таза қазақ ұлтының демографиялық құлдырауына, көпшілікке түсініктірек жалпақ қазақы тілмен айтқанда қазақтардың аштықтан қырылуына, сөйтіп қазақтардың санының күрт азайып, жағдайдың қазақ ұлтына қарсы әдейі ұйымдастырылған этникалық жою шарасына айналуына әкелді.

Қазақ ұлты, өзінің ежелгі мезгілден бері тұрып жатқан отанында, атажұртында бейбіт өмір сүріп отырып, апатты деңгейге дейін азайып, құрып кету және дербес ұлт ретінде өзінің этностық жеке-даралығын сақтай алмау, жоғалтып алу қауіпі бар жағдайында тұрды.

Сол зобан жылдардың қасіретін келер ұрпаққа жеткізу барысында Зырян мемлекеттік мұрағатының құжаттарынан алынған деректер дәлел бола алады. Бұл деректер «Зырян ауданының мемлекеттік мұрағаты» КММ мұрағатшысы С.Тлеубергеневаның төменде көрсетілген мұрағат деректерінен оқи аламыз:

1930 жылы (РИК) Зырян аудандық атқару комитетінің барлық сельсоветтері халықтан наряд бойынша нан беру туралы жазылған.

1930 жылы 31 мамырда Путницево сельсоветі Козлушка селосынан бір топ адамдар амбарды жаруға кірісуде, жедел түрде оларға әрекет жасау туралы хабарлаған.

1930 жылы 30 мамырда Парыгино сельсоветі жазыпты: «Жаппай нан сұрап, ашынған халық, амбарды бұзуға даяр екені, аздап нан босату туралы өтінген».

Бобровка сельсоветінің құжаттарынан: «Зырян ААК-не. Бүгін 1 маусымда бір топ кедей шаруалар мен әйелдер сельсоветке жиналып нан босатуды талап еткен, бірақ сельсоветте нан жоқ болатын, оларды әрең дегенде көндіріп, өте ашыққан отбасына 200 пұт бидай беруге келіскен».

Богатырево сельсоветі 1930 жылы 30 шілдедегі құжатта былай делінген:

«Зырян атқару комитетіне. Сіздердің назарларыңызға ескертеміз, біздің сельсоветте 235 отбасы бар, 800 жанның жейтін тамақтары болмай ашығуда, 200 пұт бидайға наряд бөлуді өтінеміз.

Немесе олар сельсоветке барып, жанжал шығарып, кісі өлтіруі мүмкін». 1930 жылы 30 мамырда Зырян ААК-не: Зырян, Лесная Пристань, Zubovskiy, Teplyy ключ жерді мекендердің өте ашыққан жан бастарына наряд босатулары нөтінген. Сол сияқты мәліметтер басқа сельсоветтерден де көптеп түскен. 1930 жылы 14 ақпанда Богатырево мектебінің меңгерушісі А.И. Кучменко Зырян атқару комитетіне былай деп өтініш жазған: «Нан алуға наряд беруді сұрап, РИК-не үшінші рет жазып отырмын, нан сатып алуға мүмкіндік жоқ, мектепте екі мезгіл бойы сабақ беремін, аш күйде жұмыс істей алмайсың, менің үйдегі 6 жанға наряд беруіңізді өтінемін, немесе мектептегі сабақты тастап, басқа ауылдан нан іздеуге мәжбүрмін»- деген. Богатырев сельсоветі, ол мұғалімде нан жоқтығын растап, Кучменко жолдасқа наряд босатуды сұраған. ҚР ВКП(б) Семипалатинск аумақтық комитеті Панчехин: «Кедейлер ашығуда, әсіресе көтеріліске шыққан кедейлерде нан жоқ. Әзірше 25 тоннадай бидай керек» - делінген.

Козлушка сельсоветіне анықтама: «Осы анықтама Козлушка сельсоветінің «Горный пахарь» коммунасына берілді, себебі онда 200 жанның нансыз қалуына байланысты 10 маусым күні жұмысқа шықпай қалған, сондықтан коммуна егіс компаниясының жұмысы тоқтап қалған». Құжатта жеке азаматтардың және бір топ адамдардың өтініштері бар.

1930 жылы 18 мамырда Орловка сельсоветінің тұрғыны Кунюнов Мынбай: «Менің отбасымда 8 ауыз бар, бізде не нан, не басқа тамақ жоқ, сіздерден наряд бойынша бидай босатуларыңызды өтінімін» деген.

Парыгино сельсоветінің бір топ кедей әйелдері өтінішпен сұраған: «Кооператив қоймада қалған бидайды ешқайда жібермеуін, оларда нан қалмағаны туралы, жаңа бидай алуға әлі екі ай бар, сондықтан егін жинау мерзімінде жұмысшылардың аш қалмуын талап еткен. Ашыққан адамдарға өлім қорқынышты емес»- делініп оған Игнатова, Карева, Легалова, Белозерова, Пантелеева, Бондаренкова, Борзых, Федорова,, Байкова Елена, Байкова Ульяна, Анна Колмагорова, Сизованың қолдары қойылыпты.

Бұл қасіретті оқиғаның болуына кім кінәлі?... Жері бір елі бір Кеңес өкіметінің тізгінді отаршылдардың қолына беріп, жаппай халықты күйзеліске ұшыратқаны туралы көп жерде айтылып, жазылуда.

Зырян меммұрағатында Сталиннің саясаты бойынша ауыл шаруашылық азық- түлік өнімдерін жоспарлау, жеткізу туралы деректер сақталған Ол Қаулы Қазақстан Халықтық комиссарлар Кеңесінің төрағасы Исаевпен қол қойылған. Онда 1929-1932 жылдары Қазақстанда - 42630000 пұт астық даярлау жоспарланған. Мүмкін өкімет солай жоспарлады ма, ал өлкелерде астық болмай шаруалардың астығын тартып алып жоспарға салғандықтан РИК халыққа нарядпен астық бере алмаған. Сондықтан олар байлардың мал - мүліктерін қоғам мүлкіне айналдарған. Бұл тізімдемеде қарапайым халықтың дүние-мүліктері, киім – кешектері тағы басқа керек жарақтарын тартып алғандары туралы мәліметтер бар. Сонымен қатар, олардың қайтарып беру туралы жазған өтініштері де тігілген. Зырян өлкесінің жері шұрайлы, жеміс- жидек егіп күн көруге болатын-ды, бірақ сол еңбекпен тапқан табыстарын сельсоветтер зорлықпен наряд арқылы талап етіп отырды. Ашынған халық амбарды бұзып-жарып, көтеріліске шығып наразылық тудырған.

1925 жылы туған Щеголенко Михаил Борисовичтің 1925 жылы туған естеліктерінен: «Сол кездегі аштық сұмдық болды, Біз Соловьево селосында тұрғанбыз. Адамдар аштықтан ісіне ба-

стады, әсіресе балаларын аштан қалдырмауға тырысқан ата- ана- лары алдымен өліп жатты, соңынан балалары қырылды.

Біздің көршіміз Чирковтар отбасында алдымен әке-шешесі, содан бір баласы қайтыс болды, екі баласы аман қалды. Қалған екі баланы, ешкім асырап ала алмады, аштық кезде артық ауыз кімге керек дегендей. Аштықтан адамдар бірін бірі тонап, бірін бірі өлтіріп жатыр, деген қауесет шығып, үйге біреу келсе қорқатын боддық. Ауылдағы ит пен мысықтың бәрі желінді, кімде мылтық бар, олар қарғаларды атып жеді. Бір күні әкеміз жарты мөшек торғай әкеліпті. Сонда біздің отбасында үлкен мейрам болды. Анамыз онымен көп әуреленіп, отқа үйтіп, қуырып көже істеп берді. Шешеміз, бізді қалай аштан аман алып қалды, әлі күнге таң қаламын...

Жаздыкүні аққу атып, ошаған қайнатып, әйтеуір өлместін күнін кештік. Колхозда күннің атысымен кеш батқанша атпен, өгіз айдап жер жырттық Сол жылы құрғақшылық болды, картоп жөнді шықпады. Біз көктемде картоптың қабығын жеп, бүтін картопты егетінбіз. Шыққын егіннің барлығын жинап, Зырянға әкетті»- дейді. Кейбір колхоздың төрағалары халықтың жағдайына қарап алып жатты, ал біздің бастықтар түгімізді қалдырмай тонап ала- тын.

Көшпелі шаруашылық отырықшылыққа ауысып, жаппай ұжымдастыру, әлеуметтік экономикалық өзгерістер жүргізілген, асыра сілтеу мен халықтың жаппай аштыққа ұшырауына жол берген 20-30 жылдар – Қазақстан тарихындағы қайшылықты да қайғылы кезеңдердің бірі [1: 42].

Ашынған халық, Қазақстанның өлкелік партия комитеті мен кеңестік үкіметін сол кездегі басшыларының ел ішінде жүргізіп отырған зобаланды саясатынан туындаған залалды асы- ра сілтеу зардаптары мен қысымшылықтарға төзе алмай ашық түрде қарулы қарсылықтарға шығуға мәжбүр болды.

1929-1932 жылдар аралығында Қазақстанда жүргізілген саясаттың зорлығы мен зомбылығына, қуғыны мен сүргініне, асыра сілтеу зобаландарына қарсы 372 жерде халықтың ашық түрдегі ереуілді қарсылықтары мен қарулы көтерілістері болып- ты. Сол жылдары көтерілісшілер үкімет адамдарына, кеңес, пар-

тия белсенділеріне қарсы 460 қастандық актлерін жасаған, 127 рет колхоз мүліктерін өртеген [2: 270]

1930 жылдың 22-ші ақпанында Қазақстандағы күштеп ұжымдастыруға қарсы үш ірі бұқаралық көтерілістердің бірі – Семей округінің Өкемен және Зырян аудандарында болған көтеріліс. Бұл көтерілістің негізгі қозғаушы күші қолдарына қару алып кеңестік үкіметтің зорлық-зомбылықтарына ашық қарсы шыққан орыс шаруалары болды. Көтерілістің басшысы азамат соғысының белсенді күрескері, ақ бандылармен соғыста шыңдалған коммунист В. Толстоухов еді.

Шығыс Қазақстан қазақтары Голощекин зұлматынан құтылатын ең дұрыс және жалғыз жол Қытай асып кету екенін дер кезінде білген. Бірақ құжаттан көріп отырғанымыздай, ауыл-аймағымен топтасып Қытайға өту де онай шаруа емес, атысып-шабысып дегендей, бұл жолда қан да, тер де төгуге тура келеді. Өзен аңғарларын қуалаған қиямет-қайым тар жолда, тау сілемдерінен асып түсетін мұзды соқпақтарда мал тұрмақ өзінің қара басынды аман-есен алып өту де үлкен күшке түседі.

Бұлар аз болғандай бергі бетте де, арғы бетте де соңына түсіп із кескен, мылтығы шошайған шекарашылармен қанды қақтығыс кез келген сәтте болуы және мүмкін.

Шығыс Қазақстандағы қазақтардың орыстармен салыстырғанда Қытай асып кетіп, зорлық-зомбылықтан құтылуға едәуір мүмкіндіктері бар еді. Шекараның арғы бетіндегі бұрыннан сонда қоныстанған қазақ ауылдары аз емес болатын. Соларға барсаң аштан өлтірмейді, сіңісіп кетуің де қиын емес. Ал енді орыстар болса шекараның арғы бетінде Қытай жерінде өздерін де не күтіп тұрғанын болжай алмады.

Сондықтан да олар Қытай асуға құлықты бола қоймады. Шығыс жеріндегі орыстар Қытай асқаннан гөрі қолға қару алып, зорлық-зомбылықты қолдан жасап отырған Кеңес өкіметіне ашық қарсы шыққанды жөн көрді.

Голощекин бұл көтерілісті И.Сталинге құлақтардың бұрынғы ақтар офицерлерінің бас көтеруі ретінде түсіндіруге қанша күш салса да нақты шындықтың шеті архив құжаттарынан көруге болады.

Тікелей желі арқылы, өте жедел түрде Қазақстанның ПП ОГПУ-ның бастығы Волленбергке және Семей округтік ОГПУ-на Өскеменнен Керчке жолдаған 1930 жылдың 24 ақпанындағы хабарда көтерілістің қалай, қай жерде басталғаны және оның өрістеуі біршама нақты айтылған. Бұдан аңғаратынымыз: көтеріліс ошақтары Зырян ауданының Хлестовка, Березовка селолары болған. Березовка бұқтырма станциясынан шығыста 56 шақырымдай жерде орналасқан [3: 136]

Мұжықтарға жалпы басшылықты қызыл партизан ретінде бұрыннан халыққа белгілі В. Толостоухов өз қолына алған. Біраз селолар алғашқы күннен бастап-ақ, «Коммунистер жойылсын!», «Азат шаруа еңбегі жасасын!» деген өздерінің ұрандарын көтеріп шықты.

ОГПУ-ға алғашқы түскен хабарлар, көтерілісшілер қатарында бұрынғы қызыл партизандармен бірге құлақтардың ғана емес, ауқатты және орта, сондай-ақ кедей шаруалардың да бар екенін жеткізіп жатты. Олардың кейбіріне сенсек, Кеңес өкіметі әлі де болса жарылқар, бізге көмектесер деп жалтақтаған кедейлер мен орташалардың кейбір бөлігі көтерілісшілер қатырына қосылуын қосылып алып, ертеңгі күніне сенбей, соңынан тайғанақтап; біздерді қорқытқан соң, күштеу арқылы қосылдық, әйтпесе Кеңес өкіметіне қарсы емеспіз, тіпті оған көмектесуге даярмыз десіп, алғашқы мүмкіндікте-ақ, жазалаушы отрядтар жағына шығып кетіп немесе соңғыларға мүмкіндігінше көмек көрсетіп отырды. Тарихи құжаттарға үңілсек, көтерілісшілердің кейбір селоларда шаруалар арасында Кеңес өкіметіне ең наразы әлеуметтік топ құлақтарды өздерінің отрядтарына көптен тартуға күш салғаны байқалады.

Сібір өлкесінде 1928 жылы қаңтардың орта шенінде ОГПУ органдары кімнің құлаққа жататынын анықтауға байланысты белсенді іс-әрекеттерге көшті. Олар жасаған тізімдер аудандық және округтік «үштіктерге» жіберілді және онда ақырғы шешімдер қабылданып, қылмысты істер кодексінің 107-тармағына сәйкес құлақтар жауапқа тартылып, олардағы астықты прокуратура күштеп тартып алды. Сібірлік құлақтарды тексеру істері шұғыл да қауырт жүргізілді және олар 1-3 сәткенің

ішінде сотқа тапсырылып отырды. Сот процестері заңсыздықпен бұрмаланып, ылғи да қорғаушысыз өткізілді. Көбінесе сотталушылар өздерін не үшін соттап жатқанын түсіне алмай бастары қатты. Құлақтарға қарсы науқан: «Не артық болса бәрін кәмпескеле» деген ұранмен жүргізіліп, астықтан басқа 3415 бас мал, 45 үй, 2 трактор, 39 дән бастырғыш, 65 басқа да ауыл шаруашылығы техникалары кәмпескеленді [4: 30]

В. Толстуховтың төңірігіне тығыз топтасқан көтерілісшілер өздерінің қатарларына неғұрлым көп елді мекендерді тарту қажеттігін, қатарды көбейтпейінше, кеңес өкіметінің көп кешікпей-ақ шығатын жазалаушы отрядтарына қарсы тұрудың оңайға түспейтінін жақсы ұқты.

22 ақпанда Зырян ауданының Алтай поселкасына өздерінің толық үстемдігін орнатты. Бірақ келесі күні-ақ қызыл әскер отрядының күтпеген жерден шабуыл жасауы көтерілісшілердің Алтай селосынан қашып шығуын туғызды.

Көтеріліске Азамат соғысында Кеңес өкіметі үшін қан төккен бұрынғы қызыл партизандардың басшылық етуі және олардың үндеулерінен көрініп тұрғандай көтерілістің сталиндік зорлық-зомбылыққа, күштеп ұжымдастыруға қарсы бағытталуы, оның шын жөнінде әділдік үшін күрескен әділетті шаруалар көтерілісі болғанын дәлелдейді.

Тарихтан әлі күнге дейін әділ бағасын ала алмай келе жатқан ұжымдастыру кезіндегі шаруалар көтерілісі трагедиясы міне осылайша аяқталған. Яғни, жеңіліс тапты, қаншама адам қанға боялды...

ӘДЕБИЕТТЕР:

1. Түменбаева Б. Ұжымдастыру және төтенше шаралар Қазақ тарихы 1996 №6, Б. 42.
2. Омарбеков Т. «Зобалаң» немесе күштеп ұжымдастыруға 1929-31 жылдары болған халықтың наразылығы мен қарсылығы, Алматы, «Санат» баспасы, 1994, Б. 270
3. Омарбеков Т. Голощекин төңірегі: ол туралы не білеміз? Ақиқат шілде 1995 №5, Б.136

4. Жазықсыз жапа шеккен...: Ақтөбе, Павлодар, Қостанай, Семей, Қарқаралы округтері. Ақиқат, 1992 №10, Б.30

УДК 94(574.25)

Макажанова К.Г.

ГУ «ГАПО», г. Павлодар, gosarchiv2011@mail.ru

ГОДЫ ТРАГЕДИИ И СКОРБИ

Голод в СССР в начале 1930-х годов, охвативший все его зерновые районы, – величайшая трагедия в истории нашей страны и XX века. Эта трагедия не миновала ни одну казахскую семью и унесла жизни более 2 млн. человек. Ещё более миллиона покинули республику. Пик «Великого джута», как его называют в народе, пришёлся на 1932 год.

В Государственном архиве Павлодарской области выявлены документы, в большинстве своём ранее не доступные широкой общественности и раскрывающие причины, последствия и реальные масштабы этой великой трагедии народа.

Архивные документы убедительно свидетельствуют, что голод в начале 1930-х годов стал результатом осуществления в СССР сталинской модели форсированной индустриализации, обусловившей насильственную коллективизацию и принудительные заготовки сельхозпродукции, прежде всего хлеба, ради увеличения размеров хлебного экспорта и удовлетворения потребностей растущей промышленности. При этом явно непродуманной с точки зрения негативных последствий была система планирования обязательных поставок сельскохозяйственной продукции государству. Она была нацелена на максимальное изъятие зерна и продовольствия из деревни, аула, не учитывая реальные возможности сельского хозяйства.

С 1929 года начинается процесс резкого роста хлебозаготовительных планов, а сами хлебозаготовки превращаются в настоящую войну с крестьянством. На заседании президиума Пав-

лодарского окрисполкома, состоявшемся 26 января 1929 года, отмечается резкое ухудшение выполнения плана хлебозаготовок в январе 1929 года, всего лишь 139068 пудов при месячном задании 1 300 000 пудов. В протоколе заседания указывается, что, «подтверждая вновь все ранее данные указания в этой области, резко подчёркивая, что хлебозаготовительная кампания остаётся первостепенной по важности государственной задачей, решительно преваляющей над всеми остальными, Президиум Окрисполкома категорически предлагает всем райисполкомам, сельсоветам, советско-профессиональным организациям и заготовителям под строжайшую ответственность напрячь все силы и средства, принять решительно все исчерпывающие и действенные меры к стопроцентному выполнению плана хлебозаготовок...» Устанавливается план хлебозаготовок на 3 квартал 1929 года в объёме 3 200 000 пудов, и намечаются мероприятия по выполнению данного задания любой ценой.

К тому же планы хлебозаготовок центром из года в год увеличивались и их объёмы были нереальными для выполнения.

Так, если план хлебозаготовок на 1929-1930 годы для округа был доведён в объёме 2 млн. 300 тыс. пудов [1: 172], то на 1930-1931 годы он был увеличен в два раза, составив 7 млн. 750 тыс. пудов [2: 248-250].

Документы свидетельствуют, что крестьяне выступили против принятия таких раздутых планов хлебозаготовок. Так, в докладной записке, направленной в Павлодарский райком ВКП(б) о доведении планов до колхозов, селений по Коряковскому району от 30 августа 1930 года сообщается, что житель села Демьяновка Казюлин на собрании по принятию плана хлебозаготовок заявил следующее: «Хлебозаготовки начались и сразу дают нереальный план. Отдадим весь хлеб, а сами останемся без продовольствия и семян – это не облегчение для колхозников... Планы составляли, очевидно, люди безголовые, руководствовавшиеся данными с потолка». В документе также сообщается о сопротивлении жителей с. Дубровка: Сорокин, председатель правления колхоза, Миронов, бригадир, член ВКП(б), выступили с заявлением: «Урожайность 25 пудов, а вы поставили больше, нам не хватит

для себя, в РИКе обещали сбросить 2000 пудов. Нужно принять не 10 000 пудов, а 8000 пудов.... Давай комиссию, определим урожайность. Нет хлеба, мы голодные, а вы опять приехали». А в протоколе заседания президиума Павлодарского райисполкома о ходе хлебозаготовок от 28 сентября 1931 года отмечается, что «основной причиной невыполнения плана хлебозаготовок является сознательное сопротивление ряда колхозов и аулсоветов боевой задаче хлебозаготовок».

Из архивных документов видно, что центр заставлял беспрекословно выполнять спущенные сверху планы хлебозаготовок. По определению крестьян это были «зверские» хлебозаготовки. Их выполнение жёстко контролировалось с помощью института специальных уполномоченных. Уполномоченные, присланные из центральных органов власти, при поддержке местных активистов выгребали зерно из колхозов и единоличных хозяйств под метёлку, затрагивая даже семенные, фуражные и продовольственные фонды. Так, в письме начальника Павлодарского окружного отдела ОГПУ Завьялова Павлодарскому окружному комитету ВКП(б) от 1 января 1930 года сообщается, что «в пос. Богодаровка Цюрупинского района уполномоченный по хлебозаготовке утром разбил посёлок на 11 участков, назначил 4 подводы, которые послал с бригадой по посёлку и подряд стал выгребать, под метёлку, всё наличие хлеба без различия у всех бедняков и маломощных середняков» [3: 43-44]. А в аналогичном письме от 7 марта 1930 года читаем: «По точным данным бригада по Ново-Алексеевскому сельсовету Иртышского района заготовку семян производит явно преступным порядком, отбирает всё до нитки, производит аресты, инсценирует расстрелы...!» [4: 235].

В 1929-1932 годах издержки планирования и управления сельским хозяйством страны с лихвой компенсировались административно-репрессивным способом. Ставка руководства страны на насилие над крестьянством стала государственной политикой, главным методом решения проблемы изъятия из деревни продовольственных ресурсов для нужд индустриализации. Из центра в регионы шли грозные директивы о необходимости выполнения плана любой ценой. Большинство попыток местных

властей добиться его уменьшения решительно пресекались. Из архивных документов видно, что в эти годы хлебозаготовительная кампания в округе проходила крайне напряжённо. Так, например, в протоколе экстренного заседания президиума Павлодарского окрисполкома о неудовлетворительном ходе хлебозаготовок в округе и необходимости усиления этой работы от 14 сентября 1929 года говорится: «Предложить райисполкомам и уполномоченным под личной их ответственностью развернуть работу по хлебозаготовкам и добиться резкого перелома в ходе кампании, предупредив, что за невыполнение директив виновные будут предаваться суду». А в протоколе заседания президиума Павлодарского окрисполкома от 31 октября 1929 года по тому же вопросу читаем: «Окрисполком указывает последний раз на решающее значение хлебозаготовок; предлагает райисполкомам произвести перегруппировку сельуполномоченных, закрепив их на одном месте вплоть до выполнения плана и усилить репрессии в отношении уполномоченных, искажающих и невыполняющих указаний Окрисполкома по ведению хлебозаготовок. Использовать массовые репрессии против кулачества и баев, проводимые по линии карательных органов, усилить массовую работу за сдачу излишков среди бедноты и середнячества, применить полное изъятие товарных излишков хлеба кулацко-байских хозяйств, не взирая на выполнение плановых заданий.... Организуйте окончательную проверку хлебоколхозов, практикуя роспуск лжеколхозов, предание суду руководителей, задерживающих хлеб. Разверните работу путём беспощадного административно-судебного преследования мельников, не сдавших гарнцевый сбор».

В округе в эти трагические годы такими же путями проводилась заготовка других видов сельхозпродукции: мяса, масла, скота и др. Например, в протоколе заседания президиума Павлодарского окрисполкома о ходе мясозаготовок в округе от 6 сентября 1929 года отмечается, что «принятый план по мясозаготовкам на 1928-1929 годы признать безусловно реальным и подлежащим обязательному выполнению и принять все меры к своевременному и 100 % выполнению, предупредив об уголовной ответственности за невыполнение и повторение фактов слабого внимания

заготовкам мелкого скота и неполного снятия их с рынков».

Продовольственный кризис, наступивший в округе в 1929-1930 годах в результате принудительных хлебозаготовок, ското- и мясозаготовок, взимания сельхозналогов и др., ещё больше усугубился начавшейся с конца 1929 года сплошной коллективизацией.

Важнейшим событием, подготовившим будущую трагедию, стал ноябрьский (1929 г.) пленум ЦК ВКП(б). Этот пленум окончательно закрепил курс сталинского руководства на использование насильственных методов при проведении заготовок продовольствия в стране. А пленум ЦК Компартии Казахстана, проходивший в декабре того же года наметил пути выполнения решений пленума ЦК ВКП(б). В постановлении пленума говорится, что необходимым условием проведения генеральной линии на коллективизацию является переход кочевников к оседлому образу жизни.

В стране коллективизация должна была в основном завершиться к 1932 году, однако местные власти во главе с Филиппом Голощекиным искусственно ускорили этот процесс. Дело в том, что официальный указ, предписывающий постоянное расселение кочевых племён на территории РСФСР был принят лишь 6 сентября 1930 года, а ЦК Компартии Казахстана постановил, что из 566 000 кочевых и полукочевых хозяйств к январю 1930 года к оседлости должны были перейти 544 000. При этом указывалось, что население на оседлость необходимо переводить насильственно. И поэтому в округе как и по всей республике коллективизация проводилась в крайне сжатые сроки со всеми её негативными проявлениями. В протоколе заседания президиума Павлодарского окрисполкома о комплексе мероприятий по проведению оседания казахского населения в округе от 28 ноября 1929 года отмечается, что «сплошное землеустройство, проведённое в истекшем 1928/1929 операционном году, создало условие для оседания казнаселения в смысле подготовки территории для ведения сельского хозяйства с превалирующим земледелием. Оседающие хозяйства в целях скорейшего и рационального освоения предоставленной им территории должны быть в корне перестроены и

приспособлены для ведения полеводческого хозяйства...». Однако на практике казахские хозяйства, у которых традиционной формой хозяйствования являлось кочевое скотоводство, оказались не готовыми к кардинальному изменению веками сложившегося социально-экономического уклада жизни в кратчайшие сроки. Если на 1 октября 1928 года в округе было всего 177 колхозов с 2583-мя хозяйствами, то на 1 января 1930 года их числилось 339 с охватом 15055 хозяйств (дворов) [5: 21], из них 6454 [5: 22] являлись казахскими.

1930 год стал в стране переломным этапом насильственной коллективизации на основе раскулачивания и жёсткой налоговой политики, так как именно в этом году политика коллективизации получила юридическое оформление на основе постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР о темпах колхозного строительства и ликвидации кулачества как класса. В письме начальника Павлодарского окружного отдела ОГПУ Завьялова, направленном ответственному секретарю окружного комитета ВКП(б) Жигарову от 26 января 1930 года сообщается о директиве Казкрайкома ВКП(б) следующего содержания: «Партийными решениями ликвидации кулачества как класса поставлен порядок дня практической работы. В связи с этим встаёт задача немедленного проведения по всему Казахстану в жизнь выселения кулачества с мест жительства, особенно в округах, районах сплошной коллективизации...» [4: 2]. В связи с чем предлагается создать в окружных центрах тройки в составе представителя окружного комитета ВКП(б), председателя окрисполкома, начальника окротдела ОГПУ, возложив на них обязанности точного учёта всего контингента кулацких хозяйств, включая раскулаченные. На заседании оперативной тройки по ликвидации кулачества как класса, состоявшемся 19-20 февраля 1930 года, принимается постановление об утверждении двух районов сплошной коллективизации – Максимо-Горьковского и Теренгульского на проведение работ по выселению кулаков за пределы округа и районов. Намечается выселить по Максимо-Горьковскому району 213 и по Теренгульскому – 202 кулацко-байских хозяйства. В других районах сплошной коллективизации – Цюрупинском, Сейтеновском и Коряковском работа

в данном направлении приостанавливается «до особого распоряжения края».

А уже 16 марта 1930 года ответсекретарь Павлодарского окружного комитета ВКП(б) Жигаров телеграфировал секретарю Казкрайкома партии Ф.И. Голощекину, что «по районам сплошной коллективизации ликвидировано СТО СЕМНАДЦАТЬ хозяйств» [4: 40-41].

Документы свидетельствуют, что политика раскулачивания, которая являлась одним из главных условий коллективизации, зачастую проводилась по-варварски, «беспощадно репрессируя кулацкие и байские хозяйства...», подвергая их полной конфискации всех средств производства» [6: 8-9]. Порой конфисковывалось имущество и середняков. Так, например, в докладе уполномоченного ОК ВКП(б) Коновалова о предварительных итогах ликвидации кулачества как класса в Максимо-Горьковском районе, составленном в 1930 году, сообщается следующее: «Крайне частое изменение директив в вопросах ликвидации, невозможность обеспечить при таковом положении действительное руководство работой на местах... наряду с перехлёстыванием руководства в некоторых сёлах привела к незаконному изъятию имущества у ряда кулацких и середняцких хозяйств. В Михайловском сельсовете имущество было изъято у 35 хозяйств, 8 из них оказались середняцкими. В Конторском с/совете изъято имущество 14 хозяйств, наполовину середняцких. Изъятие проводилось вплоть до самых мелких вещей домашнего обихода (пелёнки) и продовольственных запасов — сало, масло и т.п. Установлено, что часть имущества подвергалась делёжке между участниками изъятия, а некоторые продовольственные запасы съедались при проведении операции. В селе Михайловском учитель (...), проводивший изъятие имущества в одном из посёлков, взял себе из изъятого имущества зеркало, швейную машину и сало. В особо возмутительной обстановке прошло изъятие в селе Конторском» [6: 43-48]. Также в сводке Павлодарского городского отделения ОГПУ от 2 апреля 1931 года читаем: «Положение высланных катастрофическое, продуктов питания нет совершенно. На местах при выселении директива Крайкома в части оставления норм не

соблюдена, отбиралось всё... В отведённой колонии (аула № 1) для выселяемых положение характеризуется в следующем. Всего прибыло 200 человек, как русских, так и казахов вместе с детьми и помещены в каждую зимовку по 5 семей, у некоторых семейств нет ни фунта хлеба, а также остальных продуктов, дети сидят голодные, нет посуды хотя бы скипятить в чём чай. Большинство выселенных заявляют, что если будет продолжаться такое явление в дальнейшем, значит, бросаем своих детей на произвол судьбы, а сами будем убегать куда придётся, дабы не умереть с голоду, надеясь, что их дети всё же будут обеспечены...» [7: 34-39]. И действительно, в эти трагические годы, как это видно из архивных документов, резко увеличивается беспризорность и массовое подбрасывание в город детей из аулов и сёл.

Таким образом, раскулачивание изъяло из сельской жизни хозяина-«кулака», традиционно помогавшего бедноте во время голода.

Бездумная политика обобществления скота в животноводческих колхозах и завышенных планов скотозаготовок привела к разрушению животноводческой отрасли сельского хозяйства. В докладной записке по обследованию состояния животноводства в колхозах Павлодарского района, составленной в 1932 году по колхозу «Песчаное», отмечается, что «к моменту обследования, т.е. на 15 апреля ни у одного колхозника в личном пользовании скота совершенно не было. Большинство скота хищнически убито и распродано, остальная часть скота была сдана в счёт мясозаготовок. Причём, надо отметить, что уполномоченные райкома и РИКа скот в счёт заготовок забирали принудительным путём. Так обстоит дело со стадом личного пользования. По стаду фермы положение катастрофическое. С 1 октября 1931 года по 15 апреля 1932 года в колхозе украдено, хищнически уничтожено и пало 1067 голов скота» [8: 40-42]. Всего по району за период с 1 июля 1931 года по 1 февраля 1932 года поголовье скота сократилось с 40814 до 24820 [8: 9-13].

К началу 1932 года в республике 87 % хозяйств колхозников и 51, 8 % единоличников полностью лишились своего скота.

Первые сведения о начавшемся в округе голоде зафиксиро-

ваны в документах за 1930 год. «За последнее время имеют место за отсутствием продовольствия в незначительной бедняцкой части голодовки... и отсутствие продовольствия создало настроение за массовый выезд из района, выехали из района без ведома с/советов из пос. Павловка 34 хозяйства, из пос. Свободный 21 хозяйство, оставляя на произвол постройки и домашнюю утварь» [9: 35], отмечается в письме начальника Павлодарского окружного отдела ОГПУ Павлодарскому окружному комитету партии, окрисполкому о затруднениях с продовольствием и о массовом выезде населения из района от 20 января 1930 года.

Если в конце 1931, начале 1932 годов случаи смерти от голода в округе «регистрировались единицами, то впоследствии десятками и сотнями, особенно указанное явление наблюдалось среди казахской части населения» [10: 45-52]. Так, например, в постановлении закрытого бюро Павлодарского райкома ВКП(б) о проделанной работе по выявлению голодающего населения и оказании ему помощи от 31 января 1932 года читаем: «...Бюро райкома констатирует: а) наличие в казахской части населения фактов смертности от голода 498 человек...; б) наличие фактов употребления в пищу колхозниками собак, овчин и даже человеческого мяса; в) распад колхозов и уничтожение скота на почве голода (в 1-2 ауле из 627 голов скота осталось 36, в 11 ауле из 2396 осталось 806 гол....» [11: 31].

Развёрнутую картину о сложившейся тяжелейшей ситуации в округе в 1932 году даёт «Сводка фактов о голодовке населения в аулах Павлодарского района», составленная в 1932 году по материалам комиссии райкома ВКП(б) по выявлению голодающего населения. В сводке констатировалось: «Аул № 1: Всего хозяйств в ауле 39, кои помещаются в 12-ти зимовках. С ноября месяца 1931 года в ауле широко развились различные заразные болезни, как то тиф, оспа и ввиду отсутствия усиленного питания эти болезни превращаются в голодную смерть.... Аул № 1 состоит из двух родов: «Сагынай» и «Кошен-Шурек», комиссия обследовала месторасположение рода Сагынай, обнаружила не похороненных трупов 44. Остатки рода «Кошен-Шурек» были переселены к месту расположения рода «Сагынай», причём по

данным их мугалима Агжанова, и Кошен-Шуреков осталось свыше 30 не похороненных трупов... Часто не похороненных бросали в могильники, и когда стали не в силах делать и этого, начали выносить в скотный двор.

... Аул № 2: В этом ауле смертность началась в декабре м-це (1931. авт) . Ряд граждан, собираясь идти в город, умирали на дороге между канцелярией аулсовета и своих хозаулов. В ауле широко было развито питание собачьим мясом, падалью и отбросками, остающимися после ягнения овец. В хозауле, где находится овцеводческая ферма, умерли 3-летняя дочь и мать бежавшего кулака Бакина Сламбека, трупы их были вынесены на двор, а проживающие в этом доме двое детей гр-на И.Т. ночью сварили мясо от трупа девочки и начали есть, испугавшись такой картины, жена Темирбаева Ишима в ту же ночь пришла к заведующему овцеводческой фермой Савдабаеву и сообщила об этом факте. На утро секретарь комсомольской ячейки вместе с пастухом пошли к С. и застали их в момент повторной варки человеческого мяса. Однако С., вооружившись топором и ножиком, трупа не дали. При смотре у трупа матери Сламбека не оказалось одной ноги. С. заявили, что они пошли на это, боясь голодной смерти, что они в дальнейшем готовы съесть даже живого человека....

Аул № 6: Всего хозяйств в ауле 126, едоков 598. Положение аула тяжёлое. В этом ауле масса случаев питания собачьим мясом.... Есть случаи залёживания трупов в течение 3-4 дней в домах, где остальные жильцы не в состоянии вынести эти трупы на улицу. У некоторых трупов, вынесенных во двор, лица загрызены мышами....

Аул № 14 и 15: Положение этого аула хуже даже в сравнении с аулом № 12.... Во многих домах все жильцы поголовно лежат в постелях. В хозяйстве нет ни одного человека, который мог бы ходить. Муж гр-ки Исабековой Рахимы – Исабек валяется дома, часть голодающих питается лоскутами шкур. Двое мужчин из этого дома ушли, бросив семью, неизвестно куда. Таких фактов в этом ауле имеется много. Так, из семьи, состоящей из 5 едоков, осталось 4 женщины. Не похороненных трупов 12. Эти трупы валяются в доме со всех сторон занесённом снегом. В дом

пришлось попасть с крыши, дом заброшен, холодный, тёмный» [10: 2-3].

Всего названной выше комиссией было выявлено в районе 4000 голодающих.

Спасаясь от голодной смерти население округа, в основном казахи, бежали в соседние регионы РСФСР, в г. Павлодар.

«В течение осени, зимы переселялись в Сибирские районы более 50 % населения района, на сегодня в большинстве колхозов основную рабочую силу составляют женщины, в аулах первой, шестой населения совершенно не осталось, за исключением кучки калек», отмечается в телеграмме Павлодарского райкома ВКП(б) Казахскому Крайкому ВКП(б) о наличии в Павлодарском районе фактов смертности от голода и мерах по оказанию помощи голодающему населению от 2 февраля 1932 года. Документы свидетельствуют, что если по Павлодарскому району на 1 сентября 1932 года числилось 11000 дворов, то к 1 апреля 1932 года их осталось всего 3000 дворов. Всего на 26 октября 1932 года с территории области (до образования Павлодарской области в 1938 году, часть её территории входила в состав ВКО области) откочевало 142932 человека, что составило 35733 хозяйства.

В эти годы чрезвычайно тяжёлое положение сложилось в г. Павлодаре. Изыскивая пути спасения от голода, в город стекались люди из аулов с одной стороны, а с другой – снова возвращались ранее откочевавшие в Сибкрай, так как они оттуда административно выселялись. «Положение прибывших из Сибири откочевников становится крайне катастрофическим, скопилось 1700 человек с чужих соседних районов. Кроме того в организованных четырёх детдомах семьсот человек, все школы, клубы переполнены, город не успевает подбирать трупы» [10: 17] – сообщается в телеграмме Павлодарского райкома ВКП(б) Восточно-Казахстанскому обкому ВКП(б) о выделении денежных средств, нарядов на продовольствие для откочевников, прибывших из Сибири от 3 апреля 1932 года.

С марта 1932 года только с Новосибирска на станцию Павлодар ежедневно прибывало пять вагонов людей. «Обратный наплыв откочевников наводнил гор. Павлодар. Как в городе, так и

на станции железной дороги скопились тысячи человек без крова, без пищи, зачастую раздетые и разутые; особенно жалкое существование влачили дети, бродившие по городу в поисках куска хлеба», говорится в архивных документах [10: 45]. Всего на 1 июня 1932 года через г. Павлодар прошло 21941 человек откочевников, часть которых умерла от голода и болезней, часть отправлена по районам.

Таким образом, как это отмечается в архивных документах, «кочевое казнаселение, являясь в основном скотоводческим и имея в прошлом источники дохода исключительно от животноводческого хозяйства, ввиду неприспособленности, пренебрежения к другим источникам, после проводимых мероприятий по оседанию, коллективизации, где не произошло без перегибов, так как скот забирался весь без исключения» [10: 52], а также после принудительных хлебозаготовок, было обречено на явную гибель.

Невозможно было изучать эти архивные документы без волнения, содрогания души, боли в сердце. Читая пожелтевшие страницы, невольно слышишь стоны опухших, умирающих от голода людей – детей, матерей, молодых и старых, видишь опустевшие аулы и сёла, усеянные трупами.

Цена этой страшной трагедии невосполнима. Мы должны помнить об этом!

ЛИТЕРАТУРА:

1. ГАПО. Ф.9. Оп.1. Д.18.
2. ГАПО. Ф.11. Оп.1. Д.91.
3. ГАПО. Ф.8-п. Оп.1. Д.157.
4. ГАПО. Ф.8-п. Оп.1. Д.281.
5. ГАПО. Ф.20. Оп.1. Д.2.
6. ГАПО. Ф.8-п. Оп.1. Д.293.
7. ГАПО. Ф.1-п. Оп.1. Д.39.
8. ГАПО. Ф.1-п. Оп.1. Д.67.
9. ГАПО. Ф.18-п. Оп.1. Д.157.
10. ГАПО. Ф.1-п. Оп.1. Д.70.
11. ГАПО. Ф.1-п. Оп.1. Д.54.

УДК 811.512.37

Омакаева Э.У., Борлыкова Б.Х.

*Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН,
Республика Калмыкия, г. Элиста, elomakaeva@mail.ru*

ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР И ТОТАЛИТАРНОЕ ОБЩЕСТВО: НА МАТЕРИАЛЕ КАЛМЫЦКИХ ПЕСЕН ДО И ПОСЛЕ ДЕПОРТАЦИИ (30-50-е гг. ХХ в.)¹

Данная статья представляет собой попытку на примере лингвокультурного анализа песенного текста того времени затронуть долгие годы остававшуюся в тени проблему диалога «фольклор и власть», рассмотреть песню как отражение жизни социума в конкретный исторический период, показать через языковую концептуализацию и лексическую репрезентацию образов тоталитарной эпохи ту роль, которую играла песня в политической жизни страны определенного исторического периода, какие архетипы фольклорного сознания она в себя вобрала и как она влияла на формирование новой советской идентичности.

Как справедливо отметил известный философ-мыслитель XX века Ойген Розеншток-Хюсси, диагностика состояния общества, духовное здоровье нации, гигиена ее умственной жизни зависит и от того, как мы поем и тем самым ликуем, как мы выслушиваем распоряжения и тем самым изменяемся, и от того, как мы благодарим и тем самым увековечиваем реальность [1: 84].

Возможность открыто, эксплицитно писать о некоторых политических деятелях и событиях нашей недавней истории появилась лишь в постсоветское время. «Советское» прошлое переживает сегодня вторую волну осмысления: на смену огульному, полному негативизма отрицанию приходит взвешенная, рациональная оценка тоталитарной, «сталинской эпохи», современниками которой является и часть членов нашего сообщества.

В последние годы заметно вырос интерес к песенному фольклору того периода, крайне актуальна проблема сохранения

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-24-03553

подлинно народной песни как культурного достояния того или иного этноса, введения ранее неизвестных и еще не публиковавшихся песенных текстов в научный оборот. Очень хорошо об этом сказал А. Чехов: «Для жизни в настоящем нужно искупить прошлое, а для этого его нужно знать».

Песни той эпохи являют собой любопытное явление и в истории калмыцкой культуры, демонстрирующее всю силу идеологического воздействия на народное сознание в условиях тоталитарного режима. Нетривиальный интерес представляют реконструкция образов тоталитарного прошлого, в т.ч. политических лидеров, в калмыцком песенном дискурсе [2].

В 20-30-е годы прошлого века советское общество жило как бы в двух измерениях: героическое и трагическое было рядом. В этот период отмечается значительный рост интереса к фольклору со стороны власти в масштабе всей страны. На первый взгляд, это кажется удивительным. Как пишут А.С. Архипова и С.Ю. Неклюдов, «пристальное внимание государства к фольклору - вещь чрезвычайно редкая» [3: 84].

Россия сегодня переживает сложный период перемен, связанных со сменой культурной парадигмы. Изменения охватывают практически все сферы нашей жизни и вносят коррективы в базовые ценности, которые до вчерашнего дня считались незыблемыми. В связи с этим особенно остро стоит вопрос об использовании народной песни в репертуаре современных исполнителей.

Глобализация культурных процессов выражена в тенденции интеграции культур различных народов. С одной стороны, взаимообогащение культур создает новые перспективы развития, но, с другой стороны, существует реальная опасность размывания базовых ценностей национальных культур.

Представители того или иного лингвокультурного сообщества смотрят на мир сквозь «культурные очки» (по терминологии Э. Холла). Их собственная этническая культура выступает индикатором и своеобразным мерилom коммуникативного поведения. В структуре коллективной фольклорной памяти, отрефлексированной опытом многих поколений, сохраняются общие стереоти-

пы и доведенные до автоматизма нормы поведения.

Свое пагубное влияние на жизнь социума, оказало и тоталитарное общество, государственные и общественные деятели советской эпохи, особенно 1930-1940-х гг., что оставило также след в языковом сознании [4]. Ход исторических событий складывается порой таким образом, что многое в судьбе того или иного народа или целой страны зависит от личности того, кто стоит во главе государства. В этом нас убеждает и калмыцкая история, и история всей страны в целом.

Восприятие людьми той или иной личности или события осуществляется сквозь призму сложившихся стереотипов, которые являются неотъемлемым элементом любой этнической культуры. Но часто эти стереотипы дают не совсем точное, а порой и искаженное представление об объекте. Попытаемся взглянуть на образ тоталитарной эпохи указанного временного периода сквозь призму калмыцкого песенного материала первых двух послереволюционных десятилетий XX в.

Статья написана на основе полевых материалов, полученных во время встреч, бесед с нашими информантами старшего поколения, исполнителями народных песен, переживших депортацию.

При изучении «советского новояза» и тоталитарного дискурса советской эпохи часто используется термин идеологема, обозначающий объективно существующие формы идеологии. В идеологеме как «мировоззренчески насыщенном обобщающем слове, чаще всего образном слове, метафоре, обладающей мощной суггестивной силой» [5: 38] актуализируются «идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» [6: 35].

В качестве идеологемы может выступать любой феномен, так или иначе акцентирующий принадлежность к советской идеологии. В настоящем докладе идеологема рассматривается как ментальная единица, включающая в свой состав идеологический

компонент и лексически репрезентируемая (словом или устойчивым словосочетанием). Важное место среди идеологем занимают так называемые «личностные» идеологемы, репрезентируемые именами собственными, идеологемы-архетипы (мифологемы).

Так, идеологема (и, несомненно, мифологема) Сталин [7] появилась в результате мотивированной номинации: в псевдониме генерального секретаря ЦК РКП(б) (затем ВКП(б), КПСС) И. В. Джугашвили, руководителя советского государства в 1923–1953 гг., акцентируется внутренняя форма слова сталь, где безусловно актуализирована сема ‘твердость’ (ср. Каменев, Молотов и др.). Семантика имени Сталин, таким образом, ‘крепкий, прочный, твердый, как сталь’.

Прецедентное имя-символ Сталин, указывающее на некоторую «эталонную совокупность определенных качеств» [8: 108], представленное на языковом уровне именем собственным, выступает как идеологема, имеющая различные смыслы для людей разной политической ориентации: одни считают его вождем, другие — тираном. Ему удалось навязать свою «стальную» волю всем народам огромной страны, осознавшей себя как некую многонациональную общность.

Маркером сталинской эпохи стал эксперимент по созданию «нового», «советского», фольклора, поиск актов индивидуально-авторского творчества в народной словесности. Как говорил советский писатель Л. Леонов, «...чего не доскажет наше перо, про то с избытком восполнит песня».

Весьма показателен в этом смысле пример советской песни, во многом определившей духовный облик той эпохи и ставшей знаменем культурной жизни страны первой половины XX в., обстоятельное исследование которой в российской фольклористике и политологии началось только недавно [9]. В статье Х. Гюнтера «Поющая Родина» [10] массовая песня 1930-х гг. названа «концентратом советской мифологии».

Выбор песни как самого массового и популярного в народе фольклорного жанра в качестве инструмента идеологического воздействия не случаен: в силу своей синкретичной, вербально-музыкальной, природы она является наиболее эффективной фор-

мой передачи мироощущения той или иной эпохи и созданных ею мифов по сравнению с другими сферами народного творчества. Песня как неотъемлемая часть различных обрядов, ритуалов и церемоний всегда была почитаема в обществе, тем более номадном.

Песни рассматриваемого периода не столько превозносили отдельного человека, пусть и выдающегося политического деятеля, сколько создавали некий образ, символизировавший и определенную идею, и целую политическую эпоху, выступавший в качестве своего рода культурного знака, носителя определенных качеств, вершителя событий и судеб.

Мифологема «вождь народов», созданная идеологической пропагандой сталинского времени, вторглась в жанр песни, трансформировавшись в легендарный образ. Харизматический лидер являлся важным легитимирующим ресурсом власти, способным завоевывать доверие населения и мобилизовывать массы в интересах правящей элиты. Можно только предполагать, что, возможно, в те годы существовал и протестный (анти тоталитарный, анти сталинский) фольклор (прежде всего песни и анекдоты).

Песни, прославляющие власть, в изобилии появляются в рассматриваемый период в публикациях фольклора практически всех народов СССР [Сталин в песнях народов СССР 1936; Сталин в творчестве народов Бурят-Монгольской АССР и др.]. Так, в издании «Ленин и Сталин в творчестве народов СССР» [1938] представлено и народное творчество Калмыцкой АССР в лице 15-летнего исполнителя Кякиша Баяртаева. Текст песни, созданный, судя по первой строке, в 1932 г., дан в сборнике на русском языке в переводе с калмыцкого А. Исбаха:

Сегодня первый день шестнадцатого года
С тех пор, как принесли и счастье и свободу
Забытому калмыцкому народу
Вожатые страны — большевики.

В данном тексте нами отмечен целый ряд тем и мотивов, порожденных и санкционированных новой идеологией. Здесь актуализируется тема народной судьбы, доли путем противоп-

ставления тяжелой жизни в прошлом, при прежних правителях (зайсангах), и счастливой жизни в изображаемый период, при советской власти. В описании функционируют такие топосы, как цветущие колхозные поля, степь, водные пространства.

Песня, проникнутая пафосом трудового подъема, провозглашает конец прежней бедной и безрадостной жизни калмыков и прославляет новую жизнь, богатую и счастливую, радостный и свободный труд. Дух эпохи претворен в облике народа-созидателя, строителя мирной жизни.

Певцы, представители разных народов, воспевали одни и те же реалии тоталитарного общества, но выражали их по-разному, соответственно своим национальным поэтическим традициям, природным условиям, окружающему ландшафту. Поэтому песни, представляющие национальную, этническую, региональную или местную локальную традицию, должны по праву занять одну из ключевых строк в рейтинге лингвокультурных источников той эпохи.

Один такой источник, который непосредственно «участвовал» в раскрутке упомянутого культа, это песня предвоенного пятилетия, созданная за 6 лет до печально известной депортации калмыцкого народа. Речь идет о песне «Сталина туск дун» «Песня о Сталине», автором которой является Даван Гаря. Песня была записана в исполнении Цебека Улюмджиева в Элисте в 1937 г. известным монголистом А.В. Бурдуковым (в то время доцентом Ленинградского университета), во время его фольклорной экспедиции по Калмыкии. Вспомним, что именно в 1937 г. Советский Союз праздновал тогда 20-летие Великой Октябрьской социалистической революции.

Главную идею анализируемой песни, отражающую замысел создателя текста, можно сформулировать как утверждение счастья, лежащего в основе новой жизни. Формой выражения этой идеи является образ Сталина.

В соответствии с идеологией тоталитарного режима создается мотив ликования, выражаемый словом жирһл ‘счастье’, усиливаемый повтором числительного түмн ‘десять тысяч’ (түмн, түмн жирһлэр).

Эта ключевая идея-сентенция повторяется в конце текста, создавая рамочный эффект:

Улсин жирһл көөсн

Алдр Сталин дүңгәнэ.

Идея народного счастья неразрывно связана с представлениями о правителе. Как известно, важное место в фольклорной картине мира калмыцкого народа занимает образ харизматического лидера, вождя. Главный герой калмыцкого героического эпоса — правитель страны Бумбы Джангар.

Языковое сознание носителей фольклорной традиции, знавшее до революции ханов и зайсангов, в 1930-е гг. переносит образ вождя на Сталина: в рассматриваемой песне словом залач ‘вождь’, этимологически связанным с глаголом залх ‘вести’, акцентируется образ Сталина как рулевого, указывающего необходимое направление другим людям; употреблением постоянного фольклорного эпитета алдр ‘великий’ подчеркивается величие вождя: залач алдр-ла Сталинтн.

Можно предположить, что после рокового для калмыков декабря 1943 г. было создано немало песен, посвященных депортации целого народа. Но исполнять их в то время отваживался далеко не каждый. Об одном таком случае рассказал наш информант Н.Б. Манджиев, который в 1944 г. услышал в исполнении 22-летнего лейтенанта Санджи Иванова сочиненную им песню «1943-гч жилд хальмгудыг нүүлһсн дун».

Исполнитель песни получил за это десять лет лагерей. Неизвестно, как сложилась его дальнейшая судьба. После отбытия наказания он вернулся в Калмыкию и проживал в с. Троицкое. К сожалению, нашему информанту не удалось с ним встретиться, но написанную С. Ивановым песню о выселении калмыков бывший тогда 15-летним подростком Нимгир Бюрчиев запомнил на всю жизнь и исполняет до сих пор.

В этой песне, созданной «по горячим следам» в 1944 г., образ Сталина еще не имеет той негативной коннотации, которая появляется позднее. Сталин здесь еще именуется хээртэ Сталин.

Песня начинается с указания даты декабрьского выселения: Орс хөрн нээмнд ’28 числа’. Топонимы фиксируют узловые пун-

кты 15-дневного маршрута следования поезда, увозящего калмыков с их родины: Котельниково (железнодорожная станция в Сталинградской (Волгоградской) области), Сталинград (Волгоград), Уральск, Саратов...

Заключительная строфа песни содержит призыв работать и доблестным трудом заслужить право вернуться на родину:

Ода хальмг улс
Орс дунд көдлия.
Ончта сээнэр көдлэд,
Орн хазртан күрия.

Но позже тональность и содержание песен сибирского цикла резко меняются (об этом можно судить уже по названиям песен). Так, в песне «Киитн Сиврин салькнд» 'На холодном сибирском ветру' говорится:

Маниг туусн Сталин
Махичн ноха идтхэ!
Нас сославший Сталин,
Пусть твоё тело едят собаки!

Песенные тексты разных периодов (пред- и последепортационного) бесстрастно фиксируют всю сложную, противоречивую гамму отношения членов калмыцкого социума к руководителю государства: с одной стороны, это безграничная вера, уважение, преклонение, почитание, с другой — насмешка, презрение.

Проведенное исследование показало, что важное значение имеют дискурсивные характеристики соответствующего песенного текста: условия его создания, бытования и функционирования, авторство и адресность, интертекстуальные связи, культурно-исторический фон эпохи и социальное восприятие.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Пигалев А.И. Узнавание и встреча с новым // Филос. науки. 1995. № 1. С. 140–147.
2. Омакаева Э.У., Борлыкова Б.Х. Лексическая репрезентация прецедентного образа «вождя народов» в калмыцких песнях 1930-х

- и 1940-х гг. // Материалы Всероссийской научной конференции «Репрессированные народы: история и современность» (26–28 ноября 2013 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2013. С. 232–240.
3. Архипова А.С., Неклюдов С.Ю. Фольклор и власть в «закрытом обществе» // Новое литературное обозрение. 2010. № 101. С. 84–108.
4. Слышкин Г. Государственные деятели: след в языковом сознании // Научно-аналитический журнал: Обозреватель-Observer. М.: Рау-университет. 2004. № 8 (175). С. 116–125.
5. Клушина Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000-2008 гг.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. -57 с.
6. Малышева Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. Вып. 4 (30). С. 32–41.
7. Нахимова Е. А. Идеологема Сталин в современной массовой коммуникации // Политическая лингвистика. Вып. 2 (36). Екатеринбург, 2011. С. 152–156.
8. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. -288 с.
9. Щербинина Н.Г. Героический миф тоталитарной России. Томск: Позитив, 1998. 103 с.; Щербинина Н.Г. «Герой» воспетый (Политологический анализ песен о Сталине) // Полис. 1998. № 6. С. 103-112.; Иванова Т. Г. Сказитель и официальная политика в области фольклористики в 1930-е годы (о жанровой природе песенного советского эпоса) // Мастер и народная художественная традиция русского Севера: Доклады III Международной конференции «Рябинские чтения–99». Петрозаводск, 2000. С. 84-85.; Фольклор России в документах советского периода 1933-1941 гг.: Сборник документов / Сост. Е.Д. Гринько, Л.Е. Ефанова, И.А. Зюзина, В.Г. Смолицкий, И.В. Тумашева. М., 1994.; Миллер Ф. Сталинский фольклор. СПб., 2006 (Miller F. Folklore for Stalin. Russian Folklore and Pseudofolklore of the Stalin Era. Armonk; New York; London, 1990).
10. Гюнтер Г. Поющая Родина: советская массовая песня как выражение архетипа матери // Вопросы литературы. 1997. № 4. С. 46–61.

Источники и информанты:

1943-гч жилд хальмгудыг нүүлһсн дун - Манджиев Нимгир Бюрчиевич, 1929 г. р., г. Элиста, РК.

Хальмгудт нерэдсн дун – Лиджиев Сангаджи Оджаевич, 1931 г.р., пос. Эрдниевский Юстинского района РК

Декабрь сарин 28-д – Санджиев Хеечи Адучиевич, 1935 г.р., г. Элиста

Декабрин хөрн нээмнд – Убушиева Екатерина Ванькаевна, 1935 г.р., пос. Тугтун Кетченеровского района РК

Хальмгудыг нүүлһснэ туск дун – Бадмаев Саксим Сараевич, 1928 г.р., пос. Кевюды Ики-Бурульского района РК

Сиврин туск дун – Муниева Делгр Хейчиевна, 1926 г.р. пос. Тугтун Кетченеровского района РК

Киитн Сивр – Эрдниева Галина Николаевна, 1935 г.р., пос. Татал Юстинского района РК

Керэ гидг шовун – Бембеева Мария Хондаевна, 1929 г.р., уроженка Улан-Хольского улуса, пос. Келкэ.

УДК: 930 (376.7)

Психомахова А.Р.

*ГБОУ СПО Медицинский колледж № 4 Департамента
здравоохранения г. Москва, amina@lianet.ru*

ТОТАЛИТАРНЫЙ РЕЖИМ В СУДЬБЕ ЛИДЕРОВ БАКСАНСКОГО МУСУЛЬМАНСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА

*Прогресс будущего всегда в настоящем
Человек – как роман: до самой последней
страницы не знаешь, чем кончится.
Иначе не стоило бы читать...
Е. Замятин «Мы».*

Судьба человека в тоталитарном обществе весьма тра-

гична, даже не смотря на заслуги перед обществом и народом, в развитии литературы, фольклора, печати, книгоиздательской деятельности, а также вклад в формирование общественно-политической мысли. Огонь репрессий коснулся многих преданных своему народу, выдающих и талантливых деятелей просвещения. Одним из видных деятелей был Нури Цагов. Родился он в Турции, куда в результате обмана и шантажа переселили его родителей. Когда ему исполнилось 6 лет, он лишился родительской опеки. Его воспитанием занялся дядя Екуб – генерал турецкой армии. Цагов успешно окончил юридический факультет Стамбульского университета, активно включается в просветительскую работу. В 1909г. вместе с группой сторонников приступил к замене турецко-арабской письменности, приспособливая ее к наречию горских кавказских народностей. Используя новый алфавит, выпускали газету «Гуаза» («Руководитель», «Вожатый»), букварь, географию и арифметику. Будучи редактором газеты, старался не освещать вопросы политики, а делал акцент просветительской деятельности [1: 89]. В 1909 г. Нури Цагов издает кабардинский букварь на арабской графической основе, по которому дети изучали кабардинский язык [2].

С самого начала своей работы поддерживает связь с Черкесским благотворительным обществом в Стамбуле, а так же с университетом аль-Азхар в Стамбуле. В 1911 г. Цагов становится инициативным деятелем “Черкесского благотворительного общества”, созданного черкесами, проживающими в Турции. Во главе общества стояли командующий турецкой армией Изет-паша Мет и Екуб Цагов, которые в 1911 г. основали газету “Гъуазз”. Вначале Цагов был секретарем, а затем редактором первой адыгской газеты выходившей с 1911 по 1917 гг. Он выступал за введение родной письменности. В статье “Не пора ли нам проснуться?” Нури призывает черкесов к активной общественной деятельности, к развитию самосознания. В статье “К адыгам на нашей родине” он подвергает критике тех деятелей, наподобие Женюкова, которые хотят погубить народ, переписав его в Турцию. Цагов возвращается в статьях к вопросу о роли России и Турции в судьбе адыгов. Он отдает предпочтение России [3]. В 1919 году Цагов был при-

глашен в Нальчик редактором газеты «Адыге» («Кабардинец») на кабардинском языке. На русском языке эту газету редактировал Таусултан Шеретлоков. Вскоре Нури стал преподавателем кабардинского языка Ленинского учебного городка. Вступил в члены ВКП (б) в 1930 году, и перевёл учебник Попова по арифметике на кабардинский язык. До ареста был исключен из рядов ВКП(б) и снят с работы как активист белогвардеец. Уже 13 марта 1935 года уполномоченный особого отдела НКВД Озроков приняли решение о прекращении дела в отношении Н. Цагова в связи с тем, что не удалось собрать доказательства подтверждающих подозрения. В канун нового года Нури получил извещение о необходимости явки на совещание в Нальчик. Он очень рано утром 31 декабря 1935 года вышел из дома и пошел пешком до Чегема-1. Там ему встретила грузовая машина «полупортка», которая везла в кузове 6 его студентов. Они стали уговаривать учителя поехать с ними, но Цагов отказывался, боясь простуды, однако студенты предложили накрыть его буркой, и он согласился. На повороте обледенелой дороги за Чегемом-1 машина перевернулась. Шестерых студентов отбросило в сторону, а Цагов в результате черепно-мозговой травмы скончался два часа спустя в местной больнице [1: 90] Реабилитирован 1 марта 2004 г. Прокуратурой КБАССР [4].

Большую финансовую помощь ему оказали братья Дымовы. Их семья славилась работоспособностью, имела большое хозяйство, пользовалась доверием у сограждан. Адам Гафарович Дымов учился в Каирском университете. Пребывание за границей имело для него большое значение. Он приобщился к восточной культуре. По возвращению из Турции продолжает активную деятельность по развитию образования [5]. По возвращению на родину с дипломом магистра наук А. Дымов реализует свою давнюю мечту. Открывает бесплатную школу сельской бедноты. На свои сбережения приобретает канцелярские принадлежности, выписывает учебники из Каира, закупает мебель и оборудует учебную комнату. Школа набралась группу из 23 человек в возрасте от 12 до 15 лет. Продолжительное время А. Дымов оставался единственным учителем в своей школе, он преподавал наряду

с естественными науками, историю адыгов и кабардинский язык, ежедневно проводил чтение Корана [6]. Заслугой А. Дымова является его педагогические приёмы направленные обучение детей наукам на родном языке [7]. В дымовском медресе курсы арифметики и географии изучали по учебникам Н. Цагова «Хъисаб тхылъ» («Книга счета») и «Жеогграфия» («География»), которые, как и «Азбука», попали в Кабарду еще до возвращения Н. Цагова из Турции [8]. В 1913 г. А. Дымов составил азбуку родного языка на арабской графической основе и издал ее в городе Темир-хан-Шуре, здесь же на созданном им алфавите были напечатаны его книги для чтения «Ключ к детям» и «Рассказ для женщин». Свою новую азбуку он пытался ввести для обучения родному языку в сельских школах Кабарды, в частности он раздал экземпляры своего «Алиф-бей» слушателям Баксанской духовной семинарии, но эта попытка не имела успеха. В 1913 г. к А. Дымову присоединяется Нури Цагов. Для расширения знаний соотечественников А. Дымов устраивает в Каирский университет А. Тамбиева, М. Дымова, И. Тлигунова, Х. Хоконова. Публикует в Египте книгу «Іэдэбиат» («Воспитание»), переводит исторические книги, сказания и предания разных народов.

События, происходящие в России 1917 г. повлияли на его выбор заняться журналистикой, чтобы помочь своим соотечественникам получать информацию о событиях, происходящих в стране. Величайшей заслугой Адама Дымова являлось создание типографии и издание осенью 1917 г. первой газеты на кабардинском языке «Адыге макъ» («Адыгский голос») выходивший два раза в неделю. Дымовы, мечтавшие о создании своей типографии, приобрели в Казани типографский станок, впоследствии привезенный в Баксан [8]. Это было для того времени большим событием в культурной жизни Кабарды: односельчане и люди других селений потоками шли смотреть типографскую машину братьев Дымовых [9]. Это был первый периодический орган печати на национальном языке. Наряду с политическими здесь печатались религиозные, бытовые, историко-этнографические, фольклорные и литературно-художественные материалы. В газете появлялись литературные произведения, одухотворенные идеалами народ-

ного просвещения и рыцарского поведения в жизни. Появление в Баксане типографии было событием огромной исторической важности, у горцев появилась надежда, что теперь кабардинцы начнут читать на родном языке, смогут приобщиться к сокровищнице мировой культуры. Типография братьев Дымовых положила начало книгопечатанию в Кабарде, в ней было выпущено около 20 книг, в том числе книги А. Дымова «Воспитание характера», «Доброе слово», «Подарок детям» и другие. У Дымова трое сыновей, Мухамед - погиб в 1942 г. в битве под Москвой, Сулейман и Осман и дочери Зейнаб и Раиса. Несмотря на множество верных друзей и соратников, нашлись и недруги. По обвинению в участии в баксанских волнениях 1928 года он был арестован и сослан на 3 года Соловки. Затем ночь с 30 на 31 октября 1937 г., Адам снова был арестован и затем согласно решению «тройки» 27 ноября в 21 час без суда и следствия Адам Дымов был расстрелян. Реабилитирован 19 декабря 1956 г. постановлением Верховного Суда КАССР за отсутствием состава преступления [10].

В течение жизни Н. Цагова и А. Дымова были взлёты и падения. В результате необоснованной репрессии труды и личный архив уничтожены, имя великих просветителей было предано забвению. Спустя годы реабилитированы посмертно с отметкой «за недоказанностью предъявленного обвинения» или «отсутствие состава преступления».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Хакуашева М.А. Новые сведения к биографии Нури Цагова // Национальные культуры в современном мире. Литература. Фольклор. (По материалам Международной научной конференции 22-26 октября 2003 г., Республика Абхазия, г. Сухуми). Москва-Сухум, 2011.
2. История Кабардино-Балкарской АССР. Т.1. М., 1967.
3. Налоев З.М. Из истории культуры адыгов. Нальчик, 1978.
4. Рачинский Я.З. Жертвы политического террора в СССР. [Электронный ресурс: окно доступа <http://lists.memo.ru/index23.htm> (дата обращения: 19.01.14)].

5. Бакова З.Х. Заур Налоев. Из истории культуры адыгов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, №10.-2010.
6. Ошнокова Ф. Дымов Адам-педагог, первопечатник и журналист // Вестник института гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН. Вып. 10. Нальчик, 2003.
7. Налоев З.М. Адаб Баксанского культурного движения. Нальчик, 1991. – 439 с.
8. Писатели Кабардино-Балкарии: XIX в. – конец 80-х гг. XX в. Библиографический словарь. Нальчик, 2003. – 441 с.
9. Дымов А. Г. Тухват-уль-Атфил. Темир – Хан-Шура, 1913.; Дымов А. Г. Физ-Хабар. Темир - Хан-Шура, 1913.
10. Рачинский Я.З. Жертвы политического террора в СССР. Электронный ресурс: дата обращения <http://lists.memo.ru/index5.htm> (дата обращения: 19.01.14).

УДК 338.43.02:93(574.42)(048.8)

Рифель Л.П.

*КГУ «Государственный архив» Управления культуры, архивов и
документации Восточно-Казахстанской области,
г. Усть-Каменогорск, arhiv@ukg.kz.*

ТРАГЕДИЯ СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ

«Хлеб – голодным», «Землю – крестьянам», «Мир – обездоленным и обескровленным». Таковы были первые лозунги Советов. Свобода слова, совести, вероисповедания. Подлинную правду о том времени расскажут только архивные документы.

Террор и репрессии были неотъемлемой частью советской системы. Их пиком стали 30-е годы. Именно тогда создавались так называемые несудебные органы: тройки и особые совещания. К репрессиям следует также отнести и социальные эксперименты

над народом, в ходе которых гибли миллионы людей, народов, социальных групп. Вот таким гигантским экспериментом была сталинская коллективизация, которая сопровождалась голодом, выселением крестьян, произволом властей.

Перед нами газета Усть-Каменогорского района «Прииртышский коммунар» за 1931 год. Идет борьба за выполнение любой ценой плана хлебозаготовок. Так в коммуне «Свобода» Пролетарского сельсовета план хлебозаготовок был 3250 центнеров, сдали 1000. Правление во главе с председателем пыталось показать нереальность этого плана. Но председателя, объявив «махровым» оппортунистом, исключают из партии и снимают с работы. Руководство в коммуне обновили, из коммунаров выжали еще 1200 центнеров. Но вот уже новый председатель заявил: «Хлеба нет, сдавать нечего». Но как пишет газета, на собрании коммунаров было решено выполнить план любой ценой. Коммуна «Свобода» выполнила план на 100,3 %. Неизвестно только как потом зимовали коммунары, чем кормили свои семьи.

В этой же газете внизу в рамках небольшие объявления: «Я, Кочнева И.С., отказываюсь от мужа кулака Василия Кочнева», «Мы, Матвей, Николай, Евдокия, Григорий Кочневы отказываемся от своего отца кулака», «Я, Филимонов Никандр, порываю всякую связь со своим отцом кулаком Филимоновым Иваном». Это тоже примета того времени массовых репрессий, террора.

В официальной истории советского государства 1930 год значится как символ победы колхозного строя в СССР. Но, оказалось не все так просто. На фоне этих побед развернулся голод. Из заявления в правление колхоза «Искра» от гражданина с. Зимовье Усть-Каменогорского района Рыльской Анастасии Семеновны: «Прошу разобрать мое заявление и не отказать в моей просьбе возвратить мою корову назад. Я беднячка, вдова, у меня 4 иждивенца, сама пятая. Мне не прокормиться. 12 апреля 1932 г. К сему Рыльская». Заявление сторожа Уланского п/о И.Аmineва в Уланский райисполком: «Прошу вас, райисполком, совершенно ни фунта хлеба нету, что я должен умирать без хлеба. Они не дают без вашего разрешения».

К сожалению, нет точных цифр о количестве раскулачен-

ных, умерших от голода, репрессированных в те годы. Зато встречаются директивы высших органов власти, с утвержденными цифрами раскулаченных с разбивкой по районам, о мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации.

Из постановления Политбюро ЦК ВКП (б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г. (Совершенно секретно) [1]

«В районах сплошной коллективизации провести немедленно, а в остальных районах по мере действительно массового развертывания коллективизации, следующие мероприятия:

1. Отменить в районах сплошной коллективизации в отношении индивидуальных крестьянских хозяйств действие закона об аренде земли и применении наемного труда в сельском хозяйстве (разделы VII и VIII Общих начал землепользования и землеустройства). Исключения из этого правила в отношении середняцких хозяйств должны регулироваться райисполкомами под руководством и контролем окрисполкома.

2. Конфисковать у кулаков этих районов средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия по переработке, кормовые и семейные запасы.

3. Одновременно в целях решительного подрыва влияния кулачества на отдельные прослойки бедняцко-середняцкого крестьянства и безусловного подавления всяких попыток контрреволюционного противодействия со стороны кулаков проводимым Советской властью и колхозами мероприятиям принять в отношении кулаков следующие меры:

а) первая категория – контрреволюционный кулацкий актив немедленно ликвидировать путем заключения в концлагеря, не останавливаясь в отношении организаторов террористических актов, контрреволюционных выступлений и повстанческих организаций перед применением высшей меры репрессии;

б) вторую категорию должны составить остальные элементы кулацкого актива, особенно из наиболее богатых кулаков и полупомещиков, которые подлежат высылке в отдаленные местности СССР и в пределах данного края в отдаленные районы края;

в) в третью категорию входят оставляемые в пределах района кулаки, которые подлежат расселению на новых отводимых им за пределами колхозных хозяйств участках.

4. Количество ликвидируемых по каждой из трех категорий кулацких хозяйств должно дифференцироваться по районам в зависимости от фактического числа кулацких хозяйств в районе, с тем, чтобы общее число ликвидируемых хозяйств по всем основным районам составляло в среднем, примерно, 3-5 %. Настоящее указание (3-5 %) имеет целью сосредоточить удар по действительно кулацким хозяйствам и безусловно предупредить распространение этих мероприятий на какую-либо часть середняцких хозяйств».

Далее: «В качестве мероприятий для ближайшего периода провести следующее:

1. Предложить ОГПУ репрессивные меры в отношении первой и второй категорий кулаков провести в течение ближайших четырех месяцев (февраль-май), исходя из приблизительного расчета – направить в концлагеря 60 тыс. и подвергнуть выселению в отдаленные районы 150 тыс. кулаков; озаботиться принятием всех мер к тому, чтобы к 15 апреля эти мероприятия были осуществлены в отношении, во всяком случае, не менее, чем половины указанного количества. Проведение этих мероприятий должно быть поставлено в зависимость от темпа коллективизации отдельных районов СССР и согласовано с краевыми комитетами ВКП (б)

2. Члены семей высылаемых и заключенных в концлагеря кулаков могут, при их желании и с согласия местных райисполкомов, остаться временно или постоянно в прежнем районе (округе)

3. Ориентировочно, в соответствии с данными мест, установить по областям следующее распределение заключаемых в лагеря и подлежащих высылке:

	Концлагерь	Высылка
Средняя Волга	3-4 тыс.	8-10 тыс.
Северный Кавказ и Дагестан	6-8 тыс.	20 тыс.
Украина	15 тыс.	30-35 тыс.

ЦЧО	3-5 тыс.	10-15 тыс.
Нижняя Волга	4-6 тыс.	10-12 тыс.
Белоруссия	4-5 тыс.	10-15 тыс.
Урал	5-6 тыс.	25 тыс.
Сибирь	5-6 тыс.	10-15 тыс.
Казахстан	5-6 тыс.	10-15 тыс.

В отношении остальных областей и республик аналогичную наметку поручить произвести ОГПУ по согласованию с соответствующими крайкомами и ЦК ВКп (б).

4. Высылку произвести в округа Северного края – 70 тыс. семейств, Сибири – 50 тыс. семейств, Урала – 20-25 тыс. семейств, Казахстана – 20-25 тыс. Районами высылки должны быть необжитые и малообжитые местности с использованием высылаемых на с\х работах или промыслах (лес, рыба и проч.). высылаемые кулаки подлежат расселению в этих районах небольшими поселками, которые управляются назначаемыми комендантами.

5. Высылаемым и рассылаемым кулакам при конфискации у них имущества должны быть оставлены лишь самые необходимые предметы домашнего обихода, некоторые элементарные средства производства в соответствии с характером их работы на новом месте и необходимым на первое время минимум продовольственных запасов. Денежные средства высылаемых кулаков также конфискуются с оставлением, однако, в руках кулака некоторой минимальной суммы (до 500 руб. на семью), необходимой для проезда и устройства на месте.

6. Списки кулацких хозяйств (вторая категория), высылаемых в отдаленные районы, устанавливаются райисполкомами на основании решений собраний колхозников, батрацко-бедняцких собраний и утверждаются окрисполкомами. Порядок расселения остальных кулацких хозяйств (третья категория) устанавливаются окрисполкомами».

О том, каких жертв потребовала «массовая» («сплошная») коллективизация, стало возможным говорить сравнительно недавно. Ранее скрытые источники (многие с особым грифом: «секретно», «совершенно секретно»), ставшие доступными для ис-

следователей, не могли не привести их к новым, более точным формулировкам, отражающим суть методов, применявшимся в период подготовки и проведения «сплошной» коллективизации. Это, действительно, была силовая модернизация всей жизни аула, села, обернувшаяся трагедией для значительного числа крестьянства (счет которым ведется не в десятках и не в тысячах, а в миллионах, в том числе «раскулаченных», высланных из родных мест, погибших от голода, в «трудовых» лагерях).

В Усть-Каменогорском районе привлекали к уголовной ответственности «за укрывание хлебных излишков», «за не сдачу хлебных излишков», «за укрывание и не сдачу хлебных излишков».

Из сообщения Ульбинского сельсовета Усть-Каменогорскому райисполкому «О привлечении к ответственности граждан по статье 107 Уголовного Кодекса РСФСР за не сдачу хлебных излишков» от 24 августа 1928 г. [2]

«Сообщается, что в районе нашего сельсовета привлечено:

1. По статье 107 – Нетесов Гавриил Кондратьевич за не сдачу хлебных излишков, конфисковало у него 1 водяная мельница и передана местному Комитету взаимопомощи, находится в настоящее время в исправном виде, у него же конфисковано 500 пудов пшеницы, из коих 250 пудов передано тому же комитету и 250 пудов сданы «Хлебопродукту» и деньги переданы в Тарханскую волмилицию самим Нетесовым.

2. По статье 62 – Злобин Потап Кирсантьевич за укрытие объектов обложения оштрафован на 77 рублей, зерном взята пшеница и сдана Мельтресту. Деньги переданы в Тарханскую волмилицию. Более привлеченных не было».

Из сообщения уполномоченного Рожкова председателю оперативной тройки «О намерении Федотова, бойкотированного в с.Скалистое, переехать в город» от 20 февраля 1929 г. [3]

«Мне стало известно, что Федотов в селе Скалистом упорно не сдает хлеб и бойкотирован и как, будто собирается в город жить, где ему отвели место под усадьбу. Я думаю, что усадьбу впредь ему не давать, если договор заключен на застройку, то его расторгнуть через суд, дочка в школе учится, надо ее вышвыр-

нуть.

Бойкот по всем швам, Федотову, отцу Федотова в коммунальном отделе.

Резолюция: Считаю мысль вполне правильной, срочно провести в жизнь. 28 февраля 1928 г.».

О настроении населения, и как на это реагировала власть свидетельствуют такие документы, как письмо жительницы с. Никитинское П.С. Дурницыной мужу, проходящему службу в 7-й отдельной конвойной роте в г. Семипалатинске (не позднее 18 апреля 1929 г.) [4]

«... Проводим масленицу очень печально, не давали покою, то на собрание, то в сельсовет насчет хлебных излишков, если нет у тебя ни фунта, не верят. Пишут на бойкот. Насчет хлебных заготовок вопрос стоит ребром: несмотря на то, что не уродилось, отдай, что причитается.

В округах считают с десятины 65 пудов в среднем. Вот почему в народе нет веселых дней, как прежде. Забили крестьянину голову, нет и прилежности в работе и не охота даже работать. Не обращают внимания и на красноармейские семьи, берут и с них как с белок, с тебя просят еще 100 пудов, а ты еще не посеял, приедешь домой и будешь помогать государству.

В настоящее время взяли с меня налог и страховку, все повинности отбываю, сдала 20 пудов, требуют еще 100 пудов, а я им так и сказала, что приедет мужик домой, тогда и получите излишки, а сейчас нету. Пока приедешь домой, то не будет уже ни одной лошади, приедешь к разбитому корыту, хорошо, что я живу хоть у отца. А вам чего там не жить, праздники справляете, можно хвалить советскую власть, если бы ты жил дома, тогда иначе бы понял, какой мы переживаем момент. Меня лишили пособия, ты, говорят, живешь у отца богатого, у нас, говорят, такие красноармейки, которые ничего не имеют, даже на квартире стоят».

Ответ председателя Усть-Каменогорского райисполкома военному комиссару 7-й отдельной конвойной роты об имущественном положении семьи красноармейца Дурницына от 2 июня 1929 г. [4: 112]

«1) Тесть Дурницына (отец к-ки Дурницыной) - Зайцев

Степан имеет (имущественное положение): 3 лошади, 3 коровы, 9 голов мелкого скота, 9 ульев пчел, посева в 1928 г. – 10,75 дес., сенокоса 3 дес., а ед. с\х налога платит 82 руб. 95 коп., едоков в хозяйстве 10 человек (хозяйство крепко-средняцкое) и кроме того занимается портняжеством.

2) Имущественное положение отца красноармейца Дурницына В.И. такое: 3 лошади, 4 коровы, 14 голов мелкого скота, 6 ульев пчел, посева 7,25 дес., сенокоса 4 дес., ед. с\х налога платит 57 руб., едоков в хозяйстве 7 (тоже крепко-средняцкое хозяйство).

3) Тестем Дурницына для его жены при выходе замуж была как приданное дана одна корова.

4) Законную скидку по с\х налогу и страхплатежам хозяйство красноармейца Дурницына получило полностью, что же касается того, что Дурницына жалуется на то, что будто бы на нее наложили сдать хлебных излишков 100 пудов, то здесь винить советскую власть не приходится Дурницыной, т.к. граждане пос. Никитинского постановили на своем собрании выполнить план хлебозаготовок причитающийся на их село полностью в порядке самообязательства. Население же отлично знает, кто сколько может сдать хлебных излишков, в том числе и Дурницына.

Такой вопль обиженной Дурницыной происходит не от нее самой, а по наущению кулачества и, возможно, ее отца Зайцева, у которого она живет теперь и вообще родни из богатеньких, такое самообязательство, как сдача хлебных излишков государству, по твердым ценам, кулакам и кандидатам в кулаки не улыбается, они действуют, чтобы сорвать выполнение плана хлебозаготовок, чем и является, хотя бы, письмо красноармейки Дурницыной.

В помощи, как выдаче пособия от государства, красноармейка Дурницына не нуждается, так как действительно живет в крепко-средняцком хозяйстве (можно считать зажиточным) у своего отца».

По данным Малышевой М.П., голод, начавшийся в Поволжье в 1921 году, не завершился в 1922 году. На убыль этот голод пошел только с 1923 года и был побежден, «где-то», спустя год, а «где-то» он продолжался «по 1925 год включительно». С 1930

года наступило время «голодомора». Первые сообщения о нем в Центр стали поступать в апреле 1930 года. По сведениям источников, учтенных в диссертации Малышевой М.П., голод 20-х годов прошлого столетия не обошел стороной и «благополучные» части Казахстана, Сибири, в том числе и Семипалатинскую губернию. А «голодомор» 30-х годов и вовсе раньше всех охватил именно эти территории [5]. В документах архива, составленных в 1929 г., есть самые ранние сигналы о приближающемся «голодоморе».

Заявление комиссии по хлебозаготовкам 8-го района г. Усть-Каменогорска в опертройку «О выдаче семье Ефимовой хлеб из ЦРК в связи с ее бедственным положением» от 26 июля 1929 г. [6]

«На ваш запрос имеет ли право Ефимова получить хлеб из ЦРК комиссия ничего не имеет против, в виду того, что они сеяли одну десятину хлеба, имея 9 едоков, конечно, не хватит такого посева. При том бедное состояние, и комиссии уже заявляли соседи о том, что Ефимовы сидят без хлеба уже давно, что конечно очень печально. А по этому поводу комиссия просит разрешения о выдаче хлеба гр-ке Ефимовой. Муж работает в Риддере и получает там печеный хлеб только для себя. Дочь вышла замуж и сын уехал в Риддер. Значит, выдавать только на 6 человек. Кабанова протестует против выдачи им хлеба, потому что настойчиво говорит, что Ефимов получает в Риддере на всю семью. Но он справку от дворника никакую не брал и книжка ЦРК здесь, а не у него. И получить без книжки он не может, и Кабанова наверное не знает положение Ефимовых, потому так и отказывает, а комиссия их видит и просит за них выдать хлеба или мы их заморим голодом, а это не простят нам».

Препроводительная записка к списку голодающих бедняков и служащих с.Бобровское, отправленная секретарю Усть-Каменогорского райисполкома уполномоченным по хлебозаготовкам от 3 декабря 1929 г. [4: 208]

«Посылаем списки бедняцких и служащих хозяйств с. Бобровского, которые нуждаются в покупке хлеба, положение с ними аховое, каждый день в сельсовете чуть не забастовки, тех у

кого хлеба ни где не могут, много семей сидят по суткам голодающими, и выдавать им нечего, была пшеница из под сортировки выдавали, теперь у комитета и ее нет, не знаем, что с ними делать.

Списки составили по директиве тов.Акимова. Напишите, как с ними быть – кулачье заявляет, что бедноте ни фунта не надо продавать – пусть сдохнут – и никто бедноте и служащим не хочет продавать».

В стране начался очередной голод. В его орбиту попали все районы Семипалатинского округа. Среди причин «оголодивших» население края, в секретных донесениях, кроме неблагоприятных погодных условий, названы также: высокие нормы хлебозаготовок и безответственное отношение к собственным посевам их производителей. При этом, в наиболее сложном положении в 1930 году оказались колхозы.

Из справки Информационного отдела ОГПУ о продовольственных затруднениях в СССР на 5 июня 1930 г. Совершенно секретно [7].

«Казахстан. Семипалатинский округ. Обострение с продовольствием продолжает отмечаться по всем районам округа. На почве голода регистрируются факты заболевания. Употребление в пищу суррогатов и падали приняло широкие размеры. Голодом, главным образом, охвачены: бедняки, батраки и колхозники. Кулачеством используются продзатруднения для провоцирования населения к массовым выступлениям и разгрому амбаров с семфондом.

Усть-Каменогорский район. По 30 сельсоветам испытывают острое продзатруднение по колхозам – 9700 чел., по индивидуальным хозяйствам – 6800 чел.

В пос. Бобровка, в колхозе из 344 хозяйств не имеют совершенно хлеба 100 хозяйств, колхозники настойчиво требуют хлеба, в противном случае угрожают растащить семфонд. В пос. Тарханка, в связи с распределением семфонда, толпа, подстрекаемая кулаками, стала требовать хлеба. Толпой избит колхозник».

Телеграмма сельхозартели им.Сталина Усть-Каменогорского района Генеральному секретарю ЦК ВКП (б) И.В.Сталину о бедственном положении в связи с отсутствием

хлеба. 29 июня 1930 г. [8].

«Сельхозартель им. Сталина Усть-Каменогорского района Семипалатинского округа 89 хозяйств, 415 едоков, посева 801 га, план выполнен 105 %, обобществлено скота 550 голов. Хлеба нет, голодаем, срываются сеноуборочная и хлебная кампании, нашу просьбу о наряде, отпуске займа госфонда 400 пудов хлеба сроком сорок пять дней власти отказывают, несмотря на наличие хлеба. Колхоз обречен на гибель, просим помощи».

Спецсообщение Усть-Каменогорского районного отделения ОГПУ секретарю райкома ВКП (б) о выступлении на собрании Горно-Ульбинской ячейки ВКП (б) председателя колхозсоюза Галкина о предстоящем голоде. 11 ноября 1930 г. Совершенно секретно [9].

«По имеющимся сведениям в РО ОГПУ, что на собрании Горно-Ульбинской ячейки ВКП (б) выступавший в прениях предколхозсоюза Галкин, член ВКП (б) по вопросу райкома о хлебозаготовках, заявил, что сейчас надо составить хлебные балансы, когда приедут уполномоченные, мы им раскроем карты, что мы можем выполнить, если хотят нас оголодить, пусть все заберут. Директива директивой, а самих себя оголодить это не годится, в общем, и целом Галкин бьет тревогу о предстоящем голоде.

После чего все село, услышав выступление Галкина, присоединилось к его мнению, хлеб обмолочен, но сдавать не торопятся.

Сообщается для сведения принятия мер».

«Сплошная» экспроприация зажиточной части крестьянства и тех, кого к ним причисляли, а также «перегибы» в «сплошной» коллективизации вызвали «бурный» протест у «деревни», который проявлялся он по-разному, в том числе:

а) в массовом убое скота

Спецсообщение Усть-Каменогорского районного отделения ОГПУ райкома ВКП (б) о массовом убое скота в с. Северное. 22 сентября 1930 г. Совершенно секретно [9: 62]

«По имеющимся сведениям в пос. Северном производится массовый убой скота на мясо, так, например, гр-не Напросяк и Савиных подлежащее к сдаче по заготовкам мясо закололи и

сьели. Гр-ка Шевелева свою корову увела в соседнюю пасеку и спрятала в избушку, которую обнаружили, но несмотря на это, Шевелева собирается заколоть под мясо».

б) в отказе вступить в колхоз, совхоз

Спецсообщение Усть-Каменогорского районного отделения ОГПУ секретарю райкома ВКп (б) об уполномоченном Лицеванове, не рекомендовавшем вступить в совхоз жителям с.Северное. 12 декабря 1930 г. [9: 50]

«По имеющимся сведениям в с.Северное приезжала экспедиция по организации животноводческого совхоза, население в момент организации изъявляло вступить в данный совхоз, но после отъезда экспедиции, уполномоченный Лицеванов в частной беседе с крестьянством говорил, что на черта нам такие колхозы, нам нужен хлеб, а не колхоз, в результате население с выступления отказалось и только лишь записалось 41 человек».

в) в массовом выходе крестьян из колхозов

Оперативное сообщение в Усть-Каменогорское районное отделение ОГПУ о массовом выходе крестьян из колхозов по Бухтарминскому сельсовету. 10 апреля 1930 г. [8: 21]

«[По] Бухтарминскому сельсовету массовая дача заявлений выходе из колхоза: [в] Бухтарме колхоз «Трудовик» имеется сегодня заявлений семьдесят, Березовке – двадцать три, колхоз «Свобода» развалился [по] причине отсутствия руководства и разъяснения порядка приема и вступления [в] колхоз. Ощущается острая нужда [в] хлебе едовом, например: [в] Бухтарме одиночек нуждается 50 хозяйств, [в] колхозе «Трудовик» на двести девяносто хозяйств запасу едового хлеба только [на] апрель, май. [В] Березовке 37 хозяйств нуждается, [в] Староалександровке нуждающихся 61 хозяйство, все отсевы или съедены, взяты без наряда из гарнцевого сбора из сель- ККОВ сто семь пудов запасу едового хлеба, хватит [по] пятнадцатое апреля, весь поселок кроме кулацких семей [в] колхозе, [в] «Свободе» нуждающихся десять хозяйств. Подобное положение с запасом едового хлеба [в] других сельсоветах и поселках».

г) в форме вооруженной борьбы в ответ на насилие

Из протокола закрытого совещания при Усть-Каменогорском

райкоме ВКП (б) о борьбе с бандитизмом в районе от 1 марта 1930 г. [10]

«СЛУШАЛИ: Доклад тов. Бак о работе по борьбе с бандитизмом в районе. Докладчик знакомит совещание, что подготовка к восстанию рассчитана была на начало весны, во главе восстания стоит организатор Толстоухов, бывший член партии. Проводимые мероприятия в районе: хлебозаготовки, весенняя с.х. кампания, сбор семфонда, мероприятия партии по ликвидации кулака, как класса вынудило кулачество пойти досрочно на восстание.

Дальше докладчик характеризует вождей восстания Толстоухова, Зенковского и других.

Говорит о быстром развертывании оперативной работы, переключения парторганизации на оперативную работу, характеризует ход восстания и участия сил в таковом, в восстании исключительно, приняли участие кулачество; беднота и середнячество в основном шли против восставшего кулачества, активно против кулаков выступали бывшие красные партизаны. В настоящее время в основном ликвидация банд закончена, взято бандитов в плен 564, убито 160, ранено – 70, но это не значит, что в конечном итоге банда разгромлена. Главарь банды, Толстоухов, перебросил свою деятельность на Самарский район, не исключены отдельные террористические акты-диверсии. Нужна упорная работа всех к полной изоляции, вылаживания одиночек бандитов и главного самого главаря-бандита – Толстоухова».

Обязательное постановление Усть-Каменогорского райисполкома о снятии военного положения в г.Усть-Каменогорске в связи с ликвидацией кулацких банд. 8 марта 1930 г. [11]

«В связи с ликвидацией кулацких банд Усть-Каменогорский Районный Исполнительный Комитет Советов ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Объявленное военное положение в городе Усть-Каменогорске обязательным постановлением Райисполкома от 25 февраля пунктам 1, 2, 4 с 8 марта с.г. отменяется.

2. Одновременно с этим Райисполком считает необходимым бдительность самоохраны в городе не ослаблять, т.к. классовый враг существует (кулаки в деревне и нэпманы в городе) и

борьба продолжается, а поэтому п.п. 3 и 5 обязательного постановления от 25 февраля оставить в силе.

3. Всем государственным, кооперативно-общественным учреждениям, предприятиям и организациям вменяется в обязанность не ослаблять бдительность охраны находящихся в их ведении предприятий, магазинов, складов и т.д.

4. Настоящее обязательное постановление входит в силу немедленно по опубликовании. Лица, нарушающие настоящее обязательное постановление, привлекаются к уголовной ответственности».

Одной из форм протеста против коллективизации, голода были массовые откочевки крестьян приграничных районов в Западный Китай. Так в 1929 году по Зайсанскому району откочевало 400 хозяйств, в 1931 году по Тарбагатайскому району откочевало 700 хозяйств (6 аулсоветов). О попытках откочевки казахского населения в Китай говорят такие документы.

Из записи разговора по прямому проводу секретаря Зайсанского укома с членом Семипалатинского губкома от 22 марта 1928 г. [12]

«В приграничных районах Кузеунь, Хабарасу Тарбагатайской, Майкапчагай Сталинской, Алкабек Дарственной волостей байством возбуждено казнаселение за переход в Китай. Человек несколько баев ушли в Китай. Пытавшиеся бежать задержаны, арестовано 27 человек погранохраной. Имущество пытавшихся бежать описано, подлежит конфискации. Развита сильно байская агитация за переход в Китай».

Из протокола заседания президиума Зайсанского райисполкома от 15 марта 1930 г. [13]

«Политическое положение в районе считать неблагополучным: проведение коллективизации и ряда заготовительных кампаний вследствие кулацко-байской антисоветской агитации очень слабо и медленно. Отмечен ряд случаев развала колхозов, уход населения – колхозников и целиком колхозов за границу».

С осени 1931 года «из Казахстана началось массовое бегство населения от голода». В статье М. Ескендиоров «Насильственная коллективизация в Восточном Казахстане и ее социаль-

но-демографические последствия» отмечено: а) казахстанские историки считают, что в годы голода из пределов республики выбыли «1030 тыс. человек, из которых 414 тыс. вернулись впоследствии в Казахстан»; б) чтобы спастись от голодной смерти они «перебрались на работу в города и промышленные районы», в том числе и на стройки края – «на строительство Иртышского медеплавильного и свинцового заводов, а так же Семипалатинских мясокомбината и кожевенного заводов. Спастись удалось таким путем немногим»; в) «от голода и связанных с ним эпидемий казахский народ потерял 2 млн.200 тыс. человек, т.е. 49 % всего своего состава...» [14: 63]. Угроза полного вымирания коренного населения Казахстана стала в пик голода грозной реальность.

Сообщение секретаря парткома в райком ВКП (б) о большом притоке безработных в п.Глубокое. 9 апреля 1932 г. [15]

«Считаю своим долгом поставить Вас в известность по некоторым моментам, характеризующим настроение общественности.

Глубокое наводняется безработными – на сегодня зарегистрировано 1300 безработных.

Наплыв кулаков из других районов, которые обступают работающих на предприятии (родственники, а так же и русские из других районов), заполняют ночлежные места, учреждения (совет) и без разрешения занимают частные квартиры и дело не обходится без вмешательства милиции, перегружают столовую, мешая работать. Есть случай смертности от голода (установлено), откапывают из свалочных мест отбросы для питания. Классовый враг использует наши трудности. И уже есть попытки требовать хлеба (группа женщин), отвод коров из МТ колхозной фермы единоличников, получивших за этот скот деньги, как за сданный в заготовку.

Принимаем меры через развертывание массовой работы.

Обсудите, может быть, возможно, использование рабочей силы где-либо на предприятиях. И главное, прекращение притока хотя бы через печать и специальные отношения через райком и РИК».

По данным М.П. Малышевой, «свыше 60-ти районов Зап-

Сибкрая оказались местами, куда пришли...казахи», принужденные «казахстанским голодомором уйти из родных мест». Рассекреченные источники, по словам М.П.Малышевой, говорят о том, что «казахов Северного и Восточного Казахстана с начала 30-х годов гнал в Сибирь голод. Не добровольцы, а вынужденные наниматься по контракту ехали работать в Кузбасс, на новостройки в Новосибирск, в Барнаул и другие места, где возводились промышленные гиганты». Трудоустроенных в Сибири, «в городе и сельской местности», «казахов-беженцев от голода», по источникам М.П. Малышевой, к 1932 году «достигло 150 тысяч человек» [5: 33-37]

Документы архива свидетельствуют о трагедии народа, о гибели миллионов в годы Великого голода 30-х годов.

Из спецсообщения Усть-Каменогорского районного отделения ОГПУ секретарю райкома ВКП (б) о голоде в селах района. 23 марта 1932 г. [15: 25]

«5. с. Заульбинское. Женщины – колхозницы Фирсова, Ламакина и другие собрали до 200 женщин колхозниц на нелегальное собрание с обсуждением вопроса о выдаче им коров с требованием на расправу председателя с\совета.

Устанавливаем инициаторов этого дела.

6. с. Глубокое. Макаров Михаил, работающий коновозчиком на предприятии Лена-Банк, следуя с грузом, его пара лошадей от истощения в дороге сдохла, после чего он, оставшись безработным при наличии 10 человек семьи, и не имея хлеба, жена от голода лежит в постели, а ребятишки опухают от голода.

7. с. Белоусовка. Член колхоза «Красный Октябрь» Брезинский, проживая в землянке без хлеба, 14 февраля вышел на улицу, в помешательстве кричал «дайте хлеба, помираю с голоду» ... Брезинский тут же был подобран и в елях успокоения ему дали хлеба, наевшись, он помер.

8. с. Глубокое. Посудница столовой Лена-Банк понесла в помойную яму кости и отходы от обедов, которая была встречена 10-ю казаками, которые отобрав у нее отходы и тут же на глазах стали есть.

9. пос. Шарапиха. Группа женщин в количестве 15 человек

самовольно забрали с МТФ коров, мотивируя тем, что мы и дети сидим голодные.

Правление колхоза бессильно отобрать этих коров. Требуется административное вмешательство.

10. Гр. Калыбаев Мукаш, казак, работал на предприятии Лена-Банк, будучи сокращенным, находится сейчас в бедственном положении, семья в количестве 8 человек, не имея хлеба, опухает и лежит в постели».

Из спецсообщения Усть-Каменогорского районного отделения ОГПУ секретарю райкома ВКП (б) и райисполкому о голоде, самовольном взятии коров, уходе колхозников на заработки в Риддер, Зыряновск. 23 марта 1932 г. Строго секретно [15: 42]

«Аблакетский с\совет. В колхозе «Прииртышский коммунар» к весенней посевкампании не имеется ни одного килограмма семфонда, а так же и едового хлеба, колхозники, закрепленные на зимние работы в колхозе, бросают работу и уходят без документов на работу в город. Скот колхоза остается без присмотра, ухаживают за скотом исключительно одни женщины, не обеспечивающие уход за скотом.

У колхозника Лябина Ивана Ивановича семья в 10 человек слегла в постель от голода, т.к. нет хлеба и жмыха. Сейчас Лябину для поддержки здоровья колхоз выдал 44 килограмма хлеба.

Все колхозники снабжаются исключительно жмыхом и не в недостаточной мере, в последнее время выдан жмых по 20 килограмм и больше не выдавали.

с. Бобровка колхоз «Гигант». План посева на 1932 год преподан 6482 га, но семенами не обеспечен, едового хлеба нет совершенно. И с 16 января 1932 г. хлеба не получают. До 23 января 1932 г. выдали картофель по 5 килограмм на семью, теперь картофель кончили и выдают на пропитание жмых и отруби, в силу чего от недоедания семья Мазницина Федора уже опухает.

В с. Ульбинском в колхозе «Красная волна» 36 колхозников уехали с семьями на Турксиб ж\д и в Риддер, так как там тяжелое положение с продовольствием, многие колхозники питаются жмыхом, есть случаи опухания колхозников от недоедания.

В колхозе имени Буденного колхозники голодают, получи-

ли всего едового хлеба по 400 гр. на трудодень. Был случай, когда разделили на еду павшую лошадь проходящего обоза, благодаря чему 13 колхозников с семьями сбежали в Зыряновск и 7 человек в Риддер.

Из коммуны «Красная заря» уехало 27 семейств, часть в г.Усть-Каменогорск, часть в Риддер и на Турксиб ж\д.

с. Красный Яр. Гражданка Киреева Марина беднячка единоличница, муж ее куда-то уехал. Она занимается ворожбой. 31 января 1932 г. говорила: «Колхозникам сейчас жить очень плохо. Хуже чем единоличникам, колхозники разбегаются, кто куда сумеет, а то боятся, чтобы с голоду не умереть».

с. Белоусовка. Свиридова Наталья Егоровна, колхозница. 4 февраля 1932 г. у себя в квартире говорила: «Коров всех собрали на молочную ферму, теперь не дают ни молока, ни хлеба, хотя колхозники уже хлеба не просят, лишь бы давали жмых, а то жмых и то не дают. Доходит до того, что люди пухнут с голоду. Одна вдова болеет от голода. Пропала одна свинья в колхозе, трое суток лежала в бане и неделю в амбаре, потом ее разделали на еду».

«Гражданская война, голод 20-х годов XX века, вызванный действиями новой власти, унес жизни около 1 млн. 700 тысяч казахов. В голодоморе 30-х годов XX века погибло 2 млн.300 тысяч казахов и 200 тысяч представителей других национальностей» - М. Тәтімов [16].

«Документы (а это небольшая часть документов бывшего архивного фонда КПСС, находящиеся на хранении в государственном архиве Восточно-Казахстанской области), являются свидетелями великой трагедии, трагедии крестьянства, они содержат сведения о трагических событиях 20-30-х годов XX в. и представляют уникальную возможность посмотреть на народное бедствие не через обобщенную статистику, а конкретно, в деталях. Но необходимо помнить, что читать рассекреченные и обнародованные источники следует с пониманием: прошлое осуждает себя само, своими словами, делами. Все последующие поколения призваны прошлое изучать, извлекать из него уроки (какими горькими они бы не были)» - Р.С. Федорова [17]

ЛИТЕРАТУРА:

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Ф.588, Оп.11, Д.38.
2. Госархив Восточно-Казахстанской области (ГАВКО), Ф.1, ОП.1, Д.14.
3. ГАВКО, Ф.1, ОП.1, Д.13.
4. ГАВКО, Ф.1, ОП.1, Д.6.
5. Малышева М.П. Казахи в Сибири в период демографических кризисов (1919-1934 г.г.). Диссертация д.и.н. – Новосибирск, 2001
6. ГАВКО, Ф.1, ОП.1, Д.13. и об.
7. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), Ф.7486, ОП.37, Д.132.
8. ГАВКО, Ф.6-П, ОП.1, Д.69.
9. ГАВКО, Ф.6-П, ОП.1, Д.71.
10. ГАВКО, Ф.6-П, ОП.1, Д.67.
11. ГАВКО, Ф.1, ОП.1, Д.21.
12. ГАВКО, Ф.388, ОП.1, Д.188.
13. ГАВКО, Ф.788, ОП.1, Д.41.
14. Ескенди́ров М. Насильственная коллективизация в Восточном Казахстане и ее социально-демографические последствия. Серия гуманитарных наук – Алматы, 2001, № 1.
15. ГАВКО, Ф.6-П, ОП.1, Д.177.
16. Тәтімов М. Қазақ әлемі. Алматы. 1993.
17. Коллективизация сельского хозяйства в Кировском (Усть-Каменогорском) районе 1928-1936 г.г., Сборник документов - Усть-Каменогорск, 2005. - 288 с.

Рифель Л.П.

*КГУ «Государственный архив» Управления культуры, архивов и документации Восточно-Казахстанской области,
г. Усть-Каменогорск, arhiv@ukg.kz.*

СКОРБЬ И ГОРЕЧЬ ЦЕЛОГО НАРОДА...

*(депортация населения с Северного Кавказа
по материалам ГАВКО)*

1941-1945 годы Восточно-Казахстанская область стала пристанищем для репрессированных народов: немцев, чеченцев, греков и других. В 1944 году в нашу область прибыло около 30 тысяч спецпереселенцев с Северного Кавказа. В архиве Восточно-Казахстанской области хранится дело «Повагонные списки чеченцев» [1].

В это суровое время наша область была переполнена эвакуированными и приему такого количества спецпереселенцев, конечно, не была готова. Выселение чеченцев было проведено в течение 24 часов. Депортация и отправка эшелонов в пункты назначения началась 23 февраля 1944 года в 02:00 по местному времени и завершилась 9 марта 1944 года. У людей не было возможности собраться в такую дальнюю дорогу. Они, привыкшие к теплему климату, приехали в Казахстан, не имея ни теплой одежды, ни обуви, ни запасов продуктов. Многие из них погибли из-за тяжелых условий.

Власти далеко не везде смогли обеспечить вновь прибывших продовольствием, работой и кровом. Сложно сказать, чего здесь было больше - жестокости по отношению к «предателям», или обычной неразберихи, неизбежной при скоропалительном и массовом переселении.

Что об этом говорят архивные документы?

Из докладной записки начальника управления НКВД ВКО председателю исполкома Восточно-Казахстанского областного

Совета депутатов трудящихся, 17 апреля 1944 г.

«В Шемонаихинском районе вопрос с освоением вселенных спецпереселенцев-чеченцев обстоит до сих пор неудовлетворительно. Причиной к этому служит с одной стороны недостаточное внимание работе со спецпереселенцами со стороны руководящего состава района, с другой нарушение отдельными работниками указаний руководящих органов, что в свою очередь вызывает нежелательные последствия.

Все работники сельпо района не выполнили указания райисполкома о порядке выдачи продуктов питания спецпереселенцам. Вместо выдачи одновременно на 5 дней, выдали на 25 дней. Спецпереселенцы полученные продукты быстро израсходовали, оставшись совершенно без продуктов. На почве этого, как заявил председатель колхоза «Верный путь», в руководимом им колхозе 5 семей (из имеющихся 21 семейства) лежат и на почве истощения не могут двигаться. Остальные начинают пухнуть. Колхоз помочь, чем либо не может.

От группы спецпереселенцев в числе 8 человек из колхоза им. Буденного в райспецкомендатуру поступило коллективное заявление, в котором спецпереселенцы пишут: «Ставим Вас в известность, что мы находимся в крайне тяжелом положении. Нам выдали по 100 гр. муки, по 50 гр. крупы. Это давно кончилось и мы уже не можем ходить и прийти к Вам. Вы к нам не приедете, мы не знаем, что с нами будет» [2: 4].

Из протокола заседания исполнительного комитета Урджарского районного Совета депутатов трудящихся «О переселении спецпереселенцев (чеченцев)», апрель 1945 г.

«1. Переселить спецпереселенцев чеченцев из с. Урджар в колхозы им. Калинина – 7 семей, им. Сталина (Покровка) – 12 семей, Красный дозор – 7 семей.

3. Обязать председателей колхозов им. Калинина, им. Сталина и «Красный дозор» обеспечить расселение семей соответствующими жилыми помещениями, топливом, приусадебными участками земли и по прибытии на места произвести санитарную обработку» [3: 80].

Из акта обследования условий спецпереселенцев-чеченцев,

проживающих в поселке Аблакетка, 5 мая 1945 года

«Большинство спецпереселенцев болны чесоткой, дистрофией. Особенно в тяжелой степени болели дети, которым совершенно не оказывалась медицинская помощь, не принимаются меры к улучшению питания, за исключением выдачи в сутки 300 граммов хлеба, который выдается с большими перерывами.

Кудалиев Салман, 6-летнего возраста, отец якобы в Красной Армии, в течение 2 месяцев болел чесоткой, осложненной сплошными гноиниками кожи.

Абдурзаков Хозан, 10-летнего возраста, одинокий, с тяжелой формой дистрофии 3 степени, не может передвигаться. В течение нескольких дней не получает продуктов питания, даже хлеба...

В 1944 году на Аблакетке умерло от дистрофии 233 чеченца, от сыпного тифа 11, от других заболеваний 98» [2].

Только по Лениногорску больных сыпняком 14, дистрофией 64, с марта по июнь 1944 года умерло 307 человек. [2: 180]

Из письма заместителя секретаря ВК обкома КП (б) Казахстана в ЦК КП Казахстана

«На 01.12.1944 г. в Зыряновском рудоуправлении находилось 2122 чеченца (544 семьи), из них трудоустроенных 659 человек. Из трудоустроенных не работает 441 человек из-за отсутствия теплой одежды и обуви. Неработающие чеченцы живут в исключительно тяжелых условиях: они не имеют возможности даже выкупить хлеб по карточкам...

На 01.01.1945 г. умерло 332 чеченца, из них 190 детей. В Зыряновске построены 33 двухквартирные землянки, в которых разместили 208 семей (538 человек). Сильная теснота, сырость, грязь. Из полученного чеченцами продуктивного скота: рогатого скота было 72 головы, осталось 4, овец получили 2 423, осталось 100. Большинство скота чеченцы вынуждены были менять на картофель, просо, заготавливая продукты на зиму, а меньшая часть была уничтожена на мясо, т.к. не было сена на зиму...» [4].

Из докладной записки секретаря ВК обкома КП (б) Казахстана И. Омарова «О трудовом и хозяйственном устройстве спецпереселенцев (чеченцев) с Северного Кавказа» секретарю ЦК КП

(б) Казахстана Шаяхметову:

«... в период с 27 июня по 10 июля 1946 г. во всех районах области было проверено хозяйственное и трудовое устройство спецпереселенцев – чеченцев, где оказалось следующее:

В области расселено 6068 семей – 23 384 человека

В т.ч.: в колхозах 1290 семей – 4 790 человек

В совхозах 251 семей – 940 человек

В промпредприятиях, стройках учреждений 4 527 семей – 17 654 человека.

Из общего числа 8 771 трудоспособных работают 8 192 человека, из них:

В колхозах 1172 человека

В совхозах 477 -//-

В промпредприятиях, стройках и учреждениях 6 086 человек.

Из числа трудоспособных не работает 579 человек, в основном многодетные матери, часть мужчин и женщин по временной нетрудоспособности и некоторые из-за отсутствия одежды и обуви...

Для устранения недостатков, связанных с улучшением бытового устройства спецпереселенцев-чеченцев, выявленных проверкой, независимых от местных условий, обком КП (б) К просит следующее:

1. В целях завершения индивидуального жилищного строительства домов для спецпереселенцев с Северного Кавказа необходимы фондовые строительные материалы на постройку 350 домов.

2. Для обеспечения 183 семей (945 человек), не имеющих трудоспособных членов, необходима им материальная помощь.

3. Ввиду исключительных затруднений необходимо отпустить для 800 человек некоторое количество одежды, обуви и постельных принадлежностей.

4. Учитывая отсутствие в области домов инвалидов и для престарелых необходимо имеющихся 98 человек престарелых и инвалидов определить в инвалидные дома других областей.

5. Для более полного охвата детей школьного возраста не-

обходимо отпустить одежды и обуви на 5 392 человека, из-за которой большинство из них не посещали школы в 1945-1946 учебном году» [5: 3-6].

Бюро ВК обкома КП (б) К ни раз отмечало, что в результате создания спецпереселенцам нормальных жилищно-бытовых условий на отдельных предприятиях как Белоусовском, Березовском рудоуправления «Убаредмет», колхозе «Вторая пятилетка» Лениногорского района улучшилось их отношение к труду, многие из них выполняют и перевыполняют нормы выработки.

Однако, наряду с этим положение с хозяйственным, материально-бытовым устройством спецпереселенцев-чеченцев в некоторых промышленных предприятиях и колхозах по-прежнему оставалось неудовлетворительным.

Из постановления бюро ВК Обкома КП (б) К:

«До сих пор многие спецпереселенцы проживают в домах и полуземлянках при недоступной скученности, в силу чего в помещениях грязь, сырость. Это имеет место в ряде бараков треста Алтайстроя, где на 1-го человека приходится 0,8-0,9 кв.м. жилой площади.

Особенно бездушно бюрократически относится к хозяйственно-бытовому устройству спецпереселенцев руководство ИртышГЭС. Вследствие чего, большинство спецпереселенцев чеченцев расселенных на территории ИртышГЭС находятся в крайне тяжелых условиях. Большое количество (до 200 человек) могущих работать, не трудоустроены, многие из числа работающих под всякими предлогами (болезнь, не хотят работать) – уволены с работы, тем самым лишены возможностей к существованию, в результате этого допущено массовое заболевание дистрофией, чесоткой, что привело к большой смертности. До сих пор отношение стороны руководства ИртышГЭС к созданию нормальных жилищно-бытовых условий к спецпереселенцам не изменилось и пренебрежительное отношение к ним не изжито, а, наоборот, руководство строительства ИртышГЭС всячески пытается «избавиться» от них» [6: 15].

Отмеченные выше факты говорят о том, что горрайисполкомы, горкомы, райкомы, отделы по хозяйству трудоустрой-

ством спецпереселенцев не занимались.

В связи с чем бюро обкома КП (б) К приняло постановление:

«1. Потребовать от директора треста Алтайстрой, Лениногорского полиметаллического комбината и председателя Усть-Каменогорского горсовета устранить отмеченные недостатки. Предупредить их, что, если они не исправят положение с хозяйственным устройством спецпереселенцев, то обком примет в отношении их строгие меры воздействия.

3. В связи с допущением большой смертности и заболевания дистрофией спецпереселенцев, расселенных в ИртышГЭС-строе, поручить облпрокурору срочно расследовать и виновных в этом привлечь к уголовной ответственности.

4. Обязать облпрокуратуру провести решительную борьбу с разбазариванием выделяемых государством фондов продовольствия для спецпереселенцев, а также с издевательским отношением к спецпереселенцам со стороны некоторых руководителей предприятий и отдельных лиц» [6: 16-17].

Из протокола заседания исполнительного комитета Урджарского районного Совета депутатов трудящихся «О состоянии хозустройства спецпереселенцев Северного Кавказа по колхозу Инталы-Кедей» 20 марта 1946 г.

«Исполком Урджарского районного Совета депутатов трудящихся отмечает, что состояние хозустройства спецпереселенцев Северного Кавказа, расселенных на хозустройство в колхозе Инталы-Кедей, является крайне не удовлетворительным. Так из 14 семей, переселенных в колхоз, 8 семей спецпереселенцев на день обследования обнаружены тяжелые материально-бытовые условия. Вследствие этого в колхозе имеются больные и истощенные на почве материальной необеспеченности. Со стороны правления колхоза, а так же инспектора по спецпереселенцам материальной и продовольственной помощи остро нуждающимся спецпереселенцам оказано неудовлетворительно.

Более того в 1946 году колхоз получил от сельхозбанка государственную ссуду на строительство спецпереселенцам в сумме 30 тысяч рублей, из которых 13 тысяч рублей израсходовано

на приобретение 6 домов, а остальные 17 тысяч рублей использованы не по назначению. Благодаря такому безответственному отношению со стороны правления колхоза некоторые семьи на день обследования были обнаружены вполне пригодных для жилья квартирах.

Все это произошло в определенной мере вследствие того, что отдел сельхозбанка не вел контроля, проверки использования ссуды по назначению, несмотря на наличие ссуды, нет письменных указаний. Исполком райсовета решил:

1. За допущенное беззаботное отношение к спецпереселенцам, не создание им необходимых материально-бытовых условий и использование ссуды не по назначению председателю колхоза Инталы-Кедей объявить строгий выговор с предупреждением, за отсутствие контроля к материально-бытовым условиям спецпереселенцев инспектору исполкома райсовета поставить на вид.

2. Обязать правление колхоза Инталы-Кедей немедленно возвратить все ранее проданные в счет ссуды с/п дома и в дальнейшем не допускать выселение последних из проданных им домов.

4. Обязать райздравотдел до 25 марта 1946 г. произвести госпитализацию больных и истощенным оказать необходимую помощь.

7. Предупредить всех в правлении колхозов, что они будут нести строгую ответственность в случае не создания необходимых условий и оказания помощи спецпереселенцам Северного Кавказа» [7: 44].

Из протокола заседания исполнительного комитета Аягузского районного Совета депутатов трудящихся «Об утверждении плана строительства и покупки жилдомов для спецпереселенцев Северного Кавказа» 14 апреля 1947 г.

«Исполком Аягузского райсовета депутатов трудящихся отмечает, что план обеспечения жилой площади спецпереселенцев Северного Кавказа в 1946 году районом не выполнено, имеется 14 семей спецпереселенцев не обеспеченных жилой площадью.

Исполком решил: 1. Утвердить план строительства жилой площади для спецпереселенцев Северного Кавказа на 1947 год.

- а) строительство новых домов – 7
 - б) покупка – 7
 - в) ремонт домов – 50
 - г) начать строительство и ремонт с 1 мая 1947 года
- На общую сумму кредитования 70 тысяч рублей.

3. До начала строительного сезона организовать строительные бригады из самих спецпереселенцев под руководством бригадиров из числа более опытных местных колхозников, закрепив за ними строительство до выполнения плана.

5. Поручить начальнику РОВД тов. Софтенко оказать содействие райуполномоченному разыскать выбывших из района заемщиков ссуд. В дальнейшем все случаи разрешения выезда спецпереселенцев в другие районы за пределы области и республики давать только при наличии справки от сельхозбанка, что за ними не числятся задолженности по ссуде» [8: 80].

Много семей с Кавказа было расселено в Лениногорске (на сентябрь 1944 года размещено 2481 семья, 10937 человек) [2: 70]. И многие из них были разбиты: дети оказались в Лениногорске, а родители в других местах. По состоянию на 20 июля 1946 года по Лениногорскому району детей спецпереселенцев, подлежащих обучению в школах, было 2015 человек, из которых в 1945 году обучалось только 53 человека, остальные дети учебой не были охвачены из-за отсутствия одежды, обуви [9: 11]. Для оказания помощи детям-сиротам было собрано 41 913 рублей на приобретение одежды и обуви, ежедневно выдавалось до 2000 завтраков в школах, был открыт детский дом комбината, дети-чеченцы учились в школах № 7, 9, 13, в микрорайонах, где были расселены их семьи, детей-сирот определяли в детские дома. Всего по области на июль 1946 года учтено беспризорных детей чеченцев 90 человек [9: 14].

Из протокола заседания исполнительного комитета Аягузского районного Совета депутатов трудящихся «Об устройстве беспризорных и безнадзорных детей спецпереселенцев чеченцев с колхоза им. Сталина», 9 ноября 1944 г.

«1. Обязать директора детдома тов. Жуасова устроить в Средгиопольский детдом ниже следующих беспризорных и без-

надзорных детей.

- а) Улбаева И.С. – 12 лет из совхоза Каракол
- б) Улбаева Айла – 10 лет из совхоза Каракол
- в) Улбаева А. – 7 лет из совхоза Каракол
- Магомедов М. – 11 лет из совхоза Каракол
- Орухаева Джунид – 4 лет из совхоза Каракол
- Сагитов Магамет – 13 лет из совхоза им.Сталина
- Сагитов Ашад – 6 лет из совхоза им.Сталина
- Жабаев Зайна
- Жабаев Ваха

2. Контроль за выполнением данного решения возложить на зав.райно тов. Мусина» [9: 28].

На начало 1946/1947 учебного года по области числилось детей до 16 лет 10 897 человек, из них школьного возраста 5035 человек, охвачено школами – 1538 человек, детей дошкольного возраста 5862 человека, охвачено детсадами и детяслями 47 человек [10: 129].

На начало 1953 года на учёте спецкомендатур состояло 316 717 чеченцев и 83 518 ингушей. Распределение их по регионам СССР на этот момент выглядело следующим образом:

Регион	чеченцы	ингуши	всего
Казахская ССР	244 674	80 844	325 518
Карагандинская область	38 699	5226	43 925
Акмолинская область	16 511	21 550	38 061
Кустанайская область	15 273	17 048	32 321
Павлодарская область	11 631	12 281	23 912
Восточно-Казахстанская область	23 060	3	23 063
Алма-Атинская область	21 138	1822	22 960
Талды-Курганская область	21 043	465	21 508
Джамбулская область	20 035	847	20 882
Кокчетавская область	5779	14 902	20 681
Семипалатинская область	19495	58	19 553
Северо-Казахстанская область	12 030	5221	17 251
Южно-Казахстанская область	14 782	1187	15 969

Кзыл-Ординская область	13 557	74	13 631
Актюбинская область	10 394	—	10 394
Гурьевская область	1244	159	1403
Западно-Казахстанская область	3	1	4
Киргизская ССР	71 238	2334	73 572
Фрунзенская область	31 713	1974	33 687
Ошская область	21 919	294	22 213
Джалал-Абадская область	13 730	39	13 769
Таласская область	3874	13	3887
Тянь-Шаньская область	1	1	2
Узбекская ССР и Таджикская ССР	249	182	431
РСФСР	535	142	677
ИТЛ и спецстройки МВД СССР	19	15	34

[11: 210-224]

9 января 1957 года Президиумы Верховных Советов СССР и РСФСР издали совместный Указ об отмене высылки вайнахов и восстановлении Чечено-Ингушской автономной республики.

Но выезд чеченцам на Родину разрешили не сразу. Был разработан плановый порядок выезда с 1957 по 1960 год.

Инвалид Великой Отечественной войны Мусаев вспоминает: «Правительственное решение о выселении я встретил в госпитале, где находился после тяжелого ранения. Мою мать с детьми выселили. Такое решение партии и правительства, конечно, ошибочно. Главными виновниками этих несчастий является Сталин и Берия. Теперь эта ошибка исправлена, но выезд на Кавказ нам так и не разрешают. Значит, нас все-таки считают виновными в том, что мы не виновны».

Эта небольшая подборка архивных документов свидетельствует о трагедии целого народа.

ЛИТЕРАТУРА:

1. ГАВКО, Ф.462, Оп.4, Д.39
2. ГАВКО, Ф.1-П, Оп.1, Д.2750.

3. Госархив Урджарского района, Ф.80, Оп.1, Д.210.
4. ГАВКО, Ф.1-п, Оп.1, Д.3888
5. ГАВКО, Ф.1-п, Оп.1, Д.3887.
6. ГАВКО, Ф.1-п, Оп.1, Д.3315
7. Госархив Урджарского района, Ф.80, Оп.1, Д.218.
8. Госархив Аягозского района, Ф.22, Оп.2, Д.13
9. ГАВКО, Ф.1-п, Оп.1, Д.3979.
10. Госархив Аягозского района, Ф.22, Оп.2, Д.8
11. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930-1960 гг. М.: Наука, 2005, с. 210-224

УДК 32.019.5(574)

Рысбекова С.Т.

*КазНУ им. аль-Фараби, г. Алматы,
saltanat.rysbekova@mail.ru*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАЗАХСТАНА В УСЛОВИЯХ КОМАНДНО- АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ (20-30 годы XX в.)

С конца 1920-х гг. вся громоздкая, разветвленная сеть советских, партийных, профсоюзных, комсомольских организаций, всевозможных добровольных массовых обществ, союзов, объединений, охватывая практически все население страны и республики в т.ч., начала приводиться в более «регулярный» вид. Во всех гражданских структурах обеспечивалась строгая вертикаль, каждая из них находилась под непрерывным и бдительным контролем партийных органов. Они назначали затем выбиравшихся руководителей общественных организаций всех уровней, сроки проведения съездов, конференций, пленумов этих организаций и их органов, обеспечивали идейно-политическую сторону подготовки кадров для них, подвергали цензуре всю печатную продукцию, репертуар и состав творческих коллективов - и самодельных, и тем более профессиональных и т.д. Каждая общественная

организация выполняла отведенную ей миссию посредника между властью и массами, обеспечивала консолидацию последних на выполнение доктринальных установок ВКП(б), мобилизовала на борьбу с «врагами», все больше насаждала атмосферу всеобщей подозрительности и страха, синдром осажденной крепости (он подпитывался и реальными внешнеполитическими угрозами). В то же время именно эти организации формировали у рядовых граждан убежденность в превосходстве советского строя, невиданных ранее возможностях самореализации, даже если она происходила под контролем и в рамках, установленных властью.

Как считал Ф.И. Голощекин, к 1930 году «классовые бои по организации бедноты в деревне и Кошчи в ауле» были выиграны. Признавая при этом серьезные проблемы в кадровом обеспечении социально-экономических и политических программ власти («психология самотека», «ссылки на «дождь», на «мороз», на «несвоевременную уборку», отсутствие денег и т.д., и т.д.» определялись как оппортунизм), он предлагал «оперировать» уже не сотнями, а тысячами, что означало жесткую привязку общественных организаций к выполнению задач «большого скачка» [1: 22, 25, 26]. Бюро Крайкома партии 3 мая 1931 г. «в связи с недопустимо слабым развертыванием скотозаготовок вследствие демобилизационного настроения» на местах в 27 отстающих районов решило направить специальные бригады для усиления работы. Партийные фракции Животноводческого союза и краевого союза сельхозкооперации в суточный срок должны были дать всем районным органам телеграфные распоряжения о сдаче к 15 мая всего наличного заготовленного скота, учесть весь переданный колхозам и совхозам с 1 октября 1930 г. скот, засчитав его в счет плана. Т.н. передержка скота в крестьянских дворах и колхозах из-за фактической нехватки помещений и кормов каралась «суровой партийной и судебной» ответственностью. При этом план сенозаготовок был выполнен практически наполовину [2].

Неизбежные в индустриальной гонке срывы, поломка техники, остановки конвейеров и т.п. списывались на происки классовых врагов, а рабочий человек подвергался мощной социально-психологической и идеологической обработке. Бесчисленные

призывы к бдительности, ответственности и дисциплине сопровождались нагнетанием взаимной подозрительности, ударными кампаниями и контрольными акциями, чистками и мобилизациями. Так, в начале марта 1929 г. было опубликовано обращение ВЦСПС ко всем рабочим «Решительная борьба дезорганизаторам производства!» В нем особый акцент делался на борьбе с возможными срывами производственных планов посредством ужесточения дисциплины, морального осуждения любых ее нарушений, поощрения точного выполнения всех распоряжений администрации, неприятия «рвачества», паники и опасаящихся «трудностей, связанных с периодом социалистической переделки нашего хозяйства» [3].

Для кочевых казахов наладить работу советов было также затруднительно. Кампания «советизации казахского аула» 1925-1928 гг. по существу провалилась, поскольку советы воспринимались и функционировали в традиционной политико-правовой и религиозной культуре, под руководством прежних клановых и родовых лидеров. К тому же, кочевой образ жизни делал русские образцы народной демократии неприемлемыми в организационном смысле. Например, в Семипалатинском округе в 1931 г. на 10 тыс. оседлых приходилось более 100 тыс. кочевых и полукочевых казахов, кочевые сельсоветы состояли из председателя и секретаря, но аулы по 6-10 юрт находились далеко друг от друга. Дополняли проблемы советизации и сложные межродовые отношения [4]. Катастрофа, вызванная насильственным оседанием и коллективизацией, превратила советы, как и общественные организации, в фиктивные структуры, бессильные защитить интересы народа.

В Тельмановском районе Карагандинской области Казахской АССР имелись 4 сельсовета с немецким населением, 96,7% хозяйств вошли в колхозы, работали 2 МТС (93 трактора) и 23 колхоза, а также совхоз НКВД. Образовательную сеть составляли 14 русских, 6 казахских и 6 немецких школ. Из 72 учителей 44 имели низшее образование (2-3 класса начальной школы) на немецком и казахском языках. Немцы и казахи, учившиеся в русских школах, заметно отставали в знании русского языка. Из 1101 неграмотных

обучалось 905, из 739 малограмотных - 408. Поскольку большинство немецкого населения было «грамотно только на готическом шрифте», а обучение велось на основе латиницы, это порождало большие трудности. Питание и заработную плату учителям более или менее сносно обеспечивали колхозы, с квартирами было гораздо хуже, но сельсоветы этими вопросами не занимались.

В Ново-Долинском сельсовете лишь 3 из 353 хозяйств лишенцев оставались вне колхоза, в котором объединились 3 казахских и 1 русское хозяйство, остальные — немецкие. Сельсовет работал в одном помещении с правлением колхоза, и посетителей оказывалось гораздо больше у колхозного руководства, чем у советского. Между тем в 9 секций при сельсовете записались 38 мужчин и 30 женщин, но работала только финансовая. Депутатские группы в колхозных бригадах занимались посевной кампанией [5].

29 августа 1929 г. Президиум КазЦИК распорядился о проведении местного районирования в республике, что подразумевало создание более управляемой и прозрачной сети местных советов. Если в середине 1920-х гг. происходило укрупнение местных советов, то с 1925 до 1929 гг. - новое разукрупнение, что увеличило их число и привело не к улучшению оперативного руководства, как предполагалось, а к росту хаотизации, умножению низовой бюрократии. К тому же создание округов и районов дополнило трудности управления. Если в 1925/26 гг. был 3641 аульный и сельский совет, то в 1928/29 г. - 3983. На основе постановления ЦИК СССР от 30 января 1930 г. все недееспособные советы, т.е. не сумевшие обеспечить «классовую» линию, должны были переизбираться. Так, по 8 округам Казахстана (Уральский, Кустанайский, Сырдарьинский, Гурьевский, Петропавловский, Алма-Атинский, Семипалатинский, Павлодарский) были переизбраны 21 райисполком и 1 горсовет, а также 658 местных советов. В начале 1930 г. на укрепление советов в республику по направлению ЦИК СССР прибыли 300 чел. — главным образом рабочие их промышленных центров страны, демобилизованные политработники из армии [6].

Однако этим дело не ограничилось. 15 июля 1930 г. ЦК

ВКП(б), а 29 июля Президиум ЦИК СССР приняли решение о ликвидации округов, что в условиях коллективизации, острейшего социального кризиса и начавшихся репрессий умножало неразбериху на местах, дискредитировало власть, сеяло пессимизм среди самих чиновников. КазЦИК не медлил: 8 августа вышло аналогичное постановление, по которому до 15 сентября надлежало ликвидировать округа в республике. Если до ликвидации округов в окружных исполкомах работали 4845 чел, в районных - 2608, то теперь в районы требовалось направить 4113 чел., в т.ч. 4013 из бывшего окружного аппарата [7]. Учитывая, что все общественные организации строились по административно-территориальному принципу, можно понять, какие масштабы приобрели все эти реорганизации. Они в то же время помогали власти «чистить» кадры, а карьеристам обеспечивать быстрый рост.

В связи с голодом Президиуму ВЦИК в 1932 г. пришлось отменять распоряжение ЦИК Башкирии о выселении казахов-откочевников и принимать решение о выделении 500 тыс. руб. для помощи беспризорным казахским детям. Одновременно средства для помощи голодающим выделяло правительство СССР. 15 декабря 1934 г. секретариат ВЦИК постановил создать в Сталиногорске детсад для казахских детей низкооплачиваемых рабочих и сирот. В Оренбургской области к октябрю 1935 г. меньшинства составляли 38% и имели 597 колхозов из 1888. В Адамовском районе 72% колхозов объединяли исключительно казахов, в Домбаровском - половина, но по-прежнему не хватало специалистов из их числа с должным образованием. В Казахстане тогда же внутренними границами были разделены 4 уйгурских, 2 узбекских, 3 татарских, 2 украинских, по 1 болгарскому и дунганскому и 3 смешанных района. В Киргизии в 24 смешанных сельсоветах объединялись 7284 киргизских хозяйства, 3001 узбекских, 167 тюркских, 173 дунганских, 650 таджикских, 557 кипчакских, 128 немецких и 73 цыганских. Наряду с 34 национальными сельсоветами в 13 районах насчитывали 22430 хозяйств [8].

Между тем проблема заполнения низовых органов власти и общественных организаций ответственными и надежными кадрами, способными выполнять поставленные задачи и обеспечивать

социальную стабильность в условиях растущей дезорганизации хозяйственной жизни и привычных норм общежития, ужесточения наказаний, обострялась. В 1929 г. 653 из 6209 (10,5%) низового актива составляли в профсоюзах республики казахи, в краевых профорганах их было 90 из 235 чел. Весь профактив республики насчитывал 13470 чел., число делегатов-казахов на союзных съездах и конференциях составляло 30-40% от состава республиканских делегаций. Вместе с тем, как признавали профсоюзные руководители республики, «имеется ряд случаев, когда рядового члена союза - казаха, не прошедшего известной выучки и не получившего достаточного ознакомления, сразу выдвигают в члены президиума ГСПС, ЦП и т.д. Таким образом, имеется не естественный рост профактива, а «искусственная прививка»». В 1929/30 г. в Казахстане на профсоюзных курсах обучались 405 чел., в т.ч. 325 казахов, в школах профсоюзной грамоты - 4270, в т.ч. 1435 казахов, в профсоюзных кружках - 2820, в т.ч. 852 казаха. Практиковалось направление на учебу в ВШПД. В целом вне республики обучались 32 чел.

В 116 районах на каждый колхоз приходилось по 1,6 коммуниста. Руководитель республиканской парторганизации Голощекин признавал на объединенном пленуме Крайкома и краевой контрольной комиссии ВКП(б) в феврале 1931 г., что «мы слабо знали районные кадры», что за два месяца этого года в 34 районах председатели райисполкомов сменялись трижды, в трех районах - 4 и в одном - 5 раз. Более того, власть столкнулась с глухим и открытым сопротивлением выдвиженцев и командированных, всеми способами стремившихся не покидать насиженные места, дабы не подвергать себя заведомому провалу на конкретной работе с соответствующими «оргвыводами».

«Мы посылали специальные экспедиции, - говорил Голощекин, - чтобы выгнать работников в районы. В Алма-Ата мы пришли к такому положению, что с милицией искали аппаратных работников (смех), при этом товарищи, нам удалось 3980 человек в районы послать». Ключ к решению он видел в духе времени: «...у нас 182 района, а оппортунистов не 182, а больше...» Резервом выступали активисты профсоюзов, комсомола, Кошчи

и других общественных организаций. В то же время именно в этих условиях сложилась прочная традиция «не справившихся» партийных руководителей направлять в советские органы, служившие ширмой демократии государства трудящихся [9].

В соответствии с задачами развертывания массового колхозного движения в 1930 году союз «Кошчи» был переименован в «Кедей» («Беднота»). Только в период проведения союзом батрацких слетов (январь-март 1930 г.) в колхозы вступило свыше 40 тысяч батраков, или 30-40% от общего их количества в республике [10]. Изменения претерпела и его организационная структура. Одной из оправдавших себя форм работы с беднотой, стимулирования ее энтузиазма и трудовой активности стали, ежегодно проводимые смотры и окружные конференции групп бедноты, на которых рассматривались организационно-политические вопросы социалистического строительства в деревне. Например, конференция Уральского округа (25 декабря 1929 г.) имела в повестке дня такие вопросы: 1) очередные задачи партии по работе в ауле и деревне; 2) задачи перевыборной кампании Советов; 3) о коллективизации сельского хозяйства в округе; 4) о кредитовании бедноты; 5) задачи бедноты в расширении посевных площадей и поднятии урожайности [11]. Такие организационно-политические акции имели мощный пропагандистский эффект, мобилизовали низовой актив, определяли социальные стимулы для повышения эффективности общественных организаций.

В 1930 г. после устранения т.н. «правого уклона», один из лидеров которого М.П. Томский возглавлял ВЦСПС и противился огосударствлению профсоюзов, передаче им функций государства, были проведены сплошная чистка аппарата профсоюзов и перевыборы фабзавкомов. Тогда же был организован Всеказахстанский слет ударников. Было даже решено превратить республику в сплошную ударную бригаду. Их создание связывалось с 10-летием советского Казахстана. Юбилейные даты стали важными инструментами социальной мобилизации людей, формирования новой системы традиций, праздников, бытовых предпочтений и форм досуга. К началу 1930 г. в 109 цехах предприятий республики было 6440 ударников, к концу - 10200, к началу 1931

г. число передовиков труда достигло 35 тыс. За практически несколько месяцев поистине ударными темпами росло их число, отражая преобладание количественных показателей и неизбежную формализацию обеспечения производственной активности гражданина. К апрелю 1931 г. по официальным данным всеми видами соревнования были охвачены 11141 рабочий горной промышленности, 24099 строителей, 10415 транспортников, в 1932 г. было 90 тыс. ударников, или более 40% занятых в промышленности и на стройках рабочих КАССР.

В сентябре 1931 г. на Ачисае по решению секретариата Казкрайкома ВКП (б) началась борьба за «оздоровление профсоюзной работы» путем выдвижения ударников на профсоюзную работу в цеха, забой, штольню, стройку, обогательную фабрику. В цехах и бригадах создавались «треугольники» (начальник, парторг и профорг), они повсеместно проводили пересмотр норм в сторону повышения, дабы повысить производительность труда, дисциплину, рационализаторство и изобретательство, а также бороться с оппортунизмом, великодержавным шовинизмом и местных национализмом. 10 октября было решено для подготовки руководящих кадров в 1932 г. организовать при коммунистическом вузе им. Ф.И. Голощекина профсоюзное отделение с контингентом в 30 чел. Для руководящей аульной и районной работы планировалось в 1932 г. подготовить 1857 казахов-выдвиженцев, причем сразу же началось создание 6-месячных курсов на 3080 чел., в т.ч. 2235 казахов в Алма-Ате, Семипалатинске, Петропавловске, Кзыл-Орде, Чимкенте, Актюбинске, Аулие-Ате и Кустанае. В вузы направлялись 4822 чел., техникумы - 8070, на рабфаки-1575 чел. [12].

Всего в республике в 1932 г. 52,5% профсоюзного актива входили в их число. Инженерно-технические работники КАССР обязывались обучить рабочих технической грамоте по программе не менее 200 час. в год - это косвенно обнаруживает остроту проблемы квалифицированных рабочих кадров, которая не могла быть решена усилиями параллельно создававшейся системы профессиональной подготовки в сжатые сроки. В то же время коммунистическая зрелость рабочих была явно недостаточной: на

Карсакпае из 161 коммуниста в соревновании участвовали 115, из 143 комсомольцев - 108. На Алма-Атинском участке Турксиба из 318 коммунистов ударниками стали лишь 198, из 194 комсомольцев - 135. Всего 39,6%, или 304 человека насчитывали в промышленных районах республики коммунисты-казахи [13].

По решению V пленума ВЦСПС (январь 1931 г.) было проведено разукрупнение профсоюзов, что следовало сделать после административно-территориального разукрупнения, о котором уже говорилось. Вместо 19 союзов (14 с краевыми центральными правлениями) стал уже 31 союз, в том числе 24 имели центральные правления, - таким образом, профсоюзная бюрократия стала значимым социальным актором, органично вписанным в номенклатурную сеть государственного управления и дорожившим связанным с этим статусом бонусами и привилегиями. Для рядовых членов профсоюза, которые на самом низовом уровне объединялись в профгруппы в цехах и бригадах, сонм чиновников служил мощным идейно-организационным фильтром на пути к карьере, образованию и жизненному благополучию.

Если в 1929 г. в профсоюзах республики числились 172624 чел., то к 1932г. - 400266, национальный пролетариат в 1931 г. составлял 135 тыс. чел. В начале 1934 г. союзы объединяли 70% рабочих и служащих республики, насчитывали 483800 членов, в том числе 163 тыс. казахов (30%). При этом 34% членов профсоюзов оставались неграмотными и малограмотными, а среди казахов - более половины. Участниками социалистического соревнования в то же время числились 30% членов профсоюзов, активную работу в союзах вели около 30 тыс. человек. По данным на 1932 год, казахи составляли 7 тысяч из 35738 добровольцев-активистов профсоюзов, а среди выборного профактива их было 23% [3].

Сеть профсоюзных организаций, целенаправленно обнимавшая практически все слои работающего населения, под неусыпным руководством и контролем партийных структур постепенно обеспечивала решение фундаментальных задач социалистического строительства. Объединение рабочих в профсоюзы в процессе создания индустриальной базы экономики СССР

позволяло консолидировать маргинализированные группы людей, вброшенных в абсолютно новые для них производственные системы, обеспечить их управляемость, организованную профессиональную подготовку и адаптацию в качественно новых социально-бытовых условиях. В то же время именно в условиях «большого скачка», когда индустриализация и коллективизация заставила государство концентрировать внимание и ресурсы на экономических проблемах, социальная составляющая объективно отодвигалась на задний план. Не случайно в это время ответственность за данное направление власть перекладывает на общественные организации - профсоюзы.

Профсоюзные организации в аграрном секторе были призваны заместить традиционные системы коллективного труда и социальных взаимосвязей, внедрить новые стандарты организации труда и быта. Доминирование казахской культуры в сельском хозяйстве республики предопределило драматический характер социально-экономических трансформаций по западному образцу, однако не смогло сломить систему ценностно ориентированных образцов национальной общности. Несмотря на чудовищные последствия «советизации аула», этнокультурная органика сохранила способность к воспроизводству и ревитализации в новом историческом и политическом контексте.

Вместо единого союза батраков и лесных рабочих, как это было в 1920-е гг., теперь в сельском хозяйстве действовали союзы рабочих земледельческих совхозов, рабочих животноводческих совхозов, рабочих МТС и батрачества, а также «лесдреврабочих». В 1931 г. в животноводческих совхозах, к примеру, числилось 100 тыс. постоянных и временных рабочих, из которых 75% составляли казахи - чабаны, гуртоправы и т.д. Но среди старших трактористов системы Казтрактора и Сеноцентра к 1 апреля 1932 г. казахов было 30%. Профсоюзный актив стал одной из ударных сил в коллективизаторской кампании: весной 1932 г. на посевную в колхозы было направлено 1500 работников, на собранные профсоюзами средства в районах оседания было создано 10 МТС, из профсоюзного бюджета 1931 г. в 16 районов организованы ветпункты, красные уголки и юрты, радиоприемники, 3 детсада

и т.п. На посевную и хлебозаготовительную кампании в 1931 г. профсоюзы отправили в районы оседания 163 культбригады, 46 ремонтных бригад, 12 медицинских. В сельскохозяйственных совхозах издавались 132 газеты, в т.ч. 114 стенных, 16 многотиражных и 2 типографским способом. Эти данные наглядно подтверждают всеобщую хаотизацию социальных процессов, колоссальное напряжение общественных сил и, тяжелые последствия социалистических преобразований казахского аула [14: 8, 10].

В 1933 г. наркомат труда был слит с ВЦСПС, и профсоюзы обязывались вести социальное страхование (в итоге оно организовывалось не по территориальному принципу, а по профессиональному) и контроль за соблюдением трудового законодательства, получили в свое распоряжение сеть домов отдыха и санаториев общесоюзного значения. Начала внедряться практика заключения коллективных договоров [5]. Эта мера, преподносившаяся как новый замечательный шаг в повышении роли профсоюзов, имела и другую подоплеку. В основу социального страхования, поощрения и реализации гуманитарных прав человека были положены показатели выполнения производственного плана и норм выработки. Ударники и кадровые рабочие получали предпочтение при обслуживании. При начислении размеров пособия по нетрудоспособности и пенсии предписывалось учитывать общий производственный стаж работника и продолжительность работы на одном предприятии.

Разукрупнение профсоюзов по решению очередного пленума ВЦСПС в сентябре 1934 г. увеличило число союзов — всего с 47 до 154. Благая цель сокращения платных работников во всех звеньях с направлением средств на их содержание в материальное и культурное обслуживание реализовалась за счет расширения состава т.н. активистов [15].

Они должны были нести общественное бремя бесплатно, т.е. становились еще более уязвимыми, поскольку не имели право плохо работать, а их личные социальные дивиденды зависели от коллективных показателей. Обмен профсоюзных билетов 1936 г. был использован для «чистки» союзов. Уже в 1937 г. апрельский пленум ВЦСПС признал резкое сужение демократических начал

в деятельности профсоюзов, формализм выборных кампаний, слабость экономической основы и кадрового потенциала мелких организации [16].

Само понятие «добровольное общество» как организация сначала появилось в партийных документах, общественно-политической и юридической советской литературе. Вплоть до 1930 г. в законодательстве употреблялось понятие «общества и союзы, не преследующие цели извлечения прибыли», а не «добровольные общества», что перешло в советскую практику из дореволюционного законодательства. Например, Общество Красного Креста возникло в России еще в 1867 г., но в 1918 г. было реорганизовано на классовой основе. Как известно, В.И. Ленин предлагал использовать и старые формы организации «не для того, чтобы со старым помириться, а для того, чтобы уметь все и всяческие новые и старые формы сделать орудием полной и окончательной, решительной и бесповоротной победы коммунизма» [17].

В первые годы НЭПа в связи с некоторой свободой рыночных отношений получили распространение многочисленные объединения частно предпринимательского толка, которые, чтобы избежать финансового и административного надзора, нередко создавались под благовидной вывеской добровольных, культурных, просветительских, благотворительных и т.п. обществ. Однако если до революции общественные сети преимущественно состояли из представителей интеллигенции, которой было немного, и не могли быть массовыми (например, в 1923 г. в СССР было 13 научно-технических обществ, из которых 8 возникли еще до октября 1917 г.), то теперь их создание проводилось целенаправленно, подконтрольно и приобрело гигантские масштабы.

Кроме того, по мере отказа от относительной свободы частной инициативы, целенаправленного сужения демократических начал в социальной практике существование любых форм, допускавших малейшее свободомыслие или неподотчетность становилось для власти все более нетерпимым. Так, в постановлении Оргбюро ЦК РКП (б) «О характере и содержании работы МОПРа в СССР» уже в 7 февраля 1925 г. четко определялись основные задачи и организационные формы работы в деле международной

солидарности рабочих, для чего создавался ЦК МОГТР. 16 февраля того же года было принято решение Оргбюро «О добровольных массовых организациях», в котором работа в руководящих органах обществ определялась одним из видов партийной работы, 14 июня - «О помощи и руководстве организациями Общества друзей радио».

С конца 1920-х гг. началась унификация всех добровольных творческих организаций за счет закрытия малонадежных или подозрительных для власти, слияния и укрупнения. Например, в 1927 г. слились Общества друзей химобороны и химической промышленности Доброхим и Общества друзей авиационной и химической обороны и промышленности Авиахим, таким образом, возник Осоавиахим - предшественник ДОСААФ. В А 928 г. создается Всесоюзная ассоциация работников науки и техники (ВАРНИТСО), «Техника - массам», в 1929 г. на основе объединения возникла Ассоциация работников в области НОТ, производства и техники управления (АРНОТ). В мае 1927 г. постановление ЦК ВКП(б) «О работе добровольных обществ» определило основные формы деятельности массовых объединений типа Общества друзей радио, Общества «Долой неграмотность», «Безбожник» и др. В сентябре 1927 г. ЦК партии продиктовал правила перевыборов ККОВ под контролем местных парторганизаций.

К 1930 г., когда личная диктатура Сталина была обеспечена и возобладали жесткий унитаризм и централизация, было фактически узаконено полное подчинение общественных организаций государству, которое получило единоличное право руководить добровольными объединениями. Постановление ЦИК и СНК СССР 6 января 1930 г. «О порядке учреждения и ликвидации всесоюзных обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли», подвело черту под периодом относительной самостоятельности и самодеятельности граждан. В июле 1930 г. Президиум ВЦИК решил создать Всероссийское общество «Друг детей». 30 августа 1930 г. ВЦИК и СНК РСФСР было принято «Положение о добровольных обществах и союзах», регламентировавшее условия и средства привлечения этих организаций «к активному участию в социалистическом строительстве».

В результате ведущими тенденциями общественной жизни стали ее централизация и формализация, строгая регламентация сверху, исключение какой-либо самостоятельности в содержании и формах работы, полное игнорирование демократической природы массовых добровольных организаций. Структура, формы проведения мероприятий, виды и масштабы, содержание обучения общественных активистов и т.д. жестко контролировались, приобретали организованный по вертикали, централизованный и унифицированный характер.

Из-за отсутствия средств, под давлением силовых структур многие организации, созданные инициативно в 1920-е гг., были закрыты, самоликвидировались или включались в официально одобренные. Волна сокращений начала 1930-х гг. охватила в первую очередь культурные и творческие объединения, в которых естественным образом рождался дух инакомыслия. Организационные изменения, в т.ч. укрупнения, также усиливали огосударствление социокультурной сферы. В то же время общественные организации призывались всюду «проникать своими щупальцами» [18: 5].

И крестьянство, и интеллигенция оказываются в положении наиболее ущемленных слоев, которые ощущают утрату прежних ценностей и сильные сомнения в том, что принесет им будущее. Тем более что интеллигенция тоталитарного режима, находившаяся в относительно привилегированном положении, совершенно не вписывается как социальная группа в рыночные отношения. И утрата былого статуса воспринимается как крушение всей системы ценностей. Поэтому крестьянство, которое также подвергается серьезному испытанию, воспринимается интеллигенцией, как последний носитель традиционного коллективизма, общинности, «национальной духовности», на котором произрастает она сама.

Первые шестьдесят лет интенсивных изменений в XX веке происходили при активном приспособлении к ним практически двух поколений людей. Высокая адаптивная способность в немалой степени объясняется мобильностью сознания кочевника, способного активно приспосабливаться к изменяющейся среде обитания. В связи с этим сохранились традиции, обычаи и ценности казалось далеких эпох. Тем более что Казахстан только вступал

в стадию рыночных отношений. А это означало, что буржуазное классовое сознание не проявилось в высокой степени и на ментальном уровне. Попытки коммунистической партии увидеть традиционные классы в кочевой среде привели к общенациональной трагедии. В Казахстане баи и султаны были носителями иных социальных функций, нежели кулаки и дворяне в России, не говоря уже о высших классах Западной Европы. Поэтому классовые отношений, даже социалистические, не смогли преодолеть связи первичного типа [19].

Систематическая деятельность по преобразованию общества приводила к стабильной нестабильности, когда место и роль конкретного индивида, не говоря уже о принадлежности к устойчивой группе, были крайне размыты и изменчивы. Самому сильному воздействию подверглись массы кочевого населения в период коллективизации и оседания. Нужно учесть, что оседание началось достаточно широко еще в период XIX века, когда происходила колонизация Казахстана и сужение поля кочевого образа жизни. При этом происходило мощное перемешивание родов и племен всех трех жузов. Поэтому во многом родовое деление не совпадает с традиционными регионами проживания.

ЛИТЕРАТУРА:

1. ГА РФ. Ф. 1235. Оп.130.Д. 3; Оп. 121.Д. 2, 4, 161; Оп. 122. Д.40; Оп.12. Д.8.
2. Ахметов А., Кузьмин-Закс М., Рахимов А Профсоюзы Советского Казахстана. – М.: 1961.
3. Казахстанская правда. -1936. - 30декабря; 1932. - 24 февраля.
4. Ряднин М. За колхозные кадры // Большевик Казахстана. - 1931. № 1. С. 20; Об итогах декабрьского Пленума ЦК ВКП (б) и очередных задачах Казахстанской парторганизации. Доклад Ф.И. Голощекина на объединенном пленуме Крайкома и КрайКК ВКП (б) // Февральский объединенный пленум Крайкома и КрайКК ВКП (б). Доклад тов. Голощекина. Постановления и резолюции. - Алма-Ата: Огиз, 1931.- 115 с.
5. АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2309.

6. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 65.
7. Кузин А. Подчиним всю партийно-массовую работу в промышленных районах основным задачам пятилетки // Большевик Казахстана. - 1931. №1. С. 27-30; Материалы к отчету Крайкома VIII Казахстанской конференции ВКП (б). – Алма-Ата, 1934. С. 113-114; Ахметов А., Кузьмин-Закс М., Рахимов А. Указ.раб; Профсоюзы СССР в борьбе за пятилетку в четыре года. От VIII к IX съезду профсоюзов (диаграммы и таблицы). Б.г., табл. 5.
8. Ахметов А., Кузьмин-Закс М, Рахимов А. Указ.раб. Профсоюзы Казахстана к второй пятилетке. - Алма-Ата - М.: Казкрайиздат, 1932.- 16 с.
9. Каганович Л.М. О задачах профсоюзов СССР на данном этапе развития. Речь на IX съезде профсоюзов 28 апреля 1932 г. // Ударник. - 1932. № 7 - 8. Апрель. С. 3-21.
10. Правда Востока.-1925. – 5 марта; Советская степь. 1925.-14 февраля.
11. СЗ СССР. - 1933. № 40. Ст.238; № 57. Ст. 333; Профсоюзы СССР Документы и материалы. -Т. 2. Профсоюзы в период построения социализма в СССР (октябрь 1917 г. - 1937 г.). -М., 1963.
12. Профсоюзы СССР. Документы и материалы. Т.2. Профсоюзы в период построения социализма в СССР (октябрь 1917 г. - 1937 г.). - М., 1963.
13. Шверник Н. О перестройке профсоюзов. Доклад на IV пленуме // ВЦСПС 5 сентября 1934 г. - М., 1934.; Акулов М.Р., Московский А.С. Профсоюзы Западной Сибири. - М., 1962.; Валов А.М., Гараевская И.А. Советские профсоюзы в годы индустриализации (1926-1937). - М.: Профиздат, 1987.
14. СУ РСФСР. - 1930. № 40. Ст. 527; ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 44. Д. 74.Л.16, 40.
15. Подготовку профкадров поднять на уровень задач заключительного года пятилетки. Речь секретаря ВЦСПС тов. Перепечко на всесоюзном совещании по подготовке профкадров, 28 января 1932 года // За большевистскую подготовку профкадров. - М.: Профиздат, 1932. - 30 с.
16. К итогам IX съезда профсоюзов СССР. Передовая // Ударник. - 1932. - 6 марта.

17. Комсомол - шеф авиации. Сб. - М.: Молодая гвардия, 1931.-31 с.
18. Советский Казахстан. - Алма-Ата, 1970.
19. Профессиональные союзы СССР. 1924-1926 гг. – ВЦСПС., 1926.-456 с.

УДК 94 (574.42)

Смағұлова С.О.

Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты, Алматы қ., ader_s68@mail.ru

Бекназаров Р.А.

Қ. Жұбанов атындағы Ақтөбе өңірлік мемлекеттік университеті, Ақтөбе қ.

XX ғ. 20-30 жж. ДІН МӘСЕЛЕСІНЕ ҚАТЫСТЫ КЕҢЕСТІК САЯСАТ

Кеңестік жүйенің ең бірінші қолға алған саясаты бұл – дін мәселесі. Кешегі тәуелсіздігімізді алған 90-жылдарға дейін кеңестік идеология дінге шектеушілік қойып, үкімет тарапынан қатаң бақылауға алды. «Дін - апиын» деген ұранмен халық санасын улап, дәлелді болуы үшін түрлі мысалдар келтіріп, баспасөз беттерінде арнайы айдармен мақалалар жариялады, жоғары оқу орындарында саяси дәрістер өткізді, оқырмандарға қолжетімді шағын кітаптар шығарды.

Кенес өкіметі өзінің алғашқы күнінен бастап қоғамға кереғар әсерде болады деген ниетпен (1917 ж. 2 (15) қараша) барлық Ресей халықтарының теңдігі мен бостандығын, құқығын жариялаған мағлұмдамада (декларация) ұлтшылдық пен ұлттық-діни артықшылықтарды жою және шек коюды көтерген еді [1: 41]. Бірнеше күннен кейін Ресей мен Шығыс еңбекші мұсылмандарына арналған үндеу жарияланып, онда бүкіл Ресей мұсылмандарына, Поволжье мен Қырым татарларына, Сібір мен Түркістан қырғыздары (қазақтар) мен сарттарына, кавказдың

түріктері мен татарларына, шешендер мен тау халықтарына патша үкіметі тұсында бұзылған діни сенімдері мен салт-дәстүрлері қайтарылып, ұлттық және мәдени мекемелердің барлығы еркін және ешқандай қолсұғушылық болмайтындығы келтірілді [2: 17-18.]. Бұл үндеуді орыс миссионерлік саясатының қысымын көріп отырған мұсылмандарға зор қуанышпен қарсы алып, кезінде алдап-арбаумен христиан дініне еріксіз кіріп, аты-жөнін өзгертуге мәжбүр болған, бірақ жасырын түрде ислам дініне құлшылық еткен мұсылмандар өз дініне қайта өтіп, дәстүрлі дінді жалғастырып, дін-шариғат қағидаларын ашық орындауына мүмкіндік туды деп түсінді. Өкінішке орай, бұл көзбояушылық, кеңестік идеологияның алдағы жүзеге асыратын кезекті науқанына дейінгі уақыт ұттыру әрекеті еді.

Діннің жаңа билік жүйесіне тигізер кертартпа әсері бар деп түсінген кеңестік үкімет бірінші кезекте діни артықшылықтарға шектеулік қоюды орынды санап, өкімет қызметінен діни дәстүрлерді берік ұстанатындарды аластатуды көздеді. 1918 ж. 16 қаңтардағы бұйрық бойынша діни мекемелер таратылып, барлық әскери мекемелерде қызмет ететін діни қызметкерлер босатылды.

ХКК-нің қабылдаған ар-ұждан, шіркеу және діни қоғамдардың еркіндігі жөніндегі декреті шіркеуді мемлекеттен бөліп берді. Осы декрет шығысымен халық ағарту халық саласында кеңестік мектептердегі діни оқуды толығымен жою жөнінде қаулы қабылданды [2: 20-21]. Сөйтіп кеңестік билік дінге қарсы күресін бастап жіберді. Билік басындағылар діни мейрамды халықтық күнтізбеге еңгізбеуге тырысып бақты. Шіркеу мемлекеттен бөлінгендіктен еңбекші тапқа діни мейрамдарды тойлатудың еш қажеті жоқтығын баспасөз арқылы дәлелдей түсіндіруді қолға алды. Дегенмен әлі де діни сенімдері мол халық арасында қобалжулар тудырмас үшін дінге қарсы күресті жүргізуде үгіт-насихат жұмыстарын мұқият түрде өткізудің маңызды санады. Адам көп жиналған жиын, митингілерде, съездерде діннің қоғамға тигізетін зияндығы жайында байыппен жеткізіле бастады [3: 33-34]. I Бүкілресейлік жұмысшы әйелдер съезінде В. Ленин «кедейшілік пен қараңғылық діни соқыр нанымның тамыры екендігін айта келе, онымен күресуде на-

сихат пен ағарту жолдарын таңдау керектігін, дегенмен әлі де діни сенімдері басым көпшілікті өшіктірмеу үшін аса абай болу қажеттігін баса айтты [2: 23].

1919 ж. 6 ақпанында Верныйда 200 әйелдер мен қыздар қатысқан съезде әйелдердің еркіндігіне қолбайлау болып отырған діни сарқыншақтармен күресудің маңыздылығы көтеріліп, әйелдердің бас бостандығына тосқауыл болатын (қалым, жесір және т.б.) діни қағидалардан күресу арқылы ғана қол жеткізуге болатындығы айтылды.

Дінмен күресте мерзімді басылым кең қолданылды. Халық ағарту саласын қайта құруда діни мектептер мен оқу орындарының жауып қана қойған жоқ, осы салада оқытушы қызметте жүрген діндарлар қызметтен қуылды. Осылайша діни мектептердің орнына жаңа түрдегі еңбек мектептерін ашу қолға алына бастады [4: 118]. Әйтсе де мұсылман халықтары арасында діншілдік пен ұлтшылдықтың басым екендігі байқалды. Сондықтан кеңестік билік дінді мәдениеттің дамуына, өрлеуіне бірден-бір нұқсан келтіруші ретінде көрсетуді мақсат тұтып, еңбекші халық арасында діни нанымшылдықтың зияндығын түсіндіретін насихат жұмыстарын өрістете жүргізуге белсене кірісті.

Дінге шектеуліктердің қойылуы 1921 жылдың ақпанындағы РКФСР ХКК-нің діни қауым жайындағы қаулысынан көрінді. Қаулы бойынша, біріншіден, дін қызметкерлеріне ауылдық кеңестерде, болыстық атқару комитеттерінде, мемлекеттік мекемелер мен кәсіпорындарда, ауылды жерлердегі кооператив, совхоздарда жұмыс істеуге тыйым салынса, екіншіден, тек уездік және губерниялық қалаларда арнайы бақылаумен жұмыс істеуге рұқсат етілді. Үшіншіден, бұрынғы дін қызметшілері жоғарғы жауапты қызметтерді де атқара алмады. Олар тек қосалқы, көмекші және төменгі қызметтерді ғана істей алды. Төртіншіден, діни дәстүрді берік ұстанатындарға халық ағарту саласында, әділет бөлімінде, сауда саласына, жұмысшы-шаруа инспекциясында қызмет етуге тыйым салынды [2: 41-42]. Сөйтіп, кеңес үкіметі халыққа зиянын тигізер деген жерлерге дін иелерін жолатпауға тырысты

Халықтың наразылығына тап болмауы үшін, діни мей-

рамдар қалдырылды. ҚАКСР-нің өлкелік бюросы мен ОАК-тінің 5 наурызындағы қаулысы бойынша міндетті республика территориясында қазақтар мен мұсылман дініндегі ұлттары көп шоғырланған жерлерде демалыс күні жексенбі емес, жұма, ал діни мейрам Ораза Айт пен Құрбан Айт және Наурыз болып белгіленді. Ораза мен Құрбан Айт үш күн, ал Наурыз мейрамы бір күн ғана тойланатын болды [5: 67]. X съездің шешіміне орай Саяси-ағарту Бас басқармасының бөліміне халық арасында дінге қарсы үгіт-насихат жұмыстарын жүргізу ісін ұйымдастыру және басшылық жасау міндеті жүктелінді. Ол үшін кітаптар, газет-журналдар, оқу құралдарын шығарып, халық көп шоғырланған жұмыс орындарында, білім жүйесі саласында, жоғары оқу орындарында діннің зияндығын дәлелдеген дәрістер оқу мәселесі қойылды [2: 43].

Дінге қарсы үкімет тарапынан іс-шаралардың өрістеуіне қарамастан Қазақстанда өзге діни ағымдар (секталар) көбейе түсті. Осыған орай Орынборда 1922 ж. 19-27 ақпан аралығында өткен облыстық екінші қазақ конференциясында дінге байланысты үгіт-насихат жұмыстарын өрістету, діни ғұрыпты ұстанушылар арасында оның зияндығы жөніндегі үгіт-насихат жұмыстарын сақтықпен жүргізу айтылып, үгіт-насихат жұмысын білікті адамдарға жүктеуді ұсынылды [6: 245-246].

Шіркеу мен мешіттері мемлекеттен бөлуге байланысты қаулының жүзеге асуы қатаң түрде қолға алынды. Әлі де мектептерде жүргізіліп жатқан дін сабақтары анықталып, оларға тез арада шара қолдану мәселесі де көтерілді.

Жұмысшылар мен шаруалардың арасында діннің зияндығына қатысты жүргізілген түрлі іс-шаралардан кейін олардың арасында діни әдет-ғұрыпты ұстануға деген құлшыныс төмендемеген. Кеңестер Одағында 1922-1923 жж. дінге құлшылық ететін ерлерден 24 жасқа дейінгілердің арасында бұл көрсеткіш 62,6 процент, 25 пен 39 жас аралығындағылар 71,4 процент, ал 40 пен 59 жас аралығындағылар 100 процент болса, әйелдерден 1922-1923 жж. 24 жасқа дейінгілердің 75,5 проценті, 25 пен 59 жас аралығындағылардың 100 проценті дінге беріле сенген [7: 7].

Дінмен күрес барысы арнайы құрылған «Құдайсыздар»

ұйымы арқылы пәрменді түрде жүзеге аса бастады. Бұл ұйымға мүше болғандар дінге ашық күресудің арты әлі де діни сенімі мол еңбекшілер мен шаруалардың арасында қарсылық туғызатындығын біле, олармен болған әңгіме барысында діннің жаңа қоғамға тигізетін зиянын, діннің зардаптарын нақты түрде мысалдармен дәлелдеп көрсетуге тырысты.

Қазақ өлкелік атқару комитетінің 1923-1924 жылға арналған дінге қарсы үгіт-насихат жоспарында бұл үгіт-насихат жұмысы барлық жерде жоспарлы түрде қолға алынып, ғылыми-көпшілік мазмұнда болу керектігін, дегенмен жұмыс барысында адамдардың діни сенімдеріне тіл тигізбеу қажеттігі талап етті [8]. Алайда бастапқы кезде ұйымдардың жұмыстарына немқұрайлы қарап, жұмысшылар мен жастар арасында бірлі-жарым баяндама оқығандығы болмаса, нақты іс-шаралар жүргізбеді. Оның басты негізі ұйымдағы мүшелерге бағыт-бағдар беретін жетекшінің болмауынан еді.

Негізінде бұл ұйым көпшілік арасында кеңестік құрылыста діннің, некенің, білімнің, жанұяның қаншалықты орны бар екендігін түсіндіруге тиіс еді. Өткізілген жиындарда ұйым мүшелері бірден дін, шіркеу – көпшілікті адастыратын помещиктер мен буржуазияның қолындағы қару деп түсіндіріуі дінге құлшылық етушілер арасында қобалжулық тудырды [9].

Дінге қарсы күрес христиандардың пасха мейрамы қарсаңында өрістеген. Орынборда жұмысшы поселкесі мен циркте діннің кереғарлық әрекеті туралы оқылған баяндамадан кейін көпшіліктің арасында айтыс-тартыс туындап, баяндамашыға қарсы уәж айтпақ болған дін басыларына сөз бермеген. «Оренбургский рабочий» газетінеу «Құдайсыз» (Безбожник) деген арнайы бет ашылды [10].

Пасха күндерінде үгітшілер «Мемлекет және шіркеу», «Пасханың шығу тарихы» тақырыптарында 2000-дай тыңдаушылармен әңгіме өткізіліп, діннің зияндығы жайында пікір таластырды [11]. Осылайша дінге қарсы үгіт-насихат кампаниясы біршама жұмыстар атқарып, қара халықты діни соқыр сенімге бой алдырмауға шақырды.

20-жылы Қазақстанды аштық жайлап, аштан өлгендердің

қатары ұлғая түскен кезде РКП(б) II қазақ облыстық конференциясында дін мәселесіне қатысты үгіт-насихат жұмысын сақтықпен жүргізу беру керектігі ескертілді [6: 245-246]. Дегенмен аштықтың жайлаған Орынбор, Ақтөбе, Орал, Қостанай, Бөкей губерниялары мен Адай уезіндерінде дінге қарсы үгіт-насихат жүргізудің мүмкін емес еді.

Аштық зардабы ауыздықталып, халықтың хал-ахуалы азадап жақсара бастаған кезде дінге қарсы күрес барысы қайта қолға алынды. Бұл істе ұлт зиялылары да шет қалған жоқ. Діннің зияндығын дәлелдей жазған ғылыми мақалалар мерзімді басылымдарда бірінен кейін бірі жарияланып жатты. РКП(б)-ның Қазақ облыстық комитетінің органы ретінде «Қызыл Қазақстан» журналында М. Дулатовтың «Дін һәм ғылым» деген мақаласы жарияланып, дін мен ғылымның ара-жігін ажыратуға тырысты. Ол дінді қараңғылық, қара түн мысалында, ал ғылымды жарық күн есебінде көрсетіп, діннің ғылымға келтірер кедергісін саралады. Ол дінді әділсіздіктің үлкен қаруы есебінде көрсетті. Байлардың, жерді манаптар, ұзын жең молдалар тамақ асырау үшін пайдаланып отырғандығын сынға алды [12: 79-81].

Дінге қарсы бұқара арасында үгіт-насихат жұмыстары өрістеп, бұл іске мерзімді басылым тартылды. РК(б)П Қазақстан өлкелік V конференцияда (1925 ж. 1-7 желтоқсан) діни топтардың ауыл мен деревняда ықпалы бар екендігі атап көрсетіліп, конференция өлкелік комитетке дінге қарсы насихаттың дұрыс әдістерін талдап, белгілеуді тапсырды. Бірақ бұл орайда түпкілікті қазақ халқының экономикалық және тұрмыстық ерекшеліктері, сондай-ақ Қазақ АКСР территориясында мекендейтін ұлттардың да ерекшеліктері де ескерілуі талап етілді [13: 270].

Халық арасындағы дінге қарсы насихат жұмыстары мен үкіметтің нұсқау, қарар, қаулылар «Құдайсыздар қоғамы» арқылы жүзеге асырыла бастады. Әр жерде құрылған құдайсыздардың ұяларына қалалық кеңестер басшылық жасады. Мәселен, Ақмола қаласында құдайсыздардың 7 ұясы болып, оның жұмысын қалалық кеңес қадағалап отырды. Дегенмен олардың жұмысы бастапқы кездерде өте нашар жүргізілді. «Құдайсыздар қоғамының» діни насихаты бұл ұяларға жазбаша нұсқау беру-

мен, діни мейрам кезінде дінге қарсы арнайы мәселелер көтерген қабырға газетін шығарумен ғана шектелді. Үгіт-насихат бөлімі басшылығының тарапынан Құдайсыздар кеңесінің алқасына дінге қарсы баяндамалар оқу жүктелінді. Ақмола губерниясында діни үгіт-насихатқа қарамастан кейбір селолар мен болыстарда мешіттер ашылып, шіркеулердегі икондар жаңартылған [15].

Дін қызметкерлері мен діндар адамдар аса қатаң бақыланып, мешіттер мен шіркеулер тартып алынып, кеңестік билік құзырына тапсырылды. Нәтижесінде олар астық сақтайтын қоймаларға немесе мал қамайтын қораларға айналды. Көп жағдайда бұзылып, оның материалдары мәдениет үйін, клуб және тағы басқа мекемелерді салуға жұмсалды. Бұқаралық саяси-ағарту жұмыстары өрістеп, дінге қарсы әдебиеттер мен көмекші құралдар шығару ісіне ерекше көңіл бөлінді. Әсіресе 1928 жылы 25-29 сәуірде өткен қазақ өлкелік комитеті мен өлкелік бақылау комитетінің біріккен пленумнен кейін идеологиялық жағынан ұстамды, діннің зияндығын насихаттаған кітаптар көптеп шығарыла бастады. Орыс тіліндегі атеистік бағыттағы кітаптар қазақ тіліне аударылды. Мерзімді басылым беттерінде діншілдердің қарсылығына қатысты мысал кетірген материалдар жарияланып, арнайы тапсырмамен діннің зияндығын дәлелдеген мақалалар басыла бастады.

«Лениншіл жас» газетіне Жұмабай дегеннің «Ораза жақындап келеді» деп аталған көлемді мақаласы жарық көрді. Ол жақын келе жатқаны оразаның зияндығын дәлелдемекке тырысты. «Биыл ораза алдымыздағы февраль айының 11-нен басталмақшы. Еңбекшілерге пайдасы жоқ істің бәрінің керегі жоқ. Бәрі зиян. Оразаның зияны есепсіз. Мал бар, асы бар байларға ораза еш нәрсе емес, еңбекшілер оразада үйіндегі барлы-жоқты асын тауысады, аш жүріп қалжырайды. Бүтін ай бойы еңбек етпейді. Аш болғаннан кейін текке үйінде жатады», - деп жаза келе, оразаны діншіл молдалардың амалы, жастар ораза ұстап, күн ұзын ас ішпейтіндігін зиянды санады [16: 48-49].

1928 жылдың мамыр айында БК(б)П ОК Саяси бюросы діни мектептерді толықтай жою жөнінде шешім шығарды. Ал осы жылдың 17 қыркүйегінде БОАК-ті діни мекемелерді

мәдени-ағарту орындарына айналдыру жөнінде қаулы қабылдап, мешіттер ақырындап алынып, көпшілік баратын мәдениет үйіне, клубтарына алына бастады. Мысалы, Алматы қаласындағы Қызыләскер көшесі мен Ташкент көшесінің түйіскен жерінде тұрған қашқарлық мешіт сол маңдағы еңбекшелердің шешімімен мәдениет үйіне айналған [17].

«Советская степь» газеті мешіттер мен шіркеулерді жабу туралы еңбекшілердің шешімі жүзеге аса бастағандығы, бұл Ұлы Қазан революциясының 12 жылдығына арналған үлкен сый екендігін хабарлаған [18].

Жалпы кеңес өкіметінің 20-жылдардың соңына қарай жаңа экономикалық саясаттан бас тартып, шаруаларды жаппай ұжымдастыруға кірісуі халықтың наразылығын күшейтті. Бұл шын мәнінде бүгінгі тілмен айтсақ, мемлекет тарапынан халыққа деген ешқандай рақымшылықтың жоқ екенін, оның әлеуметтік жағдайына ғана емес, дініне де төзбеушілік көрсету еді. Діни тұжырымдар социалистік құрылысқа сәйкес еместігі жайында идеологиялық жұмыстар кең түрде жүргізіле бастады. Дінге тыйым салу, орыс шаруаларын қоныстандыру ісінің пәрменді түрде жүргізіле беруі, ұжымдастыру барысындағы шектен тыс қысым халыққа қатты батты. Үкімет билігіне қарсы шыққан бой көтерулер белең бере бастады. 1929 жылы 8 сәуірде БОАК мен РКФСР ХКК-нің қабылданған «Діни бірлестіктер туралы» қаулысымен дін қызметіне шектеу қойылып, шіркеу, мешіт ғимараттары мәдени-ағарту орындарына берілді. 21 сәуірде қазақ өлкелік комитетінің барлық діни мектептерді жабу туралы қаулысы шықты. Құдайға құлшылық жасау, діни жиналыстар діни мерекелер өткізу кеңестік жүйеге жат деп саналып, оларға мүлдем тыйым салынды.

Осы қаулылардан кейін барлық шіркеулер, мешіттер, храмдар жабылып, оның дүние-мүлкі мемлекет меншігіне көшіріле бастады. Дін қызметкерлеріне, тіпті олардың отбасыларына да қысым көрсетілді. Діни ұйымдардың пайдаланатын ғимараттары мен мүліктері кеңес өкіметінің тиісті орындарымен жасалған келісім-шарт бойынша пайдаланылатын болды.

Дінге сенушілердің сенімін жоғалту үшін кеңестік билік

түрлі айла-тәсілдерге, тіпті қорқыту мақсатында қысым жасауға дейін барды. Мәселен, 1931 жылы 5 желтоқсанда Москвада «Христа Спасителя» храмын жарып жіберген. Осындай әрекеттер арқылы, діндарлардың бойына үрей қалыптастырды.

Мешіттер мен шіркеулерді жабу мәселесіне орай арнайы комиссия жұмыс істеп, діни мекемелерді жою ісімен айналысып, жабылатын діни мекемелерді анықтап, олардың дүние-мүлкі мен құнды заттарын есепке алып отырған. 1936 жылы 29 қарашада ОАК-не Алматы ұалалық кеңесінен Никольский шіреуін жабу туралы өтініш түскен [19].

Кеңестер Одағында 1934 жылғы мәлімет бойынша дінге қарсы атеистік үгіт-насихаттың нәтижесінде діни дәріс тыңдап, діни сенімнен арылғандардың қатары күнен күнге артқан. Мәселен, 24 жасқа дейінгі ерлердің 1,0 проценті, әйелдердің 12,2 проценті, ал 25 бен 39 жас аралығындағы ерлердің 3,2 проценті, әйелдердің 26,5 проценті, 40 бен 59 жас аралығындағы еркектердің 14,5 проценті, әйелдердің 47,9 проценті ғана діни әдет-ғұрыпты ұстанған [7: 7].

Кеңестік жүйе тарапынан дінге қарсы күреске жастар кен тұрғыда тартылды. Олар жасы ұлғайған адамдардың арасында әңгіме өткізіп, діннің зияндығын әшкерелеген театрланған көріністер қойды. Діни дәстүрді ұстанғандарды сайлау кампанияларының жұмысына қатыстырмады, діни мазмұндағы баслымдар жабыла бастады.

1932-1936 жылдар «Құдайсыз бесжылдық» деп аталып, 1937 жылдың 1 мамырына дейін барлық КСРО территориясында Құдайдың атын ұмыттыру туралы мақсат қойылды. Құдайсыз бесжылдық жоспары жүзеге асырылып жатса да, дегенмен, 1937 жылы БК(б)П ОК-нің хатшысы Г.М. Маленков И.В. Сталинге барлық КСРО аумағында діни көзқарастағы 600 000 адамның барлығы жөнінде қынжыла жазған [19: 248].

1937-1938 жж. Кеңестік үкіметтің заңына бағынбаған барлық діндарлар қуғындалып, түрмеге қамалды, атылды. Қазақстанда да мешіт молдалары, шіркеудің поптары, басқа қызметкерлері кеңестік жүйеге зиян таратушылар ретінде «халық жауы» атанып, қуғын-сүргінге ұшырады.

Діни ұстанымға қатысты атеистік көзқарас, дінге жасалған қысым кеңестік қоғам азаматтарын толықтай жуасытты. Коммунистерге, мекеме қызмектерлеріне намаз оқып, діни наным-сенім жөнінде айтуға, ойлауға тыйым салынды.

ӘДЕБИЕТТЕР:

1. Декреты Советской власти. М.: Госполитиздат, 1957. 1-том. 41-б.
2. Преодолевая религиозное влияние ислама (Из опыта Коммунистической партии Казахстана) 1917 – начало 1930-х годов (Ин-т ист. партии при ЦК КП Казахстана – филиал Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Алма-Ата: Казахстан, 1990. – 256 с.
3. Вопросы истории религии и атеизма. Сборник статей. V-том. М., 1958. С. 23.
4. Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства в народном образовании за 1918-1947 гг.- М-Л., 1947.
5. Декреты и постановления ЦИК Советов, СНК и Совета труда и обороны Киргизской АССР. Оренбург, 1921.
6. Вторая киргизская областная конференция РКП(б). 19-27 февраля 1922 г. Протоколы. А., 1936.
7. Олешук Ф.О задачах антирелигиозной пропаганды. М., Огиз: Государственное антирелигиозное издательство, 1937. 36 с.
8. ҚРПМ. 139-қ., 1-т., 697-іс. 92 арт.-п.
9. ҚРПМ. 139-қ., 1-т., 706-іс. 4-п.
10. ҚРПМ. 139-қ., 1-т., 709-іс. 11 арт.-п.
11. ҚРПМ. 139-қ., 1-т., 709-іс. 21 арт.-п.
12. Дулатұлы М. Бес томдық шығармалар жинағы. Т.3. – Алматы: Мектеп, 2003.
13. Қазақстан Коммунистік партиясы съездерінің, конференцияларының және пленумдарының қарарлары мен шешімдері (1921-1927) /Қазақстан Компартиясы Орталық Комитеті жанындағы Партия тарихы институты – КПСС Орталық Комитеті жанындағы Марксизм-ленинизм институтының филиалы. – т.1. – Алматы: Қазақстан, 1987.– 418 б.
14. ҚРПМ. 141-қ., 1-т., 592-іс. 155-п.

15. Жансерік: «Лениншіл жас» 1921-1991 / Құраст. Ж. Бейсенбаев. – Алматы: Жалын, 1991. – 400 б.
16. Лениншіл жас. 1930. 15 қаңтар.
17. Советская степь. 1929. 1 ноября.
18. ҚРОММ. 789-қ., 1-т., 40-іс. 1-2-пп.
19. Протоиерей В. Цыпин. История Русской Церкви, 1917-1997.

ӘОЖ 94(574)

Салонен А.

*Loimaа каласынын музей кызметкери билим – жоғары,
Финляндия e-mail: aiken54@hotmail.com*

ФИНЛЯНДИЯ АЗАМАТТАРЫ - СТАЛИНДІК КУҒЫН-СҮРГІННІҢ КҰРБАНДАРЫ

1920-1930 жылдардағы ішкі-сыртқы жағдайы. XX ғасырдағы болған экономикалық дағдарыс дүниежүзілік сипат алды.

Ол жаңадан бостандық алып шыққан Финляндия мемлекетіне қатты соққы боп тиді.

Азамат соғысында жеңіліске ұшыраған «қызылдар» бас сауғалап Ресейге, Америкаға және Канадаға қаша бастаған болатын.

1929 жылдан 1944 жылдар арасында Финляндия тарихында «Лапуа қозғалысы»/1929-1932/ және «Отандық халық қозғалысы»/1932-1944/ атты ұлтшылдық, коммунизмге қарсы ұйым пайда болды. Олар «Бір тілді - Ұлы Финляндия» құруды мақсат етті. Бұл қозғалысты Карелияның Академиялық қоғамы, Ұлттық партия бірлестігі, Шаруалар одағы қолдады. «Лапуа қозғалысының» қыспағымен Финляндия үкіметі парламентке елдегі барлық коммунистік ұйымдардың жұмысын тоқтатып және оны таратып жіберу туралы заң жобасын ұсынды. Бұлар фашистік Италияға еліктеді. Коммунистерді құдалап, оларды ұрып-соғып жәбірледі тіпті өлтірді де. 250 дей коммунистерді

Совет елінің шекарасына дейін қуып тастап, халық арасын, осылайша, «коммунистерден тазарта» бастаған еді.

1917-1939 жылдар арасында шамамен 25 000 - 30 000 дай халық Ресейге, оның ішінде бауырлас халық Карел жеріне көшті. Олардың көбісі шекарадан заңсыз да өтіп жатты.

Карелия, яғни Карел халқы финндерге бауырлас халық. Орта ғасырдан бастап Швеция корольдығымен Новгород князьдығының, кейіннен Ресей патшалығының арасындағы соғыстарда қолдан қолға көшіп отырған еді.

Католик пен Христиан діндерінің арасындағы тартысқа да түскен.

Сол бастаннан-ақ қуғын-сүргінді басынан кешірген халықтардың бірі. Карел жеріне қоныс аударған финндердің тағдырлары әр қилы болатын.

1924-1929 жылдары Финляндиядан Солтүстік Америкаға жаксы өмір іздеп қоныс аударғандардың саны 28 000 -дай еді.

1929 жылдан 1933 жылдар арасындағы дүниежүзілік дағдарыстың салдарынан жұмыс іздеп, «жаңа Советтік Карелия құру мақсатымен» шамамен 6000-8 000-ға жуық Америкадан, ал Канададан шамамен 2000-3000-ға финндер «қайта оралып» Карел жеріне көшіп келген еді. Одан кейінгі жылдары Америка мен Канада көші-қон заңдарын қатаң ұстай бастағандықтан, финндер «көрші елге»

Ресейге, оның ішінде әсіресе, Карелияға «жаңа Америка» деп ағыла бастаған болатын.

Заңсыз шекарадан өтіп келгендердің саны шамамен 15000 дай болды, алғашқыда оларды түрмеде ұстап бақылады, тексерді, жауапқа алды. Олардың арасында бала-шағасымен келгендердің балаларын тартып алып, өздерін жұмыс лагерлеріне айдды. Мұндай қорлыққа төзгісі келмегендер қайта елге қайтуды ойластырғанымен ол енді мүмкін емес еді.

Шамамен алғанда сол кездегі тұтқынға түскен 7000 адамнан 4000 құрбан болды.

1931 жылы Американың Нью-Йорк қаласында «Советтік Карелияға техникалық көмек» атты мекеме құрылды. Ол мекеменің міндеті Америкада тұратын финн азаматтарынан

көмек жинау еді. Алдымен ақшалай көмек жіберілді, содан кейін техникалық көмек, ауыл шаруашылық машина, құрал-жабдықтар жөнелтіліп отырды. Уағыздап тарту шарасын жүргізген мекеме негізгі керекті деген мамандықтары бар адамдарды таңдап іріктеді.

Орманды Карелияға, ағаш шеберлері, инженерлер, техника мамандары, қағаз жасау зауыттың жұмысшылары және шет елдік валюта өте қажет еді. Тілі бір бауырлас халық болғандықтан оларды уағыздап жұмысқа тарту өте қиындыққа соқпады.

Ал, Канадада осындай жұмысты финн коммунисті Matti Tenhunen атқарған болатын. Осы - «сіңірген еңбегіне» қарамастан ол да 1938 жылғы қуғын-сүргіннің құбаны болды.

Үй-мүліктерін сатып, Америкадан, Канададан келгендер қолма-қол тәркіленіп, жұмыс лагерлеріне жөнелтіліп отырылды.

1935 жылы Карелия өзінің автономиялығынан айрылып, елде жаппай орыстандыру жүргізілді. Басқару органдары «халық аралық ойшылдардан тазарту» жұмысын атқарды. «Халық аралық ойшылдарға» Америкадан және Канададан келген финндер жатты.

«Қызыл Карелия» атты газет бетінде елде «тыңшылар, халық жаулары, отанды сатқандар, террористердің» қаптап жүргендігі жөнінде жарияланды.

1938 жылы 1 қаңтардан бастап Ленинград облысының барлық финн тілі мектептері жабылып, мұғалімдер мектептен қуылды, қудаланды.

Сол кезде сталиндік үлкен террордың қаралы жалыны шарпымаған ешкім қалмаған еді.

Инкер жері - финн тілінде - Inkerinmaa - орысша ескі аты Ижорская земля қазіргі Ленинград облысының аумағындағы финн халқының көп шоғырланған жері.

1934 жылдан бастап Инкер халқы «саяси сенімсіздер» қатарына жатты.

1938 жылдан бастап барлық мәдени орындар; мектеп, баспасөз, шіркеуге - тиыйым салынды.

Ал 1939 жылда басталған совет-финн соғысында Финляндия шекарасына жақын тұрған мыңдаған Инкер семьяларын

Сібірге күштеп көшірді.

Екінші дүние жүзілік соғыс қалған финндердің тағдырын талқандады.

Немістер жаулап алынған жердегі шамамен 80 000 адамды Эстония жеріндегі Клоога атты тұтқындар лагеріне жіберіледі. Кейіннен олардың өміріне Финляндия мемлекеті араша түсіп, өзінің ата жұрты Финляндияға көшірілді.

Соғыста жеңілген Финляндия 1944 жылғы қол койылған келісім шарт бойынша Совет елінің азаматтарын қайтаруға мәжбүр болады. Бірақ олар бұрынғы өздерінің туған қаласына, өздерінің тастап кеткен үйлеріне қайта оралу құқынан айрылған еді. Сөйтіп олар Ресейдің басқа аудандарына көшірілді.

1937-1938 жылғы жаппай қуғын-сүргін: Сталин Кеңестік жүйенің жауларымен аяусыз күрес жүргізу керектігін тікелей мәселе етіп қойды. Осыдан кейін-ақ НКВД «халық жауларын» жоюға білек сыбана кірісті.

Сталиндік репрессия зобалаңы 1937-1938 жылдары өзінің шырқау шегіне жеткен болатын. Бұл кезеңді бүгінде ұлы зұлмат-зобалаң жылдары деп атаса, ал Карелия халқы қуғын-сүргін жылдарын «үлкен ашу» деп атады.

Ресейге жақын орналасқан Финляндия мемлекеті көп күдік туғызды. Финн азаматтарын «ақтар» жіберген» тыңшылар»,» Советтік Карелияның құрылысына» қастық жасайтын жаулар деп есептеліп, қудаланды.

Алдымен Кызыл Армияның финн офицерлері содан кейін басқарушы қызметте болған коммунистер, шет елдік коммунистер, офицерлік мектепте оқыған кадеттер соңында жалпы тұтас халық қуғынға ұшырады.

Ұлты финн болса болды, тұтқындауға сол сылтау да жеткілікті болатын.

Біраз финн азаматтарына /нақты саны белгісіз/ отанына қайта қашып бару мүмкіндігі туғанымен, оларға енді «НКВД-ның тыңшылары» деген жалған айып тағылып қудаланған еді.

Адамдарды жұмыс орнынан жүк машинасына тиеп алып кетіп жатты.

Мәселен; Петрозаводскінің симфония оркестрің музыкант-

тарын концерт кезінде тұтқындап, үстіндегі фрак киімдерімен алып кеткен еді.

Қағаз өңдеу зауытынан бір күнде 450 финнді тұтқындаған. Петрозаводскінің шаңғы жасау зауытынан 120 адам жұмыс үстінде ұсталды. Осылайша Карелияны «қашқындардан» тазартып Уралға, Қарағандыға айдап отырған.

Челябинскінің түрмесінде бір түнде 160 финн азаматтары атылған.

Сандармох - Карелия республикасындағы халықаралық меморилдық зиратың орналасқан жері. Кейінгі ұрпаққа ескерту ретінде «Адамдар бір-бірлерінді өлтірмендер!» деген жазу үлкен тасқа қашалып жазылған. Онда 1937-1938 жылдары сталиндік құғын-сүргінде құрбан болған 58 ұлттың өкілі, 9 500 адамның мәіті жатыр. 10 гектарды алып жатқан жерде 236 шұңқыр бар. Ол араға жылдар салып барып 1997 жылдың шілдесінде ғана табылған. Зерттеушілердің пікірінше әлі де тексерілмеген 6 гектар жер бар көрінеді.

КГБ-ның архивтік құжаттары 1985-88 жылдары жойылғанның салдарынан құрбан болғандардың саны жөнінде тарихшылар әртүрлі пікір айтып жүр. Анығы жаппай қырып-жою 15 ай, 1937 жылдың 11 тамызынан бастап 1938 жылдың 27 қарашаға дейін жүргізілген.

Осы құрбан болғандардың арасында финн азаматтарынан 794 ер адам, 24 әйел адам бауырластар зиратында мәңгілік қонысын тапқан.

Қанқұйлы тажал «НКВДы Карлаг»-тың қабырғасында 1940-1950 жылдардың өзінде 10 мың тұтқын көз жұмған.

Қарағандыдағы Спасозаводск лагерінде 338 финн әскери тұтқыны болған, соның 30 дайы ғана тірі оралған. Ашыққан тұтқындар белгісіз өсімдіктің түбірін қазып жеп уланған деген дерек бар.

Финн халқының тарихына да аса қайғылы болып енген сталинизм сүргінінің (репрессияның) құрбандары туралы ақиқат әлі түгел ашылып болған жоқ.

«Ақиқаттың жолы ауыр, қашан да кеш мойындалады», - деп Гельведский айтқандай, сталиндік құғын-сүргін зобалаңының

шындығын танып-білу осы күнге дейін кешеуілдеп жатыр. Сол кезеңдегі қылмыстың өте көлемді, әрі жүйелі түрде, жан- жақты болуы қазіргі таңдағы зерттеудің өте ауқымдылығын әрі жан-жақтылығын талап етеді.

2009 жылғы Европа парламентінің шешімі бойынша 23 тамыз күні - сталиндік және нацистік қуғын - сүргіннің құрбандарын еске алу күні болып жарияланды. 1939 жылы 23 тамыз - тарихта белгілі күн, сол күні Гитлер мен Сталиннің шабуыл жасамау келісім шартына қол қойылған.

Осы қаңқұйлы жылдардың оқиғасын, оның жазықсыз құрбаны болған адамдардың есімдерін мәңгі ұмытпай, оларды әрқашан есте сақтау, өткенге салауат етіп, ақтандақтар ақиқатына тереңірек мән беріп, ұғыну – бүгінгі ұрпақ парызы.

ӘДЕБИЕТТЕР:

1. Elina Sana Luovutetut - Suomen ihmislouvutukset Gestapolle Wsoy, 2003. - 467 s.
2. Eila Lahti-Argutina: Olimme joukko vieras vaan. Venäjän suomalaiset vainouhrit Neuvostoliitossa 1930-luvun alusta 1950-luvun alkuun. Siirtolaisuusinstituutti, Turku 2001. - 652 s.
3. Jukka Rislakki - Eila Lahti-Argutina Meillä ei kotia täällä. Otava, 1997. - 282 s.
4. Jukka Tarkka - Allan Tiitta : Itsenäinen Suomi - Kahdeksan vuosikymmentä kansakunnan elämästä. Otava, 1997. – 344 s.
5. Auvo Kostiainen. Loikkarit. Otava, 1988. – 284 s.
6. Фролов Д.Д. Советско-финский плен 1939 – 1944. Хельсинки, Финляндия RME Group Oy; СПб.: Алетея «Историческая книга», 2009. – 640 с.

Тепляков А.Г.

НГУЭУ, г. Новосибирск, teplyakov-alexey@rambler.ru

СТРОИТЕЛЬ ТУРКСИБА ВЛАДИМИР ШАТОВ: НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

Строитель Турксиба Владимир Сергеевич Шатов (1887–11.10.1937) к своему 90-летию удостоился двадцати строчек в Большой Советской энциклопедии – нормальный размер биографии на деятеля серьёзного масштаба в главном справочнике страны, но и в этих немногих строчках видна большая ложь советских времён: не указаны, ни настоящая фамилия героя, ни причина раннего ухода из жизни, зато дана фальсифицированная дата смерти (1943 г.), цинично сообщённая чекистами Центральному партархиву Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Место смерти тоже отсутствует. Между тем арестовали Шатова в Акмолинске, вели следствие в Москве, а уничтожили в Новосибирске. Россия и Казахстан ему обязаны многим – убеждённый анархист, а затем беспартийный на службе у большевиков, он был строителем в большей степени, чем разрушитель. Но биография этого человека, исчезнувшего в мясорубке сталинского террора, до сих пор известна слабо. В Казахстане легендарного строителя Турксиба помнят и воздают должное. Однако наиболее основательное исследование о Турксибе и Шатове пока принадлежит американскому историку.

Это была удивительная личность, не вписывающаяся ни в какие каноны. Анархист, он отказался от отрицания власти и согласился с сооружением тоталитарного государства. Сразу после окончания гражданской войны Шатов ушёл из политики на хозяйственную работу – и строил как мало кто. Он за всё брался и почти всё у него получалось. Экспроприировать сберкассы, объединять разноплеменных рабочих, устраивать революции, воевать с белогвардейцами и договариваться с японцами, создавать (не будучи коммунистом!) большевистские ячейки, а потом

организовывать целые тресты и строить тысячекилометровые магистрали – это жизнь Шатова. «Нрава он был не лилейного»: Шатов отличался не только отчаянной храбростью и отменным организаторским талантом, но ещё и был типичным авантюристом, буйным нарушителем общепринятых правил.

Создание подробной биографии В. С. Шатова – профессиональный долг историков России и Казахстана. К сожалению, публикация его биографии уже в постсоветское время оказалась отмечена грубейшими ошибками [13]. В словарной статье не были указаны его настоящая фамилия (Клигерман) и отчество (Родионович), вместо происхождения из семьи бухгалтера сказано, что Шатов – из семьи военнослужащего, а оконченное им Киевское коммерческое училище превратилось в командное. Годом ареста вместо 1936 стал 1937-й, а после смертного приговора вместо расстрела авторы «отправили» Шатова в лагерь, где он якобы и умер 17 августа 1943 г. В связи с этим необходимо уточнить важные вехи биографии В.С. Шатова.

Он родился в Киеве 24 декабря 1887 г. в семье бухгалтера Родиона Клигермана и акушерки Ольги Осиповны, урождённой Кирбес. Детство его сложилось неблагополучно: когда мальчику исполнилось восемь лет, отец покинул семью, где подрастали два младших брата Владимира (один из них, достигнув юношеского возраста, погиб в драке, второй дожил до 1977 г.). Кипучим и безудержным темпераментом природа наделила и Владимира Шатова. С 1903 г. он состоял в социал-демократическом кружке, трижды арестовывался, а в октябре 1905 г. являлся начальником отряда еврейской самообороны киевской Демиевки. В 1906 г. Шатов участвовал в экспроприации сберкассы, где было взято около 15 тыс. руб., а в следующем году эмигрировал в США (Архив УФСБ по Новосибирской обл. Д. П-2853. Т. 1. Л. 30–49), где быстро превратился в активного рабочего вожака-анархиста Билла Шатова, или Большого Билла. С 1909 г. он состоял в организации «Индустриальные рабочие мира» и занимался всеми видами революционной работы – от выпуска газет до охраны преследуемых полицией коллег. Самого Шатова арестовывали четырежды. В марте-апреле 1917 г. он занимался отправкой эмигрантов-анар-

хистов в Россию [15], а в мае сам вернулся на родину и быстро занял место среди виднейших организаторов рабочих Петрограда. Войдя, по предложению Я.М. Свердлова, в Военно-революционный комитет при Петросовете, Шатов оказался в числе руководителей Октябрьского переворота.

Став комендантом Петрограда, Шатов командовал захватом убийцы М.С. Урицкого Леонида Каннегисера и провёл его первые допросы. В конце 1918 г., организовывая разгром повстанцев Булак-Балаховича, Шатов некоторое время возглавлял ревком в Пскове, где взял 300 заложников из числа имущих и офицеров, после чего организовал решение о расстреле каждого третьего из них (однако Псковская губЧК ограничилась расстрелом 56 чел.) [5: 135].

Вторично к широкому красному террору Шатов прибег осенью 1919 г. в Гатчине, расстреливая как заложников, так и пленных, чем потом похвалялся [9: 103, 106, 111]. К этому времени он, наряду с Г.Е. Зиновьевым и И.В. Сталиным, являлся членом РВС 7-й армии. Командуя 6-й дивизией, Шатов внёс значительный вклад в кровопролитную оборону Петрограда от войск Юденича и получил орден Красного Знамени № 497. [14: 23–24]. Вскоре Шатов ненадолго оказался в тюрьме по уголовным обвинениям [7: 242] и смог освободиться в январе 1920 г. благодаря личному поручительству Сталина в Политбюро ЦК РКП(б) (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 6. Л. 1: указано И.А. Курляндским).

После освобождения Шатова «сплавили» в Сибирь на должность окружного комиссара путей сообщения. Новониколаевская газета «Красное Знамя» 1 апреля 1920 г. опубликовала изложение его энергичного доклада «Международное положение и государственная транспортная разруха». Шатов весьма недипломатично высказался о том, что увидел: столицы голодают, а Сибирь богата продовольствием, но спит «крепким сном, сном лени и саботажа». Из Сибири он быстро уехал в только что образованную Дальневосточную республику, правительство которой возглавил его хороший знакомый по эмигрантским делам А.М. Краснощёков. В ДВР Шатов первое время был вторым человеком в правительстве, отвечая и за внешнюю политику, и строительство Госполитохраны – аналога ВЧК. Парадоксально, но анархо-

синдикалист Шатов летом 1920 г. являлся председателем президиума фракции коммунистов Правительства ДВР (РГВА. Ф. 221. Оп. 2. Д. 31. Л. 90).

Шатов был назначен министром иностранных дел, а потом министром транспорта. В 1920 г. он вёл нарочито длинные переговоры с японцами, оставляя подчас им в заложниках собственную жену. Обеспечив мир для «буферной республики», Шатов не смог из-за отсутствия средств поднять из руин железнодорожный транспорт. Сотни взорванных и сожжённых красными партизанами мостов привели железную дорогу к такой разрухе, с которой невозможно было бороться. Главком Народно-Революционной армии ДВР 16 января 1921 г. писал начальнику военных сообщений и министру транспорта, что провозная способность на Читинской и Амурской железных дорогах в одну пару поездов в сутки «ставит маневренность действующих армий в недопустимое положение» (РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 500. Л. 67). К осени 1921 г., когда поражение и отстранение Краснощёкова от власти оказалось предопределено натиском партизанщины, и в Дальбюро ЦК РКП(б) он оказался в меньшинстве, произошёл крах дальневосточной карьеры и Шатова. Местные руководящие чекисты обвинили министра в развале транспорта, засорении его белогвардейцами и шпионами (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 114. Л. 128), после чего он покинул ДВР.

Обосновавшись в Москве, Шатов сразу получил видные хозяйственные посты на периферии и в столице. В 1925 г. А.И. Микоян, выступая на пленуме Северо-Кавказского крайкома РКП(б), заявил: «Шатов не член крайкома, не член партии... управляющий госбанком... все поручения исполнял лучше любого коммуниста» (Архив УФСБ по Новосибирской обл. Д. П-2853. Т. 1. Л. 159). К большевикам наш герой в период Гражданской войны относился критически и друзьям-эмигрантам из числа анархистов, отмечавших позднее «дикую разнузданность» характера Шатова, обещал, что «он будет первым, кто свергнет большевиков», когда республика окрепнет и избавится от внешней угрозы [1: 55–57]. Белые и интервенты были для него смертельными врагами, и ради борьбы с ними Большой Билл готов был идти вместе с го-

сударственниками-большевиками. Как и бывший член ВЧК Ф.П. Другов, Шатов мог сказать: «Моя программа – через коммунизм к анархии» (ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1712. Л. 4). Надо сказать, что до 1924 г. Шатов оставался анархистом, и только после полного разгрома органами ОГПУ какой-либо организованной деятельности анархистов признал себя беспартийным. Дальше этого компромисса он не пошёл, до конца дней оставаясь вне коммунистической партии. Однако большие успехи в порученных делах и определённая близость к Сталину позволили ему получить в 1927 г. назначение на должность руководителя крупнейшей, наряду с Днепрогэсом, советской стройки – железной дороги, соединившей Сибирь и Казахстан со Средней Азией.

Сталин 6 мая 1927 г. получил от Шатова следующее письмо:

«При нашем последнем разговоре 18 марта с.г. Вы предложили мне составить список необходимых пособий на русском и английском языках для того, чтобы заняться вопросом железнодорожного строительства, указав на возможность приобретения всей необходимой литературы за счет ЦК. Прилагая два списка пособий русских (614 р.) и английских /98 долл./, прошу Вашего ответа – могу ли я рассчитывать на Вашу помощь в приобретении этих пособий.

С товарищеским приветом В. Шатов».

Приложение на пяти листах перечисляло массу специальных трудов: книги по физике, химии, теоретической и прикладной механике, геологии, курсы дифференциального и интегрального исчисления, аналитической геометрии, теоретической механики, физики, акустики и оптики, неорганической химии. Также Шатов заказал «Курс паровозов» Кестнера, «Тепловоз и его значение» Мекка и Дмоховского, а также 23 книги по железнодорожному строительству: общие курсы железных дорог, изыскания, верхнее строение, геодезия, проектирование. Ещё в списке значились 13 книг по строительной механике и железобетону, 17 книг – по мостам, 27 – по строительным работам, 22 – по архитектуре, 13 – по стройматериалам, 14 – по гидравлике, водоснабжению и канализации, семь – по станциям и ещё восемь справочников. Венчали

список 25 английских книг по вопросам железнодорожного строительства (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 830. Л. 53–58).

Весной 1927 г. Шатов прибыл в Алма-Ату и сразу выступил с докладом на заседании губисполкома о строительстве Турксиба: «Такая стройка – первая в стране. Старых кадров строителей мы почти не имеем. Часть из них умерла, часть находится в эмиграции. И только небольшая группа старых строителей инженеров осталась в СССР, на которую мы можем рассчитывать». О нём вспоминали: «Высокообразованный был человек, людей не ломал, но пьешь – выгонит. Воруешь – выгонит» [8: 17–94].

Шатов добился у Я.Э. Рудзутака гарантий того, что в дела Турксиба не будет никакого вмешательства со стороны местных органов власти [17: 24]. Обладая огромными полномочиями, он смог в труднейших условиях эффективно руководить 50-тысячной армией строителей почти 1500-километровой магистрали, которые из-за тяжёлых условий труда и недостаточной оплаты не раз поднимали забастовки. С водой и пищей возникали перебои, случались вспышки эпидемических заболеваний, полчища полевых мышей атаковывали палатки и юрты, падая прямо с потолка на людей, в кухонные котлы... [6: 3]. Основной объём масштабных земляных работ был выполнен вручную, хотя на строительстве и была задействована в заметном для тех лет количестве американская техника, включая экскаваторы.

Замечательный портрет Шатова на стройке (не называя имени) дал известный сатирик Ефим Зозуля: «Этот – один из самых главных. Он – работага, крикун, говорун, актёр, оратор. Он ласков со всеми, внимателен, чуток и тут же орёт на всех. Он всё замечает, он подвижен, вездесущ. Энергия клокочет в нём.

Говорит на какой-нибудь станциишке толпе загорелых рабочих, казахов, грабарей, землекопов, женщин и детей о костылях, о балках, о гвоздях и заклепках, а потом вдруг, раскачиваясь всем телом, орёт громовым голосом о социализме, о будущем, о счастье человечества. Хватает ребёнка, ставит на грузовик. Но этого ему мало – с грузовика на ящик, и кричит, что это для него, вот для этого ребёнка, построена железная дорога, для него, для будущих поколений!.. Он – народный трибун! Позёр! Весельчак!

Сентиментальный мечтатель и суровый строитель – одновременно!.. Он умеет мчаться на дрезине по выжженным степям и устраивать дикие скандалы визгливым голосом из-за костылей, гвоздей, шпал, каких-то заклёпок. Но кончилось дело – он опять актёр, режиссёр, народный герой...

Вот он опять расхаживает по грузовику или помосту, раскачивая руками и поводя плечами, как народный любимец, как всеобщий признанный весёлый дядя-папаша...

Вот он опять хватает мальчика-пионера и кричит ему: «Говори!» Выволакивает из толпы древнего старика и ему кричит: «Говори!»

И старик говорит. А за ним пионер-казашенок стучит в барабан – здесь в жёлтых, голодных степях это единственный и поучительный театр... И после его речей, криков, искреннейших мечтаний о будущем и твёрдых приказов – работают. Как работают! Работают лучше, чем работали...

И вот дорога готова. Говорят, что о нём с удивлением пишут во всём мире. Что ж, он заслужил это. Он строитель. Его грудь украшает орден Красного Знамени».

Зозуля откровенно писал о трудностях огромной стройки: «Летом жара, чудовищная пыль, ветры, самум. Зимой ледяной холод, болезни, бегство, всевозможные недовольства. Надо воспитывать, устраивать, кормить, ублажать, внушать уважение. Но какое тут уважение! Казахи на верблюдах неудержимо хохочут – паровоз пошёл по плохой насыпи и опрокинулся!.. Вот тебе и шайтан-арба, то есть поезд! Вот тебе и советская власть! И Турк-сиб! Ха-ха-ха! Ху-ху-ху! Азиатский хохот в степи!.. Или вдруг в ледяном зимнем степном мраке – звериный рёв... Люди выбегают из бараков, из землянок. Рабочие. В одном белье, но с ломami в руках, молотами, топорами. Что такое?!.. Это, оказывается, любовь... Ревность! Тут, в голодной степи, в болезнях, в холоде, во мраке заварилась любовная ревнивая склока... Девушка изменила, ушла от костыльщика к грабарю... И вот пошли все костыльщики на всех грабарей вымещать тоску и отчаяние непосильной жизни... <...>

Ведь сколько гнусности выплёскивалось из людей, разнуж-

данных беззаконностью и нравами выжженной степи. Кроме работы на стройке, передовым рабочим-партийцам и комсомольцам приходилось вести неустанную работу в бараках. Ведь тут порой издевались друг над другом, издевались над казахами, мазали им, мусульманам, губы свиным салом... Сколько сил ушло на борьбу с бандитами, шкурниками, пьяницами!.. Тут сатанели от водки, которую тайно привозили в бутылках, вплетённых в густую верблюжью шерсть. Сколько сил стоило упорядочение быта, введение персональной посуды, перевоспитание казахов, обуздание отщепенцев в среде трудящихся!» [4].

На этом фоне не так уж фантастично выглядит острый рассказ Алексея Толстого об одном из эпизодов стройки, переданный в мемуарах Романа Гуля: «Толстой... рассказал, как Шатов строил Турксиб. “Жара, степь, пески, женщин нет, мужчины с ума сходят. Шатов в Москву телеграмму: “Прошу спешно двести пятьдесят бл..й!”. Не поверили в серьёзность, а Шатов — вторую. Не верят. Он в Москву своего “эmissара” прислал: объяснить положение. Тот и привёз на Турксиб сто пятьдесят, поместили их в бараках и... Турксиб построили!»» [2].

28 апреля 1930 г., на 17 месяцев раньше установленного срока, на ст. Огуз-Оурген (Айма-Булак) произошла смычка двигавшихся друг навстречу другу строительных отрядов. Шатов обменялся телеграммами со Сталиным, а несколько недель спустя очередному партийному съезду было зачитано приветствие от Шатова с обещанием успешно завершить великую магистраль и «выполнение остающихся крупных работ», чтобы «подготовить и сдать в нормальную эксплуатацию Турксиб – стальной привет Советского Казакстана, первое детище пятилетки» [12: 98]. Но из-за отсутствия нужной инфраструктуры Турксиб начал работу только восемь месяцев спустя и в ограниченном режиме. Позднее дела наладились. А Шатов получил орден Трудового Красного Знамени.

В чём-то Шатов был похож на Л. Б. Красина и других самых дельных немногочисленных большевиков, умевших быстро разобраться в крупном деле и удачно его осуществить. В отличие от большинства советских номенклатурных чиновников, за-

частую проваливавших порученные дела, Шатов был незаменим. Но политическое недоверие к старому анархисту, всегда имевшему собственное мнение, разрушило его постепенную карьеру (с 1930 г. – начальник Сибстройпути в Новосибирске, с 1931 г. – начальник Главжелдорстроя НКПС, с 3.1.1932 по 19.7.1933 – заместитель НКПС СССР). На падение Шатова, потерявшего летом 1933 г. должность заместителя наркома путей сообщения, откликнулась американская пресса, внимательно следившая за его биографией [16]. С 1933 г. он строил железнодорожную магистраль Москва – Донбасс, а в марте 1936 г. Шатова вновь направили в Казахстан на сооружение железной дороги Нельды – Джезказган.

Чекисты следили за Шатовым и 25 декабря 1936 г. он был арестован УНКВД по Карагандинской области по приказу Лубянки как анархист, встречавшийся в 1928 г. с Троцким в Алма-Ате. При обыске чекисты забрали не только два ордена Красного Знамени, два пистолета, 10 карманных часов, 9 готовален, патефон, но и 90 листов переписки, а также личный дневник на 120 листах. Все документы, изъятые при аресте, потом уничтожили. Самого Шатова сломали только через два месяца, когда он согласился написать письмо на имя Н.И. Ежова с признанием вины во вредительстве. Шпионскую и заговорщицкую деятельность Шатов отрицал твёрдо, соглашаясь с тем, что излишне тратил государственные деньги на строительство жилья для рабочих и красивые станционные здания. Столичные чекисты отчаялись получить от него какие-нибудь подходящие показания и в мае 1937 г. передали новосибирским коллегам, чтобы те «размотали» крупного врага народа по своим материалам: недаром летом 1937 г. управление НКВД по Запсибкраю считалось вторым по эффективности во всём СССР [11: 254]. Западносибирские чекисты готовили внушительное шпионское дело на основе признаний тех, кто жил до революции в США. Защищая свою честь, Владимир Сергеевич стоял до последнего, выдерживая конвейерные допросы и карцерное содержание (получил 20 суток «за антисоветское поведение на допросе» – пытался ударить следователя стулом) (Архив УФСБ по Новосибирской обл. Д. П-2853. Т. 1. Л. 84–89; Т. 2. Л. 97–227). Из бывшего замнаркома так и не удалось сделать лидера,

поэтому он прошёл как рядовой участник «организации». Известно, что тройка НКВД не имела права осуждать специалистов, тем более крупного номенклатурного уровня – они подлежали суду военной юстиции. Но с несговорчивым Шатовым расправились в тайном порядке, «пропустив» через тройку 4 октября 1937 г. со смертным приговором за некую «контрреволюционную националистическую деятельность». Реабилитация пришла в 1955 г. по ходатайству жены, отбывавшей ссылку в Новосибирской области [11: 582–589]. С 1960-х гг. имя Шатова стало упоминаться в советской печати в положительном контексте, вышла даже юбилейная статья [3: 3]. Остальное для памяти В.С. Шатова предстоит сделать современным историкам.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вильямс А.Р. Путешествие в революцию. Россия в огне гражданской войны. 1917–1918. М., 2006.
2. Гуль Р.Б. Я унёс Россию: Апология эмиграции. Том 1. М., 2001.
3. Дубров М. Слилось с судьбой страны // Гудок. № 202. 1987. 2 сент.
4. Зозуля Е.Д. Мастерская человеков и другие гротескные, фантастические и сатирические произведения. Одесса, 2012.
5. Интервенция на Северо-Западе России (1917–1920 гг.). СПб., 1995.
6. Каратаева Г. Как строили Турксиб... // Казахстанская правда. 2007. 2 февр.
7. Красный террор в Москве: свидетельства очевидцев. М., 2010.
8. Осадчий Ф.Я. Великий творец добра и света: страницы судьбы инженера М. Тынышпаева. Алматы: Арыс, 2001.
9. Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. М., Оренбург, 2001.
10. Тепляков А.Г. Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД в 1936–1946 // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 21. Atheneum – Феникс. М.–СПб., 1997.
11. Тепляков А.Г. Революционер-анархист, воин и строитель Владимир Шатов // Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 2. Новосибирск, 2008.

Глеубергенева С.И.

*Зыряновский филиал КГУ «Государственный архив»
Управления культуры, архивов и документации
восточно-Казахстанской области, г. Зыряновск,
saule.57@mail.ru*

ТОТАЛИТАРНЫЙ РЕЖИМ 30-40-годов XX века - В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ ОЧЕВИДЦЕВ

Архивные документы являются немymi свидетелями истории. Ни одно серьезное исследование, ни одно историческое издание немыслимо без первоисточников. А хранятся эти подлинники в архивах – хранилищах исторической памяти. Как возрождалось, развивалось и крепло наше государство можно достоверно рассказать только по архивным документам. В государственных архивах есть специально оборудованные читальные залы, в которых можно проводить исследования на интересующие темы.

В годы, когда отмечается какая-либо знаменательная дата, любой серьезный журналист, писатель, ученый начинает свою работу именно с архивов. Хроника событий отражена в документах учреждений и в документах личного происхождения. Работа над дипломными проектами, другими научными трудами студентов вузов должна начинаться с изучения архивных материалов. Ведь ни для кого не секрет, что с внедрением в жизнь новых технологий, интернета, сайтов, которые предлагают обучающимся готовые работы, подавляющая часть молодежи использует в своих трудах то, что лежит уже на поверхности, в готовом виде. И сотни тысяч работ студентов не носят уже исследовательский характер, а просто дублируют то, что найдено на страницах всемирной сети, опубликовано в научных трудах ученых прошлого века. Новые факты многогранной истории, то, что еще неизвестно, не опубликовано никем, кроются в архивных документах и в воспоминаниях очевидцев тех далеких лет. Потому целесообраз-

на организация различного рода полевых экспедиций, поиск свидетелей реализации политики тоталитарного режима.

Видеозаписи воспоминаний старожилов, прошедших через те страшные годы, отражают страницы истории, которой нет в учебниках, в документах власти. Пока еще живы эти очевидцы, надо как можно больше этих воспоминаний собирать, записывать и вносить в архивы. Ведь любая власть стремится выглядеть в более выгодном свете, т.е. быть демократичной. Именно из-за этого история страны, изложенная в учебниках, вызывает сомнения в правильности отражения и вопросы у последующих поколений.

Одним из проявлений тоталитарного режима в стране явилась страшная трагедия в истории Советского государства - голод начала 30-х годов, жертвами которого стало множество человеческих жизней. Насильственная коллективизация, разорение крестьянских хозяйств, обобществление имущества, различные акции, проводимые в этот период, жесткое администрирование, а также сыгравший свою жестокую роль человеческий фактор, привели к тому, что население Зырянского района, которое во все времена могло свободно себя прокормить, вдруг оказалось на грани вымирания.

«Коллективизация в СССР имела страшную оборотную сторону, о которой говорить было опасно, чревато обвинением в «злостной клевете на советскую власть» - такой вывод сделан госархивом Восточно-Казахстанской области в первой попытке раскрыть «белые пятна» истории нашего региона. Сразу нужно оговориться, что документы, содержащие негативные сведения о политике и практике советской власти были своевременно изъяты из местных архивов и, видимо, уничтожены, а публикуемые документы – случайно оставшиеся по недосмотру» [1:4, 6].

Доказательством тому являются документы, сохранившиеся в государственном архиве Зырянского района и отражающие реальную картину тех времен. Они отложились в фондах исполнительного комитета Зырянского, Катон-Карагайского районных Советов депутатов трудящихся, Зырянской городской государственной статистики, народных судов Зырянского, Катон-Карагайского районов.

В документах о лишении и восстановлении избирательных прав можно Зырянского РИК сохранились множество заявлений колхозников и единоличников, в которых рассказывается о несправедливости, безжалостном отношении власть имущих к простым людям: «В предвыборную компанию за 1929-1929 гг. Мне, Бородулину Павлу Ивановичу 57 лет, я преклонных лет, сыновей нет. В силу неимения трудоспособных членов семьи, мне пришлось нанимать погонщика 10-12 лет мальчика по договору и одобрительный лист от районного исполкома есть, но меня лишили права голоса, как барышника» [2: 13].

Красный партизан Ф.В. Шевченко в своих воспоминаниях писал: «До революции в селах Зырянского района преобладало на 60-70% кулачество, которое имело в своих хозяйствах по 50 и более лошадей, по 40-50 коров, до 500 ульев пчел, имели маралов, содержали годовых работников до 5 человек, а в летний сезон до 15-20 человек, преимущественно казахов».

Когда в Бухтарминский край пришла Советская власть, то она, прежде всего, потребовала от крестьян отдать свой хлеб государству, однако взамен хлеба она не могла дать предметов широкого потребления. Государство могло только обещать, что в будущем снабдит деревню всем необходимым.

«Служебное рвение местного начальства превратило кампании по коллективизации, сбору сельхозналога, хлебозаготовкам, выселению баев и кулаков, конфискация имущества в акты вопиющего произвола: хлеб отбирался весь, конфискации скота подвергались не только баи, но и рядовые скотоводы».

«Творческая инициатива» борцов с частной собственностью дала свои результаты. К 1932 году 87 % колхозников и более половины единоличников осталось без скота [1: 6].

Голод пришел и в наш благодатный край. Документы свидетельствуют, в частности в Зырянский районный исполком (РИК) в 1930 году обращаются все сельсоветы с просьбой о выдаче наряда на хлеб. Нижне-Пихтовский сельсовет от 30 июня 1930 года докладывает в Зырянский РИК: «... граждане собрались около хлебного амбара, требуют хлеба, или противном случае хотят насильно сломать замки и забрать хлеб. Срочно приезжайте

или шлите наряд [3: 42].

Документы Путинцевского сельсовета от 31 мая 1930 года свидетельствуют: «Настоящим Путинцевский сельсовет сообщает, что 31 мая явилась группа из села Козлушка и начала разбивать амбар. Просим срочно или дать наряд или какие-нибудь содействия» [3: 67].

Из управления Богатыревского потребительского общества в Зырянковский РИК направляется письмо: «Нижнепихтовское отделение доносит, что 2 июня днем толпа населения взломала замок у склада заготовок и самовольно забрала хлеба государственной заготовки 54 пуда. Просим принять срочные меры к выяснению виновных в захвате хлеба». Председатель правления, счетовод Сашук [3: 71].

Документ из Бобровского сельсовета: «Зырянскому РИКу: «Сегодня 1 июня толпа бедняков и женщины, собравшихся к сельсовету требовала выдачи хлеба на продовольствие, а так как в сельсовете хлеба нет, то нам с трудом пришлось уговорить, что пошлем за нарядом и по возможности удовлетворим остро нуждающихся бедняков, которые угрожали разбить двери, сломать замки у амбара. Чтобы не допустить этого, просим РИК дать наряд на 200 пудов пшеницы для остро нуждающихся, которые действительно голодают» [3: 74].

Парыгинский сельсовет пишет 30 мая 1930 года: «Масса нуждающихся в продовольственном хлебе ежедневно приходит в сельсовет и просит хлеба. Даже угрожают взломать амбары. Чего можно ожидать вскоре, так как население сильно нуждается и разъярено. Просим дать наряд по минимуму» В Парыгинский сельсовет докладывает правление Парыгиского общества потребителей о нападении женщин на хлебные склады [3: 76-77].

По Богатыревскому сельсовету от 30 июля 1930 года: «Зырянскому РИКу. Настоящим ставим вам в известность, что в нашем сельсовете 235 дворов, около 800 душ голодающих не имеют едового хлеба, поэтому просим выслать нам наряд пудов на 200, иначе положение критическое и терпимо быть не может. Либо идут в сельсовет и берут за грудки и даже угрожают убийством. В срочном порядке шлите наряд» [3: 80].

Аналогичные документы были присланы в исполком и из других сельсоветов. Сохранился также протокол общего собрания граждан с. Соловьево с повесткой дня о расхищении хлеба и снабжении бедноты и батраков хлебом [3: 83].

Козлушинским сельсоветом выдается справка: «Дана настоящая (справка) от Козлушинского сельсовета коммуне «Горный пахарь» в том, коммуна полностью, в 200 едоков, на 10 июня хлеба едового не имеет, так как хлеб был обобществлен, и в коммуне батрачество и беднота. За неимением хлеба люди на сегодняшний день не вышли на работу, тем самым может встать и посевная компания, срывается план работы в коммуне. У сельсовета на поддержку хлеба нет» [3: 89].

В протоколе Бобровского общебедняцкого собрания Бобровского сельсовета от 22 июня в повестке дня был вопрос о снабжении населения хлебом. В прениях Барышев высказался, что советская власть забыла и бросила грязь в лицо. Он сказал, что советская власть спекулирует крестьянским хлебом, забирает по 80 коп., а с бедняков берет по 1 р. 50 коп. [3: 92].

Заведующий Богатыревской школы А.И. Кучменко обращается в Зыряновский райисполком 14 февраля 1930 года с заявлением: «Прошу РИК уже третий раз о выдаче мне наряда на хлеб, купить хлеб за деньги почти невозможно, а если можно, то надо ехать в другие деревни за покупкой, а занимаюсь я в две смены, да еще вечером ликбез. Голодом работать невозможно, прошу дать наряд на шесть душ семейства моего. В противном случае я вынужден буду оставить школьные занятия и поехать по другим деревням купить хлеба. Наряд, на который мне было выдано два пуда, не выдан, потому что хлеба в Богатыревском ПО и в сельсовете нет» Под заявлением приписка: «Богатыревский сельсовет подтверждает, что хлеба у товарища Кучменко нет и достать невозможно. Богатыревский сельсовет просит послать учителю Кучменко наряд, ибо он сидит голодом, и это, верно, дайте наряд». (Заверено печатью и подписью председателя сельсовета) [3: 1].

В Семипалатинский окружком шлет телеграмму секретарь РК ВКП(б) Панчехин: «Беднота остро нуждается в хлебе. Осо-

бенно семьи бедняков, выехавших для ликвидации восстания. Наряда нет. Нужно первое время 25 тонн» [3: 12].

Есть в документах и заявления от отдельных граждан и групп людей. В Орловский сельсовет пишет заявление 18 мая 1930 года Кунюнов Мынбай: «Так как у меня 8 едоков и хлеба и продовольствия нет, прошу выдать мне отсевки из сельхозфонда или по наряду РИКа, сколь возможно, прошу не отказать. В Парыгинский сельсовет с заявлением обращается группа беднячек женщин села Парыгино: «Настоящим просим с/совет принять меры к тому, чтобы кооператив не отправлял остаток хлеба из своих складов, так должно быть известно, что у нас хлеба нет с самой весны. И мы, получая по 4 фунта хлеба на душу населения, бились понемногу, но если увезут хлеб последний, в селе не останется ни фунта, мы должны умирать с голоду, до нового хлеба осталось больше 2-х месяцев и самое трудное рабочее время: полка и сенокос над головой. А поэтому просим принять нашу просьбу во внимание и, не увозя хлеб, распределять хлеб хотя бы понемногу самым беднякам и батракам. А если вы не будете оставлять хлеб, то мы не дадим хлеб отправлять. Голодной смерть не страшна. К сему подписались за неграмотных Игнатов, Кареву, Легалову, Белозерову, Пантелееву, Бондаренкову, Борзых, Федорову по просьбе и за себя. Байкова Ульяна, Байкова Елена. Анна Колмогорова за неграмотную Сизову» [3: 131].

Есть список лиц, разграбивших государственный хлеб, по Соловьевскому сельсовету, в нем указано 66 фамилий» [3: 165].

Зырянское управление Алтайской концессии акционерного общества «Лена Гольдфильдс» в письме от 24.07.1930 года № 651 обращается в Зырянский РИК сообщает «Зырянское рудоуправление имеет наряд на 1500 пудов хлеба, который еще не получен. Если же сдать хлеб по гарнцевому сбору, то в складах Зырянского рудоуправления не останется совершенно ни зерна» [3: 207].

В тот же Верх-Мякотинский сельсовет написано заявление Макаровой Ефросиньи Михайловны: «Прошу сельский Совет разобрать мое заявление в том, что распродажа моего имущества произведена с торгов, я считаю, неправильным, так как мое хо-

зайство не принадлежит по закону продаже, является маломочным (так в документе). Мой муж Макаров Матвей лишен права голоса до предвыборной компании, признан как религиозным культсвященником, но и за это в данное время находится в доме заключения. Все эти ложные доказательства и через эту ложь идет на меня вся тягота, которая применяется к классу кулаки» Но мой муж был передовиком на всех мероприятиях Советской власти, был избран членом сельсовета с 1926 по 1929 годы. Эксплуатацией чужого труда не занимался, сам лично работал, своим трудом помогая бедноте. Прошу опечатанный в амбаре хлеб оставить, так как я осталась с малолетними детьми совершенно без куска хлеба» [4: 10].

Списки имущества, конфискованного у людей, рассказывают о том и бедственном положении сельчан, и о том, что этот весьма и весьма скудное хозяйство их было описано в пользу государства: это и банка стеклянная с крышкой, туесок деревянный, ступка и подушка с наволочкой и прочее [4: 6]..

Кто является виновником этой трагедии, как могла допустить это власть Советов, объявлявшая себя народной властью, об этом сейчас много говорят и пишут. Сталинская политика в области планирования, обязательных поставок сельскохозяйственной продукции отражена в документе, который сохранился в Зыряновском госархиве. Это Постановление Совета Народных комиссаров Казахстана, подписанное его председателем Исаевым. В нем есть цифра, отражающая план хлебозаготовок в Казахстане на 1929-1930 годы - 42 630 000 пудов. А коли правительством было так запланировано, на местах ничего не оставалось другого, как исполнять. Хлеб был обобществлен, у крестьян отняли весь урожай, а наряды на хлеб выдавать РИК не мог, потому что надо было исполнять план, спущенный сверху. И поэтому кулаками объявлялись даже те, которые имели в хозяйстве по 1 голове скота, описи отнятого имущества у крестьян тоже есть в архиве. Эти описи свидетельствуют о том, что изымались даже личные вещи, предметы одежды: рубашки, платки, валенки и прочее. Есть заявления с просьбой разобраться и вернуть то, что было отнято. В нашем Зыряновском районе земли плодородны, прокормить тех,

кто имел наделы и посеы, матушка-природа всегда могла, а тот факт, что изо всех сельсоветов шли просьбы о выдаче наряда на хлеб, и голодные люди бастовали, устраивали погромы и взломы общественных амбаров, говорит о том, что у даже у бедных крестьян отняли последнее, не говоря уж про кулаков.

Коллективизация в Катон-Карагайском районе проходила по той же схеме, как и в Зырянском районе.

В документах Катон-Карагайского районного исполнительного комитета хранится протокол заседания Президиума Семипалатинского окрисполкома от 07.12. 1928 года. В докладе торговдела, есть в постановление: «... усилить борьбу со спекулянтами и перекупщиками, кулацкой байской частью деревни, задерживающей излишки хлеба... В случаях отказа в заключении договоров на сдачу гарнцевого сбора, а также их невыполнение принимать решительные меры, вплоть до предания суду» [5: 99-101].

В ответ на это постановление руководство района было вынуждено принимать меры: есть протоколы о лишении избирательных прав жителей этого района. В каждом деле есть жалобы жителей, вынужденных оправдываться из-за необоснованных претензий к их имущественному положению [6: 1-58], имеются списки лиц, подвергнутых репрессиям за несдачу хлеба сельсоветам [6: 64-73], описи имущества за неуплату сельскохозяйственного налога [6: 60-61].

Если раньше тема голода была под запретом, то сейчас и писатели, и ученые, и студенты вузов усиленно изучают эту тему, пишутся книги, научные труды. Малоизвестный период истории постепенно обрастает новыми подробностями. Кто виноват на самом деле, почему такая огромная страна с богатейшими природными ресурсами, подверглась такому жестокому испытанию, когда погибли в один год миллионы людей не только в Казахстане, но и в других республиках, это еще предстоит выявить и выяснить.

Трагедии прошедших лет не должны повторяться, поэтому мы так часто возвращаемся к прошлому страны и ищем ответы на свои вопросы и сомнения в архивных документах, анализируем, сравниваем. И вывод напрашивается сам: голод, о котором

пишут и спорят сейчас в странах бывшего Советского Союза, не выбирал, к какой национальности принадлежали люди, это было общее горе для всех, кто жил тогда в этой большой стране.

Из воспоминаний крестьян Зырянского района.

В архив пришла женщина, которая в данное время живет в селе Первороссийское Зырянского района. Всю жизнь она вела дневник-описание своей жизни. О тоталитарном режиме и фактах вредительства в военные годы свидетельствует рассказ Лихониной Валентины Михайловны:

«Шел последний год войны – 1944 г. Всё уже надеялись, что победа будет скоро. В марте месяце все кони были распределены по заплужникам. Их уже их не давали в другую работу, а откармливали к весенней посевной. Силосные ямы к тому времени у нас еще были уже выбраны. Приезжают к нам три вооруженных в синих халатах санитаров и говорят нам: «Будем коней стрелять, они заразные».

Моя сестра с 1919 года она конюхом работала. Накидали лошадям на глаза повязки, подводили к силосной яме и стреляли, кони падали в яму. Сестра моя прибежала домой, плачет: «Коней повели под расстрел». Вся деревня всполошилась. Все мальчишки готовились к весне, бичики (кнуты) делали, у каждого конь был друг и любимчик. Все детишки плачут. Это знаете, рассказать невозможно. Расстреляли коней, закидали яму и уехали санитары в синих халатах. А яма дышала, кони были не совсем расстреляны. Замерла вся деревня, как будто вымерла. Перед самой посевной такой удар дать колхозам, людям, которым скоро будет наша победа и оборвать. Прошли эти в синих халатах по нашему краю, и никто не смог им воспротивиться, совершенно люди были безграмотны, чтобы куда-то сообщить, почему это так допустили: перед самой посевной, весной уничтожили коней. Остались 4 коня, они были паршивые, совсем далеко держались от здоровых коней, их и не тронули.

Пришла весна: пахать не на чем, впрягались сами, впрягали коров и быков, женщины, которые были посильней, бороны тащили, бороныли - кто с граблями, кто с тяпками, просо сеяли под грабли, под тяпки. Назло врагам, мы посевную тогда вовремя

провели» [7].

Аубакиров Зейнолда, 1928 года рождения, проживающий в данное время в селе Средигорное Зыряновского района, вспоминает:

«Про голод 30-х годов я помню очень хорошо. Мои родители погибли от него тогда, потому нас дед, чтобы нас спасти, отдал в детдом в Катон-Карагайском районе, откуда потом забрал, когда положение чуть улучшилось. Я сам видел, сколько погибло тогда людей, потому что мой дед был муллой, потому его приглашали на проведение обрядов погребения. Хоронили людей ежедневно. Гибли десятками старые и молодые люди, которым жить бы да жить. Но самое страшное в жизни испытание – это испытание голодом. Выдержать его не каждому под силу. Я молодым говорю: «Вы не бойтесь умереть от пули. Смерть от пули бывает такой, что и не заметишь ее, а вот самое страшная и мучительная - это смерть от голода, это я знаю по себе. Когда был голод, погибло очень много казахов, так они не садили огородов. Если бы была картошка, морковь и другие овощи, то столько бы не погибло людей. Основной пищей у них было мясо, молочные продукты, тары, а когда отобрали скот, народ оказался без продуктов питания».

Про работу в колхозах говорит следующее: «Работы в селах и аулах было очень много, а получать за нее было практически нечего. За тяжелый мучительный труд полагались только трудодни. Когда подходило время расчета, оказывалось, что колхозникам не только что-то положено за труд, но и они же и оставались в долгу перед государством, которое его кормило в период работы на полях. Понимая все трудности колхозников, руководители колхозов пытались что-то все же выделить своим сельчанам, за что и нередко сами бывали наказаны вплоть до тюремного заключения. Многие из них так и пострадали из-за жесткой политики государства, проводимой в те годы. Их вызывали в райком на бюро, наказывали за то, что они этими своими противоправными действиями причиняли вред государству. Времена были таковы. Председатель колхоза Огнев Фёдор Никитич, очень хороший человек, рассказывал о том, что из-за того, что он отсидел

в тюрьме за то, что пытался помочь трудовому народу. В отчете о доходах колхоза он часть урожая не указал, с тем, чтобы раздать людям, но об этом кое-кто из так называемых активистов доложил в райком. Таких активистов было и тогда много, да и сейчас немало. Обычно это те люди, которые сами ничего делать не умеют, а зарабатывают себе авторитет тем, что доносят на тех, кто работает, с тем, чтобы выслужиться. А там, как в той казахской поговорке: «Скажи ему остричь волосы, а он от усердия голову снимет». Ведь тот же Огнев не в свой карман складывал доход, а раздал людям. Позже я понял, откуда идет это пренебрежительное отношение к народу. Все идет с низов: местные власти, рапортуя наверх о результатах трудах колхозников, для того, чтобы оградить себя от нареканий начальства, говорят тем, кто выше о том, что народ пошел ленивый и корыстолюбивый, норовящий все для собственного хозяйства, а не печется о государственных интересах. И это мнение докладывается все выше и выше: районному руководству, областному, республиканскому, союзному. В результате получаем и повышенный, подчастую, неподъемный план работы тех же колхозов. Не выполнить план в то время было преступлением, значит, любыми способами, игнорируя интересы колхозников, надо было его выполнять. Как-то я подсчитал, что проработал так без оплаты труда лет десять. А что было делать? Режим не считался с интересами отдельных людей. Пока были колхозы, мы были просто прикреплены к земле, не имели документов, удостоверяющих личность, следовательно, а люди были бесправны. Отсюда и процветание тоталитарного режима» [8].

Из воспоминаний Щеголенко Михаила Борисовича, 1925 года рождения, жителя г. Зыряновска: «Голод тогда был страшный. Мы жили в селе Соловьево. Люди пухли от недоедания, сначала умирали родители, пытавшиеся до последней крошки отдавать детям, а затем и их дети. У нас в соседях была семья Чирковых. Я помню, что в этой семье сначала умерли родители и один ребенок, а двое оставались. Но и их постигла та же участь. Взять в свою семью чужих детей никто не мог, потому что если прибавится лишний рот, можно было потерять своих. Ходили страшные слухи о том, что люди убивали друг друга, чтобы вы-

жить самим, поэтому мы боялись впускать к себе в дом чужих. Съели тогда всех собак и кошек. У кого были ружья, те стреляли ворон. Однажды отец принес с колхозного тока зимой полмешка воробьев, и это в нашей семье было целым пиром. Мать возилась с ними долго, ощипывала, в печке опалила и варила суп... Как мать сумела нас сохранить, до сих пор для меня это непонятно. Летом ели лебеду, крапиву, еще какие-то травы. А в колхозе давали за работу затирку – это вода и в ней мука. И мы, маленькие, за эту баланду работали целый день, погоняли лошадей, быков, на коровах пахали, только чтобы выжить. В эти годы была засуха, поэтому выручавшая всех картошка не уродилась. К весне мать варила нам картофельные очистки, а оставшуюся часть их сажали, чтобы новый урожай получить. Хлеб весь забирали с полей, везли в село Зыряновское. Там был хлебоприемный пункт, откуда весной выдавали семенной фонд. В тех колхозах, где председатели были свои, они как-то ухитрялись своим колхозникам что-то и как-то оставлять. А нас в колхозе были какие-то приезжие председатели, которые выгребали все до зернышка. Раскулачивали всех, даже тех, у кого была одна коровенка. А кто их раскулачивал? Да это самые были самые бедные, голытьба, они даже, раскулачивая людей, успевали со стола кусок схватить, потому что голодные были сами». Труднее чем нам приходилось казахам. Они шли из Катон-Карагая в наши края, чтобы выжить. Если у нас еще была картошка и другие овощи, то они, не сажавшие огородов в эти годы гибли сотнями. Мы видели их сами. Многие спаслись тем, что перебрались в Зыряновский район» [9].

Есть еще много архивных документов, которые не прочитаны, не опубликованы, до которых еще не добрался свой пытливый исследователь. Часть этих документов написана на арабском языке, часть на казахском латинским шрифтом. За неимением бумаги документы писались и на старых газетах, на разных бланках, и даже на хлебных талонах, на чем придется. Рукописные тексты документов требуют тщательной расшифровки, так как и чернила выцветшие, и разобрать почерк в основном малограмотного сельского населения не очень легко.

Архивы хранят много тайн, документы ждут своего иссле-

дователя, новейшая история XX века должна опираться на документы, а не голословные утверждения или измышления тех или иных авторов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Под грифом секретности. Откочевки казахов в Китай в период коллективизации. Реэмиграция. 1928-1957 гг. Сборник документов. Усть-Каменогорск, 1998. – 98 с.
2. Зыряновский филиал ГАВКО, Ф. 7. Оп. 1. Д. 33. - 33 л.
3. Зыряновский филиал ГАВКО, Ф. 7. Оп. 1. Д. 66. - 257 л.
4. Зыряновский филиал ГАВКО, Ф. 7. Оп. 1. Д. 117. - 25 л.
5. Зыряновский филиал ГАВКО, Ф. 6. Оп. 1. Д. 5. – 105 л.
6. Зыряновский филиал ГАВКО, Ф. 6. Оп. 1. Д. 40. – 116 л.
7. Видеозапись биографической беседы с Лихониной В.М. (1928 г.р., записано С.И. Тлеубергеновой в Зыряновске в 2012 г.)
8. Видеозапись биографической беседы с Аубакировым З. (1928 г.р., записано С.И. Тлеубергеновой в Зыряновске в 2014 г.)
9. Видеозапись биографической беседы с Щеголенко М.Б. (1928 г.р., записано С.И. Тлеубергеновой в Зыряновске в 2012 г.)

УДК 32

Тлеубергенева С.И.

*Зыряновский филиал КГУ «Государственный архив»
Управления культуры, архивов и документации
восточно-Казахстанской области, г. Зыряновск,
saule.57@mail.ru*

ЖИЗНЬ В ДЕПОРТАЦИИ ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ ЗЫРЯНОВСКОГО РАЙОНА

Казахстан стал местом дислокации депортированных народов, Зыряновский район стал второй родиной для т.н. спецпоселенцев.

В Зырянском архиве есть списки немцев от 17 до 50-летнего возраста, проживавших в районе на 17 июня 1942 года, то есть высланные в наши края перед войной из Поволжья и других восточных регионов Советского Союза, именной список на начальствующий состав запаса, отселенных по политико-моральным соображениям; список военнообязанных, не подлежащих призыву РККА по политико-моральным причинам; списки граждан-переселенцев из Сталинградской области по Зырянскому району за 1941-1945 годы; списки чеченцев, которых выслали в наши края в годы войны (спецкомендатура) список ссыльных и переселенцев, проживающих на территории Бухтарминского района; акт приема женщин-немок от Самарского райвоенкомата, согласно наряда облвоенкомата. За каждой строчкой этих документов – людские судьбы.

Вполне возможно, что кто-то может найти сведения о своих родственниках и близких, о которых прежде не были известны подробности. Многие люди, запуганные всяческого рода репрессиями, старались умалчивать о том, что в истории их семей были родственники, подвергшиеся гонениям по политическим, национальным мотивам, родители не рассказывали детям об их дедах и прадедах, которые попали в жернова безжалостной истории, ведь ничего уже не вернешь: политика есть политика. Однако было несправедливо по отношению к своим предкам не интересоваться историей своих семей и родов, надо собирать для потомков сведения, которые хранятся в различных государственных архивах. В готовом виде эту информацию получить, конечно, не получится: нужно искать в документах по истории своего края искать эти сведения по крупицам среди огромного количества архивных дел, а это очень кропотливая работа.

Архивистами Зырянского филиала облгосархива много лет ведется исследовательская работа по выявлению документов, освещающих различные стороны политической и общественно-социальной жизни Казахстана и Алтайского края в разное время, некоторые аспекты последствий репрессивной политики государства по отношению к разным слоям общества: технической интеллигенции, русским крестьянам, казахским шаруа. В архив

Президента Республики Казахстан в 2005 году была включена статья нашего зырянского архивиста Мякушиной Полины Панфиловны в составе материала Международной научно-практической конференции по теме: «Политическая история Казахстана: первая половина XX века», проводившейся 29 октября 2004 года.

Сейчас мы, архивисты, ищем и находим людей, родственники которых в разное время подвергались репрессиям, собираем их воспоминания, документы, хранящиеся в семейных архивах, свидетельствующие о том, как и когда люди становились жертвами политических репрессий

Мы обращаемся не только к документам, хранящимся у нас, но и живым свидетелям, невольным участникам событий тех далеких лет, которые хорошо помнят то, что это слово «репрессия» жестко ворвалось в их жизнь, нарушив ее уклад, подмяв под себя все, искалечив человеческие судьбы. Эти свидетели помнят о том времени, когда их отцы и деды стали вдруг изгоями в своем обществе, и от этого страдали их семьи-дети, жены, родственники, когда вдруг друзья, до этого бывшие рядом, сразу начинали сторониться, чтобы не подвергать опасности свои семьи, ведь страшное клеймо: «враг народа» приклеивалось прочно, и оно же делало тебя таким хрупким и уязвимым, грозило смертельной опасностью. Это страшно, это обидно, это до сей поры так больно людям, что, хотя и прошло много-много лет, люди, вспоминая о пережитом, не могут удержаться от слез, вспоминая о пережитом. Самые чувствительные стороны человеческой жизни - это национальный вопрос и вопрос классовой принадлежности. Никто из нас не имеет твердой гарантии, что он защищен от политических репрессий, это может случиться с каждым из нас. Поэтому для того, чтобы не допускать больше подобного, надо помнить о прошлом своего народа.

Обратимся к памятной дате 28 августа 1941 года, это день Указа Президиума Верховного Совета ССР от «О переселении немцев, живущих в районах Поволжья», обвиняющим их в активной помощи и пособничестве немецко-фашистским захватчикам. Жизнь показала, что эти обвинения были напрасными и явились произволом в условиях культа личности Сталина. В действитель-

ности в годы войны немецкое население способствовало победе Советского Союза над фашизмом.

Советские немцы, как и весь советский народ, ждали победы в войне, надеялись, что после того как закончится война, их реабилитируют, разрешат вернуться в родные места, но вместо этого в 1948 году правительство издает Указ, в котором говорится о том, что нарушение режима проживания будет наказываться 20 годами каторжных работ.

Вплоть до 1956 года немецкое население не имело права пользоваться свободой передвижения, они должны были ходить ежемесячно в комендатуру для отметки. 13 декабря 1955 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений спецпоселенцев-немцев», но в этом, же Указе говорилось, что имущество, конфискованное у немцев, не будет возвращено, и что они не имеют права возвращаться в те места, откуда были выселены.

В 1964 году внесены изменения в Указ Президиума Верховного Совета от 28 августа 1941 года, в тексте этого документа дается указание всемерно содействовать помощи и содействию немецкому народу. В 1972 году Указом снимаются все ограничения в выборе места жительства. Итого на протяжении 31 года ущемлялись права советских немцев.

Воспоминания депортированных в Зырянский район:

Лучше Родину простить – без обиды легче жить.

Абраменко Ольга Петровна родилась 12 июля 1926 года в Астрахани [1: 6]. Родители поженились в 1923 году. Отец был выходцем из поволжских немцев, работал на консервной фабрике на погрузочных работах на железной дороге. Мама русская, работала на консервном заводе. В семье Абраменко было трое детей. В 1924 году с мамой Ольги случилось несчастье – оторвало руку на работе. Пособия по инвалидности не получала, потому что руководству завода не нужна была огласка этого несчастного случая.

Война, внезапно ворвавшаяся в жизнь мирных людей, ошеломила всех. Ольга Петровна говорит, что очень четко помнит этот день, когда по радио в 12 часов дня Молотов объявил стране о нападении на Советский Союз гитлеровских войск. Взрослые

плакали, дети еще не осознавали тяжести обрушившейся трагедии.

3 сентября 1941 года в доме появились военные, которые велели в трехдневный срок собраться для выезда вглубь страны, правда маме разрешали остаться, потому, что она была русской, ну а дети-то числились немцами, какая же мать согласится на это варварское предложение? Стали спешно собираться, сложили вещи в окованный сундук, увязали все предметы первой необходимости в узелки. Пришла в указанный срок машина, погрузили в нее скарб, отвезли в порт.

На корабле по Каспийскому морю довели до Гурьева, там ожидал железнодорожный состав, погрузились в теплушки и по южной дороге отправились в неизвестность. В вагоне люди разговаривались, всех спланивала единая беда, потому за долгую дорогу люди успели познакомиться и подружиться. Ольга помнит, что проезжали Аягуз, Семипалатинск. На больших станциях подвозили горячую пищу, кипятки. По-видимому, этим первым партиям немцев еще везло, о них заботились, а вот ехавшим позже такой заботы увидеть не пришлось. Затем на баржах доставили на пристань Алтай и дальше в Зыряновск. В Зыряновске распределили по домам. Семья Ольги попала на улицу 1-ая Новая. Хозяева дома не очень были рады новым постояльцам: изба была слишком тесна, расположились незваные гости прямо на полу, а сами хозяева ушли ночевать к дочери. Назавтра выяснилось, что неподалеку есть пустующая изба, перешли в нее. Отец стал работать в старательской артели на добыче золота. Наступили суровые холода, отапливаться было нечем, приходилось собирать дудки от подсолнухов, чтобы натопить избу. Жили в тесноте, дома-то были тогда в основном, состоящие из одной комнаты и кухни, а в семье трое детей. Отец принес откуда-то картофель, размеры которого поразили переселенцев: когда собирались в дорогу, отец взял с собой сумочку картошки для семян, которая объемом ненамного превышала горох, а здесь картофелины были такими крупными, что дети были приятно поражены. Ольга пошла, учиться в школу в 9-ый класс школы № 3. Закончила учебу в десятом классе на «отлично», но дальше учиться из Зыряновска не выпустили.

Вплоть до 1956 года репрессированные немцы состояли на учете в комендатуре, каждый месяц они были вынуждены отмечаться, чтобы власти знали, что они никуда не уехали. В случае даже недолгого отъезда за пределы города надо было ставить об этом в известность тех, в чьи обязанности входило следить за передвижением немцев. Несоблюдение таких строгих правил проживания, грозило тяжкими последствиями, вплоть до тюремной ссылки на 25 лет.

Когда забирали всех немцев в трудовую армию, отца не забирали по причине слабого здоровья, у него был так называемый «белый» билет, зато забрали брата Ольги. За то время, как они приехали в Зыряновск и не определились с домом, семья поменяла 13 квартир, в которые брали на постой. Зимой пускали квартирантов с тем условием, что они топят печки, а как наступало лето, становилось тепло, хозяева домов отказывали своим квартирантам, они же тоже уставали от той тесноты, которую приходилось переносить от того, в что в доме две семьи.

Учеба в школе запомнилась Ольге тем, что не было у нее учебников. Как и многим другим, из-за отсутствия чернил приходилось писать соком свеклы, разведенной марганцовкой, разведенной в воде сажей, не было тетрадей, писали на пробелах книжных страниц. Однако несмотря ни на какие трудности в обучении, на то, что школы отапливались плохо, чернила замерзали, приходилось отогревать их дыханием, а от тяжелого дыма от торфа и кизяков, которыми топились школьные печи, дети угорали, плохо себя чувствовали, ученики тех времен стали образованными, грамотными людьми. Многие из них стали учителями, врачами, специалистами в горнорудной промышленности. Общество, заселявшее в то время, Зыряновск было интереснейшим: кроме переселенцев было очень много эвакуированных, образованнейшие люди приехали из Киева, Ленинграда, Минска, Харькова. Был здесь эвакуированный Полтавский драматический театр, актеры которого ставили свои спектакли, зырянцам довелось смотреть там даже оперетты. Ольге до сих пор помнит, как ей было стыдно и неловко оттого, что у нее не было хорошей обуви. В холодную пору она носила туфли, не спасающие от морозов,

а поверх них - азиатские калоши, а в лютую стужу приходилось обуваться в валенки с заплатками. Война войной, а молодым девушкам-старшеклассницам и тогда хотелось хорошо выглядеть, только нечего было обуть и одеть. Выручало то, что сама Ольга была рукодельницей: она вязала и шила теплые вещи людям, изготавливала тапочки. По окончании учебы в школе, получив отказ на продолжение учебы в Усть-Каменогорске, девушка устроилась работать на золотодобывающий рудник в районе Столбоухи, там работал ее отец. Тогда там были не существующие ныне села - Верх-Мяконька, Петрова речка. Работала на добыче вольфрама. Жили в тайге, глухомани, в бараках, спали на деревянных нарах, жили и семейные пары и молодые. С немцами местные жители старались не общаться, потому что люди боялись, что их обвинят в связи с репрессированными, и чего доброго получишь репутацию неблагонадежного человека, а это после сталинских репрессий очень страшило всех: могли на тебя донести, и пропадешь без суда и следствия. Ольга Петровна с горечью вспоминает: «С нами никто тогда не дружил». Даже молодые парни, тайком влюбленные в молодых немок, не могли признаться тем в своих чувствах, только страдали и держались подальше от своих любимых. Был и у Ольги такой парень, который ей очень нравился, инженер Караев, но к Ольге он так и не подошел, хотя она точно видела, что он очень страдает... Человеку, за которого вышла замуж Ольга в 1948 году, Абраменко Василию Павловичу, зять говорил: «Что ты делаешь? Они же наши враги!» Но Василий Павлович оказался одним из тех, кто не побоялся сплетен и осуждений. В 1949 году они получили для жилья комнату. Ольга стала работать в Бобровке учителем младших классов. Затем, после рождения первенца, в мае родив ребенка, в июне экстерном сдала экзамены для учебы в педучилище, но учебу их не пускали, не выдавали пропуска, задержали на 19 дней. Несмотря на опоздание, Ольга со своей подругой Эмилией Викторовной Баум поступила на учебу в училище, сразу на 4-ый курс, у них ведь уже был стаж работы в начальной школе. Сдавали Госэкзамены. У Ольги на руках был маленький ребенок на руках. Жили в доме у знакомых, спали на полу, ребенка клали тут же между студентками. От незнакомой обстановки

и непривычной пищи малыш заболел, было очень трудно, но все девушки сумели сдать экзамены и получили аттестат о среднем специальном образовании.

Всю жизнь Ольга Петровна посвятила обучению и воспитанию детей, работала учителем в школе имени Кирова, затем в школе имени Ленинского комсомола.

Она сумела сохранить свою доброту, неиссякаемый оптимизм, человеколюбие, теплоту в отношениях с окружающими. «Никакой обиды на государство у меня нет, - говорит она. - Просто время было такое: всем было тяжело». Она продолжает работать на своей даче, хотя ей в этом году исполнится 82 года, помогает своим детям, внукам. Еще она продолжает вести общественную работу в Совете ветеранов, где о ней отзываются с неизменным уважением как о бесконечно отзывчивом человеке. Нам остается только благодарить этого замечательного человека за ее мужество, за то она прожила красивую достойную жизнь и за то, что жизнь прошла в нашем любимом Зыряновске.

Баум Эмилия Викторовна

Родилась Баум Эмилия Викторовна 23 декабря 1930 года в Астрахани. [2:1]. Отец ее работал механиком на рыбокомбинате имени Микояна. Этот рыбокомбинат был одним из самых крупных комбинатов в Советском Союзе. С мамой Эмили Викторовны он познакомился в Рязани, где проходил практику на железной дороге. Затем его направили в Среднюю Азию, в город Ургенч, куда он побоялся взять с собой молодую жену, потому что там еще были набегі басмачей, и подвергать опасности семью было опасно. Затем семья переехала в Астрахань. Родилось трое девочек, в 1928, 1929, 1930 годах.

Когда началась война, Эмилия училась в 3-ем классе. Она помнит этот день до мельчайших подробностей. Утром того дня дети с соседями-рыбаками отправились в расположенную неподалеку деревеньку Ташково. Вернулись домой счастливые и довольные своим путешествием, привезли с собой черной икры, ягоды тутовника. А до того в шесть утра приехала в гости их тетя Марианна, рассказала о том, что нашла целую кучку серебряных монет. Поделилась своими наблюдениями с близкими: уж что-

то подозрительно много поездов отправляются на запад страны. Что-то везут и везут в тех составах много различных грузов. А это было начало эвакуации ценностей, уже чувствовалось приближение войны. В 12 часов дня все сели обедать, и тут по радио объявили о начале войны. Молотов выступил с заявлением о вероломном нападении гитлеровских войск на Советский Союз. Все были сильно встревожены, но оставалась надежда на скорую победу, тогда ведь народ убеждали в том, что нас не победит самому страшному врагу, пели песни о том, что наша страна сильна и велика. Эмилия Викторовна говорит: «Мы думали, что война скоро закончится». Но жизнь показала, что на самом деле война гораздо страшнее, чем предполагали советские люди. Вскоре стали закрывать школы, в их зданиях организовывались госпитали. Везли в них жутко покалеченных людей, многие из них были просто обрубками – ни рук, ни ног. Столько лет прошло с тех пор, а все же невольная гримаса ужаса искажает лица свидетелей тех жутких событий при воспоминаниях. Город затемнили, организовали дежурства на улицах, чтобы проверять, не пробивается ли свет через светонепроницаемые шторы. Потекли потоки беженцев. На вокзалах сгружали людей из тех районов страны, в которые дошла война, там же на вокзалах их распределяли на квартиры. Беженцы ходили по домам и просили хоть чем-нибудь им помочь, ведь они эвакуировались в спешном порядке, нужно было спасать свои жизни, а уж потом только приходилось думать об одежде и всем необходимом для жизни. Одна женщина запомнилась, Эмили Викторовне тем, что она поведала о том, что она взяла из дома только вещи для своего грудного ребенка, а себе не взяла в панике ни одного платья, опомнилась только потом, когда столкнулась с необходимостью поменять белье. Удивительным было единение людей в час беды, люди делились с беженцами всем, что есть, продуктами и вещами, хотя порой и самим было туго. Цены на все продукты в городе мигом подскочили, стала остро ощущаться их нехватка, особенно хлеба, хлеб давали по талонам, объявляли по радио, чья очередь покупать его. Сахара уже тогда в магазинах не было, он исчез с прилавков еще со времен финской войны.

Эмилия Викторовна вспоминает: «30 августа мы играли во дворе, вдруг вошли двое незнакомцев, спросили, где семья Баум, сообщили, что переписывают всех немцев.

Астрахань уже тогда был городом многонациональным, там жили евреи, калмыки, татары, была немецкая школа, никого особенно не заботило, какой ты национальности, католик ты или протестант, и вдруг - такой интерес к немцам 31 августа предупредили: «Даем вам 1 сутки на сборы, поедете в Казахстан». Страх и ужас перед предстоящим переселением охватил всех родственников. Что из себя представляет Казахстан, никто точно не знал, говорили, что там пески и пустыня. Собирали вещи в спешном порядке, с собою разрешили взять только то, что можно унести. Собрали 24 места ручной клади, в основном это были носильные вещи, всякие кастрюльки, сковороды, мама взяла с собою еще швейную машинку, которая впоследствии не раз выручала семью. Квартиру приходилось оставлять. Было очень жаль оставлять папин концертный рояль, на котором он играл, оставался книжный шкаф, много книг. Мама очень любила свою посуду, которую собирала годами, и которой было очень много, а теперь была вынуждена оставить ее. Квартиру оставили эвакуированным, вселилась в нее главный инженер из Москвы, у которой долго не заживал шов после операции. После отъезда узнали, что за вещами, оставленными в квартире, приходили те, кто называл себя друзьями семьи, они даже некрасиво передрались, не поделив что-то... 3 сентября отправлялись от пристани, там же и выдали сухой паек. Три дня плыли на буксирном пароходе по Каспию. Погода выдалась плохой. Из-за сильной качки все чувствовали себя ужасно плохо, лежали в лежку даже охранники. Доплыли до города Гурьева, пристать к пристани было невозможно из-за бури, пересадили на дебаркадер, перевезли к берегу на нем. Утром предложили выйти к рельсам, где погрузились в вагоны-теплушки, в которые набилось людей битком. В первые составы Баумы не спешили, решили подождать следующие. Когда подали очередные вагоны, тронулись в путь. Во всех вагонах были люди, у которых произошла одна и та же трагедия, неожиданное выселение, потому все немного успокоились, перезнакомились, ста-

ли выяснять, кто находится рядом. В вагоне с семьей Баум ехала семья профессора медицины из Минска. Они отдыхали в Крыму всей семьей, с двумя детьми. Там и застала их весть о переселении, им даже не разрешили съездить домой за своими вещами, выдали деньги и отправили вместе со всеми. Можно представить себе, какие чувства испытывали эти люди, которым было всего по 29 лет. Привезли через Усть-Каменогорск к пристани Гусиное. Здесь уже их встречали специально посланные люди с готовыми адресами расселения. Подъезжали к конечному пункту своего путешествия поздним вечером. Когда на перевале увидели вдали огни Зырянска, наступило какое-то облегчение: ведь в последнее время в родном городе соблюдался строгий световой режим, потому что линия фронта была не так далеко, а здесь - залитый огнями городок, уже одно это приподняло дух усталых путешественников! Хозяина, к которому подселили семью Баум, звали Пешковым Иваном Затеевичем. Хозяин встретил приветливо, говорил, что ему все равно на фронт скоро, так что можно жить спокойно, даже предложил отдельно стоящий домик Верещагиных.

Пошли назавтра на рынок, здесь тоже были приятно удивлены: продуктов на рынке было непривычно много - тут и мед, и огромные красные яблоки, мясо, масло. В Астрахани мама считала мед лекарством, выделяла детям по ложечке в случае болезни. Расчет производился путем обмена, денег не было. Нужно было устраиваться на работу, в Зырянское рудоуправление не брали: комбинат считался стратегическим объектом, репрессированных туда не допускали. Через папиного друга, жившего в Уварово, удалось устроиться в сельскохозяйственную артель, находящуюся в Тургусуне. Там плели корзины, делали дуги для конской упряжи, кошевки. Папа был человеком деятельным, мастеровитым. Наладил работу в артели, председателя которой забрали на фронт. Затем он работал главным механиком на лесоучастке Иртыш ГЭСа. В трудовую армию не забрали, хотя призывали, но вернули дважды. Питались очень плохо, ели мясо дохлых лошадей, при всем при этом рабочих снабжали водкой, потому что работа на лесоповале всегда была трудна. Работали вместе с заключенными. Эмилия работала в детском саду в Кутихе. Год прожили

в деревнях. Затем переехали в Зыряновск. Мама кому-то стирала, шила, тем и кормилась. Продавали привезенные с собой вещи, обменивали их на продукты. Затем мама устроилась рабочей на промкомбинат рассыльной, там ее приметил Слюдкин, назначил секретарем. Папу осудили за нетрудовую деятельность, он отсидел восемь лет. Сидел он в Карлаге, отсюда его изможденного от голода, отправили в Подмоскovie проектировщиком на автомобильный завод. Восемь лет прошло в тюрьмах.

Все надеялись, что после окончания войны немцам будет послабление, лелеяли надежду на амнистию, но ее не последовало. Более того, всех немцев повергло в шок, когда их в 1949 году вызвали и предупредили, что если они нарушат существующий для нас режим, то это грозит 20 годами каторжных работ. Отец вернулся в 1950 году, назначили его главным механиком треста, но выезд за территорию города не позволяли, даже когда его вызвали на пожар в Лесной, его забрали в КГБ и держали там сутки, но затем отпустили. Затем работал отец инженером в техотделе.

Эмилия Викторовна закончила педучилище, затем строительный техникум, закончила учебу в строительном институте, работала много лет начальником сметно-договорного отдела в тресте «Зыряновскстрой». Очень умная, интеллигентная, высоко эрудированная женщина пользовалась всегда огромным уважением всех окружающих.

«Русские»немцы: Годы Великой Отечественной войны для всех народов нашей многонациональной страны явились тяжелейшим испытанием, обернулись трагедией для многих миллионов людей. А для многих тысяч немцев, живущих в России еще с времен Петра Первого и считавших ее своей второй родиной, эта война принесла такие неслыханные бедствия, что они вспоминают ее с содроганием до сих пор, говорят, не дай Бог никому такого перенести, что нам довелось. В административном порядке в Казахстан было переселено более 360 тысяч немцев. В Зырянский район было переселены немцы из различных регионов восточной окраины страны. По-разному сложились в дальнейшем их судьбы, но для нашего города и района прибывшие сюда немцы внесли своим трудом неоценимый вклад. Приходившие в архив ве-

тераны-тыловики говорят о том, что немцы научили зырянцев многому: положили начало культурному садоводству, научили выращивать огородную рассаду на подоконниках, до этого считалось, что помидоры в наших холодных краях не успевают, научили делать парники, много среди них оказались классными врачами, геологами, учителями, конструкторами. Когда в трудное время зырянцы испытывали огромные трудности с топливом для школ и больниц, немцы подсказали выход из этого положения: в районе ГРЭ стали разрабатываться залежи торфа, использование которого спасало население от морозов, учреждения могли продолжать свою работу в бесперебойном режиме. Многих немцев после того, как они прибыли в наши края, забрали в трудармию на строительство важнейших стратегических объектов, где советские немцы валили лес, строили заводы и шахты, буровые вышки и железные дороги, мосты, добывали уголь, руду. Они содержались в рабочих колоннах при лагерях НКВД на казарменном положении со всеми лишениями и каторжными условиями труда. Спецпереселенцы и трудармейцы внесли огромный вклад во всенародную победу в Великой Отечественной войне. Каких усилий, потерь, горестных людских судеб стоила эта победа показывают рассекречиваемые ныне архивные страницы.

На сегодняшний день, по данным ГЦВП, в Зырянске и Зырянском районе проживает 302 человека, отнесенных к категории жертв политических репрессий, которым выплачиваются единовременные и ежемесячные пособия. Как известно, очень много немцев выехало за пределы Казахстана за последние годы, но часть из них живет здесь, и никуда наши немцы не хотят уезжать отсюда, потому что считают, что им и здесь хорошо, и ни в какую Германию их не тянет, здесь родина их детей, здесь прожита их сознательная жизнь, они внесли свой вклад в строительство и развитие нашего края, здесь они получают хорошую пенсию, имеют возможность помогать своим детям и внукам.

В нашем городе проживает замечательная семья – Ауст Эрих Теодорович и Павлина Флерьяновна. Историю этих людей знают немногие, только родные, близкие, соседи, а между тем она может быть интересна всем нашим землякам.

Ауст Эрих Теодорович

Жила семья Ауст в немецкой деревне под Ростовом [1: 4]. В то время там было много немецких деревень, переселившихся в Россию со времен Екатерины. России нужны были умные, образованные люди, коими издавна слыли практичные, работоспособные немцы, всегда славившиеся своей аккуратностью, обязательностью люди, и потому царское правительство поощряло переезд немцев в свою страну. Перед второй мировой войной крепкие, богатые хозяйства немцев значительно укрепляли экономику страны. В семье Теодора Ауста, работавшего заведующим животноводческой фермой колхоза «Ленинфельд», было трое детей. В сентябре 1941 года, через четыре месяца после начала войны, вдруг к каждому немецкому двору, пригнали брички, запряженные быками, и велели немедленно готовиться к отъезду вглубь страны, дав на сборы всего два дня. Крик стоял во всех деревнях: надо было бросать нажитое и ехать неизвестно куда, а много ли с собой возьмешь в эту повозку? Мешок муки, кое-какие продукты, постельное белье, ценные вещи – и все. Коров, свиней, домашнюю птицу, собак пришлось просто выгнать из дворов на улицу, плач людей смешивался с ревом животных. Хозяйства немцев всегда были зажиточными, люди бросали свои дома, сады, огороды с болью и страхом перед неизвестностью. До станции доехали на повозках, затем погрузились в вагоны и дальше путь продолжали по железной дороге. Отъехав недалеко от Волги, узнали, что сведения о переселении советских немцев, которых было несколько тысяч, дошли до фашистского командования. Гитлеровские войска направили в эти районы свои самолеты, с тем, чтобы разбомбить эшелоны, увозившие на запад страны российских немцев. Только поезд, в котором была семья Ауст отошел от станции, там началась жуткая бомбежка. Привезли людей в Ташкент, а там распределили по колхозам. Аусты попали в Чимкентскую область. В январе 1942 года отца забрали в трудармию, а мать, стараясь прокормить детей, работала на стройке, месила глину для саманных кирпичей, простыла и умерла, умерла и одна из сестренок Эриха. Тринадцатилетний мальчик, не говорящий по-русски, на иждивении которого осталась 6-летняя глухонемая сестренка, был

вынужден искать средства к существованию, он заготавливал топливо из стеблей хлопчатника, чтобы обменять его на полстакана кукурузы, за 50 км ездил добывать в степи черепахи, мясо и яйца которых были просто деликатесом для голодающих ребятишек, варил какую-нибудь болтушку из чего придется, кормил себя и сестренку. Затем устроился на работу в колхоз прицепщиком, а в 1943 году смывленный юноша стал уже настоящим трактористом. 16 лет проработал трактористом на хлопковых полях, затем переехал в Зыряновск, здесь он работал плотником в ЖКУ, потому что не было удостоверения тракториста, на работу в РОП его не взяли, несмотря на его солидный механизаторский стаж, а учиться в школе так и не пришлось. Где бы не приходилось работать Эриху, везде его знали и ценили как умного, старательного, трудолюбивого человека, рационализатора.

Ауст Павлина Флерьяновна

Она говорит о себе с волжским акцентом, приятным говором: «Мы те немцы астраханские, которые и говорить по-немецки не умеют, потому что жили с детства среди русских, ну конечно, наши родители говорили на немецком, а мы в своих городских астраханских дворах привыкли с детства к русскому языку». Жили на берегу Волги, отец работал на пристани, детей в семье было пятеро, поэтому мама не работала. В сентябре сорок первого в семью Павлины в девять часов вечера пришли трое военных, приказали назавтра к 6 часам утра быть готовыми к отправке. Спешно за ночь собирали узелки, сумки, на подводах семнадцать семей довели до пристани и отправили на пароходе в закрытых трюмах по Волге, дальше Каспийскому морю до г. Гурьева, где уже их ждал железнодорожный состав.

В телячьих вагонах, оборудованных деревянными нарами, без оконных проемов, везли как преступников, не разрешая выходить на станциях. Через Ташкент, Семипалатинск, довели, наконец, до с. Малокрасноярка Большенарымского района, Дальше доставили до села Бураново того же района, поселили жить на квартирах у местных жителей. Отца забрали в январе 1943 года в трудармию. Мать работала на пашне. Детям приходилось ходить по людям, зарабатывая себе кусок хлеба. В школу пойти не при-

шлось: не было одежды, нечего было обуть, так и остались без учебы. Но выжили, Павлина работала в колхозе погоняльщицей скота, заплужницей. Городской астраханской девчонке было, конечно, нелегко, все же испытания все она вынесла стойко, не сломалась, сохранив в себе любовь к людям. В 1951 году Павлина по вербовке в колхозы поехала работать в Чимкентскую область, вот там-то она и встретила своего суженого Эриха. Справили свадебную вечеринку, фата у невесты была из марли, а в 1959 году они приехали на зыряновскую землю, где и живут по сей день. Семья получилась великолепная: он - мастер на все руки, все делает по дому с огромным удовольствием, для своей замечательной любимой жены старается делать все удобным и хорошим, гордится своим домом и всем, что в нем сделано своими руками. Веселый, говорливый, жизнерадостный и по-настоящему счастливый человек, на него просто смотреть и слушать - одно удовольствие. Он хвалится своей женой, своим сыном, своим внуком, в каждом его слове чувствуется его жизнелюбие. Она - рассудительная, уверенная в себе женщина, которая очень любит детей своих и чужих. Наверное, за те страдания, которые пришлось пережить этим людям в те лихие военные годы, Бог дал им в награду это семейное счастье. В эту уютную квартирку по улице Кирова непременно каждое лето приезжает семья сына из Салехарда. Испив горькую чашу лишений, трудностей, эти люди не растеряли своей доброты, они не ропщут понапрасну на превратности судьбы, а живут в мире и согласии уже более полувека лет, теперь бы им здоровья побольше, а остальное у них все есть.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Зыряновский филиал ГАВКО, Ф. 277, ОП. 1, Д. 810. -6 л.
2. Зыряновский филиал ГАВКО, Ф. 277, ОП. 1, Д. 838. – 14 л.
3. Видеозапись биографической беседы с Нейман Э.В. (1928 г.р., записано С.И. Тлеубергеновой в Зыряновске в 2012 г.) Видео: Электронный ресурс. Окно доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=tQbcBzqAwAQ>

Халидуллин Г.Х.

Абай атындағы ҚҰПУ, Алматы қ., kizatulla@mail.ru

ҚАЗАҚ ШАРУАЛАРЫНЫҢ 20-30 жж. АШТЫҚ ПЕН ДЕМОГРАФИЯЛЫҚ ҚАСІРЕТІ

Дәстүрлі құрылымды күшпен бұзу мал басының орасан зор кемуіне әкеп соқтырды, ал оның артынан жаппай аштық пен демографиялық апат басталды. БКП (б) Қазақ өлкелік партия өкіметінің басшылары көпке дейін өздерінің қателіктерін мойындағысы келмеді. Тек 1932 жылдың жазынан бастап жеке-леген жауапты қызметкерлер ауылды жайлаған аштық туралы орталық органдарға мәліметтер жеткізе бастады.

ҚАКСР Халком Кеңесі төрағасы О. Исаев және республика қаржы халкомы М. Орымбаев 1932 жылғы 11 мамырдағы КСРО Халық Комиссарлар Кеңесіне жазған баяндау хатында Қазақстанның 100 ауданында Халық шаруашылық есебін жүргізетін мекеменің мәліметі бойынша мал басын санау мен шаруашылықтарды тексеру деректеріне сәйкес мал басының 39,5 пайыз кемігендігі көрсетілген [1: 607,ic,1п.]. Мұндай жағдайға жетудің басты себебі күштеп ұжымдастыру, барлық малды ықтиярсыз ортақтандыру және мал дайындау кезінде зорлық - зомбылық қолдану деп көрсетті. 1932 жылы 9 тамызда Сталиннің атына жазған хатында О. Исаев бұдан да дәл деректерді көрсетеді. 1929 жылғы есеп бойынша Қазақстанда 40 млн. бас мал болған, ал 1932 жылдың жазында бар болғаны 6 млн. ғана, оның ішінде кеңшарларда 2 млн., ұжымшарлар мен жеке секторларда 4 млн. бас қалған және оның көбі қазақтардың малды аудандарында емес, орыс аудандарында қалған [2: 63-65].

Ол Сталинді қазақ ауылдарындағы апатты жағдайға назар аудартты, өйткені қазақ тұрғындарының көбі мал шаруашылығымен шұғылданды, әрі ол олардың басты күнкөрісі болды. Осындай жағдайда Ф. Голощекиннің 1932 жылы 9 қыркүйекте БКП (б) ОК-не баяндамахатпен шығудан басқа амалы қалмады, ол онда бір

жағынан, қазақ «ұлтшылдарының» дәлелдерін жоққа шығарғысы келді және екінші жағынан, Мәскеудің «қаһарынан» құтылғысы келді. Алайда, республиканың 25 - 30 мал шаруашылығы аудандарындағы ауыр халді, жарым - жартылай болсын, мойындауына тура келді. Осыған байланысты Голощекин 3 млн. пұт астық мөлшеріне азық - түліктің және өнеркәсіп тауарларынан көмек беруді сұрады [3: 549-іс, 49п].

Қаражат халкомының деректеріне сүйене отырып, ол 1931 жылы республикада 8,5 млн. бас мал болды және 1,5 - 2 млн. бас малды Қазақстаннан шетке көшіп кеткен байлар айдап әкетті деп сендірді [3: 50-51 п.п.]. Осыған байланысты Қазақстанның халық шаруашылығының есебін жүргізетін мекеменің (Қаз УНХУ) салық есебі деректеріне, олар дәл деп танылмаса да, қайтадан назар аударайық [3: 51 п.]. Мал басының қысқаруы қазақ тұрғындары тұратын көшпелі және жартылай көшпелі аудандарда көп болды [4: 52п].

Көшпелі және жартылай көшпелі аудандардағы мал басының кемуі кезінде малды экономиканың отырықшы - егіншілік секторына, әсіресе орыс тұрғындары көп кеңшарларға ауысуы етек алды [5: 201]. Бірқатар орыс тұрғындары бар аудандарда (Таловск, Орал және басқалары) 1932 - 1933 жылдары мал басының өсуі байқалды [6: 68б]. 1933 жылдың 1 маусымында мал басының қалған 80 пайызының (48 пайызы) кеңшарларда және (32 пайызы) ұжымшар тауарлық фермаларда шоғырланды. Колхозшылар мен ЖБӨС мүшелерінің жеке пайдалануында 13,2 пайыз, жеке секторда - 2 пайыз болды [7: 13-14 п.п.].

ҚАКСР қаржы халком органдарының жинаған, БКП (б) ОК - і әр түрлі комиссияларының мал шаруашылығының жағдайын тексерген деректерін, О. Исаев, И. Рысқұлов, М. Орынбаев баяндау хаттарындағы және басқа да партиямен кеңес басшыларының мәліметтерін салыстыра отырып, болған апаттың қарқыны туралы мәселе бойынша Қазақстанның ауыл шаруашылық ғалымдары мынаны анықтады: 1928 жылы республикада 6509 мың бас, ал 1932 жылы - 965 мың бас ірі қара болды. 1932 жылы 18566 мың қой - ешкіден тек 1386 мыңы, 3516 мың жылқыдан тек 316 мыңы қалды [8: 78] өлке үшін дәстүрлі

түйе шаруашылығы да құрып бітуге айналды [9: 49-76п.п.].

Кеңес өкіметінің аграрлық саясатындағы мұндай орасан зор сәтсіздігі Қазақстанның ет, астық және мал шаруашылығы шикізатын сенімді өткізуші ретінде, ел басшыларының жоспарына қауіп төндірді. Өйткені егін шаруашылығы секторы да дағдарыста болатын. Бірінші бесжылдық ішінде (1928 - 1932 жж.) Қазақстанның бүкілодақтық тауарлы астығын өндірудегі үлес салмағы шамамен 9 - дан 3 пайызға дейін төмендеді [9: 46п.]. Астықтың жалпы жиыны бір жарым есе қысқарды, егін шығымдылығы гектарына 9,2 центнерден 4,3 центнерге дейін түсіп кетті [9: 58,59п.п]. Қиратушы процестердің өрістеген және апатты зардаптардың қайтпайтын сипат алған мұндай жағдайында сталиндік басшылар «асыра сілтеушілікті» жоюға бағытталған бірқатар шараларды жүзеге асыруды жөн көрді. Осыған орай «Қазақстанның ауылшаруашылығы және негізінен, мал шаруашылығы туралы» қаулысы (17 қыркүйек 1932 ж.) қабылданды. Бұл құжатты ауылшаруашылығын ұжымдастыру тарихындағы жаңа кезеңнің басы деп айтуға келмейді, өйткені бұл директива аудандық және ауылдық партия - кеңес органдарына тек 1932 жылдың желтоқсаны - 1933 жылдың қаңтарында, яғни мал шаруашылығының құлдырап, ал адамдар өлім халінде болған кезінде жетті. Құжатты қабылдаудың астарында, ең алдымен, Қазақстан шикізат көзі болып қалмайды - ау деген өз қамын жеу себебі жатқан; ал онда жайлаған аштық пен оның сансыз құрбандары жөнінде бір ауыз сөз жоқ болатын [9: 46п.].

Қазақстан тарихнамасында О. Исаевтың қызметіне баға беруде оның осы қаулыны қабылдатудағы ролі әрдайым ескеріле бермейді. Алайда, ондағы көзделген бірқатар нақты шаралар О. Исаевтың 1932 жылы тамыз айында И. Сталинге жолдаған хатынан алынған. а) қазақ мал шаруашылығы аудандарындағы ұжымшарларды қайта тіркеуден өткізуді, әкімшілік жолмен құрылған ұжымшарларды таратуды, күшпен қоғамдастырылған малды өз иелеріне қайтаруды, мал шаруашылығы ұжымшарлық - тауар фермаларының материалдық - техникалық жабдықталуын тексеруді; б) ұжымшар тауар фермасының колхозшылар мен еңбекшілерге өздерінің жас малдарын сатуға рұқсат беруді; кол-

хозшылар мен жеке еңбекші малшыларға мал алуға несие беруді;
в) жақын арадағы 2-3 жыл Қазақстанды ұжымшар және жеке секторлардағы орталықтандырылған ет дайындаудан босатуды;
г) қосалқы егін шаруашылығы бар барлық мал шаруашылық аудандарын орталықтандырылған астық дайындаудан босатуды;
д) кедейшілікке ұшыраған малшыларға жедел көмек беру үшін өндірістік тауар және астық қорын беруді ұсынды [9: 48п.].

О. Исаевтың осы ұсыныстары 1932 жылы 17 қыркүйектегі қаулыда қандай дәрежеде көрініс тапқанын оның жеке тармақтарына қарай отырып, еш қиындықсыз анықтауға болады. Ең алдымен БКП(б) ОК-і көшпелі және жартылай көшпелі аудандардағы ұжымшарлардың ең қолайлы түрі бірлесе жерді өңдеу мен шабу жөніндегі серіктестік болып табылатындығын мойындады. Мал шаруашылығы аудандарындағы тұрғындардың жер иеліктеріне бір шаруашылыққа 100 басқа дейін қой, 8-10 бас ірі қара малы, 3-5 түйе мен 8-10 бас жылқы ұстауына рұқсат етілген [9: 47п.]. Сонымен қатар БКП(б) ОК қаулысымен Қазақстанға азық-түлік пен тұқым несие көмек ретінде берілді, мал шаруашылығы аудандары екі жыл бойы мемлекеттік салықтар мен міндетті төлемдерден босатылды, олардың бұрынғы жылдардағы мемлекеттік қарыздарының бәрі алып тасталынды [10: 49п.]. 1933 жылы қаңтарда Ф. Голощекин қызметтен босатылды және БКП(б) ҚӨПК бірінші хатшысы болып Л. Мирзоян тағайындалды.

1932 жылы 22 қыркүйекте БКП(б) ОК-і қаулысының қабылдауына байланысты Сталиннің атына РКФСР Халком кеңесі Төрағасының орынбасары Т. Рысқұлов баяндау хат жолдады, онда ол қазақ ауылдарындағы қалыптасқан жағдайға өз көзқарасын білдірді. Ол осы қаулыны бірқатар нақты шаралармен нығайту қажет деп есептеді. Негізінде, ол: қоғамдастырылған ірі және ұсақ қара малдарды, сиырлар мен ұсақ малдардың бір бөлігін тез арада қайтаруды, көшпелі және жартылай көшпелі аудандардағы колхозшылардың барлық өнімді малдарын қайтара отырып, ұжымшарларды таратуды, тұрғындарды өздері қалаған артельдерін сақтап, ал қалған жағдайларда ЖБӨС-терді ұйымдастыруды; 1933 жылдан бастап 3 жыл бойы Қазақстанның

мал шаруашылығын қалпына келтіру мақсатында шектес жатқан шетелдерден (Қытай, Монголия және басқалары) қазақ тұрғындарына тарату үшін, кейін бұл малдарды екі жылдан кейін мемлекетке қайтара отырып, жыл сайын 1 млн. бас қойдан сатып алуды ұсынды. Сонымен бірге, Т. Рысқұлов қазақ халқының басына түскен ауыртпалықтың бірден-бір себебі көшпелі және жартылай көшпелі ауылдарды күштеп отырықшылықтандыру екенін түсіне отырып, КСРО ХКК мен РКФСР-ға отырықшыландыру жоспарын қарап, бекітуді, тұрғындарды отырған орындарынан алыс кетірмей, суландырылатын жерлерді, қолданыстағы құрылыстарды барынша пайдалана отырып және мал шаруашылығын бірінші кезекте дамыту мүддесінен шыға отырып (бұл жөніндегі ОК шешімінде көрсетілді), мал шаруашылығы аудандарында қосалқы тұтынушылық ретінде егін шаруашылығының бір бөлігін қарастырып, отырықшыландыруды аяқтауды ұсынды [10: 8п.]. О. Исаев пен Т. Рысқұловтың баяндаухаттарындағы көрсетілген негізгі мәселелердің бірі қазақтарды малмен қамтамасыз ету болатын, бұл да қаулыда өз көрінісін тапты.

Алайда, республикадағы мал шаруашылығын көтеру туралы БКП(б) ОК шешімі іс жүзінде үлкен қиындықтарға тірелді, ол жайлы 1932 жылғы 17 қыркүйектегі БКП(б) ОК қаулысының орындалуын тексеру жөніндегі КСРО ЖШИ(РКИ) Халкомы мен БКП(б) ОБК бригадасының баяндаухатында айтылған болатын. 1933 жылы 14 қаңтарда Өлкелік партия комитетінің бюросына және ҚАКСР ЖШИ (РКИ) Халкомының Алқасына ұсынған жазбада Қазақстанға мал шаруашылығының жағдайын сипаттауға, мал басының кемуінің себептерін ашуға, сондай-ақ осы аталған қаулының орындалу барысын бақылауға талпыныс жасалған болатын.

Құжатта мал басы кемуінің, тұрғындардың көшіп-қонуының тоқтағандығы және қазақ ауылдарының өмірінде басқа да оң өзгерістер болғандығы туралы айтылса да, түбірлі өзгерістер әлі де бола қойған жоқ еді. Әрбір шаруашылықтың 1,78-2 бас малды иеленуі олардың тұрақтылығын қамтамасыз етпеді және аштықтан өлмеуіне кепілдік бере алмады. Колхозшылар мен ЖБӨС мүшелеріне барлық көздер бойынша 768 127 бас

мал берілді. Бірақ бұл жерде, 1933 жылдың басында Қазақстанда шаруашылықтардың 61 пайызы сиырсыз және 20 пайызы малсыз болғанын ескеру керек [10: 61п.]. Комиссияның есебі бойынша көшпелі және жартылай көшпелі аудандардағы тұрғындар жеке пайдалануына 70 мың бастан аса мал алды, сонда орта есеппен біршаруашылыққа «бір бас ірі қараға жуық және 3-4 бас ұсақ малдан келеді» [10: 61п.].

«Бір басқа жуық» деген сөз барлық шаруашылықтардың бірден мал алмағандығын жасырып тұр. Сондықтанда, жағдайдың қиындығын және қаулыда көзделген жағдайларды түбірлі өзгерте алмайтындығын түсінген комиссия БКП(б) ОК-нен: «бес жыл бойы барлық қазақ мал шаруашылығы ұжымшарларын, сондай-ақ отырықшылыққа көшіп жатқан шаруашылықтарды салықтың барлық түрінен босатуды; үш жыл бойы ЖБӨС-ға бірігіп, отырықшылыққа көшіп жатқан жеке шаруашылықтарды салықтың барлық түрінен босатуды; басқа шаруашылықтарды да үш жыл бойы тиісті салықтың 50 пайызынан босатуды өтінді» [10: 69п.]

1932 жылғы 17 қыркүйектегі БКП(б) ОК қаулысына сәйкес ұжымшарларды қайта ұйымдастыру және ұсақтау жүзеге асырылды. Мысалы, Ойыл ауданында бұрынғы 30 ұжымшардағы мал басынан 962 жылқысы, 893 түйесі, 2 086 ірі қарасы, 1 143 қой-ешкісі бар 4 772 кедей-орташа шаруашылықты біріктірген 69 ЖБӨС құрылды [11: 71п.]. Жалпы алғанда тек Ақтөбе облысы бойынша 1933 жылдың ақпанында өмір сүруге қабілетсіз 280 артель қайта ұйымдастырылды, соның нәтижесінде облыста бар болғаны 32 ауылшаруашылық артелі мен 306 ЖБӨС қалды. Таратылған фермалардан колхозшыларға 22 194 бас мал жеке пайдалануларына берілді. Осы облыста жеті көшпелі және жартылай көшпелі аудан екі жылға ауыл шаруашылық салығынан, орталықтандырылған астық, ауылшаруашылық жабдықтары мен мал сатып алуға 2,6 млн рубльге жуық несие алды [12: 72п.].

Тауар фермаларының саны 424-тен 331-ге дейін, ал ондағы мал басы 159 199 бастан 112 262 басқа дейін қысқарды [13: 14п.]. Қазақстанның барлық көшпелі және жартылай көшпелі аудандарын аштық жайлады. Батыс Қазақстанда Жылой ауданы қатты

зардап шекті, онда мал басы 52 есе, Маңғыстауда 27 есе азайды. Бұл шаруашылықтардың 32,1 пайызға күрт төмендеуіне әкеліп соқтырды. Басқа да Орал, Талов, Камен, Теректі, Шыңғырлау, Тайпақ және Жәнібек аудандарында да жағдай нашар болды. Дәл осы аудандарда ұжымдастыру мен қоғамдастыру жеделдетілген және мәжбүрлеу әдісімен жүргізілген болатын. Мысалы, 1932 жылдың 1 маусымында-ақ Орал облысы бойынша кедей-орташа шаруашылықтарының 82 пайызы ұжымдастырылған еді. Ең жоғарғы деңгей Жәнібек ауданында - 98 пайыз, Шыңғырлауда -97 пайыз, Жымпитыда -92 пайыз және Орал ауданында 90 пайыз болды. Тек таза көшпелі және жартылай көшпелі мал шаруашылығы аудандарында барлық шаруашылықтың Маңғыстауда - 64,5 пайызы, Індерде -66 пайызы, Тайпақта -70 пайызы, Жылойда -70 пайызы ұжымшарға кіргізілген болатын. Тиісінше, Орал және Талов аудандарында мал саны 304,1 мыңнан 73,8 мыңға дейін, Шыңғырлауда -80,5-тен 11,5 мыңға дейін, Жымпитыда -338,0 мыңнан 105 мыңға дейін, Ілбішінде -167,5-тен 21,8 мыңға дейін, Жәнібекте - 104,3 мыңнан 6 мыңға дейін қысқарды. Жалпы алғанда осы аудандар бойынша мал басы 1423,1 мыңнан 161,4 мыңға дейін азайды [13: 295п.].

Тек көшпелі және жартылай көшпелі шаруашылықтар ғана емес, сонымен бірге кейбір отырықшы мал шаруашылықтары да зардап шекті. Оның айырмашылығы мал басының кемуінен болған зардаптары ғана болды. Мысалы, бірінші топтағы шаруашылықта мал шаруашылығы күн көрістің бірден бір көзі болып табылса, ал егін шаруашылығы біршама дамыған екінші топтағы шаруашылықтарда аштық апаты қатты бола қоймады. Мал басының күрт кемуінің басты факторларының бірі мал дайындау науқаны болып табылды. Бастапқыда-ақ олардың жоспары іске асатындай емес еді, ал 1930 және 1931 жылдары жоспар жергілікті шығындарды есептемей жасалды, бұл ұжымшарлар мен кеңшарлар соңғы малын мемлекетке өткізуге мәжбүр етіп, адамдарды аштыққа ұшыратты. Тек қана «Овцеводтрест» бойынша 1931 жылы 41887 центнер ет өекізу керек болды, алайда тек 14 727 ц дайындалған болатын. Мал шаруашылығындағы қалыптасқан қиын жағдайға қарамастан, жоспар 1932 жылы 55

пайызға көбейтілді және ол 75 873 центнерді құрады.

Ет дайындау жоспары тапсырмасын орындау үшін қалған малдың көп бөлігі сойылды. Қазақ ауылдарының жұтауы, сондай-ақ оларды күшпен және ойластырмай отырықшылыққа көшіруден де туындаған болатын. Осыған байланысты Қазақстан тарихындағы қайғылы беттердің бірі 1932-1933 жылдары Ілбішін және Жанқала аудандарында болған оқиға еді. Бастапқыда 1932 жылды мамыр-маусым айларында отырықшыландыру науқаны шеңберінде Жанқаладан Ілбішін ауданына күштеп 18 476 қазақ көшірілді. Барлығы 20 әкімшілік көшірілді, онда 1 750 жылқысы, 900 түйесі, 199 өгізі, 2 620 сиыры және бірнеше ондаған мыңқойы бар әжептеуір ауқатты тұрғындар тұрған. Жаңа орында ұжымшарлар мен ЖБӨС-дар құрылып, малдар қоғамдастырылып, колхозшыларды өздері таныс емес егін шаруашылығымен айналысуға мәжбүр етті.

Малдың есепсіз қырылуы нәтижесінде көшіп келгендердің көбі аштықтан өлді. 1933 жылдың тамыз-желтоқсан айларында аштықтан қиналған 7 мың адам қайтадан Жанқала ауданына қашты [13: 34п.]. Бірақ бұл жерде де оларды аштық күтіп тұрды. 1933-1934 жылдың қысында негізгі тамақтанатын азық-түлік жабайы өсімдік құмаршық болды [13: 36п.]. Нан іздеген аш адамдардың легі қалалар мен поселкалардың көшелерін толтырды. 1933 жылы 17 ақпанда БКП(б) ҚӨМК барлық обком, облатком мен жер-су органдарына жеделхат жіберді, онда: «ЖБӨС-дарда ешқандай фермалар қалмасын, мал фермалары толығымен жеке пайдалануға берілсін» деп талап етті [14: 14п.]. Алайда малды беру ақылы және басқа да шектеулер болатын. Берілген мал сатылса немесе сойылса, кінәлілер сотқа тартылды. 1933 жылы 22 шілдедегі ҚАКСР Халком Кеңесі және БКП(б) ҚӨПК қаулысына сәйкес иелігінде малы жоқ, көктемгі егістікте, егістікті қорғауда, шөп жинау мен сүрлем салуда, егістікті жинау мен бастыруда, малға қарау мен жас малдың басын көбейтуде тәртіпті еңбек үлгісін, жоғары еңбек өнімділігін көрсеткен «екпінді колхозшыларға» мал берілді [15: 12п.].

Фермалардан мал колхозшыларға олардың ұжымшарларда тапқан еңбеккүндері есебінен берілді. Мұнда бір сиырдың

бағасы 150 еңбеккүннен, ал ұсақ малдың (қой, ешкі) бағасы 25 еңбеккүннен аспауы тиіс болатын. Алған малдың еңбек күнін колхозшы ірі қара үшін 3 жылда, ұсақ мал үшін 2 жылда өтеуі керек болды [15: 13п.].

Тұрғындардың жағдайы мал, қаражат пен азық-түліктің жетіспеуінен ғана емес, сонымен бірге 1932 жылғы 17 қыркүйектегі қаулының салғырт орындалуынан да тез жақсара қоймады. Тіптен 1933 жылдың ішінде де бірқатар көшпелі және жартылай көшпелі аудандарда (Табын, Шалқар және т.б.) әлі де болса ауылшаруашылық артельдері жарғысында, өмірге қабілетсіз ұжымшарлар мен ұжымшар фермалары тұрғысында сақталып келді [16:13п.].

Тіптен аштық кезінде де Орталық мемлекетке астық тапсыру жөніндегі жоспардың орындалуы қатаң талап етілді. БКП(б) ҚӨПК мен ҚАКСР Халком Кеңесі 1932 жылы 8 қарашада КСРО ХКК төрағасы В. Молотовтың және БКП(б) ОК хатшысы И. Сталиннің телеграфтық директивасын алды, онда «егер де қысқа мерзім ішінде республикада астық тапсыруда түбірлі өзгеріс ұйымдастырылмайтын болса, онда олар қатал шаралар қолдануға мәжбүр болады» деп ескерту жасалған болатын [16: 5п.]. Осыған байланысты республика Халком Кеңесі отырысында «қарсылық жасаған және астық тапсыруды әдейі баяулатып отырған» 48 ұжымшар қара тақтаға енгізілді.

Бұл ұжымшарларға қатысты мына шаралар қолданылу мүмкін болды: «қандай да болмасын несие беру; БМСБ органдарының «контрреволюциялық элементтер-астық дайындауда іріткі дайындауда ұйымдастырушыларды» ұстау; колхозшыларда солтүстік облыстарға көшіру және олардың поселкаларына басқа өлкенің колхозшыларын әкелу. Сонымен бірге, астық дайындау жоспары орындалғанға дейін БКП (б) ОК–нің малды жеке пайдаланудағы кеңейтілген құқық туралы 17-қыркүйектегі қаулысының тармағы уақытша тоқтата тұру туралы шешім қабылданды» [17: 7п.].

Алайда, үкімет дайындық жүргізудің әдістерін қайта қарау қажеттілігін мойындауға мәжбүр болды. Жекеленген дайындау органдарын орталықтандыруға және тікелей Халком Кеңесіне

бағынатын дайындау жөніндегі бірыңғай комитетке біріктіруге қадам жасалды. 1933 жылғы 19 қаңтардағы қаулы бойынша дайындаулар мемлекеттің алатын міндетті және жергілікті билікті қайта қарауға жатпайтын салығының құрамдас бөлігі болды. Осы шара негізінде жергелікті билікті өз бетінше, бақылаусыз бірнеше мәрте салатын салығынан ұжымшарларды қорғау керек болатын. Осыған орай, шын мәнінде, қаулы мемлекеттің пайдасына төлемдер мөлшерін төмендетпей, шаруалардың қал-жағдайын нашарлата түсті салықпен қоса, МТС арқылы колхозшыларға көрсетілетін қызметті олар заттай төлеуге міндетті болды. 30-жылдары бұл әжептеуір жиын астық дайындаудың кем дегенде 50 пайызын берді. Мұның үстіне ұжымшарлардың жарғысы бойынша социалистік кооперативтер болып табылатындығына және олардың колхозшылардың жалпы жиналысына бағынатындығына қарамастан мемлекет ұжымшарлардағы егіндік жерлер мен астықты өз бақылауына толығымен алып отырды. Мұнымен бірге мемлекет салығының мөлшері шынайы деректерден емес, қалаған нәтижеден белгіленді. Ең соңында өнімнің мемлекет бақылауынан кетіп жататын жолын жабу үшін, 1933 жылы наурыз айында қаулы шығарылды, оған сәйкес астық дайындауда жоспарды дайындамаған ауданның 90 пайыз бастырылған астығы мемлекетке өткізіліп, ал қалған 10 пайызы колхозшылардың жұмыс ақысы үшін бөлініп берілді. Қалалардағы азық-түлік тапшылығын шешу мақсатында 1932 жылдың жазында заңды түрде ұжымшылар базарларын ашу да аудан ұжымшыларды жоспарды орындау- орындамауына байланысты болды. Мемлекеттің деревняға толық бақылау жасауы үшін 1934 жылдың басында қалған 5 мың жеке шаруашылықтарды ұжымдастыруы қажет еді. 1934 жылғы БКП (б) ОК-тің шілде пленумында осы 5 мың «алыпсатарлардың» өмір сүруі тиімсіз деп танылды. Өкімет жекешелерге ең жоғарғы ақшалай сыйлық салуды белгіледі. Сонымен бірге, мемлекеттік салықтың мөлшері олар үшін 50 пайызға көбейтілді. «Жекешелер» үшін жағдайдан шығудың тек үш жолы тұрды: қалаға кету, ұжымшыларға кіру немесе ұжымшыларда жалданып жұмыс істеу. 1935 жылы ақпан айында өткен колхозшылардың (негізінде колхоз белсенділерінің)

екінші съезінде И. Сталин елдегі барлық өңделетін жердің 98 пайызы социалистік (мемлекеттік деп біліңіз) меншік болып табылатындығын мақтанышпен жариялады.

Сонымен, мемлекет қысқа мерзім ішінде өзіндік құнының 20 пайызын әрі жабатын ауылшаруашылық өнімдерін өте төмен бағамен сатып ала отырып, өнімдерді күшпен алу жөніндегі бірқатар науқандарды ұйымдастыра алды. Олар кең ауқымды мәжбүрлеу шараларымен қоса, полицейлік-бюрократтық сипаттағы тәртіпті күшейтуге септігін тигізді. Шаруаларға қатысты күш көрсету кейін басқа қоғамдық топтарға да қолданылатын сол құғын сүргін әдістерді «өткірлеуге» мүмкіндік берді. Шаруалар мәжбүрлеуге жауап ретінде жұмысты нашар істеді, Өйткені іс жүзінде жер олардікі емес еді. Мемлекет шаруалар өндірісінің барлық процесстерін жіті бақылауына тура келді. Басқа елдерде барлық кезде жерді жыртуды, егуді, оруды, бастыруды шаруалардың өздері табысты жүзеге асыратын. Барлық құқықтарынан, өзіндік жеке кез-келген бастама жасаудан айырылған ұжымшарлар тоқырауға ұшырады. Ал өз шаруасына қожалық етпеген колхозшылар тәртіптің құқықсыз, уақытша жұмысшысына айналды.

Қазақ ауылдарындағы кеңес өкіметінің аграрлық солаяқ саясатының нәтижесінде, 1930-1934 жылдары жаппай аштық басталып, тұрғындар басқа жаққа көше бастады. 1921 жылғы аштықты өкімет ресми түрде мойындап және жұрт алдында халықаралық көмек сұраған кездегіге қарағанда, бұл жолы Қазақстан ауылдары мен селоларындағы, сондай-ақ бүкіл елдегі азық-түліктің қиын дағдарысын үкімет толығымен мойындамады. Сондықтан да бұл әрекеті этноцид ретінде бағаламауға шара жоқ. Аштық туралы мәліметтер ел ішінде де айтылмайды. Солай болса да, жоғарғы партия және кеңес органдарына көшпелі және жартылай көшпелі ауылдарды жайлаған аштық туралы әртүрлі ақпараттар күн сайын келіп жатты. Ең бірінші болып Павлодардағы саяси жер аударылғандар айғай-шу көтерді, олар өздерінің 1932 жылдың ақпан айының басында КСРО ОАК Президиумына жазған хатында «аштық салдарынан болған ауыр халді жасырып тұрған пердені ашуға» тырысты [18: 59п.]. Олар:

«Жарты айда Павлодардағы аудандардан аштықтан ісініп кеткен, аш-жалаңаш, алба-жұлба киінген адамдар, көбі қазақтар келіп жатыр» деп жазды. Алайда Қазақстанның көптеген, әсіресе батыс аудандарында аштық 1929-1930 жылдың қысында-ақ басталған болатын. 1930 жылы 5 қаңтарда Ақтөбе округтік партия комитетінің бюро отырысында Ырғыз ауданының аштық жайлаған 1000 шаруашылығында азық-түлік көмегін беру шаралары туралы мәселе талқыланды.

Қиын жағдайда Жұрын, Тәуіп, Аққұм және (барлығы 10) ауылдардың тұрғындары болды. Шын мәнінде аш шаруашылықтар кем дегенде екі есе көп болды. Табын ауданының бір мыңға жуық шаруашылығы азық-түлік іздеп Сағыз және жем өзендерінің бойын жағалай көшті [19: 64п.]. 1930 жылы 7 қаңтарда Ақтөбе округі Ақкемер ауданы Всесвятск ауылдық кеңесінің тұрғындары аштықтың салдарынан жұмыс істеуге мүмкіншілік жоқтығы туралы шағым жасады [20: 230п.]. Көп кешікпей аштық округтің басқа да ауылдары мен бүтіндей аудандарын жайлады. Жергілікті органдар өлкеге азық-түлік көмегін беру қажеттілігін жөнінде КСРО ОАК-н хабардар етуді ҚАКСР-дың тұрақты өкілінен сұрады. Аштықтың ең шыңына жеткен кезі 1932 жыл болды. БМСБ-дің «өте құпия» белгісімен жіберген арнайы ақпаратында «азық-түліктің қажеттілігі, әсіресе, қазақ ауылдарында күн сайын өсуде» деп хабарлады. 1932 жылғы 10 шілдедегі ақпараттық хабарда: «Торғай ауданында аштықтан күн сайын 25 адам өлді» деп келтірілген. Обаған ауданы, Исаев ауылында екі айдың ішінде 300 адам, Құбаев ауылдық кеңесінде осы уақытта 200 адам өлді [20:139п.]. Батпаққара ауданының он төрт ауылында 585 адам өлді. Семиозер ауданында күн сайын аштықтан 10-15 адам өледі. Ойыл ауданының 5-ші, 8-ші және 18-ші ауылдарында аштықтан 181 адам өлді. Ақтөбе ауданының 35-ші ауылында күн сайын 3-5 адам өледі. Соңғы екі ай ішінде кейбір аудандарда аштықтан ісініп кеткен, тұрғындарды 50 пайызы қалды» [20: 48п.]. Тірі қалған адамдар тышқан, шөп жеп күнелтіп жатыр деп хабарланды. Тағы да осындай фактілер Ақбұлақ, Қостанай, Қобда, Семиозер және басқа аудандар бойынша келтіріледі [21: 9п.]. Осындай қорқынышты жағдай Батыс Қазақстан облысында

да болды. «Правда» ұжымшарында колхозшылардың 75 пайызы жұмысқа шығудан бас тартты, өйткені бұл уақытта олар тамаққа тышқан аулауға мәжбүр болды [22: 8п.]. 1932 жылдың көктемінде апаттық дағдарыс Петропавл, Алматы, Семей және өзге де облыстарда қалыптасты. 24 сәуірдегі БМСБ өкілінің БКП (б) ҚӨПК жіберген ақпараттық хатында: «Көктемгі егіс жақындаған сайын азық - түлік жағдайы қиындап, кейбір жерде аштыққы ұласуда. Аштықтың салдарынан тұрғындардың негізгі топтарының көңіл - күйлерінің күйзелістері туып келеді, жаппай нан талап ету, егін егуден бас тарту, сондай - ақ қамбалар мен астық қорларын талқандау жөнінде қоқан - лоқылар көбеюде» деп көрсетті [23: 10п.]. 4 тамыздағы осы органның хатында Атбасар ауданында 1 сәуір мен 25 шілде аралығында 111 өлім тіркелді, аштықтан адам етін жеу фактілері байқалады деп хабарланды [23: 1п.].

Аштықтың ауқымы барған сайын өсе берді. Күзде тек Батпаққара және Торғай аудандары бойынша ғана 16 мың адам аштыққа ұшырап, 2042 адамы өлді [23:1-2п.п.]. Семей облысы Шыңғыстау ауданындағы БКП (б) ҚӨПК өкілі С. Аманжоловтың күнделігінде сұмдық көрініс сипатталған [24: 7-8,10-12п.п.]. Тамақ іздеп, тұрғылықты жерін тастаған адамдар, қауқарсыз, әбден әлсіреген бетте ауылдарда, жол бойында өліп жатты. Осындай қиын жағдайда Қазақстанның 14 ет комбинатынан өнеркәсіп орталықтарынан 14044 т, оның ішінде Мәскеуге - 1011 т, Ленинградқа - 1354 т, Ресейдің Орал аймағына - 1082 тонна ет жөнелтілді [25: 38п.]. 1932 жылдың 1 қыркүйегінен 1933 жылдың 15 маусым аралығында ұжымшарлар, «Казживотноводцентр» жүйесі тауар фермалары Ақтөбе облысы бойынша 13728 т., Батыс Қазақстан облысы бойынша 14649 т. ет өткізді [26: 39п.]. Бұған қоса, В. Молотов пен И. Сталин өздерінің 1932 жылы 8 қарашада БКП (б) ҚӨПК жолдаған жеделхаттарында астық өткізу бойынша жоспарды орындауды қатаң талап етті [27: 97п.]. Панасыз балалардың саны тым өсіп кетті. 1933 жылдың 20 наурызында тек Ақтөбе облысы бойынша 7234 панасыз балалар болды [28: 10п.]. 1932 жылы 25 наурызда болған ХКК - ның панасыз балалармен күрес жөніндегі Ерекше комиссияның отырысында денсаулық сақтау Халкомы мен Оқу - ісі халкомы арқылы

борлығы 3 мың бала: Петропавлда - 800, Семейде - 1100, Алматыда - 390, Ақтөбеде - 360, Оралда - 350 бала паналау орындарына орналастырылды [29: 188п.]. Бүкіл Қазақстан бойынша 40 мың панасыз бала 912 балалар мекемесінде болды. 1933 жылдың 1 қарашасында панасыз балалардың саны 72069 жан (яғни, балалар үйінде орналастырылған) болды. Олардың 69 пайызы қазақтар, 31 пайызы басқа ұлттың балалары. КСРО ЖШИ Халкомы мен БКП (б) ОБК бригадасы панасыз балалардың ең көп өсуі 1933 жылдың ақпаны мен сәуір аралығында байқалды деп көрсетті. Осыған байланысты сәуір айы ішінде балалар үйінде тәрбиеленушілер саны Алматыда - 548, Батыс Қазақстанда - 988 адамға, ал бүкіл Қазақстан бойынша 5000 балаға өсті [30: 26-29б.б].

Көптеген балалар жұкпалы аурулармен ауырды. Тіптен балалар үйі мен интернаттарда орналастырылғандардың ішінде де өлім көп болды. Мысалы, Аякөз ауданында бірнеше айдың ішінде 401 бала қайтыс болды [31: 29п.] Қазақстанның аш тұрғындарына көмек аз көлемде және кеш берілген еді. Тек 1932 жылы 5 ақпанда БКП (б) ҚӨПК - не БКП (б) ОК - нің «Құрғақшылық пен егін шықпай қалған Қазақстанның ұжымшарларына көмек туралы» жеделхаты келіп түсті. Онда республикаға бір миллион пұт қара бидай беру туралы (күзде заттай қайтарылатын несие түрінде) айтылған [32: 34-35п.п.], ол ең алдымен аштық жайлаған аудандар мен облыстарға бөлініп берілу керек болатын. Мысалы, Ақтөбе облысы 1932 жылдың 1 сәуірі мен 1 қыркүйегі аралығында 160 мың пұт, IV тоқсанда - 120500 пұт астық алды [33: 139-140п.п.]. Бұл тіптен жеткіліксіз еді, өйткені 1932 жылғы 9 айда бір ғана Торғай ауданының қажеттілігі 42000 пұтты құрады. Азық - түлік көмегі Ақтөбе, Темір, Ақбұлақ, Қобда, Меңдіқара, Ырғыз, Шалқар, Арал, Қостанай, Семиозер, Обаған, Жетіқара, Федоровск, Қарабалық, Адамовск, Батпаққара, Табын, Ойыл, Шыңғырлау аудандарына өте қажет еді [34: 2п.] Олардың барлығы 1932 жылдың 8 тамызында азық - түлік несиесі ретінде 16636 пұт қара бидай, 341 пұт бидай, 5567 пұт тары, азық - түлік көмегі ретінде 22403 пұт (қара бидай, бидай және тары) алды [34: 121с.]. 1932 жылдың 1 қазанынан 1933 жылдың ақпаны аралығында осы аудандарға 146566 пұт астық жіберілді [35: 1п.].

Бұл 1933 жылы да аштық өз күшінде болғандығын көрсетеді. Б. Төлепбаевтың деректері бойынша 1932 жылдың қыркүйек айының ортасынан 1934 жылдың 1 желтоқсаны аралығында Қазақстанға 5 млн. пұттан астам астық жеткізілген; 1933 -1934 жылдары шаруаларға 956,6 мың бас мал берілген [36: 64п.].

Алайда,көшпелі және жартылай көшпелі аудандардың тұрғындары аштық халінде еді. Көптеген алыс ауылдарға ат-көліктің жоқтығынан, азық-түлік көмегі жеткізілмеді. 1933 жылдың 20 қыркүйегіндегі БМСБ арнайы ақпаратында көшпелі және жартылай көшпеліге жататын Торғай, Арал, Шалқар, Батпаққара, Ырғыз, Ойыл, Темір аудандарындағы жағдай тіптен де өзгермеді, 1933 жылдың басындағы азық -түлік тапшылығынан барлық жерде аштық өлім әкеліп жатты [37: 66п.]. 1934 жылы 9 сәуірде Ақтөбе облыстық партия комитетінің хатшысы Ә. Досов БКП(б) ҚӨПК Л. Мирзоянның атына жеделхат жіберді, онда ол «көптеген көшпелі аудандарда азық-түліктің болмауынан арып-ашу,ісініп кету, өлім жағдайлары болғандығы....Сондай-ақ 1933 жылғы егін шықпай қалған және көптеген қайтып келушілері болған жартылай көшпелі (Темір, Қобда, Ключевск) және егін шаруашылығы (Степной, Қарабалық, Адамовск) аудандарында да жағдай мәз емес» екендігін айтты [38:497п.].

1933 жылы маусымнан бастап көшпелі аудандарға азық-түлік көмегі күрт қысқарды. Егер де шаруашылықтардың контингентін және де мамыр айындағы оларға берілген азық-түлік көмегін 100 пайыз деп есептесек, онда ол маусымда 91,4 тамызда - 74,6, қыркүйекте - 48,2, қазанда -31,6, қарашада - 32,1 пайызды құрады [38: 8,34,35п.п.]. Аштарға көмек көрсету үшін бөлінген азық-түлікті талан-таражға салу, ұрлау, қосып жазу мен көзбояушылық фактілері арқасында жағдай одан сайын қиындады. Мысалы, нан балансын жасау кезінде Торғай ауданының басшылары қысқа 3 200 астықсыз шаруашылықтың орнына облысқа 1200 шаруашылық бар деп хабарлады [39: 81-82 п.п.]. Аштық 1934 жылдың аяғында да жойылмады. 1934 жылы желтоқсанда Гурьев округі ПХК бөлімінің бастығы Вахтин қызметтік іс-сапар қорытындысы жөнінде Есбол ауданының 11 ауылында азық-түлік жетіспейді, аштықтың салдарынан

тұрғындардың біраз бөлігі «тек атшоңқай шөбінің тамырымен коректенеді». Азық-түлік көмегін керек ететін шаруашылықтар жөніндегі есепті аудандық атқару комитеті жүргізбейді» деп хабарлады [40: 7п.].

Тойып тамақ ішпеу және арып-жүдеудің салдарынан тұрғындардың арасында жұқпалы аурулар тарады. Торғай, Адамовск және Ырғыз аудандарында тек наурыз айының ішінде 150 адам құрқұлақ дертінен өлді [41: 11п.]. Торғай ауданында 1932 жылы 4 452 адам қайтыс болды. Ал үш ай өткеннен кейін Ақтөбе облыстық партия комитетінің бюросы бұл ауданда 36 мың тұрғыннан 16 256 адам қалды деп мәлімдеді [41: 146]. 1933 жылы тамыз айында тек қана бір Қызылорда ауданында бүтіндей 15 ұжымшарының тұрғындары аштықтың азабын тартты [41: 8п.]. 1926 жылы Ақтөбе, Батыс Қазақстан облыстарының қазақ тұрғындары 922,2 мың адамды немесе аймақтағы барлық тұрғындардың 74,3 пайызын құрады. 1939 жылы қазақтардың саны 39,7 пайызға азайды және 366,4 мың адам өлді. Алайда, бұл деректер де демографиялық апатты нақты көлемін көрсетпейді. Біріншіден, 1930 жылы бүтіндей тұрғындардың, соның ішінде қазақтардың саны 1936 жылмен салыстырғанда жоғары еді; екіншіден, 1934 жылдан кейін демографиялық апаттың орнын толтыру процесі жүріп жатты. Осы факторларды есептегенде, Батыс Қазақстан облысы бойынша қазақ тұрғындарының саны былайша өзгеріп отырды: 1931 жылы - 445 415, 1932 жылы - 322 853, 1933 жылы - 281 793 адам болды. Сонымен, жалпы алғанда 163 622 адамға немесе 36,7 пайызға азайды. Тек ауылдар ғана аштыққа ұшырамады. Қазақтардың арасындағы өлім өсімге қарағанда Оралда 5 есе, Қостанайда - 2 есе, Петропавлда - 2 есе артты [42: 6п.]. Селолар мен ауылдардан қашқандар аштықтан арып-ашып қалаларда өлді. 1933 жылдың 5 айында табиғи өсім Қазақстанның барлық қалаларында өте төмен болды [43: 8п.].

1932 жылы ҚАКСР Халком Кеңесінің деректері бойынша 800 мың қазақ шаруашылығынан 450-і қалды, яғни 45 пайызға қысқарды. 300 мың қазақ теміржол бойында қаңғырып жүрді, жүздеген мыңы қалаларда жиналды, ал олардың арасындағы өлім есептелмеді [44: 9п.]. Жоғарыда айтып

өткендей, ең көп адамдарынан айырылған көшпелі және жартылай көшпелі қазақ ауылдары болды. Тұрғындардың азаюын есептеудің негізгі көзі 1926 және 1939 жылдардағы Бүкілодақтық бірінші және екінші санақ деректері, сондай-ақ БМСБ және Халық шаруашылық есебін жүргізу жөніндегі орталық басқарманың (ЦУНХУ) деректері болып табылады. Олар 1931-1933 жылдары Қазақстанда болған демографиялық процестердің жуық шамасын көрсетеді. Мысалы, республиканың БМСБ органдары тек Қазақстан ішінде өлгендердің санын тіркеді, ал ондаған және жүздеген қашқындар басқа республикалар мен мемлекеттер территориясында, жолда, БМСБ жасақтарымен қақтығыста, шекарада қаза тапты. Кейбір зерттеушілердің бағдар алатын Халық шаруашылық есебін жүргізу жөніндегі орталық басқарманың (ЦУНХУ) шаруашылық бойынша есебі де көшпелі және жартылай көшпелі тұрғындарды, тіптен отырықшы шаруаларды да әкімшілік үйлесімінің нашарлығынан толық болып табылмайды. Дегенмен де, жыл сайынғы салық есебі негізінде жасалған халық шаруашылығы есебін жүргізу жөніндегі республикалық органның деректері шындыққа жақын келеді.

Ал 1926 және 1939 жылдардағы санақ деректерін алсақ, бұл жерде тек уақытша емес, сондай-ақ кеңестік құрылымдардың ара қатынасын белгілеу керек. Негізінде, үлкен кеңістікте шашылып жатқан көшпелі және жартылай көшпелі тұрғындардың саны дұрыс есептелмеді. Сондай-ақ бастапқы 1926 жылғы мен адамдар өлімінің шыңына дәл келетін 1932-33 жылдар арасындағы тұрғындардың табиғи өсімін де естен шығармауымыз керек. Осылардың барлығын және де басқа факторларды да есептей келіп Ж.Б. Абылхожиннің, М.Қ. Қозыбаевтың және М.Б. Тәтімовтың 1926 жылғы санаққа қортындысына енгізген түзетулері 12,3 пайызды құрайды. Осыған қарағанда тұрғындардың әлі де болса тұрақты 1930 жылдың орта шенінде салыстырмалы шекара шегіндегі тұрғылықты халықтардың саны 4 млн 120 мың адам болды деп айта аламыз [45: 91п.]. Демек, бұл ғалымдар апат жылдарында аштықтан және оның зардаптарынан 1 миллион 750 мың адам немесе республика қазақ тұрғындарының барлық санының 42 пайызы құрбан болды деп есептейді [46: 7п.]

Біздің ойымызша, бұл сандарды дұрыстығын басқа деректермен де тексеруге болады. Мысалы, салық есебінің деректері бойынша әрбір жылдың 1 маусымында республика тұрғындары: 1930 жылы - 5 873,0 мың, 1931 жылы - 5 114,0 мың, 1932 жылы - 3 227,78 980 мың, 1933 жылы - 2 493,5 мың, 1934 жылы - 2 681,8 мың, 1935 жылы - 2 926,0 мың адамды құрады [47: 39п.]. Бұл деректер халық шаруашылық есебін жүргізетін республикалық мекеме бастығының 1935 жылы 23 қыркүйекте Л.И. Мирзоянға жолдаған ақпараттық хатымен расталады [48: 53-54п.]. Осы келтірілген деректерден 1930-1933 жылдардағы Қазақстан бойынша ауыл тұрғындарының жалпы кемуі 3 379,5 мың адам болғанын көреміз. Бұл санға бірнеше жүздеген мыңы тірі қалған, көшіп кеткендер, сондай-ақ шаруалардың жаппай толқулары мен көтерілісі барысында өлген, қуғын-сүргінге ұшырағандар да кіреді. 1926 жылғы Бүкілодақтық санақ деректері бойынша қазақтар Қазақстанның ауыл тұрғындарының 61,1 пайызын құраған [49: 150.].

Қазақ халқының азаюы шамамен 2-2,2 млн адам болды. 70-жылдары жарияланған М. Тәтімовтың деректері бойынша 1934 жылы республикада барлығы 2 900 мың қазақ өмір сүрген [50: 21, 37, 58п.п.]. Онда қазақтардың елдегі азаюы 1 610 мың адам болмақшы. Автор өзінің 90-жылдары жарияланған еңбектерінде 1931-1934 жылдары Қазақстанда аштықтан, жұқпалы аурулардан және террордан өлгендердің саны мен пайызын сарапшылық бағалау есебінің нәтижелері бойынша қазақтар 2,2 млн адамға азайды деп көрсетті. Сонымен, қазақ халқы шамамен 2 миллиондай азайды деп есептеуге болады.

Дегенмен, 1931-1934 жылдардағы шығынды тек республиканың ішіндегі, сондай-ақ Қазақстаннан шеткері жерлерге көшіп кеткендердің санын анықтаған жағдайда ғана біле аламыз, өйткені олардың бәрін салық есебімен қамту мүмкін емес еді. Тұрғындардың азаюын есептеудегі кемшіліктерге қарамастан, қазақ халқының басына түскен демографиялық апаттың ауқымы оарсан зор екендігін біз анық білеміз. Этноцидтің нәтижесінде өзінің ата-бабасы жерінде қазақ халқы азайды, құрып кетуге және этникалық даралығынан айырылуға айналды. Оның бұрынғы санының тек 40 жыл (1969 ж.) өткеннен кейін

орны толды. Алайда, тұрғындарының жартысына жуығынан айырылу демографиялық процестердің табиғи өсімін қатты шайқалтты, халықтың қазіргі жыныстық және жас құрылымына әсерін тигізді. 1928-1933 жылдар кезіндегі Қазақстандағы большевиктік эксперименттердің қайғылы зардаптары өз халқына қарсы геноцид. Дәл осыдан әміршілдік жүйенің ауыр қылмысының сипаты тағы да байқалады.

ӘДЕБИЕТТЕР:

1. ҚР ОММ 17 – т., 607 – іс, 1 п.
2. ҚР ОММ, 605 – іс, 81 п. Хатты Омарбеков Т. жариялады. // Қазақ тарихы. 1993. № 1. 63 – 65 б.б.
3. ҚР ОММ, 44 қ., 14 – т., 549 – іс, 49 п.
4. ҚР ОММ, 1145 қ., 2 – т., 552 – іс, 52 п.
5. Абылхожин Ж.Б., Татимов М.Б. Новое о коллективизации в Казахстане // История Казахстана : белые пятна. Мақ. жинағы. А – А., 1991. - 201 с.
6. VII Пленум Казахского краевого комитета ВКП (б). 184.; Казахстан за 50 лет. Статистический сборник. А–А., 1971. -74 с.; Народное хозяйство Казахской ССР. Статистикалық күнделік. А – А., 1987, -68 б.
7. ҚР Президентінің мұрағаты, 141 қ., 17 – т., 607 – іс, 13 – 14 п.п.
8. Партийная жизнь Казахстана. 1990. № 10. 78 б.
9. ҚР ОММ, 44 қ., 14 – т., 549 – іс, 49 – 76 п.п.
10. ҚР ОММ, 1145 қ., 2 – т., 549 – іс, 8 п.
11. Батыс Қазақстан обл. мемлекеттік мұрағаты, 37 қ., 1 – т., 16 – іс, 14 п.
12. ҚР ОММ, 5 қ., 1 – т., 14 – іс, 295 п.
13. Батыс Қазақстан обл. мемлекеттік мұрағаты, 37 қ., 1 – т., 107 – іс, 1 – 2 п.; 500 – іс, 34 п.
14. ҚР Президентінің мұрағаты, 141 қ., 1- т., 6092 – іс, 13 п.
15. Батыс Қазақстан обл. мемлекеттік мұрағаты, 37 қ., 1 – т., 124 – іс, 5 п.
16. ҚР ОММ, 1145 қ., 2 – т., 548 – іс, 59 п.
17. ҚР ОММ, 5 қ., 14 – т., 174 – іс, 230 п.

18. ҚР Президентінің мұрағаты, 141 қ., 1 – т., 5235 – іс, 139 п.
19. ҚР ОММ, 82 қ., 1 – т., 1118 – іс, 48 п.
20. ҚР Президентінің мұрағаты, 141 қ., 1 – т., 5233 – іс, 9 п.
21. Ақтөбе обл. мем-к мұрағаты, 13 қ., 1 – т., 314- іс, 5 п; 9 қ., 1-т., 446- іс, 1п.
22. Ақтөбе обл. мем-к мұрағаты, 63., 1 – т., 428 – іс, 1 – 2 п.п.
23. Ақтөбе обл. мем-к мұрағаты, 85 қ., 1 – т., 41 – іс, 7 – 8, 10 – 12 п.п.
24. ҚР Президентінің мұрағаты, 141 қ., 1 – т., 3336 – іс, 97 п.
25. ҚР Президентінің мұрағаты, 141 қ., 1 – т., 5208 – іс, 10 п.
26. ҚР Президентінің мұрағаты, 141 қ., 1 – т., 5192 – іс, 188 п.
27. Білім және еңбек. 1998. № 7 . 26 – 29 б.б.
28. ҚР ОММ, 5 қ., 13 – т., 376 – іс, 29 п.
29. ҚР ОММ, 1145 қ., 2 – т., 548 – іс 34 – 35 п.п.
30. ҚР Президентінің мұрағаты, 141 қ., 1 – т., 5235 – іс, 139 – 140 п.п.
31. Ақтөбе обл. мемлекеттік мұрағаты, 13 қ., 2 – т., 446 – іс, 2 п.
32. Насильственная коллективизация и голод в Казахстане. 121 с.
33. ҚР ОММ, 30 қ., 2 – т., 1550 – іс, 1 п.
34. ҚР ОММ, 44 қ., 14 – т., 549 – іс, 64 п.
35. Коллективизация сельского хозяйства Казахстана. 1 часть. 497 с.
36. Ақтөбе обл. мемлекеттік мұрағаты, 285 қ., 1 – т., 10 – іс, 8, 34, 35 п.п.
37. Ақтөбе обл. мемлекеттік мұрағаты, 285 қ., 1 – т., 9 – іс, 81 – 82 п.п.
38. Ақтөбе обл. мемлекеттік мұрағаты, 285 қ., 1 – т., 169 қ., 1 – т., 4 – іс, 7 п.
39. Тулепбаев Б.В. Социалистические аграрные преобразования. 146 с.
40. Ақтөбе обл. мемлекеттік мұрағаты, 13 қ., 2 – т., 458 – іс, 8 п.
41. Ақтөбе обл. мемлекеттік мұрағаты, 13 қ., 3 – т., 356 – іс, 6 п.
42. Атырау обл. мемлекеттік мұрағаты, 2 қ., 1 – т., 518 – іс, 91 п.
43. Ақтөбе обл. мемлекеттік мұрағаты, 13 қ., 3 – т., 556 – іс, 7 п.
44. Ақтөбе обл. мемлекеттік мұрағаты, 13 қ., 3 – т., 341 – іс, 39 п.
45. Қызылорда обл. мемлекеттік мұрағаты, 33 қ., 1 – т., 43 – іс, 52 – 54 п.п.
46. Сдыков М.Н. Население Западного Казахстана (1897–1989 гг.).- Алматы, 1995.-150 с.
47. ҚР ОММ, 698 қ., 14 – т., 188 – іс, 21, 37, 58 п.п.

48. История Казахстана: белые пятна. Сб. статей. А – А., 1991. -208 с.
49. Всесоюзная перепись населения 1926 г. КазАССР. М., 1929. 9 б.
50. Татимов М. Демография-наука о народнонаселении. А-А., 1975. -56 с.

УДК 9(с)27(с173) X51

*Хисамутдинова Р.Р.
ОГПУ, г. Оренбург, Hisamutdinova@mail.ru*

ГОЛОД В УРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Продовольственные трудности у сельских жителей Урала в условиях войны возникли уже в 1942 году. Закончились довоенные отцовские запасы. Уменьшение валового сбора зерновых в связи с сокращением материально-технической базы сельского хозяйства и численности трудоспособных колхозников и сложными климатическими условиями, продрозверстка в уральской деревне в военные годы приводили к тому, что колхозы и совхозы региона не обеспечивали себя семенами в течение всей войны. Из этого трудного положения колхозы и совхозы выходили разными путями: брали семенные ссуды у государства, создавали семенной фонд межколхозной и межрайонной помощи, организовывали сбор семян у колхозников, который носил добровольно-принудительный характер. Так, в 1942 г. колхозники смогли ценой больших усилий обеспечить семенами из личных запасов на 25% посевных площадей в колхозах Чкаловской области. В 1943 г. колхозники Чкаловской области собрали из личных запасов свыше 500 тыс. пудов семян [20: 30], Курганской области – 1144 ц. зерновых, 3340 ц. картофеля, 41 ц. семян технических культур [8: 108]. В Башкирии также широко развернулась работа по сбору семян из личных запасов, которая принимала во многих колхозах принудительный характер.

Трудности военного времени в уральской деревне в 1942

г. привели к сокращению выдачи зерна на трудодни, особенно в колхозах Южного Урала по сравнению с 1941 г.: в Башкирии в 7 раз и составила 300 г., в Чкаловской области - в 5,8 (360 г.); в Курганской - в 5,5 (200 г.); в Челябинской - в 6,4 (180 г.), а в Свердловской - в 1,8 (600 г.); в Молотовской области и Удмуртии - в 1,7 (700 г.) раза. В то время как по стране сократилась в 1,7 раза и составила 800 г. [10: 667]. Особенно тяжелое положение складывалось в колхозах Башкирии, где уже до начала войны были случаи опухания от голода и смерти от недоедания среди колхозников Илишевского, Туймазинского, Шаранского, Кандринского, Чекамагушевского районов. Об этом свидетельствуют письма первых секретарей райкомов партии первому секретарю Башкирского обкома партии от 28 апреля, 8, 10, 11, 12 июня 1941 г. с просьбой оказать продовольственную помощь населению этих районов [11: 159].

Пик снижения потребления пришелся на 1943-1944 гг., так как в 1943 г. южные области Урала были охвачены засухой.

Из-за неурожая в среднем по Курганской области на один трудодень колхозники получили 138 г. хлеба, в Чкаловской области - 280 г., в Челябинской - 430 г. и в Башкирии - 390 г. [11: 229]. Фактически, конечно, было выдано меньше. Однако в Башкирии, несмотря на более благоприятные показатели, 4,6% колхозов хлеб на трудодни совсем не выдали, в Чкаловской области - 9,2% (189 колхозов), в Курганской - 3,0%, в Челябинской - 0,3%; в РСФСР - 4,1% [2: 265-267; 3: 166-174]. В наиболее тяжелом положении оказались, как мы видим, колхозники БАССР и Чкаловской области, где процент колхозов, совсем не выдавших хлеб на трудодни, был выше, чем по РСФСР и по другим областям Урала, хотя они являлись основными зернопроизводящими и зернопоставляющими районами региона. Об этом свидетельствуют также письма из Башкирии и Чкаловской области, перехваченные военной цензурой. Весной 1944 г. (март) Митрошкина из Пликовского сельсовета Бакалинского района БАССР пишет письмо на фронт: «Да, брат Иван, жизнь здесь неважная. Работаем в колхозе, заработали 1050 трудодней, только на ветер, получили 4 воза соломы гороховой и больше ничего...» [14: 406]. 18 ноября 1944 г., письмо А.

Д. Килина из башкирской деревни Ильинка на фронт: «Хлеба не кушаем, живем на картошке, два года хлеба не пекли и не видели, из колхоза на троих рабочих получили всего 3 кг и все, ожидать нечего, потому что нет хлеба...» [15: 459]. В связи с тяжелым положением с питанием в ряде районов Башкирии бюро Башкирского обкома партии 20 июля 1943 г. приняло постановление «О случаях заболеваний и смерти на почве истощения колхозников и их детей в Макаровском районе», в котором было указано, какие необходимо принять срочные меры, чтобы помочь колхозникам этого района [1: 160, 161].

Трудное положение с питанием сложилось в Секретарском, Ивановском, Саракташском, Троицком и в других районах Чкаловской области. К 25 января 1944 г., по сообщению председателя Секретарского райисполкома, 30% населения района имели из продуктов питания только овощи, 10% остро нуждались в хлебе и других продуктах. Уже на 20 января 366 человек района питались только травой, имелись случаи опухания от голода [21: 32-33].

Докладные записки, письма в партийные и советские органы, информации НКВД свидетельствуют о крайне тяжелом материальном положении сельского населения Урала. В 1943-1944 гг. деревня подошла к рубежу продовольственной катастрофы. Различные источники говорят о распространении локальных очагов голода. Количество потребляемого хлеба на одного колхозника Урала сократилось по сравнению с 1941 годом в 2 раза, мясопродуктов - в 1,7 раза. Мясо в деревне стало большой редкостью. В 1944 г. количество потребляемого хлеба на одного колхозника сократилось в Башкирии в 2,9 раза, мяса в 2,5 раза, в то же время выросло потребление картофеля в 2,3 (а в 1945 г. - в 2,8 раза), молока в 1,7 раза. Основным продуктом питания был картофель. Его потребление выросло в 2,6 раза, что составляло к концу войны в среднем более 1 кг на человека. Пищевой рацион сельских жителей поддерживался за счет некоторого увеличения потребления овощей и молока. Так, потребление овощей на человека выросло с 47 кг. в 1941 г. до 91 кг. в 1945 г. (в 1,9 раза), молока - со 121 до 202 л. (в 1,7 раза) [6: 81, 82, 176-177].

Проведенный на основе статистических данных постоян-

ных бюджетных обследований семей анализ дневных норм питания показывает, что последние в расчете на одного члена колхозной семьи в Башкирии достигли в 1944 г. самого низкого уровня и составили 170 г. хлебопродуктов, 1100 г. картофеля, 39 г. овощей, 13 г. сала и мяса, 0,471 л. молока, 0,04 шт. яиц; в Чкаловской области - соответственно 225 г хлебопродуктов, 715 г картофеля, 247 г. овощей, 30,4 г. мясопродуктов, 0,595 л. молока, 0,07 шт. яиц. Если сравнивать питание колхозников сельскохозяйственных областей (Башкирии и Чкаловской) с питанием колхозников промышленно развитых (Свердловской и Молотовской) по годам, то видно, что в наиболее тяжелом положении находились колхозники Башкирии и Чкаловской области.

В особенно тяжелом положении оказались колхозники в башкирских районах и населенных пунктах, которые плохо развивали приусадебные хозяйства, не сеяли или очень мало сеяли картофеля или овощей, а помощь из других населенных пунктов этим хозяйствам исполкомами райсоветов и райкомами ВКП(б) организовывалась недостаточно.

Ослабление общественного колхозного хозяйства из-за тягот военного времени обуславливало ухудшение материального положения крестьянства. Значительно беднее стал крестьянский стол, особенно в многодетных семьях. В 1942-1944 гг. при выпечке хлеба сельские жители использовали мякину, различные травы, корни. Употребление такого «хлеба» вызывало болезни желудка, паралич конечностей. Нередко в пищу шли крапива, щавель, лебеда, свекольный лист, широко использовались отруби, жмыхи, желуди.

Отсутствие нормального питания вызвало распространение рахита и рост смертности среди детей. В Курганской области смертность детей до 1 года к числу рождаемости в 1942 г. составляла 66,5%, в 1943 г. - 33,1% [4: 5].

В Челябинской области рождаемость в 1943 г. отставала от смертности (родилось 26 487 человек, умерло 49 213 человек), вследствие чего абсолютный прирост по естественному движению в 1943 г. уменьшился на 22 926 человек за 10 месяцев, в то время как за этот же период в 1942 г. произошло уменьшение лишь

на 2831 человека. Наблюдалась высокая детская смертность, особенно в районах: Аргаяшском - 46,1%, Красноармейском - 48,1%, Колхозном - 45,5%, Октябрьском - 50,3% и других [9: 76].

Показателем общего ухудшения благосостояния было то, что в 1944 г. доля умерших от дистрофии и авитаминоза в Свердловской области составила 36,4% от всех смертей. Данные по Челябинской области также подтверждают этот вывод: в 1943 г. от дистрофии и истощения умерло 14,7% от всех умерших, а за 1944 г. - 27,4%. В Удмуртии на первое место среди причин смерти в 1944 г. вышли дистрофия и истощение, на второе место - туберкулез. Значительной была смертность от туберкулеза в Челябинской области: 15,1% в 1943 г., 13,7% - 1944 г., 20,9% - в 1945 г.

Тяжелые условия голодного существования сказались на частоте заболевания цингой, распространение которой, как известно, всецело зависит от условий питания. В уральской деревне было зарегистрировано в 1942 г. 3,8 тыс. заболеваний цингой, в 1943 г. - 5,2 тыс., в 1944 г. - 4,7 тыс. [7: 78].

Наибольшее распространение в Чкаловской области и Башкирии получила септическая ангина. Это объясняется тем, что в условиях войны убыль рабочей силы и снижение механизации полевых работ особенно сильно отразились на многоземельных колхозах Южного Урала, в результате чего часть посевов зерновых культур убирать не удавалось. Эти поля весной превращались в «смертоносные» и способствовали распространению септической ангины – болезни голодных людей в больших масштабах. Причиной данного заболевания являлось то, что сельские труженики из-за отсутствия хлеба употребляли перезимовавшие под снегом злаки, которые под лучами весеннего солнца становились ядовитыми и опасными для жизни. Оно характеризовалось резким снижением белых кровяных телец в крови, высокой температурой, некрозами в зеве и полости рта, кровоизлияниями на коже. Смертность колебалась от 17 до 50%.

Если в 1942 г. были поражены септической ангиной 19 районов Чкаловской области, зарегистрировано 1299 случаев заболевания септической ангиной, 344 из которых закончились смертью (26,4%), то в 1943 г. - 30 районов, с охватом почти всей северо-за-

падной части области. Всего умерло 680 человек. К септической ангине прибавились и другие заболевания, вызванные плохим питанием: кишечные, дистрофия, истощение. Так, в этом же году от дистрофии умерло 482 человека, от дизентерии - 871 человек [21: 63, 53; 24: 14-15].

Засуха 1943 г., жесткое проведение хлебозаготовительной кампании в условиях войны, недостаточная оплата трудодней колхозников привели к тому, что пик заболевания по стране, в т.ч. на Урале приходится на 1944 г., когда численность учтенных заболевших достигала 173 тыс. человек, из которых умерло примерно 28 тыс. До 80-85% больных и умерших было в России, а самая высокая заболеваемость наблюдалась в Куйбышевской, Чкаловской (на 10 июля число заболевших 27 106 человек, или 15,7% от числа заболевших по стране), Ульяновской областях, Башкирии (24 747 заболевших, или 14,3% от всех по стране и за 2-й квартал 13 900 умерших, или 49,7%), Татарской АССР и др.

По совету Наркомздрава СССР 31 декабря 1943 г. был подготовлен специальный приказ № 38 уполномоченного ГКО «О мероприятиях по предупреждению и борьбе с септической ангиной». В соответствии с ним был проведен учет полей с необраным осенью урожаем в Куйбышевской, Саратовской, Ульяновской областях и др. Смертоносные поля были взяты под строгую охрану [10: 370-371].

В 47 районах Башкирии на 18 мая 1944 г. зарегистрировано 8495 случаев заболеваний септической ангиной, 4792 случая, подозрительных на заболевание септической ангиной, и сверх того 2959 случаев со смертельным исходом. Только за пятидневку с 14 по 19 мая включительно заболело 7057 человек и умерло 1510. В чрезвычайно тяжелом положении находились 15 районов (Стерлибашевский, Чекмагушевский, Илишевский, Миякинский, Юмагузинский, Хайбуллинский и др.). В Стерлибашевском районе зарегистрировано 550 случаев заболеваний, 5211 случаев, подозрительных на заболевание и, кроме того, 731 случай со смертельным исходом. В районе из 19 сельсоветов остались не пораженными септической ангиной только три. В отдельных районах (Стерлибашевском и Альшеевском) имелись случаи заболе-

вания септической ангиной районного партийного актива.

Для оказания лечебной помощи и выявления больных и подозрительных Наркомздравом Башкирской республики командированы в районы 105 человек медработников, из них профессоров 9, врачей 43 и средних медработников 53 человека.

Развернуто 110 временных барачных бараков для размещения больных, нуждающихся в госпитализации. Направлено в районы медикаментов: сульфидина - 45 кг, стрептоцида - 33 кг, аскорбиновой и никотиновой кислоты - 1,5 кг, витаминов - 55 тыс. человекодоз и дрожжей - 500 кг. Выделено денежных средств 185 тыс. руб. Ежедневно передавались по радио на башкирском и русском языках лекции о профилактике септической ангины. Издавались в 42 районных газетах типовые статьи. Издано 6 тыс. экземпляров листовок. Во всех районах Башкирии было организовано подворное обследование населения для выявления больных и подозрительных на заболевание септической ангиной. Для питания больных септической ангиной было выделено 642 т муки, 20 т крупы, 35 т мяса-рыбы, 26 т жиров, 15 т сыра, 40 т обезжиренного молока, 55 ящиков яиц и 7 т сахара. Развернуто 87 питательных пунктов [16: 43, 45, 70, 71, 72, 75].

Весной 1944 г. число заболеваний септической ангиной в Башкирии стремительно растет. Так, если с 26 апреля по 7 мая 1944 г. число заболевших септической ангиной в Башкирии составило 1169 человек и умерших 298 человек, то на 23 мая - соответственно 17 562 человека (увеличилось в 15 раз), 5271 человек (в 17,7 раза), обнаружено лейкопение (т.е. подозрений) у 2411 человек; на 7 июня уже - 23 653 человека (в 20,2 раза), 8763 человека (в 29 раз), обнаружено лейкопение у 43 640 человек (увеличилось по сравнению с 23 мая в 18,1 раза), на 16 июня - 24 747 (в 21,2 раза), 8889 (в 29,8 раза), 43 936 человек (в 18,2 раза). Случаи заболевания септической ангиной были зарегистрированы в 59 районах из 62 [16: 18, 6; 19: 5-7].

В БАССР смертность от септической ангины составляет по отношению к общей смертности за 2-й квартал 66,2%. В мае-июле 1944 г. смертность от данного заболевания стояла в Чкаловской области на первом месте. За май смертность от септической

ангины составила 52,6% от числа умерших, в июне - 46,2%, в июле по мере созревания нового урожая смертность сокращается — 13,7% [12: 151; 16: 108].

На 1 июня 1944 г. в Башкирии было развернуто 220 временных стационаров, 1271 питательный пункт, перечислено на содержание временных коек 375 тыс. руб. В районах работали 32 уполномоченных СНК Башкирии и обкома ВКП(б). За последнюю пятидневку мая отправлено 1000 т муки, 70 т крупы, 45 т мяса, 30 т жиров, 15 т сахара, 50 ящиков яиц, 100 т обезжиренных молочных продуктов.

4 июня было принято постановление бюро Башкирского обкома ВКП(б) «О борьбе с заболеваниями септической ангиной», которое предусматривало для принятия чрезвычайных мер по борьбе с септической ангиной создать тройку в составе председателя СНК Башкирии Вагапова (председатель), первого секретаря обкома партии Игнатьева и заведующего облздравотделом Лукманова, аналогичные тройки по районам (первый секретарь райкома партии, председатель райисполкома и зав. райздравотделом) и обязать немедленно организовать обменные пункты. В связи с тем, что имелись случаи заболевания септической ангиной в городах, с 3 июня по 15 июля запретить рыночную торговлю хлебоизделиями и зерном в городах и на железнодорожных станциях. Контроль осуществляют председатель исполкома и органы НКВД. Наркомздрав дополнительно командует 130 студентов Башкирского медицинского института для оказания медицинской помощи на местах.

По Хайбуллинскому району с января по май 1944 г. родилось 49 человек, умерло 457 человек, т.е. смертность превышала рождаемость в 9,3 раза. В колхозе «Урал» из 106 человек населения умерло 45, и в колхозе осталось 5 трудоспособных. 95% умерших приходилось на детей и подростков, а остальные - на взрослых. Имелись случаи смертности среди учителей, бригадиров и заведующих фермами колхозов. Население Абишевского и Бикбовского сельсоветов материально обеспечено крайне плохо. Дети не имели никакой одежды и обуви. Не было даже постельных принадлежностей. Женщины многие сидели дома совершен-

но голые. Кроме того, они истощены до крайности и существовали при помощи травы. В районе хлебных ресурсов в необходимом количестве не было.

На май из 45 т спущенного по наряду хлеба получено 12 т, поэтому открытые питательные пункты работали с перебоями, а отдельные пункты в колхозах Чкалова, Возяме, Урняк, Танатир, с. Назиргул, Берлек, Салават работали буквально несколько дней [16: 67, 73, 74, 87-89].

За 2-й квартал 1944 г. из числа зарегистрированной по республике смертности умерли на почве недоедания 1300 человек, дистрофии 2969 человек, истощения 1498, от септической ангины 13 190 человек. Больше всего от септической ангины умерло в Илишевском районе - 2568 человек, Стерлибашевском - 1287 человек. От дистрофии больше всего умерло в Балтачевском районе - 157 человек, Бураевском - 151 человек, Чекамагушевском - 151 человек.

Жительница села Богданова Балтачевского района Галимова пишет: «...У нас в деревне появилась ангина, каждый день умирают по 5-10 человек. Уже во многих домах никто не живет. В мае умерло 180 человек». Наряду с септической ангиной в 1944 г. заболело сыпным тифом: в октябре 427 человек (из них 373 сельских жителя), в ноябре - 592 человека (из них 507 человек из села), что в 5,7 раза больше, чем в ноябре 1943 г. (116 заболевших, из них 83 жителя села) [16: 108, 112, 129].

На 3 мая 1944 г. септическая ангина охватила 12 районов Чкаловской области с общей численностью больных 411 человек; на 10 мая соответственно - 32 района, 2702 человека; на 20 мая - 45 районов, 7284 человека; на 1 июня - 46 районов, 16 576 человек; на 20 июня - 25 760 человек и своего пика достигла 10 июля - 47 из 51 района, 27 106 человек, т.е. за 2 месяца число заболевших возросло в 66 раз. Наиболее пораженными районами являлись Абдулинский, Пономаревский, Бугурусланский и Матвеевский. Непораженными остались только четыре восточных района: Кваркенский, Адамовский, Домбаровский и Ново-Троицкий.

Количество заболеваний только за время до 10 июня 1944

г. в 17,6 раза превышало количество заболеваний за весь период 1942 г. и было в 11,3 раза больше заболеваемости в 1943 г. Абсолютное количество летальных исходов в 1944 г. было в 9,8 раза больше, чем в 1942 г., и в 6,6 раза больше, чем в 1943 г. Вместе с тем летальность была меньше, чем в предыдущие годы. Так, в 1942 г. она составляла 26,5% от числа заболевших, в 1943 г. - 25,2%, в 1944 г. - 14,7%. Это объясняется более ранним выявлением заболевания и значительно более широкой госпитализацией (в 1942 г. - 31% госпитализированных, в 1943 г. - 39%, в 1944 г. - 50%) [12: 151].

В связи с таким бурным развитием болезни Чкаловский обком партии 16 мая 1944 г. отправил секретную докладную на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова, в которой говорилось о том, что «септическая ангина в Чкаловской области приняла угрожающие размеры. За апрель и 14 дней мая умерло по области от септической ангины 698 человек. Причина: перезимовавшие просо, пшеница, ячмень. Наиболее эффективными мероприятиями по борьбе с септической ангиной являются: 1. Обмен. 2. Помощь хлебом нуждающимся колхозам. Выделенные правительством в мае 80 т хлеба для обмена и 150 т на продажу колхозникам недостаточны. Чкаловский обком просит: 1. Обязать Наркомат заготовок: а) разрешить 300 т хлеба на обмен перезимовавшего на полях зерна, собранного колхозниками; б) разрешить для питания больных септической ангиной 150 т продовольственного зерна и 150 т на продажу колхозникам. 2. Обязать Наркомат Здравоохранения СССР: а) оставить в Чкаловской области до ликвидации септической ангины 10 человек профессорско-преподавательского состава 1 ХМИ (1 Харьковский медицинский институт, реэвакуация которого началась из Чкалова летом 1944 гг. - ХРР) и 100 врачей из выпуска 1944 г. вышеуказанного института; б) выделить для Чкаловской области 10 микроскопов, 50 штук счетных камер к ним, 200 штук меланжеров и 2000 покровных стекол; в) отпустить медикаментов: сульфидина - 150 кг, красного стрептоцида - 100 кг, никотиновой кислоты - 10 кг, камфары для инъекций - 10 литров. 3. Выделить 2000 матрацев, 2000 одеял, 2000 подушек, 6000 комплектов постельного и нательного белья».

Уже 24 мая вышло распоряжение СНК СССР за подписью заместителя председателя СНК СССР Н. А. Косыгина, которое обязывало Наркомместпром РСФСР срочно выделить Чкаловскому облздравотделу 3 микроскопа и отправить их самолетом вместе с медикаментами, направленными в Чкаловскую область Наркомздравом РСФСР [21: 49, 50].

Многое было сделано облздравотделом для борьбы с септической ангиной в сельских районах области. Весной 1944 г. было послано в районы 58 врачей, 24 средних медицинских работника, 22 лаборанта и до 60 студентов Чкаловского мединститута, созданного на базе эвакуированного 1 ХМИ. Кроме того, в наиболее пораженные районы облздравотдел направил 26 высококвалифицированных врачей (начальников госпиталей, главных врачей больниц и работников аппарата облздравотдела).

В начале мая всем райкомам и горкомам партии было дано указание обкома об организации борьбы с септической ангиной. Во всех районах был организован обмен собранного зерна на здоровое. Размол на мельницах собранного в полях перезимовавшего под снегом зерна был прекращен. Сеть стационарного лечения, имевшая 1000 коек, была расширена до 3500 коек. Все тяжело заболевшие госпитализировались. Через сеть стационарного лечения в 1944 г. прошло 13 500 человек.

Все статьи областной газеты «Чкаловская коммуна», посвященные септической ангине, размещались в районных газетах. Облздравотдел издал и разослал по районам 12 000 листовок о том, как уберечься от заболевания. В колхозах читались лекции и доклады на тему «Причина заболевания септической ангиной и как с ней бороться» [21: 70].

Септическая ангина в 1944 г. в Челябинской области отмечалась в 24 районах из 32, всего зарегистрировано 1516 больных, летальных исходов – 352, что составило 23% от общего количества заболевших, т.е. масштабы были намного меньше, чем в БАССР и Чкаловской области. Септическая ангина весной 1944 г. появилась в Мостовском и Варгашском районах Курганской области [5: 101].

Аналогичное положение наблюдалось во многих регионах

Советского Союза. Только в мае 1944 г. НКВД послало четыре сообщения Сталину, Молотову, Ворошилову, Маленкову о массовом заболевании септической ангиной населения Челябинской, Чкаловской, Куйбышевской областей, Татарской и Башкирской АССР, Казахской ССР.

Быстрое распространение этой болезни, большой процент смертности от нее обратили на себя внимание правительства СССР. 2 июня 1944 г. СНК СССР принял специальное постановление № 645 «О дополнительных мерах по борьбе с септической ангиной», которое касалось 19 областей, республик и автономных республик Советского Союза, в том числе всех 7 областей и республик Урала. Постановление предусматривало для принятия на месте оперативных мер по борьбе с септической ангиной командировать: в ТАССР — наркома здравоохранения Митерева и члена Коллегии НЗ СССР Александровского; в Куйбышевскую область — наркома здравоохранения РСФСР Третьякова и заместителя наркома здравоохранения СССР Кузнецова; в Чкаловскую область — члена Коллегии Наркомздрава СССР Рогозина; в БАССР — зам. наркома здравоохранения РСФСР Мананникову; в Казахстан — зам. наркома здравоохранения СССР Парина.

Государством срочно была оказана помощь, размеры которой зависели от глубины бедствия. Больше всего было послано лекарств (сульфидина и стрептоцида) в Казахстан - 200 кг, в Чкаловскую область, БАССР, ТАССР - по 125 кг, Челябинскую область - 50 кг, Курганскую, Молотовскую области и Удмуртию - по 25 кг. Аскорбиновой кислоты получили: БАССР и ТАССР - по 6 кг, Челябинская и Чкаловская области - по 3 кг, Молотовская и Свердловская области - по 1 кг, Удмуртия - 0,5 кг. Больше всех регионов получила муки Чкаловская область - 700 т. Вслед за ней шли Казахстан и Куйбышевская область - по 600 т., Башкирия и Татария - по 500 т. и т.д.

Всего же в районы Чкаловской области для лечения больных септической ангиной были завезены медикаменты в таком количестве: аскорбиновая кислота - 5046 г, витамин «К» порошком - 665 г, викасол - 1600 г, шиповник - 580 кг, сульфидин - 161 850 г, стрептоцид - 131 500 г, никотиновая кислота - 1630 г,

концентрат витамина «С» - 2472 кг., витамин «С» в таблетках по 150,0 - 1783 коробки, гематоген в таблетках по 200,0 - 5677 коробок, феррогематоген в таблетках по 200,0 - 352 коробки.

Полученный фонд продовольствия путем мобилизации транспорта был быстро перевезен в районы и реализован. Обменено было 2750 т зерна. Выделено и распределено по районам для оказания помощи населению продуктов питания: мяса - 57 т, масла животного - 14 т, сахара - 15,5 т, молока - 50 т., яиц - 250 ящиков, шоколада - 7 т., муки - 1150 т., крупы разной - 37 кг. В связи с выделенными продуктами питания в области организовано 450 пунктов общественного питания, которыми было охвачено 25 000 человек [21: 31-35, 65, 66].

Ухудшению материального положения колхозников способствовала и низкая выдача хлеба на трудодни. Так, в 1944 г. 16,9% колхозов Курганской области не выдали хлеб на трудодни, 81,7% выдали до 1 кг, в Чкаловской области - соответственно 2,3%; 90,7%; в Челябинской - 1,2%; 92,1%; в Башкирии - колхозов без выдачи на трудодни не было, 95,7%; в РСФСР - 3,4%; 77,8%. На Урале 2,1%, или 370 колхозов не выдали в 1944 г. хлеб на трудодни [2: 265-267; 3: 166-174].

По неполным данным, по подсчетам автора, с 20 января по 23 ноября 1944 г. через военную цензуру БАССР прошли 28 266 жалоб на продовольственные трудности. Но если считать, что от каждой семьи написано по одному письму на фронт, и, то получается 7% от общего количества колхозных дворов (в 1944 г. всего колхозных дворов 405,5 тыс.). За период с 29 декабря 1944 г. по 18 июня 1945 г., по неполным данным, через военную цензуру республики прошли 2423 письма-жалобы на продовольственные трудности. А ведь необходимо учитывать и то, что не все семьи писали фронтовикам правду о своем тяжелом материальном положении, чтобы не расстраивать их. Когда уже становилось невыносимо тяжело, тогда шли душераздирающие письма на фронт, правда, они редко когда доходили до адресата, так как военная цензура их не пропускала [11: 170-171].

Вследствие неурожая 1943 г. в юго-восточных и северо-восточных районах Башкирии, которые имели неурожай и в прошлом

в течение ряда лет, население испытывало чрезвычайные продовольственные трудности. На почве систематического недоедания в 14 районах Башкирии весной 1944 г. были факты опухания от голода, увеличилась смертность населения от голода. По секретному донесению НКГБ БАССР, население в указанных районах в основном питалось травой, корой липы, желудями. Употребляли трупы павших животных. В Матраевском районе без продуктов питания оказались 360 хозяйств, в которых насчитывалось 1454 человека, из них опухли 672 человека, 18 случаев смерти от голода. Колхозники начали резать последнюю кормилицу - корову, что является основным показателем того, что семья дошла до крайности, подошла к рубежу продовольственной катастрофы. С начала 1944 г. в районе зарезали своих коров 63 хозяйства. В Хайбуллинском районе уже 8 декабря 1943 г. в колхозе «Кзыл Юл» зарезали своих коров 10 семей, «ТашТугай» - 10 семей. В колхозе «Большевик» Белокатайского района из 90 семей около половины зарезали свой скот [17: 368, 316, 316, 317]. Это были, конечно, тревожные сигналы о тяжелом продовольственном положении сельских жителей республики.

В мае 1944 г. из деревни Куваково Кушнарниковского района Крашенинников Михаил пишет письмо брату на фронт: «... Народ голодает, картофеля почти, что в каждом дворе нет, едят овчины овечьи, телячьи и коровьи. Едят даже собак и скоро кошек начнут. Я 6 апреля ходил к тетке Бакеевой, она меня заставила зарезать собаку, я зарезал, и она даже хочет голову собачью опалить и есть. Петруха Зубарьков уже две собаки съел. На хуторе у Марины уже пять кож съели и ребятишки еще просят - давай еще с полатей кожу... Едят полуоколевших лошадей...» [18: 31].

Весной 1944 г. из деревни Инзолга Куюзгузинского сельсовета Гафурийского района Шамухаметова Магрифа пишет в своем письме: «...Сейчас половина населения голодает, мелем траву, и этим только и живем, у нас теперь вообще насчет питания плохо». Письмо из Дюртюлинского района на фронт: «...В деревне голод, люди голодуют. Наверное, ты не веришь, иногда мы в неделю раз не кушаем. Последнюю овцу взяли за семена, не только мы, такое положение у всех» (Хамедуллина Фая). В

Башкирии в годы войны были даже попытки со стороны матери убить своего ребенка, случаи людоедства. Об этом говорилось в спецсообщении, направленном наркому внутренних дел Л. Берии 9 марта 1944 г. В Бураевском районе в колхозе им. Маркса колхозница - жена фронтовика М. Зинатуллина, на иждивении которой находилось четверо детей, опухших от голода, пыталась убить одного ребенка, чтобы прокормить остальных детей. Она же убила кошку и кормила детей. Одного из двух детей пыталась убить также М. Галеева. Об этом же свидетельствует письмо Исхаковой из Кутлугузинского сельсовета Гафурийского района: «Дорогая сестренка! Здесь страдающих за кусок хлеба очень много. Люди употребляют в питание человеческое мясо...» [17: 398, 398,401, 346].

В другом донесении, составленном 25 марта 1944 г., говорилось о том, что в Мечетлинском районе Башкирии большинство семей-фронтовиков распродали или съели свое личное имущество. Остались без одежды и без обуви. Едят липовую муку, смолотую из высушенного липового кустарника. Обжигают и едят сыромятную кожу, мясо павших животных... Высокая детская смертность в колхозах «Искра», им. Нуриманова, «Юлдус»... В колхозе «Искра» из 50 семей в течение месяца умерли 31 человек. Не хоронят умерших по 1-3 дня, трупы лежат рядом на нарах с другими опухшими членами семей. Отдельные взрослые члены семей оставляют на произвол истощенных детей без продуктов и одежды, а сами уходят в другие районы в поисках продуктов». Такие же случаи были в Макаровском районе - по Алатановскому сельсовету - 3, по Арметовскому сельсовету - 2 случая. Видя страдания своих односельчан, отдельные руководители колхозов БАССР встали на путь расходования семенного фонда на продовольствие. Так, в Мечетлинском районе в колхозе им. Жданова израсходовали 4 ц семенного фонда, в колхозе «Кзылжол» - 1 ц и т. д. За январь-март 1944 г. в Башкирии было выделено голодающим колхозникам 10 т хлеба [17: 317, 318, 359, 360, 369]. Это, конечно, была капля в море.

Если в апреле 1944 г. смертность в Башкирии составила 4958 человек, из них от септической ангины 100 человек и от дистрофии и недоедания 2462 человека, то в мае умерло 15 201

человек, из них от септической ангины 8945 человек (смертность от этой болезни стояла на первом месте) и на почве недоедания и дистрофии - 1961 человек [18: 163].

В апреле 1945 г. принято постановление СНК СССР «О мероприятиях по предупреждению заболеваний септической ангиной и оказанию помощи населению». 5 апреля 1945 г. было принято СНК распоряжение № 5630, разрешающее выделить Чкаловскому облисполкому дополнительно к рыночному фонду начиная с апреля 1945 г. до 1 июля ежемесячно по 100 т зерна для продажи нуждающемуся сельскому населению, в первую очередь семьям военнослужащих, не обеспечиваемых хлебом в колхозах [22, л. 42]. 5 июля 1945 г. принято постановление СНК № 1584 «Об отпуске зерна Чкаловской области для продажи нуждающимся колхозникам». Было отпущено в распоряжение Чкаловского обкома сверх рыночных фондов в июле 1945 г. 200 т зерна для продажи нуждающимся колхозникам, в первую очередь, семьям военнослужащих и инвалидов Великой Отечественной войны [23: 26].

Руководствуясь приказом Уполномоченного ГКО - наркома здравоохранения СССР Г. Митерева № 67 от 18 декабря 1944 г. «О мерах предупреждения и борьбы с заболеваниями «септической ангиной»», постановлением Башкирского обкома ВКП(б) от 28 июля 1944 г. и постановлением Совнаркома Башкирской АССР от 14 февраля 1945 г. № 140, принятым на основе приказа Уполномоченного ГКО № 67, а также на основе тяжелого опыта 1944 г., Наркомздрав республики в феврале 1945 г. приступил к организации мероприятий по профилактике септической ангины. План мероприятий был обсужден при участии профессоров Башкирского мединститута и института эпидемиологии и микробиологии им. Мечникова и представлен на рассмотрение и утверждение Совнаркому Башкирской АССР 14 февраля 1945 г. Ведущим мероприятием, предупреждающим заболеваемость септической ангиной, принята санитарная агитация. С целью наиболее конкретной реализации этой меры постановление Совнаркома БАССР от 14 февраля 1945 г. было размножено в количестве 8 тыс. экземпляров и доведено до каждого председателя сельсовета и каждого

председателя колхоза.

К проведению пропаганды привлечены 25 профессоров и научных сотрудников башкирских институтов, систематически выступающих по радио два раза в неделю. Всего до 1 апреля разослано 40 тыс. экземпляров популярной литературы, листовок, плакатов. В ближайшие дни — еще 35 тыс. экземпляров.

Наркомздравом БАССР в порядке оказания неотложной помощи в случае необходимости был создан резерв мягкого инвентаря на 1000 временных коек, заложены необходимые медикаменты в количестве: сульфидина 75 кг., стрептоцида красного 50 кг., белого 25 кг., никотиновой кислоты 3 кг., кофеина 5 кг., камфарного масла в ампулах 5,5 тыс., витамина «К» 1 кг., рыбьего жира 1 т., шоколада 250 кг. Кроме этого, разосланы в порядке резерва на местах в каждый район медикаментозные средства: сульфидина 17 кг, стрептоцида красного 16,0 кг., белого 33,0 кг., шприцев 500 штук, кофеина 10 кг., камфары 5 кг.

В целях уточнения настоящего положения на местах и своевременного принятия мер Наркомздравом учтены все селения, неблагополучные по заболеваемости септической ангиной в 1944 г. и трудные в данное время по экономическому состоянию. В результате подворных обходов медработников и сообщений отдельных районов уже в конце марта поступили сведения о нарастающей нуждаемости населения и начале сбора зерна на полях: в Стерлитамакском районе - в 2-х, в Белорецком - в 3-х, в Уфимском - в 3-х, в Бижбулякском - в 2-х сельсоветах [19: 34].

Отпущенный обменный фонд зерна в количестве 450 т зааряжен Заготзерном каждому району. В итоге проводимой проверки было установлено, что на местах развернуто 413 обменных пунктов по 26 районам. Для проверки реализации этого мероприятия в районах находилось 15 человек. Тяжелый опыт 1944 г. показал, что медлительность развертывания пунктов обмена, непринятие мер по приближению пунктов обмена к колхозам привели население к вынужденному употреблению заведомо ядовитого зерна и большому народному бедствию. Облздравотдел республики отмечал, что отпущенный фонд муки в феврале-марте для семей фронтовиков в количестве 225 т является совершенно не-

достаточным. Отпущенный в централизованном порядке фонд помощи длительно нуждающемуся населению и дистрофикам в количестве 100 т муки и 18 т крупы не может удовлетворить нужды. Необходимо теперь же поставить перед ЦК партии, СНК СССР и РСФСР вопрос об отпуске дополнительного фонда питания - 3000 т муки (из расчета помощи 100 тыс. человек в течение апреля, мая, июня), 90 т сахара, 150 т жира, 180 т крупы, 4500 т картофеля [19: 34, 35].

6 апреля 1945 г. Нарком здравоохранения БАССР Лукманов пишет докладную записку в СНК республики, в которой говорится о том, что в конце марта 1945 г. в Башкирии больных дистрофией по 11 районам насчитывалось 5752 человека, из них в Нуримановском районе - 1669, Чекмагушевском - 2060, Хайбуллинском - 650 человек и т.д. Длительно не имеющих хлеба насчитывалось 19 102 человека, из них в Илишевском - 6396, Чекмагушевском - 4721, Нуримановском - 2135 человек и т.д. Больных септической ангиной в Чекмагушевском районе насчитывалось 25 человек.

Он подытоживает свою докладную записку словами, что все эти данные позволяют сделать вывод о том, что около 100 000 человек (не менее 3% –ХРР) населения Башкирии нуждаются в срочной поддержке продуктами питания. Сбор перезимовавшего хлеба начался с полей в Белорецком, Уфимском, Чекмагушевском, Аургазинском, Хайбуллинском и других районах. Нужна продовольственная помощь, чтобы предупредить септическую ангину, дистрофию. Стояла виза: этим и другим нуждающимся районам дополнительно выделить 50 т хлеба [13: 45].

По приказу уполномоченного ГКО от 14 февраля 1945 г. был создан резервный фонд медикаментов для оказания помощи 32 облздравам, крайздравам, Наркомздравам автономных республик, а также Наркомздравам РСФСР и Казахской ССР, это в том числе касалось всех семи административных единиц Урала. По всем лекарствам по стране фигурировали Казахская ССР, Куйбышевская и Чкаловская области, БАССР, ТАССР, так как именно в этих республиках и областях септическая ангина получила наибольшее распространение [19: 13].

Следовательно, продовольственные трудности в годы во-

йны и вызванные ими заболевания охватили значительную территорию страны, в т.ч. Урала, особенно Южного. Условия питания в промышленно развитых областях Уральского региона немного были лучше, чем в южных сельскохозяйственных областях, что привело к наибольшему распространению септической ангины – болезни голодных людей именно в зернопроизводящих БАССР и Чкаловской области.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Башкирия в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. Документы и материалы. Уфа: Китап, 1995.
2. ГАРФ. Ф. 310. Оп. 1. Д. 3443.
3. ГАРФ. Ф. 310. Оп. 1. Д. 3473.
4. Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО). Ф. 166. Оп. 1. Д. 165.
5. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 2. Д. 164.
6. Денисевич М. Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930-1985 гг.). Екатеринбург, 1991. - 196 с.
7. Корнилов Г.Е. Уральское село и война: Проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993. - 173 с.
8. Мотревич В.П. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск, 1990. - 196 с.
9. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-288. Оп. 7. Д. 227.
10. Хисамутдинова Р.Р. Аграрная политика Советского государства и её осуществление на Урале (1940-март 1953 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. Оренбург, 2004. - 729 с.
11. Хисамутдинова Р.Р. Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Малоизвестные страницы. Оренбург, 2002. - 300 с.
12. Хисамутдинова Р.Р. Борьба с септической ангиной в Чкаловской области в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное десятилетие // Вестник Оренбургского гос. пед. ун-та. 1999. № 2 (12): Исторические науки. С. 147-162.
13. Хисамутдинова Р.Р. Жертвенный подвиг уральского крестьян-

ства во имя Победы // Народ и армия в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. Материалы Всероссийской научной конференции 27 мая 2009 г. Москва, 2009. - 415 с.

14. ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 44.

15. ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 43.

16. ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 23. Д. 52.

17. ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 44.

18. ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 43.

19. ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 517.

20. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДННАО). Ф. 371. Оп. 7. Д. 75.

21. ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 8. Д. 137.

22. ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 9. Д. 146.

23. ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 9. Д. 135.

24. ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 8. Д. 153.

УДК 94(470.41)-053.2 «1930/1935»

Ханипова И.И.

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань,
ihanipova@mail.ru*

ГОЛОД НАЧАЛА 1930-Х ГГ. В ПОВОЛЖЬЕ И ДЕТСКАЯ БЕСПРИЗОРНОСТЬ (НА МАТЕРИАЛАХ ТАТАРСКОЙ АССР)

Голод 1932-1933 гг. в РСФСР охватил значительные территории, в том числе и Среднее Поволжье, где наиболее высокие показатели смертности были зафиксированы в Саратовской и Самарской (Куйбышевской) областях, автономной Республике Немцев Поволжья [1: 95]). Тем не менее, и население Татарской АССР в начале 1930-х гг. испытало на себе недоедание и голод. В городах ТАССР в голодные годы величина естественного прироста населения была отрицательной [1: 97].

Уже весной 1930 г. со всех концов республики начали по-

ступать сообщения о голодающих. 28 мая 1930 г. председатель Бавлинского волостного исполкома докладывал в Бугульминский кантональный исполком, а также помощнику прокурора об отчаянном положении крестьян Бавлинской волости, число голодающих в которой достигло 600 человек (ЦГА ИПД РТ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 6а. Л. 3, 4). 17 июня 1930 г. бюро Татарского обкома ВКП(б) заслушав доклады о состоянии урожая, подготовке к хлебозаготовкам, о бедняцком хлебном фонде, приняло решение для усиления бедняцкого фонда выделить 100 тыс. пудов хлеба, при этом «категорически сообщив местным организациям, что дополнительного отпуска хлеба в бедняцкий фонд не будет» (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 786. Л. 74-74 об.). 26 августа 1930 г. на очередном заседании бюро Татобкома ВКП(б) на повестку дня был вынесен вопрос о порядке снабжения хлебом рабочих и служащих г. Казани, докладчик отмечал несвоевременный завоз хлеба в продуктовые лавки (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 786. Л. 129).

К зиме 1932 г. республиканские власти все чаще стали получать сведения с мест о массовых случаях голода среди крестьян. Например, в Бавлинском районе только по данным двух колхозов (дер. Абсалямово и Байларово) числилось 588 голодающих, в том числе и нетрудоспособных из хозяйств, главы семейств которых ушли в отходничество (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 1174. Л. 29). Картины голодующей деревни Сулеево Альметьевского района описывал в своем письме, направленном 15 февраля 1932 г. в Татобком ВКП(б), студент С. Амиров: «Некоторые колхозники совершенно без хлеба, голодуют, даже по деревням ходят. Собирают куски, некоторые колхозники начинают пухнуть. В колхозе нет никаких запасов...» (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 1174. Л. 23). Информационная сводка прокурора Альметьевского района от 2 марта 1932 г. в Татобком ВКП(б) подтверждала факты голода в районе, в деревнях которого участились случаи заболеваний на почве голода (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 1174. Л. 11). В сообщении секретаря райкома Каримова того же района от 6 апреля 1932 г. говорилось не только о питании суррогатами, падалью животных, но и широко распространившихся кишечных заболеваниях детей школьного возраста в ряде деревень, где больных

детей насчитывалось более 50%. Отмечались и случаи смерти, наступившей от голода (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 1164. Л. 351).

9 февраля 1932 г. уполномоченный по Мензелинскому району уведомлял Мензелинский райком ВКП(б) о голодающих колхозниках: семьи Гиляева из дер. Ст. Айманово, состоявшей из 5 чел. и питавшейся ореховыми срезками и картофельной кожурой, семьи Исхакова и еще 3 семей, а также о выходе их из колхоза из-за отсутствия хлеба (ЦГА ИПД РТ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 58. Л. 1, 3). Голодали колхозники пос. Антутино и Калатево Мамадышского района, питались, собирая навоз и дерево (ЦГА ИПД РТ. Ф. 22. Оп. 1. Д. 30. Л. 78). В апреле 1932 г. аналогичные сообщения приходили из колхозов Дубьязского, Рыбно-Слободского районов республики (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 1176. Л. 2, 16, 20). В Агрызском районе секретарь партийной ячейки «ТПО Агрыз» Медведев, выступая на собрании коллектива, отмечал, что «работчие мрут с голоду, высохли как щепки» (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 1164. Л. 17).

Ответственный секретарь Набережно-Челнинского райкома ВКП(б) информировал Татарский обком ВКП(б) весной 1932 г. о случаях голодания в целом ряде селений, многие из которых зафиксированы врачом, докладывал о фактах употребления в пищу дефектной ржи школьными работниками и служащими, использовании отдельными колхозами горелой, черной ржи, совершенно непригодной для продовольственных целей (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 1164. Л. 247-247 об.). О голоде среди колхозников, питании хлебом из лебеды, древесной мукой, болтушкой из отбросов и другими суррогатами весной-летом 1932 г. сообщалось из Бугульминского, Красноборского, Агрызского, Мамадышского, Азнакаевского районов ТАССР (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 1174. Л. 36, 86; Д. 1164. Л. 22, 217, 394). Нищенствование школьных работников, вынужденных продавать остатки имущества для покупки хлеба, а также учащихся Кадышевской. К.Н. Тимбаевской, Монастырской школ имели место в Тетюшском районе (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 1164. Л. 355 об.).

Из того же Тетюшского района поступали секретные све-

дения о голодающих колхозниках, имевших на руках малолетних детей. В докладной записке председателю ВЦИК и ЦИК СССР М.И. Калинину о результатах расследования жалоб граждан дер. Н. Фролово подчеркивалось, что крестьяне данного района, имевшие скот, начали его продавать для получения средств на покупку хлеба. В частности, колхозница беднячка Ф.Я. Алипова, муж которой погиб в Красной Армии, работавшая вместе с 15-летним сыном и имевшая на 1 декабря 1931 г. 202 трудодня, на 4 едоков (в том числе двух нетрудоспособных дочерей 13 и 8 лет), получила 20 пудов хлеба. На все ее просьбы об отсутствии в семье хлеба представители местной власти мер не приняли. В результате, чтобы купить хлеб, в январе 1932 г. Алипова продала за 100 руб. корову (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 1164. Л. 381).

Голод вынуждал жителей деревни срываться с родных мест в поисках продовольствия. В частности, колхозники Бавлинского района уходили «побираться» в соседний Туймазинский район Башкирской республики (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 1164. Л. 80). Участвовавшие факты нищенствования, главным образом многосемейных женщин колхозниц, отмечались весной 1932 г. в Алькеевском районе (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 1164. Л. 55). Отчаявшиеся крестьяне писали письма «во власть», рассказывая о тяжелом материальном положении, усугубленном голодом (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 1145. Л. 28-30 об.).

В тоже время имелись и сообщения во власть иного характера, не признававшие проявления голода в деревнях. Так, в секретной информационной сводке о массовых выходах из колхозов в отдельных районах республики, подготовленной информационно-статистическим сектором ЦИК ТАССР, отмечалось, что нищие, ходившие по районам и рассказывавшие о «переживании небывалого голода в некоторых районах», это агенты кулачества и духовенства (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 1145. Л. 52).

Г.Касымов, обследовавший Мамадышский район в марте-апреле 1932 г., писал в Татобком ВКП(б) М.О. Разумову: «теперь несколько слов о так называемом «голоде». Как наиболее неблагоприятные в этом отношении колхозы товарищи указали мне на те колхозы, откуда я только что приехал (т.е. Омаринский и

Дигитлинский, оба русские), но ознакомившись с положением на месте, я пришел к убеждению, что все эти разговоры о «голоде» являются безусловно преувеличенными. После распределения дохода каждый трудодень получил в обоих колхозах примерно 4-5 фунтов хлеба, а в переводе на едока это составляет примерно 4-5 пудов на едока, включая сюда и грудных детей, за исключением их примерно 7 пудов на едока и за исключением тех, кто работает главным образом на лесозаготовках и получаемым ими пайком, 10-12 пудов на едока, так что говорить здесь о каком то голоде нет никаких серьезных оснований...» (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 1164. Л. 215 об.-216). Признавая факт тяжелого сложившегося положения в районе, причиной его называл высокие нормы хлебозаготовок, а то, что «работали плохо и в результате чего имеют огромную потерю хлеба» (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 1164. Л. 213).

В то же время, в письме председателя Татколхозсоюза Шеметова председателям райколхозсоюзов и секретарям райкомов ВКП(б) о причинах выхода из колхозов сообщалось, что главная – отсутствие хлеба и неправильное распределение доходов в 1931 г., когда недодавался хлеб по трудодням, разница же даже не уплачивалась деньгами, гибель скота, особенно тягловой силы, сдельщина, оставляющая голодными детей и стариков (ЦГА ИПД РТ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 35. Л. 2-3).

В марте 1932 г. секретарь Верхне-Услонского райкома ВКП(б) Митюшкин, информируя Татарский обком ВКП(б) о ходе подготовке к севу и других мероприятиях в районе, писал, что «10 февраля проводился в Юматово выездной Президиум РИКа, где присутствовало все Юматово. Причем речи некоторых членов президиума хором прерывались «умрем с голоду»... Между тем никаких признаков голода нет не только в этом селе, но и в районе. В некоторых селениях применяют суррогаты – желуди, но это редкие случаи. Есть случаи провокационных заявлений о голоде. Одна женщина в Кочемирове ходила по миру (провокация нищенства), а у ней в сенях уполномоченный райкома Павелкин нашел 25 пудов пшеницы... Из Майдан толпами ходят по миру, ...а сам Майдан известен как село профессионалов-нищих со времен ре-

волюции и позднее» (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 1164. Л. 142).

Представители местной власти пытались решить проблемы с продовольствием снабжением своими силами. Например, в информписьме Агрызского райкома ВКП(б) сообщалось об оказании продовольственной помощи наиболее нуждающимся 120 семьям колхозников из районного фонда, который к маю месяца 1932 г. был исчерпан и не осталось ни одного пуда хлеба для снабжения рабочих и служащих и испрашивалось ежемесячно с 1 мая 1932 г. для обеспечения 1 560 чел. рабочих, служащих, учителей, а также членов их семей 400 пудов хлеба (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 1164. Л. 21-22). Первомайский райисполком информировал республиканскую власть о вынужденном оказании продовольственной помощи колхозникам района: «Ввиду крайне напряженного положения в некоторых колхозах с продовольствием с целью недопущения опухания мы решили использовать местный районный фонд для оказания помощи колхозникам в феврале и марте в надежде на помощь со стороны государства с апреля» и просил выделить хлеб на апрель-май месяц, мотивируя тем, что идет подготовка к севу, создаются ясли и детплощадки, в связи, с чем необходима организация общественного питания (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 1164. Л. 275). Однако при отсутствии хлебного фонда эти попытки были малорезультативными.

Не имевшие возможности оказать действенную помощь голодающим, находящиеся под давлением крестьян с одной стороны, и нажимом власти, необходимостью выполнения хлебозаготовок – с другой, представители местных властных структур находились в двойственном положении. Когда колхозница дер. Фомкино Октябрьского района пришла в правление колхоза просить о продовольственной помощи, член правления В-н, доведенный до отчаяния, заявил: «убивайте своих детей и кушайте, а если не хотите, умирайте с голоду...» (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 1174. Л. 37).

В выписке из сводки Полномочного представителя ОГПУ ТАССР по Бавлинскому району от 22 апреля 1933 г. о голоде в колхозе им. Крупской, адресованной в Бавлинский райком ВКП(б), отмечалось, что «в 1931 г. урожай был много хуже, чем в 1932 г.,

а жить было лучше. Своего хлеба не было и колхозу разрешали продавать лошадей и купить хлеба для своих колхозов. Покупали хлеба, варили в столовой обед и кормили рабочих и так дожили до нового урожая, а в 1932 г. урожай был хороший, а члены колхоза все же стали голодать. Большую часть хлеба от нас увезли и колхозников оставили голодными. Были фонд общественного питания, школьный фонд, и этот хлеб весь увезли, остался только страх[овой] фонд и семфонд» (ЦГА ИПД РТ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 67. Л. 276).

Несмотря на тяжелую ситуацию с хлебом, спровоцировавшую голод и на территории ТАССР, 7 мая 1932 г. в соответствии с решением СНК СССР и ЦК ВКП(б) о плане хлебозаготовок было принято постановление СНК ТАССР и Татарского обкома ВКП(б) «О плане хлебозаготовок в Татарии из урожая 1932 г. и о развертывании колхозной торговли хлебом», где говорилось, что план на 1932 г. для Татарской АССР установлен в 24 миллиона пудов при среднем урожае, вместо 31 миллионов в 1931 г. (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 1120. Л. 93). Однако, уже 7 сентября 1932 г. на заседании бюро Татарского обкома ВКП(б) рассматривался вопрос об увеличении норм снабжения хлебом, в частности, предлагалось «увеличить нормы хлеба для детей всех списков на 100 гр. (с 200 до 300 гр. в день печеного хлеба); рабочим списка III-A на 100 гр. (до 500 гр. в день) и по списку III-B на 100 гр. в день (с 200 до 300 гр. в день печеным хлебом)» (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 1121. Л. 62 об.).

Анализируя ситуацию в республике, секретарь Татарского обкома ВКП(б) М.О. Разумов 22 августа 1933 г. пишет Л.М. Кагановичу письмо о трудностях снабжения хлебом рабочих и служащих Татарии (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 3. Д. 33. Л. 64) и вынужденном принятии в республике временных мер по экономии хлеба и других видов снабжения Казани и районов (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 3. Д. 34. Л. 19-21). Тогда же, в 1933 г. Разумов направил письмо на имя И.В. Сталина о непосильном размере хлебного налога для Татарии (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 3. Д. 33. Л. 40).

Голод, отсутствие родительской опеки вследствие смерти родных наряду с другими факторами повлияли на рост числен-

ности беспризорников в республике [2: 172]). К 1933 году участились факты подбрасывания детей в детские учреждения, распространилось нищенствование детей малолетнего возраста на улицах г. Казани. Если на 1 сентября 1934 г. общая численность детей в детских домах ТАССР составляла 2 328 чел., то к 1 сентября 1935 г. в детдомах числилось 2 450 детей (НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 1963. Л. 6; Д. 2088. Л. 13).

Для борьбы с беспризорностью и безнадзорностью детей в ТАССР предпринимались различные меры. Еще в 1931 г. общественность республики приняла активное участие в кампании по сбору средств в особый республиканский фонд по борьбе с беспризорностью, развернутой редакциями газет «Известия ЦИКА СССР и ВЦИК», «Красная звезда», «Комсомольская правда», «Крестьянская газета» и журналом «Красноармеец и Краснофлотец» совместно с Деткомиссией при ВЦИК. Последняя объединяла работу ведомств и учреждений страны в деле ликвидации детской беспризорности и безнадзорности.

Главным предназначением создаваемого фонда был сбор средств для организации крупного учебно-производственного учреждения для беспризорных и безнадзорных детей и большой сельскохозяйственной колонии имени «Красной Армии и флота» для беспризорных подростков. Их открытие планировалось приурочить к 15-летию юбилею Красной Армии в той республике или области, которая наиболее активно проведет кампанию по сбору средств в данный фонд. (ЦГА ИПД РТ. Ф. 118. Оп. 1. Д. 1. Л. 33)

По неполным данным сохранившихся в архивных фондах подписных листов только в одном – Дубьязском районе республики за несколько дней в октябре 1931 г. было собрано 144 руб. 32 коп. (Подсчитано по: ЦГА ИПД РТ. Ф. 118. Оп. 1. Д. 1. Л. 29 об., 31 об., 33 об., 35 об.-36, 37 об., 39 об.-40, 41 об., 45-46 об., 47 об., 48 об., 49-49 об., 51 об., 52 об., 53). Сумма взносов варьировалась от 1 коп. до 50 коп., исключение – 1 руб. (5 чел.) 789 чел.

В 1933 г. в г. Казани, являвшейся крупной узловой железнодорожной станцией, дважды проводился сбор беспризорных детей, которых распределяли по детским домам или же сразу на-

правляли на патронат по районам республики. Только с 7 июля по 15 августа 1934 г. из Казанского приемника-распределителя в районные детдома было направлено 133 беспризорных ребенка, из них в Елабугу 30, Лаишево 14, Арск 19, Балтаси 20, Тетюши 15, Чистополь 35 чел. (НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 1962. Л. 116). Однако, в связи с огромным наплывом беспризорников из тех же районов, существовавшая в республике детских домов была не в состоянии охватить всех нуждающихся в опеке сирот. В связи с этим на протяжении 1934 г. проводилась разгрузка детдомов путем трудоустройства старших воспитанников или патронирования детей (НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 1962. Л. 87).

Кроме того, в 1933 г. в г. Казани было дополнительно организовано три временных детских приемника, задача которых заключалась в оказании детям общественной помощи, адаптации в коллективе. На станции «Казань» действовал вагоно-приемник для беспризорных, созданный в 1934 г. в соответствии с приказом Наркома путей сообщения и Наркома просвещения РСФСР от 29 ноября 1933 г. «Об усилении работы по ликвидации детской беспризорности на железнодорожном транспорте». В сентябре 1934 г. инспектор по детским домам Наркомпроса ТАССР О. Куренкова, отвечая на запрос Наркомпроса РСФСР, писала: «в отношении прекращения передвижения беспризорных на транспорте приняты следующие меры все беспризорные, попадающие в вагоно-приемник, как железнодорожного, так и водного транспорта, беспрепятственно направляются в областной детский распределитель г. Казани», а также информировала о прикреплении к вагоно-приемнику ГОРОНО (НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 1962. Л. 144).

В приемниках-распределителях дети могли находиться не более одного месяца, по истечении которого направляли в соответствующее детское учреждение, либо, если были живы родные, возвращали родителям или родственникам. В связи с этим основная нагрузка по устройству беспризорников и оказанию им социальной и педагогической помощи пришлась на детские дома.

В 1934 г. в ТАССР было 22 детских дома (в том числе 1 приемник-распределитель), 18 из которых территориально нахо-

дились в районах республики и 4 – в г. Казани. 15 учебных заведений предназначались для нормальных детей школьного и дошкольного возраста (в т.ч. 1 для детей, страдающих венерическими заболеваниями). В 7 детских домах шла социализация детей с отклонениями в физическом или психическом развитии (3 для глухонемых, 2 для слепых и 1 для умственно-отсталых детей). Однако принципы укомплектования часто не соблюдались, и на протяжении 1930-х гг. в детских домах нормального типа встречались дети с морально-дефективными отклонениями. По национальной принадлежности детей 4 детдома преимущественно были татарскими, 3 русскими и 15 смешанными.

На бытовую и хозяйственную жизнь детдомов возлагались серьезные педагогические задачи – борьба с потребительской психологией воспитанников, с отсутствием привязанности и небрежным отношением к имуществу домов. Наиболее подходящими отраслями хозяйства считались те, в которых мог быть использован труд детей разных возрастов, в первую очередь огородничество, кролиководство, свиноводство [3: 59-60].

С целью улучшения материально-бытовых условий воспитанников в 1932-1933 г. детские дома ТАССР перешли на создание подсобных хозяйств. К октябрю 1935 г. поголовье лошадей в детдомах республики насчитывало 57 голов, коров – 69 голов, телят – 58 голов, свиней – 95 голов, овец – 141 голову. К концу 1930-х гг. при всех детдомах, (за исключением Елабужского дошкольного, Мамадышского, Свияжского, Тетюшского, Ялkinsкого школьных детдомов) имелись свои подсобные хозяйства, одна из главных задач которых заключалась в улучшении питания воспитанников детских домов.

Нормы питания детей в детдомах на протяжении 1930-х гг. были недостаточными. Зачастую продукты и по этим, заниженным нормам, поставлялись в детские учреждения не полностью или со значительными задержками. Низкокалорийное и крайне однообразное меню, замена продуктов, нехватка жиров, белков, невкусно приготовленная пища очень часто упоминались в материалах обследований районных детдомов республики [4: 259-260]. В начале 1935 г. нормы продуктов питания на каждо-

го ребенка районных детдомов, определенные Татвнторгом по-прежнему были значительно ниже норм центра и не всегда выполнялись в полном объеме.

Практически во всех детских домах республики наблюдалась катастрофическая нехватка белья, как нательного, так и постельного (последнее, при наличии одеял и подушек, часто вовсе отсутствовало). Более половины имеющейся в наличии одежды и обуви требовали ремонта, были негодными к употреблению. Не хватало головных уборов, зимних пальто, валенок и ботинок. В некоторых детдомах у воспитанников совсем отсутствовала верхняя одежда и обувь.

Нужно отметить, что ограничения в питании, одежде, а также в возможностях приобретения товаров первой необходимости испытывали не только воспитанники детдомов, но и большая часть населения всей республики. Общий уровень обеспечения населения промышленными и продовольственными товарами в 1930-е гг. оставался невысоким. Многие деревенские жители также испытывали продовольственные трудности.

Ни один из детских домов республики не был обеспечен достаточной жилой площадью, тем не менее, на протяжении 1930-х гг. не было построено ни одного стационарного здания для детских домов или специальных школ. Как правило, помещения, занимаемые детскими домами, были старыми, ветхими, требовали как внутренних, так и наружных ремонтных работ.

Наряду с общеобразовательной деятельностью приоритетным направлением деятельности детских домов республики в 1930-х гг. было профессиональное обучение воспитанников. Еще в январе 1931 г. Комиссия по вопросам ликвидации беспризорности указала на необходимость органичного слияния нормального школьного детдома со школой фабрично-заводского ученичества, школой колхозной молодежи. 5 мая 1931 г. Наркомпрос РСФСР издал инструкцию о слиянии детдомов школьного типа со школами, а 26 мая совещание Деткомиссии союзных республик вынесло решение о прикреплении всех детских учреждений с 1 сентября 1931 г. к школам и через них, и вместе с ними к производствам, МТС, совхозам, колхозам и т.д. [3: 24].

Дети младшего возраста приобретали навыки работы на уроках труда, учились не только так называемому «самообслуживанию» – пришивать пуговицы и вешалки, ставить простую заплатку, но и подметать пол, проверять качество проделанной работы – правильно ли сложены дрова, истоплена печь, запряжена лошадь, принимали участие в очередных дежурствах по детдому.

Воспитанники старших возрастов принимали участие в работе на сельскохозяйственных участках (уборке картофеля, чистке дорожек, работам на территории сада, обработке яблонь) и специально организованных мастерских (столярных, корзиночных, сапожных, трикотажных, швейных). Ребята осваивали такие виды специальностей как столяр, швея, сапожник. По окончании двухгодичной программы воспитанники получали 3-4 разряд рабочего, что давало возможность начать самостоятельную трудовую жизнь. Так, воспитанники Мензелинского детдома закреплялись по мастерским с 12 лет, и ежедневное посещение мастерской было обязательным.

Находясь в детских домах, бывшие беспризорники не спешили расставаться со своим привычным поведением. Среди воспитанников, особенно специальных детских учреждений, наблюдалось грубое нарушение дисциплины: ругань, курение табака, пение нецензурных песен, игра в деньги, вызывающее поведение по отношению к воспитателям. Встречались факты воровства и хулиганства. В детдомах трудновоспитуемых на стенах классов, комнат и на партах были нарисованы фашистские знаки, нецензурные слова. У некоторых детдомовцев имелись ножи. Бывали случаи, когда воспитанники на уроках слесарного мастерства изготавливали ключи, ножи, кинжалы и даже самодельное огнестрельное оружие. Несмотря на столь нелегкие условия работы, участвовавшую задержку зарплаты, педагоги и воспитатели предпринимали немало усилий, чтобы адаптировать детдомовцев к условиям обычной жизни.

Плохие материально-бытовые условия, нехватка еды, необеспеченность одеждой, обувью, не всегда корректное отношение воспитателей к детям, вызывали большую текучесть воспитанников, так называемую повторную беспризорность.

Своеобразной формой сокращения детской беспризорности в республике в 1930-е гг. стало так называемое патронирование детей, определяемых на воспитание в крестьянские семьи. В 1934 г. патронирование детдомовцев было развернуто в 44 районах ТАССР, среди которых наибольшие результаты были достигнуты в Елабужском, Чистопольском, Бугульминском, Сармановском и Дубьязском. В 1933-1934 гг. на патронирование предусматривалось выделять ежемесячно 25 руб. в месяц на человека. Согласно инструкции Деткомиссии при ВЦИК кассам взаимопомощи колхозов по проведению патронирования сирот в семьях колхозников, на кассы взаимопомощи колхозов возлагалось не только содержание детей-сирот, но и оказание помощи детям колхозников, впадших во временную нужду. На 1935 год из резервного фонда СНК СССР дополнительно для помощи касс взаимопомощи предусматривалась доплата в 30 руб. на каждые 100 руб., расходуемые кассой на помощь сиротам и детям временно впадших в нужду колхозников. По Постановлению СНК ТАССР от 8 сентября 1935 г. «О распределении и порядке расходования 40 тыс. руб., отпущенных ТАССР из резервного фонда СНК СССР для помощи кассам общественной взаимопомощи колхозов на содержание детей сирот и помощь детям, временно впадших в нужду родителей», выделенные средства были распределены по районам республики [2: 179].

Патронлируемые подростки, достигнув 16-летнего возраста, автоматически становились членами колхоза. В случае если воспитанник по достижении 16 лет не желал становиться членом колхоза, он из колхоза должен был быть отпущен. Труд детей, патронлируемых в колхозах, должен быть связан только с обучением. Дети, достигшие 12 лет возраста, могли привлекаться к посильному сельскохозяйственному труду в пределах законодательных норм [5: 108].

Однако, устройство беспризорников на патронаж в семьи и колхозы не стало, к сожалению, действенным методом борьбы с беспризорностью. Детдома часто стремились передать на воспитание колхозникам недисциплинированных или больных ребят. Имели место случаи, когда при направлении воспитанников на

патронирование не учитывалась национальная принадлежность детей.

Проверки показали необеспеченность патронируемых детей обмундированием, т.к. они не были включены в централизованную систему обеспечения. Торгующие же организации на местах, как правило, ничем не могли помочь из-за элементарных недопоставок товаров первой необходимости в сельские районы республики. Дети, взятые колхозами из детских домов на патронат, часто голодали, не имели одежды, кровати и своего постельного белья, вынуждены были жить в неотапливаемых, неприсобленных для жилья помещениях, так как им долго не предоставляли квартиры, или хозяева брали их к себе в дом на короткие сроки. Некоторые дети, взятые колхозами на патронат, но неустроенные на квартиры, вынуждены были вести бродячий образ жизни, пускаться в бегство и возвращаться в детдом. Были случаи несвоевременного заключения договоров с отдельными колхозниками, вследствие чего дети вынуждены были кормиться по дворам. Семьи, принимавшие детей на воспитание, также не всегда имели достаточно хорошие материально-бытовые условия и появление в доме еще одного «рта» ухудшало и без того бедственное положение. Тем более, как показывают акты обследования, зачастую положенные патронируемым ежемесячно деньги РОНО не выделялись. Все это вело к увеличению побегов детей и притока их в г. Казань.

Воспитанники детских учреждений, устроенные в ходе «разгрузки» детдомов на предприятия республики, продолжали находиться под патронажем Деткомиссии ТатЦИК, выделявшей средства на оплату общежитий для проживания работающих подростков, не имеющих родителей. В 1933 г. на содержание 200 таких детей было потрачено 200 тыс. руб. (НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 1962. Л. 148).

Немалую роль в борьбе с беспризорностью детей в начале 1930-х гг. играли органы милиции, так как беспризорные дети часто становились на путь преступлений [6: 4]). В 1932 г. сотрудниками милиции было изъято с улиц до 300 беспризорников, многие из которых были брошены родителями, в 1933 г. – до 500, в 1934

г. – 1103 чел. (НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 1962. Л. 148). Тем не менее, в детских учреждениях для трудных подростков мест не хватало, активно росла детская преступность (НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 1962. Л. 148-148 об).

Таким образом, в 1930-е годы начинается второй этап в развитии детского сиротства и беспризорничества, существенную роль в распространении которого в Татарской АССР сыграл голод начала 1932-1933 гг. Несмотря на постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» и официальное заявление государства о полной ликвидации массовой уличной беспризорности детей, проблемы детской беспризорности так и не были окончательно решены даже к концу 1930-х гг. Работа по выявлению и устройству беспризорных детей в республике носила как кратковременный периодический, так и систематический характер. Главными задачами оставались вопросы снабжения детей продовольствием, одеждой и обеспечения материально-бытовых условий воспитанников детских домов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Жиромская В.Б. Голод 1932-1933 годов в России и современные международные отношения//Вестник Российского Государственного Гуманитарного Университета. – 2009. – №14. – С. 92-101.
2. Ханипова И.И. Проблема беспризорности детей в ТАССР в 1930-е гг.//Ученые записки Казанского университета. – 2011. – Т. 153. – Серия «Гуманитарные науки». – Кн.3. – С. 172-182.
3. Утевский Б.С. Детский дом/Под ред. Я.А. Перель, А.А. Любимова. – М.-Л.: Наркомпрос РСФСР, 1932. – 64 с.
4. Ханипова И.И. «Питание детей недостаточно, почти совсем отсутствуют белки, жиры» (О состоянии детских домов ТАССР в 1930-е гг.)//Эхо веков – Гасырлар авазы. – 2010. – №1/2. – С. 259-267.
5. Утевский Б.С. Борьба с детской беспризорностью / Под ред. Я.А. Перель и А.А. Любимова. М.-Л.: Наркомпрос РСФСР, 1932. – 148 с.
6. Происшествия. Малолетние преступники//За пятилетку. – 1935. – 18 августа.

Щеглова Т.К.

АГПА, г. Барнаул, tk_altai@mail.ru

**ЖИЛИЩЕ РАСКУЛАЧЕННЫХ И ДЕПОРТИРОВАННЫХ
В УСЛОВИЯХ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ
1920-1940-х гг.: МАТЕРИАЛ, ТЕХНОЛОГИИ И ТИПЫ ПО
УСТНЫМ ИСТОРИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ**

Устная история (oral history), как новая научная дисциплина, по мнению ряда историков, зародившись в 1930-1940-е гг., получила широкий размах в современной зарубежной и российской исследовательской практике. Нет ни одной страны, где бы отсутствовали национальные ассоциации или центры устной истории. При ведущих университетах, библиотеках, архивах за рубежом созданы устные архивы и исследовательские центры. Существует Международная ассоциация по устной истории, проводится один раз в 2 года Международный конгресс по устной истории. В России попытка создания сначала Всесоюзного, затем Всероссийского общества устной истории приходится на 1989-1991 годы. На современном этапе консолидирующий центр отсутствует, но создано несколько региональных центров (СПб, Москва, Воронеж, Барнаул, Братск, Новосибирск, Петрозаводск и др.)

В Барнаульском государственном педагогическом университете (ныне Алтайская государственная педагогическая академия) автором был создан сектор, а затем Центр устной истории при лаборатории исторического краеведения кафедры отечественной истории. С 1990 г. проводятся ежегодные полевые исследования по устной истории крестьянства и алтайской деревни. (обследованы территории почти 30 сельских районов). Были разработаны и изданы методические материалы, вопросники и программы [1,2]. Автором впервые в России подготовлен и издан комплекс материалов для введения этой дисциплины в вузах – программа, учебник [3], хрестоматия или сборник устных исторических источников [5], монография [4]. В монографии автор

вводит устные исторические источники в научный оборот и предпринимает попытку их интерпретации. В 2006 г. была проведена Всероссийская конференция «Устная история (oral history): теория и практика» с целью консолидировать всех устных историков. В ее работе приняло участие большинство представителей существующих центров устной истории – Мемориал (А.Г. Козлова И.С. Островская), Петрозаводск (А.П. Голубев), Спб Европейский университет (Т.Ю. Воронова), Братск (Л.Ю. Салахова) и другие.

Устные архивы (oral archive) создаются с помощью документирования материалов научных интервью у участников и очевидцев исторических явлений, событий и процессов. Они существенно дополняют государственные архивы, а по отдельным темам являются им альтернативой. Архивы устных исторических источников могут быть тематическими, например, архив по Великой отечественной войне в центре устной истории при Воронежском университете; комплексным с самостоятельными подпроектами, например, «Блокада и блокадники» и «БАМ – проект века» в Центре устной истории при Европейском университете в Спб.

В Устном архиве центра устной истории АлтГПА, на протяжении более чем двадцатилетней работы, в ходе реализации различных проектов, в том числе и тематических, например, «Депортации и репрессии на Алтае», и комплексных, например, «Города и села Алтайского края: историко-культурное наследие» [6], «Народы Алтая: история и культура» накоплен значительный материал по повседневной жизни советских людей в 1920-начале 1950-х годов. На сегодняшний день архив содержит 3546 интервью (1190 часов записи на кассетах и 978 часов цифровой записи, 4736 фотоснимков на фото пленке и 65212 цифровых фото и 30 часов видеозаписи).

Для нас принципиальным является дифференцированный подход в рассмотрении социальных групп советского общества. Несмотря на объявленное формирование «единого советского человека» в 1970-е годы, социальный статус и материально-имущественные условия разных групп и категорий населения

отличались, особенно в сталинский период. Существовала разница между колхозниками (колхозно-кооперативный сектор с его трудоднями, отсутствием денег и паспортов) и «совхозниками» (государственный сектор); рабочими МТС и леспромхозов; учителями и колхозниками (как представителями интеллигенции и крестьянства со своими привилегиями и ограничениями) и т.п.

Одним из важнейших назначений устной истории является заполнение лакун или белых пятен в новейшей истории. К ним в советское время относились раскулачивание, репрессии, депортации и другие «кампании» репрессивной политики тоталитарного государства. Представленный в госхранилищах источниковый материал по этим проблемам довольно однотипен. Большинство дел репрессированных, раскулаченных, документы по депортированным написаны по единой схеме-шаблону, содержат минимальную однотипную информацию, отличаются, как правило, только фамилиями репрессированных. Конечно, они адекватно не отражают историческую реальность. О сфабрикованности большинства дел много писали историки, опираясь на письменную базу как неопубликованных, так и опубликованных документов. А вот условия жизни, повседневность, быт, система жизнеобеспечения в местах ссылки или депортации, судьбы семей, жизнь или положение разных категорий репрессированных с клеймом «врага народа» в обществе, их мысли, чувства, ощущения, как правило, мало отражаются в архивированных документах государственных фондохранилищ. Этот материал как раз содержится в создаваемых интервьюированием непосредственных участников или очевидцев исторических событий устных исторических источниках. Устные историки используют синонимы «Документы с человеческим содержанием», «Человеческие документы», «Взгляд изнутри» и т.д.

Гуманизация истории со стремлением историков реконструировать прошлое через человека, обращение именно к рядовому человеку, разным социальным группам советского времени все это открывает новые возможности для исследователей. Сейчас идет модернизация исторической науки и всех социогуманитарных наук, в последнее время все чаще обращаются к ан-

тропологии. Появились понятия «антропология академической жизни» - история, культура и быт академического сообщества, от академических институтов до региональных исследовательских сообществ. Появилось понятие «антропология советскости» - условия жизни, повседневная культура и быт советского человека, его ментальные установки, жизненные ценности и ориентации. В этом смысле можно говорить и об антропологии репрессированного общества. И если этот термин научно не корректно применять ко всему обществу, то антропология тех репрессированных групп, которые создавались в результате реализации репрессивных кампаний сталинского государства – «раскулаченные», «депортированные», «репрессированные», «ссылные» и т.п.

Применительно к повседневности разных категорий репрессированных можно обозначить разные проблемы и выбрать разные ракурсы изучения. В данной публикации антропология репрессированных сообществ рассматривается через культуру жизнеобеспечения репрессированных в экстремальных условиях. Инструментом выступает устная история, а источниками - материалы интервью, в которых содержится информация о повседневной жизни, быте, обустройстве жилой среды в местах высылки (ссылки), обеспечении репрессированных семей всем необходимым.

При этом мы учитываем, что для большинства репрессивных кампаний характерна именно семейственность – ссылки и депортации семьями. По мнению А. Рогинского и А. Даниэля, семейственность не являлся «юридическим новаторством большевиков», а «хорошо вспомненный старый опыт». Но особенно масштабные последствия репрессий по семейному принципу достигли в период раскулачивания. Как известно кулаки были поделены на три категории. Те, кого власть отнесла к первой, т.е. к «контрреволюционному активу», были арестованы, а затем расстреляны, или направлены в лагеря. Семьи же их предписывалось «выслать в северные районы Союза». Это была самая массовая в советской истории операция, направленная против членов семей репрессированных: ее жертвами стали сотни тысяч родственников арестованных крестьян. Что касается раскулачивания по вто-

рой и третьей категориям, то здесь репрессии изначально были направлены против всего крестьянского двора. «Высылали не жену и детей вслед за их раскулаченным мужем и отцом, а семью как таковую» [9: 7]. То же самое относится и к депортированным.

Это означало, что репрессированным необходимо было создать условия проживания в новых местах, часто на голом месте, для всех членов семьи, среди которых были и грудные дети, и престарелые. В семейных устных историях содержится много деталей и подробностей организации самой ссылки и жизни на указанном им месте. Материалы многочисленных интервью участников принудительных выселений и переселений показывают, что и раскулаченные крестьяне и депортированные немцы, калмыки и другие народы выселялись без средств к существованию.

Реконструкция условий водворения обращает к еще одной исторической проблеме – роли традиционной культуры, ее адаптационных свойств и актуализации народных знаний, умений, навыков по обеспечению жильем, посудой, одеждой, постельными принадлежностями, продуктами питания, лекарствами и другим необходимым для всех членов семьи в экстремальных условиях. Антропология репрессированной части общества – это мобилизация народного опыта, актуализация традиционной системы жизнеобеспечения и адаптационные возможности традиционной культуры. Система выживания насильственно выселенных крестьян на новых территориях решала такие проблемы, как обустройство в местах ссылки или депортации из сподручных средств, обеспечение питанием за счет традиционного собирательства, одеждой за счет домашнего ремесла, использование народной медицины, обращение к знахарству и т.д. В этом отношении можно говорить о своеобразном Ренессансе традиционной культуры и прежде всего, культуры жизнеобеспечения. Экстремальные условия жизни репрессированного сообщества, поставившие его в условия выживания, актуализировали традиционные навыки и умения крестьянской культуры. Были востребованы и традиции строительства жилища из дерна, глины, камыша и т.д. – землянухи, пластянки, топтонухи, литухи, пле-

тенки, саманухи и т.д. Актуализировались и знания народной медицины, и знания съедобных дикорастущих растений. Оказалось востребованным домашнее ткачество и рукоделие. Проблема адаптационных свойств традиционной крестьянской культуры является важной и в истории колхозного крестьянства, чья жизнь в условиях перманентной нищеты колхозно-кооперативного сектора практически всегда зависела от народного опыта и традиционной системы жизнеобеспечения. Особенно в годы Великой отечественной войны, когда и среди репрессированной, и среди не репрессированной части советского общества, особенно колхозного крестьянства главным в организации жизни семьи стала традиционная культура и системы жизнеобеспечения.

Обеспечение жильем и питанием являлось первой необходимостью в первоначальный период высылки на новое место. В этом отношении между депортированными народами, с одной стороны, и раскулаченными или репрессированными крестьянами Алтайского края, с другой стороны, существовали и сходство, и определенная разница.

Для раскулаченных и сосланных на север крестьян Алтая первыми жилищами были балаганы, шалаши, палатки, в прямом смысле сооружали «крышу над головой» из чего было. С.С. Нечаева, из раскулаченной казачьей семьи с. Верх-Алейки (Третьяковский район) рассказывала: «Везли нас на бричках и держали в каком-то сарае. Набитый был. Долго держали. А потом на моторках (баржи таскали) повезли в Новосибирск. Там 4 баржи стояли. Нас туда стюрили. Повезли и поселили на острова. А рядом была Парабель (Нарымский край). Сгрузили и жили на р. Томи в Пристанном поселке. Жили прямо под палатками (под тканными плотными полотнами). А народу было! А палаток! Оправиться негде было. А мерли-то! Каждый день несли». И.А.Медведев (1912 г.р.) из с. Усть-Калманка рассказывал: «Всю семью... В Алейском в поезд посадили, до Томска в поезде мы... Из Томска - на баржу. Баржу большую подогнали, поезд подошел и всех на баржу посадили, пароход забуксовал и повез. Это увезли нас, где Колпашево, а от Колпашева - это Обь. Там они соединяются Обь и Кеть и все это. И мы плыли вверх по течению Кети, нас завезли

туда, там уже пароход дальше не пошел, да, в самый тупик. Высадили там, бор, лес, туды-сюды... Вообще ниче... Бор, лес и все. Вот эти палаточки, как знаешь, раньше жили. На сенокос поехал, палатку как цыган растянул, самотканую палаточку. Вот мать взяла ее туды, и мы под ей жили все лето. Так вот я трех сестер там похоронил, трое нас, осталось»».

Для депортированных немцев из Поволжья на Алтай и Казахстан условия были другие. Как известно, формально партийно-правительственные распоряжения для создания условий переселенцам были сделаны. В соответствии с постановлением СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 года: «с использованием подготовленного переселенческого фонда, всех пустующих строений в сельских местностях и путем уплотнения населения. При отсутствии жилого фонда и хозяйственных построек в местах расселения произвести строительство домов силами переселяемых» [8: 233]. Подготовкой к приему переселенцев должны были заниматься руководители соответствующих краев и областей Сибири и Казахстана, но при ускоренных темпах власти не успевали создавать элементарные условия для жизни переселенных. Были использованы все пустующие помещения. К ним относились бараки, конторы, опустевшие по разным причинам жилые помещения: разместили «туда, у кого ... дома свободные были. Толи заставили людей, чтоб они освободили... По квартирам, у кого свободные комнаты были. Школы были. Вот старые школы в Савиново, туда нас выселяли» (М.Е. Йорк, с. Новая Чемровка) Некоторые информаторы (С.Д. Фликов, с. Сростки) говорят, что эти пустующие дома принадлежали раскулаченным: «...им давали кулацкие дома», «колхоз квартиры дал, где ... дома пустовали» (А.Г. Черникова, 1928 г.р., Зональный район) [4: 359].

Часть депортированных расселяли в нежилом фонде – садиках, яслях, школах. По воспоминаниям, семью А.К. Штарк (1937 г.р., с. Велижанка, Панкрушихинский район) разместили «дом был там, или контора была, или что не знаю. Туда поселили 6 семей». В Луговском (Зональный район) немцев поселили в яслях: «свалили нас в яслях в одну кучу. Прямо свалили как пни. Негде было. Прямо в яслях детей кормили. Исть хотим. А кто

нам что даст. Приходилось шибко трудно» (Мирный Зональный р-н Русскова Э.Ф., 1933 г.р.). В Восходе все депортированные немцы жили в бараках. Устные источники показывают, что были случаи размещения и в хозяйственных помещениях. Так, семья А.А. Цаберт (Маслова; с. Кривое, Панкрушихинский район) первую зиму жила в соломенном сарае вместе с коровой. Одним из путей обеспечения жильем было «уплотнение» семей местных жителей и вселение к ним депортантов. Семью Л.В. Любецкой в Новой Чемровке подселили к русской семье: «Мама жила с двумя детьми у Амалии Михайловны... Люди делились и кровом..., и едой» (Любецкая Л.В., 1950 г.р., п. Мирный). Старожил с. Сростки вспоминал: «Я домой прихожу. А у нас семеро ребятишек, да их двое. У нас жили на квартире года два, они в одной комнате, мы в другой... Их привезли и всё... Нас и дома никого не было... их привезли. Сгрузили и сказали, пусть они здесь живут...» (Новоскольцев И.Г. 1925 г.р.) [4: 359]. М.Ф. Беккер говорила «Были семьи по 18-20 человек в одной комнате. Печка была, ни света, ничего, тогда не было. Вот в одном углу одна семья, в другом другая, в третьем – четвертая, еще одна семья на печке, одна между печкой и этой семьей. Вот мы жили 17 человек» [5: 159].

Лишь после адаптации на новом месте депортированные немцы начинали самостоятельно решать жилищную проблему. Как они сами об этом говорят: «По квартирам ходи, ни ходи, каждый себе хозяин, а мы под порогом. А потом выкопали себе землянку...» (М.Е.Крафт, 1927 г.р., с. Калмыцкие Мысы, Поспелихинский район). Та же М.Ф. Беккер (1938 г.р.) рассказывала: «Потом жили в землянке, такая маленькая землянка была, такое маленькое окошечко, такая комната» Жители с. Велижанка, Панкрушихинского район рассказывают, в селе землянки стали появляться на краю, в концах улиц, их строили немцы. В с.Сростки (Бийский район) немцы «селились, у кого не было жилья, около Пикета [гора-увал около села], с той стороны - копали себе землянки, они долго жили там в землянках...» (И.Г. Новоскольцев). В Соколово (Бийский район) депортированные калмыки проживали по правой стороне реки Уткуль. Этот район местные жители до сих пор называют «Шанхаем». Причинами такого названия

служила не только расовое сходство калмыков, но жилищные традиции – строили сообща индивидуальные и коллективные землянки- бараки: «Они у нас калмыки жили за речкой – «Шанхай». Дома были очень низенькими. И они строили бараками» (Е.И. Симонова, 1917 г.р). На Алтае во многих селах зафиксирована память о подобных деревенских «краях», везде именуемых одинаково – «Шанхай».

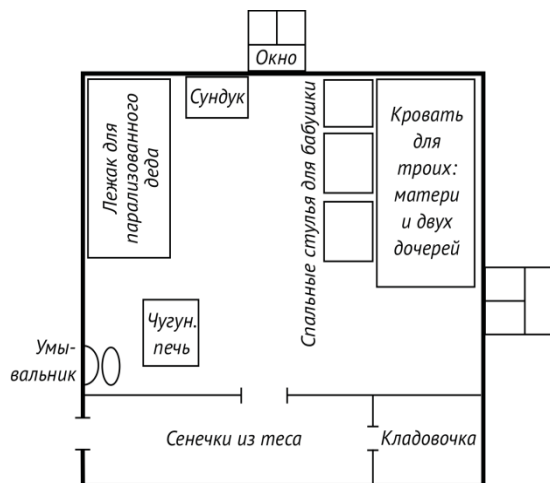
Второе отличие между раскулаченными крестьянами и депортированными народами состояло в том, что местами депортации основной части репрессированного населения были более благоприятные для проживания территории Западной Сибири – Алтайский край и Омская область, а также степная часть Новосибирской области и Северный Казахстан. Зоной высылки раскулаченных крестьян, наоборот, служили северные таежные заболоченные территории, мало пригодные для проживания и крестьянского труда. Это соответственно закрепило степную традицию жилищного строительства на юге Западной Сибири и Казахстана, даже среди той части депортированных, которые не владели ею. И у раскулаченных сибиряков - традиции срубного строительства. В суровых природных условиях с долгой морозной зимой, коротким сырым летом, наполненным гнусом, для раскулаченных крестьян важным было устройство достаточно теплого и прочного жилья. С одной стороны, для этого достаточно было вокруг леса в тайге, с другой стороны, и человеческие ресурсы, и технические у раскулаченных семей были ограничены. Вместе с тем, устные источники показывают, что раскулаченные крестьяне стремились в местах ссылки к срубному жилищу. Это вело к актуализации традиционных умений и навыков. Государство устранилось от решения проблем обеспечения жильем раскулаченных и депортированных.

Самым распространенным являлась «изба», «избушка» «избушонка». А вот ее варианты определялись строительным материалом. И они отличались у депортированных на юг Западной Сибири и Казахстан и у раскулаченных, высланных в таежные и заболоченные северные территории Сибири.

Лучшим, по словам раскулаченных, была деревянная изба.

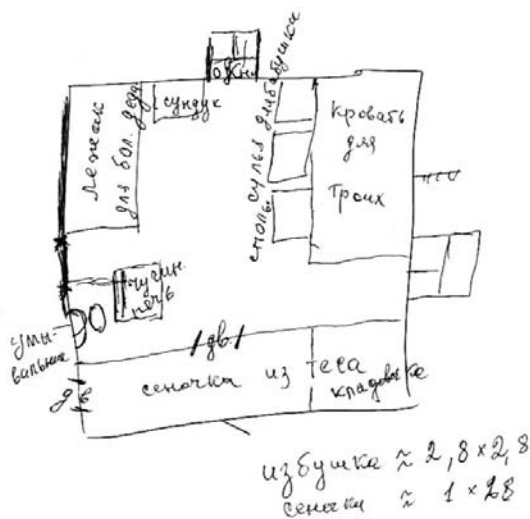
И если не сразу, то рано или поздно старались выстроить срубные избы, которые имели небольшие размеры с маленькими окошками и печурками. Раскулаченные в местах ссылки старались рубить избы. В отличие от депортированных, как показывают устные свидетельства, проблем с лесом не было. Как правило, их высаживали из барж на берега (отправляли «на сивера» по рекам, с юга на север) прямо в тайгу. М.Ф. Хорошева (1924 г.р., Бураново, Тогул): «Деда сослали в Нарым с детьми (2 сына и 2 дочери). Дед работников не держал. Держал лошадей, коров. Дед плотник. А деда отправили зимой. Отправляли в Колпашевский район. Отправляли ночью всю семью. Отправляли на лошадях. Там корчевали лес и строили дома».

Проблема была с плотницкими инструментами - от топора, молотка до гвоздей. Вот как говорит о срубной избышке своего деда в Кривляке Туруханский район (позже Ярцевский) Красноярского края (Рис. 1), где они жили с мамой У.А. Успенской, Л.А.Соколова: «Как он ее срубил? Даже топора из дома не взяли. С узелками... Дед - Андрей Гаврилович Нескоромных, бабушка - Евдокия Акимовна с детьми – моей матерью Устиньей Андреевной и младшим сыном ... Выслали из Петровки под Славгородом... 15 детей было. Какие кулаки? Дом саманный имели, глиной помазан и пол, и потолок, и на чердаке.. И раскулачили... Как он лес рубил? В-о-о-о-от такие бревна были... Как он их закатывал. Один ведь. Потому и парализовало. Семь лет пролежал... Всю войну. Помер уже в 45-м. Вши заедали. Все просил нас с сестрой Верой чтобы побили вшей... А у него их!? И платяные, и нательные... А в ширинке?! Ой-ёёёй! Жирные торчат... Как он бедный терпел... Под ним маленький матрасик, махонький был. Он нас все уговаривал бить вшей... А нам надоедало. «Помру, Вам матрасик оставлю. Только вшей побейте...».

Избушка $\approx 2,8 \times 2,8$

Сенки $\approx 1 \times 1,8$

избушка $\approx 2,8 \times 2,8$
сенки $\approx 1 \times 1,8$

Рисунок 1. Изба. Срублена раскулаченным Андреем Гавриловичем Нескоромных. Село Кривляк Туруханского (позже Ярцевского) района Красноярского края. Рисунок внучки Л.А. Соколовой (1935 г.р.). г. Барнаул.

Чтобы осилить эту работу, раскулаченные объединялись и совместными силами строили большие землянки с углублением в землю. В таких помещениях земляные стены обкладывали бревнами. Вот как рассказывала о таком жилище в Нарымском крае С.С.Нечаева: «стали бараки строить: выкопаем метра два, рубим сосняк и обкладываем, а потом крышу из бревен сверху, и землей засыпали. Потом лес корчевали (под огороды и посевики), лопатами вскопаем и сеяли весь май. Копали лопатой - все руки сбивали».

Такие земляные жилища с углублением в землю были наиболее теплые, уходило меньше топлива для обогрева, меньше леса на строительство и другие преимущества в условиях ограниченных возможностей. Многих раскулаченных привозили в места ссылки к зиме. Так было и с депортированными немцами, которых депортировали в августе 1941 года. В суровых условиях севера именно землянка в ее классическом стиле с углублением в землю оказалась наиболее доступным, быстрым, требующим меньших сил и затрат жилищем. Для земляного дома во всех его вариантах было характерно углубление в землю со ступенями не снизу вверх, а сверху вниз. О «землянушке» своей мамы рассказала Л.А.Соколова (1935 г.р.). У.А.Успенская была сослана со своим отцом и мамой в Красноярский край, где в 1932 г. вышла замуж, а в 1949 году, получив разрешение, вернулась из с. Кривляк Красноярского края на Алтай (ст. Озерки Тальменский район) с двумя дочерьми и выжившей в ссылке матери Е.А. Нескоромных (1863 г.р.). Эта семья из четырех женщин жила в землянушке: «с улицы прямо земляные ступени вниз, на них брошены сосновые колья, чтобы не обваливались..... Махонькая комнатуха. Слева – печка. Между печкой и стенкой доска уложена, там спала бабушка. Она была маленькая и сухонькая... Как она только там умещалась?! Садилась на выходящий конец доски... и прямо падала туда, спиной на доску..., за печку... А мы с мамой спали на кровати. Прямо справа от двери кровать стояла. Спали у нее в ногах... Иногда табуреты подставляли к кровати, и, тогда, бабушка спала с нами, на табуретах... Окошко маленькое по земле и махонький столик около него... Вот и все...».

«Землянка» наиболее часто встречаемое в материалах интервью раскулаченных и депортированных название жилища. Однако, под этим понятием скрывается земляное жилье в разных его вариантах. Отсюда и разные названия «землянка» «землянуха» «дерновый» «из дерна» «завалюшка», «пластянушка» и другие. Именно в широком распространении этого архаичного типа проявляются адаптационные свойства традиционной культуры, мобилизация народных умений в экстремальных условиях. Разные способы строительства земляного дома были хорошо известны крестьянам, широко апробировались в жилой среде в период массовых крестьянских переселений второй половины XIX века.

В строительстве земляного жилища по рассказам разных групп репрессированных выявлена определенная разница, обусловленная как природно-климатическими условиями, так и разными этнокультурными традициями апробированными в местах выхода. Так, раскулаченные сибирские крестьяне почти не дополняли срубное строительство глиной и соломой, что было характерно для большинства депортированных – немцев, украинцев, болгар и т.д. Немцы в с. Калмыцкие Мысы (Поспелихинский район) «выкопали себе землянку, вымазали и так мы жили». (М.Е. Крафт, 1927 г.р.,) Это подтверждают и многочисленные свидетельства старожилов алтайской деревни, связывающих традиции штукатурки и побелки с депортированными: «Я-то в войну немку наняла, та мне оштукатурила», или «штукатурила в войну какая-то хохлушка, а потом сами научились».

Именно у депортированных встречаются наибольшее количество наименований землянок, что отражало широкий спектр мест выхода разных категорий репрессированных и их этнокультурных традиций по использованию подручных средств, заменяющих срубный материал – глина, солома, навоз, песок, чаша, валежник, дерн. Для депортированной семьи Э.Ф. Руссковой «на лето мы себе землянки повыкапывали. Мама накладет прутьев сверху на палочку (аналог матки). А сверху она их закапывала землей.... Мы не белили, а гавном помажем пол, чтобы пыли не было и стены тоже... Жили как попало... Да щас скотина лучше живет...».

Все многообразие жилища можно классифицировать по строительному материалу, по технологии, по типу. По строительному материалу «земляные» (землянка, пластанка), глиняные (мазанка, саманник, литуха), камышитовые (каркас из камыша). По технологии среди земляных жилищ описывались «копанки» – жилища с углублением в землю и стенами обложенными кольями и «дерновые» – тоже углублялись, а над землей стены формировались пластами дерна. Последнее жилище часто называли «пластанки»: «Построили одну пластинушку [от слова «пласт» – слой земли с травой, использовался для сооружения стен] 1,5 метра в землю и сверху дерном». (Цаберт К.А., 1935 г.р., с. Кривое, Панкрушихинский район). Вспоминают, что практически каждую весну приходилось переделывать землянки, так как жилье подвергалось подтоплению талыми водами.

Из глиняных жилищ в степной степных депортированные часто прибегали к строительству саманных домов – «саманник», «самануха». «У тетки жили, пока у нас картошка была, потом она нас выгнала. Братья нашли какую-то саманушку и вместе с коровой, зиму жили» (Бендер Берта Генриховна, 1924 г.р., с. Хлебобороб, Пospелихинский район). При этом в годы депортации саманный дом, прежде всего, был доступен, тем, что позволял обойтись без деревянного стройматериала. Как известно, в годы войны существовала огромный дефицит дерева, в т.ч. топлива (по воспоминаниям – солома, сосновые шишки, сушняк, валежник, осенний сухостой – засохшая осенью полынь, репей, борщевник, который можно было собирать всю зиму и т.д.). Именно в это время были сожжены и многие крупногабаритные деревянные орудия труда домашнего ремесла – льняные мялки, кросны, козлы и т.п. Даже встречаются рассказы о спиливании выступающих при складывании срубов «в обло» или «в угол» концов бревен сруба избы. А при других технологиях глиняного строительства – литья стен, валькования или каркасного строительства нужны были доски для формовки стен. Их, по воспоминаниям, берегли в каждой деревне и передавали из рук и руки при строительстве. Поэтому каркасные дома с технологией литья и плетения в 1930-1940-х гг. депортированными не использовались. Они получили распро-

странение уже в послевоенной алтайской деревне.

Для местных жителей, особенно лесостепного и горно-таежного Алтая саманные дома ассоциировались с этническими депортированными, тогда как у сибиряков в таких экстремальных условиях преобладали землянки. Так, Т.А. Чепурных распространение саманного строительства в Зональном районе связывала с армянами: «ну их почему-то на ту сторону вывезли, они там строились. Они делали дома сами. Ямы выкапывали, туда солому, глину топтали. Саманные дома. А русские землянки копали». М.Д. Кожемякин (1932 г.р.) так и говорит: «Армяне это вздумали такое строительство (саманное). И настоящее строительство. Саман делали из соломы и глины. С обеих сторон обмажут, выбелят» [4: 366].

Однако еще в период массовых крестьянских переселений во второй половине XIX – начале XX-го века, как показывают источники, саманное строительство использовалось переселенцами. Более того, российским правительством оно было отнесено к «здоровому» жилищу и рекомендовано для домообзаведения, но на второе место по качеству, после срубного. Правда, необходимо заметить, что чиновники по крестьянским делам жаловались на нехватку мастеров саманного строительства в крестьянской среде. Преобладали же в первоначальный период обустройства землянки, пластанки, мазанки [10].

Технологические особенности между этими типами избы, как однокамерного жилища, отражаются в лексике. Общим термином для землянок было «копать» зямлянку: «Привезли в степь (Казахстан), песок горячий, жара... как свиней. И сами себе землянки копали...» (А.Б. Мейлер, 1929 г.р., с. Зятьково, Панкрушихинский район) В отличие от других типов традиционного жилья - «лить» избу (хату) в каркасном строительстве; «строить» избу (хату) – из самана. Сами рассказчики не вникают в эти различия, в их рассказах путаются технологии и типы домов. К.П. Геер (Зональный р-н) рассказывал: «Сначала делали саман. Делали землянки, жить стали за лесом...».

Таким образом, репрессированные сибирские крестьяне в экстремальных условиях высылки предпочитали «земляное

жилище» в виде землянок и дернового дома. В лексике старожилов они редко разграничиваются, хотя встречаются понятия «землянка», «дернуха». Но рассматривали его как временный вариант в силу разных причин, в частности, его непрочности. Не имея прочной связки в виде глиняного раствора, дерновый дом быстрее приходил в негодность. Связкой земляного жилища старожилов выступали чаша, шпунты, шахматный способ укладки пластов дерна.

Депортированные широко использовали глину, как основной строительный материал и глиняный раствор для связки нестроевого материала (в т.ч. дерн, камыш, солому и т.д.). Определенную роль сыграли этнокультурные традиции. Среди депортированных много было выходцев с Кавказа, Поволжья, степного юга России, где глинобитные традиции были широко распространены, также как каркасное строительство, в т.ч. плетенное. Среди них немцы, украинцы, калмыки. Уже в конце и после войны их ряды пополнили молдаване, гагаузы, крымские татары. Так в поселке Восход, по свидетельству В.Н. Шлейник (Садовый, Третьяковский район), «Народу было...! В каждой землянке жили. И высланные здесь. С Украины все были здесь. Ой! К нам привозили и японцев. И тюряг привозили. Вот тут был коровник, построенный, и они жили тут. И японцы были, и калмыки были, и потом, евреи были, поляки были. Тут много было людей».

Таким образом, во-первых, устные исторические источники показывают высокий потенциал народной культуры. В экстремальных условиях были востребованы традиции малокамерного жилья – избы состоявшей из одной жилой комнаты с печью. Для устройства жилья использовались доступные материалы с опорой на традицию: в таежной зоне раскулаченными в 1930-е годы в суровых условиях севере Томской области и Красноярского края массово был востребован опыт срубного строительства. На юге Западной Сибири и в период раскулачивания и в период прибытия депортированных широко использовался архаичный тип земляного жилища, а депортированными разные способы глинобитных технологий. И, во-вторых, проведенные полевые исследо-

вания показывают безграничные возможности устной истории в изучении повседневности советского общества в разные периоды жизни. И от исследователя зависит акцентуация на тех или иных проблемах реконструкции повседневной жизни. При составлении устноисторических программ или проектов по истории повседневности репрессированного населения в 1930-1940-е гг., сельского населения в военное время, колхозного и совхозного быта, в том числе на центральной усадьбе, в отделениях, на бригадах включать вопросы по системе культуры жизнеобеспечения, включающую наряду с жилищем, питание и одежду.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Щеглова Т.К. Методика сбора устных исторических источников: [методическое пособие]. Вып. 2; Барнаульский государственный педагогический университет; [отв. ред. М.А. Демин]. - Изд. 3-е, испр. - Барнаул, 2006. - 22 с. - (Этнография и устная история)
2. Историческое и культурное наследие алтайской деревни: материалы для полевых исследований по этнографии и устной истории: [методическое пособие] / Отв. ред. Т.К. Щеглова. Вып.1. Изд. 3-е, испр. - Барнаул, 2006. - 107 с. - (Этнография и устная история)
3. Щеглова Т.К. Устная история: Учебное пособие для студентов вузов – Барнаул: Алтайская государственная педагогическая академия, 2011. – 364 с.
4. Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история: Монография. - Барнаул: БГПУ, 2008. – 527 с.
5. Алтайская деревня в рассказах ее жителей [текст] / Под науч. ред. Щегловой Т.К., Дмитриевой Л.М.; под ред. Вигандт Л.А. – Барнаул: Алт.дом печати, 2012.
6. Программа «Города и села Алтайского края: историко-культурное наследие»: результаты и перспективы / Т.К. Щеглова // III научные чтения памяти Ю. С. Булыгина, 14 декабря 2004 г.: [сборник научных трудов]/Алтайский государственный университет, Управление архивного дела администрации Алтайского края; [под ред. Ю.М. Гончарова, В.Н. Владимирова]. - Барнаул,

2005. - С. 40-47.

7. Deportation of nations and repression in Altai: program of the Laboratory of historical study of local lore in the Barnaul state pedagogical university / M. A. Demin, T.K. Shcheglova // Museology - an Instrument for Unity and Diversity?: International Symposium, organized by ICOFOM in cooperation with The International Movement «From Oppression to Democracy», The Krasnoyarsk Museum and Cultural Center, The Altai State Institute of Arts and Culture, Krasnoyarsk, Belokurikha and Barnaul, Russian Federation, September, 6-13, 2003 / editorial work: Hildegard K. Vieregk [et al]. - Munchen, 2004. - P. 230

8. Устная история (Oral History): теория и практика : материалы всероссийского научного семинара (Барнаул, 25-26 сентября 2006 г.) / Барнаульский государственный педагогический университет, Лаборатория исторического краеведения [сост. и науч. ред. Т.К. Щеглова]. - Барнаул, 2007

9. Рогинский А., Даниэль А. «Аресту подлежат жены// Узницы «Алжира». М., 2003

10. ГАТО. Ф.3. Оп.36. Д. 3773.

Список авторов:

Абсеметов Марат Оралбаевич – Генеральный директор Национального Архива Республики Казахстан, г. Астана, e-mail: nationalarchiv_kz@mail.ru

Аубакиров Алдияр Акылбекович - директор КГУ «Государственный архив» управления культуры, архивов и документации Восточно-Казахстанской области, г. Усть-Каменогорск, e-mail: arhiv@ukg.kz.

Аманжолова Дина Ахметжановна - доктор исторических наук, профессор, член-корр. РАН, ВНС Института российской истории РАН, г. Москва, e-mail: amanzholova19@mail.ru

Аблазжей Наталья Николаевна - доктор исторических наук, СНС Института истории СО РАН, г. Новосибирск, e-mail: ablazhey@academ.org.

Абдрахманова Кымбат Казалиевна - кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнологии и Отечественной истории Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова, г. Караганда, e-mail: kimbat_abd@mail.ru.

Айсанов Боранбай Кувайдильдинович – директор КГУ «Государственный архив» Карагандинской области по научно-технической документации» Управления культуры, архивов и документации Карагандинской области, г. Караганда, e-mail: karaganda_ntd@mail.ru.

Арипова Шолпан Тайыровна – директор ГУ «Государственный архив» Мангистауской области Управления архивов и документации Мангистауской области, г. Ақтау, e-mail: tairovna.sholpan@mail.ru

Аупенова Алия Укужановна - преподаватель истории и общественно-политических дисциплин Карагандинского политехнического колледжа, г. Караганда, e-mail: aliya.aupenova@mail.ru

Аманбекова Нургуль Даировна - магистр истории Семипалатинского государственного университета им. Шакарима, г. Семей, e-mail: nurg.1975@mail.ru

Билан Сергей Алексеевич - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Национального уни-

верситета биоресурсов и природопользования Украины, г. Киев, e-mail: bilanso@bigmir.net.

Булгакова Оксана Владимировна - младший научный сотрудник отдела истории Украины второй половины XX столетия Института истории Украины НАН Украины, г. Киев, e-mail: hbulgakovao@ukr.net

Бекназаров Рахым Агибаевич - доктор исторических наук, доцент, проректор по учебной и учебно-методической работе Актыбинского регионального государственного университета им. К. Жубанова, г. Актобе, e-mail: adep_s68@mail.ru

Беркун Ольга Евгеньевна - начальник отдела использования, публикации документов и НСА КГУ «Государственный архив Карагандинской области» Управления культуры, архивов и документации, г. Караганда, e-mail: olga_berkun@mail.ru

Борлыкова Босха Халгаевна - кандидат филологических наук, доцент, научный сотрудник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН; г. Элиста, e-mail: borlboskha@mail.ru

Будзанивская Наталия Владимировна - младший научный сотрудник отдела истории академической науки Института архивоведения Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского, г. Киев, e-mail: Bulgakova.Natalie@gmail.com

Васильева Ольга Арнольдовна - кандидат политических наук, доцент, зам. директора по НИР Современной Гуманитарной Академии Волгоградский филиал, г. Волгоград, e-mail: negretenok2010@yandex.ru.

Грибанова Елена Михайловна - кандидат исторических наук, руководитель Управления научной публикации документов Архива Президента Республики Казахстан, г. Алматы, e-mail: arg-publish@mail.ru

Ершов Михаил Федорович - кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом истории, этнологии и археологии БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок», г. Ханты-Мансийск, e-mail: mfershov@mail.ru.

Ефремова-Шершукова Надежда Александровна - кандидат исторических наук, доцент, начальник Центра общественного

доступа к информационным ресурсам Академии ВЭГУ, г. Томск, e-mail: shna16@mail.ru.

Жанбосинова Альбина Советовна - доктор исторических наук, профессор кафедры истории Казахстана ВКГУ им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, e-mail: sovetuk@rambler.ru

Жидченко Александр Владимирович - заместитель директора БУК «Омский музей просвещения», г. Омск, e-mail: Zhidchenko220689@yandex.ru.

Жириндинова Куралай Рымхановна - магистр истории, старший преподаватель кафедры истории Казахстана ВКГУ им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, e-mail: kuralaikura@mail.ru

Красильников Сергей Александрович - доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск, e-mail: Krass49@gmail.com.

Капаева Айжан Токановна - доктор исторических наук, профессор кафедры «Общеобразовательные дисциплины» Международной Академии Бизнеса г. Алматы, e-mail: a.karayeveva@iab.kz

Кабирова Айсулу Шарипзяновна - доктор исторических наук, доцент, СНС Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, г. Казань, e-mail: aikabirova@mail.ru.

Комиссарова Ирина Анатольевна - кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории, заместитель декана исторического факультета ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет», РФ, г. Иваново, e-mail: Komissarova-ia@rambler.ru

Красовицкая Тамара Юсуфовна – доктор исторических наук, ГНС Института российской истории РАН, г. Москва, e-mail: tkrasovitskaya@mail.ru.

Каражан Куаныш Сулейменович - доктор исторических наук, профессор кафедры истории Казахстана КазНУ им. аль-Фараби, г. Алматы, e-mail: ako-79@mail.ru.

Қадырова Лаура Қабдылғазықызы - КММ Қазіргі заман тарихын құжаттандыру орталығы ҒАА құжаттарды пайдалану бөлімінің меңгерушісі, Семей қ., e-mail: Zdnivko-Semey@rambler.ru.

Казбекова Айнур Татимбековна – магистр истории, старший преподаватель кафедры истории Казахстана ВКГУ им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, e-mail: akasbekova2008@mail.ru

Кудайбергенова Айжамал Ибрагимовна - доктор исторических наук, доцент, ГНС, заведующая отдела проблем народонаселения и исторической персоналистики, Института истории и этнологии им. Ч. Валиханова, г. Алматы, e-mail: akudaybergen@mail.ru

Москаленская Дарья Николаевна - аспирант 2 курса Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск, , e-mail: darmosk@mail.ru.

Молодов Олег Борисович - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономического развития территорий РАН (ИСЭРТ РАН), РФ, г. Вологда, e-mail: o_young8172@mail.ru.

Мухаметжанова Нургуль Ахметжановна – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории Казахстана Семипалатинского государственного университета им. Шакарима, г. Семей, e-mail: nurgul.1975@mail.ru

Макажанова Каншайым Галимжановна – директор Государственного архива Павлодарской области, г. Павлодар, e-mail: gosarchiv2011@mail.ru.

Омакаева Элара Уляевна - кандидат филологических наук, доцент, заведующий отделом языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, г. Элиста, e-mail: elomakaeva@mail.ru.

Психомахова Аминат Рашидовна - кандидат исторических наук, ГБОУ преподаватель СПО Медицинского колледжа № 4 Департамента здравоохранения, г. Москва, e-mail: amina@lianet.ru.

Рифель Любовь Павловна - руководитель отдела НСА, публикаций и научного использования документов КГУ «Государственный Архив» Управления культуры, архивов и документации Восточно-Казахстанской области, г. Усть-Каменогорск, e-mail: arhiv@ukg.kz.

Рысбекова Салтанат Туякбаевна - доктор исторических наук, доцент Казахского Национального университета им. аль-Фараби, г. Алматы, e-mail: saltanat.rysbekova@mail.ru.

Смагулова Светлана Одеповна - доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института истории и этнологии им. Ч. Валиханова, г. Алматы, e-mail: adep_s68@mail.ru

Салонен Айкен - Лоймаа каласынын музей кызметкери билим жогары, Финляндия, г. Лоймаа, e-mail: aiken54@hotmail.com

Тепляков Алексей Георгиевич - кандидат исторических наук, ст. преподаватель кафедры истории и политологии НГУЭУ, г. Новосибирск, e-mail: teplyakov-alexey@rambler.ru.

Тлеубергенева Сауле Имамадиевна - Зыряновский филиал КГУ «Государственный архив» Управления культуры, архивов и документации Восточно-Казахстанской области, г. Зыряновск, e-mail: saule.57@mail.ru.

Халидуллин Гизатулл Хаймолдаевич - доктор исторических наук, профессор Казахского Национального педагогического университета им. Абая, г. Алматы, e-mail: kizatulla@mail.ru.

Хисамутдинова Равиля Рахимьяновна - доктор исторических наук, профессор, зав. кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания Оренбургского государственного педагогического университета, г. Оренбург, e-mail: hisamutdinova@mail.ru.

Ханипова Ильнара Ильдусовна - кандидат исторических наук, доцент, СНС отдела новой и новейшей истории Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, г. Казань, e-mail: ihanipova@mail.ru.

Щеглова Татьяна Кирилловна – доктор исторических наук, профессор Алтайской государственной педагогической академии, г. Барнаул, e-mail: tk_altai@mail.ru.

Қазақстан Республикасы мәдениет Министрлігі
Шығыс Қазақстан облысының мәдениет, мұрағаттар және құжаттама басқармасы
Шығыс Қазақстан облысы мәдениет, мұрағаттар және құжаттама басқармасының
«Мемлекеттік мұрағаты» КММ

Қазақстан Республикасы Білім және Ғылым Министрлігі
С. Аманжолов атындағы Шығыс Қазақстан мемлекеттік университеті

«ҰМЫТЫЛМАС ҮШІН БІЛУ: XX ғасырдың
20-50і жылдардың басындағы ТОТАЛИТАРЛЫҚ БІЛІК ЖӘНЕ ХАЛЫҚ»
Халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференциясы
30-31 мамыр 2014 жыл

Материалы международной научно-практической конференции
«ЗНАТЬ, ЧТОБЫ НЕ ЗАБЫТЬ: ТОТАЛИТАРНАЯ ВЛАСТЬ И НАРОД
в 20 - начале 50-х годов XX века»
30-31 мая 2014 года

Министерство культуры Республики Казахстан
Управление культуры, архивов и документации Восточно-Казахстанской области
КГУ «Государственный архив» управления культуры, архивов и документации
Восточно-Казахстанской Области

Министерство образования и науки Республики Казахстан Восточно-Казахстанский
государственный университет им. С. Аманжолова

Ответственный за выпуск: А.Ф. Алексеев
Редактор: В.П. Алексеева
Дизайн обложки: А.А. Набокина
Верстка: А.А. Набокина

Подписано в печать 21.05.2014 г. Формат 60*84/16 Усл. -печ. 36,3
Усл.-изд. л. 40,0 Тираж 500 Заказ 205 Цена договорная

Издательство «Медиа-Альянс»
070005, г. Усть-Каменогорск, пр. Абая, 181/3

Отпечатано в типографии ТОО «Медиа-Альянс»